UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301392 7

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by

ESTATE OF THE LATE

JOHN B. C. WATKINS

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. А. ГОНЧАРОВА.

Съ портретомъ автора, гравированнымъ академикомъ И. П. Пожалостинымъ и факсимиле.

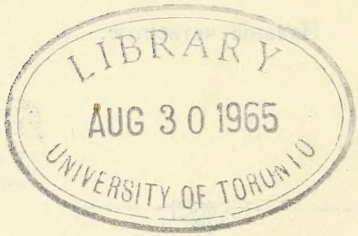
ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Изданіе четвертое.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ГЛАЗУНОВА.
1912.

Собственность Глазунова.

PG
3337
G6
1912
t. 7



1003990

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ФЕЛЛЕР
ДЕДАЛ

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОГО ТОМА.

I.

СТР.

Русскіе въ Японіи.

Входъ на Нагасакскій рейдъ. — Первые визиты японцевъ. — Видъ рейда и города. — Батареи; деревни. — Переводчики и баніосы. — Караульныя лодки и гребцы. — Передача письма къ губернатору. — Ежедневныя сношенія съ японцами. — Доставка провизіи. — Визитъ голландцевъ изъ факторіи. — Буря. — Новый переводчикъ. — Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ. — Губернаторскіе секретари.—Торжественный поѣздъ въ Нагасаки. — Пристань и носилки. — Японскіе солдаты. — Улица и дома? — Свиданіе съ губернаторомъ. — Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому. — Японское угощеніе. — Ожиданіе отвѣта изъ Едо. — Другой губернаторъ. — Еще переводчикъ. — Годовщина похода. — Спектакль на корветѣ «Оливуца». — Смерть Сіогуна. — Гроза. — Отвѣтъ изъ Едо. — Катанье на шлюпкахъ. — Паппенбергъ. — Крысій островъ. — Подарки.—Важное извѣстіе изъ Едо.—Отплытіе 1

II.

Шанхай.

Сѣдельные острова. — Рыбачья флотилія. — Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ. — Гуцлавъ. — Янсекіянъ. — Пожаръ. — Рѣка и мѣстечко Вусунъ. — Военныя джонки и европейскія суда. — Шанхай. — О чаѣ.—Простой народъ. — Таможня. — Американскій консулъ. — Рѣзная китайская работа. — Улицы и базары. — Лавки и продавцы. — Фрукты, зелень и дичь. — Харчевни. — Европейскіе магазины. — Буддійская часовня. — Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета. — Окрестности, поля, гулянье англичанъ. — Лагерь

стр.

и инсургенты. — Таутай Самква. — Осада города продавцами провизіи. — Обращеніе англичанъ съ китайцами. — Торговля опіумомъ. — Значеніе Шанхая. — Претендентъ на богдыханскій престолъ. — Успѣхи христіанства въ Китаѣ. — Фермы и земледѣльцы. — Китайскія похороны. — Возвращеніе на фрегатъ 106

III.

Русскіе въ Японіи.

Взаимные подарки. — Новыя лица. — Извѣстія о японскихъ полномочныхъ. — Условія свиданія съ ними.—Новый годъ. — Опять поѣздъ въ Нагасаки. — Салютъ. — Полномочные и оба губернатора. — Привѣтствія; обѣдъ; разговоры. — Междометія. — Посѣщеніе полномочными фрегата. — Встрѣча; обѣдъ.— Подарки. — Японскія сабли. — Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ. — Подарки отъ Сіогуна. — Письма отъ верховнаго совѣта. — Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій. — Японскій новый годъ. — Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ. 169

IV.

Ликейскіе острова.

Видъ берега. — Бо-Тсунгъ. — Базиль Галль. — Идиллія.— Дорога въ столицу. — Столица Чуди. — Каменныя работы. — Пейзажи. — Жители, дома и храмы. — Поля. — Королевскій замокъ. — Зависимость острововъ. — Протестантскій миссіонеръ. — Другая сторона идилліи. — Напа-Кіянъ. — Жилище миссіонера. — Напакіянскій губернаторъ. — Корабль съ китайскими эмигрантами. — Прогулки и отплытіе. 233

V.

Манилла.

ОТЪ ЛЮ-ЧУ ДО МАНИЛЛЫ.

Манильскій заливъ. — Островки *Корреджидоръ, Конь* и *Монахиня*. — Входъ на рейдъ. — Рѣка Пассигъ. — Улицы, лавки, отель. — Предмѣстье Бинондо и старый городъ. — Тагалы, китайцы, метисы и испанцы. — Окрестности. — Растительность. — Плантаціи. — Кальсадо. — Французскіе миссіонеры. — Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ.—Церкви Санта-

стр.

Крупь и Мигель. — Ученые солдаты. — Женщины. — Ящерицы въ домахъ. — Ванны. — Визиты къ испанцамъ. — Табачная фабрика. — Французскій епископъ. — Испанскій монастырь. — Соборъ. — Богомольцы и проповѣдники. — Пѣтушьи бои. — Породы деревьевъ. — Канатная фабрика. — Запасъ сигаръ. — Дамы на фрегатѣ. — Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*. — Красота природы. — Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ. 271

VI.

Отъ Маниллы до береговъ Сибири.

Качающаяся мачта. — Островъ Батанъ. — Padre и алькадъ. — Сулоанъ. — Островъ Камигуинъ, портъ Піо-квѣнто. — Красное дерево. — Птицы и насѣкомыя. — Бананы. — Драконъ, пожирающій утокъ. — Обѣдъ въ тропическомъ лѣсу. — Китъ. — Акула. — Островъ Гамильтонъ. — Камелій. — Корейцы. — Вѣсти изъ Шанхая. — Нагасаки. — Второй губернаторъ. — Подарки. — Провизія. — Острова Гото. — Берега Кореи; опись ихъ и повѣрка картъ. — Заливъ Лазарева. — Прогулки по берегу. — Сильные туманы. — Змѣя. — Сношенія съ жителями. — Непріятность. — Рѣка Тайманьга. — Историческая замѣтка о Кореѣ. — Татарскій проливъ. — Шквалъ. — Большой заливъ. — Жители. — Тунгузъ Аѳонька. — Гиляки. 346

VII.

Обратный путь черезъ Сибирь.

Плаваніе по Охотскому морю. — Китоловъ. — Петровское зимовье. — Аянскіе утесы и рейдъ. — Сборы въ путь. — Верховая ѣзда. — Восхожденіе на Джукджуръ. — Горы и болота. — Нелькань и рѣка Мая. — Якуты и русскіе поселенцы. — Опять верхомъ. — Лѣса и болота. — Юрты. — Телѣги 410

VIII.

Изъ Якутска.

Ураса. — Станціонный смотритель. — Ночлегъ на берегу Лены. — Перевозъ. — Якутскъ. — Сборы въ дорогу. — Мѣховое платье. — Русскіе миссіонеры. — Переводъ св. писанія на якутскій языкъ. — Якуты, тунгузы, карагаули, чукчи. — Чиновники, купцы. — Проводы. 458

стр.

IX.

До Иркутска.

Городъ Олекма. — Лена. — Станціи по ней. — Сорокъ градусовъ мороза.—Вино и щи въ кускахъ. — Юрты съ чувалами. — Лѣса. — Тунгузы. — Витима. — Киренскъ. — Лошади и ямщики 504

Черезъ двадцать лѣтъ 522

I.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

въ концѣ 1853 и въ началѣ 1854 годовъ.

Входъ на Нагасакскій рейдъ. — Первые визиты японцевъ. — Видъ рейда и города.—Батареи: деревни.—Переводчики и баніосы —Караульныя лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.—Ежедневныя сношенія съ японцами. — Доставка провизіи. — Визитъ голландцевъ изъ факторіи. — Буря. — Новый переводчикъ. — Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ.— Губернаторскіе секретари.—Торжественный поѣздъ въ Нагасаки.— Пристань и носилки.—Японскіе солдаты.—Улица и дома.—Свиданіе съ губернаторомъ. — Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому. — Японское угощеніе.—Ожиданіе отвѣта изъ Едо.— Другой губернаторъ. — Еще переводчикъ. — Годовщина похода. — Спектакль на корветѣ «Оливуца».—Смерть Сіогуна.—Гроза.—Отвѣтъ изъ Едо.—Катанье на шлюпкахъ.—Паппенбергъ.—Крысіи островъ.— Подарки.—Важное извѣстіе изъ Едо.—Отъѣздъ.

Нагасакскій рейдъ. Съ 10 августа 1853 года.

Отъ острововъ Бонинъ-Сима до Японіи—не путешествіе, а прогулка, особенно въ августѣ: это лучшее время года въ тѣхъ мѣстахъ. Небо и море спорятъ другъ съ другомъ, кто лучше, кто тише, кто синѣе, словомъ, кто болѣе понравится путешественнику. Мы въ пять дней прошли 850 миль. Наше судно, какъ старшее, давало сигналы другимъ тремъ, и одно изъ нихъ вело на буксирѣ. Таща

его на двухъ канатахъ, мы могли видѣться съ бывшими тамъ товарищами: иногда перемолвимъ и слово, написанное на большой доскѣ складными буквами.

9-го августа, при той же ясной, но, къ сожалѣнію, черезчуръ жаркой погодѣ, завидѣли мы тридесятое государство. Это были еще самые южные острова, крайніе предѣлы, только островки и скалы японскаго архипелага, носившіе европейскія и свои имена. Тутъ были Юлія, Клара, далѣе Якуносима, Номосима, Ивосима, потомъ пошли *саки:* Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. *Сима* значитъ островъ, *саки*—мысъ, или наоборотъ, не помню.

Вотъ достигается наконецъ цѣль десятимѣсячнаго плаванія, трудовъ. Вотъ этотъ запертой ларецъ, съ потеряннымъ ключемъ, страна, въ которую заглядывали, до сихъ поръ съ тщетными усиліями, склонить и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой, на знакомство. Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее, и внутренніе, произвольные законы своего муравейника противоставить и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ.

Долго ли такъ будетъ? говорили мы, лаская рукой 60-ти фунтовыя бомбовыя орудія. Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства: вѣдь въ географіи и статистикѣ мѣстъ, съ осѣдлымъ населеніемъ земного шара, почти только одинъ пробѣлъ и остается—Японія. Странная, занимательная пока своею неизвѣстностью земля, растянулась отъ 32 до 40 слишкомъ градусовъ широты, слѣдовательно съ одной стороны южнѣе Мадеры. Въ ней господствуетъ зной и морозы, растутъ пальма и сосна,

персикъ и клюква. Тамъ есть горы, равныя нашимъ высочайшимъ горамъ, горящіе пики, и въ горахъ—мы знаемъ уже—родится лучшая мѣдь въ свѣтѣ, но не знаемъ еще, нѣтъ ли тамъ лучшихъ алмазовъ, серебра, золота, топазовъ, и наконецъ что̀ дороже золота, лучшаго каменнаго угля, этого самаго дорогого минерала XIX-го столѣтія.

Мы завидѣли мысъ Номо, обозначающій входъ на нагасакскій рейдъ. Всѣ собрались на ютѣ, любуясь на зеленые, ярко обливаемые солнцемъ берега. Но здѣсь насъ не встрѣтили уже за нѣсколько миль лодки, съ фруктами, раковинами, обезьянами и попугаями, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, и особенно съ предложеніемъ *перевезти на берегъ:* напротивъ!

Мы входили, немного съ стѣсненнымъ сердцемъ, по крайней мѣрѣ я, съ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ входятъ въ тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями.

Но это что̀ несется мимо насъ по водѣ: какая-то маленькая, разукрашенная разноцвѣтными флюгарками шлюпка-игрушка? „Это у нихъ религіозный обрядъ", сказалъ одинъ изъ насъ. „Нѣтъ", перебилъ другой: „это просто суевѣрный обычай".—„Гаданье", замѣтилъ третій: „видите, видите, еще такая же плыветъ?—это гаданье; они пробуютъ счастья".—„Нѣтъ, позвольте, заговорилъ кто-то: „у Кемпфера говорится..."—„Просто игрушки: мальчишки пустили", проворчалъ сквозь зубы дѣдъ. И чуть-ли это мнѣніе было не справедливѣе всѣхъ ученыхъ замѣчаній. Но здѣсь всякая мелочь казалась знаменательною особенностью.

Вдругъ появилась лодка, только ужъ не игрушка, и въ ней трое или четверо японцевъ, два одѣтые, а два нагіе, свѣтло-красноватаго цвѣта, загорѣлые, съ бѣлой, тоненькой повязкой кругомъ головы, чтобъ волосы не трепались,

да такой же повязкой около поясницы—вотъ и все. Впрочемъ, наши еще утромъ видѣли японцевъ.

Я только-что проснулся. Ѳаддеевъ донесъ мнѣ, что пріѣзжали голые люди и подали на палкѣ какую-то бумагу. „Что жъ это за люди?" спросилъ я. „Японецъ, должно быть", отвѣчалъ онъ. Японцы остановились саженяхъ въ трехъ отъ фрегата и что-то говорили намъ, но ближе подъѣхать не рѣшались: они пятились отъ высунувшихся изъ полупортиковъ пушекъ. Мы махали имъ руками и платками, чтобъ они вошли.

Наконецъ они рѣшились, и мы толпой окружили ихъ: это первые наши гости въ Японіи. Они съ боязнью озирались вокругъ, и положивъ руки на колѣни, присѣдали и кланялись чуть не до земли. Двое были одѣты бѣдно: на нихъ была синяя верхняя кофта, съ широкими рукавами, и халатъ, туго обтянутый вокругъ поясницы и ногъ. Халатъ держался широкимъ поясомъ. А еще? еще ничего: ни панталонъ, ничего...

Обувь состояла изъ синихъ короткихъ чулокъ, застегнутыхъ вверху пуговкой. Между большимъ и слѣдующимъ пальцемъ шла тесемка, которая прикрѣпляла къ ногѣ соломенную подошву. Это одинаково, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ.

Голова вся бритая, какъ и лицо, только съ затылка волосы подняты кверху и зачесаны въ узенькую, коротенькую, какъ будто отрубленную косичку, крѣпко лежавшую на самой маковкѣ. Сколько хлопотъ за такой хитрой и безобразной прической! За поясомъ у одного, старшаго, заткнуты были двѣ сабли, одна короче другой. Мы попросили показать и нашли превосходные клинки.

Мы повели гостей въ капитанскую каюту: тамъ дали имъ наливки, чаю, конфетъ. Они еще съ лодки все показывали на нашу фор-брам-стеньгу, на которой развѣвался

кусокъ бѣлаго полотна, съ надписью на японскомъ языкѣ: *судно россійскаго государства*. Они просили списать ее, по приказанію, разумѣется, чтобъ отвезти въ городъ, начальству.

Черезъ полчаса явились другіе, одѣтые побогаче. Они привезли бумагу, въ которой дѣлались обыкновенныя предостереженія: не съѣзжать на берегъ, не обижать японцевъ и т. п. Имъ такъ понравилась наливка, что они выпросили, что̀ осталось въ бутылкѣ, для гребцовъ будто бы, но я увѣренъ, что они имъ и понюхать не дали.

Въ бумагѣ еще правительство, на французскомъ, англійскомъ и голландскомъ языкахъ, просило остановиться у такъ называемыхъ *Ковальскихъ* воротъ, на первомъ рейдѣ, и не ходить далѣе, въ избѣжаніе *большихъ непріятностей*, прибавлено въ бумагѣ, безъ объясненія, какихъ и для кого. Надо думать, что для губернаторскаго брюха.

Японское правительство—какъ мы знали изъ книгъ и потомъ убѣдились, и при этомъ случаѣ, и впослѣдствіи сами — требуетъ безусловнаго исполненія предписанной мѣры, и въ случаѣ неисполненія, зависѣло ли оно отъ исполнителя, или нѣтъ, послѣдній остается въ отвѣтѣ. Напримѣръ, иностранные корабли не иначе допускаются на второй и третій рейды, какъ съ разрѣшенія губернатора. Мы разрѣшенія не требовали, но къ намъ явилась третья партія японцевъ, человѣкъ восемь, кромѣ гребцовъ, и привезла „разрѣшеніе" идти и на второй рейдъ. Всѣ эти посѣщенія быстро слѣдовали одно за другимъ. Губернаторъ поспѣшилъ прислать разрѣшеніе, не зная, намѣрены ли мы, по первому извѣщенію, остановиться на указанномъ мѣстѣ. Если бъ ему предписано было, напримѣръ, истребить насъ, онъ бы, конечно, не могъ, но все-таки долженъ бы былъ стараться объ этомъ, а въ случаѣ неудачи, *распороть себѣ брюхо*.

Я полагаю такъ, судя по тому, что одинъ изъ нагасак-

скихъ губернаторовъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, распоролъ себѣ брюхо оттого, что командиръ англійскаго судна не хотѣлъ принять присланныхъ чрезъ этого губернатора подарковъ отъ японскаго двора. Губернатору приказано было отдать подарки, капитанъ не принялъ, и губернаторъ остался виноватъ, *зачѣмъ не отдалъ*.

Вскрывать себѣ брюхо—самый употребительный здѣсь способъ умирать поневолѣ, по крайней мѣрѣ такъ было въ прежнія времена. Заупрямься кто сдѣлать это, правительство принимаетъ этотъ трудъ на себя: но тогда виновный, кромѣ позора публичной казни, подвергается лишенію имѣнія, и это падаетъ на его семейство. Кто-то изъ путешественниковъ разсказываетъ, что здѣсь, въ кругу воспитанія молодыхъ людей, входило между прочимъ искусство, ловко, сразу распарывать себѣ брюхо. Впослѣдствіи, при случаѣ какъ-нибудь, разскажу объ этомъ что узнаю подробнѣе. Теперь нѣкогда.

Третья партія японцевъ была лучше одѣта: кофты у нихъ изъ тонкой, полупрозрачной, черной матеріи, у нѣкоторыхъ вытканы бѣлые знаки на спинахъ и рукавахъ—это гербы. Каждый, даже земледѣлецъ, имѣетъ гербъ и право носить его на своей кофтѣ. Но нѣкоторые получаютъ отъ своихъ начальниковъ, и вообще отъ высшихъ лицъ, право носить ихъ гербы, а высшіе сановники—отъ Сіогуна, какъ у насъ ордена.

Но не всѣ имѣютъ право носить по двѣ сабли за поясомъ: эта честь предоставлена только высшему классу и офицерамъ; солдаты носятъ по одной, а простой классъ вовсе не носитъ: да онъ же ходитъ голый, такъ ему не за что было бы и прицѣпить ее, развѣ зимой.

Кофта у гостей, или хозяевъ нашихъ — какъ хотите, застегивалась длинными шелковыми шнурками.

Они объявили, что они переводчики, *отверъ-толки* и

ондеръ-толки, то есть старшіе и младшіе. Они назначаются для сношеній съ голландской факторіей. Мы посадили ихъ въ капитанскую каюту, и они вынули бумагу, въ которой предлагалось множество вопросовъ.

Переводчиковъ здѣсь цѣлое сословіе: въ короткое время у насъ перебывало около тридцати, а всѣхъ ихъ около шестидесяти человѣкъ; немного недостаетъ до счета семидесяти толковниковъ. Они знаютъ только голландскій языкъ и употребляются для сношеній съ голландцами, которые, сидя тутъ по цѣлымъ годамъ, могли бы конечно и сами выучиться по-японски. Но кто станетъ учить ихъ? это запрещено подъ смертною казнью. По-китайски японцы знаютъ всѣ, какъ мы по-французски, какъ шведы по-нѣмецки, какъ ученые по-латынѣ. Пишутъ и по-японски, и по-китайски, но только произносятъ китайскія письмена по-своему. Вообще все, языкъ, вѣра ихъ, обычаи, одежда, культура и воспитаніе, все пришло къ нимъ отъ китайцевъ.

Мы уже были предупреждены, что насъ встрѣтятъ здѣсь вопросами, и оттого приготовились отвѣчать, какъ слѣдуетъ, со всею откровенностью. Они спрашивали: откуда мы пришли, давно ли вышли, какого числа, сколько у насъ людей на каждомъ кораблѣ, какъ матросовъ, такъ и офицеровъ: сколько пушекъ и т. п.

Между прочимъ, послѣ заявленія нашего, что у насъ есть письмо къ губернатору, они спросили, отчего же мы одно письмо привезли на четырехъ судахъ? Въ этомъ проническомъ вопросѣ проглядывала дѣтская недовѣрчивость къ нашему приходу и подозрительность насчетъ какихъ-нибудь враждебныхъ замысловъ съ нашей стороны. Мы поспѣшили успокоить ихъ и отвѣчали на все искренно и простодушно, и въ то же время не могли воздержаться отъ улыбки, глядя на эти мягкія, гладкія, бѣлыя, изнѣженныя лица, лукавыя и смышленныя физіономіи, на косички и на присѣданья.

Они ознакомились съ нами и ободрились ласковымъ обхожденіемъ. Имъ принесли сладкихъ пирожковъ, наливокъ, вина. Они вглядывались во все съ любопытствомъ, осматривали все въ каютѣ, раскрыли ротъ отъ удивленія, когда кто-то дотронулся до клавишей фортепіано. Имъ предложили сигаръ, но они не знали, какъ съ ними обойтись: одинъ закуривалъ, не откусивъ кончика, другой не съ той стороны. Сигары были не по нихъ: крѣпки. Одному сдѣлалось дурно отъ духоты въ каютѣ, а можетъ-быть, и отъ качки, хотя волненіе было слабое и движеніе фрегата едва замѣтное. Они вообще очень нѣжны. Напримѣръ, не могли вовсе сидѣть въ каютѣ, безпрестанно отирали потъ съ головы и лица, отдувались и обмахивались вѣерами. Они вынимали изъ-за пазухи свой табакъ, чубуки изъ пальмоваго дерева, съ серебрянымъ мунштукомъ и трубочкой, величиной съ половину самаго маленькаго женскаго наперстка. Табакъ лежалъ въ бумажномъ кисетѣ, неболѣе porte-monnaie. Японецъ бралъ оттуда щепоть табаку, скатывалъ его въ комокъ, какъ вату, или пеньку, когда хотятъ положить ее въ ухо, клалъ въ трубку, и курнувъ раза три, выбрасывалъ пепелъ и пряталъ трубку за пазуху. Все это дѣлалось съ удивительной быстротой. Табакъ очень тонокъ и волокнистъ, какъ ленъ, красно-желтаго цвѣта, и напоминаетъ немного вкусомъ турецкій, но только очень слабъ, а видомъ похожъ на рыжіе густые волосы.

Какъ навастривали они уши, когда раздавался какой-нибудь шумъ на палубѣ: ихъ пугало, когда вдругъ люди побѣгутъ по вантамъ, или потянутъ какую-нибудь снасть и затопаютъ. Они ѣхали съ нами, а лодка ихъ съ гребцами шла у насъ на бакштовѣ.

Наконецъ мы вошли на первый рейдъ и очутились среди острововъ и холмовъ. Здѣсь засталъ насъ штиль и потомъ подулъ противный вѣтеръ: надо было лавировать. „Куда жъ

вы?" говорили японцы, не понимая лавировки: „вамъ надо сюда, налѣво". Наконецъ вошли и на второй рейдъ, на указанное мѣсто.

Что это такое? декорація или дѣйствительность? какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другого зеленѣе, покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ— нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго: все улыбающаяся природа: за холмами, вѣрно, смѣющіяся долины, поля... Да смѣется ли этотъ народъ? Судя по голымъ, палимымъ зноемъ гребцамъ, изъ которыхъ вонъ трое завернулись, сидя на лодкѣ, въ одно какое-то пестрое одѣяло, отъ солнца, нельзя думать, чтобъ народъ очень улыбался среди этихъ холмовъ. Всѣ горы изрѣзаны бороздами и обработаны сверху до низу.

Вонъ деревни жмутся въ тѣснинахъ, кое-гдѣ разбросаны хижины. А это что: какія-то занавѣски, съ нарисованными на нихъ, бѣлой и черной краской, кругами? гербы Физенскаго и Сатсумскаго удѣльныхъ князей, сказали намъ гости. Дунулъ вѣтерокъ, занавѣски заколебались и обнаружили пушки: въ одномъ мѣстѣ три, съ развалившимися станками, въ другомъ одна вовсе безъ станка — какъ страшно! Наши артиллеристы подозрѣваютъ, что на этихъ батареяхъ есть и деревянныя пушки.

Гдѣ же Нагасаки? Города еще не видать. А! вотъ и Нагасаки. Отчего жъ не Нангасаки? оттого, что настоящее названіе—*Нагасаки*, а буква *н* прибавляется такъ, для шика, такъ же, какъ и другія буквы къ нѣкоторымъ словамъ. „Нагасаки — единственный портъ, куда позволено входить однимъ только голландцамъ", сказано въ географіяхъ, и куда, надо бы прибавить давно, прочіе ходятъ безъ позволенія. Слѣдовательно привиллегія ни въ какомъ случаѣ не на сторонѣ голландцевъ во многихъ отношеніяхъ.

„Такъ это Нагасаки!" слышалось со всѣхъ сторонъ, когда

стали на якорь на второмъ рейдѣ, въ виду третьяго, и всѣ трубы направились на мѣстность, среди которой мы очутились. Въ Нагасаки три рейда: одинъ очень открытъ съ моря и защищенъ съ двухъ сторонъ. Тамъ налѣво, на срытомъ холмѣ, строится батарея и, кажется, по замѣчанію нашихъ артиллеристовъ, порядочная. Но городъ, конечно, не весь виденъ, говорили мы: это, вѣроятно, только часть, и самая плохая, предмѣстье; тутъ все домишки, да хижины! Гдѣ же зданія, дворцы, храмы, о которыхъ пишетъ Кемпферъ и другіе, особенно Кемпферъ, насчитывая ихъ невѣроятное число? Должно-быть, тамъ, дальше, за мысомъ.

Но какіе виды вокругъ! что̀ за перспектива вдали! Вотъ стоишь при входѣ на второй рейдъ, у горы Папенбергъ, и видишь море, но зато видишь только профиль мыса, заграждающаго видъ на Нагасаки, видишь и узенькую бухту Кибачъ, всю. Передвинешься на средину рейда — море спрячется, зато вдругъ раздвинется весь заливъ налѣво, съ островами Кагена, Катакасима, Каменосима, и видишь мысъ en face, а берегъ направо покажетъ свои обработанныя террасы, какъ исполинскую зеленую лѣстницу, идущую по всей горѣ, отъ волнъ до облаковъ.

Мы стали прекрасно. Вообразите огромную сцену, въ глубинѣ которой, верстахъ въ трехъ отъ васъ, видны высокіе холмы, почти горы, и у подошвы ихъ куча домовъ, съ бѣлыми известковыми стѣнами, черепичными, или деревянными кровлями. Это и есть городъ, лежащій на берегу полукруглой бухты. Отъ бухты идетъ проливъ, широкій, почти какъ Нева, съ зелеными, холмистыми берегами, усѣянными хижинами, батареями, деревнями, кедровникомъ и нивами.

Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города, съ кучей сѣренькихъ домовъ, пролива съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ

холмахъ, все такъ гармонично, живописно, такъ непохоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни, образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ! Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ корридоръ, лѣсистое, и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обстановленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны: тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ.

Налѣво широкій и длинный заливъ, съ извилинами и углубленіями. Посрединѣ его Паппенбергъ и Каменосима — двѣ горы игрушки, покрытыя ощетинившимся лѣсомъ, какъ будто двѣ головы съ взъерошенными волосами. Ихъ обтекаютъ со всѣхъ сторонъ миніатюрные проливы, а вдали видна отвѣсная скала и море.

Направо идетъ высокій холмъ, съ отлогимъ берегомъ, который такъ и манитъ взойти на него по этимъ зеленымъ ступенямъ террасъ и грядъ, несмотря на запрещеніе японцевъ. За нимъ тянется рядъ низенькихъ, капризно-брошенныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ глядятъ серьезно и угрюмо довольно высокія горы, отступивъ немного, какъ взрослые изъ-за дѣтей. Далѣе проливъ, теряющійся въ морѣ: по свѣтлой поверхности пролива чернѣютъ разбросанные камни. На послѣднемъ планѣ синѣетъ мысъ Номо.

Проливъ отдѣляетъ нагасакскій берегъ отъ острова Кагена, который, въ свою очередь, отдѣляется другимъ проливомъ отъ острова Ивосима, а тамъ чисто, море—и больше ничего.

Вездѣ уступы, мыски, или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстами группы зелени и деревьевъ лѣпятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспектива, картина, точно артистически-обдуманная прихоть!

Но съ страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво-созданные, смѣющіеся берега: непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко; животныхъ не видать: я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты: мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ, съ двумя-тремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой, или остроглазой дѣвчонкой.

Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, гама, криковъ, пѣсенъ, словомъ, кипѣнія жизни, или „мышьей бѣготни", по выраженію поэта? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшенная синими, бѣлыми, красными тканями? Оттуда слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ-бумъ японскаго барабана: это, скажутъ вамъ, Физенскій, или Сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія.

Вы знаете, что Японія раздѣлена на удѣлы, которые всѣ зависятъ отъ Сіогуна, платятъ ему дань и содержатъ войска. Городъ Нагасаки принадлежитъ ему, а кругомъ лежатъ владѣнія князей.

Зачѣмъ же, говорю я, такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, дотого, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли же это все заселится, оживится?

Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у японцевъ, затѣмъ

и пришли, да вотъ не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Едо, къ Сіогуну, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Микадо, сыну неба: сами рѣшите, когда мы дождемся отвѣта!

Всѣ мы стояли на палубѣ, кто чѣмъ занятъ: у всѣхъ почти трубы въ рукахъ. Одни занимались уборкою парусовъ, другіе прилежно изучали карту, и въ томъ числѣ дѣдъ, который отъ карты бѣгалъ на ютъ, съ юта къ картѣ; и хотя ворчалъ на невѣрность ея, на неизвѣстность мѣста, но былъ доволенъ, что труды его кончались. Другіе просто думали о томъ, что̀ видѣли, глядя туда и сюда, въ томъ числѣ и я. Меня хотя и занимала новость предмета, и проникался я прелестью окружавшихъ насъ картинъ природы, но тутъ же, рядомъ съ этими впечатлѣніями, чувствовалась, и особенно предчувствовалась скука. Я бы охотно промѣнялъ Японію на Манилу, на Бразилію, или на Сандвичевы острова—на что̀ хотите. Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ, въ неискусныхъ, или, скорѣе, несвободныхъ, связанныхъ какими-то непужными путами рукахъ!

Да я ли одинъ скучаю? Вонъ П. А. сокрушительно вздыхаетъ, не зная, какъ онъ будетъ продовольствовать насъ: дадутъ ли японцы провизіи, будутъ ли возить свѣжую воду: а если и дадутъ, то по какимъ цѣнамъ? и т. п. Отъ презервовъ многіе „*воротятъ носы*", говоритъ онъ.

Кстати о презервахъ: кажется, я о нихъ не говорилъ ни слова. Это совсѣмъ изготовленная и герметически-закупоренная въ жестянкахъ провизія всякаго рода: супы, мясо, зелень и т. п. Полезное изобрѣтеніе—что̀ и говорить! Но дѣло въ томъ, что эту провизію иногда ѣсть нельзя: продавцы употребляютъ во зло довѣрчивость покупателей: а повѣрить ихъ нельзя: не станешь вскрывать каждый

наглухо-закупоренный и залитой свинцомъ ящикъ. Послѣ уже, въ морѣ окажется, что говядина похожа вкусомъ на телятину, телятина—на рыбу, рыба—на зайца, а все вмѣстѣ ни на что не похоже. И часто все это имѣетъ одинъ цвѣтъ и запахъ. Говорятъ, у французовъ дѣлаютъ презервы лучше: не знаю. Мы купили ихъ въ Англіи.

Вонь и другіе тоже скучаютъ: С. не знаетъ, будетъ ли уголь, позволятъ ли рубить дрова, пустятъ ли на берегъ освѣжиться людямъ? Б. насупился, думая, удастся ли ему... хоть увидѣть женщинъ. Онъ ужъ глазѣлъ на всѣ японскія лодки, ища, между этими голыми тѣлами, не такое красное и жёсткое, какъ у гребцовъ. Косы и кофты мужчинъ вводили его иногда въ печальное заблужденіе...

Японцы уѣхали. Насталъ вечеръ; затеплились звѣзды и, вдобавокъ, между ними появилась комета. Мы наблюдаемъ ее уже третій вечеръ, едва успѣвая ловить на горизонтѣ—такъ рано скрывается она.

Насъ, издали, саженяхъ во ста отъ фрегата, и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, окружали караульныя лодки, ярко освѣщенныя разноцвѣтными огнями въ большихъ, круглыхъ, крашеныхъ фонаряхъ изъ рыбьей кожи; на нѣкоторыхъ были даже смоляныя бочки. Съ послѣднимъ лучомъ солнца, по высотамъ загорѣлись огни и нитями опоясали вершины холмовъ, унизали берега—словомъ, нельзя было нарочно зажечь иллюминаціи великолѣпнѣе въ честь гостей, какую японцы зажгли изъ страха, что вотъ сейчасъ, того-гляди, гости нападутъ на нихъ. Вездѣ перекликались караульные; лодки ходили взадъ и впередъ. Гребцы гребли стоя, съ крикомъ *оссильянъ*, *оссильянъ*, чтобъ дружнѣе работать. По горамъ, въ лѣсу, огни, точно звѣзды, плавали, опускаясь и подымаясь по скатамъ холмовъ: видно было, что вездѣ разставлены люди, что на насъ смотрѣли тысячи глазъ, сторожили каждое движеніе.

Все мало-по-малу утихало на нашихъ судахъ. Пробили зарю, сыграли гимнъ *Боль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ* и матросы улеглись. Многіе изъ насъ и чаю не пили, не ужинали: все смотрѣли на берега и на ихъ отраженія въ водѣ, на иллюминацію, на лодки, толкуя, предсказывая успѣхъ, или неуспѣхъ дѣла, догадываясь о характерѣ этого народа. Потомъ, одинъ за другимъ, разбрелись. Я остался и вслушивался въ трескъ кузнечиковъ, доносившійся съ берега, въ тихій плескъ волнъ: смотрѣлъ на игру фосфорическихъ искръ въ водѣ и на дальнія отраженія береговыхъ огней въ зеркалѣ залива. Здѣсь уже не было буруна, наводящаго тоску на душу, какъ на Бонинъ-Сима, только зарница ярко играла надъ холмами. И я наконецъ ушелъ и легъ спать, но долго еще мерещилось мнѣ женоподобные, присѣдающіе японцы, ихъ косы, кофты, и во снѣ преслѣдовалъ долетавшій до ушей крикъ: „оссильянъ, оссильянъ!“

Хи! хи! хи! слышу въ каютѣ у сосѣда, просыпаясь поутру, спустя нѣсколько дней по приходѣ, потомъ тихій шопотъ, и по временамъ внезапное возвышеніе голоса на какомъ-нибудь словѣ. Ѳаддеевъ стоитъ подлѣ меня, съ чаемъ. „Давно ты тутъ?“—„Въ началѣ седьмой склянки, в. в.“—„А теперь которая?“—„Да вонъ, слышишь?“ Въ это время забилъ барабанъ, заиграла музыка, значитъ восемь часовъ. „Что тамъ такое рядомъ въ каютѣ?“ спросилъ я.—„Извѣстно что, японецъ!“ отвѣчалъ онъ. „Зачѣмъ они пріѣхали?“—„А кто ихъ знаетъ?“—„Ты бы спросилъ“.—„А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свиньѣ съ курицей...“

Отъ японцевъ намъ отбоя нѣтъ: каждый день, съ утра до вечера, по нѣскольку разъ. Какихъ тутъ нѣтъ: опперъ-баніосы, ондеръ-баніосы, опперъ-толки, ондеръ-толки, и потомъ еще куча сволочи, ихъ свита. Но лучше разсказать по порядку, что позамѣчательнѣе.

На другой день, а можетъ-быть, и дня черезъ два послѣ посѣщенія переводчиковъ, пріѣхали три или четыре лодки, украшенныя флагами флажками, значками, гербами и пиками—все аттрибуты военныхъ лодокъ, хотя на лодкахъ были тѣ-же голые гребцы и ни одного солдата. Намъ здѣсь все еще было ново и мы съ нетерпѣніемъ ждали, что это такое. Лодки хоть куда: немного похожи на наши зимнія, крестьянскія розвальни: широкія, плоскодонныя, съ открытой кормой. Онѣ всѣ чисто выстроены изъ бѣлаго лѣса, съ навѣсомъ, покрытымъ цыновками. Весла у гребцовъ длинныя, состоящія изъ двухъ частей, связанныхъ посединѣ. Весло привязано къ лодкѣ и гребецъ, стоя, ворочаетъ его къ себѣ и отъ себя. Гребцовъ, смотря по величинѣ лодки, бываетъ отъ 4 до 8, и даже до 12 человѣкъ. Лодка—это плавучій домъ. Тутъ есть все: маленькій очагъ—варить пищу, и вся домашняя утварь. На караульныхъ лодкахъ поочереди дежурятъ чиновники, чтобъ наблюдать за нашими дѣйствіями. Этотъ порядокъ принятъ издавна въ отношеніи ко всѣмъ иностраннымъ судамъ.

Сначала вошли на палубу переводчики. „Опперъ-баніосы", говорили они почтительнымъ шопотомъ, указывая на лодки, а сами стали въ рядъ. Вскорѣ показались и вошли на трапъ, потомъ на палубу, двое японцевъ, поблагообразнѣе и понаряднѣе прочихъ. Переводчики встрѣтили ихъ, положивъ руки на колѣни и поклонившись почти до земли. За ними вошло человѣкъ двадцать свиты.

Опперъ-баніосы, одинъ худой, съ пріятнымъ лицомъ, съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки, какъ у многихъ японцевъ. Другой, рябоватый, съ умнымъ лицомъ, и съ такою же челюстью, какъ у перваго. На нихъ, сверхъ черной кофты изъ льняной матеріи и длиннаго шелковаго халата, были еще цвѣтныя, шелковыя же юбки, съ разрѣзанными боками и шелковыми

кистями. За пазухой, по обыкновенію, былъ цѣлый магазинъ всякой всячины: тамъ лежала трубка, бумажникъ, платокъ для отиранія пота и куча листковъ тонкой, проклеенной, очень крѣпкой бумаги, на которой они пишутъ, отрывая по листку, въ которую сморкаются, и наконецъ завертываютъ въ нее, что̀ нужно. Они присѣли, положивъ руки на колѣни, т. е. поклонились нашимъ.

По-японски ихъ зовутъ *гокейнсы*. Они старшіе въ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. Ихъ повели на ютъ, куда принесли стулья; гокейнсы сѣли, а прочіе отказались сѣсть, почтительно указывая на нихъ. Подали чай, конфетъ, сухарей и сладкихъ пирожковъ. Они выпили чай, покурили, отвѣдали конфетъ, и по одной завернули въ свои бумажки, чтобъ взять съ собой; даже спрятали за пазуху по кусочку хлѣба и сухаря. Наливку пили съ удовольствіемъ.

Когда дошло дѣло до вопроса: зачѣмъ они пріѣхали, одинъ переводчикъ, толстый и рябой, по имени Льода, сталъ передъ гокейнсами, низко поклонился и, оставшись въ наклоненномъ положеніи, передалъ нашъ вопросъ. *Гокейнсъ*, тихо, тихо, почти шопотомъ, и скоро, началъ говорить, также нагнувшись къ переводчику, и всѣ другіе переводчики и другой гокейнсъ, и часть свиты, тоже наклонились и слушали.—Хи, хи, хи! твердилъ переводчикъ отрывисто, пока гокейнсъ отвѣчалъ ему. Частица *хи* означаетъ подтвержденіе рѣчи, въ родѣ *да, слушаю*. Ее употребляютъ только младшіе, слушая старшихъ. Потомъ, когда гокейнсъ кончилъ, Льода потянулъ воздухъ въ себя— и вдругъ, выпрямившись передъ нами, перевелъ, что они пріѣхали предложить нѣкоторые вопросы.

Онъ говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, а иногда вдругъ возвышалъ его на какомъ-нибудь словѣ до крика, кивалъ головой, улыбался. Прочіе переводчики молчали: у нихъ

правило, когда старшій тутъ, другой молчитъ, не непремѣнно слушаетъ; такъ они повѣряютъ другъ друга. Эта система взаимнаго шпіонства немного похожа на іезуитскую. Такъ ихъ переводчикъ *Садагора*—который страхъ какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой, недоставало только очковъ и чулка въ рукахъ—молчалъ, когда говорилъ *Льода*, а когда Льоды не было, говорилъ Садагора, а молчалъ *Нарабайоси*, и т. д.

„Отчего у васъ", спросили они, вынувъ бумагу, исписанную японскими буквами, „сказали на фрегатѣ, что корветъ вышелъ изъ Камчатки въ маѣ, а на корветѣ сказали, что въ іюлѣ?"—„Оттого", вдругъ послышался сзади голосъ командира этого судна, который случился тутъ же, „я похерилъ два мѣсяца, чтобъ не было придирокъ да разспросовъ, гдѣ были въ это время и что дѣлали." Мы всѣ засмѣялись, а П. что-то придумалъ и сказалъ имъ въ объясненіе.

Корветъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ въ маѣ изъ Камчатки, но заходилъ на Сандвичевы острова. Мы спросили японцевъ, зачѣмъ это имъ? „Что вамъ за дѣло, гдѣ мы были? вамъ только важно, что мы пришли".

Чтобы согласить эту разноголосицу, Льода вдругъ предложилъ сказать, что корветъ изъ Камчатки, а мы изъ Петербурга, вышли въ одно время. „Лучше будетъ, когда скажете, что и пришли въ одно время, въ три мѣсяца". Ему показали карту и объяснили, что изъ Камчатки можно придти въ недѣлю, въ двѣ, а изъ Петербурга въ полгода. Онъ сконфузился и сталъ самъ смѣяться надъ собой.

Тутъ же показали имъ кстати Россію и Японію. Увидѣвъ, какъ послѣдняя мала, они добродушно стали хохотать.

Имъ замѣтили, что напрасно они обременяютъ себя и другихъ этими вопросами. „Въ Едо надо послать", отвѣчали они. Потомъ слѣдовалъ другой, третій вопросъ, все въ томъ же родѣ. —„И все надо въ Едо посылать?"—„Все!"

сказалъ, потянувъ въ себя воздухъ. Лъда. „Ну, много же у васъ дѣла въ Едо!" подумалъ кто-то возлѣ меня вслухъ. Но я, вспомнивъ, какими вопросами осыпали японцы съ утра до вечера нашего знаменитаго плѣнника, Головнина, нашелъ еще, что эти вопросы не такъ глупы. Они уѣхали поздно ночью, улыбаясь, присѣдая и кланяясь.

А между тѣмъ наступалъ опять вечеръ, съ нитями огней по холмамъ, съ отраженіемъ холмовъ въ водѣ, съ фосфорическимъ блескомъ моря, съ трескомъ кузнечиковъ, и крикомъ гребцовъ: „оссильянъ, оссильянъ!" Но это ужъ мало заняло насъ: мы привыкли, ознакомились съ мѣстностью, и оттого шканцы и ютъ тотчасъ опустѣли, какъ только буфетчики, Яицень и Витулъ, зазвенѣли стаканами, а вѣстовые, съ фуражками въ рукахъ, подходили то къ одному, то къ другому, съ приглашеніемъ: „чай кушать".

Баніосамъ, на прощаньи, сказано было, что есть два письма: одно къ губернатору, а другое выше: чтобъ за первымъ онъ прислалъ чиновника, а другое принялъ самъ. „Скажемъ губернатору", отвѣчали они. Они, желая вывѣдать о причинѣ нашего прихода, спросили: не привезли ли мы потерпѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, потомъ: не надо ли намъ провизіи и воды — двѣ причины, которыя японцы только и считали достаточными для иноземцевъ, чтобъ являться къ нимъ, и то въ послѣднее время. А прежде, какъ извѣстно, они и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, своихъ же японцевъ, не пускали назадъ, въ Японію. „Вы уѣхали изъ Нишона", говорили они, „такъ ступайте, куда хотите". Съ иностранцами поступали еще строже: ихъ держали въ неволѣ.

Но время взяло свое и японцы уже не тѣ, что были сорокъ, пятьдесятъ и болѣе лѣтъ назадъ. Съ нами они были очень любезны; спросили объ именахъ, о чинахъ и должностяхъ каждаго изъ насъ, и все записали, вынувъ

изъ-за пазухи складную желѣзную чернильницу, въ родѣ нашихъ старинныхъ свѣчныхъ щипцовъ. Тамъ была тушь и кисть. Они ловко владѣютъ кистью. Я попробовалъ было написать одному изъ оппер-баніосовъ свое имя кистью, рядомъ съ японскою надписью—и осрамился: латинскихъ буквъ нельзя было узнать.

Прошло дня два: въ это время дано было знать японцамъ, что намъ нужно мѣсто на берегу и провизія. Провизіи они прислали небольшое количество въ подарокъ, а о мѣстѣ объявили, что не смѣютъ дать его безъ разрѣшенія изъ Едо.

На третій день послѣ этого, пріѣхали два баніоса: одинъ бывшій въ прошедшій разъ, пріятель нашъ *Баба-Городзаймонъ*, который уже ознакомился съ нами и освоился на фрегатѣ, шутилъ, звалъ насъ по именамъ, спрашивалъ названіе всего, что попадалось ему въ глаза, и записывалъ. Онъ былъ, повидимому, очень добръ, живъ, сообщителенъ. Другой—*Самбро*. Не думайте, чтобъ въ понятіяхъ, словахъ, манерахъ японца (за исключеніемъ развѣ сморканья въ бумажки, да прятанья конфетъ: но вспомните, какъ сморкаются двѣ трети русскаго народа и какъ недавно барыни наши бросили ридикюли, которые наполнялись конфетами на чужихъ обѣдахъ и вечерахъ) было что-нибудь дикое, странное, поражающее европейца. Ровно ничего: только костюмъ, да дѣйствительно нелѣпая прическа бросаются въ глаза. Во всемъ прочемъ это народъ, если не сравнивать съ европейцами, довольно развитой, развязный, пріятный въ обращеніи и до крайности занимательный своеобразностью воспитанія. Объ этомъ придется говорить ниже.

Баніосы привезли съ собой переводчиковъ, Льоду и Садагору. Ихъ принялъ сначала П—тъ, потомъ адмиралъ, въ своей каютѣ. Баніосовъ посадили на массивныя кресла, нѣсколько человѣкъ свиты сѣли сзади, на стульяхъ. Адмиралъ

помѣстился на софѣ, противъ нихъ, а мы вчетверомъ у окошекъ, на длинномъ диванѣ. Льода и Садагора стояли, согнувшись, такъ что лицъ ихъ вовсе было не видать, и только шпаги торчали вверхъ. Баба-Городзаймонъ, наклонясь немного къ Льодѣ и втягивая въ себя воздухъ, началъ говорить шопотомъ, скоро и долго. У него непріятная манера говорить: онъ говоритъ какъ женщина, такъ что самые его отказы и противорѣчія смягчены этимъ тихимъ, ласковомъ голосомъ. „Хи, хи, хи", отрывисто и усердно повторялъ Льода, у котораго подергивало плечи и потъ катился струями по вискамъ. Въ каютѣ было душно, а снаружи жарко, до 20°.

Льода, выслушавъ, выпрямился, обратился къ П—ту, который сидѣлъ подлѣ баніосовъ, и объявилъ, что губернаторъ проситъ прислать письмо, адресованное собственно къ нему. Про другое, которое слѣдовало переслать въ Едо, къ высшимъ властямъ, онъ велѣлъ сказать, что оно должно быть принято съ соблюденіемъ церемоніала, а онъ, губернаторъ, опредѣлить его самъ не въ состояніи, и потому послалъ въ столицу просить разрѣшенія. „А какъ скоро можно сдѣлать путь туда и обратно?" спросили ихъ, зная, впрочемъ, что этотъ путь можно сдѣлать недѣли въ три, и даже, какъ говоритъ англійскій путешественникъ Бельчеръ, въ двѣ недѣли. Имъ сказано было и объ этомъ. Баба отвѣчалъ, однакожъ, что вѣроятно на отвѣтъ понадобится дней тридцать. Онъ извинялся тѣмъ, что надо обдумать отвѣтъ, но адмиралъ настаивалъ, чтобъ отвѣтъ прислали скорѣе. Тогда Садагора отвѣчалъ, что курьеръ помчится, *какъ птица*.

Одинъ изъ свиты все носился съ какимъ-то ящикомъ, завязаннымъ въ платокъ. Когда отдали письмо Баба-Городзаймону, онъ развязалъ деревянный лакированный ящикъ, поставилъ его на столъ, принялъ письмо обѣими руками, поднялъ его, въ знакъ уваженія, ко лбу, положилъ въ

ящикъ и завязалъ опять въ платокъ, украшенный губернаторскими гербами. Послѣ этого перевязалъ узелъ шнуркомъ, досталъ изъ-за пазухи маленькую печать, приложилъ къ шнурку и отдалъ ящикъ своему чиновнику, сказавъ что-то переводчику.—Хи, хи, хи! повторялъ тотъ и, обратившись къ намъ, перевелъ, что письмо будетъ доставлено вѣрно и въ тотъ же день.

Адмиралъ предложилъ намъ завтракать въ своей каютѣ, предоставивъ намъ хозяйничать, а самъ остался въ гостиной. Мы сѣли за большой столъ. Подали, по обыкновенію, чаю, потомъ все сладкое, до котораго японцы большіе охотники, пирожковъ, еще не помню чего, вино, наливку и конфеты. Японцы всматривались во все, пробовали всего понемножку и завертывали въ бумажку то конфету, то кусочекъ торта, а Льода прибавилъ къ этому и варенья, и все спряталъ въ свою обширную кладовую, т. е. за пазуху: „дѣтямъ", сказалъ онъ намъ. Гостямъ было жарко въ каютѣ, они вынимали маленькіе бумажные платки и отирали потъ, другіе, особенно второй баніосъ, сморкались въ бумажки, прятали ихъ въ рукавъ, обмахивались вѣерами. О. А. Г. завелъ ящикъ съ музыкой, и вдругъ тихо, подъ сурдиной раздалось *grâce, grâce*—изъ Роберта. Но это мало подѣйствовало: Баба сказалъ, что у него есть двѣ табакерки съ музыкой: голландцы привезли. Въ углу накрытъ былъ другой столъ, для нѣсколькихъ лицъ изъ свиты. Баба не пилъ совсѣмъ вина: онъ сказалъ, что постоянно страдаетъ головною болью и „оттого", прибавилъ онъ, „вы видите, что у меня не совсѣмъ гладко выбрита голова". Ему предложили посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ, но онъ поблагодарилъ и отказался.

Вообще мы старались быть любезны съ гостями, показывали имъ, послѣ завтрака, картинки и, между прочимъ, въ книгѣ Зибольда изображеніе японскихъ видовъ: людей,

зданій, пейзажей и прочаго. Они попросили показать фрегатъ одному изъ баніосовъ, который еще въ первый разъ пріѣхалъ. Ихъ повели по палубамъ. Они разсматривали пушки, ружья, и внимательно слушали объясненія о ружьяхъ, съ новыми прицѣлами, купленныхъ въ Англіи. Все занимало ихъ, и въ этомъ любопытствѣ было много наивнаго, дѣтскаго, хотя японцы и удерживались слишкомъ обнаруживаться.

Они пробыли почти до вечера. Свита ихъ, прислужники, бродили по палубѣ, смотрѣли на все, полуразиня ротъ. По фрегату раздавалось щелканье соломенныхъ сандалій и безпрестанно слышался шорохъ шелковыхъ юбокъ, такъ что, въ иную минуту, почудится что-то будто знакомое... взглянешь и разочаруешься! Нѣкоторыя физіономіи до крайности глуповаты.

Тутъ были между прочимъ два или три старика, въ панталонахъ, то-есть ноги у нихъ выше обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандаліи. Коротенькія мантіи были тоже синія. Что это за люди? спросили.—Солдаты, говорятъ. Солдаты! нельзя ничего выдумать противоположнѣе тому, что у насъ называется солдатомъ. Они, отъ старости, едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Сѣдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху: сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди.

Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физіономіи, хотя умныхъ и лукавыхъ много. Да если и есть, такъ зачесанная сзади кверху коса и гладко выбритое лицо дѣлаютъ ихъ непохожими на мужчинъ.

Съ лодокъ налѣзло на траны и русленя множество голыхъ, полуголыхъ и оборванныхъ гребцовъ. На нѣкоторыхъ много-много, что синій длинный халатъ—и больше ничего: ни панталонъ, ни кофтъ, ни сандалій. О шапкахъ я не упо-

минаю, потому что здѣсь эта часть одежды не существуетъ. На югѣ, въ Китаѣ, я видѣлъ, носятъ еще зимнія маленькія шапочки, а лѣтомъ немногіе ходятъ въ остроконечныхъ малайскихъ соломенныхъ шапкахъ, похожихъ на крышку отъ суповой миски, а здѣсь ни одного японца не видно съ покрытой головой. Они даже рѣдко прикрываютъ ее и вѣеромъ, какъ китайцы. Ѣдетъ иногда лодка съ нѣсколькими человѣками: любо смотрѣть, какъ солнце жаритъ ихъ прямо въ головы; лучи играютъ на бритыхъ, гладкихъ лбахъ, точно на позолоченныхъ маковкахъ какой-нибудь башни, и на каждой головѣ горитъ огненная точка. Какъ бы, кажется, не умереть, или по крайней мѣрѣ, не сойти съ ума, отъ этакой прогулки, подъ солнечными лучами, а имъ ничего, да еще подъ здѣшними лучами, которые, какъ мѣдныя спицы, вонзаются въ голову!

Баба обѣщалъ доставить намъ большое удобство: мытье бѣлья въ голландской факторіи. Наконецъ японцы уѣхали. Кто-то изъ нихъ кликнулъ меня и схватилъ за руку. „А, Баба, Adieu!“—„Adieu!“ повторилъ и онъ.

Дни мелькали за днями: вотъ уже вторая половина августа. Японцы одолѣли насъ. Ѣздятъ каждый день раза по два, то съ провизіей, то съ вопросомъ, или съ отвѣтомъ. Ужъ этотъ мнѣ крайній Востокъ: пока, кромѣ крайней скуки, толку нѣтъ! Разглядываешь, отъ нечего дѣлать, ихъ лица и не знаешь, что подумать о ихъ происхожденіи. Какъ имъ ни противно быть въ родствѣ съ китайцами, какъ ни противорѣчатъ этому родству нѣкоторыя рѣзкія отличія однихъ отъ другихъ, но всякій разъ, какъ поглядишь на окладъ и черты ихъ лицъ, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою. Тѣ же продолговатыя, смугло-желтыя лица, такое же образованіе челюстей, губъ, выдавшіеся лбы и виски, нѣсколько приплюснутый носъ, черные и каріе, средней величины, глаза. Я не говорю уже о нравствен-

номъ сходствѣ: оно еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. Вѣроятно и тѣ и другіе вышли изъ одной колыбели, Средней Азіи, и конечно составляли одно племя, которое въ незапамятныя времена распространилось по юго-восточной части материка и потомъ перешло на всѣ окрестные острова.

Татарскій проливъ и племенная, нерѣдкая въ исторіи многихъ, имѣющихъ одинъ корень народовъ, вражда, могли раздѣлить навсегда два племени, изъ которыхъ въ одно, китайское, подмѣшались, пожалуй, и маньчжуры, а въ другое, японское—малайцы, которыхъ будто бы японцы, говоритъ Кемпферъ, застали въ Нипонѣ и вытѣснили вонъ. Въ языкѣ ихъ, по словамъ знающихъ по-китайски, есть нѣкоторое сходство съ китайскимъ. И опять могло случиться, что первобытный, общій языкъ того и другого народа—у китайцевъ такъ и остался китайскимъ, а у японцевъ могъ смѣшаться съ языкомъ quasi-малайцевъ, или тѣхъ островитянъ, которыхъ они застали на Нипонѣ, Кіузіу и другихъ островахъ, и которые могли быть, пожалуй, и курильцы.

Чѣмъ это не мнѣніе, скажите на милость? Я знаю, что я не понравился бы за это японцамъ, до того, что они не прочь бы посадить меня и въ клѣтку, благо я теперь въ Японіи. Они сами производятъ себя отъ небесныхъ духовъ, а потомъ соглашаются лучше происходить съ сѣвера, отъ курильцевъ, лишь не отъ китайцевъ. Но я готовъ отстаивать свое мнѣніе, теперь особенно, когда я только что разстался съ китайцами, когда черты лицъ ихъ такъ живы въ моей памяти, и когда я вижу другія, имъ подобныя. Чѣмъ же это не мнѣніе? Вѣдь Кемпферъ выводитъ же японцевъ прямо—откуда бы вы думали? отъ вавилонскаго столпотворенія! Онъ ведетъ ихъ толпой, или *колоніей*, какъ онъ называетъ, изъ-за Каспійскаго моря, черезъ всю Азію въ Китай, и оттуда въ Японію, прямо, такъ, какъ они есть, съ готовымъ языкомъ, нравами, обычаями, чуть не съ узелкомъ подъ мышкой, въ

которомъ были завязаны вотъ эти нынѣшнія ихъ кофты, съ гербами, и юбки. Замѣчу еще, что здѣсь, кромѣ различія, которое кладутъ, между простымъ и непростымъ народомъ, образъ жизни, пища, воспитаніе и занятія, есть еще другое, рѣзкое, несомнѣнно племенное различіе. Когда всматриваешься пристально въ лица старшихъ чиновниковъ и ихъ свиты, и многихъ другихъ, толпящихся на окружающихъ насъ лодкахъ, невольно придешь къ заключенію, что тутъ сошлись и смѣшались два племени. Простой народъ дѣйствительно имѣетъ въ чертахъ большое сходство съ малайцами, которыхъ мы видѣли на Явѣ и въ Сингапурѣ. А такъ какъ у японцевъ строже, нежели гдѣ-нибудь соблюдается нетерпимость смѣшенія однихъ слоевъ общества съ другими, то и немудрено, что поработившее племя до сихъ поръ остается неслитымъ съ порабощеннымъ.

Сравните японское воспитаніе съ китайскимъ: оно одинаково. Одна и та же привиллегированная, древняя религія Синто, или поклоненіе небеснымъ духамъ, какъ и въ Китаѣ, далѣе буддизмъ. Но и тутъ и тамъ господствуетъ болѣе нравственно-философскій, нежели религіозный духъ, и совершенное равнодушіе и того и другого народа къ религіи. Затѣмъ одинакое трудолюбіе и способности къ ремесламъ, любовь къ земледѣлію, къ торговлѣ, одинакіе вкусы, одинъ и тотъ же родъ пищи, одежда—словомъ, во всемъ найдете подобіе, въ иныхъ случаяхъ до того, что удивляешься, какъ можно допустить мнѣніе о разноплеменности этихъ народовъ!

И тѣ и другіе подозрительны, недовѣрчивы; спасаются отъ опасностей за системой замкнутости, какъ за каменной стѣной; у обоихъ одна и та же цивилизація, подъ вліяніемъ которой оба народа, какъ два брата въ семьѣ, росли, развивались, созрѣвали и состарѣлись. Если бы эта цивилизація была заимствована японцами отъ китайцевъ, только по сосѣдству, какъ отъ чужого племени, то отчего же маньчжу-

ры, и другіе народы кругомъ, остаются до сихъ поръ чуждыми этой цивилизаціи, хотя они еще ближе къ Китаю, чѣмъ Японія.

Нѣтъ, пусть японцы хоть сейчасъ посадятъ меня въ клѣтку, а я, съ упрямствомъ Галилея, буду утверждать, что они — отрѣзанные ломти китайской семьи, ея дѣти, ушедшія на острова и, по географическому своему положенію, запершіяся тамъ до нашего прихода. И самые острова эти, если вѣрить геологамъ, должны составлять часть, оторвавшуюся нѣкогда отъ материка...

Вамъ, можетъ-быть, покажется странно, что я вхожу въ подробности о дѣлѣ, которое, въ глазахъ многихъ, привыкшихъ считать безусловно Китай и Японію за одно, не подлежитъ сомнѣнію. Вы, конечно, того же мнѣнія, какъ и эти многіе, какъ и я, какъ и всѣ вѣроятно, словомъ—tout le monde. Только японцы оскорбляются, когда иностранцы, по *невѣжеству* и *варварству*, какъ говорятъ они, смѣшиваютъ ихъ съ китайцами. Я затронулъ этотъ вопросъ только потому, что я... въ Японіи теперь. А кто сюда попадетъ, тотъ неминуемо коснется и вопроса о сходствѣ японцевъ съ китайцами. Это здѣсь капитальный вопросъ. Я только слѣдую примѣру другихъ. Что дѣлать: отъ скуки вдался въ педантизмъ!

Зато избавляю себя и васъ отъ дальнѣйшихъ воззрѣній и догадокъ: разсмотрите эти вопросы на досугѣ, въ кабинетѣ, съ помощью ученыхъ источниковъ. Буду просто разсказывать, что̀ вижу и слышу.

Говоря объ источникахъ, упомяну однакожъ объ одномъ, чуть-ли не самомъ любопытномъ. Уставъ отъ Кемпфера, я напалъ на одну старую книжку, въ библіотекѣ моего сосѣда по каютѣ, тоже о Японіи или о *Японь*, какъ говоритъ заглавіе, и *о винѣ гоненія на христіанъ*, сочиненія Карона и Гагенара, *переведенныя чрезъ Степана Коровина*, *Синби-*

рнина, и Ивана Горлицкаго. Къ сожалѣнію, конецъ страницы, съ обозначеніемъ года изданія, оторванъ. За этой книгой я отдыхалъ отъ подробныхъ, и подчасъ утомительныхъ описаній почтеннаго Кемпфера и другихъ авторитетовъ. Что за краткость, что за добродушіе! какой языкъ! Не могу не подѣлиться съ вами ученымъ наслажденіемъ и выпишу на выдержку, съ дипломатическою точностью, два-три мѣста о Японіи и о японцахъ.

. . . . „островъ Ябадіи, о которомъ сказуетъ Птоломей, есть оной, его же нынѣ нарицаютъ островомъ Нифонъ".

. . . . „имперія Японская нынѣ обрѣтается сочинена изъ многихъ острововъ, изъ которыхъ нѣкія могутъ быти и не острова, но полуострова".

„Компанія Голландская во Індіи восточной пребываша тогда въ такомъ великомъ благоденствіи, по истиннѣ весма великомъ..."

. . . . „Чтожъ бы то такое ни было, воспитаніе ли, или какъ то естественно, что жены тамъ (въ Японіи) добры, жестоко вѣрны и очень стыдливы".

. . . . „Много имѣютъ Японцы благосклонности къ отцамъ и къ матерямъ и такъ уметвуютъ, что тотъ, который въ этомъ поползнется, того уже боги показнятъ".

. . . . „Доходы вельможъ бываютъ отъ разнаго произношенія страны, которою кто владѣетъ. У инныхъ земля много произноситъ жита, инныи вынимаютъ много золота и сребра, а прочія мѣди, олова, свинца..."

И этимъ языкомъ и тономъ написана вся эта любопытная книга, вѣроятно современница Телемахиды!

Я лѣнился записывать имена всѣхъ пріѣзжавшихъ къ намъ *гокейнсовъ* и *толковъ*. Баба ѣздилъ почти постоянно и всякій разъ привозилъ съ собой какого-нибудь новаго баніоса, вѣроятно, пріятеля, желавшаго посмотрѣть большое

судно, четырехъ-аршинныя пушки, ядра, съ человѣческую голову величиной, послушать музыку и посмотрѣть ученье, военныя тревоги, бѣганье по вантамъ и маневры съ парусами. Однажды, при нихъ, заставили матросовъ маршировать: японцы сѣли на ютѣ на пяткахъ и съ восторгомъ смотрѣли, какъ четыреста человѣкъ стройно перекидывали въ рукахъ ружья, точно перья, потомъ шли, нога въ ногу, подъ музыку, будто одна одушевленная масса. При нихъ катались и на шлюпкахъ, которыя, какъ птицы, съ распущенными крыльями, скользили по водѣ, опрокинувшись почти совсѣмъ на бокъ.

Японцы тихо, съ улыбкой удовольствія и удивленія, сообщали другъ другу замѣчанія на своемъ звучномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, и особенно одинъ изъ переводчиковъ, *Нарабайоси 2-й* (ихъ два брата, двоюродные, иначе *Гейстра)*, молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, говорящій немного по-англійски, со вздохомъ сознался, что все видѣнное у насъ приводитъ его въ восторгъ, что онъ хотѣлъ бы быть европейцемъ, русскимъ, путешествовать и заглянуть куда-нибудь, хоть бы на Бонинъ-Сима...

Бѣдный, доживешь ли ты, когда твои соотечественники, волей или неволей, пустятъ другихъ къ себѣ, или повезутъ своихъ въ другія мѣста? Ты, конечно, будешь изъ первыхъ. Этотъ Нарабайоси 2-й очень скроменъ, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ лицѣ и манерахъ, какой замѣтенъ у нѣкоторыхъ изъ японцевъ, нѣтъ также самоувѣренности многихъ, которые совершенно довольны своею участью и ни о чемъ больше не думаютъ. Видно, что у него бродитъ что-то въ головѣ, сознаніе и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его... И онъ не одинъ такой. Въ этихъ людяхъ будущность Японіи—и нашъ успѣхъ.

Красивыхъ лицъ я почти не видалъ, а оригинальныхъ много, большая часть, почти всѣ. Вонъ, посмотрите, они

стоятъ въ кучѣ на палубѣ, около шпиля, а не то заберутся на вахтенную скамью. Зачесанныя снизу косы придаютъ головѣ видъ груши, кофты напоминаютъ надѣтыя въ рукава кацавейки, или мантильи съ широкими рукавами, далѣе халатъ и туфли. Одно лицо толстое, мясистое, другое длинное, худощавое, птичье; брови дугой, и такой взглядъ, который самъ докладываетъ о глупости головы; третій рябой—рябыхъ много—никакъ не можетъ спрятать верхнихъ зубовъ. Одинъ смотритъ, поднявъ брови, какъ матросы, купаясь, одинъ за другимъ бросаются съ русленей прямо въ море и на нѣсколько мгновеній исчезаютъ въ водѣ: другой присѣлъ надъ люкомъ и не сводитъ глазъ съ того, что̀ дѣлается въ каютъ-компаніи; третій, сидя на стулѣ, уставилъ глаза въ пушку и не можетъ отъ старости свести губъ. Стоятъ на ногахъ они неуклюже, опустившись корпусомъ на колѣнки, и большею частью смотрятъ сонно, вяло: видно, что ихъ ничто не волнуетъ, что нѣтъ, въ этой массѣ людей, постоянной идеи и цѣли, какая должна быть въ мыслящей толпѣ, что они ѣдятъ, спятъ и больше ничего не дѣлаютъ, что привыкли къ этой жизни и любятъ ее. Это все свита.

Баніосы тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, Бабы-Гарадзаймона. Самбро, не лучше: одинъ скажетъ свой вопросъ или отвѣтъ, и потомъ сонно зѣваетъ по сторонамъ, пока переводчикъ передаетъ. Развѣ ученье, внезапный шумъ на палубѣ, или что-нибудь подобное, разбудитъ ихъ вниманіе: они вытаращатъ глаза, навострятъ уши, а потомъ опять впадаютъ въ апатію. И музыка перестала шевелить ихъ. Нѣтъ оживленнаго взгляда, смѣлаго выраженія, живого любопытства, бойкости — всего, чѣмъ такъ сознательно владѣетъ европеецъ.

Одинъ только, кромѣ Нарабайоси 2-го, о которомъ я уже говорилъ, обратилъ на себя мое вниманіе, еще одинъ—и тѣмъ онъ былъ замѣтнѣе. Я не знаю его имени: онъ при-

надлежалъ къ свитѣ и не входилъ съ баніосами въ каюту, куда, по тѣснотѣ и жару, впускались немногія, только необходимыя лица. Онъ высокъ ростомъ, строенъ и держалъ себя прямо. Совѣстно ли ему было, что онъ не былъ допущенъ въ каюту, или просто онъ признавалъ въ себѣ другое какое-нибудь достоинство, кромѣ чести быть японскимъ чиновникомъ, и понималъ, что̀ окружаетъ его—не знаю, но онъ стоялъ на палубѣ гордо, въ красивой, небрежной позѣ. Лицо у него было европейское, черты правильныя, губы тонкія, челюсти не выдавались впередъ, какъ у другихъ японцевъ. Незамѣтно тоже было въ выраженіи лица ни тупого самодовольствія, ни комической важности, или наивной, ограниченной веселости, какъ у многихъ изъ нихъ. Напротивъ, въ глазахъ, кажется, мелькало сознаніе о своемъ *японствѣ* и о томъ, что ему недостаетъ, чего бы онъ хотѣлъ. Видите ли, и японецъ можетъ быть интересенъ, но какъ рѣдко! Если онъ пріѣдетъ еще разъ, непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, узнаю его имя, зазову въ каюту и какъ-нибудь дознаюсь, что онъ такое. Я даже думаю, не инкогнито ли онъ тутъ, не изъ любопытства ли замѣшался въ свиту и пріѣхалъ посмотрѣть, что мы за люди.

Вечеромъ въ тотъ день, т. е. когда японцы приняли письмо, они, по обѣщанію, пріѣхали сказать, что „отдали письмо", въ чемъ мы, впрочемъ, нисколько не сомнѣвались.

Дня черезъ три, пріѣхали опять *гокейнсы*, т. е. одинъ Баба и другой, по обыкновенію, новый, смотрѣть фрегатъ. Они пожелали видѣть адмирала, объявивъ, что привезли отвѣтъ губернатора на письма отъ адмирала и изъ Петербурга. Баніосы передали, что его превосходительство *„увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ"* и что постарается все исполнить. Принять адмирала онъ, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро.

Время между тѣмъ тянулось и наконецъ дотянулось до 9-го сентября. Ждали отвѣта изъ Едо, занимались и скучали, не занимались—и тоже скучали. Развлеченій почти никакихъ. То наши поѣдутъ на корветъ, то съ корвета пріѣдутъ къ намъ—обѣдать, пить чай. Готовятъ какую-то пьесу для театра. Японцы посѣщаютъ насъ, но пока рѣже. Вскорѣ, однакожъ, они стали посѣщать насъ чаще, и вотъ почему. Въ началѣ пріѣзда мы просили прислать намъ провизіи, разумѣется, за деньги, и сказали, что иначе не возьмемъ. Въ отвѣтъ на это японцы запѣли свою пѣсню, то-есть, что надо послать въ Едо, въ верховный совѣтъ, тотъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ Микадо, и потому отвѣта скоро получить—*унмоликъ!* невозможно. Губернаторъ прислалъ только небольшое количество живности и зелени, прося принять это въ подарокъ. Ему сказали, что возьмутъ съ условіемъ, если и онъ приметъ отвѣтный подарокъ, *контръ-презентъ*, какъ они называютъ.

Наши, взятыя изъ Китая и на Бонинъ-Сима, утки и куры, частію состарѣлись, не столько отъ времени, сколько отъ качки, пушечныхъ выстрѣловъ и другихъ, дорожныхъ и морскихъ безпокойствъ; а частью, просто были съѣдены. Надо было послать транспортъ въ Китай, за быками и живностью, а шкуну, съ особыми приказаніями, на сѣверъ, къ берегамъ Сибири. Объ этомъ объявили губернатору, затѣмъ, чтобъ онъ далъ приказаніе своимъ, при возвращеніи нашихъ судовъ, впустить ихъ безпрепятственно на рейдъ. Онъ ужасно встревожился, опасаясь, вѣроятно, не за подкрѣпленіемъ ли идутъ суда, и поспѣшно прислалъ сказать, чтобы мы не посылали транспорта, что свѣжую провизію мы можемъ покупать отъ голландцевъ, а они будутъ получать отъ японцевъ.

Мы обрадовались, и адмиралъ принялъ предложеніе, а транспортъ все-таки послалъ, потому что быковъ у япон-

цевъ бить запрещено, какъ полезный рабочій скотъ, и они мяса не ѣдятъ, а все рыбу и птицъ, поэтому мы говядины достать въ Японіи не могли. Да притомъ надо было послать бумаги и письма, черезъ Гон-Конгъ и Остъ-Индію, въ Европу. Губернаторъ ужасно опростоволосился. А мы въ выигрышѣ: въ недѣлю два раза дается длинная записка прислать того, другого, третьяго, живности, зелени, и т. п. Отъ этого, по середамъ и пятницамъ, куча японцевъ толпится на палубѣ. Вотъ сегодня одна партія пріѣхала сказать, что другая везетъ свинью, и точно привезли. Вчера не премянули сначала дать знать, что привезутъ воды, а потомъ уже привезли. Даже и ту воду, которая слѣдовала на корветъ, они привезли сначала къ намъ на фрегатъ, сказать, что привезли, а потомъ уже на корветъ, который стоитъ саженъ на сто пятьдесятъ ближе къ городу. Теперь безпрестанно слышишь щелканье соломенныхъ подошвъ, потомъ визгъ свиньи, которую тащатъ на трапъ, тамъ глухое паденіе мѣшка съ рѣдькой, съ капустой; вонъ корзинку яицъ тащатъ, потомъ фруктовъ, грушъ, большихъ, крѣпкихъ и годныхъ только для компота, и *какисовъ* или *какофигъ*.

Мы воспользовались этимъ случаемъ и стали помѣщать въ реестрахъ разныя вещи: трубки японскія, рабочіе лакированные ящики съ инкрустаціей и т. п. Но вмѣсто десяти, двадцати штукъ, они вдругъ привезутъ три, четыре. На мою долю досталось однакожъ кое-что: ящикъ, трубка и другія мелочи. Хотѣлось бы выписать по нѣскольку штукъ на каждаго, но скупо возятъ. За ящикъ, побольше, берутъ по 12 таиловъ (таилъ—около 3 р. асс.) поменьше—8.

Промахнувшись разъ, японцы стали слишкомъ осторожны: адмиралъ сказалъ, что, въ ожиданіи отвѣта изъ Едо объ отведеніи намъ мѣста, надо свезти пока на пустой, лежащій близъ насъ, камень, хронометры, для повѣрки. Объ этомъ вскользь сказали японцамъ: что же они? на другой

день на камнѣ воткнули дерево, *чтобъ сдѣлать камень, похожимъ на берегъ*, на который мы обѣщали не съѣзжать. Фарсёры!

30-го августа, въ Александровъ день, былъ завтракъ у именинника Б. Ш. на корветѣ. Было очень весело. Между различными развлеченіями, было одно, очень замѣчательное. На палубу явилось человѣкъ осьмнадцать мальчиковъ, отъ 12 до 16 лѣтъ. Они стройно и согласно пѣли романсы, хоровыя пѣсни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконецъ двое самыхъ маленькихъ плясали по-русски. Ихъ заставляли говорить наизусть басни Крылова. У всѣхъ нерусскія физіономіи—кто бы это были? Камчадалы! Они учатся въ школѣ, въ Петропавловскѣ, и готовятся въ лоцманскія и штурманскія должности. Вотъ гдѣ зажглась искра просвѣщенія и искусства! Всѣ эти мальчики по праздникамъ ѣздили на фрегатъ и прекрасно хоромъ пѣли обѣдню.

Насъ посѣтилъ въ началѣ сентября помощникъ здѣшняго оберъ-гофта или директора голландской факторіи, молодой человѣкъ, по имени... забылъ какъ. Самого оберъ-гофта зовутъ Донкеръ Курціусъ. Онъ происходитъ изъ старой голландской фамиліи. Съ помощникомъ пріѣхала куча японскихъ переводчиковъ: они не отходили отъ него ни на шагъ. Съ нимъ заговорили по-французски, но онъ просилъ говорить не иначе, какъ по-голландски, опасаясь японцевъ. Жалкое положеніе—сидѣть въ тюрьмѣ, Богъ знаетъ изъ чего! Этотъ молодой человѣкъ уже девять лѣтъ здѣсь. Онъ сказалъ, что на другой день явится самъ оберъ-гофтъ, съ визитомъ. Но тотъ ни на другой, ни на третій день не являлся, потомъ далъ знать, что нездоровъ. Наконецъ, когда, по возвращеніи нашего транспорта изъ Китая, адмиралъ послалъ оберъ-гофту половину быка, какъ рѣдкость здѣсь, онъ благодарилъ коротенькою записочкой, въ которой выражалось

большое удовольствіе, что адмиралъ понялъ настоящую причину его мнимой невѣжливости.

2-го сентября, ночью часа въ два, задулъ жесточайшій вѣтеръ: порывы съ горъ, изъ ущелій, были страшные. Въ три часа ночи, несмотря на луну, ничего не стало видно, только блистала неяркая молнія, но безъ грома, или его не слыхать было за вѣтромъ.

Трудно, живучи на берегу, представить себѣ такой вѣтеръ! Гулъ отъ него, шумъ снастей, командный крикъ — просто адъ! Я въ свое окошечко видѣлъ блуждающій свѣтъ фонарей, слышалъ, точно подземный грохотъ, стукъ травимой цѣпи и глухое, тяжелое паденіе другого якоря. Разсвѣло. Я вышелъ на палубу; жарко: дышать густымъ, влажнымъ и теплымъ воздухомъ было тяжело до тоски. Я перешелъ въ капитанскую каюту, сѣлъ тамъ на окно и смотрѣлъ на море: оно напоминало выдержанный нами въ китайскомъ морѣ ураганъ. Отдали третій якорь. Весь рейдъ былъ какъ одинъ огромный водоворотъ. Вода крутилась и кипѣла, вѣтеръ съ воемъ мчалъ ее въ видѣ пыли, сѣкъ волны, которыя, какъ стадо преслѣдуемыхъ животныхъ, метались на прибрежные каменья, потомъ на берегъ, затопляя на мгновеніе хижины, батареи, плетни и палисады. Японскія лодки, притаясь подъ берегомъ, качались какъ скорлупки.

Часовъ въ семь утра мгновенно стихло, наступила отличная погода. Слѣдующая и вчерашняя ночи были такъ хороши, что не уступали тропическимъ. Какіе нѣжные тоны — сначала розоваго, потомъ фіолетоваго, вечерняго неба! какая граціозная, игривая группировка облаковъ! Луна бѣла, прозрачна, и какой мягкій свѣтъ льетъ она на все!

Но скучно и жарко: безконечное наше лѣто, начавшееся съ января, у береговъ Мадеры, тянется до сихъ поръ, какъ кошемаръ. Пройдетъ ли оно? Сегодня хоть и прохладно,

но надолго ли? „Дайте срокъ: ужо задуетъ отъ трониковъ, будетъ вамъ прохлада!“ пророчески, какъ Сибилла, ворчитъ дѣдъ. Дни идутъ однообразно. Встаютъ матросы въ четыре часа (они ложатся въ восемь) и начинается мытье палубы, съ пескомъ и каменьями. Это дѣлается надъ моей головой. Проснешься, послушаешь и опять заснешь, да вѣдь какъ сладко, подъ это треніе камня и песку объ доски, какъ подъ дробный стукъ дождя въ деревянную кровлю! Отъ шести до семи съ половиной встаютъ и офицеры и идутъ къ поднятію флага, потомъ пьютъ чай, потомъ—кто куда. Начинается ученье, тревоги, движеніе парусами. Я, если хороша погода, иду на ютъ и любуюсь окрестностями, смотрю въ трубу на холмы, разглядываю деревни, хижины, движущіяся фигуры людей, вглядываюсь внутрь хижинъ, черезъ широкія двери и окна, безъ рамъ и стеколъ, разсматриваю проѣзжающія лодки, съ группами японцевъ: потомъ сажусь за работу и работаю до обѣда. Обѣдаютъ отъ часу до половины третьяго, потомъ сонъ, потомъ прогулка, одни и тѣ же битые и перебитые разговоры. А тамъ чай, прогулка по палубѣ, при звукахъ музыки нашего оркестра, затѣмъ картина вечерней зари и великолѣпно сіяющихъ, точно бенгальскими огнями, въ здѣшнемъ рѣдкомъ и прозрачномъ воздухѣ, звѣздъ. Ходишь вечеромъ посидѣть то къ тому, то къ другому: улягутся наконецъ всѣ, идти больше не къ кому, идешь къ себѣ и садишься вновь за работу.

Пріѣздъ японцевъ не разъ прерываетъ наши дневныя занятія. Заслышишь щелканье ихъ туфель по палубѣ, оставишь перо, возьмешь фуражку и пойдешь смотрѣть зачѣмъ пріѣхали. Вотъ такъ пріѣхали они 5 сентября. Мнѣ нездоровилось: я, ослабѣвшій, заснулъ до обѣда. Ѳаддеевъ будитъ: „поди, в. в., японцы здѣсь: пріѣхалъ новый, такой *толстой*“. Я засталъ его уже у адмирала, съ другими японцами. У него круглое, полное и смуглое лицо, безъ

румяница, какъ у всѣхъ у нихъ, съ выдавшимися донельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти невольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою. Онъ очень проворенъ и суетливъ: зовутъ его *Кичибе*. Онъ пріѣхалъ поговорить о церемоніалѣ, съ какимъ нужно принять посланника и бумагу въ верховный совѣтъ. А! значитъ полученъ отвѣтъ изъ Едо, хотя они и говорятъ, что нѣтъ: лгутъ, иначе не смѣли бы разсуждать о церемоніалѣ, не зная, примутъ ли насъ. Мнѣ поручено составить проэктъ церемоніала, т. е. какъ поѣдетъ адмиралъ въ городъ, какая свита будетъ сопровождать его, какая встрѣча должна быть приготовлена и т. п. Это очень важное дѣло здѣсь.

6-го. Такъ и есть, отвѣтъ полученъ. Сегодня явился опять новый старшій переводчикъ *Кичибе* и сказалъ, что будто сейчасъ получили отвѣтъ. У меня бумага о церемоніалѣ была готова, когда меня позвали въ адмиральскую каюту, гдѣ были японцы. К. Н. Посьетъ сталъ имъ передавать изустно, по-голландски, статьи церемоніала. Кичибе улыбался, кряхтѣлъ, едва сидѣлъ отъ нетерпѣнія на стулѣ, выслушивая его слова. Онъ ссылался на нашего посланника Резанова, говоря, что у него было гораздо меньше свиты. Ему отвѣчали, что это намъ не примѣръ, что нынѣшнее посольство предпринято въ бо́льшихъ размѣрахъ, оттого и свиты больше. Адмиралъ потому болѣе настаивалъ на этомъ, что всѣмъ офицерамъ хотѣлось быть на берегу.

Не предвидя возможности посылать къ вамъ писемъ изъ Нагасаки, я пересталъ писать ихъ и началъ вести дневникъ. Но случай послать письмо представляется и я вырываю нѣсколько листовъ изъ дневника, чѣмъ и заключу это письмо. Сообщу вамъ, между прочимъ, о нашемъ свиданіи съ нагасакскимъ губернаторомъ, какъ оно записано у меня подъ 9-мъ сентября.

„Что это, откуда я? гдѣ былъ, что видѣлъ и слышалъ?

Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи-одной ночь, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или это такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразятъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?

Вы, конечно, бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а если бъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ—не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность? — „Гдѣ-нибудь на островахъ, у Излера?“ возразите вы. Да, на островахъ конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно Ками Сама, нагасакскаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него.

Не подумайте, чтобъ тамъ поразила насъ какая-нибудь нелѣпая пестрота, отъ которой глазамъ больно, груды яркихъ тканей, драгоцѣнныхъ камней, ковровъ, арабески— все, что называютъ восточною роскошью—нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ, все просто, скромно, даже бѣдно, но все странно, ново: что шагъ, то небывалое для насъ.

Еще 5, 6 и 7 сентября, ежедневно ѣздили къ намъ гокейнсы договариваться о церемоніалѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ въ Европѣ хлопочете въ эту минуту о томъ *быть или не быть*, а мы цѣлые дни бились надъ вопросами: *сидѣть* или *не сидѣть*, *стоять* или *не стоять*, потомъ *какъ и на чемъ* сидѣть и т. п. Японцы предложили сидѣть по-своему, на полу, на пяткахъ. Станьте на колѣни и потомъ сядьте на пятки—вотъ это и значитъ сидѣть по-японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пяти минутъ не просидите, а японцы сидятъ по нѣскольку часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ такъ сидѣть; а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по-нашему, на креслахъ? Но японцы

тоже не умѣютъ сидѣть по-нашему, а кажется, чего проще? съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните, какъ угощали другъ друга *Журавль и Лисица*—это буквально одно и то же.

На другой день рано утромъ явились японцы, среди дня опять японцы и къ вечеру они же. То-и-дѣло пріѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка, съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвѣщаютъ уже о прибытіи *гокейнсовъ*. Зачѣмъ еще? „Да все о церемоніалѣ". —„Опять?" —„Мнѣніе губернатора привезли." — „Ну?" —„Губернаторъ проситъ, нельзя ли на полу-то вамъ посидѣть?..." началъ со смѣхомъ и ужимками Кичибе.

Онъ, воротясь изъ Едо, куда былъ посланъ, кажется, присутствовать при переговорахъ съ американцами, замѣнилъ Льоду и Садагору, какъ старшій.

„Ахъ, ты, Боже мой! вѣдь сказали, что не сядемъ, не умѣемъ, и платья у насъ не такъ сшиты, и тяжело намъ сидѣть на пяткахъ..." —„Да вы сядьте хоть не на пятки, просто, только протяните ноги куда-нибудь въсторону..." — „Не оставить ли ихъ на фрегатѣ?" ворчали у насъ и наконецъ разсердились. Мы объявили, что привеземъ свои кресла и стулья и сядемъ на нихъ, а губернаторъ пусть сидитъ, на чемъ и какъ хочетъ.

Кичибе, Льода и Садагора — всѣ поникли головой, но потомъ согласились. Все это говорили они въ капитанской каютѣ. Адмиралъ объявилъ имъ утромъ свой отвѣтъ, и узнавъ, что они вечеромъ пріѣхали опять съ пустяками, съ объясненіями о томъ, какъ сидѣть, уже ихъ не принялъ, а поручилъ разговаривать съ ними намъ. „Да вотъ еще", просили они: „губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ проситъ принять завтракъ". „Съ удовольствіемъ", приказалъ сказать адмиралъ. „Послѣ разговора о дѣлахъ", продолжалъ

Кичибе, „губернаторъ пойдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату“, прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь, „да и... позавтракаете“.—„Одни?“ спросили его: „вы никакъ съ ума сошли? У насъ, въ Европѣ, этого не дѣлается.“—„По-японски это весьма употребительно“, сказали они, „мы такъ всегда...“

Но, кажется, лгали: они хотѣли подражать адмиралу, который велѣлъ приготовить, въ первое свиданіе съ японцами на фрегатѣ, завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ. Боже мой! сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился: у него по вискамъ лились потоки испарины. Льода кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ осклабился. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ къ другимъ вопросамъ, напримѣръ, къ тому, въ чьихъ шлюпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ: опять упрашиванья съ ихъ стороны, отказъ съ нашей. У нихъ вытянулись лица.

Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, если бъ онѣ не вели за собой довольно-важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьезныхъ вопросахъ и, пожалуй, повести къ нѣкоторой заносчивости въ сношеніяхъ съ нами. Оттого адмиралъ и придерживался постоянно принятой имъ въ обращеніи съ ними системы: кротости, вѣжливости и твердости, какъ въ мелочныхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ. По мелочамъ этимъ, которыми начались наши сношенія, японцамъ предстояло составить себѣ о насъ понятіе, а намъ установить тонъ, который долженъ былъ господствовать въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Поэтому,

обстоятельство это гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.

У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобъ смягчить отказы, и придумали сшить легкіе полотняные, или коленкоровые башмаки, чтобъ надѣть ихъ, сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это—восточный обычай скидать обувь: и японцамъ, конечно, должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, пьютъ и лежатъ. Пошла суматоха: надо было въ сутки сшить, разумѣется на живую нитку, башмаки. Всѣхъ заняли, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя по тому, какъ плохо были сшиты мои башмаки, я подозрѣваю, что ихъ шилъ самъ Ѳаддеевъ, хотя онъ и обѣщалъ дать шить парусинку. Нѣкоторые изъ насъ подумывали-было ѣхать въ калошахъ, чтобъ было что̀ снять при входѣ въ комнату, но для однообразія, послѣдовали общему примѣру. Впрочемъ я, пожалуй, не прочь бы и сапоги снять, даже сѣсть на полъ, лишь бы присутствовать при церемоніи.

Вечеромъ, видимъ, опять ѣдутъ японцы. „Который это разъ? зачѣмъ?“—„Да все о церемоніалѣ“.—„Что̀ еще?“—„Губернаторъ проситъ, нельзя ли вамъ угоститься безъ него: такъ выходитъ хорошо по-японски“, говоритъ Кичибе. „А по-русски не выходитъ“, отвѣчаютъ ему. Начались поклоны и упрашиванья. „Ну, хорошо, скажите имъ“, приказалъ объявить адмиралъ, узнавъ, зачѣмъ они пріѣхали, „что, пожалуй, они могутъ подать чай, такъ какъ это ихъ обычай: но чтобъ о завтракѣ и помину не было“.

Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе. Видно, ему приказано отъ губернатора непремѣнно устроить, чтобъ мы приняли завтракъ: губернатору, конечно, предписано отъ Горочью, а этому отъ Сіогуна. „Еще губернаторъ“, началъ Кичибе, „проситъ насчетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...“—„Нельзя“, коротко и сухо отвѣчено ему.

Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ мы требовали для всѣхъ офицеровъ непремѣнно. И обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожиданія, никакого возраженія; вѣроятно, всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ее. Уѣхали.

На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на этомъ, конечно, затѣмъ, чтобъ показать народу, что мы *не ѣдемъ сами*, а *насъ везутъ*, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ.

Потомъ переводчики попросили изложить по-голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней; но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на ютѣ обѣдать, и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ не ѣдятъ мяса, а они ѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли принести съ лодокъ и свой обѣдъ, между прочимъ рыбу, жареную, *прессованную* и разрѣзанную правильными кусочками. К. Н. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правда ли: онъ въ дѣлѣ гастрономіи такой снисходительный.

Они уѣхали, сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9-го числа, что *рентмейстеръ*, первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскіе секретаря, пріѣдутъ извѣстить насъ, когда губернаторъ будетъ готовъ принять. Мы назначили имъ въ 10-ть часовъ утра. Тутъ они пустились въ договоры, какъ примемъ, гдѣ посадимъ чиновниковъ. „На креслахъ, на диванѣ, на полу: пусть сядутъ, какъ хотятъ, направо, налѣво, пусть влѣзутъ хоть на столъ“.

сказано имъ. „Нельзя ли нарисовать, какъ они будутъ сидѣть?“ сказалъ Кичибе.

Ну, сдѣлайте милость, скажите, что̀ дѣлать съ такимъ народомъ? А надо говорить о дѣлѣ. Дай Богъ терпѣніе! Вотъ что̀ значитъ запереться отъ всѣхъ: незамѣтно въ дѣтство впадешь.

Настало вожделѣнное утро. Мы цѣлый мѣсяцъ здѣсь: знаемъ подробно японскихъ свиней, оленей, даже раковъ, не говоря о самихъ японцахъ, а о Японіи еще ничего сказать не могли. „Ѳаддеевъ! весь парадный костюмъ мнѣ приготовить: и ты поѣдешь; одѣнься“. Всѣ нарядились въ парадныя платья. Я спросилъ бѣлый жилетъ, смотрю—онъ уже не бѣлый, а желтый. Шелковые галстуки, лайковыя перчатки—всѣ были въ какихъ-то, чрезвычайно ровныхъ, круглыхъ, и очень недурныхъ пятнахъ, разныхъ видовъ, смотря по цвѣту, напримѣръ, на бѣлыхъ перчаткахъ были зеленоватыя пятна, на палевыхъ оранжевыя, на коричневыхъ массака, и такъ далѣе: все отъ морской сырости. „Что жъ ты не провѣтривалъ?“ строго замѣтилъ я Ѳаддееву: „видишь, ни одной годной пары нѣтъ?“—„Да это такъ нарочно сдѣлано“, отвѣчалъ онъ, пораженный круглой, правильной формой пятенъ. „А галстуки тоже нарочно съ пятнами?“ Ѳаддеевъ стороной посмотрѣлъ на галстуки. „И они въ пятнахъ“, сказалъ онъ про себя: „что за чудо!“

Но о перчаткахъ нечего было и хлопотать: мы съ апрѣля, то есть съ мыса Доброй Надежды, и не пробовали надѣвать ихъ: напрасный трудъ, не надѣнешь въ эту жару, а и надѣнешь, такъ будешь не радъ—не скинешь послѣ.

Въ 10-мъ часу пріѣхали, сначала оппер-баніосы, потомъ и секретари. Мнѣ и К. Н. П-ту поручено было ихъ встрѣтить на шканцахъ и проводить къ адмиралу. Около фрегата собралось болѣе ста японскихъ лодокъ, съ голымъ народонаселеніемъ. Славно: нестроты нѣтъ, всѣ въ одномъ и томъ

же костюмѣ, съ большимъ вкусомъ! Мы съ П. ждали у грот-мачты, скоро ли появятся гости и что за секретари въ Японіи, похожи ли на нашихъ?

Вотъ идутъ по трапу и ступаютъ на палубу, одинъ за другимъ, и старые и молодые японцы, и объ одной, и о двухъ ногахъ, въ черныхъ и сѣрыхъ кофтахъ, съ особенно тщательно причесанными затылками, съ особенно чисто выбритыми лбами и бородой, словомъ, молодецъ къ молодцу: длинноликіе и круглоликіе, самые смуглые, и изжелта, и посвѣтлѣе, подслѣповатые и съ выпученными глазами, то до нельзя гладкіе, то до невозможности рябые. А что за челюсти, что за зубы! И все это лѣзло, лѣзло на палубу... Да будетъ ли конецъ? Показались переводчики, а за ними и секретари. „Которые же секретари? гдѣ?“ спрашивали мы. „Да вотъ!...“

Весь этотъ людъ, то-есть свита, всѣ до одного вдругъ, какъ по командѣ, положили руки на колѣни и поклонились низко, и долго оставались въ такомъ положеніи, какъ будто хотятъ играть въ чехарду. „Это-то секретари?“ На трапъ шли, переваливаясь съ ноги на ногу, два старика, лѣтъ 70-ти каждый, плѣшивые, съ сѣдыми жиденькими косичками, въ богатыхъ штофныхъ юбкахъ, съ широкой бархатной по подолу обшивкой, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, и какъ всѣ прочіе, въ соломенныхъ сандаліяхъ. Они едва подняли вѣки на насъ, на все, что было кругомъ, и тотчасъ же опустили. Грянула музыка—опять они подняли вѣки и опять опустили. Потомъ тихо поплелись, шаркая подошвами, куда мы повели ихъ, не глядя по сторонамъ. Оппер-баніосы тутъ же поступили въ ихъ свиту и шли за ними. И они, въ свою очередь, *хикали*, когда тѣ обращали къ нимъ рѣчь. Сначала ихъ привели въ капитанскую каюту и посадили, по вчерашнему рисунку, на два кресла. Прочіе не смѣли сѣсть. Секретари объявили, что желали бы видѣть адмирала.

Такъ же сонно, не глядя ни на что вокругъ, спустились они въ адмиральскую каюту. Тамъ, чтобъ почтить ихъ до нельзя, подложили имъ на кресла, въ отличіе отъ свиты, по сафьянной подушкѣ, такъ что ноги у нихъ не доставали до полу. Чего кажется почетнѣе? Имъ принесли чаю и наливки. Чай они хлебнули, а отъ наливки отказались, сказавъ, что имъ некогда, что они пріѣхали только отъ губернатора объявить, что его превосходительство ожидаетъ русскихъ. Они просили насъ не тотчасъ ѣхать вслѣдъ за ними, чтобъ успѣть пріѣхать во-время и встрѣтить насъ. „Наши лодки такъ скоро, какъ ваши, ходить не могутъ", прибавили они. Баніосы остались, чтобъ ѣхать съ нами.

9-го сентября. День рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Когда, послѣ молебна, мы стали садиться на шлюпки, въэту минуту, по свистку, взвились кверху по снастямъ свернутые флаги, и люди побѣжали по реямъ, лишь только русскій флагъ появился на адмиральскомъ катерѣ. Едва катеръ тронулся съ мѣста, флаги всѣхъ націй мгновенно развернулись на обоихъ судахъ и ярко запестрѣли на солнцѣ. Вмѣстѣ съ гимномъ *Боже, Царя храни*, грянуло троекратное ура. Всѣ бывшіе на шлюпкахъ японцы, человѣкъ до пятисотъ, на минуту оцѣпенѣли, потомъ, въ свою очередь, единодушно огласили воздухъ крикомъ изумленія и восторга.

Впереди шла адмиральская гичка: К. Н. П—ть ѣхалъ въ ней, чтобъ установить на берегу почетный караулъ. Сзади ѣхалъ катеръ съ карауломъ, потомъ другой, съ музыкантами и служителями, далѣе шлюпка съ офицерами, за ней катеръ, гдѣ былъ адмиралъ со свитой. Сзади шелъ еще вельботъ: тамъ сидѣлъ одинъ изъ офицеровъ. Впереди, сзади, по бокамъ, торопились во множествѣ японскія шлюпки—однѣ, чтобъ идти рядомъ, другія хотѣли обогнать. Ѣхали медленно, около часа: музыка играла все время. По батареямъ,

пристанямъ, холмамъ вездѣ толпились кучи бритыхъ головъ, разноцвѣтныхъ, больше синихъ халатовъ. Лодки, какъ утки, плавали вокругъ, но близко къ намъ не подходили.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на великолѣпные берега пролива, мимо которыхъ ѣхали. Я опять не могъ защищаться отъ досады, глядя на мѣста, гдѣ природа сдѣлала съ своей стороны все, чтобъ дать человѣку случай приложить и свою творческую руку и надѣлать чудесъ, и гдѣ человѣкъ ничего не сдѣлалъ. Вонъ тотъ холмъ, какъ онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ: онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой, съ портикомъ, или виллой, съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю, да пристань, у которой шныряли бы пароходы и гомозились люди. Тутъ, на высокой горѣ, стоять бы монастырю, съ башнями, куполами и золотымъ, далеко сіяющимъ изъ-за кедровъ, крестомъ. Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда, съ лѣсомъ мачтъ...

„А что, если бъ у японцевъ взять Нагасаки?“ сказалъ я вслухъ, увлеченный мечтами. Нѣкоторые засмѣялись. „Они пользоваться не умѣютъ“, продолжалъ я: „что бы было здѣсь, если бъ этимъ портомъ владѣли другіе? Посмотрите, какія мѣста! Весь восточный океанъ оживился бы торговлей...“

Я хотѣлъ развивать свою мысль о томъ, какъ Японія связалась бы торговыми путями, черезъ Китай и Корею, съ Европой и Сибирью; но мы подъѣзжали къ берегу. „Гдѣ же городъ?“ — „Да вотъ онъ“, говорятъ. — „Весь тутъ? за мысомъ ничего нѣтъ? такъ только-то?“

Мы не вѣрили глазамъ, глядя на тѣсную кучу сѣрыхъ, невзрачныхъ, одноэтажныхъ домовъ. Налѣво, гдѣ я предполагалъ продолженіе города, ничего не было: пустой берегъ, маленькія деревушки, да отдѣльныя, вѣроятно,

рыбачьи хижины. По мысамъ, которыми замыкается проливъ, все тѣ же дрянныя батареи, да какія-то низенькія и длинныя зданія, въ родѣ казармъ. Къ берегамъ жмутся неуклюжія большія лодки. И все завѣшено: и дома, и лодки, и улицы, а народъ, которому бы очень не мѣшало завѣситься, ходитъ ужъ черезчуръ нараспашку.

Я начитался о многолюдствѣ японскихъ городовъ и теперь понять не могъ, гдѣ же помѣщается тутъ до шестидесяти тысячъ жителей, какъ говоритъ, кажется, Тунбергъ? „Сколько жителей въ Нагасаки?“ спросилъ я однажды Баба-Городзаймона, черезъ переводчика, разумѣется. Онъ повторилъ вопросъ по-японски и посмотрѣлъ на другого баніоса, тотъ на третьяго, этотъ на ондер-баніоса, а ондер-баніосъ на переводчика. И такъ вопросъ и взглядъ дошли опять до Бабы, но безъ отвѣта. „Иногда бываетъ меньше, сказалъ наконецъ Садагора, а въ другой разъ больше“. Вотъ вамъ и отвѣтъ! Они всего боятся: все имъ запрещено: проврутся во вздорѣ—и за то бѣда. Я спросилъ однажды, какъ зовутъ Сіогуна. „Не знаемъ“, говорятъ. Впрочемъ у нихъ имя государя дѣйствительно почти тайна, или по крайней мѣрѣ они, изъ благоговѣнія, не произносятъ его: по смерти его ему даютъ другое имя. У нихъ вообще есть обычай мѣнять имена по нѣскольку разъ въ жизни, въ разныя эпохи, напримѣръ, при женитьбѣ, и тому подобныхъ обстоятельствахъ.

Мы все ближе и ближе подходили къ городу: вездѣ, на высотахъ, и по берегу, и на лодкахъ, тьмы людей. Вотъ наконецъ и голландская факторія. Нѣсколько голландцевъ сидятъ на балконѣ. Мнѣ показалось, что одинъ изъ нихъ поклонился намъ, когда мы поровнялись съ ними. Но вотъ наши переднія шлюпки пристали, а адмиральскій катеръ, въ которомъ былъ и я, держался на веслахъ, ожидая, пока тамъ все установится.

Берегъ! берегъ! Наконецъ мы ступили на японскую землю. Мы вышли на каменную пристань. Ну, берегъ не очень занимательный: хоть и не выходить!

На пристань вела довольно-высокая, изъ дикаго камня, лѣстница. Набережная плотно убита была пескомъ: это широкая площадка. Дома были завѣшены сплошной, синей и бѣлой холстиной. Караулъ построился въ двѣ шеренги по правую сторону пристани, офицеры по лѣвую. Сзади толпился тощей кучкой народъ, мелкій, большею частью, некрасивый и голый. Видно было, что на набережную пустили весьма немногихъ: прочіе глядѣли съ крышъ, изъ-за занавѣсокъ, провертя въ нихъ отверстія, съ террасъ, съ горъ—отовсюду. Въ толпѣ суетился какой-то старикъ, съ злымъ лицомъ, тоже не очень одѣтый. Онъ унималъ народъ, не давалъ лѣзть впередъ, чему кромѣ убѣдительныхъ словъ, не мало способствовала ему предлинная жердь, которая была у него въ рукахъ.

Едва адмиралъ ступилъ на берегъ, музыка заиграла, караулъ и офицеры отдали честь. А гдѣ же встрѣча, кто жъ приметъ: одни переводчики? Нѣтъ, это шутки! Велѣно спросить, узнать и вытребовать.

Переводчики засуетились, забѣгали, а мы пока осматривали носилки или „норимоны", по-японски, которыя, по уговору, ожидали насъ на берегу. Ихъ было двѣнадцать, или еще, кажется, больше, по числу офицеровъ. Я думаю, ихъ собрали со всего города. Онѣ замѣняютъ въ Японіи наши кареты. Носилки, довольно красивыя на взглядъ, обиты разными матеріями, украшены значками и кистями. Но въ нихъ сѣсть было нельзя: или ногъ, или головы, дѣвать некуда. Не для пытокъ ли заведены у нихъ эти экипажи? подумаешь, глядя на нихъ. Полунагіе носильщики, на толстой жерди, продѣтой вверху, несутъ норимоны на плечахъ. Все это крайне неловко, не то что въ Китаѣ. Въ Гон-Конгѣ

меня носили въ препокойныхъ и удобныхъ носилкахъ, въ родѣ нашихъ качелей, на которыхъ простой народъ качается на святой недѣлѣ. Въ нихъ сидишь, какъ въ креслахъ. Кромѣ носилокъ, была тутъ, говорятъ, еще и лошадь. Я не замѣтилъ лошади и не знаю, зачѣмъ она была. Въ этой суматохѣ простительно и слона не замѣтить. Кое-кто изъ нашихъ попробовали было влѣзть въ эти клѣтки, т.-е. носилки, но тотчасъ же выскочили и пошли пѣшкомъ.

Наконецъ явился какой-то старикъ, съ сонными глазами, хорошо одѣтый: за нимъ свита. Онъ сталъ неподвижно передъ нами и смотрѣлъ на насъ вяло. Не знаю, торжественность ли они выражаютъ этимъ апатическимъ взглядомъ, но только сначала, безъ привычки, трудно безъ смѣху глядѣть на эти фигуры, въ юбкахъ, съ косичками и голыми колѣнками.

Я стоялъ сзади, въ свитѣ адмирала, въ хвостѣ нашей колонны. Вдругъ впереди раздалась команда: *маршъ впередъ!* музыка грянула и весь отрядъ тронулся съ мѣста. Слышались мѣрные и дробные шаги идущихъ въ ногу матросовъ. Отошли не болѣе ста саженъ по песчаной набережной и стали подниматься на другую каменную лѣстницу. По сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другого, японскіе... Ужели это солдаты? Посмотрите, что̀ это такое: взятые на подборъ, поменьше ростомъ, японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, потому что самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а можетъ-быть, были одни чехлы безъ ружей. Здѣсь все можетъ быть, чего въ другихъ мѣстахъ не бываетъ.

Мы еще были внизу, а колонна змѣилась уже по лѣстницѣ, штыки сверкали на солнцѣ, музыка уходила впередъ

и играла все глуше и глуше. Скомандовали: *лѣвое плечо впередъ!* колонна сжалась, точно змѣя, въ кольцо, потомъ растянулась и взяла направо: музыка заиграла еще глуше, какъ будто вошла подъ сводъ, и вдругъ смолкла.

Надъ головой у насъ голубое, чудесное небо, вдали террасы горъ, кругомъ странная улица, съ непохожими на наши домами, и людьми тоже.

Мы завернули за колонной направо, прошли ворота и очутились на чистомъ, мощеномъ дворѣ, передъ широкимъ, деревяннымъ крыльцомъ, безъ дверей.

Прежде всего бросается въ глаза необыкновенная опрятность двора, деревянной, крытой цыновками лѣстницы, наконецъ и самихъ японцевъ. Въ этомъ имъ надо отдать справедливость. Всѣ они отличаются чистотой и опрятностью, какъ въ своей собственной персонѣ, такъ и въ платьѣ. Какъ бы въ этой густой косѣ не присутствовать разнымъ запахамъ, на этихъ халатахъ не быть пятнамъ? Нѣтъ ничего. Не говорю уже о чиновникахъ: тѣ и опрятно и со вкусомъ одѣты: но взглянешь и на нищаго, видишь наготу, или разорванный халатъ, а пятенъ, грязи нѣтъ. Тогда какъ у китайцевъ, напримѣръ, чего не натерпишься, стоя въ толпѣ! Одинъ запахъ сандальнаго дерева чего стоитъ! отъ дыханія, напитаннаго чеснокомъ, кажется, муха умретъ на лету. Отъ японцевъ никакого запаха. Глядишь на голову: черезъ косу сквозитъ бритый, но чистый черепъ; голыя руки далеко видны въ широкомъ рукавѣ: смуглы, правда, но все таки чисты. Манеры у нихъ приличны: въ обращеніи они вѣжливы—словомъ всѣмъ бы порядочные люди, да нельзя съ ними дѣла имѣть: медлятъ, хитрятъ, обманываютъ, а потомъ откажутъ. Бить ихъ жаль. Они такой порядокъ устроили у себя, что если бъ и захотѣли не отказать, или вообще сдѣлать что-нибудь такое, чего не было прежде, даже и хорошее, такъ не могутъ, по крайней мѣрѣ добровольно.

Напримѣръ: вотъ они рѣшили, лѣтъ двѣсти слишкомъ назадъ, что европейцы вредны и что съ ними никакого дѣла имѣть нельзя, и теперь сами не могутъ измѣнить этого. А ужъ конечно они убѣдились, особенно въ новое время, что если бъ пустить иностранцевъ, такъ отъ нихъ многому бы можно научиться: жить получше, быть посвѣдущѣе во всемъ, сильнѣе, богаче.

Правительство знаетъ это, но, по старой памяти, боится, что христіанская вѣра вредна для ихъ законовъ и властей. Пусть бы оно рѣшило теперь, что это вздоръ, и что необходимо опять сдружиться съ чужестранцами. Да какъ? Кто начнетъ и предложитъ? Члены верховнаго совѣта?— Сіогунъ велитъ имъ распороть себѣ брюхо. Сіогунъ?— Верховный совѣтъ предложитъ ему уступить мѣсто другому. Микадо не предложитъ, а если бъ и вздумалъ, такъ Сіогунъ не сошьетъ ему новаго халата и дастъ два дня сряду обѣдать на одной и той же посудѣ.

Извѣстно, что этотъ Микадо (настоящій, законный государь, отодвинутый, узурпаторами-намѣстниками, или Сіогунами, на задній планъ) не можетъ, ни надѣть два раза одного платья, ни дважды обѣдать на одной посудѣ. Все это каждый день мѣняется, и Сіогунъ аккуратно поставляетъ ему обновки, но простыя, подешевле.

Японцы такъ хорошо устроили у себя внутреннее управленіе, что Совѣтъ не можетъ сдѣлать ничего безъ Сіогуна, Сіогунъ безъ Совѣта и оба вмѣстѣ безъ удѣльныхъ князей. И такъ система ихъ держится и будетъ держаться на своихъ искусственныхъ основаніяхъ до тѣхъ поръ, пока не помогутъ имъ ниспровергнуть ее... американцы, или хоть... мы!

А теперь они еще пока боятся и подумать выглянуть на свѣтъ Божій изъ подъ этого колпака, которымъ такъ плотно сами накрыли себя. Какъ они испуганы и огорчены нашимъ внезапнымъ появленіемъ у ихъ береговъ! Четыре большія

судна, огромныя пушки, множество людей, и твердый, небывалый тонъ въ предложеніяхъ, самостоятельность въ поступкахъ! Что жъ это такое?

Какъ они засуетились, когда попросили ихъ убрать подальше караульныя лодки отъ нашихъ судовъ, когда вдругъ вздумали и послали одно изъ судовъ въ Китай, другое на сѣверъ, безъ позволенія губернатора, который привыкъ, чтобъ судно не качнулось на японскихъ водахъ безъ спроса, чтобъ даже шлюпки европейцевъ не ѣздили по гавани! Теперь имъ холодно объявляютъ, чего хотятъ и чего не хотятъ. Они думаютъ противиться, иногда вдругъ заговорятъ попрежнему, *требуютъ*, а сами глазами умоляютъ не отказать, чтобъ имъ не досталось свыше. Имъ поставится всякая наша вина въ вину. Узнавъ, что завтра наше судно идетъ въ море, они бѣгутъ къ губернатору и торопятся привезти разрѣшеніе. Мы хохочемъ. Они объявили, что съ батарей будутъ палить, завидя суда въ морѣ, и этимъ намекнули, что у нихъ есть пушки, которыя даже палять. Палите, отвѣчаемъ съ улыбкой. Просятъ не ѣздить далеко по рейду— мы ничего не отвѣчаемъ и ѣдемъ. А губернаторъ все еще поднимаетъ носъ: дѣлаетъ запросы, хочетъ настаивать, да вдругъ и спустится, уступитъ.

Давно ли сарказмомъ отвѣчали японцы на совѣтъ голландскаго короля отворить ворота европейцамъ? Имъ приводили въ примѣръ китайцевъ, сказавъ, что тѣ пускали европейцевъ только въ одинъ портъ, и вотъ что̀ изъ этого вышло: открытіе пяти портовъ, торговые трактаты, отмѣна стѣсненій и т. п. „Этого бы не случилось съ китайцами", отвѣчали японцы, „если бъ они не пускали и въ одинъ портъ".

А вотъ теперь иностранцы постучались и въ ихъ завѣтныя ворота, съ двухъ сторонъ. Пришелъ и ихъ чередъ практически рѣшать вопросъ: *пускать*, или *не пускать* европейцевъ, а это все равно для японцевъ, что быть или не быть.

Пустить—гости опять принесутъ свою вѣру, свои идеи, обычаи, уставы, товары и пороки. Не пускать... но ихъ и теперь четыре судна, а, пожалуй, придетъ и десять, все съ длинными пушками. А у нихъ самихъ недлинныя, и безъ станковъ, или на соломенныхъ станкахъ. Есть еще ружья съ фитилями, сабли, даже по двѣ за поясомъ у каждаго, и отличныя... да что съ этими игрушками сдѣлаешь?

Пустить или непустить—легко сказать! Пустить—когда имъ было такъ тихо, покойно, хорошо—и спать и ѣсть. Не пустить... а какъ гости сами пойдутъ, да такъ, что губернаторъ не успѣетъ прислать и позволенія? Съ кѣмъ посовѣтоваться? у кого спросить? Губернаторъ не смѣетъ рѣшить. Онъ пошлетъ спросить въ верховный совѣтъ, совѣтъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ—Микадо. Этотъ, прямой и непосредственный родственникъ неба, братъ, сынъ, или племянникъ луны, могъ бы, кажется, рѣшить, но онъ сидитъ съ своими двѣнадцатью супругами и нѣсколькими стами ихъ помощницъ, сочиняетъ стихи, играетъ на лютнѣ и кушаетъ каждый день на новой посудѣ. Губернатору велятъ на всякій случай прогнать, истребить иностранцевъ, или, по крайней мѣрѣ, ни за что не пускать въ Едо. Губернатору лучше бы, если бъ мы, минуя Нагасаки, прямо въ Едо пришли: онъ отслужилъ свой годъ и сдавъ должность другому, прибывшему на смѣну, готовился отправиться самъ въ Едо, домой, къ семейству, которое удерживается тамъ правительствомъ и служитъ порукой за мужа и отца, чтобъ онъ не нашалилъ какъ-нибудь на границѣ. А пока мы здѣсь, онъ не можетъ ѣхать, даже когда пріѣдетъ другой губернаторъ. И вотъ губернаторъ начинаетъ спроваживать гостей—нейдутъ: чуть онъ громко заговоритъ, или не исполняетъ просьбъ, не шлетъ свѣжей провизіи, мѣшаетъ шлюпкамъ кататься—ему грозятъ идти въ Едо; если не присылаетъ, по вызову, чиновниковъ—ему говорятъ, что сейчасъ поѣдутъ сами искать ихъ въ Нагасаки.

и чиновники ѣдутъ. „Будьте вы прокляты!" думаетъ вѣроятно онъ, и чиновники то же конечно думаютъ; только переводчикъ Кичибе ничего не думаетъ: ему все равно, возьмутъ ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, показывать свои фортепіано изо рту, *хикаетъ*, и передъ губернаторомъ, и передъ нами.

Но что же дѣлать имъ? и пустить нельзя, и непустить мудрено. Они пробуютъ хитрить: то скажутъ, что мы съѣли всѣхъ свиней въ Нагасаки, и скоро не будетъ свѣжей провизіи: продаютъ утку по талеру за штуку, думая этимъ надоѣсть. Ничего не беретъ! Талеры платятъ и ѣдятъ дорогихъ утокъ, все равно какъ дешевыхъ. Какъ поступить? Свысока ли, какъ прежде, или какъ требуетъ время и обстоятельства? Они, въ недоумѣніи, пробуютъ и то и другое. Они видятъ, что ихъ система замкнутости и отчужденія, въ которой одной они искали спасенія, ихъ ничему не научила, а только остановила ихъ ростъ. Она какъ школьная затѣя, мгновенно рушилась при появленіи учителя. Они одни, безъ помощи; имъ ничего больше не остается, какъ удариться въ слезы и сказать: „виноваты, мы дѣти!" и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ.

Кто же будутъ эти старшіе? Тутъ хитрые, неугомонные промышленники, американцы, здѣсь горсть русскихъ: русскій штыкъ, хотя еще мирный, безобидный, гостемъ пока, но сверкнулъ уже при лучахъ японскаго солнца, на японскомъ берегу раздалось *впередъ!* Avis au Japon!

Если не намъ, то американцамъ, если не американцамъ, то слѣдующимъ за ними—кому бы ни было, но скоро суждено опять влить въ жилы Японіи тѣ здоровые соки, которые она самоубійственно выпустила, вмѣстѣ съ собственною кровью, изъ своего тѣла, и одряхлѣла въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства.

Я не разъ упомянулъ о *разрѣзываніи брюха*. Кажется,

теперь этотъ обычай употребляется рѣже. Послѣ нашего прихода, когда правительство убѣдится, что и ему самому, не только подданнымъ, придется измѣнить многое у себя, конечно будутъ пороть брюхо еще рѣже. А вотъ пока что говоритъ объ этомъ обычаѣ мой ученый источникъ, изъ котораго я привелъ нѣкоторыя мѣста въ началѣ этого письма.

„Какимъ же образомъ тое отправляется, какъ себѣ чрево распарывать, такимъ: собираютъ своихъ родителей и вмѣстѣ идутъ въ пагодъ, посреди того пагода постилаютъ цыновки и ковры, на тѣхъ садятся и пиршествуютъ, на прощаніи ядятъ изрядно и сладко, а пьютъ много. И какъ уже пиръ окончится, тотъ, который долженъ умереть, вставаетъ и разрѣзывается накрестъ, такъ что его внутренняя вся вонъ выходятъ. Которыя жъ смѣляе, то, по такомъ дѣйствіи, и глотку себѣ перерѣзываютъ. Думаю, что разныхъ образцовъ, какъ себѣ чрево распарывать, между ими болѣ до пять-десяти восходитъ".

Кажется, иностранцамъ, если только уступитъ правительство, съ японскимъ народомъ собственно не будетъ большихъ хлопотъ. Онъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообщеніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ поглядываетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, пьетъ жадно водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ налету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ. Къ намъ подъѣхала недавно лодка: въ ней были два гребца, а на носу небрежно лежалъ хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати. Видно, что онъ выпросился погулять, посмотрѣть

корабль и другихъ людей. Гребцы, по обыкновенію, хватали все, что имъ ни бросали, но не ѣли, а подавали ему: онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и пряталъ. Имъ спустили на веревкѣ бутылку вина, водки, дали сухарей, конфетъ— все брали. Да и высшій классъ, кажется, тяготился отчужденіемъ отъ міра и своей сонной и безплодной жизнью. Кто-то изъ переводчиковъ проговорился намъ, что, въ пріѣздъ Резанова, въ ихъ верховномъ совѣтѣ только двое, изъ семи или осьми членовъ, подали голосъ въ пользу сношеній съ европейцами, а теперь только два голоса говорятъ противъ этого. Кликни только кличъ—и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной: и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же, безъ всякихъ трактатовъ, завалены бы были всевозможными товарами, безъ помощи Сіогуна, который всѣ барыши беретъ себѣ, нужды нѣтъ, что Японія, по словамъ властей, страна бѣдная и торговать будто бы ей нечѣмъ.

Сколько у нихъ жизни кроется подъ этой апатіей, сколько веселости, игривости! Куча способностей, дарованій—все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ, тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всемъ разспрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Едо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобъ заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль

живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы, и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ. Рѣшительно японцы — французы, китайцы—нѣмцы здѣшнихъ мѣстъ.

Но пока имъ не растолковано, и особенно не доказано, что имъ хотятъ добра, а не зла, они боятся перемѣнъ, хотя и желаютъ, не довѣряютъ чужимъ и ведутъ себя, какъ дѣти. Они теперь мечутся, мѣряютъ орудія, когда они на нихъ наведены, хотятъ въ одну минуту выучиться строить батареи, лить пушки, ядра, и даже—стрѣлять. Они не понимаютъ, что Россія не была бы Россіей, Англія Англіей, въ торговлѣ, войнѣ и во всемъ, если бъ каждую заперли на замокъ. Не дѣти ли, когда думали, что имъ довольно только не хотѣть, такъ ихъ и не тронутъ, не пойдутъ къ нимъ даже и тогда, если они, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе и брошенныхъ на ихъ берега иностранцевъ, будутъ сажать въ плѣнъ, купеческія суда гонять прочь, а военныя учтиво просить уйти и не приходить? Они думали, что и все такъ будетъ, что не доберутся до нихъ, не захотятъ, или не смогутъ.

Вотъ они теперь ссылаются на свои законы, обычаи, полагая, что этого довольно, что все это будетъ уважено безусловно, несмотря на то, что сами они не хотѣли знать и слышать о чужихъ законахъ и обычаяхъ. За настойчивостью кроется страхъ, что мы не послушаемъ, не исполнимъ ихъ капризовъ. Имъ хочется отказать въ требованіяхъ, но хочется и узнать, что̀ имъ за это будетъ: въ самомъ ли дѣлѣ будутъ драться и больно ли? Ужели не пощадятъ ихъ? Кажется, нѣтъ—и пожалуй припомнятъ все: пролитую кровь христіанъ, оскорбленіе посланниковъ,

тюрьмы плѣнныхъ, грубости, надменность, чванство. Еще дѣла не начались, а на Лю-Чу, въ прихожей у порога, и въ Китаѣ также, стоитъ нетерпѣливо, какъ у долго неотпирающихся дверей, толпа миссіонеровъ: они ждутъ-недождутся, когда настанетъ пора возстановить дерзко-поверженный крестъ...

А нечего дѣлать японцамъ противъ кораблей: у нихъ, кромѣ лодокъ, ничего нѣтъ. У этихъ лодокъ, какъ и у китайскихъ джонокъ, паруса изъ цыновокъ, очень мало изъ холста, да еще открытая корма: оттого они и ходятъ только у береговъ. Кемпферъ говоритъ, что въ его время, Сіогунъ запретилъ строить суда иначе, чтобъ они не ѣздили въ чужія земли. „Нечего, дескать, имъ тамъ дѣлать".

Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава Бунгоно Ками Сама, нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми цыновками, мы увидѣли и нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужъ онъ маялся отъ нетерпѣнія: ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, поговорить, пошумѣть и побѣгать. Только что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Ѳаддеевымъ, едва натащили. Я не узналъ Ѳаддеева: весь въ красномъ, въ ливреѣ, съ стоячимъ воротникомъ, на вытяжкѣ, а лицо на сторону—неподражаемъ! Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны, заклеенная, вмѣсто стеколъ, бумагой, оконная рама доходила до полу, съ другой, подвижныя бумажныя, разрисованныя и весьма не дурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и

посеребренной бумаги, ширмы, такъ что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ.

Въ глубинѣ залъ сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностью. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Не слышно и не видно было, дышатъ-ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли онѣ наконецъ? И сколько ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ: вотъ двѣ массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ, посажены въ маленькомъ проходѣ, какъ фарфоровыя куклы; далѣе тянутся опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые и старые, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ сорокъ лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между тѣмъ всѣ они уставили глаза въ стѣну, или въ полъ, и, кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ лицо глупѣе. Всѣ, болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ: многіе, конечно, неумышленно.

Общій видъ картины былъ оригиналенъ. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. „Башмаки, башмаки!“ слышу вдругъ чей-то шопотъ. Гляжу—на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? „Еще за три комнаты оставилъ“, говорятъ мнѣ. Я увлекся и не замѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ, коленкоровые башмаки лежали на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть также смирно, и безъ насъ, какъ при насъ: онѣ и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ входимъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ: справа стоялъ, въ нишѣ, золоченый, большой лукъ: знакъ

ли это губернаторскаго сана, или такъ, украшеніе — я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими цыновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидящихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать.

Въ одно время съ нами показался въ залу и „Овосава Бунгоно Ками Сама“, высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Овосава — это имя. Бунго-но — нѣчто въ родѣ фамиліи, которая, кажется, дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по крайней мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, не что иное, какъ грамматическая форма. *Ками* — почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ; Сама*—господинъ, титулъ, прибавляемый сзади именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги—проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ: они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялилъ ихъ на ноги. „Нехорошо“, прошепталъ Б. и засмѣялся слышнымъ только мнѣ да ему смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. „Нехорошо“, прошепталъ я. въ свою очередь.

А между тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и указывая на стоявшій на столикѣ, маленькій лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда.

Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*. Богъ вѣдаетъ, отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя.

Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, уже не было никого: сидящія фигуры убрались вонъ. Тамъ стояли привезенные съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому недостало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что я пришелъ въ отдыхальню безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ я положилъ ихъ въ шляпу и дѣло тамъ и осталось.

За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомыя лица— переводчики: они ринулись на полъ и въ три ряда усѣлись по-своему. Мы завели съ ними разговоръ. „У васъ стеколъ нѣтъ вовсе въ рамахъ?“ спросилъ К. Н. П. „Нѣтъ“, былъ отвѣтъ. „У васъ всѣ дома въ одинъ этажъ, или бываютъ въ два этажа?“ спрашивалъ П. „Бываютъ въ два“, отвѣчалъ Кичибе и поглядѣлъ на Льоду. „И въ три“, сказалъ тотъ и поглядѣлъ на Садагору.—„Бываютъ тоже и въ пять“, сказалъ Садагора. Мы засмѣялись. „Часто у васъ бываютъ землетрясенія?“ спросилъ П. „Да, бываютъ“, отвѣчалъ Садагора, глядя на Льоду. „Какъ часто: въ десять, или двадцать лѣтъ?“ „Да, и въ десять, и въ двадцать лѣтъ бываютъ“, сказалъ Льода, поглядывая на Кичибе и на Садагору. „Горы разсѣдаются и дома падаютъ“, прибавилъ Садагора. И въ этомъ тонѣ продолжался весь разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей; каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣніемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару.

Опять появились слуги: каждый несъ лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всѣ эти штуки: набивать трубку, закуривать углемъ, вытряхивать пепелъ: а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощеніе *Лисицы* и *Журавля*.

Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкой эти наперстки, въ которые не помѣстится щепоть нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется, я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайно мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пачкѣ, съ перваго взгляда, похожъ на кучу какой-то темно-красной пыли.

Кичибе суетился: то побѣжитъ въ пріемную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. „Хорошо, можно", отвѣчали ему, и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобъ они больше одной рюмки вина не пили.

Только что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфеты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка; далѣе, рыбка изъ дрянного сахара, крашеная и намазанная какимъ-то масломъ; наконецъ мелкія, сухія конфеты: обсахаренные плоды, и между прочимъ, морковь. Не правда ли, отчаянная смѣ-

лость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, недурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно „съѣсть и обсахаренную подошву", то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многаго не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороху включительно, что и доказали китайцы и японцы, выдумавъ и то, и другое.

Наконецъ, не знаю въ который разъ, вбѣжавшій Кичибе объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, то-есть, если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ самомъ дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ пріемную залу и начался разговоръ.

Прежде всего сѣли на перенесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе, на четверть аршина отъ пола. Кичибе и Льода, оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибе. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Льода лежалъ все время такъ, и только исподлобья бросалъ такіе же пронзительные взгляды то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Льода присутствовалъ только для повѣрки перевода, и наконецъ для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора.

Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированнаго ящика бумагу и началъ читать чутьслышнымъ голосомъ, но внятно. Только что онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или, вѣрнѣе,

палъ на колѣни, съ поклономъ принялъ бумагу, подошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣни, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жесткій, какъ карканье вороны, голосъ Кичибе: онъ по-голландски передалъ содержаніе бумаги намъ. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себя: гримасамъ и всхлипываньямъ не было конца.

Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только-было, на вопросъ адмирала, я разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же порядкомъ прочелъ ее: тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что „письмо будетъ принято, но что скораго отвѣта на него быть не можетъ".

Оно покажется не логично, не прочитавши письма, сказать, что скораго отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики и помнить, что это крайній Востокъ. Я выше сказалъ, что они народъ незакоренѣлый безъ надежды и упрямый: напротивъ, логичный, разсуждающій и способный къ принятію другихъ убѣжденій, если найдетъ ихъ нужными. Это справедливо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны по опыту; тамъ же, напротивъ, гдѣ для нихъ все ново, они медлятъ, высматриваютъ, выжидаютъ, хитрятъ. Не правы ли они до нѣкоторой степени? Отъ европейцевъ добра видѣли они пока мало, а зла много: оттого и самое отчужденіе ихъ логично. Португальскіе миссіонеры привезли имъ религію, которую многіе японцы довѣрчиво приняли и исповѣдывали. Но ученики Лойолы привезли туда и свои страстишки: гордость, любовь къ власти, къ золоту, къ серебру, даже къ превосходной японской мѣди, которую вывозили въ невѣроятныхъ количествахъ, и вообще всякую лю-

бовь, кромѣ христіанской. Вамъ извѣстно, что было слѣдствіемъ этого: варѳоломеевскія ночи и отчужденіе отъ свѣта.

Но если вспомнить, что дѣлалось въ эпоху младенчества нашихъ старыхъ государствъ, какъ встрѣчали всякую новизну, которой не понимали, всякое открытіе, какъ жгли лѣкарей, преслѣдовали физиковъ и астрономовъ, то едва ли японцы не болѣе своихъ просвѣтителей заслуживаютъ снисхожденія въ упрямомъ желаніи отдѣлаться отъ иноземцевъ. Удивительно ли послѣ этого, что осторожность и боязнь повторенія старыхъ золъ отдалили ихъ отъ насъ, помѣшали имъ вырости, и что у нихъ осталась только ихъ природная смышлённость, да нѣсколько опытовъ, давшихъ имъ фальшивое понятіе обо всемъ, что носитъ названіе образованности?

Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкою физіономій, на смышленныя, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственнаго движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прятался огонь, хотя они и смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ какъ можно глупѣе, и оттого тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе прочихъ, такъ это, можетъ-быть, потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупъ. Одно лицо забавнѣе другого.

Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба Городзаймонъ, напримѣръ, его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть, и такъ ровно, какъ будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться

съ кѣмъ-нибудь глазами: ни Самбро, ни Ойе-Саброски, ни переводчики, не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ.

Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ я не замѣтилъ страха, или подобострастія: это дѣлается у нихъ какъ-то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и оттого это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль, представленный для насъ. Должно-быть, и японцы въ другое время не сидятъ точно одурѣлые, или какъ фигуры восковаго кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются по полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и мало ли что думалось!

Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и мантилій, отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго: все смѣсь, нѣжные смягченные тоны того, другого, или третьяго. Не вѣрьте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ низшаго класса, въ большинствѣ, во-первыхъ, бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ большею частью, синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостью и вкусомъ въ выборѣ ихъ.

Пробѣгая глазами только по платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вмѣсто крайняго востока какъ будто на крайнемъ западѣ: цвѣта въ туалетѣ—какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ, и то не яркихъ юбокъ, у старшихъ: у прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта Adelaide, vert de gris, vert de pomme, словомъ, всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, couleurs fantaisie, были тутъ.

Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, pensée, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его покроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе, у кисти руки, широки; все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія-то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вицъ-мундирамъ. Скажите, думалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?

Обычай сидѣть на пяткахъ происходитъ у нихъ будтобы, какъ я читалъ гдѣ-то, оттого, что восточные народы считаютъ неприличнымъ показывать ноги, особенно передъ высшими лицами. Не думаю: по крайней мѣрѣ, сидя на нашихъ стульяхъ, они безъ церемоніи выказываютъ голыя ноги выше, нежели нужно, и нисколько этимъ не смущаются. Пусть они не считаютъ насъ за старшихъ, но они воздерживались бы отъ этого по привычкѣ, если бъ она у нихъ была. Вся разница, въ восточной манерѣ сидѣть, отъ нашей, произошла, кажется, отъ простой и самой естественной причины. Въ Европѣ нежарко: мы ищемъ свѣта и строимъ дома съ большими окнами, сидимъ на возвышеніяхъ, чтобъ быть ближе къ свѣту: намъ нужны стулья и столы. Въ Азіи,

напротивъ, прячутся отъ солнца: отъ этого окошекъ почти нѣтъ. Зачѣмъ же имъ въ полупотемкахъ громоздиться на какихъ-то хитро-придуманныхъ подставкахъ, когда сама природа указываетъ возможность сѣсть тамъ, гдѣ стоишь? А если приходится сидѣть, обѣдать, бесѣдовать, заниматься дѣломъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ ходишь, то, разумѣется, пожелаешь, чтобъ ноги были у всѣхъ чисты. Отъ этого на востокѣ, при входѣ, и надо снять туфли или сандаліи. Самые земные поклоны у нихъ происходятъ отъ обычая сидѣть на пяткахъ. Стоять передъ старшимъ, или передъ гостемъ, по ихъ обычаю, неучтиво: они, встрѣчая гостя, сейчасъ опускаются на полъ, а сидя на полу, какъ же можно иначе поклониться почтительно, какъ не до земли?

Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя полусурово, но съ любопытствомъ, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе! Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство.

Но это длилось недолго. Вдругъ когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между причинами, разстояніе, адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: „а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какую-нибудь недѣлю. Какъ онъ думаетъ?“ Какая вдругъ перемѣна съ губернаторомъ: что съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мина? Его японское превосходительство смутился. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову налѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ

голосомъ, говорилъ тихо и долго. „Хи, хи, хи!“ слышалось только изъ Кичибе, который, какъ груда какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шлюпку, лежалъ на полу, судорожно подергиваясь отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго *хи*. Губернаторъ говорилъ, что „*японскому глазу больно* видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки; что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами“, и т. п.

Послѣ „дѣлового“ разговора начались взаимныя учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяцъ не сходили съ фрегата, и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорятъ, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ, русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Я сказалъ выше, что Овосавѣ оставалось всего какихъ-нибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда мы пріѣхали. Событіе это, т. е. нашъ приходъ, такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствіе обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Не правда ли, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

Послѣ размѣна учтивостей, губернаторъ всталъ и хотѣлъ-было уходить, но адмиралъ предложилъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другого времени, опасаясь, конечно, всякихъ вопросовъ, на которые, безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ, что отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба Городзаймонъ. „Здравствуй, Баба!“ сказалъ я, ужъ не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ

головой. Тутъ мы видѣли его чуть-ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ объятія супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

Проходя чрезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили покушать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно сервированный столъ, установленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, съ мадерой, бордо, и чего-чего тамъ не было! И все на европейскій ладъ. Вѣроятно, столъ, посуда и вина, а можетъ-быть и кушанья, взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ повторить свое неизбѣжное условіе, то-есть, чтобъ губернаторъ участвовалъ въ завтракѣ. Кичибе, кланяясь, разводилъ руками, давился судорожнымъ смѣхомъ, и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не отставали отъ него, улыбались, присѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караулъ отдалъ честь полномочному, и мы въ прежнемъ порядкѣ двинулись къ пристани.

На пристани, вдругъ вижу въ рукахъ у Ѳаддеева, и у прочихъ нашихъ слугъ, тѣ самые ящики съ конфетами, которые ставили передъ нами.—„Что это у тебя?“ спросилъ я.—„Коробки какія-то“.—„Гдѣ ты взялъ?“—„Китаецъ далъ... то бишь, японецъ“.—„Зачѣмъ?“—„Не могу знать“.—„Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?“—„Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ“.—„Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?“—„По-своему“.—„А ты понялъ?“—„Понялъ, ваше высокоблагородіе. Чего не понять? говоритъ, да даетъ коробки, такъ значитъ: отнеси господамъ“.

Вонъ этотъ ящикъ стоитъ и теперь у меня на комодѣ. Хотя разрушительная десница Ѳаддеева уже коснулась его, но онъ можетъ дѣхать, пожалуй, до Россіи. Въ немъ лежитъ пока табакъ, японскій же.

— Чего вамъ дали? спросили мы музыкантовъ на пристани.

— По рюмкѣ воды, угрюмо отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Не-уже-ли? спросилъ кто-то.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Что жъ вы?

— Выпили.

— Зачѣмъ же?

— Мы думали, что это... не вода.

— Да можетъ-быть вода-то хорошая? спросилъ я.

— Нештò: лучше морской, отвѣчалъ одинъ.

— Это полезно для здоровья, замѣтилъ я.

Трезвые артисты кинули на меня нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Матросы долго не давали прохода музыкантамъ, напоминая имъ японское угощеніе.

Едва мы тронулись въ обратный путь, японскія лодки опять бросились за нами съ крикомъ „оссильянъ“, взапуски, стараясь перегнать насъ, и опять напрасно.

ДНЕВНИКЪ

съ 15 сентября по 11 ноября.

Ъ и 16 сентября. Вчера пріѣзжали японцы, вызванные нами: два оппер-баніоса. Ихъ побранили за то, что лодки японскія осмѣливаются становиться близко; сказали, что будемъ насильно отбуксировывать ихъ дальше и ѣздить кататься за линію лодокъ. Нашъ транспортъ облѣпили лодки,

съ разспросами, гдѣ онъ былъ, да долго ли, и т. п. Мало этого: переводчики пріѣхали еще къ намъ, вызвали П-та изъ-за обѣда узнать, правду ли объявили имъ. Онъ разсердился и сказалъ, чтобъ они объ этомъ впередъ не спрашивали; что они во зло употребляютъ наше снисхожденіе. Сегодня были японцы съ отвѣтомъ отъ губернатора, что если мы желаемъ, то можемъ стать на внутренній рейдъ, но не очень близко къ берегу, потому что будто бы помѣшаемъ движенію японскихъ лодокъ на пристани. Говорятъ, сегодня пріѣхалъ новый губернаторъ на смѣну *Овосава Бунгоно*. Новаго зовутъ *Мизно Чикогоно Ками Сама*. У насъ былъ еще новый, пріѣхавшій изъ Едо же переводчикъ, *Эйноске*. Я спалъ и не видалъ никого. Пріѣзжіе и вида не показываютъ, что американцы были у нихъ въ Едо. Они думаютъ, что мы и не знаемъ объ этомъ; что вообще въ Европѣ, какъ у нихъ, можно утаить, что, напримѣръ, цѣлая эскадра идетъ куда-нибудь, или что одно государство можетъ не знать, что другое воюетъ съ третьимъ. Адмиралъ хочетъ посылать транспортъ опять въ Шанхай, узнать: война, или миръ въ Европѣ?

А тепло, хорошо; дѣдъ два раза лукаво заглядывалъ въ мою каюту: „У васъ опять тепло", говорилъ онъ утромъ, „а то-было засвѣжѣло". А у меня жарко до духоты. „Отлично, тепло!" говоритъ онъ обыкновенно, войдя ко мнѣ и отирая потъ съ подбородка. Въ самомъ дѣлѣ 21° по Реом. тепла въ тѣни.

17-го. Весь день и вчера всю ночь писали бумаги въ Петербургъ: не до посѣтителей было, между тѣмъ они пріѣзжали опять предложить намъ встать на внутренній рейдъ. Имъ сказано, что хотимъ стать дальше, нежели они указали. Они поѣхали предупредить губернатора и завтра хотѣли быть съ отвѣтомъ. О берегѣ все еще ни слова: выжидаютъ, не уйдемъ ли. Вѣроятно, губернатору велѣно не отпдить

мѣста, пока въ Едо не прочтутъ письма изъ Россіи и не узнаютъ, въ чемъ дѣло, въ надеждѣ, что, можетъ-быть, и на берегъ выходить не понадобится.

18, 19, 20-го. — Пріѣхали *гокейнсы* и переводчики: одинъ гокейнсъ—новый, съ глупымъ лицомъ, пріѣхавшій съ другимъ губернаторомъ изъ Едо. Я познакомился съ новымъ переводчикомъ Эйноске. Онъ говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые знаютъ англійскій языкъ. Эйноске учится немного и по-французски. Онъ сказалъ, что у него много книгъ, большею частью голландскихъ; есть и французскія. По-голландски онъ, по словамъ П-та, знаетъ хорошо. Они привезли приглашеніе стать на рейдъ, гдѣ мы хотѣли; даже усердно приглашали, настаивали, чтобъ фрегатъ со второго рейда перешелъ въ проходъ, ведущій на ближайшій къ Нагасаки рейдъ. Адмиралъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобъ суда наши растянулись и чтобъ корветъ сталъ при входѣ на внутренній рейдъ, шкуна и транспортъ помѣстились въ самомъ проходѣ, а фрегатъ остался бы на второмъ рейдѣ, который нужно было удержать за собой. Иначе, лишь только фрегатъ вошелъ бы въ проходъ, японцы выстроили бы линію изъ своихъ лодокъ позади его и загородили бы намъ второй рейдъ, на которомъ нельзя было бы кататься на шлюпкахъ; а они этого и добивались. Но мы поняли и не согласились. А какъ упрашивали они, утверждая, что они хлопочутъ только изъ того, чтобъ намъ было покойнѣе! „Вы у насъ гости“, говорилъ Эйноске: „представьте, что пошелъ въ саду дождь и старшему гостю (разумѣя фрегатъ) предлагаютъ зонтикъ, а онъ отказывается...“—„Чтобъ уступить его младшимъ (мелкимъ судамъ)“, прибавилъ П-тъ.

Японскія лодки вздумали мѣшать нашимъ ѣздить подальше, и даже махали, чтобъ тѣ воротились. Сейчасъ подняли красный флагъ, которымъ у насъ вызываютъ гокейн-

совъ: имъ объявили, чтобъ этого не было; что если ихъ лодки будутъ подходить близко, то ихъ отведутъ силой дальше. Вообще ихъ приняли сухо, а адмиралъ вовсе не принялъ, хотя они желали видѣть его. Онъ приказалъ объявить имъ, что „и такъ много дѣлаетъ снисхожденія, исполняя ихъ обычаи: не ѣздятъ на берегъ; пришли въ Нагасаки, а не въ Едо, тогда какъ могли бы сдѣлать это, а они не цѣнятъ ничего этого, и потому кататься будемъ".

19 числа перетянулись на новое мѣсто. Для буксировки двухъ судовъ, въ случаѣ нужды, пришло 180 лодокъ. Онѣ вилоть стали къ фрегату: гребцы, по обыкновенію, голые: немногіе были въ простыхъ, грубыхъ, синихъ полухалатахъ. Много маленькихъ дѣвчонокъ (эти всѣ одѣты чинно), но женщины ни одной. Мы изъ оконъ бросали имъ хлѣбъ, деньги, роздали по чаркѣ рому: они все хватали съ жадностью. Ихъ много налѣзло на пушки, въ порта. Крикъ, гамъ!

Корветъ перетянулся, потомъ транспортъ, а тамъ и мы, но безъ помощи японцевъ, а сами, на парусахъ. Теперь близке къ берегу. Я цѣлый день смотрѣлъ въ трубу на дома, деревья. Все хижины, да дрянныя батареи, съ пушками на развалившихся станкахъ. Видѣлъ я внутренность хижинъ: онѣ безъ оконъ, только со входами; видѣлъ голыхъ мужчинъ и женщинъ, тоже голыхъ сверху до пояса: у нихъ надѣта синяя простая юбка—и только. На порогахъ, какъ вездѣ, бѣгаютъ и играютъ ребятишки: слышу лай собакъ, но рѣдко.

21-го. Сегодня жарко, а вечеромъ поднялся крѣпкій вѣтеръ; отдали другой якорь. Японцевъ не было: свѣжо, да и не зачѣмъ; притомъ въ послѣдній разъ холодно разстались.

Вечеромъ была славная картина: заходящее солнце вдругъ ударило на дальній холмъ, выглядывавшій изъ-за двухъ ближайшихъ горъ, у подошвы которыхъ лежитъ Нагасаки. Блѣдная зелень ярко блеснула на минуту, лучи

покинули ее и освѣтили гору, потомъ пали на городъ, а гора уже потемнѣла: лучи заглядывали въ каждую впадину, ласкали крутизны, которыя, вслѣдъ за тѣмъ, темнѣли, потомъ облили блескомъ разомъ три небольшіе холма, налѣво отъ Нагасаки, и наконецъ по всему берегу хлынулъ свѣтъ, какъ золото. Маленькія бухты, хижины, батареи, кусты, густоросшія по окраинамъ скалъ, какъ исполинскіе букеты, вдругъ озарились — все было картина, поэзія, все, кромѣ батарей и японцевъ. Съ этими никакіе лучи не сдѣлали бы ничего.

14-го. Ничего не было, и даже никого: японцы, очевидно, сердятся за нашу настойчивость кататься по рейду, несмотря на караульныя лодки, а можетъ-быть и за холодный пріемъ.

25-го сентября—ровно годъ, какъ на „Палладѣ“ подняли флагъ и она вышла на кронштадтскій рейдъ: значитъ походъ начался. У насъ праздникъ, молебенъ и большой обѣдъ. Вызвали японцевъ: пріѣхалъ *Хагивари-Матаса*, старшій изъ баніосовъ, только что прибывшій изъ Едо съ новымъ губернаторомъ.

Японцевъ опять погладили по головѣ: позвали въ адмиральскую каюту, угостили наливкой и чаемъ и спросили о мѣстѣ на берегу. Они сказали, что черезъ день или два надѣются получить отвѣтъ изъ Едо. Имъ объявили, что мы не прочь ввести и фрегатъ въ проходъ, если только они снимутъ цѣпь лодокъ, заграждающихъ входъ туда. Они сначала сослались, по обыкновенію, на свои законы, потомъ сказали, что люди, нанимаясь въ караулъ на лодкахъ, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе. И-тъ, по приказанію адмирала, отвѣчалъ, что вѣдь законы ихъ не вѣчны, а всего существуютъ лѣтъ двѣсти, то-есть, стѣснительные законы относительно иностранцевъ, и что пора ихъ отмѣнить, уступая обстоятельствамъ. Эйноске очень умно и основательно отвѣчалъ:

„Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т.-е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ), нѣтъ сомнѣнія, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе", прибавилъ онъ, „начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки, всего лѣтъ десять, и потому не было надобности мѣнять".

Вотъ какъ поговариваютъ нынче японцы! А давно ли они не боялись скрутить руки и ноги пріѣзжимъ гостямъ? давно ли называли европейскія правительства дерзкими за то, что тѣ смѣли писать къ нимъ?

У насъ все еще веселятся по поводу годовщины выхода въ море. Музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Матросы тоже пировали, получивъ отъ начальства по лишней чаркѣ. Были забавныя сцены. Въ кают-компанію пришелъ къ старшему офицеру писарь, съ жалобой на музыканта Макарова, что онъ *изломалъ ему спину*. „И больно?" спросили его. „Точно такъ-съ", отвѣчалъ онъ съ той улыбкой человѣка на-веселѣ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе: „писать вовсе не могу", прибавилъ онъ, съ влажными глазами и съ той же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху, будто пишетъ. „Да видно Макаровъ пьянъ?" „Точно такъ-съ". Позвали Макарова. Тотъ былъ трезвѣе его и хранилъ важную и угрюмую мину. „За что ты прибилъ его?" былъ вопросъ. „Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь..." сказалъ онъ. „Точно такъ-съ, въ грудь", подтвердилъ писарь. „За что жъ ты его?" — „Съ кулакомъ къ рожѣ лѣзъ!" отвѣчалъ Макаровъ. — „Ты лѣзъ?" — „Точно такъ-съ, лѣзъ", отвѣчалъ писарь. Всѣ хохотали. Прогнали обоихъ и велѣли помириться.

Вечеромъ другая комедія: стали бить зарю: вдругъ тотъ, кто играетъ на рожкѣ, заигралъ совсѣмъ другое. Вахтенный офицеръ строго остановилъ его. Когда все кончили, онъ подошелъ къ нему. Матросъ былъ не очень боекъ отъ при-

роды, что̀ показывало и лицо его. „Что̀ ты занграль?“ спросилъ офицеръ. Молчаніе. —„Что ты занграль?“—„Ошибся!“ отвѣчалъ тотъ, „забылъ“.—„А ѣсть не забываешь?“—„Никакъ нѣтъ-съ“.—„Сколько разъ въ день?“—„Два раза“.—„Когда?“—„За обѣдомъ и за ужиномъ“.—„А за завтракомъ“.—„И за завтракомъ“.—„Стало-быть, сколько же разъ?“—„Два раза“.—„Какъ два раза: обѣдъ?“—„Точно такъ“.—„Ужинъ?“—„Ужинъ“.—„И завтракъ?“—„Точно такъ-съ“.—„Сколько же разъ?“—„Два раза...“—„А за завтракомъ?“—„Это не ѣда, это кашица“.

27-го. Ни одного японца не было. Утро ясное и свѣжее, вѣтерокъ; не болѣе 15 или 16° тепла. Наши гонялись на шлюпкахъ и заѣзжали далеко, къ неудовольствію японцевъ. Ихъ маленькія лодки отдѣлились отъ большихъ и пошли, не знаю зачѣмъ, за нашими катерами. Было свѣжо, катера дѣлали длинные и короткіе галсы, вдругъ поворачивали, лавировали и обрѣзали одинъ другого, т. е. пересѣкали, гоняясь, другу другу путь. Тѣ остановились и не знали, что̀ имъ дѣлать. Я стоялъ на ютѣ, и одна японская лодка, проходя мимо, показала на нашихъ. Я отвѣчалъ жестомъ, что они далеко будутъ кататься.

Наши и корветные офицеры играли *Женитьбу* Гоголя и *Тяжбу*. Сцена была на шканцахъ корвета. *Тяжба* — на нагасакскомъ рейдѣ! Я зналъ о приготовленіяхъ; шли репитиціи. Б. К. дирижировалъ всѣмъ: мнѣ не хотѣлось ѣхать: я думалъ, что черезчуръ будетъ жалко видѣть. Однако ничего, вышло недурно, М. З. хоть куда: у него природный юморъ, да онъ еще насмотрѣлся на лучшихъ нашихъ комическихъ актеровъ. Смѣшонъ Л. свахой. Все это было чрезвычайно забавно, по оригинальности, самой неловкости актеровъ. Ѣдучи съ корвета, я видѣлъ одну изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ живописи и не вѣришь: луну надъ гладкой водой, силуэтъ тихо качающагося фрегата,

кругомъ темные, спящіе холмы, и огни на лодкахъ и горахъ. Я вспомнилъ картины Айвазовскаго.

28 и 29-го. Японцы пріѣзжали отъ губернатора сказать, что онъ не можетъ совсѣмъ снять лодокъ въ проходѣ: это вчера, а сегодня, т.-е. 29-го, объявили, что губернаторъ желалъ бы совсѣмъ закрыть проѣздъ по срединѣ, а открыть съ боковъ, у берега, отведя по одной лодкѣ. Адмиралъ приказалъ сказать, что если это сдѣлаютъ, такъ онъ велитъ своимъ шлюпкамъ отвести насильно лодки, которыя осмѣлятся заставить собою средній проходъ къ корвету. Переводчики, увидѣвъ, что съ ними не шутятъ, тотчасъ убрались и чаю не пили.

Вчера привезли свѣжей и отличной рыбы, похожей на форель, и огромной. Одной стало на тридцать человѣкъ, и десятка три пропсовъ (раковъ, въ родѣ шримсовъ, только большого размѣра), превкусныхъ. Погода, какъ лѣтняя, въ полдень 17 градусовъ въ тѣни, но по ночамъ холодно.

Мой дневникъ похожъ на журналъ заключеннаго—не правда ли? Что дѣлать! Здѣсь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасная, человѣкъ смышленъ, ловокъ, силенъ, но пока еще не умѣетъ жить нормально и разумно. Странно покажется, что мы здѣсь не умираемъ со скуки, не сходя съ фрегата: некогда скучать: работа есть у всѣхъ. Адмиралъ не можетъ видѣть празднаго человѣка: чуть увидитъ кого-нибудь безъ дѣла, сейчасъ что-нибудь и предложитъ: то бумагу написать, а казалось, можно бы morgen, morgen, nur nicht heute, кому посовѣтуетъ прочесть какую-нибудь книгу: самъ даже возьметъ на себя трудъ выбрать ее въ своей библіотекѣ и укажетъ, что прочесть, или перевести изъ нея.

30-го. Ничего замѣчательнаго. Требовали баніосовъ, но они не явились: разсердились, вѣроятно, на насъ за то, что мы погрозили отбуксировать ихъ лодки прочь, какъ только они вздумаютъ мѣшать намъ, и вообще съ ними стали дѣй-

ствовать порѣшительнѣе. Они привезли провизію и, между прочимъ, большихъ круглыхъ раковъ, видомъ похожихъ на пауковъ. Но эти раки мнѣ не понравились: клешней у нихъ нѣтъ, и шеи тоже, именно нѣтъ того, что хорошо въ ракахъ: ноги недурны, но крѣпки; въ срединѣ рака много всякой дряни, но есть и бѣлое мясо, которымъ наполненъ низъ всей чашки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ Покрова. Послѣ службы я ходилъ по юту и нечаянно наткнулся на разговоръ м. Б. съ сигнальщикомъ Ѳеодоровымъ, тѣмъ самымъ, который ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ. Этотъ Ѳеодоровъ отличался крайней простотой. „Смотри въ трубу на луну", говорилъ ему Б., ходившій по юту, „и какъ скоро увидишь тамъ трехъ, четырехъ человѣкъ, скажи мнѣ".—„Слушаю-съ". Онъ сталъ смотрѣть и долго смотрѣлъ. „Что жъ ты ничего не говоришь?"—„Да тамъ всего только двое, ваше благородіе".—„Что жъ они дѣлаютъ?"—„Ничего-съ".—„Ну, смотри".—„Что жъ это за люди?" спросилъ Б. Тотъ молчалъ. „Говори же!"—„Каинъ и Авель", отвѣчалъ онъ. „Вотъ еще замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту Венера, а ту Юпитеръ".—„Слушаю-съ".—„Если что-нибудь съ ними случится, донеси".—„Слушаю-съ". И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону. Чрезъ минуту я спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли изъ Англіи. Онъ молчалъ. „Говори же!"—„На Надеждѣ" (Мысъ Доброй Надежды).—„А до этого?"—„Забылъ".—„Вспомни!" Онъ молчалъ. „Гдѣ же?" Молчалъ. „Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься". Молчаніе. „Какія же есть вина?"—„Пѣнное".—„Ну, а французскія?"—„Ренское".—„А мадера?"—„Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были", добавилъ онъ.—„А что же звѣзды?" вдругъ спросилъ Б. Ѳеодоровъ безпокойно огля-

нулся: хвать—одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ. „Гдѣ же?"—„Только одна осталась".—„А гдѣ другая?"—„Не могу знать".—„А какъ ее зовутъ?" Молчаніе. „Ну, какъ?"—„Мадера", подумавъ отвѣчалъ Ѳ.—„А другую?"—„Питеръ", сказалъ онъ. И это было намъ развлеченіемъ, за неимѣніемъ другихъ.

Октября 1-го. Праздникъ у насъ, и въ природѣ праздникъ. Вспомните наши ясно прохладные осенніе дни, когда, гдѣ-нибудь въ рощѣ, или длинной аллеѣ сада, гуляешь по устланнымъ увядшими листьями дорожкамъ; когда въ тѣни такъ свѣжо, а чуть выйдешь на солнышко, вдругъ освѣтитъ и огрѣетъ оно какъ лѣтомъ, даже станетъ жарко; но лишь распахнешься, отъ сѣвера понесется такой пронзительный и пріятный вѣтерокъ, что надо закрыться. А небо синее, все свѣтло, нарядно. Здѣсь тоже, хоть и 32° широты, а погода какъ у насъ. Только вечернее небо, передъ захожденіемъ и восхожденіемъ солнца, великолѣпно и непохоже на наше. Вотъ и сегодня то же: блѣднозеленый, чудесный, фантастическій колоритъ, въ которомъ есть что-то грустное: чрезъ минуту, зеленый цвѣтъ перешелъ въ фіолетовый; въ вышинѣ несутся клочки бурыхъ и палевыхъ облаковъ, и наконецъ весь горизонтъ облитъ пурпуромъ и золотомъ — послѣдніе слѣды солнца; очень похоже на тропики.

Японцевъ, кажется, не было... ахъ, виноватъ—были, были: съ рыбой и раками. Баніосы все не ѣдутъ: они боятся показаться, думая, какъ бы имъ не досталось за то, что не разгоняютъ лодокъ; а можетъ-быть, они, видя нашу кротость, небрежничаютъ и не ѣдутъ. Но стоитъ только сказать, что мы сейчасъ сами пойдемъ на шлюпкахъ въ Нагасаки—тотчасъ явятся, нѣтъ сомнѣнія. Если попугать ихъ и потребовать губернатора—и тотъ пріѣдетъ. Но тогда понадобилось бы измѣнить уже навсегда принятый адмираломъ образъ дѣйствія, т. е. кротость и вѣжливость.

Иногда, однакожъ, не мѣшало бы пугнуть ихъ порядкомъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, часу въ восьмомъ вечера, была какая-то процессія. Одну большую лодку тащили на буксирѣ двадцать небольшихъ, съ фонарями; шествіе сопровождалось непстовыми криками; лодки шли съ острововъ къ городу; наши К. Н. П. и Н. Н. (бывшій у насъ) поѣхали на двухъ шлюпкахъ къ корвету, въ проходъ; въ шлюпку П. пустили полѣномъ, а въ Н. хотѣли плеснуть водой, да не попали—грубая выходка простого народа! П-тъ сейчасъ же поворотилъ и приблизился къ лодкѣ; тамъ было человѣкъ 20: всѣ присмирѣли, спрятавшись на дно лодки.

2-го и 3-го. Такъ и есть: страхъ сильно можетъ дѣйствовать. Вчера, второго октября, послали записку къ японцамъ, съ извѣщеніемъ, что если не явятся баніосы, то одинъ изъ офицеровъ посланъ будетъ за ними въ городъ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ переводчикъ сказать, что баніосы завтра будутъ въ 12 часовъ.

Явились въ 11 часовъ трое: Оіе-Саброски, другой, прибывшій изъ Едо, и третій, новый. Они извинились, что не ѣхали долго, сваливая все на переводчика, который будто не такъ растолковалъ, и сказали, что этого впередь уже не случится. Вчера отвели насильно двѣ ихъ лодки дальше отъ фрегата; самъ я не видалъ этого, но, говорятъ, забавно было смотрѣть, какъ они замахали руками, когда наши катера подошли, приподняли ихъ якорь и оттащили далеко. Баніосы ни слова объ этомъ. Имъ сказали о брошенномъ полѣнѣ со шлюпки и о другихъ глупостяхъ: они извинялись, отговариваясь, что не знали объ этомъ. Вчерашняя процессія—шествіе лодокъ—просто визитъ управляющаго князя Физенскаго голландцамъ, а не религіозный праздникъ, какъ мы думали. О берегѣ сказали, что ежедневно ждутъ отвѣта.

Сегодня суббота: по обыкновенію привезли провизію и помѣшали опять служить всенощную. Кромѣ зелени вся-

каго рода, рыбы и гомаровъ, привезли, между прочимъ, маленькаго живого оленя, или лань, за неимѣніемъ свиней: говорятъ, что больше нѣтъ: остались поросята, но тѣ нужны для приплода.

Съ баніосами были переводчики *Люда* и *Съоза*. Я вслушивался въ японскій языкъ и нашелъ, что онъ очень звученъ. Въ немъ гласныя преобладаютъ, особенно въ окончаніяхъ. Нѣтъ ничего грубаго, гортаннаго, какъ въ прочихъ восточныхъ языкахъ. А баніосы сказали, что русскій языкъ похожъ будто на китайскій—спасибо! Мы заказали привезти много вещей, вѣеровъ, лакированныхъ ящиковъ и тому подобнаго. Не знаемъ, привезутъ ли.

4-го. Воскресенье: началось, по обыкновенію, обѣдней, потомъ пріѣзжали переводчики сказать, что исполнятъ наше желаніе и отведутъ лодки дальше, но только просили, чтобъ мы сами этого не дѣлали. Мы объявили имъ наканунѣ, что видно губернаторскія приказанія не исполняются, такъ мы, пожалуй, возьмемъ на себя трудъ помочь его превосходительству и будемъ отбуксировывать. Вечеръ у насъ былъ замѣчательный. Когда стемнѣло, мы видимъ вдругъ въ проливѣ, ведущемъ къ городу, какъ будто двѣ звѣзды плывутъ къ намъ: но это не японскіе огни—нѣтъ, что-то яркое, живое, вспыхивающее. Мы стали смотрѣть въ ночную трубу, но все потухло; видимъ только: плывутъ двѣ лодки; онѣ подплыли къ кормѣ, и вдругъ раздалось мелодическое пѣніе... Серенада! это корветскіе офицеры, съ маленькими камчадалами, пѣвчими, затѣяли серенаду изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ. Долго плавали они при лунномъ свѣтѣ около фрегата и жгли фальшфейеры; мы стояли на ютѣ и молча слушали. Адмиралъ поблагодарилъ, когда они кончили, и позвалъ офицеровъ пить чай. Маленькихъ пѣвчихъ напоили тоже чаемъ. Японская лодка, завидѣвъ яркіе огни, отдѣлилась отъ прочихъ и подошла, но не близко: не смѣла

и, вѣроятно, заслушалась новыхъ сиренъ, потому что остановилась и долго колыхалась на одномъ мѣстѣ.

5-го. Сегодня дождь, но теплый, почти лѣтній, такъ что даже котъ Васька не уходилъ съ юта, а только сѣлъ подъ гикъ. Мы видѣли, что двѣ лодки, съ значками и пиками, развозили по караульнымъ лодкамъ приказанія, послѣ чего эти отходили и становились гораздо дальше. Адмиралъ не приказалъ уже больше и упоминать о лодкахъ. Только, если послѣднія станутъ преслѣдовать наши, велѣно брать ихъ на буксиръ и таскать съ собой.

6, 7, 8, 9 и 10-го. Зарѣзали лань и ѣли во всѣхъ видахъ: въ котлетахъ, въ жаркомъ—отлично! точно лучшая говядина только нѣжнѣе и мягче. П. А. Т косится на лань: онъ не можетъ ѣсть раковъ и зайца и т. п.. „не показано", говоритъ, „да и противно". Про лань говоритъ, что это „собака". За десертомъ подавали новый фруктъ здѣшній, по-голландски называемый *kakies*, красножелтый, мягкій, сладкій и прохладительный, въ родѣ сливы; но это не слива, а родъ фиги, или *смоквы*, какъ называетъ О. А., привезенной будто бы сюда еще португальцами и называющейся у нихъ *како-фига*. О. А. говоритъ, что и въ Китаѣ такихъ плодовъ много... Но не до лани и не до плодовъ теперь: много новаго и важнаго.

7-го октября былъ ровно годъ, какъ мы вышли изъ Кронштадта. Этотъ день прошелъ скромно. Я живо вспомнилъ, какъ, годъ назадъ, я въ первый разъ вступилъ на море и зажилъ новою жизнью, какъ, изъ покойной комнаты и постели, перешелъ въ койку и на колеблющуюся подъ ногами палубу, какъ неблагосклонно встрѣтило насъ море, засвисталъ вѣтеръ, заходили волны; вспомнилъ снѣгъ и дождь, зубную боль—и прощанье съ друзьями...

Я видѣлъ наконецъ японскихъ дамъ: тѣ же юбки, какъ и у мужчинъ, закрывающія горло кофты, только не бритая

голова, и у тѣхъ, которыя попорядочнѣе, сзади булавка поддерживаетъ косу. Всѣ онѣ смуглянки, и куда нехороши собой! Говорятъ, онѣ нескромно ведутъ себя—не знаю, не видалъ и не хочу чернить репутаціи японскихъ женщинъ. Ихъ нынче много ѣздитъ около фрегата: все некрасивыя, чернозубыя: большею частью, смотрятъ смѣло и смѣются: а тѣ изъ нихъ, которыя получше собой и понаряднѣе одѣты, прикрываются вѣеромъ.

Но это все неважное: гдѣ же важное? А вотъ: 9-го октября, послѣ обѣда, сказали, что ѣдутъ гокейнсы. И это не важность: мы привыкли. Вахтенный офицеръ посылаетъ сказать обыкновенно К. Н. П-ту. Гокейнсовъ повели въ капитанскую каюту. Я былъ тамъ. „А! Ойе-Саброски! Кичибе!“ встрѣтилъ я ихъ, весело подавая руки: но они молча, едва отвѣчая на поклонъ, брали руку. Что это значитъ? Они, такіе ласковые и учтивые, особенно Саброски: онъ шутникъ и хохотунъ, а тутъ... Да что это у всѣхъ такая торжественная мина: никто не улыбается? „Боленъ, что ли Саброски?“ спросилъ я. Нѣтъ... Что жъ онъ такой скучный, да и всѣ? Отвѣта не было. Только Кичибе постоянно показывалъ верхніе зубы и суетился, по обыкновенію: то побѣжитъ впередъ баніосовъ, то воротится и крякнетъ, и нехотя улыбается. И Эйноске тутъ. У этого черты лица правильныя, взглядъ смѣлый, не то, что у тѣхъ.

Изъ разговоровъ, изъ обнаруживаемой по-временамъ зависти, съ какою глядятъ на насъ и на все европейское, Эйноске, Сьоза, Нарабайоси 2-ой, видно, что они чувствуютъ и сознаютъ свое положеніе, грустятъ и представляютъ нѣмую, покорную оппозицію: это jeune Japon. Садагора—нянька, приставленная къ голландцамъ и гроза ихъ. Льода, напротивъ, принадлежатъ, кажется, къ разряду застарѣлыхъ и закоснѣлыхъ японцевъ. Они похожи на тѣхъ загрубѣвшихъ въ преданіяхъ слугъ, которые придерживаются

старины: ихъ ничѣмъ не переломаешь. Они находятъ все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ. Садагора — старый, грубый циникъ, Льода, напротивъ, льстивый, кланяющійся плутъ. Кичибе составляетъ juste milieu между тѣмъ и другимъ; онъ посвѣжѣе ихъ: у него нѣтъ застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, но ему не угнаться и за новыми. Онъ просто служитъ за жалованье, кому и какъ хотите. Есть еще Яспро, Кичибе-сынъ, и много подростковъ, все кандидаты въ переводчики. У нихъ наслѣдственныя должности: сынъ по бо́льшей части занимаетъ мѣсто отца.

Баніосы объявили, что они желаютъ поговорить съ адмираломъ. Мы съ П-мъ давай ломать голову, о чемъ? „Вѣрно о мѣстѣ", говорилъ онъ. „Но нерадостное, должно быть!" прибавилъ я. Я сказалъ адмиралу о ихъ желаніи. Онъ велѣлъ пустить ихъ къ себѣ. Всѣ сѣли; воцарилось молчаніе. Саброски повѣсилъ голову совсѣмъ на грудь; другой баніосъ, подслѣповатый, громоздкій старикъ, съ толстымъ лицомъ, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на все, и по-временамъ зѣвалъ; третій, маленькій, совсѣмъ исчезалъ между ними, стараясь поддѣлаться подъ мину и позу своихъ сосѣдей. Эйноске задумчиво молчалъ. Одинъ Кичибе гоголемъ сидѣлъ и ждалъ, когда ему велятъ говорить. Мы ждали, что̀ будетъ.

Наконецъ Саброски, вздохнувъ глубоко и прищуривъ глаза, началъ говорить такъ тихо, какъ духъ, какъ будто у него не было ни губъ, ни языка, ни горла: онъ говорилъ вздохами; кончилъ, испустивъ продолжительный вздохъ. Кичибе, съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven*—умеръ!

Мы окаменѣли на минуту, потомъ—ничего. „Скажите", замѣтилъ адмиралъ чиновникамъ, „что я вполнѣ раздѣляю

ихъ печаль". Банюсы поклонились, нѣкоторые опять вздохнули, Ойе вновь заговорилъ шопотомъ. Хи! хи! хи! слышалось только отъ Кичибе, какъ предсмертная икота. Потомъ онъ, потянувъ воздухъ въ себя, началъ переводить, по обычаю, разстановисто, съ спирающимся хохотомъ въ горлѣ—знакъ, что передаетъ какой-нибудь отказъ, и этимъ хохотомъ смягчаетъ его, золотитъ пилюлю. „Изъ Едо... по этому печальному случаю... получить скоро отвѣтъ хо, хо, хо—унмогликъ, „невозможно!" досказалъ онъ наконецъ такъ, какъ будто изъ него выдавили послѣднія слова.

На это приказано отвѣчать, что возраженіе пришлютъ письменное. „Всѣ заняты похоронами покойнаго и восшествіемъ на престолъ новаго Сіогуна", продолжалъ Кичибе переводить, „все это требуетъ церемоній" и т. п. Велѣно было спросить: скоро ли отведутъ намъ мѣсто на берегу? Долго говорилъ Саброски отвѣтъ. Кичибе, выслушавъ его, сказалъ, что „изъ Едо объ этомъ..." тутъ горло ему совсѣмъ заперло смѣхомъ... „не получено никакого разрѣшенія".— „Однакожъ могли получить три раза", строго замѣтили ему, „отчего же нѣтъ отвѣта?" Кичибе перевелъ вопросъ, потомъ, выслушавъ возраженіе, началъ: „Изъ Едо не получено объ этомъ никакого—хо, хо, хо,—разрѣшенія".—„Это мы слышали", переводилъ К. Н. П.: „но будетъ ли разрѣшеніе и скоро ли? намъ надо повѣрять хронометры. Вы не цѣните нашей вѣжливости и вниманія: другіе давно бы съѣхали сами. Теперь мы видимъ, что Нагасаки просто западня, въ которую заманиваютъ иностранцевъ, чтобъ водить и обманывать. Отъ столицы далеко, переговоры наскучатъ, гости утомятся и уйдутъ—вотъ ваша цѣль! Но объ этомъ узнаетъ вся Европа и ни одно судно не пойдетъ сюда, а въ Едо—будьте увѣрены". Кичибе опять передалъ и опять началъ свое: „Изъ Едо... не получено—хо, хо, хо!... никакого..."

Хоть кого изъ терпѣнія выведутъ! „Спросите губерна-

тора: намѣренъ ли онъ дать намъ мѣсто, или нѣтъ? Чтобъ завтра былъ отвѣтъ!" были послѣднія слова, которыми и кончилось засѣданіе.

Потомъ имъ подали чаю и наливки. Они выпили по рюмкѣ, подняли головы, оставили печальный тонъ, заговорили весело, зѣвали кругомъ на стѣны, на картины, на мебель: совсѣмъ развеселились: печали ни слѣда, такъ что мы стали догадываться, не хитрятъ ли они, не выдумали ли, если не все, такъ эпоху событія. По ихъ словамъ, Сіогунъ умеръ 14 августа, а мы пришли 10-го. Можетъ-быть, онъ умеръ и въ прошломъ году, а они сказали, что теперь, въ надеждѣ, не уйдемъ ли. Повѣрить ихъ трудно: они, можетъ-быть, и отъ своихъ скрываютъ такой случай, по крайней мѣрѣ, долго. Мы не знали, что и подумать, толковали и догадывались. Адмиралъ приказалъ написать губернатору, что мы подождемъ отвѣта изъ Едо на письмо изъ Россіи, которое, какъ они сами говорятъ, разошлось въ пути съ извѣстіемъ о смерти Сіогуна. Верховный Совѣтъ не зналъ, въ чемъ дѣло, и потому отвѣта дать не могъ. Но какъ же такое извѣстіе могло идти болѣе двухъ мѣсяцевъ изъ Едо до Нагасаки, тогда какъ въ три недѣли можно съѣздить взадъ и впередъ? Нечисто! Ясно, что Сіогунъ, или умеръ позже, или они знали раньше, да безъ надобности не объявили намъ объ этомъ, или, наконецъ, вовсе не умеръ. Послѣднее, однакожъ, невѣроятно: народъ, уважающій такъ глубоко своихъ государей, не употребитъ такого предлога для побужденія, и то не навѣрное, иностранцевъ къ отплытію. Адмиралъ, между прочимъ, приказалъ прибавить въ письмѣ, что „это событіе случилось до полученія первыхъ нашихъ бумагъ и не помѣшало имъ распорядиться принятіемъ ихъ, также опредѣлить церемоніалъ свиданія россійскаго полномочнаго съ губернаторомъ и т. п., стало-быть не помѣшаетъ и дальнѣйшимъ распоряженіямъ, такъ какъ ходъ государственныхъ дѣлъ въ

такой большой имперіи остановиться не можетъ, несмотря ни на какія обстоятельства. Поэтому мы подождемъ отвѣта изъ Горочью, и вообще не покинемъ японскихъ береговъ безъ окончательнаго рѣшенія дѣла, которое насъ сюда привело".

Такъ японцамъ не удалось и это крайнее средство, то-есть, объявленіе о смерти Сіогуна, чтобъ заставить адмирала измѣнить намѣреніе: непремѣнно дождаться отвѣта. Должно-быть въ самомъ дѣлѣ *японскому глазу больно видѣть* чужія суда у себя въ гостяхъ! А они, безъ сомнѣнія, надѣялись, что лишь только они сдѣлаютъ такое важное возраженіе, адмиралъ уйдетъ, они отвѣтъ пришлютъ года черезъ два, конечно, отрицательный, и такъ дѣло затянется на неопредѣленный и продолжительный срокъ.

Черезъ день японцы пріѣхали съ отвѣтомъ отъ губернатора о мѣстѣ на берегу, и опять Кичибе началъ: „Изъ Едо... не получено" и т. п. Адмиралъ не принялъ ихъ. П-тъ сказалъ имъ, что онъ передалъ адмиралу отвѣтъ, и не знаетъ, что онъ предприметъ, потому что его превосходительство ничего не отвѣчалъ. Это пугаетъ нашихъ милыхъ хозяевъ: они ужъ разъ пріѣзжали за какими-то пустяками, а собственно затѣмъ, чтобъ увѣриться, не затѣваемъ ли мы что-нибудь, не проговоримся ли о своихъ намѣреніяхъ. И точно затѣваемъ: хотимъ сами съѣхать на берегъ съ хронометрами. П-тъ ужъ запустилъ объ этомъ словцо. Они все отзывались, что губернаторъ распорядиться не можетъ, что ему за это достанется. „Ну, а если мы сами съѣдемъ, или другіе сдѣлали бы это, тогда не достанется?" спросилъ онъ. „Это будетъ не дружески", былъ отвѣтъ. „А это по-дружески, когда вамъ говорятъ, что намъ необходимо повѣрить хронометры, что безъ этого нельзя въ море идти, а вы не отводите мѣста?" „Изъ Едо... хо. хо. хо... не получено", началъ Кичибе.

Подите съ ними! Они стали ссылаться на свои законы, обычаи. На другое утро пріѣхалъ Кичибе и взялъ отвѣтъ къ губернатору. Только что онъ отвалилъ, явились и баніосы, а сегодня, 11 числа, они пріѣхали сказать, что письмо отдали, но что изъ Едо не получено и т. п. Потомъ замѣтили, зачѣмъ мы ѣздимъ кругомъ горы Паппенберга.—„Такъ хочется“, отвѣчали имъ.

На фрегатѣ ничего особеннаго: баніосы ѣздятъ каждый день вывѣдывать о намѣреніяхъ адмирала. Сегодня были двое младшихъ переводчиковъ и двое ондер-баніосовъ: они просили, нельзя ли намъ не кататься слишкомъ далеко, потому что имъ велѣно слѣдить за нами, а ихъ лодки не угоняются за нашими. „Да зачѣмъ вы слѣдите?“—„Велѣно“, сказалъ высокій старикъ, въ синемъ халатѣ. „Вѣдь вы намъ помѣшать не можете“.—„Велѣно, что дѣлать! *Мы и сами желали бы, чтобъ это скорѣе измѣнилось*“, прибавилъ онъ.

У меня, между матросами, есть нѣсколько фаворитовъ, между ними *Дьюпинъ*, широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ. Онъ широкъ не въ однихъ только плечахъ. Его называютъ *огневой*, потому что онъ смотритъ, между прочимъ, за огнями: и когда крикнутъ гдѣ-нибудь въ углу: *фитиль!* онъ мчится, что̀ есть мо̀чи, по палубѣ подать огня. Спеціальность его, между прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ поднось, кранецъ съ ядрами и картечью, и поставивъ, только ухнетъ, а кранецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человѣка, крѣпче и плотнѣе сложеннаго. Я часто разговариваю съ нимъ. „Жарко, Дьюпинъ“, говорю я ему.—„Точно такъ, тепло, хорошо, в. в.“, отвѣчаетъ онъ.—А такъ тепло, что приходишь въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться. „Да ты, смотри, не напейся холоднаго послѣ работы“, говорю я шутя, „или на сыростп не ложись ночью“.—„Слушаю, в. в.“, отвѣчаетъ онъ серьёзно. „Я

подарю тебѣ шерстяные чулки: надѣвай, смотри". И велѣлъ Ѳаддееву дать ему пару. Дьюпинъ еще въ тропикахъ надѣлъ ихъ и, встрѣтивъ меня, сталъ благодарить. „Благодарю покорнѣйше, в. в.: теперь хорошо, тепло", говорилъ онъ. „Холодно что-то, Дьюпинъ", сказалъ я ему, когда здѣсь вдругъ наступили холода, такъ что надо было приниматься за байковые сюртуки. — „Точно такъ, в. в., свѣженько, хорошо". — А самъ былъ босикомъ. „Что же ты босикомъ?" спросилъ я. „Лучше: ноги не горятъ, да и палубы не затопчешь сапогами". Вотъ я на-дняхъ сказалъ ему, что „видѣлъ, какъ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ", прибавилъ я, „десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее". — „Точно такъ, в. в.," отвѣчалъ онъ, „куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужъ такія пушки у нихъ!" Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: „Если бъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?" — „А какъ же?" — „Но лопарю бы довольно". (*Лопарь*—конецъ толстой веревки).

13-го октября. Новаго ничего. Холодно и ясно: превосходная погода: все такъ свѣтло, празднично. Холмы и воды въ блескѣ: островки и надводные камни въ проливѣ, отъ сильной рефракціи, кажутся совершенно отставшими отъ воды; они какъ будто висятъ на воздухѣ. Зори вечернія (утреннихъ я никогда не вижу) обливаютъ золотомъ весь горизонтъ; зажгутся звѣзды, прежде всего Юпитеръ и Венера. Венера горитъ ярко, какъ большая свѣча. Вчера мы смотрѣли въ трубу на Сатурна: хорошо видѣли и кольца. У Юпитера видны три спутника: четвертый прячется за планетой.

17, 18 и 19 октября. Ждемъ судовъ нашихъ и начинаемъ тревожиться. Ну, пусть транспортъ медлитъ за противнымъ NO муссономъ, лавируя миль по двадцати въ сутки,

а шкуна? Вотъ ужъ два мѣсяца, какъ ушла; а ей сказано, чтобъ долѣе семи недѣль не быть. Дѣлаютъ разныя предположенія.

Вчера, 18-го, адмиралъ приказалъ дать знать баніосамъ, чтобъ они продолжали, если хотятъ, ѣздить и безъ дѣла, а такъ, въ гости, чтобы какъ можно болѣе сблизить ихъ съ нашими понятіями и образомъ жизни. Младшіе переводчики перепутали все и двое ондер-баніосовъ, не бывшихъ ни разу, явились спросить, что̀ намъ нужно, думая, что мы ихъ вызывали за дѣломъ. Сегодня, 19-го, явились опять двое и, между прочимъ, Ойе-Саброски, „съ маленькой просьбой отъ губернатора", сказали они: „завтра, 20-го, поѣдетъ князь Чикузенъ или Цикузенъ, отъ одной пристани къ другой въ проливѣ, смотрѣть свои казармы и войска, такъ не можетъ ли корветъ немного отодвинуться въ сторону, потому что князя будутъ сопровождать до ста лодокъ, такъ имъ трудно будетъ проѣхать". Имъ отвѣчали, что гораздо удобнѣе лодкамъ обойти судно, нежели судну, особенно военному, переходить съ мѣста на мѣсто. Такъ они и уѣхали.

Съ Саброски былъ полный, высокій ондер-баніосъ, но съ такимъ, не-японскимъ лицомъ, что хоть сейчасъ въ надворные совѣтники, лишь только юбку долой, а юбка штофная, голубая: славно бы кресло обить! Когда я сталъ заводить ящикъ съ музыкой и открылъ его, онъ смотрѣлъ по-дѣтски, и немного глупо, на движеніе вала.

Послѣ обѣда, говорятъ, проѣзжалъ какой-то князь, съ поѣздомъ. Погода была сегодня такъ хороша, тепла, какъ у насъ въ іюлѣ, и такъ ясна, какъ у насъ никогда не бываетъ. Но по вечерамъ вообще туманно, по ночамъ сыро и очень холодно. Скучновато: новостей нѣтъ и занятія какъ-то идутъ вяло. Почиваемъ, кушаемъ превосходную рыбу ежедневно, въ ухѣ, въ пирогахъ, холодную, жареную; раковъ тоже, съ клешнями, безъ клешней, толсто-

кожихъ, съ усами и безъ оныхъ, круглыхъ и длинныхъ. Ужъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, начинаемъ жаловаться на разстройство желудка отъ этой монашеской пищи. Ѳаддеевъ учится грамотѣ. Я-было написалъ ему прописи, но онъ избѣгаетъ учиться у меня. Я застаю его за какой-то замасленной бумагой, на которой написаны преуродливые азы. Ѳаддеевъ копируетъ ихъ усердно и превосходитъ уродливостью; а съ моихъ не копируетъ. „Кто написалъ тебѣ?“ спросилъ я.—„Агапка“, отвѣчаетъ онъ: „онъ взялся выучить меня писать“. „А ты что̀ ему за это?“—„Двѣ чарки водки“.

25-го.—Давно я не принимался за свой дневникъ: скучно что-то и боленъ я. Между тѣмъ много кое-чего бы надо было записать. Во-первыхъ, съ 20 на 21, ночью была жестокая гроза. Наканунѣ и въ тотъ день шелъ дождь, потомъ къ вечеру начала блистать молнія. Все это къ ночи усиливалось. Ночь темная, ни зги не видно, только молнія вдругъ обливала нестерпимымъ блескомъ весь заливъ и горы. Осмотрѣли громовые отводы. Какіе удары! молнія блеснетъ—и долго спустя глухо загремитъ громъ—значитъ далеко; но чрезъ минуту вдругъ опять блескъ почти кровавый, и въ то же мгновеніе раздается ударъ надъ самой палубой. И поминутно, поминутно, какъ будто начинаетъ что-то сыпаться съ горъ: сначала въ полтона, потомъ загремитъ цѣлымъ аккордомъ. Смотрѣть больно, слушать утомительно. Началось часовъ съ семи, а кончилось въ 3-мъ часу ночи. Одинъ разъ молнія упала такъ близко, что часовой крикнулъ: *„огонь съ фор-русленей упалъ!“* Въ другой разъ попала въ Паппенбергъ, въ третій—въ воду, близъ кормы. Я видѣлъ самъ. Не даромъ Кемпферъ, Головнинъ и другіе пишутъ, что грозы ужасны въ Японіи. На другой день было очень жарко, парило, потомъ стало прохладно, и до сихъ поръ все хорошая погода.

Наконецъ, 23-го утромъ, запалили японскія пушки: „А! судно идетъ!“ Которое? Мы взволновались. Кто поѣхалъ навстрѣчу, кто влѣзъ на марсы, на салинги—смотрѣть. Ужъ не англичане ли? Вотъ одолжатъ! Нѣтъ, это нашъ транспортъ изъ Шанхая, съ письмами, газетами и провизіей.

21-го пріѣхали Ойе-Сабросьи, съ Кичибе, и Эйноске. Послѣдній рѣшительно отказался отъ книгъ, которыя предлагали ему, и адмиралъ, и я: боится. Гокейнсы сказали, что желали бы говорить съ полномочнымъ. Ихъ повели въ каюту. Они объявили, что наконецъ полученъ отвѣтъ изъ Едо! — Grande nouvelle! Мы обрадовались. „Что такое? какъ? въ чемъ дѣло?“ посыпались вопросы. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали, что позовутъ насъ въ Едо, или скажутъ то, другое...

Но вотъ Кичибе потянулъ въ себя воздухъ, улыбнулся самою сладчайшею изъ своихъ улыбокъ—дурной признакъ! „Изъ Едо... началъ онъ давиться и кряхтѣть: „прислалъ отвѣтъ“. — „Ну?“ — „Что письма ваши прибыли туда... благополучно“, выговорилъ онъ наконецъ, обливаясь потомъ, какъ будто дотащилъ возъ до мѣста. „Ну?“—„Что... прибыли... благополучно!...“ повторилъ онъ. „Слышали. Еще что?“—„Еще... только и есть!“—„Это не отвѣтъ“, замѣтили имъ. Они начали оправдываться, что они невиноваты и т. п. Адмиралъ сказалъ, что онъ надѣется чрезъ нѣсколько дней получить другой отвѣтъ, лучше и толковѣе этого. Потомъ спросили ихъ о мѣстѣ на берегу. „Изъ Едо...“ началъ, кряхтя и улыбаясь Кичибе, „не получено...“ И запѣлъ свою пѣсню. „Знаемъ. Да что жъ, будетъ ли отвѣтъ? Это видно губернаторъ виноватъ; онъ не хотѣлъ представить объ этомъ?“ Баніосы оправдывались, что нѣтъ, что ни онъ, ни они не виноваты. „Изъ Едо...“ и т. д.

29. — Давно ли мы жаловались на жаръ? давно ли

нельзя было ѣсть мяса, выпить рюмки вина? А теперь, хоть и совѣстно, а приходится жаловаться на холодъ! Погода ясная, ночи лунныя, NO муссонъ дуетъ съ рѣзкимъ холодкомъ. Опять всѣмъ захотѣлось на югъ, всѣ бредятъ Маниллой.

Вчера, 28-го, когда я только-было собрался уснуть послѣ обѣда, мнѣ предложили кататься на шлюпкѣ въ морѣ. Мы этимъ, нѣтъ-нѣтъ, да и напомнимъ японцамъ, что вода принадлежитъ всѣмъ и что мѣшать въ этомъ они не могутъ, и такимъ образомъ мы удерживаемъ это право за европейцами. Наши давно дразнятъ японцевъ, катаясь на шлюпкахъ.

Но знаете ли, что̀ значитъ катанье у моряковъ? Вы думаете, можетъ-быть, что это робкое и лѣнивое ползанье нашихъ яликовъ и лодокъ по соннымъ водамъ прудовъ и озеръ, съ дамами, при звукахъ музыки и т. п.? Нѣтъ: съ такими понятіями о катаньѣ, не совѣтую вамъ принимать приглашенія покататься съ моряками: это все равно, если бъ васъ посадили верхомъ на бѣшеную лошадь, да предложили прогуляться. Моряки катаются непремѣнно на парусахъ, стало-быть, въ вѣтеръ, чего многіе не любятъ, да еще въ свѣжій вѣтеръ, т. е. когда шлюпка лежитъ на боку и когда бѣлоголовыя волны скачутъ выше борта, а иногда и за бортъ.

Вѣтеръ дулъ NO, свѣжій и порывистый: только нашъ катеръ отвалилъ, сейчасъ же окрылился фокомъ, бизанью и кливеромъ, сильно легъ на бокъ и понесся пуще всякой тройки. Едва мы подошли къ проливцу, между Паппенбергомъ и Ивосима, какъ вслѣдъ за нами, по обыкновенію, съ разныхъ точекъ бросились японскія казенныя лодки, не стоящія уже кругомъ насъ цѣпью, съ тѣхъ поръ, какъ мы отбуксировали ихъ прочь, а кроющіяся подъ берегомъ. Лодки бросались не съ тѣмъ, чтобъ помѣшать намъ — куда имъ! онѣ и не догонятъ, а чтобъ показать только

передъ старшими, что исполняютъ обязанности караульныхъ. Онѣ бросаются, гребутъ, торопятся, и лишь только дойдутъ до крайнихъ мысовъ и скалъ, до выхода въ открытое море, какъ спрячутся въ бухтахъ и ждутъ. А когда наши шлюпки появятся назадъ, японцы опять бросятся за ними и толпой ѣдутъ сзади, съ крикомъ, шумомъ, чтобъ показать своимъ въ гавани, что будто и они ходили за нашими въ море. Мы хохочемъ.

Едва нашъ катеръ вышелъ за ворота, на третій рейдъ, японскія лодки прижались къ каменьямъ, къ батареямъ и тамъ остались. Паппенбергъ на минуту отнялъ у насъ вѣтеръ: сдѣлался маленькій штиль, но лишь только мы миновали гору, катеръ пошелъ чесать. Волненіе было крупное, катеръ высоко забиралъ носомъ, становясь, какъ лошадь, на дыбы, и билъ имъ по волнѣ, перескакивая чрезъ нее, какъ лошадь же. Куда тутъ японскимъ лодкамъ! Матросы молча сидѣли на днѣ шлюпки, мы на лавкахъ, держась руками за бортъ и сжавшись въ кучу, потому что наклоненное положеніе катера всѣхъ сбивало въ одну сторону.

Но холодно: я пряталъ руки въ рукава, или за пазуху, по карманамъ, носы у насъ посинѣли. Мы осмотрѣли, подойдя вплоть къ берегу, прекрасную бухту, которая лежитъ налѣво, какъ только входишь съ моря на первый рейдъ. Я прежде не видалъ ея, когда мы входили: тогда я занятъ былъ разсматриваніемъ ближнихъ береговъ, батарей и холмовъ.

А бухта отличная: на берегу видна деревня и рядъ террасъ, обработанныхъ до послѣдней крайности, до самыхъ вершинъ утесовъ и вплоть до крутыхъ обрывовъ къ морю, гдѣ уже одни каменья стоймя опускаются въ океанъ и гдѣ никакая дикая коза не влѣзетъ туда. Нѣтъ вершка необработанной земли, и все въ гору, въ гору. Вездѣ посѣянъ рисъ и овощи. Горы изрѣзаны по бокамъ уступами, и чтобъ

уступы не обвалившись, бока ихъ укрѣплены мелкимъ камнемъ, какъ и весь берегъ, такъ что вода, въ большомъ обилiи необходимая для риса, можетъ стекать по уступамъ, какъ по лѣстницѣ, не разрушая ихъ. Видѣли скотъ, потомъ множество ребятишекъ; вышло нѣсколько японцевъ изъ хижинъ и дачъ, и стали въ кучу, глядя, какъ мы то остановимся, то подъѣдемъ къ самому берегу, то удалимся, лавируя взадъ и впередъ. Мы глядѣли на нѣкоторыя бесѣдки и храмы по высотамъ, любовались длинною, идущею параллельно съ берегомъ, кедровою аллеею.

Не думайте, чтобъ храмъ былъ въ самомъ дѣлѣ храмъ, по нашимъ понятiямъ, въ архитектурномъ отношенiи, что-нибудь господствующее, не только надъ окрестностью, но и надъ домами—нѣтъ, это, по-нашему, изба, побольше другихъ, съ нѣсколько возвышенною кровлею, или какая-нибудь посѣрѣвшая отъ времени большая бесѣдка, въ старомъ заглохшемъ саду. Немудрено, что Кемпферъ насчиталъ такое множество храмовъ: по высотамъ ихъ дѣйствительно много: но ихъ, безъ трубы, не разглядишь, развѣ подъѣдешь къ самому берегу, какъ мы сдѣлали въ этой бухтѣ.

Какое бы славное предмѣстiе раскинулось въ ней, если бъ она была въ рукахъ европейцевъ! Да это еще будетъ и, можетъ-быть, скоро... Знаете, что̀ на-дняхъ сказалъ *Матабе*, одинъ изъ ондер-толковъ, привозящiй намъ провизiю? Его спросили: отчего у нихъ такiя лодки, съ этимъ разрѣзомъ на кормѣ, куда могутъ хлестать волны, и съ этимъ неуклюжимъ, высокимъ рулемъ? Онъ сослался на законъ, потомъ сказалъ, что это худо: „да вѣдь Японiя не можетъ долго оставаться въ нынѣшнемъ ея положенiи“, прибавилъ онъ,—„скоро надо ожидать перемѣнъ“.— Каковъ Матабе? а не бойкiй, невзрачный человѣкъ, и съ такимъ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ! Оттого, можетъ-быть, онъ и говоритъ такъ.

Глядя вчера на эти обработанные до-нельзя холмы, я вспомнилъ Гон-Конгъ, и особенно торговое заведеніе Джердина и Маттисона, занимающее цѣлый уголъ. Тамъ тоже горы, да какія! не чета здѣшнимъ: голый камень, а бухта удобна, берега *приглубы*, суда закрыты отъ вѣтровъ. Что же Джердинъ? нанялъ китайцевъ, взялъ да и срылъ гору, построилъ огромное торговое заведеніе, магазины, а еще выше надъ всѣмъ этимъ—великолѣпную виллу, сдѣлалъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что̀ растетъ подъ тропиками,—и живетъ какъ бы жилъ въ Англіи, гдѣ-нибудь на о. Вайтѣ. Я не видѣлъ въ Гон-Конгѣ ни клочка обработанной земли, а вездѣ срытыя горы для улицъ да для дорогъ, для пристаней. Китайцы—а ихъ тамъ тысячъ тридцать—не боятся умереть съ голоду. Они находятъ выгоднѣе строить европейцамъ дворцы, копать землю, не все для одного посѣва, какъ у себя въ Китаѣ, а работать на судахъ, быть приказчиками, и наконецъ торговать самимъ. Такъ должно быть, и конечно будетъ, и здѣсь, какъ справедливо предсказываетъ Матабе.

Я иззябъ съ этимъ катаньемъ. Былъ пятый часъ въ исходѣ; осеннее солнце спѣшило спрятаться за горизонтъ, а мы спѣшили воротиться съ моря за-свѣтло, и проѣхали между каменьями, оторвавшимися отъ горъ, подъ самыми батареями, гдѣ японцы строятъ домики для каждой пушки. Какъ издѣвался надъ этими домиками нашъ артиллеристъ К. П. Л.. Онъ толковалъ, что домикъ мѣшаетъ углу обстрѣла и т. п! Сторожъ японецъ началъ браниться и кидать въ насъ каменья, но они едва падали у ногъ его. Мы хохочемъ. Сзади насъ катеръ и—тому то же, и тамъ хохотъ. Вотъ Паппенбергъ—и опять штиль у его подошвы. Катеръ вышелъ изъ вѣтра и сталъ прямо; парусъ началъ хлестать о мачту; матросы взялись за весла, а я въ это время осматривалъ Паппенбергъ. Съ западной его стороны отвалился большой камень, съ кучей маленькихъ; между ними хлещетъ бурунъ; еще

подальше отъ Паппенберга есть такая же куча, которую исхлестали, округлили и изборождили волны, образовавъ живописную группу, какъ будто великановъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ дѣтьми.

Когда въ Нагасаки будетъ издаваться иллюстрація, непремѣнно нарисуютъ эти каменья. И *Паппенбергъ* тоже, и *Крысій*, другой, маленькій, пушистый островокъ. Въ текстѣ скажутъ, что съ Паппенберга нѣкогда бросали католическихъ, *папскихъ* монаховъ, отчего и названъ такъ островъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть откуда бросать: онъ весь кругомъ въ отвѣсныхъ скалахъ, саженъ въ десять и болѣе вышины. Только съ восточной стороны, на самой *бахрамъ*, такъ сказать, берега, японцы протоптали тропинки, да поставили батарею, которую, по обыкновенію, и завѣсили, а вершину усадили рѣдкимъ соснякомъ, отчего вся гора, какъ я писалъ, имѣетъ видъ головы, на которой волосы встали дыбомъ. Вообще японцы любятъ утыкать свои холмы рѣдкими деревьями, отчего они походятъ также и на пасхальные куличи, утыканные фальшивыми розанами. На Крысьемъ островѣ избиты были нѣкогда испанцы и сожжены ихъ корабли съ товарами. На немъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ когда-нибудь хорошенькій павильонъ: для другого чего-нибудь островъ малъ.

Только что мы подъѣхали къ Паппенбергу, какъ за нами бросились назадъ таившіяся подъ берегомъ, ожидавшія насъ, японскія лодки и ѣхали съ крикомъ, но не близко, и такъ всѣ дружно прибыли—онѣ въ свои ущелья и затишья, мы на фрегатъ. Я долго дулъ въ кулаки.

Ноябрь. 1, 2, 3.—То дождь, то ясно, то тепло, даже жарко, какъ сегодня, напримѣръ, то вдругъ холодно, какъ на родинѣ.

Японцы еще третьяго дня пріѣзжали сказать, что голландское купеческое судно уходитъ наконецъ съ грузомъ

въ Батавію (не знаю, сказалъ ли я, что мы застали его уже здѣсь) и что губернаторъ проситъ — о чемъ бы вы думали? чтобъ мы не ѣздили на судно! А мы велѣли сказать, что дадимъ письма въ Европу, и удивляемся, какъ губернатору могла придти въ голову мысль, мѣшать сношенію двухъ европейскихъ судовъ между собою? Опять переводчики пріѣхали, почти ночью, просить, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это за Ковальскими воротами, близъ моря. Имъ не хочется, чтобъ народъ видѣлъ и заключилъ по этому о слабости своего правительства: ему стыдно, что его не слушаются. Сказано, что нѣтъ. Переводчики объявили, что можетъ-быть, губернаторъ *не позволитъ* пристать къ борту, загородитъ своими лодками. „Пусть попробуетъ, сказано ему: выйдутъ непріятныя послѣдствія — онъ отвѣтитъ за нихъ".

Радость, радость, праздникъ: шкуна пришла! Сегодня, 3-го числа, палятъ японскія пушки. Съ салинговъ завидѣли шкуну. Часу въ 1-мъ она стала на якорь подлѣ насъ. Сколько новостей!

5-е.—Тоска, несмотря на занятія, несмотря на внѣшнее спокойствіе, на прекрасную погоду. Я вчера къ вечеру уѣхалъ на нашъ транспортъ: туда же поѣхалъ и капитанъ. Я увлекъ и О. А. Мы поужинали: вдругъ является К. Н. П. и говоритъ, что адмиралъ измѣнилъ рѣшеніе: прощай, Манилла, Лю-чу! мы идемъ въ Едо. Толки, споры. Говорятъ, сухарей нѣтъ: какъ идти? Адмиралъ думаетъ оттуда уже послать транспортъ въ Шанхай, за полнымъ грузомъ провизіи, на нѣсколько мѣсяцевъ. Но кромѣ недостатка провизіи, въ Едо мѣшаетъ идти противный NO муссонъ. Сегодня вызвали баніосовъ: пріѣхалъ Оіе-Саброски, Кичибе и Съоза, да еще баніосъ, подъ пару Саброски (баніосы иначе не ѣздятъ, какъ парами). Онъ смотритъ всякій разъ очень ласково на меня своимъ, довольно тупымъ, простымъ взглядомъ, и напоминаетъ какую-нибудь безусловно-добрую

тетку, няньку, или другую женщину-баловницу, отъ которой ума и наставленій не жди, зато варенья, конфетъ и потворства—сколько хочешь.

Всѣ были въ восторгѣ, когда мы объявили, что покидаемъ Нагасаки; только Кичибе былъ ни скучнѣе, ни веселѣе другихъ. Онъ переводилъ вопросы и отвѣты, самъ ничего не спрашивая и не интересуясь ничѣмъ. Онъ какъ-то сказалъ, на вопросъ II-та, почему онъ не учится англійскому языку, что жалѣетъ, зачѣмъ выучился и по-голландски. „Отчего?“ — „Я люблю“, говоритъ, „*ничего не дѣлать, лежать на боку*“.

Но баніосы не обрадовались бы, узнавши, что мы идемъ въ Едо. Имъ объ этомъ не сказали ни слова. Просили только пріѣхать завтра опять, взять бумаги, да подарки губернаторамъ и переводчикамъ, еще прислать, какъ можно больше, воды и провизіи. Они не подозрѣваютъ, что мы сбираемся продовольствоваться этой провизіей—на пути къ Едо! Что-то будетъ завтра?

6-го.—Были сегодня баніосы и утромъ и вечеромъ. Пришла и имъ забота. Губернаторы оба въ тревогѣ. „Отчего вдругъ вздумали идти? Въ какой день идутъ и... куда?“ хотѣлось бы еще спросить, да не рѣшаются: сами чувствуютъ, что не скажутъ. Сегодня ужъ они не были веселы. Съ баніосами былъ старшій изъ нихъ, *Хагивари*. Ихъ позвали къ адмиралу. Они сказали, что губернаторы рѣшили принять бумаги въ Совѣтъ. Потомъ секретарь и баніосы начали предлагать вопросы: „что насъ заставляетъ идти внезапно?“—„Нечего здѣсь больше дѣлать“, отвѣчали имъ. „Объяснена ли причина въ письмѣ къ губернатору?“—„Въ этихъ бумагахъ объяснены мои намѣренія“, приказалъ сказать адмиралъ.

О подаркахъ они сказали, что ихъ не могутъ принять ни губернаторы, ни баніосы, ни переводчики: „унмогликъ!“—„Изъ Едо“, началъ давиться Кичибе. „на этотъ счетъ не

получено... разрѣшенія".—„Ну, не надо. И мы никогда не примемъ", сказали мы, „когда нужно имѣть дѣло съ вами".

Кичибе извивался, какъ змѣй, допрашиваясь, когда идемъ, воротимся ли, упрашивая сказать день, когда выйдемъ и т. п. Но ничего не добился. *Студи* (скоро), *жеръ студи*, отвѣчалъ ему П-тъ. Они просили сказать объ этомъ по крайней мѣрѣ за день до отхода — и того нѣтъ. На нихъ очевидно напала тоска. Наступила ихъ очередь быть игрушкой. Мы мистифировали ихъ, ловко избѣгая отвѣчать на вопросы. Такъ они и уѣхали въ тревогѣ, не добившись ничего, а мы сѣли обѣдать.

Мы недоумѣвали, отчего такъ вдругъ обезпокоились японцы нашимъ отъѣздомъ? почему просятъ сказать за день? Вѣрно у нихъ есть готовый отвѣтъ, да, по своей привычкѣ, медлятъ объявлять. Вечеромъ явились опять и привезли Эйноске, надѣясь, что онъ потолковѣе: допросится. Но такъ же безполезно. Куда? хотѣлось имъ знать. „Куда вѣтеръ понесетъ", отвѣчали съ улыбкой. Наконецъ сказали, что будемъ гдѣ-нибудь близко, согласно съ тѣмъ, какъ объявилъ адмиралъ, то-есть *что не уйдемъ отъ береговъ Японіи, не окончивъ дѣла*. „Но отвѣтъ вы получите въ Нагасаки", замѣтили они. Мы ничего не сказали. Бѣда имъ, да и только! „Вы представьте", сказалъ Эйноске, „наше положеніе: намъ велѣли узнать, а мы воротимся съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхали".—„И мое положеніе представьте себѣ", отвѣчалъ П-тъ: „адмиралъ мнѣ не говоритъ ни слова больше о своихъ намѣреніяхъ, и я не знаю, что сказать [illegible]".—Такъ они и уѣхали.

7-го.—Комедія съ этими японцами, совершенное представленіе на нагасакскомъ рейдѣ! Только что пробило восемь склянокъ и подняли флагъ, какъ появились переводчики, за ними и оппер-баніосы, Хагиварп, Саброски и еще другой, робкій и невзрачный съ виду. Они до-

прашивали, не недовольны ли мы чѣмъ-нибудь? потомъ попросили видѣться съ адмираломъ. По обыкновенію, всѣ усѣлись въ его каютѣ и воцарилось глубокое молчаніе.

Хагивари говорилъ долго, минутъ десять: мы думали и конца не будетъ. Кичибе началъ переводить его рѣчь, по-своему, коротко и отрывисто, и передалъ, повидимому, только мысль, но способъ выраженія, подробности, оттѣнки— все пропало. Онъ и ограниченъ, и упрямъ. Если скажутъ, что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ, сколько мы могли замѣтить, смягчитъ въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчитъ. Адмиралъ недоволенъ и хочетъ просить, чтобъ его устранили отъ переговоровъ. Эйноске, напротивъ, все понимаетъ и старается объяснить до тонкости.

Они начали съ того, что „такъ какъ адмиралъ не соглашается остаться, то губернаторъ не рѣшается удерживать его, но онъ предлагаетъ ему на разсужденіе одно обстоятельство, чтобъ адмиралъ поступилъ сообразно этому, именно: губернатору извѣстно навѣрное, что дней чрезъ десять, и никакъ не болѣе одиннадцати, а, можетъ-быть, и чрезъ семь, придетъ отвѣтъ, который почему-то замедлился въ пути".

На это отвѣчено, что „по трехмѣсячномъ ожиданіи, не важность подождать семь дней: но намъ необходимо имѣть мѣсто на берегу, чтобъ сдѣлать поправки на судахъ, повѣрить хронометры и т. п. Далѣе, если отвѣтъ этотъ подвинетъ дѣло впередъ, то мы останемся, въ противномъ случаѣ уйдемъ... куда намъ надо".

Между тѣмъ мы замѣтили, бывши еще въ каютѣ капитана, что то одинъ, то другой переводчикъ, выходили къ своимъ лодкамъ и возвращались. Баніосы отвѣчали, что „они доведутъ объ этомъ заявленіи адмирала до свѣдѣнія губернатора и..."

Вдругъ у дверей послышался шумъ и голоса. Эйноске

всталъ, пошелъ къ дверямъ, поспѣшно воротился и сказалъ, что пріѣхали еще двое баніосовъ, но часовой не пускаетъ ихъ. Велѣно впустить. Вошли двое, знакомыя лица, не знаю какъ ихъ зовутъ. Они поклонились, подошли къ Хагивари и подали ему бумагу. Я смекнулъ, что они пріѣхали съ отвѣтомъ изъ Едо. Хагивари, съ видомъ притворнаго удивленія, прочелъ бумагу, подалъ ее Саброски, тотъ прочелъ, передалъ дальше, и такъ она дошла до Кичибе. Они начали ахать, восклицать. Кичибе чуть не подавился совсѣмъ на первомъ словѣ. „Почта... почта... изъ Едо erhalten, получена!“

Я не могъ выдержать, отвернулся отъ нихъ и кое-какъ справился съ непстовымъ желаніемъ захохотать. Фарсёры! Какъ хитро: пріѣхали попытаться замедлить, просили десять дней срока, когда уже отвѣтъ былъ присланъ. Бумага состояла, по обыкновенію, всего изъ шести или семи строкъ. „Четверо полномочныхъ, groote herren, важные сановники, сказано было въ ней, ѣдутъ изъ Едо, для свиданія и переговоровъ съ адмираломъ“.

Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ Едо! У насъ, какъ гора съ плечъ! Идти въ Едо безъ провизіи, стало-быть, на самое короткое время, и уйти!

Спросили, когда будутъ полномочные. „Изъ Едо... не получено... объ этомъ“. Ну, пошелъ свое! Хагивари и Саброски начали дѣлать намъ знаки, показывая на бумагу, что вотъ какое чудо случилось: только заговорили о ней, а она и пришла! Тутъ уже никто не выдержалъ, и они сами, и всѣ мы стали смѣяться. Бумага писана была отъ президента Горочью, *Абе-Исе-но Ками Сама*, къ обоимъ губернаторамъ о томъ, что ѣдутъ полномочные, но кто именно, когда они ѣдутъ, выѣхали ли, въ дорогѣ ли—объ этомъ ни слова.

Японцы уѣхали, съ обѣщаніемъ вечеромъ привезти отвѣтъ губернатора о мѣстѣ. „Стало-быть, о прежнемъ,

то-есть объ отъѣздѣ, уже нѣтъ и рѣчи". сказали они. уѣзжая, и стали отирать себѣ ротъ, какъ будто стирая прежнія слова. А мы начали толковать о предстоящихъ перемѣнахъ въ нашемъ планѣ. Я еще, до отъѣзда ихъ, не утерпѣлъ и вышелъ на палубу. Капитанъ распоряжался привязкой парусовъ. „Напрасно", сказалъ я: „велите опять отвязывать, не пойдемъ".

Послѣ обѣда тотчасъ явились японцы и сказали, что хотя губернаторъ и не имѣетъ разрѣшенія, но беретъ все на себя и отводитъ мѣсто. Къ вечеру опять пріѣхали сказать, не хотимъ ли мы взять бухту *Либачъ*, которую занималъ прежній посланникъ нашъ, Резановъ. Адмиралъ отвѣчалъ, что, вовсякомъслучаѣ, онъпошлетъосмотрѣтьмѣстопрежде, нежели приметъ. Поѣхали осматривать П. К. и Г. и возвратились со смѣхомъ и досадой, сказавъ, что мѣсто не годится: голое, песокъ, каменья. Ну, надо терпѣнія съ этимъ народомъ! Вотъ четвертый день все идутъ толки о мѣстѣ.

Мы хотя и убрали паруса, но адмиралъ предполагаетъ идти, только не въ Едо, а въ Шанхай, чтобы узнать тамъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, и запастись свѣжею провизіею на нѣсколько мѣсяцевъ. Японцамъ объявили, что мѣсто не годится. Губернаторъ отвѣчалъ, что нѣтъ другого: видно, разсердился. Мы возразили, что вонъ есть тамъ, да тамъ, да вонъ тутъ: мало ли красивыхъ мѣстъ! „Если не дадутъ, уйдемъ", говорили мы, „присылайте провизію".—„Не могу", отвѣчалъ губернаторъ: „требуйте провизію попрежнему, понемногу, отъ голландцевъ". Онъ надѣялся насъ тѣмъ удержать. „Ну, мы пойдемъ и безъ провизіи", отвѣчено ему.

10-го.—Сегодня вдругъ видимъ, что при входѣ въ бухту Кибачъ толпится кучка народу. Тамъ и баніосы и переводчики, смотрятъ, размѣриваютъ, втыкаютъ колышки: ясно, что готовятъ другое мѣсто, но какое! тоже голое, съ зеленью, правда, но это посѣвы риса и овощей: тутъ негдѣ ступить.

Губернаторъ, узнавъ, что мы отказываемся принять и другое мѣсто, отвѣчалъ, что больше у него нѣтъ никакихъ, что указанное нами принадлежитъ князю Омурѣ, на которое онъ не имѣетъ правъ. Оба губернатора послѣ всего этого успокоились: они объявили намъ, что полномочные назначены, мѣсто отводятъ, слѣдовательно, если мы и за этимъ за всѣмъ уходимъ, то они ужъ не виноваты.

Адмиралъ просилъ ихъ передать бумаги полномочнымъ, если они прежде насъ будутъ въ Нагасаки. При этомъ приложена была записочка къ губернатору, въ которой адмиралъ извѣщалъ его, что онъ въ „непродолжительномъ времени воротится въ Японію, зайдетъ въ Нагасаки, и если тамъ не будетъ ни полномочныхъ, ни отвѣта на его предложенія, то онъ немедленно пойдетъ въ Едо".

Баніосы спрашивали, что̀ заключается въ этой записочкѣ, но имъ не сказали, такъ точно, какъ не объявили и губернатору, куда и на долго ли мы идемъ. Мы всѣ думали, что насъ остановятъ, дадутъ мѣсто и скажутъ, что полномочные ѣдутъ: но ничего не было. Губернаторы, догадавшись, что мы идемъ не въ Едо, успокоились. Мы сказали, что уйдемъ сегодня же, если вѣтеръ будетъ хорошъ.

Часа въ три мы снялись съ якоря, пробывъ ровно три мѣсяца въ Нагасаки: 10 августа пришли и 11 ноября ушли. Я легъ-было спать, но топотъ людей, укладка якорной цѣпи, разбудили меня. Я вышелъ въ ту минуту, когда мы выходили на первый рейдъ, къ Ковальскимъ, такъ называемымъ, воротамъ. Недавно я еще катался тутъ. Вонъ и бухта, которую мы осматривали, вонъ Паппенбергъ, всѣ знакомыя рытвины и ложбины на дальнихъ высокихъ горахъ, вотъ Каменосима, Ивосима, вонъ, налѣво, синѣетъ мысъ Номо, а вотъ и просторъ, безпредѣльность, море!

II.

ШАНХАЙ.

Сѣдельные острова. — Рыбачья флотилія. — Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ. - Гуцлавъ. — Янсекіянъ. — Пожаръ. — Рѣка и мѣстечко Вусунъ. — Военныя джонки и европейскія суда. — Шанхай. — О чаѣ.—Простой народъ. -Таможня.— Американскій консулъ.— Рѣзная китайская работа. — Улицы и базары. — Лавки и продавцы. — Фрукты, зелень и дичь. — Харчевни. — Европейскіе магазины. — Буддійская часовня. — Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета.—Окрестности, поля, гуляньe англичанъ.—Лагерь и инсургенты. — Таутай Самква. — Осада города продавцами провизіи. — Обращеніе англичанъ съ китайцами.—Торговля опіумомъ.- Значеніе Шанхая.— Претендентъ на богдыханскій престолъ. — Успѣхи христіанства въ Китаѣ. — Фермы и земледѣльцы. — Китайскія похороны. — Возвращеніе на фрегатъ.

Съ 11 ноября 1853 года.

Опять плавучая жизнь, опять движеніе по волѣ вѣтра, или покой, по его же милости! Какъ воетъ онъ теперь и какъ холодно! Я отвыкъ въ три мѣсяца отъ моря, и съ большимъ неудовольствіемъ смотрю, какъ всѣ стали по мѣстамъ, какъ четверо рулевыхъ будто приросли къ штурвалу, ухватясь за рукоятки колеса, какъ матросы полѣзли на марсы и какъ фрегатъ распустилъ крылья, а дѣдъ началъ странствовать съ юта къ картѣ, и обратно. Мы пошли по 6 и по 7 узловъ, въ бейдевиндъ. За нами долго слѣдила японская

джонка, чтобъ посмотрѣть, куда мы направимся. Я не зналъ, куда дѣться отъ холода и, какъ былъ одѣтый въ байковомъ пальто, легъ на кровать, покрылся ваточнымъ одѣяломъ—и все было холодно. Въ перспективѣ не теплѣе: въ Шанхаѣ бываютъ морозы, несмотря на то, что онъ лежитъ подъ 31 градусомъ сѣверной широты.

Сегодня выхожу на палубу часу въ девятомъ: налѣво, въ туманѣ, какой-то островъ; надъ нимъ, какъ исполинская ширма, стоитъ сизая туча, съ полосами дождя. Пасмурно: дождь мороситъ; въ воздухѣ влажно, пахнетъ немного болотомъ. Предчувствуешь насморкъ. Погода совершенно такая же, какая бываетъ въ Финскомъ заливѣ, или на Невѣ, въ концѣ лѣта, въ сѣренькіе дни. „Что это за островъ?“ спросилъ я.—„*Гото*“, говорятъ. „А это, направ?“—„*Ослиныя уши*“.—„Что-о?“ „почему это уши?“ думалъ я, глядя на группу, совершенно голыхъ, темныхъ каменьевъ, „да еще и ослиныя?“ Но, должно-быть, я подумалъ это вслухъ, потому что кто-то подлѣ меня сказалъ: „оттого, что они торчмя высовываются изъ воды—вонъ видите?“—Вижу, да только это похоже и на шапку, и на ворота, и ни на что не похоже, всего менѣе на уши. Вѣдь говорятъ же, что Столовая гора похожа на столъ, а Львиная на льва: такъ почему жъ и эти камни не назвать такъ? А вонъ, правѣе, еще три камня: командиръ нашего транспорта, капитанъ Фуругельмъ, первый замѣтилъ ихъ. Они не показаны на картѣ, и вотъ у насъ отмѣчаютъ ихъ положеніе. Они видны нѣсколько правѣе отъ „Ушей“, если идти изъ Японіи, какъ будто на второмъ планѣ картины. Кто предлагалъ назвать ихъ *Камнями Паллады*, кто *Тремя Стражами*, но они остались безъ названія.

Вѣтеръ сталъ свѣжѣть: убрали брамсели, и вскорѣ взяли рифъ у марселей. Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, если бъ вы знали, особенно по

Россіи! Ѣдешь не торопясь, безъ сроку, по своей надобности, съ хорошими спутниками; качки нѣтъ, хотя и тряско, но то не бѣда. Колокольчикъ заглушаетъ вѣтеръ. Въ холодную ночь спрячешься въ экипажѣ, утонешь въ перины, закроешься одѣяломъ—и знать ничего не хочешь. Утромъ поздно уже, переспавъ два раза срокъ, путешественникъ вдругъ освобождаетъ съ трудомъ голову изъ-подъ спуда подушекъ, вскакиваетъ, съ прической à l'imbécile, и дико озирается по сторонамъ, думая: „что это за деревья, откуда они взялись и зачѣмъ онъ самъ тутъ?“ Очнувшись, шаритъ около себя, ища картуза, и видитъ, что въ него, вмѣсто головы, угодила нога, или ощупываетъ его подъ собой, а иногда и вовсе не находитъ. Потомъ пойдутъ вопросы: далеко ли отъѣхали, скоро ли пріѣдутъ на станцію, какъ называется вонъ та деревня, что̀ въ оврагѣ? Потомъ станція, чай, легкая утренняя дрожь, Теньеровскія картины; тамъ опять живая и разнообразная декорація лѣсовъ, пашенъ, дальнихъ селъ и деревень, пекущее солнце, оводы, недолгій жаръ, и снова станція, обѣдъ, привѣтливыя лица, да двугривенные: послѣ еще сонъ, наконецъ знакомый шлагбаумъ, знакомая улица, знакомый домъ, а тамъ она, или онъ, или оно... Ахъ! гдѣ вы, милыя, знакомыя явленія? А здѣсь что̀ такое? одной рукой пишу, другой держусь за переборку: бюро лѣзетъ на меня, я лѣзу на стѣну... До свиданія.

14-го. Вотъ и *Saddle-Islands*, гдѣ мы должны остановиться съ судами, чтобъ нейти въ Шанхай и тамъ не наткнуться, или на мель, или на англичанъ, если у насъ съ ними война. Мы еще ничего не знаемъ. Да съ большими судами и не дойдешь до Шанхая: рѣка Янсекіянъ вся усѣяна мелями: надо пароходъ и лоцмановъ. Есть въ Шанхаѣ и пароходъ, „Конфуцій“, но онъ беретъ четыреста долларовъ за то, чтобъ ввести судно въ Шанхай. Что̀ сказалъ бы добродѣтельный философъ, если бъ предвидѣлъ, что его со-

именникъ будетъ драть по стольку съ приходящихъ судовъ? проклялъ бы пришельцевъ, конечно. А кто знаетъ: если бъ у него были акціи на это предпріятіе, такъ, можетъ-быть, самъ бралъ бы вдвое. Здѣсь неимовѣрно дорогъ уголь: тоннъ стоитъ десять фунт. стерл., оттого и пароходъ беретъ дорого за буксиръ.

Saddle-Islands лежатъ миляхъ въ сорока отъ бара или устья Янсекіяна, да рѣкой еще миль сорокъ слишкомъ надо ѣхать, потомъ рѣчкой Вусунгъ, Усунь, или Woosung, какъ пишутъ англичане, а вы выговаривайте какъ хотите. Отецъ А., жившій въ Китаѣ, говоритъ, что надо говорить *Вусунь*, что у китайцевъ нѣтъ звука г.

Saddle-Islands значитъ „Сѣдельные острова": видно ужъ по этому, что тутъ хозяйничали англичане. Во время китайской войны, англійскія военныя суда тоже стояли здѣсь. Я вижу берегъ теперь изъ окна моей каюты: это цѣлая группа островковъ и камней, въ родѣ знаковъ препинанія: они и на картѣ показаны въ видѣ точекъ. Они безплодны, какъ большая часть острововъ около Китая; вѣтры обнажаютъ берега. Впрочемъ, пишутъ, что здѣсь много устрицъ и—чего бы вы думали? нарцисовъ!

Сію минуту К. Н. П. вызвалъ меня посмотрѣть рыбачій флотъ. Я думалъ, что увижу десятка два рыбачьихъ лодокъ и не хотѣлъ выходить: вообразите, мы насчитали до пятисотъ. Онѣ всѣ стоятъ въ линію, на разстояніи около трехъ кабельтовыхъ отъ насъ, т. е. около трехсотъ саженъ—это налѣво. А справа видны острова, точно морскія чудовища, выставившія темные, безцвѣтные хребты: ни зелени, ни возвышенностей не видно; впрочемъ до нихъ еще будетъ миль 12. Я все смотрѣлъ на частоколъ китайскихъ лодокъ. Что они тамъ дѣлаютъ, эти рыбаки, а при случаѣ, можетъ-быть, и пираты, какъ большая часть живущихъ на островахъ китайцевъ? Надъ ними нѣтъ управы. Китайское правительство

слишкомъ слабо, и безъ флота ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Англичанъ и другихъ, кто посильнѣе на морѣ, пираты не трогаютъ, слѣдовательно тѣмъ до нихъ дѣла нѣтъ. Даже говорятъ, что англичане употребляютъ ихъ для разныхъ послугъ. Зато небольшимъ купеческимъ судамъ отъ нихъ бѣда. Ихъ уличить трудно: если они одолѣютъ корабль, то утопятъ всѣхъ людей до одного: а не одолѣютъ, такъ быстро уйдутъ, и ихъ не сыщешь въ архипелагахъ этихъ морей. Впрочемъ они нападаютъ только тогда, когда надѣются навѣрное одолѣть. Все затрудненіе поймать ихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ не одно ремесло. Сегодня они купцы, завтра рыболовы, а при всякомъ удобномъ случаѣ—разбойники. Наши моряки любуются, какъ они ловко управляются на морѣ съ своими красными, бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море—ихъ стихія. Старшаго надъ ними, кажется, никого нѣтъ: сегодня они тамъ, завтра здѣсь, и всегда избѣгнутъ всякаго правосудія. Народонаселеніе лѣзетъ изъ Китая врозь, какъ горохъ изъ переполненнаго мѣшка, и распространяется во всѣ стороны, на всѣ окрестные и дальніе острова, до Явы съ одной стороны, до Калифорніи съ другой. Китайцевъ вездѣ много: они и купцы, и отличные мастеровые, и рабочіе. Я удивляюсь, какъ ихъ еще по сю пору нѣтъ на мысѣ Доброй Надежды? Этому народу суждено играть большую роль въ торговлѣ, а можетъ-быть, и не въ одной торговлѣ.

Наше двухдневное плаваніе до сихъ поръ было хорошо. Въ среду мы снялись съ якоря, сегодня, въ субботу, уже подходимъ. Всего сдѣлали около 450 миль: это семьсотъ слишкомъ верстъ. Качка была, да не сильная, хотя вчера дулъ свѣжій вѣтеръ, ровный, рѣзкій и холодный. Волненіе небольшое, но злое, постоянное: какъ будто человѣкъ сердится, бранится горячо, и гнѣву его долго не предвидится конца. Фрегатъ шелъ, накренясь на лѣвую сторону, и отъ

напряженія, слегка судорожно вздрагиваль: подъ ногами чувствуешь точно что-нибудь живое, какія-то натянутыя жилы, которыя ежеминутно готовы разорваться отъ усилія. Такъ замѣтно, особенно для ногъ, давленіе воздуха на мачты, паруса и на весь остовъ судна.

Сегодня встаемъ утромъ: теплѣе вчерашняго; идемъ на фордевиндъ, т. е. вѣтеръ дуетъ прямо съ кормы; ходу пять узловъ и вѣтеръ умѣренный. „Свистать всѣхъ наверхъ— на якорь становиться!" слышу давича, и бѣгу на ютъ. Вотъ мы и на якорѣ. Но что за безотрадныя скалы, какія дикія мѣста! ни кустика нѣтъ. Говорятъ, есть деревня тутъ: да гдѣ же? не видать ничего, кромѣ скалъ.

16-го. Вчера наши уѣхали на шкунѣ въ Шанхай. Я не поѣхалъ, надѣясь, что успѣю: мы здѣсь простоимъ еще съ мѣсяцъ. Меня звали, но я не былъ готовъ, да пусть прежде узнаютъ, что за мѣсто этотъ Шанхай, гдѣ тамъ быть и что дѣлать? пускаютъ ли еще въ китайскій городъ? А если придется жить въ европейской факторіи и видѣть только ее, такъ не стоитъ труда и ѣздить: тѣ же англичане, тотъ же ростбифъ, тѣ же much obliged и thank you. А у китайцевъ суматоха, безпорядокъ. Инсургенты въ городѣ, войска стоятъ лагеремъ вокругъ: нѣтъ надежды увидѣть китайскій театръ, получить приглашеніе на китайскій обѣдъ, попробовать птичьихъ гнѣздъ. Хоть бы подрались они при насъ между собою! Говорили, будто отсюда восемьдесятъ миль до Шанхая, а выходитъ сто-пять, это сто-восемьдесятъ-четыре версты.

Наши съѣзжали сегодня на здѣшній берегъ, были въ деревнѣ у китайцевъ, хотѣли купить рыбы, но тѣ сказали, что и настоящій и будущій уловъ проданы. Невесело однако здѣсь. Впрочемъ давно не было весело: нашъ путь лежалъ или по англійскимъ портамъ, или у такихъ береговъ, на которые выйти нельзя, какъ въ Японіи, или незачѣмъ, какъ здѣсь напримѣръ.

Наши однако не унываютъ, ѣздятъ на скалы гулять. Вчера даже съ корвета поѣхали на берегъ пить чай на травѣ, какъ, бывало, въ Россіи, въ березовой рощѣ. Только они взяли съ собой туда дровъ и воды: тамъ нѣту. Не правда ли, есть маленькая натяжка въ этомъ сельскомъ удовольствіи?

Въ морѣ. Пришло время каяться, что я не поѣхалъ въ Шанхай. Безыменная скала, у которой мы стали на якорь, защищаетъ насъ только отъ сѣверныхъ, но отнюдь не отъ южныхъ вѣтровъ. Сегодня вдругъ подулъ южный вѣтеръ и барометръ сталъ падать. Скорѣй стали сниматься съ якоря и чрезъ часъ были въ морѣ, вдали отъ опасныхъ камней. Отважныя рыбачьи лодки тоже скрылись по бухтамъ. Мы, то лежимъ въ дрейфѣ, то лѣниво полземъ узелъ, два, впередъ, потомъ назадъ, ходимъ ощупью: тьма ужасная; дождь, какъ въ Петербургѣ, уныло и безпрерывно льетъ, стуча въ кровлю моей каюты, т. е. въ ютъ. Но въ Петербургѣ есть ярко-освѣщенныя залы, музыка, театръ, клубы—о дождѣ забудешь; а здѣсь есть скрипъ снастей, тусклый фонарь на гафелѣ, да одни и тѣ же лица, тѣ же разговоры: зачѣмъ это не поѣхалъ я въ Шанхай!

Сегодня, 19-го, вѣтеръ крѣпкій гналъ насъ назадъ узловъ по девяти. Я не могъ уснуть всю ночь. Часовъ до четырехъ, по обыкновенію, писалъ, и только собрался лечь, какъ начали дѣлать поворотъ на другой галсъ: стали свистать, командовать; бизань-шкотъ и грота-брасъ идутъ чрезъ роульсы, привинченные къ самой крышкѣ моей каюты, и когда потянутъ обѣ эти снасти, точно два экипажа ѣдутъ по самому черепу. Вѣтеръ между тѣмъ перемѣнился и мы пошли на свое мѣсто. Насъ догналъ корветъ: ночью жгли фальшфейеры. Часовъ въ восемь мы опять были въ желтыхъ струяхъ Янсекіяна. Собственно до настоящаго устья будетъ миль сорокъ отсюда, но вода такъ быстра, что мы за нѣ-

сколько миль еще до этихъ Saddle-Islands встрѣтили уже желтую воду.

Страшно подумать, что съ 5-го августа, т.-е. со дня прихода въ Японію, мы не были на берегу, исключая визита къ нагасакскому губернатору. Это ровно три мѣсяца. И когда сойдемъ, еще не знаю. Придетъ ли за нами шкуна сюда, или нѣтъ: буду ли я въ Шанхаѣ—неизвѣстно. Ходишь по палубѣ, слушаешь, особенно по вечерамъ, почти никогда неумолкающій здѣсь вой вѣтра. Слышишь и какіе-то, будто посторонніе, примѣшивающіеся тутъ же голоса, или мелькнетъ въ глаза мгновенный блескъ не то отдаленнаго пушечнаго выстрѣла, не то блуждающаго по горамъ огонька: или это только такъ, призраки, являющіеся въ тѣ мгновенія, когда въ организмѣ есть ослабленіе, разстроенность... Корветъ сегодня, 21-го, только воротился изъ нашей коротенькой экспедиціи или побѣга отъ южнаго вѣтра.

22-го. Я еще не былъ здѣсь на берегу—не хочется, во-первыхъ, лазить по голымъ скаламъ, а во-вторыхъ, не въ чемъ: сапогъ нѣтъ, или, пожалуй, вонъ ихъ цѣлый рядъ, но ни одни нейдутъ на ногу. Кожа всего скорѣе портится въ морѣ: сначала она отсырѣетъ, заплѣсневѣетъ, потомъ ссыхается въ жаркихъ климатахъ и рвется почти такъ же легко, какъ писчая бумага. Я совѣтую вамъ ѣхать въ дальній вояжъ безъ сапогъ, или въ тѣхъ только, которые будутъ на ногахъ: но возьмите съ собой побольше башмаковъ и ботинокъ... и то не нужно: вездѣ сдѣлаютъ вамъ. Теперь я ношу ботинки китайской работы, сдѣланныя въ Гон-Конгѣ... Вотъ что̀ значитъ скука-то: заговоришься à propos des bottes.

23-го. Еще съ утра вчера завидѣли шкуну: думали наша—нѣтъ: черезчуръ высокъ рангоутъ, а лавируетъ къ намъ. Капитанъ, о. Авв. и я, изъ окна капитанской каюты смотрѣли, какъ ее обливало со всѣхъ сторонъ водой, какъ ныряла она: хотѣла поворачивать, не поворачивала.

наконецъ поворотила, и часовъ въ пять бросила якорь близъ фрегата. Мы никакъ не ожидали, чтобъ это касалось до насъ. На шкунѣ были наши К. Н. П. и С. П. Ш.: они привезли изъ Шанхая зелень, живыхъ быковъ, куръ, утокъ, словомъ, свѣжую провизію и новости. но не свѣжія: отъ августа, а теперь ноябрь.

Въ Китаѣ мятежъ; въ Россіи готовятся къ войнѣ съ Турціей. Частныхъ писемъ привезли всего два. Меня зовутъ въ Шанхай: опять раздумье беретъ, опять нерѣшительность—да какъ, да что? Холодъ и лѣнь одолѣли совсѣмъ, особенно холодъ, и лѣнь тоже особенно. Вчера я спалъ у капитана въ каютѣ; у меня невозможно раздѣться; я пишу, а другую руку спряталъ за жилетъ: ноги зябнутъ.

Вотъ ужъ четвертый день реветъ крѣпкій NW; у насъ травятъ канатъ, шкуну взяли на бакштовъ, то-есть она держится за поданный съ фрегата канатъ, какъ дитя за платье няньки. Это американская шкуна; она, говорятъ, ходила къ южному полюсу, обогнула Горнъ. Ее зовутъ *Точкой*. Относительно къ океану, она меньше точки, или если точка, то математическая. Нельзя подумать, глядя на нее, чтобъ она была у Горна: большая лодка и всего 12 человѣкъ на ней, и со шкиперомъ. У ней изорвало вчера паруса, подмочило всю нашу провизію, куръ, утокъ, а одного быка совсѣмъ унесло валомъ. Да и путешественники пришли на фрегатъ—точно изъ гостей отъ самого Нептуна.

Такъ и есть, какъ я думалъ: Шанхай запертъ, въ него нельзя попасть: инсургенты не пускаютъ. Они дрались съ войсками—наши видѣли. Надо ѣхать, развѣ потому только, что совѣстно быть въ полутораста верстахъ отъ китайскаго берега и не побывать на немъ. О войнѣ съ Турціей тоже не рѣшено, вмѣстѣ съ этимъ не рѣшено, останемся ли мы здѣсь еще мѣсяцъ, какъ прежде хотѣли, или сейчасъ пойдемъ въ Японію, несмотря на то, что у насъ нѣтъ сухарей.

Янсекіянъ и Шанхай. Всѣ, кто хотѣлъ ѣхать, начали собираться, а я по своему обыкновенію, продолжалъ колебаться, ѣхать или нѣтъ, и рѣшилъ не ѣхать. Утромъ предполагали отправиться въ восемь часовъ. Я всталъ въ шесть и—поѣхалъ. Погода была порядочная, волненіе умѣренное, для фрегата вовсе незамѣтное, но для маленькой шкуны чувствительное. Я осмотрѣлся на шкунѣ: какая перемѣна послѣ фрегата! Тамъ не знаешь, что̀ дѣлается на другомъ концѣ, по нѣскольку дней съ нимъ и не увидишься; во всемъ порядокъ, чистота. Здѣсь ѣдешь, какъ въ лодкѣ. Палуба завалена всякой дрянью; отъ мачты и парусовъ негдѣ повернуться; черно, грязно, скользко, ноги прилипаютъ къ палубѣ. Шкиперъ шкуны, англійскій матросъ, служившій прежде на купеческихъ судахъ, нанятъ хозяиномъ шкуны, за 25 долларовъ въ мѣсяцъ, ходить по окрестнымъ мѣстамъ для разныхъ надобностей. На рулѣ сидѣлъ малаецъ, въ чалмѣ; матросы всѣ китайцы.

Насъ было человѣкъ десять: тѣснота такая, что почти проходу не было. Кромѣ офицеровъ, гг. Посьета, Назимова, Кроуна, Бѣлавенца, Болтина, Овсянникова, кн. Урусова, да насъ троихъ, не офицеровъ, о. Аввакума, О. А. Гошкевича и меня, ѣхали пятеро нашихъ матросовъ, мастеровыхъ, дѣлать разныя починки на шкунѣ „Востокъ". П., пріѣхавшій на этой шкунѣ, ужъ зналъ, что ни шкиперъ, несмотря на свое званіе матроса, да еще англійскаго, ни команда его, не имѣли почти никакого понятія объ управленіи судномъ. Рулевой, сидя на кожаной скамеечкѣ, правилъ рулемъ, какъ попало. Онъ очень объ этомъ не заботился: безпрестанно качалъ ногой, набивалъ трубку, выкуривалъ, выколачивалъ тутъ же, на палубу, и опять набивалъ. На компасъ онъ и вниманія не обращалъ; да и стекло у компаса такъ занесло пылью, плѣсенью и всякой дрянью, что ничего не видно на немъ.

*

Шкиперъ немного больше заботился о суднѣ. Это былъ маленькій, худощавый человѣчекъ, въ байковой курткѣ и суконной шапкѣ, похожей на ночной чепчикъ. Онъ вынесъ изодранную карту Чусанскаго архипелага и острововъ Сэддль, положилъ ее на крышку люка, а самъ сжался отъ холода въ комокъ и сталъ незамѣтенъ, точно пропалъ съ глазъ долой. Положивъ ногу на ногу и спрятавъ руки въ рукава, онъ жевалъ табакъ и по временамъ открывалъ ротъ... что за ротъ! не обращая ни на что вниманія. Его безпрестанно побуждали офицеры, напоминали ему о вѣтрѣ, о теченіи. Онъ крикнетъ что-нибудь на полуанглійскомъ, полукитайскомъ языкѣ и опять пропадетъ. Рулевой правилъ наудачу: китайскіе матросы, сѣвъ на носу въ кружокъ, съ неописаннымъ проворствомъ ѣли двумя палочками рисъ.

Наши офицеры, видя, что съ ними не далеко уѣдешь, принялись хозяйничать сами. Одинъ оттолкнулъ рулевого, который давалъ шкунѣ *рыскать*, и началъ править самъ, другой смотрѣлъ на карту. Наши матросы замѣнили китайцевъ, тянули и отдавали по командѣ снасти, сдѣланныя изъ травы и скрипѣвшія, какъ ѣдущій по снѣгу обозъ. Вѣтеръ, къ счастію, былъ попутный, теченіе тоже; мы шли узловъ семь слишкомъ. Вотъ уже миновали знаки препинанія, т. е. Сѣдельные острова. Вдали, налѣво, виденъ былъ, имѣющій форму купола, островокъ Гуцлавъ, названный такъ въ честь знаменитаго миссіонера Гуцлава.

Какъ ни холодно, ни тѣсно было намъ, но и это путешествіе, съ маленькими лишеніями и неудобствами, имѣло свою занимательность, можетъ-быть, потому, что вносило хоть немного разнообразія въ наши монотонные дни.

Посидѣвъ на палубѣ, мы ушли внизъ и завладѣли каютой шкипера. Она состояла изъ двухъ чуланчиковъ, въ родѣ норъ, и, по чернотѣ и безпорядку, походила въ самомъ дѣлѣ на какой-то лисятникъ. Всего болѣе мутилъ меня запахъ

проклятаго растительнаго масла, употребляемаго китайцами въ пищу: запахъ этотъ преслѣдовалъ меня съ Явы: тамъ я почуялъ его въ первый разъ, въ китайской лавчонкѣ, и съ той минуты возненавидѣлъ. Въ Сингапурѣ и въ Гон-Конгѣ онъ смѣшивался съ запахомъ чесноку и сандальнаго дерева и былъ еще противнѣе: въ Японіи я три мѣсяца его не чувствовалъ, а теперь вотъ опять! Оглядываюсь, чтобъ узнать откуда пахнетъ—и ничего не вижу: на лавкѣ валяется только дождевая кожаная куртка, вѣроятно, хозяйская. Я отворилъ всѣ шкапчики, поставцы: тамъ чашки, чай—больше ничего нѣтъ, а такъ и разитъ!

Мы въ крошечной каютѣ сидѣли чуть не на колѣняхъ другъ у друга, а всего шесть человѣкъ, четверо остались наверху. Къ завтраку придутъ и они. Куда дѣнешься? Только стали звать матроса вынуть наши запасы, какъ и остальные стали сходиться. Вонъ показались изъ люка чьи-то ноги, долго опускались, наконецъ появилось и все прочее, послѣ всего лицо. Потомъ другія ноги, и такъ далѣе. Я сначала, какъ заглянулъ съ палубы въ люкъ, не могъ постигнуть, какъ сходятъ въ каюту: въ трапѣ недоставало двухъ верхнихъ ступеней и потому надо было прежде сѣсть на порогъ или „карлинсы", и спускать ноги внизъ, ощупью отыскивая ступеньку, потомъ, держась за веревку, рискнуть прыгнуть такъ, чтобъ попасть ногой прямо на третью ступеньку. Выходить надо было на рукахъ, это значитъ выскакивать, т.-е. упереться локтями о края люка, прыгнуть и стать сначала колѣнями на окраину, а потомъ уже на ноги. Вообще сходить въ каюту надо было съ рискомъ. Однакожъ къ завтраку и къ ужину всѣ рискнули сойти. Отъ обѣда воздержались: его не было.

Кому не случалось обѣдать на травѣ, за городомъ, или въ дорогѣ? Помните, какъ, изъ кулечковъ, корзинъ и коробокъ, вынимались ножи, вилки, хлѣбъ, жареныя индѣйки,

пироги? Мнѣ даже показалось, что тутъ подали тѣ же три стакана и двѣ рюмки, которыя я будто ужъ видалъ гдѣ-то въ подобныхъ случаяхъ. Вилка тоже, съ переломленнымъ среднимъ зубцомъ, подозрительна: она махнула сюда откуда-нибудь изъ-подъ Москвы, или изъ Нижняго. Вонъ соль въ бумажкѣ: есть у насъ ветчина, да горчицу забыли. Вообще тутъ, кажется, отрѣшаются отъ всякихъ правилъ, наблюдаемыхъ въ другое время. Одинъ торопится доѣсть утиное крылышко, чтобъ поспѣть взять пирога, который исчезаетъ съ невѣроятною быстротою. А другой, перебирая вилкой остальные куски, ропщетъ, что любимыя его крылышки улетѣли. Кто начинаетъ только завтракать, кто пьетъ чай; а этотъ, ожидая, когда удастся, за толпой, подойти къ столу и взять чего-нибудь посущественнѣе, сосетъ пока попавшійся подъ-руку апельсинъ; а кто-нибудь обогналъ всѣхъ и эгоистически курилъ сигару. Двѣ собаки, привлеченныя запахомъ жаркого, смотрятъ сверху въ люкъ и жадно вырываютъ изъ рукъ поданную кость. Ничего, все было бы сносно, если бъ не отравляющій запахъ китайскаго масла! Мнѣ просто дурно; я ушелъ наверхъ.

Одинъ только О. А. Г. не участвовалъ въ завтракѣ, который, по простотѣ своей, былъ достоинъ троянской эпохи. Онъ занятъ другимъ: томится морской болѣзнью. Онъ лежитъ наверху, закутавшись въ шинель, и чуть пошевелится, собаки, не видавшія никогда шинели, съ яростью лаютъ.

Но вотъ наконецъ выбрались изъ архипелага островковъ и камней, прошли и Гуцлавъ. Тутъ, въ открытомъ океанѣ, стало сильно покачивать: вода не разъ плескала на палубу. Пошелъ мелкій дождь. Шкиперъ надѣлъ свою дождевую куртку и—вдругъ около него разлился запахъ противнаго масла. Ахъ, если бъ я прежде зналъ, что это отъ куртки!.. Вода все желтѣе и желтѣе. Вскорѣ вошли за баръ, т.-е. за черту океана, и вошли въ рѣку. Я „выскочилъ“ изъ каюты

посмотрѣть берега.—„Да гдѣ жъ они?“—„Да береговъ нѣтъ“.—„Вѣдь это рѣка?“—„Рѣка.“—„Янсекіянъ?—„Да. „сынъ океана“ по-китайски“. — „А берега?...“—„Вонъ. вонъ“, говоритъ шкиперъ. Смотрю—ничего нѣтъ.

Наконецъ показалась полоса съ лѣвой стороны, а съ правой вода—и только: праваго берега не видать вовсе. Лѣвый сталъ обозначаться яснѣе. Онъ такъ низменъ, что едва возвышается надъ горизонтомъ воды и состоитъ изъ сѣрой глины, весь защищенъ плотинами, изъ-за которыхъ видны кровли, съ загнутыми уголками, и рѣдкія деревья, да борозды полей, и то ужъ ближе къ Шанхаю, а до тѣхъ поръ кругозоръ ограничивается едва замѣтной темной каймой. Вправо остался островокъ. Я спросилъ у шкипера названіе, но онъ пролаялъ мнѣ глухіе звуки, безъ согласныхъ. Пробовалъ я разсмотрѣть на картѣ, но тамъ, кромѣ чертежа острововъ, были какія-то постороннія пятна, покрывающія оба берега. Потомъ ничего не стало видно: сумерки скрыли все и мы начали пробираться по „сыну океана“ ощупью. Два китайца безпрестанно бросали лотъ. Одинъ кричалъ: three and half, потомъ half and four, и такъ разнообразилъ крикъ все время. Наши слѣдили карту, повѣряя по ней глубину. Глубина безпрестанно измѣнялась, отъ 8 до $3^1/_2$ саженъ. Какъ только доходило до послѣдней цифры, шкиперъ немного выходилъ изъ апатіи и иногда самъ брался за руль.

Нашимъ мелкимъ судамъ трудно входить сюда, а фрегату невозможно, развѣ съ помощью сильнаго парохода. Фрегатъ сидитъ 23 фута; фарватеръ Янсекіяна и впадающей въ него рѣки Вусунъ, на которой лежитъ Шанхай, имѣетъ самую большую глубину 24 фута, и притомъ онъ чрезвычайно узокъ. Недалеко оставалось до Woosung (Вусуна), мѣстечка при впаденіи рѣчки того же имени въ Янсекіянъ.

У Вусуна обыкновенно останавливаются суда съ опіумомъ и отсюда отправляютъ свой товаръ на лодкахъ въ

Шанхай, Нанкинъ и другіе города. Становилось все темнѣе: мы шли осторожно. Погода была пасмурная. „Зарево!" сказалъ кто-то. Въ самомъ дѣлѣ, налѣво, надъ горизонтомъ, рдѣло багровое пятно и дѣлалось все больше и ярче. Вскорѣ можно было различить пламя и вспышки—отъ выстрѣловъ. Въ Шанхаѣ—сраженіе и пожаръ, нѣтъ сомнѣнія! Это помогло намъ опредѣлить свое мѣсто.

Наконецъ, при свѣтѣ зарева, какъ при огненномъ столпѣ израильтянъ, мы, часовъ въ восемь вечера, завидѣли силуэты судовъ, различили нашъ транспортъ и стали саженяхъ въ пятидесяти отъ него на якорь. Китайцы, съ помощью нашихъ матросовъ, проворно убрали паруса и принялись за рисъ, а мы за своихъ утокъ и чай. Нѣкоторые уѣхали на транспортъ. Дремлется. Шкиперъ сошелъ внизъ пить чай и разсказывалъ о своей шкунѣ, откуда она, гдѣ она была. Между прочимъ онъ сказалъ, что вмѣстѣ съ этой шкуной выстроена была и другая, точно такая же, ея „sistership", какъ онъ выразился, но что та погибла въ океанѣ и съ людьми. Потомъ разсказывалъ, какъ эта уцѣлѣвшая шкуна отразила нападеніе пиратовъ, потомъ еще что-то. Я, пробуждаясь отъ дремоты, видѣлъ только—то вдалекѣ, то вблизи, какъ въ туманѣ—суконный ночной чепчикъ, худощавое лицо, оловянные глаза, масляную куртку, еще косу входившаго китайца-слуги, да чувствовалъ запахъ противнаго масла. На лавкѣ, однакожъ, дремать не удобно; хозяинъ предложилъ размѣститься по нишамъ, и между прочимъ на его постели, которая тутъ же была, въ нишѣ, или лучше сказать, на полкѣ. Изъ другой комнаты, или вѣрнѣе—чулана, слышалось храпѣнье. Тамъ, на такихъ же полкахъ, уже успѣли расположиться по двое, да двое на лавкахъ. Это былъ маленькій арсеналъ: вся противоположная двери стѣна убрана была ружьями, пиками и саблями. А утромъ хозяинъ снялъ съ полки пару пистолетовъ, вынесъ

ихъ наверхъ и выстрѣлилъ на воздухъ, изъ предосторожности. „Зачѣмъ это оружіе у васъ?“ спросилъ я, указывая на пики, сабли и ружья.—„Это еще старое“, сказалъ онъ: „я засталъ его тутъ. Въздѣшнихъ моряхъ иначе плавать нельзя“.

Я какъ былъ въ тепломъ пальто, такъ и влѣзъ на хозяйскую постель и легъ въ уголокъ, оставляя мѣсто кому-нибудь изъ товарищей, поѣхавшихъ на транспортъ. Не знаю, что̀ бы вы сказали, глядя, гдѣ и какъ мы улеглись. Вообразите себѣ большой сундукъ, у котораго вынутъ одинъ бокъ—это наше ложе, для двоихъ. Я тотчасъ же заснулъ, лишь только легъ. Ночью, слышу, кто-то сильно возится подлѣ меня, повидимому, укладывается спать. Это А. Е. К., возвратившійся съ транспорта. Все замолчало и мы заснули. Я проснулся потомъ отъ сильной духоты и запаху масла. Ахъ, хоть бы минуту дохнуть свѣжимъ воздухомъ! Я попробовалъ освободиться—нѣтъ возможности: мой сосѣдъ лежитъ, какъ гранитный камень, и не шелохнется, какъ я ни толкалъ его въ бока: онъ совсѣмъ заперъ мнѣ выходъ. Я думалъ, какъ мнѣ поступить—и заснулъ. Просыпаюсь—утро, свѣтло: мы движемся. Китаецъ ставитъ чашки на столъ: матросъ принесъ горячей воды.

Пасмурно и вѣтрено; мороситъ дождь: вѣтеръ сильный. Мы идемъ по рѣкѣ Вусуну: она широка, мѣстами съ нашу Оку. Ясно видимъ оба берега, низменные, закрытые плотинами: за плотинами группируются дома, кое-гдѣ видны кумирни, или вообще зданія, имѣющія особенное назначеніе: они выше и наряднѣе прочихъ. Поля всѣ обработаны: хотя хлѣбъ и овощи сняты, но узоръ правильныхъ нивъ красивъ, какъ разрисованный паркетъ. Есть деревья, но рѣдко, и зелени мало на нихъ: мнѣ казалось, что это ивы. Вдали ничего нѣтъ: ни горы, ни холма, ни бугра—плоская и, казалось, топкая долина.

Ближе къ Шанхаю, рѣка замѣтно оживлялась: безпре-

станно встрѣчались джонки, съ своими, краснобураго цвѣта, парусами, изъ какихъ-то древесныхъ волоконъ и коры. Китайскія джонки устройствомъ похожи немного на японскія, только у нихъ нѣтъ разрѣзной кормы. У нѣкоторыхъ китайскихъ лодокъ носъ и корма пустые, а посрединѣ сдѣланъ навѣсъ и каюта; у другихъ, напротивъ, навѣсъ сдѣланъ на носу. Большія лодки выстроены изъ темножелтаго бамбуковаго корня, покрыты цыновками и очень чисты, удобны и красивы, отдѣланы какъ мебель, или игрушки. Багры, которыми они управляются, и весла бамбуковыя же. Между прочимъ много идетъ на эти постройки камфарнаго дерева: оно не щепится. Его много въ Китаѣ и въ Японіи, но особенно на Зондскихъ островахъ.

Лодки эти превосходны въ морскомъ отношеніи: на нихъ одна длинная мачта съ длиннымъ парусомъ. Борты лодки, при боковомъ вѣтрѣ, идутъ наравнѣ съ линіей воды и носъ зарывается въ волнахъ, но лодка держится какъ утка: китаецъ лежитъ и беззаботно смотритъ вокругъ. На этихъ большихъ лодкахъ рыбаки выходятъ въ море, дѣлая значительные переходы. Отъ Шанхая они ходятъ въ Ниппо, съ товарами и пассажирами, а это составляетъ, кажется, сто сорокъ морскихъ миль, т.-е. около двухсотъ пятидесяти верстъ.

Мили за три отъ Шанхая, мы увидѣли цѣлый флотъ купеческихъ трехмачтовыхъ судовъ, которыя тѣснились у обоихъ береговъ Вусуна. Я насчиталъ до двадцати рядовъ, по девяти и десяти судовъ въ каждомъ ряду. Въ иныхъ мѣстахъ стояли на якорѣ американскіе, такъ называемые „клиппера", т.-е. большія, трехмачтовыя суда, съ острымъ носомъ и кормой, отличающіяся красотою и быстрымъ ходомъ.

Съ полудня начался отливъ: теченіе было намъ противное, вѣтеръ тоже. Крѣпкій NW дулъ прямо въ лобъ. Шкиперъ началъ лавировать. Мы всѣ стояли наверху. Паруса

безпрестанно переносили, то на правый, то на лѣвый галсъ. Надо было каждый разъ нагибаться, чтобъ парусомъ не сшибло съ ногъ. Шкуна возьметъ вдругъ направо и лѣзетъ почти на самый берегъ, того и гляди коснется его: но шкиперъ издастъ гортанный звукъ, китайцы, а болѣе наши люди, кидаются къ снастямъ, отдаютъ ихъ, и освобожденные на минуту паруса хлещутъ, бьются о мачты, рвутся изъ рукъ, потомъ ихъ усмиряютъ, кричатъ: „берегись!“ мы нагнемся, паруса переносятъ налѣво, и шкуна быстро поворачиваетъ. Минутъ черезъ десять начинается то же самое. Мокро, скользко; переходя торопливо со стороны на сторону, того и гляди слетишь въ люкъ. Мы сдѣлали уже около десяти поворотовъ.

Вонъ и Шанхай виденъ. Суда и джонки, прекрасныя европейскія зданія, раззолоченная кумирня, протестантскія церкви, сады—все это толпится еще неясной кучей, безъ всякой перспективы, какъ будто церковь стоитъ на водѣ, а корабль на улицѣ. Нетерпѣніе наше усилилось: хотѣлось переодѣться, согрѣться, гулять. Идти бы прямо, а мы еще все направо да налѣво. Вдругъ—о горе! не поворотили во-время — и шкуну потащило теченіемъ назадъ, прямо на огромную, неуклюжую, пеструю джонку: едва-едва отдѣлались и опять пошли лавировать. Вѣтеръ неистово свищетъ; дождь сѣчетъ лицо.

Наконецъ, слава Богу, вошли почти въ городъ. Вотъ подходимъ къ пристани, къ доку, видимъ уже трубу нашей шкуны; китайскіе ялики снуютъ взадъ и впередъ. Въ кучѣ судовъ видны клиппера, поодаль стоитъ, закрытый излучиной, маленькій, двадцати-шести пушечный англійскій фрегатъ *Spartan*, еще далѣе французскіе и англійскіе пароходы. На зданіяхъ развѣваются флаги европейскихъ націй, обозначая консульскіе дома.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на все: я искалъ гла-

ями Китая, и шкиперъ искалъ кого-то съ нами вмѣстѣ. „Берегъ очень близко, не пора ли поворачивать?“ съ живостью кто-то сказалъ изъ нашихъ. Шкиперъ схватился за руль, крикнулъ—мы быстро нагнулись, паруса перенесли на другую сторону, но шкуна не поворачивала: вѣтеръ ударилъ сильно—она все стоитъ: мы были на мели. „Отдай шкоты!“ закричали офицеры нашимъ матросамъ. Отдали, и шкуна, располагавшая лечь на бокъ, выпрямилась, но съ мели уже не сходила.

Шкиперъ сложилъ ногу на ногу, засунулъ руки въ рукава и покойно сѣлъ на лавочку, поглядывая во всѣ стороны. Китайцы проворно убирали паруса, наши матросы ловили разорвавшійся кливеръ, который хлесталъ по бушприту. На насъ, кажется, насмѣшливо смотрѣли прочія суда и джонки. Совершенно то же самое, какъ сломавшаяся среди непроходимой грязи ось: карета передками упирается въ грязь, сломанное колесо лежитъ возлѣ, кучка извозчиковъ равнодушно и тупо глядитъ то на колесо, то на васъ. Вы сидите, а мимо васъ идутъ и скачутъ: иные усмѣхнутся, глядя, какъ вы уныло выглядываете изъ окна кареты, другіе посмотрятъ съ любопытствомъ, а большая часть очень равнодушно—и всѣ обгоняютъ. Точно то же и на мели. Надо было достать лодку. Онѣ вдали ходили взадъ и впередъ, перевозя черезъ рѣку, но на насъ мало обращали вниманія. Выручилъ В. А. Корсаковъ: онъ изъ дока замѣтилъ насъ и тотчасъ же пріѣхалъ. Насъ двое отправились съ нимъ, прочіе остались съ вещами, въ ожиданіи, пока мы пришлемъ за ними лодку.

Подъ проливнымъ дождемъ, при рѣзкомъ холодномъ вѣтрѣ, въ маленькой крытой китайской лодкѣ, выточенной чисто, какъ игрушка, съ украшеніями изъ бамбука, устланной бѣлыми цыновками, ѣхали мы по рѣкѣ Вусуну. Китаецъ правилъ стоя, однимъ весломъ: онъ съ трудомъ выгре-

балъ противъ вѣтра и теченія. К. показывалъ мнѣ иностранныя суда: французскіе и англійскіе пароходы, потомъ купленный китайцами европейскій бригъ, которымъ командовалъ англійскій шкиперъ, т.-е. дѣйствовалъ только парусами, а въ сраженіяхъ съ инсургентами не участвовалъ. Потомъ ѣхали мы мимо военныхъ джонокъ, назначенныхъ противъ инсургентовъ же. Съ нихъ поднялась пальба: китайскій адмиралъ дѣлалъ ученье. Тутъ я услыхалъ, что во вчерашнемъ сраженіи двѣ джонки взорваны на воздухъ. Китайцы дѣйствуютъ, между прочимъ, такъ называемыми вонючими горшками (stinkpots). Они съ марсовъ бросаютъ эти горшки, наполненные какими-то особенными горючими составами, на палубу непріятельскихъ судовъ. Вырывающіеся изъ горшковъ газы такъ удушливы, что люди ни минуты не могутъ выдержать и бросаются за бортъ. Китайскіе пираты съ этими же горшками нападаютъ на купеческія, даже на военныя суда.

Чрезъ полчаса мы сидѣли въ чистой комнатѣ отели, у камина, за столомъ, уставленнымъ, по англійскому обычаю, множествомъ блюдъ. Спутники, уѣхавшіе прежде насъ въ Шанхай, не очень однакожъ обрадовались намъ. „Васъ много наѣхало?“ вмѣсто всякаго привѣтствія встрѣтили они насъ.—„Да мы еще не всѣ: чрезъ часъ придутъ человѣкъ шесть!“ въ свою очередь, не безъ удовольствія, отвѣчали мы. „А что?“—„Куда жъ вы помѣститесь? комнатъ нѣтъ, всѣ разобраны: мы живемъ по-двое, и даже по-трое“.—„Ничего, отвѣчали мы: поживемъ и вчетверомъ“.—Такъ и случилось. Хозяинъ, съ наружнымъ отчаяніемъ, но съ внутреннимъ удовольствіемъ, твердилъ: „домъ мой приступомъ взяли“ и началъ бѣгать, суетиться. Откуда явились кушетки, диваны, подушки? Нумера гостинницы, и безъ того похожіе на бивуаки, стали походить на контору дилижансовъ.

Гостинница наша, Commercial house, походила, какъ

и всѣ дома въ Шанхаѣ, на дачу. Большой, двухъэтажный каменный домъ, съ каменной же верандой или галлереей вокругъ, съ большимъ широкимъ крыльцомъ, окруженъ садомъ, изъ тощихъ миртовыхъ, кипарисныхъ деревьевъ, разныхъ кустовъ и т. п. Окна всѣ съ жалюзи: видно, что при постройкѣ, принимали въ расчетъ болѣе лѣто, нежели зиму. Стѣны тоненькія, не болѣе какъ въ два кирпича; окна большія; вездѣ сквозной вѣтеръ: все неплотно. Домъ трясется, когда одинъ человѣкъ идетъ по комнатѣ: черезъ стѣнки слышенъ разговоръ. Но когда мы пріѣхали, было холодно; мы жались къ каминамъ, а изъ нихъ такъ и валилъ черный, горькій дымъ.

Вообще зима какъ-то не къ лицу здѣшнимъ мѣстамъ, какъ не къ лицу нашей родинѣ лѣто. Небо голубое, съ тропическимъ колоритомъ, такъ и млѣетъ надъ головой; зелень свѣжа; многіе цвѣты ни за что не соглашаются завянуть. И всего продолжается холодъ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ, много—шесть недѣль. Зима не успѣваетъ воцариться и, ничего не сдѣлавъ, уходитъ.

Цѣлый вечеръ просидѣли мы всѣ вмѣстѣ дома, разговаривали о европейскихъ новостяхъ, о вчерашнемъ пожарѣ, о лагерѣ осаждающихъ, о ихъ неудачномъ покушеніи наканунѣ сжечь городъ, объ осажденныхъ инсургентахъ, о правителѣ шанхайскаго округа, таутаѣ Самква, который былъ въ немилости у двора и которому обѣщано прощеніе, если онъ овладѣетъ городомъ. Въ тотъ же вечеръ мы слышали пушечные выстрѣлы, которые повторялись очень часто: это перестрѣлка императорскихъ войскъ съ инсургентами, безвредная для послѣднихъ и безполезная для первыхъ.

На другой день, $\frac{28\ \text{Ноября}}{10\ \text{Декабря}}$ утромъ, встали и пошли... обѣдать. Вы не повѣрите? Какъ же иначе назвать? Въ столовой накрытъ столъ человѣкъ на двадцать. Передъ однимъ

дымится кусокъ ростбифа, передъ другимъ стоитъ яичница съ ветчиной, тамъ сосиски, жареная баранина; послѣ всего ужъ подадутъ вамъ чаю. Это англичане называютъ завтракать. Позавтракаешь—и хоть опять ложиться спать. „Да чай это, или кофе?“ спрашиваю китайца, который принесъ мнѣ чашку. „Tea or coffee“, безсмысленно повторялъ онъ. „Tea, tea“, забормоталъ потомъ, понявши. „Не можетъ быть: отчего же онъ такой черный?“ Попробовалъ—въ самомъ дѣлѣ та же микстура, которую я, подъ видомъ чая, принималъ въ Лондонѣ, потомъ въ Капштатѣ. Тамъ простительно: а въ Китаѣ—такой чай, заваренный и поданный китайцемъ!

Что жъ, нѣту, что-ли, въ Шанхаѣ хорошаго чаю? Какъ не быть! Здѣсь есть всякій чай, какой только родится въ Китаѣ. Все дѣло въ словѣ *хорошій*. Мы называемъ „хорошимъ“ нѣжные, душистые цвѣточные чаи. Не для всякаго носа и языка доступенъ ароматъ и букетъ этого чая: онъ слишкомъ тонокъ. Эти чаи называются здѣсь *Пекое* (Pekoe flower). Англичане хорошимъ чаемъ, да просто чаемъ (у нихъ онъ одинъ) называютъ особый сортъ грубаго, чернаго, или смѣсь его съ зеленымъ, смѣсь очень наркотическую, которая даетъ себя чувствовать потребителю, язвитъ языкъ и нёбо во рту, какъ почти все, что̀ англичане ѣдятъ и пьютъ. Они готовы приправлять свои кушанья щетиной, лишь бы чесало горло. И отъ чая требуютъ того же, чего отъ индійскихъ сой и перцовъ, т.-е. чего-то въ родѣ яда. Они клевещутъ еще на насъ, что мы пьемъ не чай, а какіе-то цвѣты, въ родѣ жасминовъ.

Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане въ дѣлѣ гастрономіи—не авторитетъ. Замѣчу только, что нѣкоторые любители въ Китаѣ дѣйствительно подбавляютъ себѣ въ чай цвѣты, или какія-нибудь душистыя спеціи; въ Японіи кладутъ иногда гвоздику. Кажется, о. Іоакинѳъ

тоже говоритъ о подобной противозаконной подмѣси, которую допускаютъ китайцы, кладя въ черный чай жасминные, а въ желтый розовые листки. Но это ужъ извращенный вкусъ самихъ китайцевъ, слѣдствіе пресыщенія. Есть и у насъ люди, которые нюхаютъ табакъ съ бергамотомъ или резедой, ѣдятъ селедку съ черносливомъ и т. п. Англичане пьютъ свой черный чай и знать не хотятъ, что чай имѣетъ свои бѣлые цвѣты.

У насъ употребленіе чая составляетъ самостоятельную, необходимую потребность: у англичанъ, напротивъ, побочную, дополненіе завтрака, почти какъ пищеварительную приправу; оттого имъ все равно, похожъ ли чай на портеръ, на черепашій супъ, лишь бы былъ черенъ, густъ, щипалъ языкъ и не походилъ ни на какой другой чай. Американцы пьютъ одинъ зеленый чай, безъ всякой примѣси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смѣются, что мы пьемъ, подъ названіемъ чая, какой-то приторный напитокъ. Китайцы сами, я видѣлъ, пьютъ простой, грубый чай, т.-е. простые китайцы, народъ, а въ Пекинѣ, какъ мнѣ сказывалъ О. А., порядочные люди пьютъ только желтый чай, разумѣется, безъ сахару. Но я—русскій человѣкъ и принадлежу къ огромному числу потребителей, населяющихъ пространство отъ Кяхты до Финскаго залива—я за пекое: будемъ пить *не съ цвѣтами*, а *цвѣточный* чай, и подождемъ, пока англичане выработаютъ свое чутье и вкусъ до способности наслаждаться чаемъ Pekoe flower, и притомъ заваривать, а не варить его, по своему обычаю, какъ капусту.

Впрочемъ всѣмъ другимъ націямъ простительно не умѣть наслаждаться хорошимъ чаемъ: надо знать, что̀ значитъ чашка чаю, когда войдешь, въ трескучій, тридцати-градусный морозъ, въ теплую комнату, и сядешь около самовара, чтобъ оцѣнить достоинство чая. Съ какимъ наслажденіемъ

пили мы чай, который привезъ намъ въ Нагасаки капитанъ Фуругельмъ! Ящикъ стоитъ 16 испанскихъ талеровъ; въ немъ около 70 русскихъ фунтовъ; и какой чай! У насъ онъ продается не менѣе 5 руб. сер. за фунтъ.

Послѣ обѣда... виноватъ, послѣ завтрака, мы вышли на улицу: наша отель стояла на углу, на перекресткѣ. Прямо изъ воротъ тянется улица безъ домовъ, только съ безконечными каменными заборами, изъ-за которыхъ выглядываетъ зелень. Направо такая же улица, налѣво—тоже, и всѣ одинакія. Дома всѣ окружены дворами, и большею частью красивые; архитектура у всѣхъ почти одна и та же: все стиль загородныхъ домовъ. Я пошелъ сначала къ А. по службѣ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него сдѣлать большую прогулку. Улицы нестрѣли народомъ. Рѣдко встрѣтишь европейца; они всѣ наперечетъ здѣсь. Все азіятцы, индійцы, кучками ходятъ *парси* или *фарси*, съ индійскаго полуострова, или изъ Тибета. Они играютъ здѣсь роль псовъ, питающихся крупицами, падающими отъ трапезы богатыхъ, т.-е. промышляютъ мелочами, которыя европейцы не считаютъ достойными вниманія. Этихъ парси, да чуть ли не тѣхъ самыхъ, мы видѣли уже въ Сингапурѣ. Они ходятъ въ длинномъ платьѣ, похожемъ на костюмы московскихъ грековъ; на головѣ что-то въ родѣ узенькаго кокошника, изъ цвѣтного, лоснящагося ситца, похожаго на клеенку. Они сильно напоминаютъ армянъ.

Китайцы—живой и дѣятельный народъ: безъ дѣла почти никого не увидишь. Шумъ, суматоха, движеніе, крики и говоръ. На каждомъ шагу попадаются носильщики. Они бѣглымъ и крупнымъ шагомъ таскаютъ ноши, издавая мѣрные крики и выступая въ тактъ. Здѣсь народъ не похожъ на тотъ, что̀ мы видѣли въ Гон-Конгѣ и въ Сингапурѣ: онъ смиренъ, скроменъ и очень опрятенъ. Всѣ мужики и бабы одѣты чисто, и запаховъ разныхъ меньше по улицамъ, нежели въ Гон-Конгѣ, исключая, однакожъ, рынковъ. Несетъ

ли. напримѣръ, носильщикъ груду кирпичей, они лежатъ не непосредственно на плечѣ, какъ у нашего каменщика: рубашка, или кафтанъ его, не въ грязи отъ этого. У него на плечахъ лежитъ бамбуковое коромысло, которое держитъ двѣ дощечки, въ видѣ вѣсовъ, и на дощечкахъ лежатъ двѣ кучи красиво сложенныхъ сѣрыхъ кирпичей. Съ нимъ не страшно встрѣтиться. Онъ не толкнетъ васъ, а предупредитъ мѣрнымъ своимъ крикомъ, и если вы не слышите, или не хотите дать ему дороги, онъ остановится и уступитъ ее вамъ. Все это чисто, даже картинно: и бамбукъ, и самые кирпичи, костюмъ носильщика, коса его и легко надѣтая шапочка изъ сѣраго тонкаго войлока, отороченная лентой, или бархатомъ. Заглянешь въ яликъ, къ перевозчику: любо посмотрѣть, тянетъ сѣсть туда. Дерево лакировано — это бамбуковый корень: навѣсь и лавки покрыты чистыми цыновками. Если тутъ и есть какая-нибудь утварь, горшокъ съ похлебкой, чашка, то около все чисто; не боишься прикоснуться и выпачкаться.

Между прочимъ я встрѣтилъ цѣлый рядъ носильщиковъ: каждый несъ по два большихъ ящика съ чаемъ. Я слѣдилъ за ними. Они шли отъ рѣки: тамъ съ лодокъ брали ящики и несли въ купеческіе дома, оставляя за собой дорожку чая, какъ у насъ, таская кули, оставляютъ дорожку муки. Мѣстный колоритъ! Въ амбарахъ ящики эти упаковываются окончательно, герметически, и идутъ на американскіе клиперы, или англійскія суда.

Мы вышли на набережную; тамъ толпа еще дѣятельнѣе и живописнѣе. Здѣсь сближеніе европейскаго съ крайнимъ востокомъ рѣзко. По берегу стоятъ великолѣпные европейскіе дома, съ колоннадами, балконами, аристократическими подъѣздами, а швейцары и дворники—въ своихъ кофтахъ, или халатахъ, въ шароварахъ; по улицѣ бродитъ такая же толпа. То идетъ купецъ, обритый до-нельзя, съ тщательно-

заплетенной косой, въ бѣлой, или сѣрой, маленькой, куполообразной шляпѣ, съ загнутыми полями, въ шелковомъ кафтанѣ, или въ бараньей шубкѣ, въ видѣ кацавейки; то чернорабочій, безъшапки, обвившій за недосугомъ чесаться, косу дважды, около вовсе „нелилейнаго чела“. Тамъ ихъ стоитъ цѣлая куча, въ ожиданіи найма или работы; они горланятъ на своемъ негармоническомъ языкѣ. Тутъ цирюльникъ, съ небольшимъ деревяннымъ шкапчикомъ, гдѣ лежатъ инструменты его ремесла, раскинулъ свою лавочку, поставилъ скамью, а на ней расположился другой китаецъ и сладострастно жмурится, какъ котъ, въ то время, какъ цирюльникъ бреетъ ему голову, лицо, чиститъ уши, дергаетъ волосы и т. п. Тутъ ходячая кухня, далѣе, у забора, лавочка съ фарфоромъ. Лодочники грудой стоятъ у пристани, вблизи своихъ лодокъ, которыя тѣсно жмутся у берега. Идетъ европеецъ—и толпа полегоньку сторонится, уступаетъ мѣсто. На рейдѣ рисуются легкія очертанія военныхъ судовъ, рядомъ стоятъ большія барки, недалеко и военныя китайскія суда, съ тонкими мачтами, которыя смотрятъ въ разныя стороны. Изъ-за стройной кормы европейскаго купеческаго корабля, выглядываетъ писанный рыбій глазъ китайскаго судна. Все копошится, сгружаетъ, нагружаетъ, торопится, говоритъ, перекликается...

Я смотрѣлъ на противоположный берегъ Вусуна, но онъ низменъ, ровенъ и ничего не представляетъ для глазъ. На той сторонѣ поля, хижины: у береговъ отгорожены мѣста для рыбной ловли—и больше ничего не видать. Едва ли можно сыскать однообразнѣе и скучнѣе мѣстность. Говорятъ, многія мѣста кажутся хороши, когда о нихъ вспомнишь послѣ. Шанхай, именно, принадлежитъ къ числу такихъ мѣстъ, которыя покажутся хороши, когда оттуда выѣдешь. Зѣвая на рѣчку, я, между тѣмъ, прозѣвалъ великолѣпные дома многихъ консуловъ, таможню, теперь

*

пустую, занятую постоемъ англійскихъ солдатъ съ военныхъ судовъ. Она была нѣкогда кумирней, и оттого рѣзко отдѣляется отъ прочихъ зданій своею архитектурною пестротою. Я непримѣтно дошелъ до дома американскаго консула. Это послѣдній европейскій домъ съ этой стороны; за нимъ начинается китайскій кварталъ, отдѣляемый отъ европейскаго узенькимъ каналомъ.

Домъ американскаго консула, Каннингама, который въ то же время и представитель здѣсь знаменитаго американскаго торговаго дома Россель и К°., одинъ изъ лучшихъ въ Шанхаѣ. Постройка такого дома обходится 50 т. долларовъ. Кругомъ его паркъ или, вѣрнѣе, дворъ съ деревьями. Широкая веранда опирается на красивую колоннаду. Лѣтомъ, должно-быть, прохладно: солнце не ударяетъ въ стекла, защищаемыя посредствомъ жалюзи. Въ подъѣздѣ, подъ навѣсомъ балкона, стояла большая пушка, направленная на улицу.

Домъ... но вы знаете, какъ убираются порядочные, т.-е. богатые дома: и здѣсь то же, что̀ у насъ. Шелковые драпри до полу, зеркала, какъ озера, вправленныя въ стѣны, ковры, бронза. Но не все, однакожъ, какъ у насъ: boiserie, напримѣръ, массивные шкапы, столы и кровати—здѣшніе, образцы китайскаго искусства, изъ превосходнаго темнаго дерева, съ мозаическими узорами, мелкой, тонкой работы. Если у кого-нибудь изъ васъ есть дѣдовскій домъ, убранный по-старинному, вы найдете тамъ образцы этой мозаической мебели. Кровати особенно изумительно хороши: онѣ обыкновенно двуспальныя, съ занавѣсками, какъ вездѣ въ Англіи. И въ домахъ, и въ гостинницахъ, вездѣ васъ положатъ на двуспальную кровать, будьте вы самый холостой человѣкъ. Дико мнѣ казалось влѣзать подъ катафалкъ англійскихъ постелей, съ пестрыми занавѣсами, и особенно неудобно класть голову на длинную, во всю ширину кровати, и

низенькую круглую подушку, располагающую къ апоплексическому удару. Но чего не дѣлаетъ привычка!

Китайцы, какъ извѣстно, отличные рѣзчики на деревѣ, камнѣ, кости. Ни у кого другого, даже у нѣмца, недостанетъ терпѣнія такъ мелко и чисто выработать вещь, или это будетъ стоить—Богъ знаетъ какихъ денегъ. Здѣсь, повидимому, руки человѣческія и время нипочемъ. Если бъ еще этотъ трудъ и терпѣніе тратились на что-нибудь важное или нужное, а то они тратятся на такіе пустяки, что не знаешь, чему удивляться: работѣ ли китайца, или безполезности вещи? Напримѣръ, они на корѣ грецкаго, или миндальнаго орѣха, вырѣзываютъ цѣлыя группы фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, процессіи, храмы, дома, бесѣдки, такъ что вы можете различать даже лица. Изъ толстокожаго миндальнаго орѣха они вырѣжутъ вамъ джонку, со всѣми принадлежностями, съ людьми, со всѣмъ; даже вы отличите рисунокъ рогожки; мало этого: сдѣлаютъ дверцы, или окна, которыя отворяются, и тамъ сидитъ человѣческая фигура. Какихъ бы, кажется, денегъ должно стоить это? а мы, за пять, за шесть долларовъ, покупали цѣлыя связки такихъ орѣховъ, какъ баранки.

Мнѣ приходилось часто бывать въ домѣ г. Каннингама, у котораго остановился адмиралъ, и потому я сдѣлалъ ему обычный визитъ. Китаецъ-слуга, нарядно одѣтый въ національный костюмъ, сказалъ, что г. Каннингамъ въ своемъ кабинетѣ, и мы отправились туда. Маленькій, бѣлокурый, и невидный изъ себя, г. Каннингамъ встрѣтилъ меня очень ласково, непохоже на англійскую встрѣчу: не стиснулъ мнѣ руки и не выломалъ плеча, здороваясь, а такъ обошелся, какъ обходятся всѣ люди между собою, исключая британцевъ. Въ кабинетѣ—это только такъ, изъ приличія, названо кабинетомъ, а скорѣе можно назвать конторой—ничего не было, кромѣ бюро, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, да двухъ-

трехъ превысокихъ табуретовъ и неизбѣжнаго камина. Каннингамъ пригласилъ меня сѣсть. Я кое-какъ вскарабкался на антигемороидальное сѣдалище, и г. Каннингамъ тоже: мы съ высоты свободно обозрѣвали другъ друга. „На чемъ вы пріѣхали?“ спросилъ меня г. К. Я только-было собрался отвѣчать, но пошевелилъ нечаянно ногой: круглое сѣдалище, съ винтомъ, повернулось, какъ по маслу, подо мной, и я очутился лицомъ къ стѣнѣ. „На шкунѣ“, отвѣчалъ я въ стѣну, и въ то же время съ досадой подумалъ: „чье это, англійское, или американское удобство?“ и ногами опять приводилъ себя въ прежнее положеніе. „Долго останетесь здѣсь?“— „Смотря по обстоятельствамъ“, отвѣчалъ я, держа рукой подушку стула, которая опять-было зашевелилась подо мной. „Сдѣлайте мнѣ честь завтра отобѣдать со мной“, сказалъ онъ привѣтливо.—„А теперь идите вонъ“ могъ бы прибавить, если бъ захотѣлъ быть чистосердеченъ, и не могъ бы ничѣмъ такъ угодить. Но визитъ кончился и безъ того.

Отъ консула я пошелъ съ Б. К. гулять. „Ну, покажите же мнѣ все, что̀ позамѣчательнѣе здѣсь?“ просилъ я моего спутника: „вы здѣсь давно живете. Это куда дорога?“— „Эта?.. не знаю“, сказалъ онъ, вопросительно поглядывая на дорогу. „Гдѣ жъ городъ, гдѣ инсургенты, лагерь? сыпались мои вопросы.—„Тамъ гдѣ-то, въ той сторонѣ“, отвѣчалъ онъ, показавъ пальцемъ въ воздушное пространство. „А вонъ тамъ, что̀ это видно въ Шанхаѣ?“ продолжалъ я: „повыше другихъ зданій, кумирни, или дворцы?“—„Кажется...“ отвѣчалъ Б. К.—„Гдѣ лавки здѣсь? поведите меня: мнѣ надо кое-что купить“.—„Вотъ мы спросимъ“, говорилъ Б., и искалъ глазами, кого бы спросить. Я засмѣялся и Б. К. закашлялъ, т.-е. засмѣялся вслѣдъ за мной. „Что жъ вы дѣлали здѣсь десять дней?“ сказалъ я.— „Вы завтра у консула обѣдаете?“ спросилъ онъ меня.— „Ужинаю, только немного рано, въ семь часовъ“.—„У

него будетъ особенно хорошій обѣдъ", задумчиво отвѣчалъ Б. К.: „званый, и обѣдать будутъ вѣроятно въ большой столовой. Надѣньте фракъ".

Между тѣмъ мы своротили съ рѣки на каналъ, перешли маленькій мостикъ и очутились среди пестрой, движущейся толпы, среди говора, разнообразныхъ криковъ, толчковъ, запаховъ, костюмовъ, словомъ на базарѣ. Здѣсь представлялась мнѣ полная картина китайскаго народонаселенія, безъ всякихъ прикрасъ, въ натурѣ.

Знаете ли, чѣмъ пораженъ былъ мой первый взглядъ? какое было первое впечатлѣніе? Мнѣ показалось, что я вдругъ очутился на какомъ-нибудь нашемъ московскомъ толкучемъ рынкѣ, или на ярмаркѣ губернскаго города, вдалекѣ отъ Петербурга, гдѣ еще не завелись ни широкія улицы, ни магазины: гдѣ въ одномъ мѣстѣ и торгуютъ, и готовятъ кушанье, гдѣ продаютъ шелковый товаръ въ лавочкѣ, между кипящимъ огромнымъ самоваромъ и кучей кренделей, гдѣ рядомъ помѣщаются лавка съ фруктами и лавка съ лаптями, или хомутами. Разница въ подробностяхъ: у насъ деготь и лыко—здѣсь шелкъ и чай: у насъ груды деревянной и фаянсовой посуды—здѣсь фарфоръ. Но китайская простонародная кухня, обиліемъ блюдъ, видомъ, вонью и затѣйливостью, перещеголяла нашу. Чего тутъ нѣтъ? Жаль, что нельзя разглядѣть всего: „съ души рветъ", какъ говоритъ Ѳаддеевъ, а есть чего поглядѣть! Море, рѣки, земля, воздухъ — спорятъ здѣсь, кто больше принесъ въ даръ человѣку—и все это бросается въ глаза... это бы еще не бѣда, а то и въ носъ.

Длинные, безконечные, крытые переулки, или, лучше сказать, корридоры, тянутся по всѣмъ направленіямъ и образуютъ совершенный лабиринтъ. Если хотите, это все дома, выстроенные сплошь, съ жильемъ вверху, съ лавками внизу. Навѣсы крышъ едва не касаются съ обѣихъ сторонъ другъ друга, и оттого тамъ постоянно господствуетъ полу-

мракъ. Въ этомъ-то лабиринтѣ вращается огромная толпа. Отъ однихъ купцовъ тѣснота, а съ продавцами, кажется бы, и прохода не должно быть. Между тѣмъ тутъ постоянно приливъ и отливъ народа. Тутъ съ удивительною ловкостью пробираются носильщики, съ самыми громоздкими ношами, съ ящиками чая, съ тюками шелка, съ охапкой хлопчатой бумаги, чуть не со стогъ сѣна. А вонъ пронесли двое покойника, не на плечахъ, какъ у насъ, а на рукахъ: тамъ бѣжитъ *кули* съ письмомъ, здѣсь тащатъ корзину съ курами. И всѣ бѣгутъ, съ криками, съ напѣвами, чтобъ посторонились. Этотъ колотитъ палочкой въ дощечку: значитъ, продаетъ полотно; тотъ несетъ живыхъ дикихъ утокъ, и мертвыхъ, висящихъ чрезъ плечо, фазановъ, или наоборотъ. Разносчики кричатъ, какъ и у насъ. Вы только отсторонились отъ одного, а другой слегка трогаетъ за плечо, вы пятитесь, но тамъ торопливо кричитъ третій — вы отскакиваете, потому что у него въ обѣихъ рукахъ какія-то кишки, или длинная, волочащаяся по землѣ рыба.—„Куда намъ дѣться? двѣ коровы идутъ", сказалъ Б. К., и мы кинулись въ лавочку, а коровы прошли дальше. Въ лавочкахъ, у открытыхъ дверей, расположены припасы на показъ: рыбы разныхъ сортовъ и видовъ—вяленая, соленая, сушеная, свѣжая, одна въ видѣ сабли, такъ и называется саблей, другая съ раздвоенной головой, тамъ круглая, здѣсь плоская, далѣе раки, шримсы, морскіе плоды. Дичи неимовѣрное множество, особенно фазановъ и утокъ: они висятъ на дверяхъ, лежатъ кучами на полу.

Вотъ обширная въ глубину лавка, вся наполненная мужиками и бабами тоже. Это харчевня. Ну, такъ и хочется сказать: „здорово, хлѣбъ да соль!" Народъ группами сидитъ за отдѣльными столами, какъ и у насъ. Изъ маленькихъ синихъ чашекъ, безъ ручекъ, пьютъ чай, но не прикусываетъ широкоплечій ямщикъ по крошечкѣ сахаръ, какъ у насъ:

сахару нѣтъ и не употребляютъ его съ чаемъ. Зато всѣ курятъ изъ маленькихъ трубокъ, съ длинными, тоненькими чубуками: это опять противно нашему: у насъ курятъ изъ коротенькихъ чубуковъ и предлинныхъ трубокъ. Надъ ними клубится облакомъ паръ, отъ небольшихъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ лавки печей, и, поклубившись по харчевнѣ, вырывается на улицу, обдаетъ неистовымъ, крѣпкимъ запахомъ прохожаго и исчезаетъ—яко дымъ. Чего тутъ нѣтъ! лепешки изъ тѣста лежатъ au naturel, потомъ, по востребованію, опускаются въ кипятокъ и подаются чрезъ нѣсколько минутъ готовыя. Рядомъ варится какая-то черная похлебка, едва-ли лучше спартанской, съ кусочками свинины, или рыбы. Я видѣлъ даже щи—да, лѣнивыя щи: въ кипяткѣ варится кочанъ отличной зеленой капусты и кусокъ, кажется, баранины. Есть и оладьи, и жареная свинина, и пирожки.

Много знакомаго увидѣлъ я тутъ, но много и невиданнаго увидѣлъ, и особенно обонялъ. Боже мой, чего не ѣстъ человѣкъ! Конечно, я не скажу вамъ что, видѣлъ я, ѣлъ одинъ китаецъ на рынкѣ, всенародно... Я думалъ прежде, что много прибавляютъ путешественники, но теперь на опытѣ вижу, что кое-что приходится убавлять.—Какихъ соусовъ нѣтъ тутъ! все это варится, жарится, печется, кипитъ, трещитъ, и теплымъ, пахучимъ паромъ разносится повсюду. Напрасно стали бы вы заглушать запахъ чѣмъ-нибудь: ни пачули, ни сами четыре разбойника не помогутъ; особенно два противные запаха преслѣдуютъ: отвратительнаго растительнаго масла, кажется, кунжутнаго, и чесноку.

Отдохнешь у лавки съ плодами: тутъ и для глазъ и для носа хорошо. Съ удивленіемъ взглянете вы на исполинскіе лимоны—апельсины, которые англичане называютъ памплъмуссъ. Они величиной съ голову шести-семилѣтняго ребенка; кожа въ полтора пальца толщины. Ихъ подаютъ къ де-

серту, но не знаю, зачѣмъ: ѣсть нельзя. Мы попробовали-было, да никуда не годится: ни кислоты лимона нѣтъ, ни сладости апельсина. Говорятъ, они теперь неспѣлые, что, созрѣвши, кожа дѣлается тоньше и плодъ тогда сладокъ: развѣ такъ. Потомъ цѣлыми грудами лежатъ, какъ у насъ какой-нибудь картофель, *мандарины*, родъ мелкихъ, но очень сладкихъ и пахучихъ апельсиновъ. Они еще хороши тѣмъ, что кожа отдѣляется отъ нихъ сразу со всѣми волокнами, и вы получаете плодъ облупленный, какъ яйцо, сочный, почти прозрачный. Тутъ былъ и еще плодъ овальный, похожій на померанецъ, поменьше грецкаго орѣха: я забылъ его названіе. Я взялъ попробовать, раскусилъ и выбросилъ: еще хуже памиль-мусса. Китайцы засмѣялись вокругъ, и не даромъ, какъ я узналъ послѣ. Были еще такъ называемые жужубы, мелкія, сухія фиги, съ одной маленькой косточкой внутри. Онѣ сладки—про нихъ больше нечего сказать: развѣ еще, что они напоминаютъ собой немного вкусъ фиников: та же приторная, безхарактерная сладость, такъ же вязнетъ въ зубахъ. Орѣховъ множество: грецкихъ, миндальныхъ, фисташковыхъ и другихъ. Зелень превосходная; особенно свѣжи зеленые, продолговатые кочни капусты, еще длинная и красная морковь, крупный лукъ и т. п.

Мы продолжали пробираться по рядамъ и вышли—среди криковъ и стука рабочихъ, которые, совершенно голые, немилосердно колотили хлопчатую бумагу въ своихъ мастерскихъ—къ магазину американца Фога. Тамъ все есть: готовое платье, посуда, матеріи, вина, сыръ, сельди, сигары, фарфоръ, серебро. Между съѣстными лавками мы наткнулись на китайскую лавочку, въ родѣ галантерейной. Тутъ продавались всякія мелочи. Я купилъ до тридцати разныхъ фигуръ, изъ мягкаго, разноцвѣтнаго камня *агальматолита* (agalmatolite, fragodite, pierre à magots ou à sculpture: Bildstein, Speckstein aus China), попросту называемаго

жировикомъ. Камень этотъ, кромѣ Китая, находятъ мѣстами въ Венгріи и Саксоніи.

Нѣтъ, я вижу, уголка въ мірѣ, гдѣ бы не запрашивали неслыханную цѣну. Китаецъ запросилъ за каменныя издѣлія двадцать два доллара, а уступилъ за восемь. Этой слабости подвержены, и просвѣщенные, и полупросвѣщенные народы, и наконецъ дикари. Кто у кого занялъ: мы ли у востока, онъ ли у насъ?

Наконецъ мы вышли на маленькую, мутную рѣчку, къ деревянному, узенькому, дугообразному мостику. Тутъ стояла небольшая часовня; въ ней идолъ Будды. У подножія нищій собиралъ милостыню. На мосту, въ фуражкѣ, въ матросской рубашкѣ, съ ружьемъ на плечѣ, ходилъ часовой съ англійскаго парохода *Спартанъ*. При сходѣ съ моста сидѣлъ китаецъ, передъ котломъ варенаго риса. Народъ толпился у котла. Всякій клалъ нѣсколько *кашей* (мелкихъ мѣдныхъ монетъ) на доску, которою прикрытъ былъ котелъ. Китаецъ поднималъ тряпицу, доставалъ изъ котла рукой горсть рису, клалъ въ свой фартукъ, выжималъ воду и, уже сухой, подавалъ покупателю. Непривлекательна китайская кухня, особенно при маслѣ, которое они употребляютъ въ пищу! Коровьяго масла у нихъ нѣтъ: его привозятъ сюда для европейцевъ изъ Англіи, и то, которое подавали въ Шанхаѣ, было несвѣжо. Иногда китайцы употребляютъ свиное сало.

Кстати о монетѣ. Въ Шанхаѣ ходитъ двухъ родовъ монета: испанскіе и американскіе доллары и мѣдная китайская монета. Испанскіе, и именно Карла IV, предпочитаются всѣмъ прочимъ и называются, не знаю почему, шанхайскими. На нихъ даже кладется отъ общества шанхайскихъ купцовъ китайская печать, въ знакъ того, что они не фальшивые. По случаю междоусобной войны, банкиры необыкновенно возвысили курсъ на доллары, такъ что долларъ,

на наши деньги, вмѣсто обыкновенной цѣны 1 р. 33 к., стоитъ теперь около 2 р. Но это только при полученіи отъ банкировъ, а въ обращеніи онъ въ сущности стоитъ все то же, т.-е. вамъ на него не дадутъ товара больше того, что давали прежде. Всѣ бросились мѣнять т.-е., повезли со всѣхъ сторонъ сюда доллары, и брали за нихъ векселя на Лондонъ и другія мѣста, выигрывая по два шиллинга на долларъ. При покупкѣ вещей, за все приходилось платить чуть не вдвое дороже; а здѣсь и безъ того дорого все, что привозится изъ Европы. Бѣда, кому нужно дѣлать большіе запасы: потеря огромная! Прочіе доллары, т.-е. испанскіе же, но не Карла IV, а Фердинанда и другихъ, и мексиканскіе тоже, ходятъ по 80-ти центовъ. Кромѣ того, ходятъ полкроны и шиллинги, но ихъ очень мало въ обращеніи. За то мѣдной монеты, или *кашей*, множество. Она чеканится изъ неочищенной мѣди, чуть не изъ самородка, и очень грязна на видъ: величиной монета съ четвертакъ, на ней грубая китайская надпись, а по срединѣ отверстіе, чтобы продѣвать бечевку. Я сначала не вдругъ понялъ, что значатъ эти длинныя связки, которыя китайцы таскаютъ въ рукахъ, чрезъ плечо и на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Я что-то купилъ въ лавочкѣ, центовъ на 30, и вдругъ мнѣ дали сдачи до тысячи монетъ. Ихъ въ долларѣ считаютъ до 1,500 штукъ. Я не зналъ, что дѣлать, но выручили нищіе: я почти все роздалъ имъ. Остатки, штукъ 50, въ числѣ любопытныхъ вещей, привезу показать вамъ.

— „Однакожъ часъ", сказалъ Б.: „пора домой: мнѣ завтракать (онъ жилъ не въ отели), вамъ обѣдать". Мы пошли не прежней дорогой, а по каналу, и повернули въ первую длинную, и довольно узкую улицу, которая вела прямо къ трактиру. На ней тоже купеческіе дома, съ высокими заборами и садиками, тоже бѣжали въ припрыжку носильщики съ ношами. Мы пришли еще рано: наши не всѣ собрались:

кто пошелъ по дѣламъ службы, кто фланировать, другіе хотѣли пробраться въ китайскій лагерь.

Чрезъ часъ по всему дому раздался звукъ гонга: это повѣстка готовиться идти въ столовую. Чрезъ полчаса мы сошли къ столу, около котораго суетились слуги, все китайцы. Особенно весело было смотрѣть на мальчишекъ. На ихъ маленькихъ лицахъ, съ немного заплывшими глазками, выгнутымъ татарскимъ лбомъ и висками, было много сметливости и плутовства; они живо бѣгали, мѣняли тарелки, подавали хлѣбъ, воду, и еще коверкали, и безъ того исковерканный, англійскій языкъ. Между прочимъ мы увидали тутъ темно-коричневое лицо, въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе. Мнѣ что-то лицо показалось знакомо, да и онъ глядѣлъ на насъ съ привѣтливой улыбкой. Я спросилъ его, кто онъ, откуда. „Madrasman", отвѣчалъ онъ: „я васъ знаю, я видѣлъ васъ въ Сингапурѣ".—„Какъ же ты сюда попалъ?"—„Такъ, пріѣхалъ служить".—„Что жъ тамъ дѣлалъ, чѣмъ былъ?"—„Купецъ".—„О, лжешь, думалъ я, хвастаешь, а еще полудикій сынъ природы!" Я сейчасъ же вспомнилъ его: онъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой по городу, и однажды цѣлую улицу прошелъ рядомъ со мною, прося запомнить нумеръ его кареты и не брать другой. А здѣсь онъ былъ буфетчикомъ, раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ—щелчки.

Второй обѣдъ былъ полнѣе перваго. Тутъ, кромѣ супа, была вареная баранина и жареная баранина, вареная говядина и жареная говядина, вареныя куры и жареныя куры, fowl, потомъ гусь, ветчина, зелень. Это только первая перемѣна. Вторая и послѣдняя состояла изъ дичи и пирожнаго. И то и другое подается вмѣстѣ, мнѣ кажется, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ гости раздѣлились на партіи, одни за пирожное, другіе за жаркое. Пирожное то же са-

мое, что я ѣлъ въ Лондонѣ, въ Портсмутѣ и на мысѣ Д. Н.: apple-pay, сладкая яичница и пуддингъ съ коринкой.

Послѣ обѣда пришелъ Б. К. и я же повелъ его показывать ему городъ и окрестности. Мы вышли на набережную Вусуна и пошли налѣво, мимо великолѣпнаго дома англійскаго консула, потомъ португальскаго, датскаго и т. д. По дорогѣ встрѣчались, съ мѣрнымъ крикомъ „а-а! а-а!“ носильщики съ чаемъ и щедро сыпали его по улицѣ. Тутъ матросы съ французскихъ судовъ играли въ пристѣнокъ: красивый, рослый и хорошо одѣтый народъ. Мы подошли къ впадающей въ Вусунъ рѣчкѣ и къ перевозу. Множество возвращающагося съ работы простого народа толпилось на пристани, ожидая очереди попасть на паромъ, перевозившій на другую сторону, гдѣ первая кидалась въ глаза куча навозу, грязный берегъ, двѣ-три грязныя хижины, два-три тощія дерева, и за всѣмъ этимъ—вспаханныя поля.

Мимо плетней, огородовъ, чрезъ поля, поросшія кустарниками хлопчатой бумаги и засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, выбрались мы, сначала въ деревушку, ближайшую къ городу. Хижины изъ бамбука, безъ окошекъ, съ одними дверями, лѣпились другъ къ другу. По деревнѣ извивалась грязная канавка, стояли кадки съ навозомъ, для удобренія полей. Некуда было дѣться отъ запаха; мы не рады были что зашли. Ноги у насъ ползли по влажной, глинистой почвѣ. На насъ бросились лаять собаки, а на нихъ бросилась старая китаянка унимать. Нѣкоторые китайцы ужинали на порогѣ, проворно перекладывая двумя палочками рисъ изъ чашекъ въ ротъ, и дотого набивали его, что не могли отвѣчать на наше привѣтствіе *чинъ-чинь* (здравствуй), а только ласково кивали.

Но, несмотря на запахъ, на жалкую бѣдность, на грязь, нельзя было не замѣтить ума, порядка, отчетливости, даже въ мелочахъ полевого и деревенскаго хозяйства. Простыми

глазами, сразу увидишь, что находишься по преимуществу въ земледѣльческомъ государствѣ и что не даромъ рука богдыхана касается однажды въ годъ плуга, какъ главнаго, великаго дѣятеля страны: всякая вещь, обдуманно, не какъ-нибудь, примѣнена къ дѣлу; все обработано, окончено: не увидишь кучки соломы, небрежно и не у мѣста брошенной, нѣтъ упадшаго плетня и блуждающей среди посѣвовъ козы или коровы: не валяется нигдѣ оставленное безъ умысла и безполезно гніющее бревно, или какой-нибудь подобный, годный въ дѣло предметъ. Здѣсь, кажется, каждая щепка, камешекъ, соръ— все имѣетъ свое назначеніе и идетъ въ дѣло.

Почва, по природѣ, болотистая, а ни признака болота нѣтъ, нѣтъ также какого-нибудь недопаханнаго аршина земли: одна гряда и борозда никакъ не шире и не уже другой. Самые домики, какъ ни бѣдны и ни грязны, но выстроены умно; все разсчитано въ нихъ: каждымъ уголкомъ умѣютъ пользоваться: все на мѣстѣ и все въ возможномъ порядкѣ.

Мы выбрались изъ деревеньки и вышли на такъ называемую променаду, отведенное европейцамъ загородное мѣсто для ѣзды и для прогулокъ. Это широкая дорога, идущая отъ города, между полей, мимо вала, отдѣляющаго лагерь имперіалистовъ отъ городской земли. Все это мѣсто похоже на арену какого-нибудь цирка: земля такъ же рыхла, вспаханная лошадиными копытами. Мы застали и самое ристалище. Шанхайскіе европейцы и европейки скакали здѣсь взадъ и впередъ: одни на прекрасныхъ лошадяхъ лучшей англійской породы, привезенныхъ изъ Англіи, другіе на малорослыхъ китайскихъ лошадкахъ. Только одно семейство каталось въ шарабанѣ, да еще одну леди, кажется, жену пастора, несли четыре китайца въ желѣзныхъ креслахъ, поставленныхъ на двухъ бамбуковыхъ жердяхъ. Нѣсколько пѣшеходовъ, офицеровъ съ судовъ, да мы всѣ, составляли

публику, или, лучше сказать, мы всѣ были дѣйствующими лицами. Настоящую публику составляли китайцы, мирные городскіе, или деревенскіе жители, купцы и земледѣльцы, кончившіе дневной трудъ. Тутъ была смѣсь одеждъ: видна шелковая кофта и шаровары купца, синій халатъ мужика, камзолъ и панталоны имперіалиста, съ вышитымъ кружкомъ, или буквой на спинѣ. Вся эта публика, буквально спустя рукава, однакожъ съ любопытствомъ, смотрѣла на пришельцевъ, которые силою ворвались въ ихъ предѣлы, и мало того, что сами свободно разгуливаютъ среди ихъ полей, да еще наставили столбовъ съ надписями, которыми запрещается тутъ разъѣзжать хозяевамъ. Китайцы встрѣчали или провожали замѣчаніемъ каждаго проѣзжаго, и смѣялись. Особенно скачущія женщины возбуждали ихъ вниманіе: небывалое у нихъ явленіе! Ихъ женщины—пока еще такъ-себѣ, хозяйственная принадлежность: имъ далеко до львицъ.

Къ намъ присоединились другіе наши спутники. Мы, сквозь эту фалангу любопытныхъ, подошли къ валу, взошли на мостикъ, брошенный дугой черезъ канавку, и стали смотрѣть на лагерь. Туда и оттуда безпрестанно носили мимо насъ въ паланкинахъ китайскихъ чиновниковъ и купцовъ. Надъ сбитыми въ кучу палатками насажены были тысячи разноцвѣтныхъ флаговъ и значковъ, все фамильные гербы и отличія этого чиновно-аристократическаго царства. По временамъ изъ лагеря попаливали, но больше холостыми зарядами, для того, какъ сказывали намъ англійскіе офицеры, чтобъ показать, что они бдятъ. Въ самомъ дѣлѣ только бдятъ и пугаютъ другъ друга. Они палятъ и въ туманъ, ночью, не видя непріятеля. Хоть бы ночное нападеніе и пожаръ, который мы видѣли съ рѣки Вусуна—жалкая каррикатура на сраженіе.

Имперіалистами командуетъ здѣсь правитель шанхай-

скаго округа, Таутай Самква. Онъ собралъ войско и расположилъ его лагеремъ у городскихъ стѣнъ, а самъ жилъ на джонкахъ и дѣйствовалъ съ рѣки. Какъ бы, кажется, не выгнать толпу бродягъ и оборванцевъ? Но до сихъ поръ всѣ его усилія напрасны, европейцы сохраняютъ строгій нейтралитетъ, несмотря на то, что онъ предлагаетъ каждому европейцу по двадцати, кажется, долларовъ въ сутки, если кто пойдетъ къ нему на службу. Охотниковъ до сихъ поръ является мало. Ночное нападеніе ему не удалось. Онъ пробовалъ зажечь городъ, но и то неудачно: выгорѣло одно предмѣстье, потому что городъ зажженъ былъ противъ вѣтра и огонь не распространился. А сколько мелкихъ и безполезныхъ жестокостей употреблено было! И это не устрашаетъ инсургентовъ. Тѣ заперлись, себѣ въ крѣпости, получаютъ съѣстные припасы черезъ стѣны изъ города — и знать ничего не хотятъ.

Пока я стоялъ на валу, нѣсколько имперіалистовъ вдругъ схватили изъ толпы одного человѣка, на видъ очень смирнаго, и потащили къ лагерю. Я думалъ, что это обыкновенная, уличная сцена, ссора какая-нибудь: но тутъ случился англичанинъ, который растолковалъ мнѣ, что имперіалисты хватаютъ всякаго, кто оплошаетъ, и, въ качествѣ мятежника, ведутъ въ лагерь, повязавъ ему что-нибудь красное на голову, какъ признакъ возмущенія. А тамъ ему рубятъ голову и втыкаютъ на пику. За всякаго приведеннаго инсургента даютъ награду. „Oh, that's bad, very bad!“ (худо!), заключилъ англичанинъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

Но и инсургенты платятъ за это хорошо. На-дняхъ они объявили, что готовы сдать городъ и просятъ прислать полномочныхъ для переговоровъ. Таутай обрадовался и послалъ къ нимъ девять чиновниковъ или мандариновъ, со свитой. Едва они вошли въ городъ, инсургенты пре-

дали ихъ тѣмъ ужаснымъ, утонченнымъ мученіямъ, которыми ознаменованы всѣ междоусобныя войны.

Англичанинъ этотъ, про котораго я упомянулъ, ищетъ впечатлѣній и приключеній. Онъ каждый день съ утра отправляется, съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, то въ лагерь, то въ осажденный городъ, посмотрѣть, что тамъ дѣлается, нужды нѣтъ, что китайское начальство устранило отъ себя отвѣтственность за все непріятное, что можетъ случиться со всякимъ европейцемъ, который, безъ особенныхъ позволеній и предосторожностей отправится на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Наши вздумали тоже идти въ лагерь; я предвидѣлъ, что они недолго проходятъ, и не пошелъ, а сѣлъ, въ ожиданіи ихъ, на бревно подлѣ дороги и смотрѣлъ, какъ ѣздили англичанки. Вотъ несется полная, величавая, одна изъ тѣхъ великолѣпныхъ, драпирующихся въ большую шаль, женщинъ, съ побѣдоносной походкой, отъ которыхъ невольно сторонишься. Она, какъ монументъ, крѣпко сидѣла на рослой лошади, и та, какъ будто чувствуя, кого несетъ на хребтѣ, скакала плавно. Подлѣ нея, свѣсивъ до полу ноги, ѣхалъ англичанинъ, такой жидкій и невеличественный, какъ полна и величественна была его супруга. Другая, низенькая и невзрачная женщина, точно мальчишка, тряслась на сѣдлѣ, на маленькой, рыжей лошаденкѣ, колотя по немъ своей особой, такъ что слышно было. Третья—писанная, что называется красавица: румяная, съ алымъ ротикомъ, въ видѣ сердечка, и ограниченностью въ синихъ глазахъ. Всѣ эти барыни были съ такими тоненькими, не скажу стройными, таліями, такъ обтянуты амазонками, что китайская публика, кажется, смотрѣла на нихъ, больше съ состраданіемъ, нежели съ удовольствіемъ.

Я не долго ждалъ своихъ; какъ я думалъ, такъ и вышло: ихъ не пустили, и мы отправились другой дорогой домой,

опять мимо полей и огородовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливали ведрами навоза поля: мы бѣжали, что стало силъ, отъ этой пахучей идилліи. Ужъ вечерѣло. Солнце опустилось: я взглянулъ на небо и вспомнилъ отчасти тропики: та же блѣдно-зеленая чаша, съ золотымъ отливомъ надъ головой, но не было живописнаго узора облаковъ, млѣющихъ въ страстной тишинѣ воздуха; только кое-гдѣ, дрожа, искрились бѣлыя звѣзды. Луна раздѣлила улицы и дороги на двѣ половины, черную и бѣлую. „Вотъ зима-то! Ахъ, если бъ намъ этакую!“ говорилъ я, пробираясь между изсохшими кустами хлопчатой бумаги, клочья которой оставались еще кое-гдѣ на сучьяхъ и бѣлѣли, какъ снѣжный пухъ. Въ байковомъ пальто было жарко идти. Вдали скакали въ городъ джентльмены и лэди, торопясь обѣдать.

Въ шесть часовъ мы были уже дома и сѣли за третій обѣдъ — съ чаемъ. Отличительнымъ признакомъ этого обѣда, или „ужина“, какъ упрямо называлъ его О. А., было отсутствіе супа и присутствіе сосисекъ съ перцомъ, или, лучше, перца съ сосисками—такъ было его много положено. Чай тоже, кажется, съ перцомъ. Ѣсть мы однакожъ не могли: только шкиперскіе желудки флегматически поглощали мяса, черезъ три часа послѣ обѣда.

Вечеромъ мы собрались въ *клубъ*, т.-е. въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ, гдѣ жило больше постояльцевъ, гдѣ свѣтлѣе горѣла лампа, не дымилъ каминъ, и куда приносили больше каменнаго угля, нежели въ другіе номера. Театра нѣтъ здѣсь, общества тоже, если хотите въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ. Всюду, куда забрались англичане, вы найдете чистую комнату, каминъ съ каменнымъ углемъ, отличный кусокъ мяса, хересъ и портвейнъ, но не общество. И не ищите его. Англичане всюду умѣютъ внести свою чопорность, негибкіе нравы и скуку. Васъ пригласятъ обѣдать; вы, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, являетесь туда; если есть

аппетитъ — ѣдите, какъ ѣдали баснословные герои, или какъ новѣйшіе извозчики, пьете еще больше, но говорите мало, ce n'est pas de rigueur, потомъ тихонько исчезаете. Но не думайте придти сами, безъ зову. По дѣлу можете, и то въ указанный часъ; а просто побесѣдовать сами— нельзя. Да и день такъ расположенъ: утро всѣ заняты, потомъ гуляютъ, съ семи и до десяти и одиннадцати часовъ обѣдаютъ, а тамъ спятъ. Въ Англіи есть клубы: тамъ вы видитесь съ людьми, съ которыми привыкли быть вмѣстѣ, а здѣсь европейская жизнь такъ быстро переселась на чужую почву, что не успѣла пустить корней, и отъ того должно быть скучно. Не знаю, что дѣлаютъ молодые люди; немолодые наживаютъ деньги. Какой-нибудь мистеръ Каннингамъ, или другой, подобный ему представитель торговаго дома, проживетъ лѣтъ пять, наживетъ тысячъ двѣсти долларовъ, и уѣзжаетъ откуда пріѣхалъ, уступая мѣсто другому члену того же торговаго дома.

Мы очень разнообразили время въ своемъ клубѣ: одинъ писалъ, другой читалъ, кто разсказывалъ, кто молча курилъ и слушалъ, но всѣ жались къ камину, потому что какъ ни красиво было небо, какъ ни ясны ночи, а зима давала себя чувствовать, особенно въ здѣшнихъ домахъ.

Только И. А. Т., оставаясь одинъ въ Шанхаѣ, перебрался въ лучшую комнату и, общій баловень на фрегатѣ, пріобрѣлъ и тутъ какъ-то вниманіе цѣлаго дома. У него лучше и раньше прибиралась комната, въ корзинкѣ было больше угля, нежели у другихъ. У насъ, у всѣхъ, принесутъ горсть угля и потомъ не допросишься. Явная несправедливость! Мы вчетверомъ составили компанію на акціяхъ для добыванія каменнаго угля изъ нумера И. А. Такъ попросить — онъ бы или вовсе отказалъ, или далъ бы *самую малость*, какъ онъ говоритъ. А намъ нужно было натопить два нумера. Мы положили такъ: И. В. Ф. заговоритъ съ Т.

о хозяйствѣ—это любимая его тема, а В. А. К. и А. Е. К. въ это время понесутъ корзину съ углемъ. Мнѣ досталась самая легкая роль: прикрыть отступленіе В. А. и А. Е., что̀ я сдѣлалъ, ставъ къ камину спиной и раздвинувъ немного, какъ дѣлаютъ, не знаю зачѣмъ, англичане, полы фрака. Фур. заговорилъ о шанхайской капустѣ, о томъ, какая она зеленая, сочная, разспрашивалъ, годится ли она во щи и т. п. Уголь давно уже пылалъ въ каминахъ, а И. А. все еще разсказывалъ о капустѣ. Мы дослушали изъ приличія, Фур. внимательно, я—разсѣянно.

На другой день, вставши и пообѣдавши, я пошелъ, уже по знакомымъ улицамъ, въ магазины купить и заказать кое-что. Въ улицѣ, налѣво отъ гостиницы, сказали мнѣ, есть магазинъ: четвертый или пятый домъ. Я прошелъ шестой, а все магазина не вижу, и раза два ходилъ взадъ и впередъ, не подозрѣвая, что одно широкое, осѣненное деревьями крыльцо и есть входъ въ магазинъ. Меня встрѣтилъ пожилой мужчина, черноволосый, съ клинообразной бородой, въ длинномъ плафорѣ-сюртукѣ, несовсѣмъ чистымъ англійскимъ выговоромъ. „Жидъ!“ шепнулъ мнѣ бывшій со мной Г., успѣвшій уже обѣгать европейскій кварталъ. Тутъ, какъ и у Фога и какъ во всякой провинціи, было все въ магазинѣ. Мы накупили сапогъ, башмаковъ, и отправились къ Фогу за сигарами, но въ дверяхъ столкнулись съ высокимъ, черноволосымъ мужчиной. „Вотъ самъ Фогъ“, сказалъ опять Г.: „онъ—жидъ!“ Онъ, какъ лягавая собака дичь, чуялъ жидовъ.

Мы пошли прямо и вышли на рѣчку. Я зашелъ за В. К.— „Пойдемте, я вамъ буду показывать городъ“, сказалъ я. Онъ молча послѣдовалъ за мною. Рѣчка, раздѣляющая европейскій кварталъ отъ китайскаго, шириной всего саженъ пять, мутна какъ и самъ Янсекіянъ, какъ и Вусунъ. На рѣчкѣ толпятся джонки, на которыхъ живутъ китайскія

семейства: по берегамъ движется цѣлое народонаселеніе купцовъ, лодочниковъ, разнаго рода мастеровыхъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ остановилъ пріятный запахъ: это была мастерская издѣлій изъ камфарнаго дерева. Мы зашли въ сарай и лавку и очутились среди гробовъ, сундуковъ и ларцовъ. Когда мы вошли, запахъ камфары, издали очень пріятный, такъ усилился, что казалось, какъ будто къ щекамъ нашимъ вдругъ приложили по подушечкѣ съ камфарой. Мы хотѣли купить сундуки изъ этого дерева, но не было возможности объясниться съ китайцами. Мы имъ по-англійски, они по-своему; прибѣгали къ пальцамъ, но ничего изъ этого не выходило. Двѣ дѣвки, работавшія тутъ же, и одна прехорошенькая, смѣялись исподтишка, глядя на насъ; рыжая собака съ ворчаньемъ косилась: запахъ камфары сильно щекоталъ нервы въ носу. Мы, шагая по стружкамъ, выбрались и пошли къ Фогу, а потомъ отправились отыскивать еще магазинъ, французскій, о существованіи котораго носились темные слухи и который не давался намъ другой день.

Мы быстро миновали базаръ и всѣ запахи, прошли мимо хлопчато-бумажныхъ прядиленъ, харчевень, разносчиковъ, часовни съ Буддой, и перебѣжали мостикъ.—„Куда же теперь, налѣво или направо?“ спросилъ я Б.—„Да куда-нибудь, хоть налѣво!“ Прямо передъ нами былъ узенькій-преузенькій переулочекъ, темный, грязный, откуда, какъ тараканы изъ щели, выходили китайцы, направо большой европейскій каменный домъ; настежь отворенныя ворота вели на чистый дворъ, съ деревьями, къ широкому чистому крыльцу. Налѣво открылся намъ цѣлый новый китайскій кварталъ, новый лабиринтъ лавокъ, почище и побогаче, нежели на той сторонѣ. Тутъ были лавки съ матеріями, мебельныя; я любовался на китайскую мебель, о которой говорилъ выше, съ рельефами и деревянной мозаикой. Здѣсь нѣтъ харчевень, и меньше толкотни. Лавки начали

рѣдѣть; мы шли мимо превысокихъ, какъ стѣны крѣпости, заборовъ изъ бамбука, за которыми лежали груды кирпичей, и наконецъ прошли черезъ огромный дворъ, весь изрытый и отчасти заросшій травой, и очутились подъ стѣнами осажденнаго города.

Извѣстно, что китайцы—ужасные педанты, не признаютъ городомъ того, который *не огороженъ;* оттого у нихъ каждый городъ окруженъ стѣной, между прочимъ и Шанхай.

Но какая картина представилась намъ! Еще издали мы слышали смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и не могли понять, что̀ это такое. Теперь поняли. Насъ отъ стѣнъ раздѣлялъ ровъ; по ту сторону рва, подъ самыми стѣнами, толпилось болѣе тысячи человѣкъ народу и горланили во всю мочь. На стѣнѣ, облѣпивъ ее, какъ мухи, горланила другая тысяча человѣкъ, инсургентовъ. Внизу были разносчики. Они принесли изъ города все, что̀ только можно принести, притащить, привезти и приволочь. Живность, зелень, фрукты, дрова, цѣлыя бревна, медленно ползли по стѣнамъ вверхъ. Стѣна, изъ сѣраго кирпича, очень высока, на глазомѣръ саженъ въ шесть вышиною, и претолстая. Осажденные во все горло требовали—одинъ свинью, другой капусты, третій курицу, торговались, бранились, наконецъ условливались; сверху спускалась по веревкѣ корзина съ деньгами и поднималась съ курами, апельсинами, съ платьемъ; тамъ тащили доски, тутъ спорили. Кутерьма ужасная! Постороннимъ ничего нельзя было разобрать. Я убѣдился только, что продавцы осаждаютъ городъ гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе имперіалистовъ. Тамъ слышны лѣнивые выстрѣлы: тѣ осаждаютъ, чтобъ истребить осажденныхъ, а эти—чтобы продлить ихъ существованіе.

Наши проникли-таки потомъ въ лагерь, въ обществѣ англійскихъ офицеровъ, и видѣли груды жареныхъ свиней, куръ, лепешекъ и т. п., принесенныхъ въ жертву пушкамъ и разставленныхъ у жерлъ.

Осаждающіе могли бы конечно помѣшать снабженію города съѣстными припасами, если бъ сами имѣли больше свободы, нежели осажденные. Но они не смѣютъ почти показываться изъ лагеря, тогда какъ мы видѣли ежедневно инсургентовъ, свободно разгуливавшихъ по европейскому городу. У этихъ и костюмъ другой: лба уже они не бреютъ, какъ унизительнаго, введеннаго манчжурами, обычая. Но и тѣхъ и другихъ англичане и американцы держатъ въ рукахъ. П—ть видѣлъ, какъ два всадника, возвращаясь изъ города въ лагерь, проѣхали по землѣ, отведенной для прогулокъ англичанамъ, и какъ англійскій офицеръ съ *Спартана* поколотилъ ихъ обоихъ палкой за это, такъ что одинъ свалился съ лошади. Ровъ и стѣна, гдѣ торгуютъ разносчики, обращены къ городу: и если бъ одно ядро попало въ европейскій кварталъ, тогда и осажденные и осаждающіе не раздѣлались бы съ консулами. Одно и такъ попало нечаянно въ колесо французскаго парохода: командиръ хотѣлъ открыть огонь по городу. Не знаю, какъ уладили дѣло.

Вообще обращеніе англичанъ съ китайцами, да и съ другими, особенно подвластными имъ народами, не то чтобъ было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, такъ что смотрѣть больно. Они не признаютъ эти народы за людей, а за какой-то рабочій скотъ, который они, пожалуй, не бьютъ, даже холятъ, т.-е. хорошо кормятъ, исправно и щедро платятъ имъ, но не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Къ намъ повадился ходить въ отель офицеръ, не флотскій, а морскихъ войскъ, съ *Спартана*, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати: онъ, кажется, тоже не прочь отъ приключеній. Его звали Стоксъ: онъ безпрестанно ходилъ, и въ осажденный городъ, и въ лагерь. Мы съ нимъ гуляли по улицамъ, и если впереди насъ шелъ китаецъ и, не замѣчая насъ, долго не сторонился съ дороги, Стоксъ безъ церемоніи бралъ его за косу и оттаскивалъ въ сторону. Китаецъ

сначала оторопѣетъ, потомъ съ улыбкой подавленнаго негодованія посмотритъ вслѣдъ. А нѣтъ конечно народа смирнѣе, покорнѣе и учтивѣе китайца, исключая кантонскихъ: тѣ, какъ и всякая чернь въ большихъ городахъ, груба и бурлива. А здѣсь я не видалъ насмѣшливаго взгляда, который бы китаецъ кинулъ на европейца: на лицахъ видишь почтительное и робкое вниманіе. Англичане вотъ какъ платятъ за это: на ихъ же счетъ обогащаются, отравляютъ ихъ, да еще и презираютъ свои жертвы! Нашъ хозяинъ, Дональдъ—конечно плюгавѣйшій изъ англичанъ, вѣроятно нищій въ Англіи, иначе какъ рѣшиться отправиться на чужую почву заводить трактиръ, безъ видовъ на успѣхъ—и этотъ Дональдъ, сказывалъ Т., такъ билъ одного изъ китайцевъ, слугъ своего трактира, что „меня даже жалость взяла", прибавилъ добрый П. А.

Не знаю, кто изъ нихъ кого могъ бы цивилизовать: не китайцы ли англичанъ, своею вѣжливостью, кротостью, да и умѣньемъ торговать тоже.

Полюбовавшись на осаду продавцовъ, мы пошли по берегу рва искать домъ французскаго консула и французскій магазинъ. Утромъ шелъ дождь, и ноги вязли въ клейкой грязи. Мы кое-какъ выбрались къ мостику, видѣли вѣющій надъ кучей кровель французскій флагъ, и все не знали, какъ попасть къ нему. Мы остановились въ нерѣшительности у мостика, подлѣ большого каменнаго европейскаго дома, съ настежь-отворенными воротами. Я вошелъ на дворъ, отворилъ дверь въ домъ и очутился въ свѣтломъ, чистомъ, прекрасномъ магазинѣ, похожемъ на всѣ европейскіе столичные магазины. „Гдѣ это я?" спросилъ я вслухъ.—„Во французскомъ магазинѣ Реми", отвѣчалъ забравшійся туда прежде насъ Г. Ко мнѣ подошелъ пожилой, невысокій брюнетъ, и заговорилъ по-французски. „Посмотрите-ка на хозяина", сказалъ мнѣ Г. по-русски. Я посмотрѣлъ.—„А что?"—

„Развѣ не видите?“—„Вижу... Да что такое?“—„Жидъ!“ отвѣчалъ онъ.

Изъ этого очерка одного изъ пяти открытыхъ англичанамъ портовъ, вы никакъ не заключите, какую блистательную роль играетъ теперь, и будетъ играть еще современемъ, Шанхай! И въ настоящее время онъ въ здѣшнихъ моряхъ затмилъ, колоссальными цифрами своихъ торговыхъ оборотовъ, Гон-Конгъ, Кантонъ, Сидней, и занялъ первое мѣсто послѣ Калькуты, или „Калькатты“, какъ ее называютъ англичане. А все опіумъ! За него китайцы отдаютъ свой чай, шелкъ, металлы, лѣкарственныя, красильныя вещества, потъ, кровь, энергію, умъ, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берутъ все это, обращаютъ въ деньги, и такъ же хладнокровно переносятъ старый, уже заглохнувшій упрекъ за опіумъ. Они, не краснѣя, слушаютъ его и ссылаются одни на другихъ. Англійское правительство молчитъ—одно, что остается ему дѣлать, потому что многіе, стоящіе во главѣ правленія лица, сами разводятъ макъ на индійскихъ своихъ плантаціяхъ, сами снаряжаютъ корабли и шлютъ въ Янсекіянъ. За 16-ть миль до Шанхая, въ Вусунѣ, стоитъ цѣлый флотъ, такъ называемыхъ опіумныхъ судовъ. Тамъ складочное мѣсто отравы. Другія суда привозятъ и сгружаютъ, а эти только сбываютъ грузъ. Торгъ этотъ запрещенъ, даже проклятъ китайскимъ правительствомъ: но что толку въ проклятіи безъ силы? Въ таможню опіума, разумѣется, не повезутъ, но если кто провезетъ тайкомъ, тому, кромѣ огромныхъ барышей, ничего не достается.

Мало толку правительству и отъ здѣшней таможни, даромъ что таможенные чиновники засѣдаютъ въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдалъ прежде Будда, т.-е. въ кумирнѣ. Китайцы съ жадностью кидаются на опіумъ и быстро сбываютъ товаръ внутрь. Китайское правительство имѣетъ право осматривать товаръ на судахъ только тогда, когда увѣрено, что

найдетъ его тамъ. А оно никогда не найдетъ, потому что подкупленные агенты всегда умѣютъ заблаговременно предупредить хозяина, и грузъ бросятъ въ рѣку, или свезутъ: тогда правительство, за фальшивое подозрѣніе, не раздѣлается съ иностранцами, и оттого осмотра никогда не бываетъ. Англійское правительство оправдывается тѣмъ, что оно не властно запретить сѣять въ Индіи макъ, а присматривать-де за неводвореніемъ опіума въ Китаѣ — не его дѣло, а обязанность китайскаго правительства. Это говоритъ то же самое правительство, которое участвуетъ въ святомъ союзѣ противъ торга неграми!

Но что понапрасну бросать еще одинъ слабый камень въ зло, въ которое брошена безполезно тысяча? Не странно ли: дѣло такъ ясно, что и спору не подлежитъ; обвиняемая сторона молчитъ, сознавая преступленіе, и судъ изреченъ, а приговора исполнить некому!

Безстыдство этого скотолюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ! Другой примѣръ меркантильности англичанъ еще разительнѣе: не будь у каффровъ ружей и пороха, англичане одною войной навсегда положили бы предѣлъ ихъ грабежамъ и возмущеніямъ. Поэтому и запрещено, подъ смертною казнью, привозить имъ порохъ; между тѣмъ каффры продолжали дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Долго не подозрѣвали, откуда они берутъ военные припасы: да однажды, на пути отъ одного изъ портовъ, взорвало нѣсколько ящиковъ съ порохомъ, который везли, вмѣстѣ съ прочими товарами, къ каффрамъ — *съ англійскихъ* же судовъ! Они возили это угощеніе для своихъ же соотечественниковъ: это ужъ— изъ рукъ вонъ—торговая нація!

Страшно и сказать вамъ итогъ здѣшней торговли. Тридцать-пять лѣтъ назадъ, въ цѣлый Китай привозилось евро-

нейцами товаровъ всего на сумму около пятнадцати милліоновъ серебромъ. Изъ этого опіумъ составлялъ немного болѣе четвертой части. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, еще до китайской войны, привозъ увеличился вдвое, т.-е. болѣе, нежели на сумму тридцать милліоновъ серебромъ, и привозъ опіума составлялъ уже четыре-пятыхъ, и только одну пятую другихъ товаровъ. Это въ цѣломъ Китаѣ. А теперь гораздо больше привозится въ одинъ Шанхай. Шанхай играетъ безспорно первостепенную роль въ китайской торговлѣ. Онъ возвысился не насчетъ сосѣднихъ городовъ: Амоя, Нингпо и Фу-Чу-Фу; эти мѣста имѣли свой кругъ дѣятельности, свой родъ товаровъ, и все это имѣютъ до сихъ поръ.

Но Кантонъ и Гон-Конгъ не могли не потерять отчасти своего значенія съ тѣхъ поръ, какъ открылась торговля на сѣверѣ. Многія произведенія сѣвернаго края нашли ближайшую точку отправленія, и притокъ ихъ къ этимъ двумъ мѣстамъ уменьшился. Но опасеніе насчетъ предполагаемаго совершеннаго упадка—неосновательно. Заключая въ своихъ стѣнахъ около милліона жителей и не одинъ десятокъ въ подвѣдомственныхъ ему и близлежащихъ областяхъ, Кантонъ будетъ всегда служить рынкомъ для этихъ жителей, которымъ нѣтъ надобности искать работы и сбыта товаровъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ онъ мануфактурный городъ: нелегко широкій притокъ товаровъ его къ южному порту поворотить въ другую сторону, особенно когда этотъ портъ имѣетъ еще на своей сторонѣ право старшинства. Гон-Конгъ тоже не падетъ отъ возвышенія Шанхая, а только потеряетъ нѣсколько, и потерялъ уже, какъ складочное мѣсто: теперь многія суда обращаются непосредственно въ Шанхай, тогда какъ прежде обращались, съ грузами, или за грузами, въ Гон-Конгъ.

Причины возвышенія Шанхая заключаются въ выгодномъ его географическомъ положеніи на огромной рѣкѣ, на

которой выше его лежитъ нѣсколько многолюдныхъ торговыхъ мануфактурныхъ городовъ, между прочимъ, Нанкинъ и Сучеу-Фу. Шанхай самъ по себѣ ничтожное мѣсто по народонаселенію; въ немъ всего (было до осады) до трехъ сотъ тысячъ жителей: это мало для китайскаго города, но онъ служилъ торговымъ предмѣстьемъ этимъ городамъ, и особенно провинціямъ, гдѣ родится лучшій шелкъ и чай— двѣ самыя важныя статьи, которыми пока расплачивается Китай за бумажныя, шерстяныя, и другія европейскія и американскія издѣлія. Только торговля опіумомъ производится на звонкую, больше на серебряную монету.

Одинъ изъ новыхъ путешественниковъ, именно г. Ничъ, сдѣлавшій путешествіе вокругъ свѣта на датскомъ корветѣ *Галатея*, подъ командою г. Стенъ-Билля, издалъ въ особой книгѣ собранныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Это добросовѣстный и полезный трудъ. Хотя Ничъ былъ въ Китаѣ въ 1847—1848 годахъ, а съ тѣхъ поръ торговая статистика много измѣнилась, особенно въ итогахъ; но нѣкоторые общіе выводы и данныя сохраняютъ силу до сихъ поръ. Между прочимъ нельзя не привести дѣльнаго его совѣта: при отправленіи товаровъ въ Китай, строго сообразоваться со вкусомъ и привычками китайцевъ: сукна, напримѣръ, и прочія подобныя издѣлія, должны быть изготовляемы по любимымъ ихъ образцамъ, извѣстныхъ цвѣтовъ, извѣстной мѣры. Онъ даже даетъ мелочныя, но полезныя наставленія, какъ укладывать матеріи, какими ярлыками снабжать и т. п. Совѣтуетъ еще не подчивать китайцевъ образчиками, съ обѣщаніемъ, если понравится товаръ, привезти въ другой разъ: „китайцы", говоритъ онъ, „любятъ, увидѣвши вещь, купить тотчасъ же, если она приходится по вкусу."

Теперь, по случаю волненій въ Китаѣ, торговля стонетъ, кризисъ въ полномъ разгарѣ. Далеко отзовется этотъ

ударъ, нанесенный торговлѣ; его, какъ ударъ землетрясенія. почувствуютъ Гон-Конгъ, Сингапуръ, Индія, Англія и Соединенные Штаты. Хотя торгъ, особенно опіумомъ, не прекратился, но всѣ китайскіе капиталисты разбѣжались, ушли внутрь, и сбытъ производится лѣниво, сравнительно съ прежнимъ, и все-таки громадно само-по-себѣ. Въ самомъ Шанхаѣ лавки и дома заперты, богатые купцы выбрались, а оставшіеся заплатили контрибуцію инсургентамъ. Одинъ изъ этихъ купцовъ оказался католикомъ и былъ обложенъ пошлиною въ восемьдесятъ тысячъ испанскихъ піастровъ: но дѣло кончилось, кажется, на шести или семи тысячахъ.

Суда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, продолжаютъ подвозить товары въ городъ и окрестности, мимо таможни. Таутай однакожъ протестовалъ противъ явнаго нарушенія таможенныхъ правилъ и отнесся къ англійскому консулу, требуя уплаты пошлинъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право мѣстная власть требовать пошлинъ, когда она не въ силахъ ограждать торговлю, о которой купцы должны заботиться сами. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе дѣла оставлено до конца войны, а конца войны не предвидится, судя по началу; по крайней мѣрѣ шанхайская война скоро не кончится.

Въ Нанкинѣ, лежащемъ повыше на Янсекіянѣ, теперь главный пунктъ инсургентовъ. Тамъ же живетъ и главный начальникъ ихъ, и вмѣстѣ претендентъ на престолъ, Тайпинъ-Ванъ. Нанкинскіе инсургенты считаютъ Шанхай слишкомъ ничтожнымъ пунктомъ, и оттого не посылаютъ туда подкрѣпленія. Французскій полномочный, Бурбулонъ, ѣздилъ, со свитою на пароходѣ, въ Нанкинъ: Тайпинъ-Ванъ не принялъ его, а предоставилъ видѣться съ нимъ своему секретарю. На вопросъ француза, какъ намѣрено дѣйствовать новое правительство, если оно утвердится, Тайпинъ-Ванъ отвѣчалъ, что подданные его, *какъ христіане*, при-

ходятся европейцамъ братьями и будутъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, но что обязательствами себя никакими не связываютъ. Тотъ такъ и воротился, съ чѣмъ поѣхалъ. Но отвѣтъ этотъ принятъ европейцами глубоко къ свѣдѣнію. Вся эта возставшая сволочь объявляетъ себя христіанами. Христіанство это водворено протестантами, или пробравшимися съ востока несторіанами, и смѣшалось съ буддизмомъ.

Впрочемъ оно пробирается туда всѣми возможными путями. И знаете ли, что̀ содѣйствуетъ его водворенію? религіозный индифферентизмъ китайцевъ! У нихъ нѣтъ фанатизма, они не заразились имъ даже отъ буддистовъ. Ученіе Конфуція—не религія, а просто обиходная нравственность, практическая философія, немѣшающая никакой религіи. Католическое духовенство, правда, не встрѣтитъ въ массѣ китайскаго народа той пылкости, какой оно требуетъ отъ своихъ послѣдователей, развѣ этотъ народъ перевоспитается совсѣмъ, но этого долго ждать: зато не встрѣтитъ, и не встрѣчаетъ, до сихъ поръ, и фанатическаго сопротивленія, а только лѣнивое, систематическое противодѣйствіе со стороны правительства, какъ политическую предосторожность.

Практическому и промышленному духу китайцевъ, кажется, болѣе по плечу духъ протестантской, нежели католической проповѣди. Протестанты начали торговлей и привели напослѣдокъ религію. Китайцы обрадовались первой и незамѣтно принимаютъ вторую, которая ни въ чемъ имъ не мѣшаетъ. Католики, напротивъ, начинаютъ религіей и хотятъ преподавать ее сразу, со всею ея чистотою и безкорыстнымъ поклоненіемъ, тогда какъ у китайцевъ не было до сихъ поръ ничего, похожаго на религіозную идею. Есть у нихъ, правда, поклоненіе небеснымъ духамъ, но это поклоненіе, не только не вмѣняется въ долгъ народной массѣ, но составляетъ, какъ я уже, кажется, замѣтилъ однажды, привиллегію и обязанность только богдыхана.

Мнѣ въ Шанхаѣ подарили три книги на китайскомъ языкѣ: новый завѣтъ, географію и езоповы басни — это забота протестантскихъ миссіонеровъ. Они переводятъ и печатаютъ книги въ Лондонѣ—страшно сказать, въ какомъ числѣ экземпляровъ: въ милліонахъ, привозятъ въ Китай и раздаютъ даромъ. Мнѣ называли имя англійскаго богача, который пожертвовалъ, вмѣстѣ съ другими, огромныя суммы на эти изданія. Медгорстъ — одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ миссіонеровъ: онъ живетъ тридцать лѣтъ въ Китаѣ и безпрерывно подвизается въ пользу распространенія христіанства; переводитъ европейскія книги на китайскій языкъ, ѣздитъ изъ мѣста на мѣсто. Онъ теперь живетъ въ Шанхаѣ. Наши синологи были у него и пріобрѣли много изданныхъ имъ книгъ, довольно рѣдкихъ въ Европѣ. Нѣкоторыя онъ имъ подарилъ.

Одно заставляетъ бояться за успѣхъ христіанства: это соперничество между распространителями; оно, къ сожалѣнію, отчасти уже существуетъ. Католическіе миссіонеры запрещаютъ своимъ ученикамъ имѣть книги, издаваемыя протестантами, которые привезли и роздали, между прочимъ въ Шанхаѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ изданій. Изданія эти достались, большею частью, китайцамъ-католикамъ, и они принесли ихъ своимъ наставникамъ, а тѣ сожгли.

Былъ ужъ седьмой часъ, когда я и К. стали собраться обѣдать къ американскому консулу. Надо было бриться, одѣваться, и все это въ холодѣ, въ тѣснотѣ, на бивуакахъ. „Вы вѣрно мои бритвы взяли?“ скажетъ мнѣ К., шаря по всѣмъ угламъ. „Нѣтъ, не бралъ; а вотъ вы не надѣли ли мои сапоги: я что-то не вижу ихъ? Тутъ ихъ цѣлая куча лежала, а теперь нѣтъ“. Тяжело, кажется, безъ слуги, доставать платье изъ глубины туго набитаго чемодана.—„Ну, ужъ эти путешествія!“ слышится изъ сосѣдней комнаты, гдѣ та-

кой же труженикъ, какъ мы, собирался тоже на обѣдъ, и собственноручно, охая, со стономъ, чиститъ фракъ. Щетка вырывается изъ непривычныхъ рукъ, вмѣстѣ съ платьемъ, и, сопровождаемая бранью, падаетъ на полъ.

Мы пришли въ самую пору, т.-е. послѣдніе. Въ гостиной собралось человѣкъ восемь. Кромѣ насъ четверыхъ, или пятерыхъ, тутъ были командиры англійскихъ и американскихъ судовъ, и еще какіе-то негоціанты, да молодые люди, служащіе въ конторѣ Каннингама, тоже будущіе негоціанты.

Столъ былъ заставленъ блюдами. „Кому ѣсть всю эту массу мясъ, птицъ, рыбъ?“—вотъ вопросъ, который представится каждому, не-англичанину и не-американцу. Но надо знать, что въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, для слугъ особеннаго стола не готовится: они ѣдятъ то же самое, что̀ и господа, оттого нечего удивляться, что чуть не цѣлые быки и бараны подаются на столъ.

Кругомъ по столу ходили постоянно три графина, съ портвейномъ, хересомъ и мадерой, и останавливались на минуту передъ каждымъ гостемъ. Всякій нальетъ себѣ, чего ему вздумается. Шампанское человѣкъ разносилъ въ теченіе цѣлаго обѣда и наливалъ сейчасъ же, какъ только замѣтитъ у кого-нибудь пустую рюмку. „Г. Каннингамъ желаетъ выпить съ вами рюмку вина“, сказалъ, чисто по-англійски, наливая мнѣ шампанскаго, китаецъ, одѣтый очень порядочно и похожій, въ своемъ костюмѣ, немного на нашихъ богатыхъ ярославскихъ бабъ. Онъ говорилъ это почти каждому гостю. Выпить съ кѣмъ-нибудь рюмку вина—значитъ поднять свою рюмку, показать ее тому, съ кѣмъ пьешь, а онъ покажетъ свою, потомъ оба кивнутъ другъ другу и выпьютъ. Черезъ минуту сосѣди мои стали пить со мной по рюмкѣ, а тамъ пошло наперекрестъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ.

Это была бы сущая напасть для непьющихъ, если бъ надо было выпивать по цѣлой рюмкѣ: но никто не обязы-

вается къ этому. Надо только налить, или долить рюмку, а выпить можно хоть каплю.

Вино у Каннингама, разумѣется, было прекрасное; ему привозили изъ Европы. Вообще же въ продажѣ въ этихъ мѣстахъ, т.-е. въ Сингапурѣ, Гон-Конгѣ и Шанхаѣ, вина никуда не годятся. Хересъ, мадера и портвейнъ, сильно приправлены алкоголемъ, заглушающимъ нѣжный букетъ винъ Пиринейскаго полуострова. Да ихъ большею частью возятъ не оттуда, а съ мыса Д. Н. Шампанское идетъ изъ Америки, и просто никуда не годится. Это американское шампанское свирѣпствуетъ на Сандвичевыхъ островахъ, и вотъ теперь проникло въ Китай.

Все убрали, кромѣ вина, и поставили десертъ: все то же, что и въ трактирѣ, т.-е. гранаты, сухія фиги или жужубы, орѣхи, мандарины, памиль-муссъ, и наконецъ тѣ маленькіе апельсины или померанцы, которые я такъ неудачно попробовалъ на базарѣ. „Развѣ это ѣдятъ?“ спросилъ я своего сосѣда. „Yes, o yes!“ отвѣчалъ онъ, взялъ одинъ померанецъ, срѣзалъ верхушку, выдавилъ всю внутренность, съ косточками, на тарелку, а пустую кожу съѣлъ.—„Что такое, развѣ это хорошо?“—„Попробуйте!“—Я попробовалъ: кожа сладкая и ароматическая, между тѣмъ какъ внутри кисло. Все навыворотъ: у фруктовъ ѣдятъ кожу, а внутренность бросаютъ!

Я далъ сильный промахъ и едва-едва поправился. Подали кофе и сигары. „Мнѣ очень нравятся англійскіе обычаи“, сказалъ я, „но окончаніи обѣда остаются за столомъ, ѣдятъ фрукты, пьютъ вино, курятъ и разговариваютъ...“—„У англичанъ не курятъ“, живо перебилъ мой сосѣдъ: „это нашъ обычай“. Я смотрю на него, что онъ такое говоритъ. Я попался: онъ не англичанинъ, я въ гостяхъ у американцевъ, а хвалю англичанъ. Сидѣвшій напротивъ меня Б. К. закашлялся своимъ смѣхомъ. Но

кто жъ ихъ разберетъ: говорятъ, молятся, ѣдятъ одинаково и одинаково ненавидятъ другъ друга!

Послѣ обѣда насъ повели въ особыя галлереи играть на бильярдѣ. Хозяинъ и нѣкоторые гости, узнавъ, что мы собираемся играть русскую, пятишаровую партію, пришли было посмотрѣть, что̀ это такое, но какъ мы съ П., въ теченіе получаса, не сдѣлали ни одного шара, то они постояли, да и ушли, составивъ себѣ, вѣроятно, не совсѣмъ выгодное понятіе о русской партіи.

Третій, пятый, десятый, и такъ далѣе, дни текли однообразно. Мы читали, гуляли, разсѣянно слушали пальбу инсургентовъ и имперіалистовъ, обѣдали три раза въ день, передѣлали всѣ свои дѣла, отправили почту, и между прочимъ адмиралъ отправилъ, курьеромъ въ Петербургъ, лейтенанта Кроуна, съ донесеніями, образчиками товаровъ, и прочими результатами нашего путешествія до сихъ мѣстъ. Стало скучно. Куда бы нибудь въ другое мѣсто пора! твердили мы. Всѣхъ здѣсь знаемъ и всѣ знаютъ насъ. Со всѣми кланяемся и разговариваемъ.

Утромъ, 6-го декабря, въ самый зимній и самый великолѣпный солнечный день, съ 15° тепла, собрались мы вчетверомъ гулять на цѣлый день: О. А., В. А. К., П—тъ и я. Мы долго шли берегомъ до самаго дока, противъ котораго стояла шкуна. На плоту переѣхали рукавъ Вусуна, тамъ же переѣзжало много китайцевъ на другомъ плоту. Какой-то старый купецъ хотѣлъ прыгнуть къ намъ на плотъ, когда этотъ отвалилъ уже отъ берега, но не попалъ и бухнулся въ воду, къ общему удовольствію собравшейся на берегу публики. Старикъ держалъ за руку сына, или внука, мальчика лѣтъ семи: и тотъ упалъ. Тата, тата! (тятя) кричалъ онъ въ водѣ. П—тъ, пылкій мой сосѣдъ, являющійся всегда, когда надо помочь кому-нибудь, явился и тутъ и вытащилъ мальчика, а другіе—старика.

Мы заѣхали на шкуну. Тамъ, у борта, застали большую китайскую лодку, съ разными бездѣлками: рѣзными вещами изъ дерева, вазами, тростями изъ бамбука, каменными изваяніями идоловъ и т. п. Я хотя и старался пройти мимо искушенія, закрывъ глаза и уши, однако купилъ этихъ пустяковъ долларовъ на десять. Мы слегка позавтракали на шкунѣ и, воротясь на берегъ, прошли чрезъ докъ. Докъ безъ шлюзъ, а просто съ проходомъ, который закладывается иломъ, когда судно впустятъ туда; а надо выпустить—илъ выкидывается на берегъ, въ кучу: работа нелегкая! Но что̀ значитъ трудъ для китайцевъ? Докъ принадлежитъ частному человѣку, англичанину, кажется. Большое пространство около дока завалено камфарными деревьями, необыкновенно длинными и толстыми. Этотъ лѣсъ идетъ на разныя корабельныя надобности.

Оттуда мы вышли въ слободку, окружающую докъ, и по узенькой улицѣ, наполненной лавчонками, дымящимися харчевнями, толпящимся, продающимъ, покупающимъ народомъ, вышли на рѣчку, прошли чрезъ съѣстной рынокъ, кое-гдѣ останавливаясь. Видѣли какіе-то неизвѣстные намъ фрукты, или овощи, темные, сухіе, немного похожіе видомъ на каштаны, но съ рожками. О. А. указалъ еще на орѣхи, называя ихъ „водяными грушами“.

В. А. К., который способенъ ѣсть все не морщась, что̀ попадетъ подъ руку—китовину, сивуча, что̀ хотите, пробуетъ все съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и не нахвалится. Много разныхъ подобныхъ лакомствъ, орѣховъ, пряниковъ, пастилъ и т. п. продается на китайскихъ улицахъ.

Съ рѣчки мы повернули направо и углубились въ поля. Точно залы, а не нивы. Мы шли по маленькимъ, возвышающимся надъ нивами тропинкамъ, которыя разграничиваютъ поля. На межахъ растутъ большія деревья. Деревень нѣтъ, все фермы. Каждый крестьянинъ живетъ отдѣльно въ огоро-

женномъ домѣ, среди своего поля, которое и обрабатываетъ. Похоже на Англію. На многихъ поляхъ видѣли надгробные памятники, то черезчуръ простые, то слишкомъ затѣйливые. Больше всего квадратные, или продолговатые камни, а на одномъ полѣ видѣли изваянныя, изъ бѣлаго камня, группы лошадей и всадниковъ. Грубо сдѣлано. Надо вспомнить, что и за артисты работаютъ эти вещи!

Пробираясь чрезъ большое поле гуськомъ, по узенькой тропинкѣ, мы вдругъ остановились всѣ четверо. Вдали шла процессія: носильщики несли... сундукъ не сундукъ — „гробъ", сказалъ кто-то. Мы бросились въ ту же сторону: она остановилась на одномъ полѣ. За гробомъ шло нѣсколько женщинъ, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ платьяхъ, повязанныя бѣлыми же платками, нѣсколько дѣтей и собака. Носильщики поставили гробъ, женщины выли, или „вопили", какъ говорятъ у насъ въ деревняхъ. Четыре изъ нихъ дѣлали это равнодушно, какъ будто по долгу приличія, а можетъ-быть, онѣ были и нанятыя плакальщицы; зато пятая, пожилая, заливалась горькими слезами. Тѣ, замѣтя насъ, застыдились и понизили голоса; дѣти робко смотрѣли на гробъ, собака съ повисшимъ хвостомъ, увидя насъ, тихо заворчала. Пятая женщина не обращала ни на что вниманія: она была поглощена горемъ. Рыдая, она что-то приговаривала; мы, конечно, не понимали словъ, но языкъ скорби одинъ вездѣ. Она бросалась на гробъ, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потомъ, со стономъ начинала опять свою плачевную пѣснь. Тяжело было смотрѣть: мы еще скорѣе пошли прочь, нежели пришли, но насъ далеко провожалъ голосъ ея, прерываемый всхлипываніями и рыданіями. На мѣстѣ, гдѣ поставили гробъ, не было могилы. Китайцы сначала оставляютъ гробы просто, иногда даже открытыми, и потомъ уже хоронятъ.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ разными овощами,

Фермы разсѣяны саженяхъ во стапятидесяти или двухстахъ другъ отъ друга. Заглядывали въ дома; „чинь-чинь“ говорили мы жителямъ: они улыбались и просили войти. Изъ дверей одной фермы выглянулъ китаецъ, сѣдой, въ очкахъ, съ огромными круглыми стеклами, державшихся только на носу. Въ рукахъ у него была книга. О. А. взялъ у него книгу, снялъ съ его носа очки, надѣлъ на свой, и сталъ читать вслухъ по-китайски, какъ по-русски. Китаецъ и ротъ разинулъ. Книга была—Конфуцій.

Мы пошли обратно къ городу, повременамъ останавливаясь и любуясь яркой зеленью посѣвовъ и правильно изрѣзанными полями, засѣянными рисомъ и хлопчатобумажными кустарниками, которые очень некрасивы безъ бумаги: просто сухіе, черные прутья, какіе остаются на выжженномъ мѣстѣ. Голоногіе китайцы, стоя по колѣно въ водѣ, вытаскивали пучки рисовыхъ колосьевъ и пересаживали ихъ на другое мѣсто.

Въ предмѣстьи мы опять очутились въ чаду китайской городской жизни; опять охватили насъ разные запахи, въ ушахъ раздавались крики разносчиковъ, трещанье и шипѣнье кухни, хлопанье на бумаго-прядильняхъ. Ахъ, какая духота! вонъ, вонъ, скорѣй на чистоту, мимо интересныхъ сценъ! Однакожъ, я успѣлъ замѣтить, что у одной лавки купецъ, со всѣми признаками нѣги, сидѣлъ на улицѣ, зажмуривъ глаза, а жена чесала ему сѣдую косу. Другіе у лавокъ ѣли, брились.

Подходя къ перевозу, мы остановились посмотрѣть прелюбопытную машину, которая качала изъ бассейна воду вверхъ на террасы, для орошенія полей. Это—длинная, движущаяся на своей оси лѣстница, ступеньки которой загребали воду и тащили вверхъ. Машину приводила въ движеніе корова, ходя по вороту кругомъ. Здѣсь, какъ въ Японіи, говядину не ѣдятъ: не достало бы мѣстъ для

настбищъ: скота держать столько, сколько нужно для работы, отъ этого и коровы не избавлены отъ ярма.

Мы скучно и безпечно жили до 15-го декабря, какъ вдругъ получены были съ почтой извѣстія о близкомъ разрывѣ съ западными державами. Съ часу на часъ ждали парохода съ ост-индской почтой: и если бъ она пришла съ извѣстіемъ о войнѣ, нашу шкуну могли бы захватить англійскія военныя суда. Нашъ 52-пушечный фрегатъ и 20-пушечный корветъ, конечно, сильнѣе здѣшнихъ судовъ, но они за 90 миль, а въ Вусунъ войти, по мелководью, не могутъ. Командиру шкуны и бывшимъ въ Шанхаѣ офицерамъ отдано было приказаніе торопиться къ Saddle Islands, для соединенія съ отрядомъ. Мнѣ предоставлено на волю: остаться, или воротиться потомъ на китайской лодкѣ. Это крытыя и большія лодки, изъ бамбука, гладкія, лакированныя, съ рѣзьбой и разными украшеніями. Но ѣхать на нихъ девяносто миль — мученье: тѣсно и безпокойно, да и окатитъ соленой водой не одинъ разъ.

Я не зналъ, на что рѣшиться, и мрачно сидѣлъ на своемъ чемоданѣ, пока товарищи мои шумно выбирались изъ трактира. Кули приходили и выходили, таская поклажу. Всѣ ушли; девятый часъ, а шкунѣ въ 10 часу велѣно уйти. Многіе изъ нашихъ обѣдаютъ у Каннингама, а другіе отказались, въ томъ числѣ и я. Это прощальный обѣдъ. Наконецъ я быстро собрался, позвалъ писаря нашего, который жилъ въ трактирѣ, для переписки бумагъ, велѣлъ привести двухъ кули и мы отправились.

Они на толстой бамбуковой жерди, съ большими крашеными фонарями, понесли мой чемоданъ, покрикивая „аа-аа-аа“. Я и писарь едва успѣвали слѣдовать за ними. Пришли къ пристани: темнота: ни души тамъ, ни одной лодки. Кули крикнулъ: изъ кучи джонокъ, слабо отозвался кто-то и замолчалъ, но никто не ѣхалъ. Кули обернулся въ дру-

гую сторону и крикнулъ громче. Около одного судна послышалась возня и зашевелилось весло: плыла лодка. Въ это же время послышалось сильное движеніе веселъ и отъ джонокъ. Наконецъ мы поѣхали; все темно; только рѣка блистала отъ звѣздъ, какъ стекло. Мы чрезъ полчаса едва добрались до шкуны. Вдали, въ городѣ, попаливали.

На шкунѣ биткомъ набито народу: нѣкоторымъ и сѣсть было негдѣ. Но въ Вусунѣ многіе отдѣлились на транспортъ и стало посвободнѣе. Спали на полу, по каютамъ, по лавкамъ—вездѣ, гдѣ только можно. Я легъ въ капитанской каютѣ, гдѣ горой лежали ящики, узлы, чемоданы. Бараны и куры, натисканные въ клѣткахъ, крикомъ безпрестанно напоминали о себѣ. Между ними была пара живыхъ фазановъ, которые, вѣроятно, въ первый разъ попали въ такое демократическое общество. Противъ меня лежалъ О. А. Онъ видно разсуждалъ о чемъ-нибудь, хотѣлъ, кажется, сказать что-то, да не успѣлъ и заснулъ. На лицѣ осталось раздумье, ротъ отворенъ, онъ опирается на локоть и табакерка въ рукѣ. „Непремѣнно упадетъ, думалъ я, лишь только качнетъ посильнѣе“. А покачивало. Я все ждалъ, какъ это случится, да и самъ заснулъ. Въ просонкахъ видѣлъ, какъ пришелъ К., посмотрѣлъ на насъ, на оставленное ему мѣсто, втрое меньше того, что̀ ему нужно по его росту, подумалъ и легъ, положивъ ноги на полъ, а голову куда-то, кажется, на полку. Пришелъ П. А. Т., учтиво попросилъ у насъ позволенія лечь на полу! „надѣюсь, что вы позволите мнѣ“, началъ онъ, по своему обыкновенію, краснорѣчиво, „занять мѣстечко: я не намѣренъ никого обременять, но въ подобномъ случаѣ тѣснота неизбѣжна, и потому“ и т. д. Ему никто не отвѣтилъ, всѣ спали или дремали; онъ вздохнулъ, разостлалъ какую-то кожу, потомъ свое пальто, и легъ съ явнымъ прискорбіемъ. Утромъ онъ горько жаловался мнѣ, что мое одѣяло падало ему на голову и щекотало по лицу.

Лишь только вышли за баръ, въ открытое море, Г. отдалъ обычную свою дань океану: глядя на него то же сдѣлалъ, съ великимъ неудовольствіемъ, О. А. Изъ неморяковъ, меня только одного ни разу не потревожила морская болѣзнь: я не испыталъ и не понялъ ее.

Къ вечеру мы завидѣли наши, качающіяся на рейдѣ суда, а часовъ въ семь бросили якорь и были у себя— дома. Дома! Что̀ называется иногда домомъ? Какая насмѣшка!

Прощайте. Не сѣтуйте, если это письмо покажется вамъ вяло, скудно наблюденіями, или фактами, и сухо: пеняйте столько же на меня, сколько и на Янсекіянъ и его берега: они тоже скудны и незанимательны, нельзя сказать только сухи: немудрено, что они такъ отразились и въ моемъ письмѣ.

III.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки. — Салютъ. — Полномочные и оба губернатора. — Привѣтствія; обѣдъ; разговоры. — Междометія. — Посѣщеніе полномочными фрегата. — Встрѣча; обѣдъ. — Подарки.—Японскія сабли.—Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ. — Подарки отъ Сіогуна. — Письма отъ верховнаго совѣта. — Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій. — Японскій новый годъ. — Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ.

Опять нагасакскій рейдъ.

Четверо сутокъ шли мы назадъ, отъ Saddle-Islands *домой*—такъ называли мы Нагасаки, гдѣ обжились въ три

мѣсяца, какъ дома, хотя и разсчитывали придти въ два дня. Но мы не разсчитывали на противный вѣтеръ, а онъ продержалъ насъ часовъ сорокъ почти на одномъ мѣстѣ. На этомъ коротенькомъ переходѣ не случилось ничего особеннаго. Я не упоминаю о качкѣ: и это не особенное въ морѣ. Въ концѣ четвертыхъ сутокъ, увидѣли острова Гото, потомъ все скрылось въ темнотѣ. До сихъ поръ хлопотали, какъ бы скорѣе придти, а тутъ начали стараться не приходить скоро. Убавили парусовъ, и стали дѣлать около пяти миль въ часъ, чтобы у входа быть не прежде разсвѣта. Мы незамѣтно подкрались въ Нагасаки.

Рано утромъ услыхалъ я шумъ, топотъ: повременамъ мелькала въ мое окошечко облитая солнцемъ зеленая вершина знакомаго холма. Ѳаддеевъ принесъ чай и сказалъ, что японецъ пріѣзжалъ ужъ съ бумагой, съ которой, по формѣ, является на каждое иностранное судно. „Да мы на якорѣ, что ли?" спросилъ я.—„Никакъ нѣтъ еще".—„Вѣдь мы на рейдѣ?" —Точно такъ".—„Зачѣмъ же дѣло стало?"—„Лавируемъ: противный вѣтеръ, не подошли съ полверсты".—Но вотъ и дошли, вотъ раздалась команда: изъ бухты вонъ!" потомъ „якорь отдать!" Стали: я вышелъ на палубу.

Немного холодно, какъ у насъ въ сентябрскій день съ солнцемъ, но тихо. Нагасакскій ковшъ синѣетъ, какъ само небо: вода чуть-чуть плещется. Холмы тѣ же, да не тѣ: бурые, будто выжженные солнцемъ. Такіе точно въ прошломъ году, мѣсяцемъ позже, явились мнѣ горы Мадеры. И здѣсь, какъ тамъ, молодая зелень проглядываетъ мѣстами, но какая разница! Тамъ цвѣтущіе сады, плющъ и виноградъ вьются фестонами по стѣнамъ, цвѣты стыдливо выглядываютъ изъ-за заборовъ, въ январѣ вѣетъ теплый воздухъ, растворенный кипарисомъ, миртомъ и эліотропомъ: тамъ храмы, виллы, вино, женщины—полная жизнь! Здѣсь—огороды съ рѣдькой и морковью, заборы, но безъ цвѣтовъ, деревянныя

кумирни, а не храмы, вмѣсто вина — саки; есть и женщины, но какія? Первая страница жизни — и вдобавокъ холодъ!

Опять пошло попрежнему. Вотъ и японцы ѣдутъ: баніосы: съ ними Сьоза. Они пріѣхали поздравить съ пріѣздомъ. Поговоривъ съ Н—мъ въ капитанской каютѣ, явились на ютъ къ адмиралу, съ почтеніемъ. Ойе-Саброски, съ дѣтскимъ личикомъ своимъ, былъ тутъ старшій. Присѣвъ передъ адмираломъ, онъ ужъ искалъ вокругъ глазами, какъ бы спалить что-нибудь. — „А! Г.! Г.!" закричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ, увидѣвъ меня, и засмѣялся: но его остановилъ серьёзный вопросъ: „тутъ ли полномочные?" — „Будутъ, чрезъ три дня", отвѣчалъ онъ чрезъ Сьозу. — „Если не будутъ", приказано было прибавить, „мы идемъ, куда располагали, въ Едо. Время дорого и терять его не станемъ. Полномочные, можетъ-быть, ужъ здѣсь, да вы не хотите намъ сказать". — „Нѣтъ, ихъ нѣтъ", начали они увѣрять. Угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они сейчасъ же скрылись.

Вечеромъ я читалъ у себя, въ каютѣ: слышу, за стѣной какъ будто колятъ лучину. „Что тамъ?" спрашиваю. — „Да японцы тутъ". — „Опять? Кто жъ это лучину ломаетъ?" — Это разговариваетъ Кичибе. Я пошелъ въ капитанскую каюту и засталъ тамъ Эйноске, Кичибе, старшаго изъ баніосовъ, *Хагивари Матаса*, опять Ойе-Саброски, и еще двухъ подставныхъ: все знакомыя лица. „Здравствуй, Эйноске! здравствуй, Кичибе!" — Кичибе загорланилъ мое имя, Эйноске подалъ руку, Ойе засмѣялся, а Хагивари потупился, какъ быкъ, и подалъ мнѣ кулакъ. Тутъ же былъ и тотъ подставной баніосъ, который однажды такъ ласково, какъ добрая тетка, смотрѣлъ на меня.

Ихъ повели къ адмиралу. „Губернаторы приказали кланяться и поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ", сказалъ Хагивари. Кичибе четыре раза повернулся на стулѣ,

крякнулъ и началъ давиться смѣхомъ, произнося каждый слогъ отдѣльно. „Благодарите губернаторовъ за вниманіе“, отвѣчали имъ. Кичибе перевелъ отвѣтъ: всѣ четыре бритыя головы баніосовъ наклонились разомъ. Опять Хагивари сказалъ что-то. „Ихъ превосходительства, губернаторы, приказали освѣдомиться о здоровьѣ“, переводилъ Кичибе.—„Благодарите. Надѣемся, что и они здоровы“, приказано отвѣчать.—Поклонъ и отвѣтъ: „совершенно здоровы“.—„Губернаторы желаютъ“, продолжалъ Кичибе, „чтобы впредь здоровье полномочнаго было удовлетворительно“. — Имъ пожелали того же самаго.

Богъ знаетъ, когда бы кончился этотъ разговоръ, если бъ баніосамъ не подали наливки и не повторили вопросъ: тутъ ли полномочные? Они объявили, что полномочныхъ нѣтъ и что они будутъ, не чрезъ три дня, какъ ошибкой сказали намъ утромъ, а чрезъ пять, и притомъ эти пять дней надо считать съ 8 или 9-го декабря... Имъ не дали договорить.—„Если въ субботу, сказано имъ (а это было въ среду) они не пріѣдутъ, то мы уйдемъ“.—Они стали торговаться, упрашивать подождать только до ихъ пріѣзда, „а тамъ дѣлайте, какъ хотите“, прибавили они.

Очевидно, что губернатору велѣно удержать насъ и онъ ждалъ высшихъ лицъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность во всемъ, что бы мы ни предприняли. Впрочемъ, положительно сказать ничего нельзя: можетъ-быть, полномочные и дѣйствительно тутъ—какъ добраться до истины? всѣ средства къ обману на ихъ сторонѣ. Они могутъ сказать намъ, что одинъ какой-нибудь полномочный заболѣлъ въ дорогѣ и что трое не могутъ начать дѣла безъ него и т. п.—повѣрить ихъ невозможно.

Мы еще съ утра потребовали у нихъ воды и провизіи въ такомъ количествѣ, чтобъ намъ стало надолго, если бъ мы пошли въ Едо. Баніосы привезли съ собой много живности,

овощей, фруктовъ и—не ящики, а цѣлые сундуки конфетъ, въ подарокъ отъ губернаторовъ. Имъ замѣтили, что ужъ разъ было отказано въ принятіи подарка, потому что губернаторъ не хотѣлъ самъ принимать отъ насъ ничего. Начались опять упрашиванья. Кичибе вылѣзалъ совсѣмъ изъ своихъ халатовъ, которыхъ, по случаю зимы, было на немъ до пяти, чтобъ убѣдить, но напрасно. Провизію велѣно было сгрузить назадъ въ шлюпки.

Тогда переводчики попросили позволенія съѣздить къ губернаторамъ, узнать ихъ отвѣтъ. Баніосы остались. Имъ показывали картинки, заводили маленькій органъ, всячески старались занять ихъ, а между тѣмъ губернаторскій подарокъ пирамидой лежалъ на палубѣ. Свиньи, съ связанными ногами, дѣлали отчаянныя усилія встать и издавали пронзительный визгъ; пѣтухи, биткомъ набитые въ плетеную корзинку, дрались между собою, несмотря на тѣсноту; куры неистово кудахтали. По палубѣ носился запахъ чесноку, рѣдьки и апельсиновъ. „Хи, хи, хи!“ твердилъ попрежнему въ каютѣ Кичибе, а Эйноске, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, разспрашивалъ меня англійскимъ ломанымъ языкомъ, гдѣ мы были. „Въ Китаѣ“, сказалъ я.—„Что видѣли?“—„Много, между прочимъ войну инсургентовъ съ имперіалистами“.—„А еще?“—„Еще...“ Я зналъ, чего онъ добивается, но мнѣ хотѣлось помучить его.—„Еще американцевъ“, сказалъ я. „Кого же?“ живо перебилъ онъ.—„Коммодора Перри...“—„Коммодора Перри?...“ повторилъ онъ еще живѣе.—„Не видали, а видѣли капитана американскаго корвета „Саратога!“—„Саратога!...“ Все это знакомыя японцамъ имена судовъ, бывшихъ въ Едо.—„Гдѣ жъ Перри? въ Соединенныхъ Штатахъ?“ спросилъ онъ, подвинувъ носъ свой почти вплоть къ моему носу.—„Нѣтъ, не въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Амоѣ“.—„Въ Амоѣ?“—„Или въ Нинпо“.—„Въ Нинпо?“—„А можетъ-быть и въ Гон-Конгѣ“, замѣтилъ я равнодушно.

Чрезъ полчаса онъ передалъ этотъ разговоръ Хагивари: я слышалъ названія: „Амой, Ниппо, Гон-Конгъ“. Тотъ записалъ.

— Что бы вамъ съѣздить хоть въ Шанхай, сказалъ я Ойноске:—тамъ бы вы увидѣли образчикъ европейскаго города.

— О, да, отвѣчалъ онъ:—мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы ѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль обольщаетъ меня.

— Да вотъ въ Россію поѣдемъ, говорилъ я. — Какіе города, храмы, дворцы! какое войско увидѣлъ бы тамъ!

— Въ Россію, нѣтъ, живо перебилъ онъ:—тамъ женщинъ нѣтъ!

— Кто это вамъ сказалъ? замѣтилъ я:—какъ женщинъ нѣтъ: plenty (много)! Да вы женаты?

— Да: у меня есть десятимѣсячная дочка: на-дняхъ ей оспу прививали.

— Такъ что жъ вамъ за дѣло до женщинъ? спросилъ я.

Онъ усмѣхнулся. Каковъ японскій донъ-Жуанъ!

Къ вечеру пришло отъ губернатора согласіе принять подарки. Насчетъ пріѣзда полномочныхъ губернаторъ опять просилъ дать срокъ, вмѣсто субботы, до четверга, прибавивъ, что они имѣютъ полное довѣріе отъ правительства и большія права. Это все затѣмъ, чтобъ заинтересовать насъ ихъ пріѣздомъ. Баніосы сказали, что полномочные имѣютъ до шестисотъ человѣкъ свиты съ собой, и потому ѣдутъ медленно и не всѣ четверо вдругъ, а по одному. На это приказано отвѣчать, что если губернаторъ поручится, что въ четвергъ назначено будетъ свиданіе, тогда мы подождемъ, въ противномъ случаѣ уйдемъ въ Едо.

Такое рѣшеніе, повидимому, очень обрадовало ихъ; поэтому можно было заключить, что если не всѣ четверо, то хоть одинъ полномочный да былъ тутъ.

Живо убрали съ палубы привезенныя отъ губернатора

конфеты и провизію и занялись распредѣленіемъ подарковъ съ нашей стороны. Въ этотъ же вечеръ съ баніосами отправили только подарокъ первому губернатору, Овосавѣ Бунгоно: малахитовые столовые часы, съ группой бронзовыхъ фигуръ, да двѣ хрустальныя вазы. Кромѣ того, послали ликеровъ, хересу и нѣсколько головъ сахару. У нихъ рафинаду нѣтъ, а есть только сахарный песокъ.

Надо было прибрать подарокъ другому губернатору, оппер-баніосамъ, двумъ старшимъ и всѣмъ младшимъ переводчикамъ, всего человѣкамъ двадцати. Хлопотъ бездна: нужно было перевернуть весь трюмъ на транспортѣ, достать зеркала, сукна, матеріи, карманные часы и т. п., потомъ назначать, кому что. Въ этомъ предстояло немалое затрудненіе: всѣхъ главныхъ лицъ мы знали по имени, а прочихъ нѣтъ; ихъ помнили только въ лицо: оттого въ спискѣ у насъ они значились подъ именами: косого, тощаго, рябого, колченогаго, а другіе носили названіе нѣкоторыхъ нашихъ земляковъ, на которыхъ походили. Кое-какъ уладили и это. Дня два возились съ подарками. Другому губернатору подарили трюмо, коврикъ и два разноцвѣтные, комнатные фонаря. Баніосамъ по зеркалу, еще сукна и матеріи на халаты. Никто не былъ забытъ, кто чѣмъ-нибудь былъ полезенъ. Самымъ мелкимъ чиновникамъ, подъ надзоромъ которыхъ возили воду и провизію, и тѣмъ дано было по халату и по какой-нибудь вещицѣ.

Сукна у японцевъ нѣтъ и не всѣ они знаютъ о его употребленіи. Имъ нарочно дарили его, чтобъ они узнавали, что это такое, и привыкали носить. Потребность есть: зимой они носятъ по три, по четыре халата изъ льняной матеріи, которые не замѣнятъ и одного суконнаго. А простой народъ ходитъ, когда солнце грѣетъ, совсѣмъ нагой, а въ холодъ накидываетъ на плечи какую-то тряпицу. Жалко было смотрѣть на бѣдняковъ, какъ они, съ обнаженною

грудью, плечами и ногами, тряслись, посинѣлые отъ холода, ожидая часа по три на своихъ лодкахъ, пока баніосы сидѣли въ каютѣ.

Еще дарили имъ зеркала, вмѣсто которыхъ они употребляютъ полированный металлъ, или даже фарфоръ; раздавали картинки, термометры, компасы, дамскіе несессеры, словомъ, все, что̀ могло возбудить любопытство и обратиться въ потребность.

На другой день, 24-го числа, въ рождественскій сочельникъ, погода была великолѣпная: трудно забыть такой день. Небо и море—это одна голубая масса: воздухъ теплый, безъ движенія. Какъ хорошъ Нагасакскій заливъ! и самые Нагасаки, облитые солнечнымъ свѣтомъ, походили на что-то путное. Между бурыми холмами, кое-гдѣ ярко зеленѣли молодые всходы новаго посѣва риса, пшеницы, или овощей. Поглядишь къ морю—это безконечная лазоревая пелена.

Въ этотъ день, вмѣстѣ съ баніосами, явился новый чиновникъ, по имени *Синоуара Томотаро*, принадлежащій къ свитѣ полномочныхъ и пріѣхавшій будто бы впередъ, а вѣроятнѣе вмѣстѣ съ ними. Всѣ они привезли увѣреніе, что губернаторъ отвѣчаетъ за свиданіе, т.-е. что оно состоится въ четвергъ. И такъ, мы остаемся.

Настала наконецъ самая любопытная эпоха нашего пребыванія въ Японіи: завязывается путемъ дѣло, за которымъ прибыли, въ одно время, экспедиціи отъ двухъ государствъ. Мы толкуемъ, споримъ между собой о томъ, что̀ будетъ: вѣрнаго вывода сдѣлать нельзя съ этимъ младенческимъ, отсталымъ, но лукавымъ народомъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, я говорилъ о способѣ ихъ дѣйствія: тутъ, какъ ни знай сердце человѣческое, какъ ни будь опытенъ, а трудно дѣйствовать, по обыкновеннымъ законамъ ума и логики, тамъ, гдѣ нѣтъ ключа къ міросозерцанію, нравственности и нравамъ народа, какъ трудно разговаривать на его языкѣ, не имѣя грамматики и лексикона.

Вчера предупредили японцевъ, что намъ должно быть отведено хорошее мѣсто, но ни одно изъ тѣхъ, которыя они показывали прежде. Они были готовы къ этому объясненію. Хагивари сейчасъ же вынулъ и планъ изъ-за пазухи и указалъ, гдѣ будетъ отведено мѣсто: подлѣ города гдѣ-то.

„Тамъ есть кумирня", прибавилъ онъ: „бонзы на время выберутся оттуда". Кромѣ того, есть домъ, или два, откуда тоже выгоняютъ какихъ-то чиновниковъ. Завтра К. Н. П—тъ, по приказанію адмирала, ѣдетъ осмотрѣть. Губернаторы, кажется, всѣ силы употребляютъ угодить намъ, или, по крайней мѣрѣ, показываютъ видъ, что угождаютъ. Совсѣмъ противное тому, что̀ было три мѣсяца назадъ! Впечатлѣніе, произведенное въ Едо нашимъ прибытіемъ, назначеніе оттуда, для переговоровъ съ нами, высшихъ сановниковъ и, наконецъ, вѣроятно, данныя губернаторамъ инструкціи, какъ обходиться съ нами—все это много сбавило спѣси у ихъ превосходительствъ.

Мы на этотъ разъ подошли къ Нагасаки такъ тихо въ темнотѣ, что насъ съ мыса Номо и не замѣтили, и стали давать знать съ батарей въ городъ выстрѣлами о нашемъ приходѣ въ то время, когда уже мы становились на якорь. Мы застали японцевъ врасплохъ. Ни одной караульной лодки не было на рейдѣ; часа черезъ три онѣ стали-было являться, и довольно близко отъ насъ, но мы послали катеръ отбуксировать ихъ дальше. Шкуна и транспортъ вошли далеко въ нагасакскій заливъ и мы расположились какъ у себя дома. Лодки исчезли и уже не появлялись болѣе. Губернаторы предупреждаютъ наши желанія.

Сегодня, 26-го, чиновники пріѣзжали опять благодарить за подарки и опять показывали планъ мѣста. Ихъ тоже поблагодарили за провизію.

Рождество у насъ прошло, какъ будто мы были въ Россіи. Проводивъ японцевъ, отслушали всенощную, вчера

обѣдню и молебствіе, поздравили другъ друга, потомъ обѣдали у адмирала. Послѣ играла музыка. Эйноске, видя всѣхъ въ парадной формѣ, спросилъ, какой праздникъ. Хотя съ ними избѣгали говорить о христіанской религіи. но я сказалъ ему (надо же пріучать ихъ понемногу ко всему нашему): затѣмъ сюда пріѣхали.

Кажется, недалеко время, когда опять проникнетъ сюда Слово Божіе и водрузится крестъ, но такъ, что уже никакія силы не исторгнутъ его. Когда-то? Не дастъ ли Богъ намъ сдѣлать хотя первый и робкій шагъ къ тому? Хлопотъ будетъ не мало съ здѣшнимъ правительствомъ—такъ прочна (правительственная) система отчужденія отъ цѣлаго міра! Приняты всѣ мѣры противъ сближенія: не легко познакомить народъ съ нашимъ бытомъ и склонить его на сторону европейцевъ. Пока нѣтъ приманки, нѣтъ и искушеній: правительство понимаетъ это и строго запрещаетъ привозъ всякихъ предметовъ роскоши, и особенно новыхъ. Нашихъ подарковъ не дали чиновникамъ въ руки. Эйноске сказывалъ вчера, что списокъ вещамъ отправляютъ въ Едо, и если оттуда пришлютъ разрѣшеніе, тогда и раздадутъ ихъ. На все у нихъ запрещеніе: сегодня П—тъ даетъ баніосамъ серебряные часы, которые забыли отослать третьяго дня въ числѣ прочихъ подарковъ: чего бы, кажется, проще, какъ взять да прибавить къ прочимъ? Нѣтъ, нельзя, надо губернатора спросить, а тотъ отнесется въ совѣтъ, совѣтъ къ Сіогуну, тотъ къ Микадо—и пошло! Еще сказали имъ сегодня, что мѣсто поѣдутъ посмотрѣть съ П—мъ трое, вмѣсто двоихъ, какъ сказано прежде. Опять сомнѣніе и въ этихъ пустякахъ: даже готовились, послѣ долгихъ совѣщаній, отказать, да ихъ не послушали.

И такъ во всемъ одинъ неизмѣнный порядокъ. Нарушить это, обратить ихъ къ здравому смыслу, ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только силой. Они долго не допустятъ

свободно ходить по своимъ городамъ, ѣздить внутрь страны, заводить частныя сношенія, даже и тогда, когда рѣшатся начать торговлю съ иностранцами. Если теперь японцамъ уже нельзя подчинить эту торговлю такимъ же ограниченіямъ, какимъ подчинены сношенія съ голландцами, то, съ другой стороны, иностранцамъ нельзя добровольно склонить ихъ дѣйствовать совершенно на европейскій ладъ. Ни хитрость, ни убѣжденія—не помогутъ. Одна надежда на ихъ трусость. Угроза со стороны европейцевъ и желаніе мира со стороны японцевъ, помогутъ выторговать у нихъ отмѣну нѣкоторыхъ стѣсненій. Словомъ, только внѣшнія чрезвычайныя обстоятельства, какъ я сказалъ прежде, могутъ потрясти ихъ систему, хотя народъ самъ по себѣ и способенъ къ реформамъ.

Сегодня, 28-го декабря, русскаго стиля, пріѣхали, Хагивари, Ойе-Саброски и Сабро, сказать, что полномочные прибыли. Эйноске и Кичибе, и тѣ были въ парадныхъ шелковыхъ халатахъ, въ новыхъ кофтахъ (всегда черныхъ) и въ шелковыхъ юбкахъ. Первое свиданіе назначено въ четвергъ. Адмиралъ желаетъ, чтобы полномочные пріѣхали на фрегатъ, такъ какъ онъ уже былъ на берегу и передалъ бумаги отъ своего правительства, слѣдовательно теперь они, имѣя сообщить адмиралу отвѣтъ, должны также привезти его сами. Но еще не рѣшено, какъ это должно произойти.

Мѣсто видѣли: говорятъ, хорошо. Съ К. Н. Посьетомъ ѣздили: В. А. Римскій-Корсаковъ, И. В. Фуругельмъ и К. И. Лосевъ. Мѣсто отведено на лѣвомъ мысу, при входѣ изъ пролива на внутренній рейдъ. Сегодня говорили баніосамъ, что надо фрегату подтянуться къ берегу, чтобъ недалеко было ѣздить туда. Опять затрудненія, совѣщанія и наконецъ всегдашній отвѣтъ „спросимъ губернатора".

Спросили и губернатора, тотъ говоритъ, что надо еще

*

кое-что убрать, что чиновники и бонзы не перебрались оттуда. Вчера и сегодня шли толки о свиданіи. Адмиралъ объявилъ, что не останется въ Нагасаки, если 1 (13) января не будетъ свиданія. Онъ приказалъ сказать, что ждетъ полномочныхъ къ себѣ, а они отвѣчали, что просятъ къ себѣ, говоря, что устали съ дороги. Адмиралъ предложилъ имъ нѣкоторыя условія, и подозрѣвая, что они не упустятъ случая, по обыкновенію, промедлить, объявилъ, что даетъ имъ сроку до вечера. Баніосы вечеромъ пріѣхали сказать, что полномочные согласны и просили дать имъ записку объ этихъ условіяхъ. Дали.

Сегодня, 30, просыпаемся, говорятъ, что Кичибе и Эйноске сидятъ у насъ съ шести часовъ утра—вотъ какъ живо стали поворачиваться! Первому особенно—бѣда: „люблю лежать и ничего не дѣлать!“ твердитъ онъ. Пріѣхали баніосы и привезли бумагу, на голландскомъ и японскомъ языкахъ, въ которой изъявлено согласіе на всѣ условія, за исключеніемъ только двухъ: что, 1-е, *команда наша съѣдетъ на указанное мѣсто завтра же*. Говорятъ: еще несовсѣмъ готово мѣсто и просятъ подождать три дня: 2-е, *полномочные пріѣдутъ не на другой день къ намъ, а черезъ два дня*.

Адмиралъ не взялъ на себя трудъ догадываться, зачѣмъ это, тѣмъ болѣе, что японцы вѣрятъ въ счастливые и несчастные дни, и согласился лучше поѣхать къ нимъ, лишь бы за пустяками не медлить, а заняться дѣломъ.

Главныя условія свиданія состояли въ томъ, чтобы *одинъ изъ полномочныхъ встрѣтилъ адмирала при входѣ въ домъ, чтобы при угощеніи обѣдомъ или завтракомъ, присутствовали и они*, а не какъ хотѣлъ Овосава: накормить безъ себя. Далѣе, что *караулъ нашъ будетъ состоять изъ сорока человѣкъ, кромѣ музыкантовъ; офицеровъ будетъ втрое больше прежняго; что поѣдемъ мы на девяти шлюпкахъ. Наконецъ, мы съ своей стороны, встрѣтимъ полномоч-*

ныхъ у себя съ должнымъ почетомъ, и между прочимъ будемъ салютовать пушечными выстрѣлами, если только они этого пожелаютъ.

На послѣднее полномочные сказали, что дадутъ знать о салютѣ за день до своего пріѣзда. Но адмиралъ рѣшилъ, не дожидаясь отвѣта о томъ, примутъ ли они салютъ себѣ, салютовать своему флагу, какъ только наши катера отвалятъ отъ фрегата. То-то будетъ переполохъ у нихъ! Все остальное будетъ попрежнему, т.-е. суда расцвѣтятся флагами, люди станутъ по реямъ и—такъ далѣе.

1854 годъ.

1 (13) января. Съ новымъ годомъ! Какъ вы проводили старый и встрѣтили новый годъ? Какъ всегда: собрались, по обыкновенію, танцовали, шумѣли, играли въ карты, потомъ зѣвнули не разъ, ожидая боя полночи, поймали наконецъ вожделѣнную минуту и взялись за бокалы—все одно, какъ пять, десять лѣтъ назадъ?

Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ провести послѣдній день стараго года какъ-то иначе, непохоже ни на что прежнее. Я обѣдалъ въ этотъ день у японскихъ вельможъ! Слушайте же, если вамъ не скучно, подробный разсказъ обо всемъ, что я видѣлъ вчера. Не берусь одѣвать всѣ вчерашнія картины и сцены въ ихъ оригинальный и яркій колоритъ. Обѣщаю одно: вѣрное, до добродушія, сказаніе о томъ, какъ мы провели вчерашній день.

Назначено было отвалить намъ отъ фрегата въ одиннадцать часовъ утра. Но извѣстно, что часъ и назначаютъ затѣмъ, чтобъ только знать, на сколько пріѣхать позже назначеннаго времени—такъ заведено въ хорошемъ обществѣ. И мы, какъ люди хорошаго общества, отвалили въ половинѣ перваго.

Вы улыбаетесь при словѣ *отваливать:* въ хорошемъ обществѣ оно не въ ходу: но у насъ, здѣсь, *отваливай*— фешёнэбльное слово.

Мы отвалили. Ѣхали на девяти шлюпкахъ, которыя растянулись на версту. Порядокъ тотъ же, какъ и въ первую поѣздку въ городъ, т.-е. впереди ѣхалъ капитанъ-лейтенантъ Посьетъ, на адмиральской гичкѣ, чтобъ встрѣтить и разставить на берегу караулъ: далѣе, на барказѣ, самый караулъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ: за нимъ катеръ съ музыкантами; потомъ катеръ со стульями и слугами. слѣдующіе два занимали офицеры: человѣкъ пятнадцать со всѣхъ судовъ. Наконецъ адмиральскій катеръ: въ немъ, кромѣ самого адмирала, помѣщались командиры со всѣхъ четырехъ судовъ: И. С. Уньковскій. капитанъ-лейтенанты. Р. Корсаковъ. Назимовъ и Фуругельмъ. лейтенантъ баронъ Крюднеръ. переводчикъ съ китайскаго языка, О. А. Гошкевичъ, и вашъ покорнѣйшій слуга. Затѣмъ ѣхали два вельбота и еще гичка, съ нѣкоторыми офицерами.

Люди стали по реямъ и проводили насъ, попрежнему, троекратнымъ „ура": разноцвѣтные флаги. опять въ одно мгновеніе развязались и пали на снасти. какъ внезапно брошенная сверху куча цвѣтовъ. Музыка заиграла народный гимнъ. Впечатлѣніе было все то же, что̀ и въ первый разъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ салюта: это была новость. Мнѣ хотѣлось видѣть, что̀ японцы?

Да, я забылъ сказать, что, за полчаса до назначеннаго времени, пріѣхалъ, какъ и въ первый разъ, старшій послѣ губернатора въ городѣ чиновникъ сказать. что полномочные ожидаютъ насъ. За нимъ, по японскому обычаю. тянулся цѣлый хвостъ баніосовъ и прочаго всякаго чина. Чиновникъ выпилъ чашку чаю, двѣ рюмки sherry brandy (вишневой наливки) и уѣхалъ.

Только японцы стали садиться на лодки. какъ адмиралъ

поручилъ К. Н. Посьету сказать переводчикамъ, чтобы баніосы велѣли всѣмъ японскимъ лодкамъ подальше отойти отъ фрегата: салютовать, дескать, будутъ. Заранѣе онъ извѣщать объ этомъ не хотѣлъ, предвидя со стороны губернаторовъ возраженія и просьбы не салютовать. Баніосы такъ и оцѣпенѣли отъ этой неожиданной новости. Одинъ занесъ-было ногу на трапъ, чтобъ сойти, да и остался на нѣсколько секундъ съ поднятой ногой. Вся толпа остановилась за нимъ, а старшій чиновникъ сидѣлъ ужъ въ своей лодкѣ и ждалъ другихъ. Очнувшись, баніосъ побѣжалъ къ нему передать новость и тотчасъ же воротился съ просьбою не салютовать, подождать, пока они дадутъ знать губернатору. Этого-то и не хотѣли. „Некогда, некогда", торопили мы ихъ: „поѣзжайте скорѣе, мы сейчасъ сами ѣдемъ". Нейдутъ съ лодки, да и только, все стоятъ у трапа, упрашиваютъ.

Мы предвидѣли смущеніе японцевъ и не могли удерживаться отъ смѣха. Я слышу слово „misverstand" отъ переводчика и подхожу узнать, что̀ такое: онъ говоритъ, что на ихъ батареяхъ люди не предупреждены о салютѣ, и оттого выйдетъ *недоразумѣніе:* станутъ, пожалуй, палить и они. „Нужды нѣтъ, пусть палятъ", говорятъ имъ: „такъ и слѣдуетъ—отвѣчать на салютъ". Все не рѣшаются уходить. „Пора, пора", торопили ихъ: „сейчасъ будутъ палить: вонъ ужъ пошли по орудіямъ". Давно бы надо было сказать такъ. Раздалось такое дружное щелканье соломенныхъ сандалій по трапу, какого еще, кажется, не было. Они уѣхали и увели съ собой всѣ лодки.

Тронулись съ мѣста и мы. Только зашли наши шлюпки за носъ фрегата, какъ изъ бока послѣдняго вырвался клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ, и вдругъ горы проснулись и разомъ затрещали эхомъ, какъ будто какой-нибудь гигантъ закатился хохотомъ. Другой выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлъ на корветѣ, опять у насъ, опять тамъ: хохотъ въ горахъ

удвоился. Выстрѣлы повторялись: то раздавались на обоихъ судахъ въ одно время, то перегоняли другъ друга: горы выходили изъ себя, а губернаторы, вѣроятно, пуще ихъ.

Если *японскому глазу больно*, какъ выразился губернаторъ въ первое свиданіе, видѣть чужія суда въ портахъ Японіи, то японскому уху еще, я думаю, больнѣе слышать ревъ чужихъ пушекъ. Ихъ пушки малы и выстрѣлы не будили горъ. Я смотрѣлъ на лодки, на японскія батареи: нигдѣ никакого движенія, только двѣ собаки мечутся взадъ и впередъ и ищутъ мѣста спрятаться, да негдѣ: побѣгутъ отъ выстрѣла къ горамъ, а оттуда гонитъ ихъ эхо. Но кончилось: пушки замолчали, горы опять заснули, собаки успокоились, на высотахъ показалось нѣсколько длиннополыхъ японскихъ фигуръ. Гребцы наши молчаливо, но сильно налегали грудью на весла. Мы углубились уже далеко въ заливъ, а дымъ отъ выстрѣловъ все еще лѣнивымъ узоромъ крался по водѣ, направляясь тихонько къ морю. Издали, съ передового катера, слабо доносились къ намъ звуки музыки.

Мы быстро двигались впередъ мимо знакомыхъ уже прекрасныхъ бухтъ, холмовъ, скалъ, лѣсковъ. Я занялся тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ, т.-е. мысленно уставлялъ всѣ эти пригорки и рощи храмами, дачами, бесѣдками и статуями, а воды залива—пароходами и чащей мачтъ; берега населялъ европейцами: мнѣ ужъ видѣлись дорожки парка, скачущія амазонки: а ближе къ городу, снились факторіи, русская, американская, англійская...

Японскія лодки кучей шли и опять выбивались изъ силъ, торопясь перегнать насъ, особенно ближе къ городу. Ихъ гребцы то примолкнутъ, то вдругъ заголосятъ отчаянно: „оссильянъ! оссильянъ!" Наши невольно заразятся ихъ крикомъ, пріударятъ веслами, да вдругъ какъ будто одумаются и начнутъ опять покойно рыть воду.

Наконецъ надо же и совѣсть знать, пора и пріѣхать. Въ

этомъ японскомъ, по преимуществу тридесятомъ государствѣ, можно еще оправдываться и тѣмъ, что „скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается“. Чуть ли эта поговорка не здѣсь родилась и перешла по сосѣдству съ Востокомъ, и къ намъ, какъ и многое другое... Но мы выросли и поговорка осталась у насъ въ сказкахъ.

Въ Японіи, напротивъ, еще до сихъ поръ скоро дѣла не дѣлаютъ и не любятъ даже тѣхъ, кто имѣетъ эту слабость. Отъ нашихъ судовъ до Нагасаки три добрыя четверти часа ѣзды. Японцы часто къ намъ ѣздятъ: ну что бы пригласить насъ стать у города, чтобъ самимъ не терять попустому время на переѣзды? Нельзя. Почему? Надо спросить у верховнаго совѣта, верховный совѣтъ спроситъ у Сіогуна, а тотъ пошлетъ къ Микадо.

Японскія лодки непремѣнно хотѣли пристать всѣ вмѣстѣ съ нашими: можете себѣ представить, что изъ этого вышло. Одна лодка становилась поперекъ другой, и всѣ стѣснились такъ, что если бъ имъ поручили не пустить насъ на берегъ, то онѣ лучше бы сдѣлать не могли того, какъ сдѣлали теперь, чтобъ пустить.

Потомъ пошло все попрежнему, т.-е. музыканты, караулъ, все стояло на своихъ мѣстахъ. И японскія войска разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги, т.-е. тѣ же солдаты, съ картонными шапками на головахъ и ружьями, или quasi-ружьями въ чехлахъ, ноги врозь и колѣни впередъ. И лошадь была тутъ, которой я опять не замѣтилъ, и норимоны, и старикъ съ сонными глазами, и толпа переводчиковъ, и баніосы. Японцы, подобравъ халаты, забывъ важность, пустились за нами вприпрыжку, бѣгомъ, теряя туфли, чтобъ поспѣть къ дому прежде насъ. Въ сѣняхъ сидѣли на пяткахъ тѣ же лица, но на крыльцѣ стоялъ, по уговору, младшій изъ полномочныхъ, въ какомъ-то странномъ головномъ уборѣ.

Мы не успѣли разсмотрѣть его хорошенько. Онъ пошелъ впередъ и мы за нимъ. По амфиладѣ разсажено было менѣе чиновниковъ, нежели въ первый разъ. Мы толпой вошли въ пріемную залу. По этимъ мирнымъ галлереямъ не раздавалось, можетъ-быть, никогда такого шума и движенія. Здѣсь, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, скользили доселѣ, точно тѣни, незамѣтно отъ самихъ себя, японскіе чиновники, пробираясь иногда ползкомъ: а теперь вотъ уже въ другой разъ раздаются такіе крѣпкіе шаги!

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу, отодвинулись, точно кулисы, ширмы съ противоположной стороны, и оттуда выдвинулись медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные. Показался нѣсколько согбенный старикъ: отъ старости ротъ у него постоянно былъ немного открытъ. За нимъ другой, лѣтъ сорока-пяти, съ большими карими глазами, съ умнымъ и бойкимъ лицомъ. Третій, очень пожилой человѣкъ, худощавый и смуглый, съ поникшимъ взоромъ, какъ будто проведшій всю жизнь въ затворничествѣ, и немного съ птичьимъ лицомъ. Четвертый — среднихъ лѣтъ: у этого было очень обыкновенное лицо, какихъ много, не выражающее ничего, какъ лопата. На такихъ лицахъ можно сразу прочесть, что, кромѣ ежедневныхъ будничныхъ заботъ, они о другомъ думаютъ мало.

Они стали всѣ четверо въ рядъ—и мы взаимно раскланялись. Съ правой стороны, подлѣ полномочныхъ, помѣстились оба нагасакскіе губернатора, а по лѣвую еще четыре, пріѣхавшіе изъ Едо, повидимому, важныя лица. Сзади полномочныхъ сѣли ихъ оруженосцы, держа богатыя сабли въ рукахъ: налѣво, у оконъ, усажены были въ рядъ чиновники, вѣроятно тоже изъ Едо: по крайней мѣрѣ мы знакомыхъ лицъ между ними не замѣтили.

Всѣ четверо полномочные были въ широкихъ мантіяхъ, изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами

матеріи, которая едва сжималась въ складки: рукава у кисти были чрезвычайно широкіе: спереди, отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матеріи нагрудникъ: подъ мантіей обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые же. У старика матерія зеленая, у второго бѣлая, въ родѣ моаръ, только съ рѣдкими полосами. У всѣхъ четырехъ полномочныхъ, и у губернаторовъ тоже, на головѣ наставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью, коронка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коронки эти дѣлаются, какъ я послѣ узналъ, изъ папье маше. У двоихъ чиновниковъ, помѣщавшихся налѣво отъ полномочныхъ, коронки были одинаковой съ ними формы, а у слѣдующихъ двухъ, одна треугольная, другая квадратная, обѣ плоскія. У старшихъ коронки прикрѣплялись пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми, а у младшихъ черными шнурками. Все бы еще ничего, но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника, шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги.

Эта одежда присвоена какому-то чину или должности. Вообще весь этотъ костюмъ былъ самый парадный, какъ наши полные мундиры. Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ японца, съ нѣсколько-поникшей головой, въ этой мантіи, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка какъ можно неудобнѣе, чтобъ ему нельзя было не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты: шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней. И когда видишь японцевъ, сидящихъ на пяткахъ, то скажешь только.

что эта вся аммуниція какъ нельзя лучше пригнана къ сидячему положенію и что тогда она не лишена своего рода величавости, и даже красива. Эти куски богатой шелковой матеріи, волнами обильно обвивающіе тѣло, прекрасно драпируются около лѣнивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи.

Обѣ стороны молча съ минуту поглядѣли другъ на друга, измѣряя глазами съ ногъ до головы—мы ихъ, они насъ. Нашъ знакомый, Овосава Бунгоно, недавно еще съ такимъ достоинствомъ и гордостью принявшій насъ, перешелъ на второй планъ, онъ лицомъ приходился прямо въ ухо старику и стоялъ, потупя взглядъ, не поворачиваясь, ни направо, ни налѣво. Только изрѣдка, украдкой, онъ косился на насъ. И было за что: ему оставалось отдежурить всего какой-нибудь мѣсяцъ и ѣхать въ Едо, а теперь онъ, по милости нашей, сидитъ полтора года, и Богъ знаетъ, сколько времени еще просидитъ! Другой губернаторъ, Мизно Чикогоно, былъ съ лица не мудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ.

Полномочные сдѣлали знакъ, что хотятъ говорить, и мгновенно, откуда ни возьмись, подползли къ ихъ ногамъ, изъ двухъ разныхъ угловъ, какъ два ужа, Эйноске и Кичибе.

Они приложили лбы къ полу и слушали въ этомъ положеніи, едва дыша. Началъ старикъ. Мы такъ и впились въ него глазами: старикъ очаровалъ насъ съ перваго раза: такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, голосѣ, во всѣхъ чертахъ, свѣтилась старческая, умная, и привѣтливая доброта—плодъ долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки. Кромѣ того, у него были манеры, обличающія порядочное воспитаніе. Онъ началъ говорить,

но губы и языкъ уже потеряли силу: онъ говорилъ медленно; говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости.

Кичибе приподнялъ голову, подавился немного и потомъ уже перевелъ привѣтствіе. Старикъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Адмиралъ отвѣчалъ тоже привѣтствіемъ. Кичибе поклонился въ землю и перевелъ. Старикъ заговорилъ опять такое же форменное привѣтствіе командиру судна: но эти офиціальныя выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы, какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннѣе. И дѣйствительно, послѣ сказалъ. Но теперь онъ продолжалъ привѣтствія К. Н. Посьету, взявшему на себя трудъ быть переводчикомъ, наконецъ всѣмъ офицерамъ.

Лишь только кончилъ старикъ, какъ чиновникъ, стоявшій съ лѣвой стороны и бывшій чѣмъ-то въ родѣ церемоній-мейстера, кликнулъ шопотомъ: „Эйноске!“ и показалъ на второго полномочнаго. Эйноске быстро подползъ къ ногамъ второго и приложилъ лобъ къ полу: тотъ повторилъ тѣ же привѣтствія и въ такомъ же порядкѣ. Переводчики ползкомъ подскочили къ третьему и четвертому полномочнымъ, и наконецъ къ губернаторамъ. Всѣ они поочереди повторяли поздравленіе, твердо произнося русскія имена. Имъ отвѣчено было адмираломъ благодарственнымъ привѣтствіемъ отъ себя и отъ всѣхъ.

Все это дѣлалось стоя, всѣ были въ парадѣ: шелковыхъ юбокъ не оберешься. Видно, что собраніе было самое торжественное. Кичибе и Эйноске были тоже въ шелку: креповая черная, или голубая мантильи, съ бѣлыми гербами на спинѣ и плечахъ, шелковый халатъ, такая же юбка и бѣлые бумажные чулки.

Пока говорились привѣтствія, я опять забылся, какъ въ

первое свиданіе съ губернаторомъ: это было только второе въ томъ же родѣ, но съ болѣе яркимъ колоритомъ. Глазъ и мысль не успѣли привыкнуть къ новости зрѣлища. Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что няня разсказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ? кто кругомъ меня, съ этими бритыми лбами, смуглыми, какъ у мумій щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ, съ подавленными вздохами, вырываются, неуловимые для нашего уха, глухіе звуки? Ужъ не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что это за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ; кругомъ золоченыя ширмы, съ изображеніемъ аистовъ — эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четыреугольныхъ, деревянныхъ столбовъ; она безъ потолка, изъ тесаныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали первые люди. Гдѣ же я?

Иллюзія, которою я тѣшилъ себя, продолжалась недолго: вонъ одинъ отжившій, самый древній, именно старикъ, вынулъ изъ-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодралъ листъ и высморкался въ него, потомъ бросилъ бумажку, какъ въ бездну, въ свой неизмѣримый рукавъ. „А! это живые!“

Насъ попросили *отдохнуть* и выпить чашку чаю въ ожиданіи, пока будетъ готовъ обѣдъ. Ну, слава Богу! мы среди живыхъ людей: здѣсь ѣдятъ. Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я, бывало, описаніе чужихъ обѣ-

довъ, т.-е. чужихъ народовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ, помните, и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у китайцевъ, у японцевъ! И вотъ и эта мечта моя исполнилась. Я pique-assiette отъ Лондона до Едо. Что будетъ, какъ подадутъ, какъ сядутъ—все это занимало насъ.

Въ „отдыхальнѣ“ подали чай, на который просили обратить особенное вниманіе. Это толченый чай, самаго высокаго сорта: онъ родится на одной горѣ, о которой подробно говоритъ Кемпферъ. Часть этого чая идетъ собственно для употребленія двора Сіогуна и Микадо, а часть, пониже сортъ, для высшихъ лицъ. Его толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ чашку съ кипяткомъ—и чай готовъ. Чай превосходный, крѣпкій и ароматическій: но намъ онъ показался не совсѣмъ вкусенъ, потому что былъ безъ сахара. Мы однакожъ превознесли его до небесъ.

Послѣ чая подали трубки и табакъ, потомъ конфеты, опять въ такихъ же, чрезвычайно гладко обтесанныхъ, сосновыхъ ящикахъ, у которыхъ даже углы были не составные, а цѣльные. Что за чистота, за тщательность въ отдѣлкѣ! А между тѣмъ ящикъ этотъ дѣлается почти на одну минуту: чтобъ подать въ немъ конфеты и потомъ отослать къ гостю домой, а тотъ конечно броситъ. Конфеты были — тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ, опять морковь, кажется, да еще что-то въ этомъ родѣ, потомъ разныя подобія рыбы, яблока и т. п., все изъ краснаго и бѣлаго риса.

Около насъ сидѣли на полу переводчики; изъ баніосовъ я видѣлъ только Хагиварн, да Ойе-Саброски. При губернаторѣ они боялись взглянуть на насъ, а можетъ-быть и не очень уважали, пока изъ Едо не прислали полномочныхъ, которые дѣлаютъ намъ торжественный и почетный пріемъ. Тогда и прочіе зашевелились, не знаютъ гдѣ посадить, жмутъ руку, улыбаются, угощаютъ.

Черезъ полчаса церемоніймейстеръ пришелъ звать насъ

къ обѣду. Онъ извинялся, что тѣснота не позволяетъ обѣдать всѣмъ вмѣстѣ и что общество разсядется по разнымъ комнатамъ. Адмирала, П. С. У., К. Н. П. и меня, ввели опять въ пріемную залу; съ нами обѣдали только два старшихъ полномочныхъ, остальные вышли вонъ. Зала такъ просторна, что въ ней могли бы пообѣдать, безъ всякой тѣсноты, человѣкъ шестьдесятъ: но японцы для каждаго изъ насъ поставили по особому столу. Полномочные сидѣли на своихъ возвышеніяхъ, на которыя имъ и ставили блюда.

Вотъ появилось ровно шесть слугъ, по числу гостей, каждый съ подносомъ, на которомъ лежало что-то завернутое въ бумагѣ, рыба, какъ мнѣ казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потомъ вошли и унесли ихъ: передъ нами остались пустые, ничѣмъ не накрытые столы, сдѣланные, нарочно для насъ, изъ кедроваго дерева. „Ну, обычай не совсѣмъ патріархальный", подумалъ я: „что бы это значило?" — „Это нашъ обычай", сказалъ старикъ: „подавать блюдо съ „этимъ" на столъ и сейчасъ уносить: *это* у насъ — символъ пріязни". А *это*—была не рыба, какъ мнѣ показалось сначала, а какая-то тесьма, видомъ похожая на вязигу. Я принялъ-было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредствомъ ея, къ скаламъ. Такъ вотъ видите: это у нихъ и есть символъ симпатіи, привязанности, или буквально „прилипчивости".

Опять появилось шестеро, точно въ сказкѣ—молодцовъ, сказалъ бы я, если бъ была малѣйшая тѣнь молодцоватости. Я былъ бы снисходителенъ, не требовалъ бы многаго, но не было ничего, похожаго по нашимъ понятіямъ, на человѣческую красоту въ цѣломъ собраніи. Старикъ былъ красивѣе всѣхъ своею старческою, обворожительною красотою ума и добродушія, да второй полномочный еще могъ нравиться умомъ и смѣлостью лица, пожалуй и Овосава хорошъ, съ затаенною мыслію, или чувствомъ на лицѣ, и если съ чув-

ствомъ, то вѣрно непріязни къ намъ. Остальные же всѣ— хоть не смотрѣть. Эйноске развѣ недуренъ, и то потому, что похожъ на европейца и носитъ на лицѣ слѣдъ мысли и образованія. Но Боже мой! въ какомъ онъ положеніи, и Кичибе тоже! Они распростерлись на полу между нами и полномочными, какъ двѣ лягавыя собаки, готовясь... ѣсть — вы думаете? нѣтъ, переводить.

Слуги между тѣмъ продолжали ставить передъ каждымъ гостемъ красныя лакированныя подставки, величиной со скамеечки, что̀ дамы ставятъ у насъ подъ ноги. Слуга подходилъ, ловко и мѣрно поднималъ подставку, въ знакъ почтенія, наравнѣ съ головой, падалъ на колѣни, и съ ловкимъ, мѣрнымъ движеніемъ, ставилъ тихонько передъ гостемъ. Шесть разъ подходили слуги и поставили шесть подставокъ. Но никто ничего еще не трогалъ. Всѣ подставки тѣсно уставлены были деревянными, лакированными чашками, величиной и формой похожими на чайныя, только безъ ручки; каждая чашка покрыта деревяннымъ же блюдечкомъ. Тутъ были также синія, фарфоровыя, обыкновенныя чашки, все съ кушаньемъ, и еще небольшія, съ соей. Ко всему этому поданы были двѣ палочки.

„Ну, это значитъ быть безъ обѣда“, думалъ я, поглядывая на двѣ гладкія, бѣлыя, совсѣмъ тупыя спицы, которыми нельзя взять, ни твердаго, ни мягкаго кушанья. Какъ же и чѣмъ ѣсть? На сосѣда моего У., видно, нашло такое же раздумье, а можетъ-быть, заговорилъ и голодъ, только онъ взялъ обѣ палочки и грустно разглядывалъ ихъ. Полномочные разсмѣялись, и наконецъ рѣшились приняться за обѣдъ. Въ это время вошли опять слуги, и каждый несъ на подносѣ серебряную ложку и вилку, для насъ.

„Въ доказательство того, что все поданное употребляется въ пищу“, сказалъ старикъ: „мы начнемъ первые. Не угодно ли открыть чашки и кушать, что̀ кому понравится?“

„Ну-ка, что въ этой чашкѣ?“ шепнулъ я сосѣду, открывая чашку: рисъ вареный, безъ соли. Соли нѣтъ, не видать, и хлѣба тоже нѣтъ.

Я подержалъ чашку съ рисомъ въ рукахъ и поставилъ на свое мѣсто. „Вотъ въ этой что?“ думалъ я, открывая другую чашку: въ ней была какая-то темная похлебка; я взялъ ложку и попробовалъ—вкусно, въ родѣ нашихъ бураковъ, и коренья есть.

„Мы употребляемъ рисъ при всякомъ блюдѣ“, замѣтилъ второй полномочный: „не угодно ли кому-нибудь перемѣнить, если поданный уже простылъ?“ Церемоніймейстеръ, съ широкимъ, круглымъ лицомъ, съ плоскимъ, и нѣсколько вздернутымъ, широкимъ же, арабскимъ носомъ, стоя подлѣ возвышенія, на которомъ сидѣли оба полномочные, взглядомъ, и едва замѣтнымъ жестомъ, распоряжался прислугою.

Сзади Эйноске сидѣли на пяткахъ двое слугъ, одинъ съ чайникомъ, другой съ деревянной лакированной кружкой, въ которой былъ горячій рисъ.

Мы между тѣмъ переходили отъ чашки къ чашкѣ, изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ. „Попробуйте“, говорилъ мнѣ вполголоса П.: „какъ хорошъ винегретъ изъ раковъ въ синей чашкѣ. Раки посыпаны тертой рыбой, или икрой; тамъ зелень, еще что-то“.—„Я ее всю съѣлъ“, отвѣчалъ я; „а вы пробовали сырую рыбу?“—„Нѣтъ, гдѣ она?“—„Да вотъ нарѣзана длинными тесьмами...“—„Ахъ! не-уже-ли это сырая рыба? а я почти половину съѣлъ!“ говорилъ онъ съ гримасой.

Въ другой чашкѣ была похлебка съ рыбой, въ родѣ нашей селянки. Я открылъ, не помню, пятую или шестую чашку: въ ней кусочекъ рыбы плавалъ совершенно въ чистомъ и свѣтломъ бульонѣ, какъ горячая вода. Я думалъ, что это уха, и проглотилъ ложки четыре, но мнѣ показалось невкусно. Это дѣйствительно была горячая вода—и больше ничего.

Сосѣдъ мой старался ѣсть палочками и возбуждалъ, да и мы всѣ тоже, не одну улыбку окружавшихъ насъ японцевъ. Не разъ многіе закрывали ротъ рукавомъ, глядя, какъ недовѣрчиво и пытливо мы вглядываемся въ кушанья, и какъ сначала осторожно пробуемъ ихъ. Но я съ третьей чашки пересталъ пробовать и съѣлъ остальное безъ всякаго анализа, и все одной и той же ложкой, прибѣгая часто къ рису, за недостаткомъ хлѣба. Помню, что была жареная рыба, вареныя устрицы, а можетъ-быть и моллюскъ какой-нибудь, похожій вкусомъ на устрицу. О. А. Г. сказывалъ, что тутъ были трепанги: я ѣлъ что-то черное, хрупкое и слизистое, но не знаю что. Попадалось мнѣ что-то сладкое, груша, кажется, облитая краснымъ, сладкимъ соусомъ, потомъ хрустѣло на зубахъ соленое и моченое: соленое—рѣдька, замѣняющая японцамъ соль. Въ синей фарфоровой чашкѣ натискано было какое-то тѣсто, отзывавшееся яичницей, тутъ же вареная морковь. Потомъ въ горячей водѣ плавало крылышко утки, съ вареной зеленью.

Сзади всѣхъ подставокъ, поставлена была особо еще одна подставка передъ каждымъ гостемъ, и на ней лежала цѣлая жареная рыба, съ загнутыми кверху хвостомъ и головой. Давно я собирался придвинуть ее къ себѣ и протянулъ было руку, но второй полномочный замѣтилъ мое движеніе. „Эту рыбу почти всегда подаютъ у насъ на обѣдахъ", замѣтилъ онъ: „но ее никогда не ѣдятъ тутъ, а отсылаютъ гостямъ домой, съ конфетами". Одно путное блюдо и было, да и то не ѣдятъ! Охъ, ужъ эти мнѣ эмблемы да символы!

Слуга подходилъ ко всѣмъ и протягивалъ руку: я думалъ, что онъ хочетъ отбирать пустыя чашки, отдалъ ему три, а онъ чрезъ минуту принесъ мнѣ ихъ опять съ тѣми же кушаньями. Что мнѣ дѣлать? Я подумалъ, да и принялся опять за похлебку, сталъ-было приниматься вторично за вареную рыбу, но собесѣдники мои перестали дѣйствовать и я

унялся. Хозяевамъ очень нравилось, что мы ѣдимъ; старикъ ласково поглядывалъ на каждаго изъ насъ и отъ души смѣялся усиліямъ моего сосѣда ѣсть палочками.

Къ концу обѣда слуги явились съ дымившимися чайниками. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что тамъ такое.— „Теперь надо выпить саки", сказалъ старикъ, и слуги стали наливать въ красныя, почти плоскія лакированныя чашки. разогрѣтый напитокъ. Мы выпили по чашечкѣ. Намъ еще прежде, между прочей провизіей, доставлено было нѣсколько кувшиновъ этого саки, и тогда оно намъ не понравилось. Теплый онъ лучше; похоже вкусомъ на слабый, выдохшійся ромъ. *Саки*—перегнанное вино изъ риса. Потомъ налили опять. Мы стали-было отговариваться, но старикъ объявилъ, что надо выпить до трехъ разъ. Мы выпили и въ третій разъ, и наши хозяева тоже. Пока мы ѣли, намъ безпрестанно подбавляли горячаго риса. Послѣ саки вновь принесли дымившійся чайникъ: я думалъ, не опять ли саки, но старикъ предложилъ, не хотимъ ли мы теперь выпить—„горячей воды!" Это что за шутка? Нашелъ лакомство! „Нѣтъ, не хотимъ", отвѣчали ему. Однакожъ я подумалъ, что ужъ если обѣдать по-японски, такъ надо вполнѣ обѣдать, и потому попробовалъ и горячей воды: все такъ же нехорошо, какъ если бъ я попробовалъ ее и за русскимъ столомъ. „Ну, не хотите ли полить рисъ горячей водой и съѣсть?" предложилъ старикъ. И этого не хотимъ. Между тѣмъ оба полномочные подставили плоскодонныя чашки, имъ налили кипятку и они выпили. Они объяснили, что они утоляютъ жажду горячей водой.

Хозяева были любезны. Пора назвать ихъ: старика зовутъ Тсутсуй Хизе-но-Ками Сама, второго Кавадзи Сойемон-но-Ками... нѣтъ, не Ками, а Дзіо Сама, это все равно: Дзіо и Ками означаютъ равный титулъ; третій Алао Тосанно Ками Сама; четвертаго... забылъ, послѣ скажу. Впрочемъ

оба послѣдніе приданы только для числа и бо̀льшей важности, а въ сущности они сидѣли съ поникшими головами и молча слушали старшихъ двухъ, а можетъ-быть и не слушали, а просто засѣдали.

Послѣ обѣда подали чай, съ какимъ-то оригинальнымъ запахомъ: гляжу: на днѣ гвоздичная головка—какое варварство, и еще въ странѣ чая!

Старикъ все поглядывалъ на насъ дружески, съ улыбкой.

„Мы пріѣхали изъ-за многихъ сотенъ“, началъ онъ мямлить: „а вы изъ-за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ друга не видали, были такъ далеки между собою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно!“ Мы не знали, какъ благодарить его за это привѣтливое выраженіе общаго тогда намъ чувства. И у насъ были тѣ же мысли, то же впечатлѣніе отъ странности такихъ сближеній. Мы благодарили ихъ за пріемъ, хвалили обѣдъ. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что нахожу въ нѣкоторыхъ блюдахъ сходство съ европейскими, и вижу, что японцы, какъ люди порядочные, кухней не пренебрегаютъ. Въ самомъ дѣлѣ, рыба подъ бѣлымъ соусомъ—хоть куда. Если бъ ко всему этому дать хлѣба, такъ можно даже наѣсться почти до-сыта. Безъ хлѣба какъ-то странно было на желудкѣ: сытъ не сытъ, а ѣсть больше нельзя. Послѣ обѣда одолѣваетъ не дремота, какъ обыкновенно, а только задумчивость. Но я смѣялся, вспомнивъ, что̀ пишутъ о японскомъ столѣ и, между прочимъ, что они будто готовятъ кушанье на касторовомъ маслѣ. А у нихъ и обыкновенное деревянное масло употребляется рѣдко, и только съ зеленью; все же прочее жарится и варится на водѣ, съ примѣсью саки и сои. Потомъ сказали мы хозяевамъ, что изъ всѣхъ народовъ крайняго востока, японцы считаются у насъ, по описаніямъ, первыми—по умѣнью жить, по утонченности нравовъ, и что мы теперь видимъ это на опытѣ.

Наконецъ кончился обѣдъ. Все унесли и чрезъ пять минутъ подали чай и конфеты, въ знакомыхъ уже намъ ящикахъ. Тамъ были подобія бамбуковыхъ вѣтвей изъ леденца, лентъ, сердецъ, потомъ рыбы, этой альфы и омеги японскаго стола, отъ нищаго до вельможи, далѣе, какой-то тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ и рисовыя конфеты.

Когда убрали наконецъ все, адмиралъ сказалъ, что онъ желалъ бы сдѣлать полномочнымъ два вопроса по дѣлу, которое его привело сюда, и просилъ отвѣчать сегодня же. Старикъ вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, высморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ, разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличія и законы гостепріимства. Адмиралъ замѣтилъ, что это отнюдь не помѣшаетъ возникающей между нами пріязни: что вопросы эти не потребуютъ какихъ-нибудь мудреныхъ отвѣтовъ, а просто двухъ словъ, *да* или *нѣтъ*. Мы видѣли, что имъ лѣнь говорить о дѣлѣ. Вообще и важные сановники, и неважные, послѣ обѣда выражались больше междометіями, которыхъ невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались изъ всѣхъ угловъ. О дѣлѣ неприлично говорить, а это ничего!

Адмиралъ согласился прислать два вопроса на другой день, на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобъ они къ вечеру же отвѣчали на нихъ. „Какъ же мы можемъ обѣщать это", возразили они, „когда не знаемъ, въ чемъ состоятъ вопросы?" Имъ сказано, что мы знаемъ вопросы и знаемъ, что можно отвѣчать. Они обѣщали сдѣлать, что̀ можно, и мы разстались большими друзьями.

Съ музыкой, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхали, при ясной и теплой погодѣ, воротились мы на фрегатъ. Дорогой къ пристани мы заглядывали за занавѣски и видѣли узень-

кую улицу, тощія деревья и прятавшихся женщинъ. „И хорошо дѣлаютъ, что прячутся, чернозубыя!“ говорили нѣкоторые. „Кисель виноградъ...“ скажете вы. А женщины дѣйствительно чернозубыя: только до замужества хранятъ онѣ естественную бѣлизну зубовъ, а по вступленіи въ бракъ чернятъ ихъ какимъ-то составомъ.

Ѳаддеевъ, бывшій въ числѣ нашихъ слугъ, сказалъ, что и ихъ всѣхъ угостили, и на этотъ разъ хорошо. „Чего жъ вамъ дали?“ спросилъ я.—„Красной и бѣлой каши:—да что, в. в.. съ души рветъ“. —„Отчего?“ —„Да рыба—словно кисель, безъ соли, хлѣба нѣтъ!“

Вслѣдъ за нами явилось къ фрегату множество лодокъ, и старшій чиновникъ спросилъ, довольны ли мы: это только предлогъ, а собственно ему поручено проводить насъ и донести, что онъ *доставилъ насъ* въ цѣлости на фрегатъ. Случись съ нами что-нибудь, несчастіе, непріятность, хотя бы отъ провожатыхъ и не зависѣло отвратить ее, имъ бы досталось.

Черезъ часъ каюты наши завалены были ящиками: въ большомъ рыба, что̀ подавали за столомъ, старая знакомая, въ другомъ сладкій, и очень вкусный хлѣбъ, въ третьемъ конфеты. „Вынеси рыбу вонъ“, сказалъ я Ѳаддееву. Вечеромъ я спросилъ, „куда онъ ее дѣлъ?“—„Съѣлъ съ товарищами“, говоритъ.—„Что жъ, хороша?“—„Есть душокъ, а хороша“, отвѣчалъ онъ.

На другой день, 1-го января 1854 г., пріѣхалъ Эйноске условиться о завтрашнемъ днѣ. Увидя насъ всѣхъ въ праздничныхъ платьяхъ, онъ спросилъ о причинѣ. Ему сказали, что у насъ наступилъ новый годъ. Онъ поздравилъ: мы велѣли подать шампанскаго, до котораго онъ, кажется, большой охотникъ. И онъ, и два бывшіе съ нимъ баніоса, подпили: тѣ покраснѣли, а Эйноске, смѣсью англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ на-

рѣчіемъ, извинялся, что много пилъ и, въ подтвержденіе этого, забылъ у насъ свою мантилью на собачьемъ мѣху. Онъ выучился пить шампанское у американцевъ, и какъ скоро: тѣ пробыли всего шесть дней!

А свѣжо: зима въ полномъ разгарѣ, всего шесть градусовъ тепла. Небо ясно: ночи свѣтлыя; вода сильно искрится. Вообще, судя по тому, что мы до сихъ поръ испытали, можно заключить, что Нагасаки—одинъ изъ благословенныхъ уголковъ міра по климату. Ровная погода: когда вѣтеръ съ сѣвера—ясно и свѣжо, съ юга—наноситъ дождь. Но мы видѣли больше яснаго времени.

Завтрашняго дня не было, то-есть у насъ готовился неслыханный и невиданный праздникъ и не состоялся. Праздникъ этотъ важный фактъ, доказывающій, что все безсильно передъ временемъ и обстоятельствами. Давно ли всѣ крайневосточные народы, японцы особенно, считали насъ, европейцевъ, немного хуже собакъ? не хотѣли знаться, дичились, чуждались? И насъ губернаторъ хотѣлъ принять съ такимъ, съ такою... глупостью, слѣдовало бы сказать, съ гордостью, скажу учтивѣе: а теперь четыре важные японскіе сановника сами ѣдутъ къ намъ въ гости! Кажется, небывалый еще примѣръ въ сношеніяхъ японцевъ съ иностранцами! Они просили отсрочки на два дня и, вмѣсто пятницы, какъ обѣщали-было сначала, назначили воскресенье. У нихъ случились тутъ какіе-то праздники и оттого они отложили.

Да, Эйноске, между прочимъ, пріѣзжалъ съ Хагивари, объясниться насчетъ салюта. Мы ожидали, что вчера, при свиданіи, скажутъ намъ что-нибудь объ этомъ. Но ни слова: хозяева вполнѣ уважили законы гостепріимства. Зато теперь Хагивари пріѣхалъ съ упрекомъ отъ губернатора за салютъ. Ему отвѣчали сначала шуткой, потомъ замѣтили, что они сами не сказали ничего рѣшительнаго о томъ, принимаютъ ли нашъ салютъ, или нѣтъ, оттого мы, думая, что

они примутъ его, салютовали и себѣ. Они стали просить не палить больше. „Теперь нѣтъ повода—и не станемъ, если только полномочные не хотятъ, чтобъ имъ палили". отвѣчалъ П—тъ. „Не хотятъ, не хотятъ!" подтвердили они. „А если другой адмиралъ придетъ сюда", спросилъ Эйноске заботливо, „тогда будете палить?"—„Мы не предвидимъ, чтобы пришелъ сюда какой-нибудь адмиралъ", отвѣчали ему, „оттого и не полагаемъ, чтобъ понадобилось палить".

Въ этомъ вопросѣ крылся, кажется, другой: не придутъ ли англичане? Японцы уже выразили однажды предположеніе, что вслѣдъ за нами вѣроятно придутъ и другія націи, съ предложеніями о торговлѣ.

Въ новый годъ, вечеромъ, когда у насъ всѣ уже легли, пріѣхали два чиновника отъ полномочныхъ, съ двумя второстепенными переводчиками, Сьозой и Льодой, и привезли отвѣтъ на два вопроса. К. Н. П—тъ спалъ; я ходилъ по палубѣ и встрѣтилъ ихъ. Въ бумагѣ сказано было, что полномочные теперь не могутъ отвѣчать на предложенные имъ вопросы, потому что у нихъ есть отвѣтъ верховнаго совѣта на письмо изъ Россіи, и что, по прочтеніи его, адмиралу, можетъ-быть, отвѣты на эти вопросы и не понадобятся. Нечего дѣлать, надо было подождать.

Мы занялись приготовленіями къ встрѣчѣ невиданныхъ на европейскихъ судахъ гостей. Сколько возни, хлопотъ, соображеній, истратилось въ эти два дня! Смѣшать и посадить всѣхъ гостей за одинъ столъ, какъ бы сдѣлали въ Европѣ, невозможно. Здѣсь соблюдается такая строгая постепенность въ званіяхъ, что несоблюденіемъ ея, какъ разъ, наживешь враговъ. Вообще нужна большая осторожность въ обращеніи съ ними, тѣмъ болѣе, что изученіе приличій составляетъ у нихъ важную науку, за неимѣніемъ пока другихъ. Еще Гвальтьери, говоря о японцахъ, замѣчаетъ, что наша вѣжливость у нихъ—невѣжливость, и на-

оборотъ. Напримѣръ: встать передъ гостемъ, говорить онъ, у нихъ невѣжливо, а надо сѣсть. Мы снимаемъ шляпу въ знакъ уваженія, а они—туфли. Мы, выходя изъ дома, надѣваемъ плащъ, а они—широкіе панталоны, или юбку, которую будто-бы снимаютъ при входѣ въ домъ. (Посѣщая насъ, они не снимали ее: не измѣнился ли обычай и въ самой Японіи со времени Гвальтьери?) Наши русые волосы и бѣлые зубы имъ противны: у нихъ женщины сильно чернятъ зубы; чернили бы и волосы, если бъ они и безъ того не были чернѣе сажи. У насъ женщины, въ *интересномъ положеніи*, какъ это называютъ нѣкоторые, надѣваютъ широкія блузы, а у нихъ сильно стягиваются: по разрѣшеніи отъ бремени, у насъ и мать, и дитя моютъ теплой водой (кажется, такъ?), а у нихъ холодной. Не знаю, отчего Гвальтьери, приводя эти противоположности, тутъ же кстати не упомянулъ, что за обѣдомъ у нихъ запиваютъ кушанья, какъ сказано выше, горячей водой, а у насъ холодной. Или это они недавно выдумали?

Да, это все такъ; эту параллель можно продолжать, пожалуй, еще. Мнѣ, напримѣръ, не случалось видѣть, чтобъ японецъ прямо ходилъ, или стоялъ, а непремѣнно полусогнувшись, руки постоянно держитъ наготовѣ, на колѣняхъ, и такъ и смотритъ по сторонамъ, нельзя ли кому поклониться. Лишь только завидитъ кого-нибудь равнаго себѣ, сейчасъ колѣни у него начинаютъ сгибаться, онъ точно извиняется, что у него есть ноги, потомъ онъ быстро наклонится, будто переломится пополамъ, руки вытянетъ по колѣнямъ, и на нѣсколько секундъ оцѣпенѣетъ въ этомъ положеніи: послѣ вдругъ выпрямится и опять согнется, и такъ до трехъ разъ, и больше. А иногда два японца, при встрѣчѣ, такъ и разойдутся въ этомъ положеніи, т.-е. согнувшись, если не нужно остановиться и поговорить. Слуги у нихъ бѣгаютъ тоже полусогнувшись и приложивъ обѣ ладони

къ колѣнямъ, чтобъ недолго было падать на полъ, когда понадобится. Передъ высшимъ лицомъ японецъ быстро падаетъ на полъ, садится на пятки и поклонится въ землю. У самихъ полномочныхъ тоже голова всегда клонится долу: всѣ они сидятъ съ поникшими головами, по привычкѣ, въ свою очередь, падать ницъ передъ высшими лицами. Полномочнымъ, конечно, не приходится упражнять себя въ этомъ, пока они въ Нагасаки; а въ Едо?

Утромъ 4-го января, фрегатъ принялъ праздничный видъ: вымытая, вытертая пескомъ и камнями, въ ущербъ моему ночному спокойствію, палуба бѣлѣла какъ полотно: мѣдь ярко горѣла на солнцѣ; снасти уложены были красивыми бухтами, изъ которыхъ въ одной помѣстился общій баловень нашъ, котъ Васька. Всѣ нарядились. На ютѣ устроили, изъ сигнальныхъ флаговъ, палатку, и въ ней сѣдалища изъ ковровъ для четырехъ полномочныхъ, и стулья для нихъ свиты. Въ адмиральской каютѣ, роскошно и безъ того убранной, устроены были такія же сѣдалища, для нихъ же, за особымъ столомъ. Другой столъ приготовленъ былъ для адмирала и для троихъ изъ его свиты. За маленькимъ столикомъ, особо, долженъ былъ помѣщаться японскій церемоніймейстеръ. Для переводчиковъ приготовили-было два стула, но они ни сѣсть на нихъ, ни обѣдать не смѣли, а расположились на пяткахъ, на полу.

Часовъ въ 11 пріѣхали баніосы, съ подарками отъ полномочныхъ адмиралу. Всѣ вещи помѣщались въ простыхъ деревянныхъ ящикахъ, а ящики поставлены были на деревянныхъ же подставкахъ, похожихъ на носилки съ ножками. Эти подставки замѣняютъ отчасти наши столы. Японцамъ кажется неуважительно поставить подарокъ на полъ. На каждомъ ящикѣ положены были свертки бумаги, опять съ символомъ „прилипчивости“.

Но что за вещи прислали они—заглядѣнье! Одинъ при-

слалъ шкатулку, черную, лакированную, съ золотыми рельефами храмовъ, бесѣдокъ, горъ, деревьевъ. Лакъ необыкновенно густъ, черенъ, не сходитъ, говорятъ, десятки лѣтъ, и чистъ какъ зеркало. Такихъ лакированныхъ вещей нигдѣ нѣтъ. Другая коробочка испещрена красно-золотистыми, потонувшими въ лакѣ, искрами. При шкатулкѣ были разныя бездѣлки: курительница для порошковъ, которую японцы носятъ на поясѣ, и еще какія-то принадлежности. Другой подарилъ чернильницу, съ золотыми украшеніями, со всѣмъ приборомъ для письма, съ тушью, кистями, стопой бумаги, и даже съ восковыми раскрашенными свѣчами.

Но самымъ замѣчательнымъ и дорогимъ подаркомъ была сабля, и по достоинству, и по значенію. Подарокъ сабли у нихъ служитъ несомнѣннымъ выраженіемъ дружбы. Японскіе сабельные клинки, безспорно, лучшіе въ свѣтѣ. Ихъ строго запрещено вывозить. Клинки у нихъ испытываются, если Эйноске не лгалъ, палачомъ надъ преступниками. Мастеръ отдаетъ ихъ, по выдѣлкѣ, прямо палачу, а тотъ пробуетъ, сколько головъ (!?) можно перерубить разомъ. Мастеръ чеканитъ число головъ на клинкѣ. Это будто бы и служитъ у нихъ оцѣнкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубаетъ, какъ говорилъ Эйноске, три головы. Сабли считаются драгоцѣнностью у японцевъ. Клинокъ всегда блеститъ какъ зеркало: на него, какъ говорятъ, не надышатся. У Эйноске сабля, подаренная ему другомъ, существуетъ, по словамъ его, около пятисотъ лѣтъ.

Я не знаю толку въ сабляхъ, но не могъ довольно налюбоваться на блескъ и отдѣлку клинка, подарка Кавадзи. Ножны у ней сдѣланы, кажется, изъ кожи акулы, и всѣ зашиты въ шелкъ, чтобъ предостеречь отъ ржавчины. Старикъ Тсутсуй подарилъ дорогія украшенія къ этой саблѣ, насѣчки и т. п. Подарокъ знаменательный, особенно при началѣ дѣлъ нашихъ! Полномочные сами не разъ давали понять намъ, что

подарокъ этотъ выражаетъ отношенія Японіи къ Россіи. Оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что подарокъ сдѣланъ, конечно, съ согласія, и даже по повелѣнію правительства, безъ воли котораго ни одинъ японецъ, кто бы онъ ни былъ, ни принять, ни дать ничего не смѣетъ. Одинъ разъ Эйноске тихонько сказалъ П—ту, что нашъ матросъ подарилъ одному японцу пустую бутылку.—„Ну, такъ что жъ?“ спросилъ тотъ. „Позвольте прислать ее назадъ“, убѣдительно просилъ Эйноске: „иначе худо будетъ: достанется тому, кто принялъ подарокъ“. — „Да вы бросьте въ воду“. — „Нельзя: мы привеземъ, а вы ужъ и бросьте, пожалуй, сами“.

Каковъ народъ! какова система огражденія отъ контрабанды всякаго рода! Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введеніе христіанства, на просвѣщеніе, когда такъ глухо заперто зданіе и ключъ потерянъ? Какъ и когда придетъ все это? А придетъ, нѣтъ сомнѣнія, хотя и нескоро.

Въ Китаѣ началось и дѣятельно продолжается. Когда я ѣхалъ въ Шанхай, я думалъ, что тамъ, согласно нанкинскому трактату, далѣе опредѣленной черты, европейцу нельзя и шагу сдѣлать: а между тѣмъ мы исходили всѣ окрестности и знаемъ ихъ почти, какъ петербургскія. Всего десять лѣтъ прошло съ открытія пяти портовъ въ Китаѣ—и европейцы почти совсѣмъ овладѣли ими. Все дѣлается исподоволь, понемногу. Напримѣръ, въ Китаѣ иностранцамъ позволено углубляться внутрь страны на такое разстояніе, чтобы въ одинъ день можно было на лошади вернуться домой: а американскій консулъ въ Шанхаѣ выстроилъ себѣ дачу гдѣ-то въ горахъ, миль за восемьдесятъ отъ моря. Когда губернаторъ провинціи протестовалъ противъ этого, консулъ отвѣчалъ, что католическіе миссіонеры, въ разныхъ мѣстахъ, еще дальше имѣютъ монастыри: пусть губернаторъ выгонитъ ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи. А вы-

гнать миссіонеровъ нельзя: они глубоко пустили корни. Католическій епископъ въ Гон-Конгѣ сказывалъ, что между китайцами считается до пятисотъ тысячъ католиковъ. Всѣ они тайно покровительствуютъ миссіонерамъ, укрываютъ ихъ отъ взоровъ правительства, даютъ селиться среди себя и всячески помогаютъ. Начальство подкуплено и миссіонеры дѣлаютъ свое дѣло явно. Губернаторъ зналъ о миссіонерахъ, и потому замолчалъ на возраженіе консула.

Въ другой разъ, къ этому же консулу приставъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ, чуть ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять? „А зачѣмъ“, возразилъ тотъ опять, „у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, давно стоятъ англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не пошлю судно въ Пекинъ“. Губернаторъ зналъ, конечно, зачѣмъ стоятъ англійскіе корабли у Чусана, и не выгналъ ихъ. Такъ судно американское и пошло, куда хотѣло.

Сдѣлавши одно послабленіе, губернаторъ долженъ былъ допустить десять и молчать, иначе ему не сдобровать. Онъ самъ первый нарушитель законовъ. А европейцы берутъ все больше и больше воли, и въ Пекинѣ узнаютъ объ этомъ тогда, когда уже они будутъ подъ стѣнами его и когда помѣшать разливу чужого вліянія будетъ трудно.

Впрочемъ этого ожидать скоро нельзя по другимъ обстоятельствамъ: во всякомъ другомъ мѣстѣ жители, по лѣности и невѣжеству, охотно отдаютъ себя въ опеку европейцамъ, и тѣ скоро дѣлаются хозяевами у нихъ. Китайцы, напротивъ, сами купцы по преимуществу, и, по меркантильному духу и спекулятивнымъ способностямъ, превосходятъ англичанъ и американцевъ, и не выпустятъ изъ своихъ рукъ внутренней торговли. Оттого, ни тѣ, ни другіе, не имѣютъ успѣха внутри Китая, и даже не завязываютъ тамъ никакихъ прямыхъ сношеній. Торговля производится чрезъ китайскихъ

коммисіонеровъ, которые и ѣздятъ внутрь, для закупки товаровъ отъ самихъ плантаторовъ чая и фабрикантовъ шелка.

Если и Японіи суждено отворить настежь ворота передъ иностранцами, то это случится еще медленнѣе: развѣ принудятъ ее къ тому войной. Но и въ этомъ отношеніи она имѣетъ огромныя преимущества передъ Китаемъ. Если она перейметъ у европейцевъ военное искусство и укрѣпитъ свои порты, тогда она безопасна отъ всякаго вторженія. Одна измѣна можетъ погубить ее: то-есть, если кому-нибудь удастся зажечь въ ней междоусобную войну, вооружить удѣльныхъ князей противъ метрополіи—тогда ей не сдобровать. Но пока она будетъ держаться нынѣшней своей системы, увертываясь отъ вліянія иностранцевъ, уступая имъ кое-что и держа своихъ, попрежнему, въ страхѣ, не позволяя имъ брать безъ позволенія, даже пустой бутылки, она еще будетъ жить старыми своими началами, старой религіей, простотой нравовъ, скромностью и умѣренностью образа жизни. Въ настоящую минуту можно и ее отпереть разомъ: она такъ слаба, что никакой войны не выдержитъ. Но для этого надо поступить по-англійски, то-есть пойти, напримѣръ, въ японскіе порты, выйти безъ спросу на берегъ, и когда станутъ не пускать, начать драку, потомъ самимъ же пожаловаться на оскорбленіе и начать войну. Или другимъ способомъ: привезти опіумъ, и когда станутъ принимать противъ этого строгія мѣры, тоже объявить войну.

Долго заставили себя ждать полномочные. Мы ужъ давно расхаживали по юту и по шканцамъ, раза по два бѣгали къ камбузу съѣсть по горячему пирожку, или по котлеткѣ, а ихъ все нѣтъ!

Въ первомъ часу, наконецъ, отъ берега тронулась цѣлая флотилія къ намъ. Посреди пятидесяти или шестидесяти лодокъ, медленно плыли двѣ огромныя, крытыя лодки или барки, какъ два гроба, обтянутыя, какъ гробы же,

красной матеріей, утыканныя золочеными луками, стрѣлами, пиками и булавами. Лодки были въ два этажа, съ галлереею вокругъ, для гребцовъ. Вверху помѣщалась свита, внизу сами полномочные. Множество мелкихъ лодокъ вели большія на буксирѣ. На носу большой лодки стоялъ японецъ, съ какой-то бѣлой метелкой, и махая ею, управлялъ буксиромъ, подъ мѣрный звукъ гонга и криковъ. Шумъ былъ страшный. Оба гроба пристали къ парадному трапу и стали рядомъ.

Баніосы, переводчики, поползли, какъ изъ мѣшка, и затопили палубу. За ними вышло до шестидесяти человѣкъ караула. Японцы не хотѣли уступить намъ въ церемоніалѣ. Для угощенія свиты и людей и для соблюденія порядка, назначено было нѣсколько офицеровъ. Наконецъ вышли и полномочные. К. Н. П. и я встрѣтили ихъ при входѣ, адмиралъ — у дверей своей каюты. На шканцы былъ вызванъ караулъ съ музыкой. Имъ предложили посмотрѣть фрегатъ, и они съ удовольствіемъ согласились. Я никакъ не думалъ, чтобъ старикъ пріѣхалъ. Куда бы, кажется, ему? А онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналъ, и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ усталости. Они на всемъ останавливались, разспрашивали, и если находили что-нибудь покрытое, или завѣшенное, приподнимали и спрашивали, что̀ тамъ такое, зачѣмъ.

Ихъ повели въ адмиральскую каюту. Она была очень ярко убрана: стѣны въ ней, или, по-морскому *переборки*, и двери, были краснаго дерева, полъ, или палуба, устлана ковромъ; на окнахъ красныя и зеленыя драпри. Для четырехъ полномочныхъ приготовленъ былъ широкій и невысокій диванъ, покрытый пестрыми англійскими коврами. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, всѣ пошли наверхъ, въ палатку. Полномочные вели себя, какъ тонкіе, вѣкъ жившіе въ

свѣтѣ, люди; все должно было поражать ихъ, не видавшихъ никогда европейскаго судна, мебели, украшеній. Что шагъ, то новое для нихъ. Они сознались въ этомъ на другой день, но тутъ не показали, ни жестомъ, ни взглядомъ, удивленія, или восторга. Музыку они тоже слышали въ первый разъ, и только одинъ изъ нихъ качалъ головой въ тактъ, какъ дѣлаютъ у насъ меломаны, сидя въ оперѣ.

Имъ подали чай. Между тѣмъ вся команда выстроилась на палубѣ; началось ученье ружьемъ, потомъ маршировка. Четыреста человѣкъ маршировали вокругъ мачтъ, отъ юта до бака и обратно. Но всего эффектнѣе было, когда пробили тревогу: изъ всѣхъ люковъ сыпались люди и разбѣгались, какъ мыши, по всѣмъ направленіямъ, каждый къ своему орудію. Я ужъ привыкъ къ этому, но и мнѣ зрѣлище это показалось интересно; а людямъ, не видавшимъ никогда ничего подобнаго! Имъ показали дѣйствіе орудіями. Они благодарили адмирала и попросили поблагодарить людей.— „Спасибо, ребята", сказалъ адмиралъ.—„Рады стараться!" раздалось четыреста голосовъ. Опять эффектъ.

Накрыли столы. Для полномочныхъ и церемоніймейстера въ гостиной адмиральской каюты. За другимъ столомъ сидѣлъ адмиралъ и трое насъ. Въ столовой посадили одиннадцать человѣкъ свиты полномочныхъ, и еще десять человѣкъ въ кают-компаніи. Для караула отведено было мѣсто въ батарейной палубѣ.

Хотя японцы и просили устроить обѣдъ на европейскій ладъ, однакожъ нельзя было заставить ихъ ѣсть вилками и ножами, и потому надѣлали палочекъ. Хлѣба они не ѣдятъ, и имъ безпрестанно ставили горячій рисъ. Съ тарелокъ они тоже не привыкли ѣсть: имъ подавали супъ и уху въ чайныхъ чашкахъ. Въ столовой, гдѣ обѣдала свита, на столѣ разставлены были тарелки съ вареньемъ и пирожнымъ. Гости начали съ этого и до супу уничтожили всѣ сладкіе пи-

рожки и конфеты, полагая, что если поставлено, то медлить нечего.—„Что это?“ спрашивали они, при каждомъ блюдѣ, и чего-то, казалось, ожидали. Имъ подавали больше рыбы, но переводчикъ сказалъ, что они ждутъ мяса, которое ѣдятъ, какъ рѣдкость. Отвращенія они къ нему не имѣютъ, напротивъ, очень любятъ, а не ѣдятъ только потому, что не велѣно, за недостаткомъ скота, который употребляется на работы. У насъ изъ мясныхъ блюдъ приготовленъ былъ для нихъ нарочно пилавъ изъ баранины, ветчина и, кажется, только. Говядины на фрегатѣ въ то время не было. Прочія блюда были изъ рыбы, или живности. Они съ удовольствіемъ ѣли баранину, особенно четвертый полномочный. Кончивъ тарелку, онъ подалъ ее человѣку самъ: знакъ, что желаетъ повторенія. Скатерти, салфетки, солонки — все обращало ихъ вниманіе. И надо было отдать имъ справедливость: они такъ приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами. Только одинъ изъ нихъ, Кавадзи, на минуту придержался японскаго обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, въ родѣ крема, съ бисквитами: онъ попробовалъ, должно-быть ему понравилось: онъ вынулъ изъ кармана бумажку, переложилъ въ нее все, что̀ осталось на тарелкѣ, стиснулъ и спряталъ за пазуху.—„Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы“, замѣтилъ онъ: „нѣтъ, это для своихъ подчиненныхъ“.

При этомъ случаѣ разговоръ незамѣтно перешелъ къ женщинамъ. Японцы впали-было въ легкій цинизмъ. Они, какъ всѣ азіатскіе народы, преданы чувственности, не скрываютъ и не преслѣдуютъ этой слабости. Если хотите узнать объ этомъ что-нибудь подробнѣе, прочтите Кемпфера, или Тунберга. Послѣдній посвятилъ этому цѣлую главу въ своемъ путешествіи. Я не былъ внутри Японіи и не жилъ съ японцами, и потому могъ только кое-что уловить изъ ихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Я и П-тъ безпрестанно выходили изъ-за стола, то подлить имъ шампанскаго, то показать, какъ надо ѣсть какое-нибудь блюдо, или растолковать, изъ чего оно приготовлено. Они смущались нашею вѣжливостью и внимательностью и не знали, какъ благодарить.

Пили они умѣренно. Они пробовали съ большимъ любопытствомъ вино, отпивая понемногу, но бокала не доканчивали, кромѣ, однакожъ, четвертаго полномочнаго, мужчины рослаго и полнаго. Тотъ выпилъ бокала четыре.

Имъ намекнули-было о дѣлѣ, о завтрашнемъ свиданіи: но полномочные отвѣчали, что они увлеклись нашимъ праздникомъ, сдѣланнымъ имъ пріемомъ и пріятной бесѣдой, а о дѣлѣ и забыли совсѣмъ.

Переводчики ползали по полу: напрасно я приглашалъ ихъ въ другую комнату, они и руками и ногами уклонились отъ обѣда, какъ отъ дѣла, совершенно невозможнаго въ присутствіи grooten herren, важныхъ особъ. Но у нихъ въ горлѣ пересохло. Кичибе вертѣлся на полу во всѣ стороны, какъ будто его кругомъ рвали собаки. „Хи, хи!“ безпрестанно откликался онъ то тому, то другому. Подъ конецъ обѣда, въ которомъ не участвовалъ, онъ совсѣмъ охрипъ и осовѣлъ. Я налилъ ему и Эйноске по бокалу шампанскаго: они стали-было отнѣкиваться и отъ этого, но Кавадзи махнулъ головой, и они, поклонившись ему до земли, выпили съ жадностью, потомъ обратили признательный взглядъ ко мнѣ и подняли бокалы ко лбу, въ знакъ благодарности.

Я заглянулъ въ другую комнату: тамъ пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ и пріятныхъ улыбокъ доказывали, что собесѣдники тоже пробовали наши вина. Между ними я замѣтилъ одну, совсѣмъ бритую голову, безъ косички: это докторъ. Доктора и жрецы не носятъ вовсе волосъ. Онъ рекомендовался нашимъ докто-

рамъ, былъ очень живъ и говорилъ немного по-голландски. За десертомъ, въ подражаніе горячему саки, подали имъ глентвейнъ. Полномочные хлебнули немного, болѣе изъ любопытства. Потомъ мы, подражая тоже ихъ обычаю, поставили передъ каждымъ полномочнымъ по ящику конфетъ. Они уже тутъ не могли скрыть своего удовольствія, или удивленія, и ахнули—такъ хороши были ящики, изъ дорогого краснаго дерева, съ деревянной же мозаикой. Да и конфеты, пестротой своей, бросались въ глаза. Потомъ имъ показали и подарили множество раскрашенныхъ гравюръ, съ изображеніемъ видовъ Москвы, Петербурга, нашихъ войскъ, еще купленныхъ въ Англіи картинокъ женскихъ головокъ, плодовъ, цвѣтовъ и т. п. Новые ахи удовольствія и изумленія!

Наконецъ, около сумерекъ, все это нашествіе иноплеменныхъ исчезло отъ насъ, съ просьбою посѣтить ихъ.

На другой день, 5-го января, рано утромъ, пріѣхали переводчики спросить о числѣ гостей, и когда сказали, что будетъ немного, они просили пригласить побольше, по крайней мѣрѣ хоть всѣхъ старшихъ офицеровъ. Они сказали, что настоящій, торжественный пріемъ назначенъ именно въ этотъ день, и что будетъ большой обѣдъ. Какъ нейти на большой обѣдъ? Многіе, кто не хотѣлъ ѣхать, поѣхали.

Въ самомъ дѣлѣ, на пристани ожидала насъ толпа гуще, было больше суматохи: навстрѣчу вышли важные чиновники, въ самыхъ пестрыхъ юбкахъ. Еще я замѣтилъ на этотъ разъ, кромѣ солдатъ въ коническихъ шапкахъ, какую-то прислугу, несшую бѣлые фонари изъ рыбьихъ пузырей, на высокихъ бамбуковыхъ шестахъ. Прямо противъ пристани выстроена была новенькая, только-что съ иголочки, галлерея, въ родѣ гауптвахты. Тамъ, на пяткахъ, сидѣло въ четыре ряда человѣкъ пятьдесятъ японцевъ. Наверху, на террасѣ, налѣво и прямо—вездѣ такія же галлереи: не

помню, были ли онѣ прежде тутъ, или нѣтъ? А! вотъ и лошадь! наконецъ я увидѣлъ и ее: дрянная буланая лошаденка пугалась музыки, прыгала и рвалась къ лѣстницѣ. Всадникъ едва удерживалъ ее: кажется, онъ былъ представитель японской кавалеріи. Но съ нами караула было меньше и шествіе не такъ торжественно.

Японскіе полномочные и свита одѣты были, попрежнему, очень парадно. Тсутсуй и Кавадзи объявили, что они имѣютъ вручить письмо отъ верховнаго совѣта. „Пожалуйте, гдѣ оно?“ спросили ихъ. „А вотъ“, отвѣчали они, указывая на окованный желѣзомъ, бѣлый сундукъ, какіе у насъ увидишь во всякомъ старинномъ купеческомъ домѣ, и на шелковый, съ кистями, тутъ же стоящій, ящикъ. „Кто приметъ письмо?“ О. А. Г., по приказанію адмирала, вышелъ на середину. Церемоніймейстеръ, съ поклономъ, подошелъ и открылъ шелковый ящикъ. „Ужели такое большое письмо?“ думалъ я, глядя съ любопытствомъ на ящикъ.— „Извольте же принимать“, сказалъ переводчикъ. Г. взялъ ящикъ и насилу держалъ въ рукахъ. Онъ пошелъ въ „отдыхальню“ и мы за нимъ, а за нами понесли сундукъ. „Зачѣмъ же большой сундукъ?“ подумалъ я еще, глядя въ недоумѣніи на сундукъ. Открыли его: тамъ стоялъ другой сундукъ, поменьше, потомъ третій, четвертый, все меньше и меньше. И вотъ въ этотъ-то четвертый сундукъ и вставлялся шелковый, по счету пятый ящикъ. Но отчего жъ онъ тяжелый? Подняли крышку и увидѣли въ немъ еще шестой и послѣдній ящикъ, изъ бѣлаго лакированнаго дерева, тонкой отдѣлки, съ окованными серебромъ углами. А ужъ въ этомъ ящикѣ и лежала грамота отъ Горочью, въ отвѣтъ на письмо изъ Россіи, писанная на золоченой, толстой, какъ пергаментъ, бумагѣ, и завернутая въ нѣсколько шелковыхъ чехловъ. Какіе затѣйники!

Послѣ этого церемоніймейстеръ пришелъ и объявилъ,

что е. в. Сіогунъ прислалъ россійскому полномочному подарки и просилъ принять ихъ. Въ знакъ того, что подарки принимаются съ уваженіемъ, нужно было дотронуться до каждаго изъ нихъ обѣими руками. „Вотъ подарятъ рѣдкостей!“ думали всѣ: „отъ самого Сіогуна!“—„Что̀ подарили?“ спрашивали мы шопотомъ у П-та, который ходилъ въ залу за подарками. „Ваты“, говоритъ.—„Какъ ваты?“ Такъ, ваты шелковой, да шелковой матеріи“.—„Что жъ, шелковая матерія—это хорошо!“

Въ это время слуги внесли подставки, въ родѣ постелей, и на нихъ разложены были куски матерій и ваты. Матерія двухъ цвѣтовъ, бѣлая и красная, съ тканными узорами, но такъ проста, что въ порядочномъ домѣ нельзя и драпри къ окну сдѣлать. „Что жъ, нѣтъ у нихъ лучше, или не можетъ дать Сіогунъ?“ Какъ нѣтъ! едва ли въ Іонѣ дѣлаютъ матеріи лучше тѣхъ, которыя мы видѣли на платьяхъ полномочныхъ. Но японцы не дарятъ и не показываютъ ихъ, чтобы не привлекать на свое добро чужихъ взглядовъ и отбить охоту торговать. Притомъ шелкъ у нихъ запрещено вывозить, наравнѣ съ металлами. Въ Японіи его мало. Имъ сырецъ привозится изъ Китая и они выдѣлываютъ матерію для собственнаго употребленія. Лучшія и богатыя матеріи дѣлаются ссыльными, на маленькой неприступной скалѣ, къ югу отъ Японіи. Тамъ ни одна лодка не можетъ пристать къ скаламъ, и преступникамъ въ извѣстные сроки привозятъ провизію, а они на веревкахъ втаскиваютъ ее вверхъ. Самъ островъ малъ и безплоденъ.

Наконецъ сундукъ съ письмомъ и подарки—все убрали, церемоніймейстеръ пришелъ опять сказать, что е. в. Сіогунъ повелѣлъ угостить насъ обѣдомъ. Обѣдъ готовили, какъ видно, роскошный. Вмѣсто шести, было поставлено по двѣнадцати подставокъ или скамеечекъ, передъ каждымъ изъ насъ. На каждой скамеечкѣ—по двѣ, по три, а на иныхъ

и больше чашекъ съ кушаньями. Кромѣ того были наставлены разные миніатюрные столики, коробки, какъ игрушки; на нихъ воткнуты цвѣты, сдѣланные изъ овощей и изъ матерій очень искусно. Подъ цвѣтами лежала закуска: кусочки превкусной, прессованной желтой икры, сырая рыба, красная пастила, еще что-то изъ рыбы, въ родѣ сыра.

На особомъ миніатюрномъ столикѣ, отдѣльно, посажена на деревянной палочкѣ цѣлая птичка, какъ есть въ натурѣ, съ перьями, съ хвостомъ, съ головой, похожая на бекаса. Когда я задумался, не зная за что̀ приняться, Накамура Тамея, церемоніймейстеръ, подошелъ ко мнѣ и показалъ на птичку, предлагая попробовать ее. „Да какъ же ее ѣсть, когда она въ перьяхъ?“ думалъ я, взявъ ее въ руки. Но между перьями накладено было мясо птички, изжаренное и нарѣзанное кусочками. Дичь была очень вкусна. Я съѣлъ всю птичку. Накамура знаками спросилъ, не хочу ли я другую? „Гм!“ сдѣлалъ я утвердительно. Слуга вскочилъ, взялъ миніатюрную подставку, съ бывшей птичкой, и принесъ другую. А я между тѣмъ обратилъ вниманіе на прочее: съѣлъ похлебку сладкую, съ какими-то клѣцками, похожими немного и на макароны. Что̀ тамъ было еще—я и вникнуть не могъ. Далѣе была похлебка изъ грибовъ, вареныхъ цѣликомъ, рыба съ бульономъ, и подъ соусами, вареная зелень, раки и вареныя устрицы, множество соленыхъ и моченыхъ овощей: все то же, что въ первый разъ, но со многими прибавленіями.

Рыба, съ загнутымъ хвостомъ и головой, была, какъ и въ первый разъ, тутъ же, но только гораздо больше прежней. Эта красная толстая рыба, называемая steinbrassen по-голландски, по-японски *тай*—лакомое блюдо у японцевъ; она и въ самомъ дѣлѣ хороша.

Цвѣты искусственные и дичь съ перьями напомнили мнѣ старую европейскую, затѣйливую кухню, которая щеголяла

такими украшеніями. Давно ли перестали изъ моркови и свеклы вырѣзывать фигуры, узоромъ располагать кушанья, строить храмы изъ леденца и т. п.? Еще и нынче по мѣстамъ водятся такія утонченности. Новѣйшая гастрономія чуждается украшеній, не льстящихъ вкусу. Угождать зрѣнію—не ея дѣло. Она презираетъ мелкимъ искусствомъ—изъ окорока дѣлать конфетку, а изъ майонеза цвѣтникъ.

Опять мы пили саки, а японцы, сверхъ того, горячую воду; опять наставили сластей, только гораздо больше прежняго. Особенно усердно приглашали насъ наши амфитріоны ѣсть сладкое тѣсто изъ какого-то горошка. Были тутъ синія, бѣлыя и красныя конфеты, похожія вкусомъ, частью на картофель, частью на толокно. Макъ тоже игралъ роль, но всего болѣе рисъ: изъ него сдѣланы были звѣздочки, треугольники, параллелограмы и т. п. Было изъ тѣста что-то въ родѣ блина, съ начинкой изъ сахарнаго песку, въ первобытномъ видѣ, какъ онъ добывается изъ тростника: были клейкія витушки и проч. Потомъ подали еще толченаго, дорогого чая, взбитаго съ пѣной, какъ шоколадъ.

Меня особенно поразило съ этой кухней отсутствіе всякаго растительнаго масла. Японцы ѣдятъ три раза въ сутки и очень умѣренно. Утромъ, когда встаютъ—а они встаютъ рано, раньше даже утра—потомъ около полудня, и наконецъ въ 6 часовъ. Порціи ихъ такъ малы, что человѣку съ хорошимъ аппетитомъ ихъ обѣда недостанетъ на закуску. Чашки, изъ которыхъ японцы ѣдятъ, очень малы, а ихъ подаютъ неполныя. Въ цѣлой чашкѣ лежитъ маленькій кусочекъ рыбы, въ другой три гриба плаваютъ въ горячей водѣ, тамъ опять подъ соусомъ рыбы столько, что мало одинъ разъ въ ротъ взять. И всѣ блюда такъ. Головнинъ правъ, говоря, что бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ давали мало ѣсть. По-своему японцы давали довольно, а тѣмъ мало.

Мы послѣ узнали, что, для изготовленія этого великолѣпнаго обѣда, былъ приглашенъ поваръ симабарскаго удѣльнаго князя. Симабара—большой заливъ по ту сторону мыса Номо, миляхъ въ двадцати отъ Нагасаки. Когда князь Симабара ѣдетъ ко двору, поваръ, говорили японцы, сопутствуетъ ему туда щеголять своимъ искусствомъ.

Въ сумерки мы простились съ хозяевами, и съ музыкой воротились домой. Вслѣдъ за нами пріѣхали чиновники узнать, довольны ли мы, и привезли гостинцы. Какое наказаніе съ этими гостинцами! побросать ящики въ воду неловко: японцы увидятъ, скажутъ, что пренебрегаемъ подарками, беречь—мѣста нѣтъ. Для большой рыбы также сдѣланы ящики, для конфетъ особо, для сладкаго хлѣба опять особо. Я сберегъ нѣсколько миніатюрныхъ подставокъ; если довезу, то увидите образчикъ терпѣнія, и въ то же время мелочности.

Привезли подарки отъ Сіогуна, вату и проч., и все сложили на палубѣ: пройти негдѣ. Ее было такое множество, что можно было, кажется, обложить ею весь фрегатъ.

На другой же день начались и переговоры, и наши постоянныя поѣздки въ Нагасаки. Мы ѣздили безъ всякаго уже церемоніала, въ двухъ катерахъ. Въ одномъ адмиралъ и четверо изъ насъ: П—тъ, Г., П—въ и я, въ другомъ слуги со стульями. Когда мы предложили оставлять стулья на берегу, въ домѣ губернатора, его превосходительство—и руками и ногами противъ этого. Онъ сказалъ, что ему придется самому тамъ спать и караулить стулья. „Пожаръ будетъ, сгорятъ пожалуй", говорилъ онъ, „и крысъ тоже много въ этомъ домѣ: попортятъ". Мы всѣ засмѣялись, и онъ не выдержалъ и тоже осклабился. „Да мы не взыщемъ, у насъ еще есть", возразилъ адмиралъ. „Вы не взыщете, а я все-таки долженъ буду отвѣчать, если хоть одинъ стулъ попортится", замѣтилъ онъ и не согласился, а предложилъ,

если намъ скучно возить ихъ самимъ, брать ихъ и доставлять обратно въ японской лодкѣ, что и дѣлалось.

Не знаю, писалъ ли я, что мѣсто велѣно дать и что губернаторъ просилъ только сроку для отдѣлки дома тамъ и т. п. Но день за днемъ проходилъ, а отговорка все была одна и та же, то-есть, что помѣщеніе для насъ еще не готово. Онъ улыбался, когда ему изъявляли неудовольствіе: видно было, что онъ дѣйствовалъ не самъ собою. Ему, конечно, поручено было протянуть дѣло до нашего ухода, и онъ исполнялъ это отлично. Наконецъ тянуть долѣе было нельзя и онъ сказалъ, что мѣсто готово, но предложилъ пользоваться имъ на такихъ условіяхъ, что согласиться было невозможно: напримѣръ, чтобы баніосы провожали насъ на берегъ, и обратно къ судамъ. Адмиралъ приказалъ имъ сказать, что мѣста не надо и отослалъ бумагу объ этихъ условіяхъ назадъ. Японцы того и хотѣли. Имъ нужно было не давать повадки иностранцамъ съѣзжать на берегъ: если бъ они дали мѣсто намъ, надо было бы давать и другимъ; а они надѣялись или вовсе уклониться отъ этой необходимости, или, по возможности, ограничить ее, наконецъ хоть отдалить, сколько можно, это событіе.

Не касаюсь предмета нагасакскихъ конференцій адмирала съ полномочными: переговоры эти могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для описаній другого рода, важнѣе, а не этихъ скромныхъ писемъ, гдѣ я, какъ въ панорамѣ, взялся представить вамъ только внѣшнюю сторону нашего путешествія.

Мы часто повадились ѣздить въ Нагасаки, почти черезъ день. Чиновники пріѣзжали *за нами* всякій разъ, хотя мы просили не дѣлать этого, благо узнали дорогу. Но имъ все еще хочется показывать народу, что иностранцы, не иначе, какъ подъ ихъ прикрытіемъ, могутъ выходить на берегъ.

Что съ ними дѣлать? Имъ велятъ удалиться, они отой-

дутъ на лодкахъ отъ фрегата, станутъ въ нѣкоторомъ разстояніи; и только мы отвалимъ, гребцы затянутъ свою пѣсню: оссильянъ! оссильянъ! и начнутъ стараться перегнать насъ.

Въ день, назначенный для второй конференціи, погода была ужасная: вѣтеръ штормовой ревѣлъ съ ночи, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Японцы никакъ не воображали, что мы пріѣдемъ, не являлись *за нами* и не ждали насъ на берегу. А мы надѣли непромокаемыя пальто, взяли зонтики, да и отправились. Вода ручьемъ текла съ насъ, мы ничего, ѣдемъ себѣ. Японцы и рты разинули. Они, какъ мухи въ непогоду, сидѣли по своимъ угламъ. Въ домѣ поставили *мангалы*, небольшія жаровни, для нагрѣванія воздуха. Но воздухъ не нагрѣвался; а можно было погрѣть только руки, да угорѣть. Я не понимаю, какъ они сами терпятъ это? Мы почти всякій разъ, во время засѣданій, надѣвали шинели и пальто. Это подало поводъ почти каждому японцу подойти ко мнѣ и погладить бобровый воротникъ. На вопросъ, есть ли у нихъ мѣха, они отвѣчали, что есть звѣри: выдры и лисицы, но что мѣховъ почти никто не носитъ.

Назначать время свиданія предоставлено было адмиралу. Одинъ разъ онъ назначилъ чрезъ два дня, но, къ удивленію нашему, японцы просили назначить раньше, т.-е. на другой день. Дѣло въ томъ, что Кавадзи хотѣлось въ Едо, къ своей супругѣ, и онъ торопилъ переговорами. „Тѣло здѣсь, а душа въ Едо“, говорилъ онъ не разъ.

Кавадзи этотъ всѣмъ намъ понравился, если не больше, такъ по крайней мѣрѣ столько же, сколько и старикъ Тсутсуй, хотя иначе, въ другомъ смыслѣ. Онъ былъ очень уменъ, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что умъ свой онъ обнаруживалъ искусной діалектикой противъ насъ же самихъ. Но каждое слово его, взглядъ, даже манеры—все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опыт-

ность. Умъ вездѣ одинаковъ: у умныхъ людей есть одни общіе признаки, какъ и у всѣхъ дураковъ, несмотря на различіе націй, одежды, языка, религій, даже взгляда на жизнь.

Мнѣ нравилось, какъ Кавадзи, опершись на богатый вѣеръ, смотрѣлъ и слушалъ, когда рѣчь обращена была къ нему. До половины рѣчи ротъ его былъ полуоткрытъ, взглядъ немного озабоченъ—признаки напряженнаго вниманія. На лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одни за другимъ, понятія, и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой, скрытый смыслъ, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ. Если говорилъ старикъ, Кавадзи потуплялъ глаза и не смотрѣлъ на старика, какъ будто не его дѣло, но живая игра складокъ на лбу и содроганіе вѣкъ и рѣсницъ, показывали, что онъ слушалъ его еще больше, нежели насъ. Переговоры всѣ, повидимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсутсуй былъ посланъ такъ, больше для значенія и, можетъ быть, тоже по своему пріятному характеру.

Однажды, въ частной бесѣдѣ, адмиралъ доказывалъ, что японцы напрасно боятся торговли; что торговля можетъ только разлить довольство въ народѣ и что никакая нація отъ торговли не приходила въ упадокъ, а напротивъ, богатѣла.

Приводили имъ въ примѣръ, чѣмъ бы иностранцы могли торговать съ ними. „Вонъ, напримѣръ, у васъ замѣтенъ недостатокъ въ первыхъ домашнихъ потребностяхъ:

окна заклеены бумагой“ говорилъ адмиралъ, глядя вокругъ себя, „отъ этого въ комнатахъ и темно, и холодно: вамъ привезутъ стекла, научатъ, какъ его дѣлать. Это лучше бумаги и дешево стоитъ. У насъ“, далѣе говоритъ онъ, „въ Камчаткѣ, и другихъ мѣстахъ, около лежащихъ, много рыбы, а соли нѣтъ; у васъ есть соль: давайте намъ ее и мы вамъ же будемъ возить соленую рыбу, которая составляетъ главную пищу въ Японіи. Зачѣмъ употреблять вамъ всѣ руки на воздѣлываніе риса? употребите ихъ на добываніе металловъ, а рису вамъ привезутъ съ Зондскихъ острововъ—и вы будете богаче...“—„Да“, прервалъ Кавадзи, вдругъ поднявъ свои широкія вѣки: „хорошо, если бъ иностранцы возили рыбу, стекло, да рисъ, и тому подобные, необходимые предметы, а какъ они будутъ возить вонъ этакіе часы, какіе вы вчера подарили мнѣ, на которые у насъ глаза разбѣжались, такъ вѣдь японцы вамъ отдадутъ послѣднее...“ А ему подарили прекрасные столовые, астрономическіе часы, гдѣ, кромѣ обыкновеннаго циферблата, обозначены перемѣны луны и вставлены два термометра. Мы всѣ засмѣялись, и онъ тоже. „Впрочемъ, примите эти слова, какъ доказательство только того, что мнѣ очень нравятся часы“, прибавилъ онъ.

Хотѣли-было послѣ этого говорить о дѣлѣ, но что-то не клеилось. „Нѣтъ, видно намъ уже придется кончить эту бесѣду смѣючись“, прибавилъ Кавадзи, приподнимаясь аристократически-лѣниво съ пятокъ.

Ну, чѣмъ онъ не европеецъ? Тѣмъ, что однажды за обѣдомъ спряталъ въ бумажку пирожное, а въ другой разъ слизнулъ съ тарелки сою изъ анчоусовъ, которая ему очень понравилась? это мѣстные нравы—больше ничего. Онъ до сихъ поръ не видалъ тарелки и ложки, ѣлъ двумя палочками, похлебку свою пилъ непосредственно изъ чашки. Можно ли его укорять еще и за то, что онъ,

отвѣдавъ какого-нибудь кушанья, отдавалъ небрежно тарелку Эйноске, который, какъ пудель, сидѣлъ у ногъ его? Переводчикъ бралъ, съ земнымъ поклономъ, тарелку и доѣдалъ остальное.

Я вглядывался во все это и—какъ въ Китаѣ—базары и толкотня на нихъ поразили меня сходствомъ съ нашими старыми базарами, такъ и въ этихъ обычаяхъ поразило меня сходство съ нашими же старыми нравами. И у насъ, у ногъ старинныхъ баръ и барынь, сидѣли любимые слуги и служанки, шуты, и у насъ также кидали имъ куски, называемые подачкой; у насъ привозили изъ гостей разныя сласти или гостинцы. Давно ли еще Грибоѣдовъ посмѣялся, въ своей комедіи, надъ „подачкой?“ Въ эпоху нашего младенчества, изъ азіатской колыбели попало въ наше воспитаніе нѣсколько замашекъ и обычаевъ, и теперь еще не совсѣмъ изгладившихся, особенно въ простомъ быту.

Послѣ восьми или десяти совѣщаній, полномочные объявили, что имъ пора ѣхать въ Едо. По нѣкоторымъ вопросамъ они просили отсрочки, опираясь на то, что у нихъ скончался государь, что новый Сіогунъ очень молодъ, и потому ему предстоитъ сначала показать въ глазахъ народа уваженіе къ старымъ законамъ, а не сразу нарушать ихъ, и уже впослѣдствіи какъ будто уступить необходимости. Далѣе нужно ему, говорили они, собрать на совѣтъ всѣхъ своихъ удѣльныхъ князей, а ихъ шестьдесятъ человѣкъ.

Однажды, на вопросъ, кажется, о томъ, отчего они такъ медлятъ торговать съ иностранцами, Кавадзи отвѣчалъ: „торговля у насъ дѣло новое, несозрѣлое; надо подумать, какъ, гдѣ, чѣмъ торговать. Дѣвицу отдаютъ замужъ“, прибавилъ онъ, „когда она выростетъ: торговля у насъ не выросла еще...“

Послѣ семи или восьми засѣданій, началъ уже ѣздить на фрегатъ церемоніймейстеръ Накамура Тамея, съ Эйноске, и съ четырьмя секретарями, записывавшими, все, что

говорилось. Какъ быстро подчиненный усвоиваетъ здѣсь роль начальника, да и не здѣсь только! Накамура, какъ медвѣдь, неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью. Но его постигла-было вотъ какая бѣда: адмиралъ отдалъ ему, для передачи полномочнымъ, запечатанный пакетъ, заключавшій важныя бумаги.

Накамура преблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ... „Какъ взять? Это не водится, да и не нужно, причины нѣтъ!“ приказалъ отвѣчать адмиралъ. „Есть, есть“, говорилъ онъ: „мнѣ не велѣно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю уѣхать отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!“

И сами полномочные перепугались: „въ бумагахъ говорится что-то такое“, прибавилъ Накамура, „о чемъ имъ не дано никакихъ приказаній въ Едо: тамъ подумаютъ, что они какъ-нибудь сами напросились на то, что̀ вы пишете“. Видя, что бумагъ не берутъ, Накамура просилъ адресовать ихъ прямо въ Горочью. На это согласились.

Какъ онъ обрадовался, когда П-тъ, по приказанію адмирала, дотронулся до бумаги рукой: это значило—взялъ. Онъ, съ радости, отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ, который они всѣ носятъ (т. е. кто важнѣе), и подалъ его П-ту. Мы всѣ засмѣялись. Въ этомъ Накамурѣ есть еще что-то дикое, впрочемъ только въ наружности. Онъ похожъ немного, взглядами, голосомъ и движеніями, на звѣря. Онъ полюбилъ П—та и меня, безпрестанно гладилъ насъ по плечу, подавалъ руку. Еще въ первое посѣщеніе фрегата, когда четверо полномочныхъ и онъ сидѣли съ нами за обѣдомъ въ адмиральской каютѣ, онъ выказалъ мнѣ расположеніе: предлагали тосты, и онъ предложилъ, сказавъ,

что очень радъ *видѣть всѣхъ, особенно меня*. Мы всѣ засмѣялись. Впрочемъ, я и П—тъ, можетъ-быть, обязаны его вниманіемъ тому, что мы усердно хозяйничали, потчивали гостей, подливали имъ шампанское, въ томъ числѣ и ему. „Мы не умѣемъ такъ угостить васъ“, задумчиво говорили они, какъ будто съ завистью. Накамурѣ понравилось очень піанино въ каютѣ капитана. Когда стали играть, онъ пришелъ въ восторгъ. „Кото, кото!“ отрывисто твердилъ онъ, показывая на фортепіано. Такъ называется, похожій съ виду на фортепіано, японскій музыкальный инструментъ, въ родѣ гуслей, на которыхъ играютъ японки.

Чтобы занять его чѣмъ-нибудь, пока адмиралъ читалъ привезенную имъ бумагу, я показывалъ ему разныя картинки, между прочимъ прошлогднихъ женскихъ модъ. Картинки эти вшиты были въ журналы. Женскія фигуры и платья произвели большой эффектъ. Замѣтивъ это, я выдралъ картинки изъ журналовъ и подарилъ ему. Онъ былъ въ восторгѣ. Еще я подарилъ ему видъ Лондона, въ сверткѣ, величиной въ восемнадцать футовъ, купленный мною въ тунелѣ подъ Темзой. Накамура обрадовался, и на другой же день привезъ мнѣ коробку лучшаго табаку, двѣ трубки и два маленькіе кисета. Отдавая, онъ повторялъ: „табакко, табакко“. Португальцы завезли имъ это слово вмѣстѣ съ табакомъ.

Занимая Накамура, я взялъ маленькій японскій словарь Тунберга и разговоры, и началъ читать японскія фразы, писанныя латинскими буквами. Неимовѣрный хохотъ поднялся между Накамурой и другими японскими собесѣдниками. Между прочимъ тамъ есть фраза: „покажи мнѣ домъ Миссури“. Я, вмѣсто Миссури, вставилъ имя губернатора Овосава и привелъ гостей въ крайнее недоумѣніе, даже въ испугъ. Накамура, собесѣдники его и два переводчика, стали заглядывать въ книгу, чтобъ узнать, какъ попало

туда имя губернатора. Узнавъ мою хитрость, Накамура грозилъ мнѣ пальцемъ и хохоталъ. Впрочемъ, видно, что онъ смышленый и распорядительный человѣкъ, хотя и медвѣжьей наружности.

Противнѣе всѣхъ велъ себя Эйноске. Онъ былъ переводчикомъ при Кавадзи, и потому переводилъ важнѣйшую часть переговоровъ. Онъ зазнался, едва слушалъ другихъ полномочныхъ; когда Кавадзи не было, онъ сидѣлъ на стулѣ развалившись. Вообще не скрывалъ, что онъ выросъ, и подъ конецъ переговоровъ велъ себя гораздо хуже, нежели въ началѣ. Онъ не прочь и покутить: часто просилъ шампанскаго, и одинъ разъ, при Накамурѣ, такъ напился съ четырехъ бокаловъ, что вздумалъ-было разсуждать самъ, не переводить того, что ему говорили: но ему сказали, что возьмутъ другого переводчика. Кичибе не забывался: онъ показывалъ зубы, сидѣлъ въ уголку и хихикалъ на всѣ стороны. „Хи!“ откликался онъ, быстро оборачиваясь то къ тому, то къ другому японцу, когда кликали „Кичибе!“— „Кичибе!“ кликнулъ я однажды въ шутку. „Хи!“ отозвался онъ на мою сторону и поползъ ко мнѣ, но, увидѣвъ ошибку, добродушно засмѣялся и поползъ назадъ.

Когда мы ѣздили въ Нагасаки, намъ каждый день давали въ полдень закуску, а часа въ три, такъ называемый *банкетъ*, т.-е. чай и конфеты. Мы тоже угощали Накамуру и всю свиту его, и они охотно ѣздили къ намъ. Губернаторскіе чиновники не показывались больше, такъ какъ дѣла велись уже съ полномочными и пріѣхавшими съ ними чиновниками. Особенно съ удовольствіемъ ѣли они мясо и пили вишневку. Ихъ всячески забавляли: показывали волшебный фонарь, модель паровоза, рельсы. Съ разинутыми ртами смотрѣли они, какъ мчится сама-собою машинка, испуская паръ; играли для нихъ на маленькихъ органахъ, наконецъ гремѣла наша постоянная музыка.

Адмиралъ приказалъ сказать Накамурѣ, что онъ проситъ полномочныхъ на второй прощальный обѣдъ, на фрегатъ. Между тѣмъ наступилъ ихъ новый годъ, начинающійся съ январскимъ новолуніемъ. Это было 17 января. Адмиралъ послалъ двумъ старшимъ полномочнымъ двѣ свои визитныя карточки и подарки, состоящіе изъ вишневки, ликеровъ, части быка, пирожнаго, потомъ послали имъ маленькіе органы, картинки, альбомы и т. п.

20 января нашего стиля, обѣщались опять быть и сами полномочные, и были. Пріѣхавъ, они сказали, что ѣхали на фрегатъ съ большимъ удовольствіемъ. Имъ подали чаю, потомъ адмиралъ сталъ говорить о дѣлахъ.

Передъ обѣдомъ имъ опять показали тревогу въ батарейной палубѣ, но у нихъ отъ этого, кажется, душа въ пятки ушла. Въ самомъ дѣлѣ, для непривычнаго человѣка покажется жутко, когда вдругъ четыреста человѣкъ, по барабану, бѣгутъ къ пушкамъ, такъ что не подвертывайся: сшибутъ съ ногъ; раскрѣпляютъ ихъ, отодвигаютъ, заряжаютъ, палятъ (примѣрно только, ударными трубками, т.-е. пистонами) и опять придвигаютъ къ борту. Почти пяти-аршинныя орудія летаютъ, какъ игрушки. Грохотъ орудій, топотъ людей, вспышки и удары пистоновъ, слова команды—все это *больно видѣть* и не *японскому глазу*. Видно было, что нашимъ гостямъ это удовольствіе не совсѣмъ понравилось. Старикъ Тсутсуй испугался до дурноты. Велѣли скорѣе прекратить. Наканунѣ они засылали Эйноске просить, будто для себя, а въ самомъ дѣлѣ, конечно, по приказанію изъ Едо, подарить одно ружье съ новымъ прицѣломъ, да нѣсколько пушечныхъ пистоновъ. Но адмиралъ отказалъ, замѣтивъ, что такіе предметы можно дарить только тѣмъ, съ кѣмъ находишься въ самыхъ дружескихъ и постоянныхъ сношеніяхъ.

Послѣ тревоги показали парусное ученье: въ нѣсколько минутъ отдали и убрали паруса.

Потомъ сѣли за столъ, уже не попрежнему, а всѣ вмѣстѣ, на европейскій ладъ, т.-е. всѣ четверо полномочныхъ, потомъ Тамея, да насъ семь человѣкъ. Остальнымъ накрытъ былъ столъ въ кают-компаніи. Кичибе и Эйноске сѣли опять на полу, у ногъ старшихъ двухъ полномочныхъ. Блюда всѣ подавали по-европейски. Я помогалъ управляться съ ними Кавадзи, а И—тъ Тсутсую. Кавадзи ѣлъ все съ разборомъ, спрашивалъ о каждомъ блюдѣ, а старикъ жевалъ, кажется, безсознательно, что̀ ему ни подавали. Они охотнѣе и больше пили, нежели въ первый разъ, выучились у насъ провозглашать здоровье и безпрестанно подливали вино, и намъ, и себѣ. Мы отпивали понемногу, а они добродушно каждый разъ выпивали всю рюмку.

Въ срединѣ обѣда Кавадзи сталъ немного волноваться: старикъ ничего. Подали шампанское. Когда пробка выскочила и вино брызнуло вонъ, они сдѣлали большіе глаза. Эйноске, какъ человѣкъ опытный, поспѣшилъ растолковать имъ свойство этого вина. Адмиралъ предложилъ тостъ: „за успѣшный ходъ нашихъ дѣлъ!“ Кавадзи, послѣ бокала шампанскаго и трехъ рюмокъ наливки, положилъ голову на столъ, пробылъ такъ съ минуту, потомъ отряхнулъ хмѣль, какъ сонъ отъ глазъ, и быстро спросилъ: „когда онъ будетъ имѣть удовольствіе угощать адмирала и насъ въ послѣдній разъ у себя?“—„Когда угодно, лишь бы это не сдѣлало ему много хлопотъ“, отвѣчено ему. Но онъ просилъ назначить день, и когда адмиралъ назначилъ чрезъ два дня, Кавадзи прибавилъ, что къ этому сроку и послѣднія, требованныя адмираломъ бумаги, будутъ готовы. Кавадзи все твердилъ: „до свиданія, когда увидимся?“ Онъ надѣялся, не выскажемся ли мы, куда пойдемъ изъ Нагасаки, т.-е. не воротимся ли въ Россію. Эйноске однажды началъ мѣрять столъ

*

въ адмиральской каютѣ. „Зачѣмъ?“ спросили его. „А чтобъ сдѣлать такой же“, отвѣчалъ онъ, „когда придется угощать васъ опять“. Онъ думалъ, не обнаружимъ ли мы при этомъ случаѣ нашихъ намѣреній; но имъ ничего не сказали; говорили только „до свиданія“, а гдѣ, когда—ни слова.

Это пугало ихъ: ну, какъ нагрянемъ въ Едо? тогда весь трудъ полномочныхъ пропалъ, и ихъ пріѣздъ въ Нагасаки былъ напрасенъ. Имъ хотѣлось отвратить насъ отъ Едо, между прочимъ для того, чтобъ мы не стакнулись съ американцами, да не стали открывать торговлю сейчасъ же, и, пожалуй, чего добраго, не одними переговорами. Вы, конечно, знаете изъ газетъ, что японцы открыли три порта для американцевъ. Адмиралъ полагаетъ, что послѣ этого затворничество Японіи должно кончиться само собою, безъ трактатовъ. Китоловы не упустятъ случая ходить по портамъ, тѣмъ болѣе, что японцы, не желая допускать ничего похожаго на торговлю, по крайней мѣрѣ теперь, пока зрѣло не обдумаютъ и не рѣшатъ этотъ вопросъ между собою, не хотятъ и слышать о платѣ за дрова, провизію и доставку за воду. А китоловамъ то и на руку, особенно дрова важны для нихъ: извѣстно, что они, поймавъ кита, на океанѣ же топятъ и жиръ изъ него. Теперь плаваетъ множество китолововъ: какъ усмотрѣть, чтобъ они не торговали въ японскихъ портахъ, которые открыты только для того, чтобъ суда могли забѣжать, взять провизіи, воды, да и вонъ скорѣй? Японцы будутъ мѣшать съѣзжать на берегъ, свозить товары; затѣется не разъ ссора, можетъ-быть, драка, сначала частная, а тамъ... Извѣстно, къ чему все это ведетъ.

За обѣдомъ я взялъ на минуту вѣеръ изъ рукъ Кавадзи посмотрѣть: простой, пальмоваго дерева, обтянутый бумажкой. Я хотѣлъ отдать ему назадъ, но онъ просилъ знаками удержать у себя „на память“, какъ перевелъ Эйноске слова его. Я поблагодарилъ, но, не желая оставаться въ долгу, от-

винтилъ золотую цѣпочку отъ своихъ часовъ и подалъ ему. Онъ на минуту остановился, выслушалъ переведенное ему мое привѣтствіе и сказалъ, что благодаритъ и принимаетъ мой подарокъ. Потомъ вышелъ изъ-за стола и что-то шепнулъ Эйноске. Это вотъ что: Кавадзи и Тсутсуй приготовили мнѣ и П-ту по два ящика съ трубками, въ подарокъ. Принявъ отъ меня золотую цѣпочку, онъ вѣроятно нашелъ, что подарокъ его слишкомъ ничтоженъ. Кичибе, не зная ничего этого, послѣ обѣда началъ вертѣться подлѣ меня и, по своему обыкновенію, задыхаться смѣхомъ и кряхтѣть. Онъ раза два принимался-было говорить со мною, и наконецъ не вытерпѣлъ, и въ третій разъ заговорилъ, нужды нѣтъ, что я не знаю по-голландски. „Ихъ превосходительства, Тсутсуй и Кавадзи, просятъ васъ и П—та принять по маленькому подарку...“ Эйноске не далъ ему кончить и увелъ въ столовую. Трубки всѣ подарили П—ту, который, благодаря мнѣ, получилъ подарокъ въ двойномъ количествѣ.

На другой день Кавадзи прислалъ мнѣ три куска шелковой матеріи и четыре пальмовые чубука, съ мѣдными мундштуками и трубками. Мѣдь блещетъ какъ золото: и въ самомъ дѣлѣ въ японской мѣди много его. Тсутсую я подарилъ серебряную позолоченную ложку, съ чернью, фасона нашихъ деревенскихъ ложекъ, и пожелалъ, чтобъ онъ привыкъ ѣсть ею и пріучилъ бы дѣтей своихъ, „въ надеждѣ почаще обѣдать съ русскими“. Онъ прислалъ мнѣ въ отвѣтъ два маленькіе ящика, одинъ лакированный, съ инкрустаціей изъ перламутра, другой деревянный, обтянутый кожей акулы, миніатюрный поставецъ, въ какомъ возятъ въ дорогѣ пищу. Это очень оригинальная вещь. Третій полномочный, которому я подарилъ porte-monnaie, отдарилъ меня полдюжиной кошельковъ для табаку и черенковъ для ножа. Японцы носятъ разныя насѣчки на своихъ сабляхъ, и между прочимъ небольшіе ножи. Подаренный мнѣ стальной

черенокъ былъ тонкой отдѣлки, съ рисованными цвѣтами, птицами и съ японской надписью. Накамура прислалъ мѣдную японскую чернильницу, съ кистью и тушью.

Подарки, присланные адмиралу, завалили всю палубу, всю каюту. Сами вещи не слишкомъ громоздки, но для всякой сдѣланъ особый ящикъ, и такъ отчетливо, какъ будто долженъ служить цѣлый вѣкъ. Многіе подарки были очень замѣчательны, одни по изяществу, другіе по рѣдкости у насъ. Вазы и чашки фарфоровыя прекрасны, лакированныя вещи еще лучше. Прислали столиковъ, шкапчиковъ, этажерокъ, даже цѣлыя ширмы; далѣе, куколъ, въ полномъ японскомъ костюмѣ, кинжалъ, украшенія къ нему и прочее. Еще прислали сои—это просто наказаніе! Одинъ изъ чиновниковъ подарилъ до пятнадцати кадочекъ съ соей. Прислали саки, какой-то сушеной рыбы, икры; губернаторъ—опять зелени, все это на прощанье.

Послѣ обѣда адмиралъ подалъ Кавадзи золотые часы „къ цѣпочкѣ, которую вамъ сейчасъ подарили“, добавилъ онъ. Кавадзи былъ въ восторгѣ; онъ еще и въ засѣданіяхъ какъ будто напрашивался на такой подарокъ и все показывалъ свои толстые, неуклюжіе серебряные часы, какихъ у насъ не найдешь теперь даже у деревенскаго дьячка. Тсутсую подарили часы поменьше, тоже золотые, и два куска шелковой матеріи. Прочимъ двумъ по куску матеріи.

Въ 8 часовъ они отправились. Едва они отъѣхали саженъ десять отъ фрегата, какъ вдругъ на концахъ всѣхъ рей показались, сначала искры, потомъ затеплились огоньки, пока слабо, потомъ внезапно весь фрегатъ будто вспыхнулъ, и окрестность далеко озарилась фантастическимъ заревомъ бенгальскихъ огней. На палубѣ можно было увидѣть иголку—такъ ярко облило зарево фрегатъ и удалявшіяся японскія лодки, и еще ярче отражалось оно въ водѣ. Это произвело эффектъ: на другой день у японцевъ только

и разговора было, что объ этомъ: они спрашивали, какъ, что, изъ чего, просили показать, какъ это дѣлается.

Въ субботу мы были у нихъ. Мрачно, сыро, холодно въ комнатахъ, несмотря на то, что день былъ порядочный. До обѣда время прошло въ привѣтствіяхъ, изъявленіяхъ дружбы. И съ губернаторами заключенъ былъ миръ. Адмиралъ сказалъ имъ, что хотя отношенія наши съ ними были не совсѣмъ пріятны, касательно отведенія мѣста на берегу, но онъ понимаетъ, что губернаторы ничего безъ воли своего начальства не дѣлали и потому противъ нихъ собственно ничего не имѣетъ, напротивъ, благодаритъ ихъ за нѣкоторыя одолженія, доставку провизіи, воды и т. п.; но проситъ только ихъ представить своему начальству, что если оно намѣрено вступить въ какія бы то ни было сношенія съ иностранцами, то пора ему подумать объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ стѣсненій, которыя всякой благородной націи покажутся оскорбительными. Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ извѣститъ свое начальство, а его проситъ извинить только въ томъ, что провизія иногда доставлялась не вполнѣ, сколько требовалось, по причинѣ недостатка. Губернаторамъ послали по куску шелковой матеріи; они отдарили, ужъ не знаю чѣмъ: ящиковъ возили такъ много, что намъ надоѣло даже любопытствовать, что въ нихъ такое.

Прощальный обѣдъ у полномочныхъ былъ полный, хорошій. Похлебка съ лукомъ, приправленная соей и пряностями, очень вкусна. Въ ней плавали фрикадельки, только не знаю изъ чего. Я опять съ удовольствіемъ поѣлъ красной прессованной икры, рыбы подъ соусомъ, съѣлъ двѣ чашки горячаго рису. Накамура, въ подражаніе намъ, безпрестанно подходилъ ко всѣмъ намъ и усердно потчивалъ. „Не угодно ли еще чего-нибудь?“ спрашивали хозяева. „Нѣтъ, ничего, благодаримъ“. „Можетъ-быть, рису, или саки чашечку?“—„Нѣтъ, нѣтъ; мы сыты“.—„Ну, не выпьете ли

горячей воды?" ласково спросилъ старикъ. Мы отказались и отъ этого. „Стало-быть, можно убирать?"—„Сдѣлайте милость".

Послѣ обѣда подали „банкетъ". Конфеты такъ и блестѣли на широкой тарелкѣ синяго фаянса. И какихъ тутъ не было! желтыя, красныя, осыпанныя рисовой пылью, все ѣсть нельзя. Все это завернули, вмѣстѣ съ тарелкой, и отослали къ намъ: Фаддееву праздникъ! Послѣ поставили передъ каждымъ изъ насъ по подставкѣ, на которой лежали куски матеріи, еще подарки отъ Сіогуна. Матеріи льняныя, шелковыя и, кажется, бумажныя. Офицерамъ всѣмъ принесли по ящику, съ дюжиной чашекъ, тонкаго, почти прозрачнаго фарфора—тоже отъ имени японскаго государя. Матеріи, кажется, считаются, какъ подарокъ, выше; но ихъ охотно можно промѣнять на эти легкія, почти прозрачныя, оригинальныя чашки.

Полномочные опять пытались узнать, куда мы идемъ, между прочимъ, не въ Охотское ли море, т.-е. не скажемъ ли, въ Петербургъ. „Теперь пока въ Китай", сказали имъ: „въ Охотскомъ морѣ—льды, туда нельзя". Эта скрытость очевидно не нравилась имъ. Напрасно Кавадзи прищуривалъ глаза, закусывалъ губы: на него смотрѣли съ улыбкой. Бѣда ему, если мы идемъ въ Едо!

Адмиралъ не хотѣлъ однакожъ напрасно держать ихъ въ страхѣ: онъ предполагалъ объявить имъ, что мы воротимся не прежде весны, но только хотѣлъ сказать это, уходя, чтобы они не дѣлали возраженій. Оттого имъ послали объявить объ этомъ, когда мы уже снимались съ якоря. На прощанье, Тсутсуй и губернаторы прислали еще недосланные подарки, первый бездну ящиковъ адмиралу, И-ту, капитану и мнѣ, вторые—живности и зелени, для всѣхъ.

Вѣтеръ былъ попутный, погода тихая. Намъ не нужно было уже держаться вмѣстѣ съ другими судами. Адмиралъ

отпустилъ ихъ, приказавъ идти на Лукейскіе острова, и мы, поставивъ всѣ паруса, 24-го января, покатили по широкому раздолью на югъ. Шкуна ушла еще прежде, за извѣстіями въ Шанхай о томъ, что дѣлается въ Европѣ, въ Китаѣ. Ей тоже велѣно придти на Лю-чу. Не привезетъ ли она писемъ отъ васъ? Я что-то отчаиваюсь, получаете ли вы мои? Манилла! Манилла! вотъ наша мечта, наша обѣтованная земля, куда стремятся напряженныя наши желанія. Это та же Испанія, съ монахами, синьорами, покрывалами, дуэньями, боемъ быковъ, да еще, вдобавокъ, Испанія тропическая!

IV.

ЛИКЕЙСКІЕ ОСТРОВА.

Видъ берега. — Бо-Тсунгъ. — Базиль Галль. — Идиллія. — Дорога въ столицу. — Столица Чуди. — Каменныя работы. — Пейзажи. — Жители, дома и храмы. — Поля. — Королевскій замокъ. — Зависимость острововъ. — Протестантскій миссіонеръ. — Другая сторона идилліи. — Напа-Кіянъ. — Жилище миссіонера. — Напакіянскій губернаторъ. — Корабль съ китайскими эмигрантами. — Прогулки и отплытіе.

Портъ Напа-Кіянъ, съ 31-го января по 9-е февраля 1854 г.

Я все время поминалъ васъ, мой задумчивый артистъ: войдешь, бывало, утромъ къ вамъ въ мастерскую, откроешь васъ гдѣ-нибудь за рамками, передъ полотномъ, подкрадешься такъ, что вы, углубившись въ вашу творческую мечту, не замѣтите, и смотришь, какъ вы набрасываете очеркъ, сначала легкій, блѣдный, туманный; все мѣшается въ одномъ свѣтѣ: деревья съ водой, земля съ небомъ...

Придешь потомъ черезъ нѣсколько дней—и эти блѣдные очерки обратились уже въ опредѣлительные образы: берега дышатъ жизнью, все ярко и ясно...

Въ такихъ блѣдныхъ очертаніяхъ, какъ ваши эскизы, явились сначала мнѣ Ликейскіе острова. Масса земли, не то синей, не то сѣрой, мѣстами лежала горбатой кучкой, мѣстами полосой тянулась по горизонту. Насъ отдѣляли отъ берега пять-шесть миль и гряда коралловыхъ рифовъ. Объ эту каменную стѣну яростно била вода, и буруны, или разстилались далеко гладкой пеленой, или высоко вскакивали и облаками снѣжной пыли сыпались въ стороны. Издали казалось, что изъ воды вырывались клубы густого бѣлаго дыма; а кругомъ синее-пресинее море, въ которое съ рифовъ потоками катился жемчугъ да изумруды. Берегъ теменъ; но вдругъ лучъ падалъ на какой-нибудь клочокъ, покрытый свѣжимъ всходомъ, и какъ ярко зеленѣлъ этотъ клочокъ!

Послѣдніе два дня дулъ крѣпкій, штормовой вѣтеръ; наконецъ онъ утихъ и позволилъ намъ зайти за рифы, на рейдъ. Это было сдѣлано съ разсвѣтомъ; я спалъ и ничего не видалъ. Я вышелъ на палубу, и берегъ представился мнѣ вдругъ, какъ уже оконченная, полная картина, прихотливо-изрѣзанный красивыми линіями, со всѣми своими очаровательными подробностями, въ краскахъ, въ блескѣ.

Берегъ, особенно въ сравненіи съ Нагасакскимъ, казался низменнымъ; но зато какъ онъ разнообразенъ! Налѣво отъ насъ выдающаяся въ море часть вывѣтрилась. Тамъ росла скудная трава, изъ за которой, какъ лысина сквозь рѣдкіе волосы, проглядывали кораллы, посѣрѣвшіе отъ непогодъ, кое-гдѣ кусты, да глинистыя отмели. Прямо передъ нами, берега далеко отступили отъ мели назадъ, представляя коллекцію пейзажей, одинъ другого лучше. Низменная часть тонетъ въ густыхъ садахъ; холмы покрыты нивами, точно красивыми разноцвѣтными заплатами; вершины холмовъ

увѣнчаны кедрами, которые стоятъ дружными кучками, съ своими горизонтальными вѣтвями.

Что за зелень тамъ, въ этой кучѣ деревьевъ? чѣмъ засѣяны поля? каковы дома?... Скорѣй, скорѣй, на берегъ! Двѣ коралловыя сѣрыя скалы выступаютъ далеко изъ береговъ и висятъ надъ водой: на вершинѣ одной изъ нихъ видна кровля протестантской церкви, а рядомъ съ ней тяжело залегли въ густой травѣ и кустахъ каменныя массивныя глыбы разныхъ формъ, цилиндры, полукруги, овалы: издалека примешь ихъ за зданія—такъ велики они. Это памятники кладбища. Далѣе направо берегъ опять немного выдался къ морю и идетъ то холмами, то тянется низменной, песчаной отмелью, заливаемой приливомъ. Вплоть почти подъ самымъ берегомъ идетъ гряда рифовъ, черезъ которые скачутъ буруны: мѣстами высунулись изъ воды камни; во время отлива они видны, а въ приливъ прячутся.

Вообще весь рейдъ усѣянъ мелями и рифами. Бѣда входить на него безъ хорошихъ картъ! а тутъ одна только карта и есть порядочная—Бичи. Черезъ часъ катеръ нашъ, чуть-чуть задѣвая килемъ за каменья обмелѣвшей при отливѣ пристани, уперся въ глинистый берегъ. Мы выскочили изъ шлюпки и очутились—въ саду не въ саду, и не въ лѣсу, а въ какомъ-то паркѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ, отчасти знакомыхъ и отчасти незнакомыхъ деревьевъ и кустовъ. Изъ нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ было тутъ немного сосенъ, а то все новое, у насъ невиданное.

Меня опять поразилъ, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, сильный, пріторный и пряный запахъ тропическихъ лѣсовъ, охватила теплая влажность ароматическихъ испареній. Мимо лѣса краснаго дерева и другихъ, которые толпой жмутся къ самому берегу, какъ будто хотятъ столкнуть другъ друга въ воду, пошли мы по тропинкѣ къ другому большому лѣсу, или саду, манившему издали къ себѣ. Мы прошли по гли-

пистой отмели, мимо ямъ и врытыхъ туда сосудовъ, для добыванія изъ морской воды соли. За отмелью начиналась аллея, или улица — какъ хотите, маленькой деревушки Бо-Тсунгъ.

Возьмите путешествіе Базиля Галля (въ 1816 г.): онъ въ числѣ первыхъ посѣтилъ Ликейскіе острова, и взгляните на приложенную къ книгѣ картину, видъ острова: это именно тотъ, гдѣ мы пристали. Вы посмѣетесь надъ этимъ сказочнымъ ландшафтомъ, надъ огромными деревьями, спрятавшимися въ лѣсу хижинами, краснымъ ручейкомъ. Все это покажется похожимъ на пейзажи—съ деревьями изъ моху, съ стеклянной водой и съ бумажными людьми. Но когда увидите оригиналъ, тогда посмѣетесь только безсилію картинки сдѣлать что-нибудь похожее на дѣйствительность.

Что это такое „Ликейскіе острова“, или, какъ писали у насъ въ старыхъ географіяхъ „Ліеу-Кіеу“, или какъ иностранцы называютъ ихъ „Лю-чу“ (Loo-Choo), а по выговору жителей „Ду-чу?“ Развертываете того же Галля, думаете прочесть путешествіе и читаете—идиллію. Да, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ на декораціи, или на картинахъ Ватo. Читаете, что люди, лошади, быки—здѣсь карлики, а куры и пѣтухи—великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей, не говорятъ: иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ навстрѣчу путешественникамъ, берутъ за

руки, ведутъ въ дома и съ земными поклонами ставятъ передъ ними избытки своихъ полей и садовъ... Что это? гдѣ мы? среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Ужели Ѳеокритъ въ самомъ дѣлѣ правъ?

Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и баніановъ; между ними видны кое-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія, и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ. Между деревьями, въ самомъ дѣлѣ какъ на картинкѣ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью: и это только, чтобъ оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миніатюрные дома окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной, росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серьезными лицами, въ широкихъ, простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись— совѣстно и сказать „старики“, непремѣнно скажешь, „старцы“, съ длинными сѣдыми бородами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

„Что это такое?“ твердилъ я, удивляясь все болѣе и болѣе: „этакъ, не только Ѳеокриту, повѣришь и мадамъ Дезульеръ и Геснеру, съ ихъ Меналками, Хлоями и Дафнами; недостаетъ барашковъ на ленточкахъ. А тутъ кстати, какъ нарочно, нашихъ барановъ велѣно свезти на берегъ погулять, будто въ дополненіе къ идиллiи.

— „Куда же мы идемъ?“ вдругъ спросилъ кто-то изъ насъ, и всѣ мы остановились.—„Куда эта дорога?“ спросилъ я одного жителя по-англійски. Онъ показалъ на ухо, помоталъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ.—„Пойдемте въ столицу“, сказалъ И. В. Ф.:—въ Чую или Чуди (Tshudi, Tshue—по-китайски Шоу-ли, главное мѣсто, но жители произносятъ *Шули*): до нея часъ ходьбы, по прекрасной дорогѣ, среди живописныхъ пейзажей.—„Пойдемте“.

Я любовался тѣмъ, что̀ вижу, и дивился не тропической растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху—это все было и въ другихъ мѣстахъ, а этой стройности, прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ: дивился также я этимъ земляянымъ и каменнымъ работамъ, стоившимъ столькихъ трудовъ: это муравейникъ, или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь какъ̀ все родилось, такъ̀, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія. Что̀ у другихъ смутное преданіе, то̀ здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

Лѣсъ какъ садъ, какъ паркъ царя, или вельможи. Вездѣ виденъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе каменные дома—ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины, въ родѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнкахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ: четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта:

она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается. Мы подошли къ красивому, объ одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней... Кто училъ этихъ дѣтей природы строить? невольно спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ узнали о ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣющіе строить такіе мосты; сами они нигдѣ не были.

Это единственный, уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ—пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ, развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепріимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ, какъ жили двѣ тысячи лѣтъ назадъ, безъ перемѣны. Люди, страсти, дѣла — все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой: солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ, пороху, и другого подобнаго разврата, нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?

Тронетъ, и ужъ тронула. Американцы, или *люди Соединенныхъ Штатовъ*, какъ ихъ называютъ японцы, за два дня до насъ ушли отсюда, оставивъ здѣсь больныхъ матросовъ, да двухъ офицеровъ, а съ ними бумагу, въ которой увѣдомляютъ суда другихъ націй, что они взяли эти острова подъ *свое покровительство* противъ ига японцевъ, на которыхъ имѣютъ какую-то претензію, и потому просятъ другихъ не распоряжаться. Они выстроили и сарай для

склада каменнаго угля, и послѣ этого *человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ*, коммодоръ Перри, отплылъ въ Японію.

— „Куда ведетъ мостъ?“ спросили мы П. В. Ф., который прежде насъ пришелъ съ своимъ судномъ „Князь Меньшиковъ“ и успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью острова.

„Въ Нану или въ Напа-Кіянъ: вонъ онъ!“ отвѣчалъ Ф., указывая, черезъ ручей, на кучу черепичныхъ кровель, которыя жались къ берегу и совсѣмъ пропадали въ зелени.

Мы продолжали идти въ столицу по деревнѣ, между деревьями, которыя у насъ растутъ за стекломъ, въ кадкахъ. При выходѣ изъ деревни былъ маленькій рынокъ. Косматыя и черныя, какъ чертовки, женщины сидѣли на полу на пяткахъ, подъ воткнутыми въ землю, на длинныхъ бамбуковыхъ ручкахъ, зонтиками, и продавали табакъ, пряники, какое-то бѣлое тѣсто изъ бобовъ, которое тутъ же поджаривали на жаровняхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, завидя насъ, шмыгнули въ ближайшія ворота, или узенькіе переулки, бросивъ свои товары; другія не успѣли, и только закрывались рукавомъ. Боже мой, какое безобразіе! И это женщины: матери, жены! Да кто же женится на нихъ? Мужчины красивы, стройны: любой изъ нихъ годится въ Меналки, а Хлои ихъ ни на что не похожи! Нѣтъ, жаркіе климаты не благопріятны для дамъ, и прекраснымъ поломъ слѣдовало бы называть здѣсь нашего брата, ликейцовъ или лу-чинцовъ, а не этихъ обожженныхъ солнцемъ лу-чинокъ.

Вы знаете дорогу въ Парголово: вотъ такая же крупная мостовая ведетъ въ столицу; только, вмѣсто булыжника, здѣсь кораллы: они мѣстами такъ остры, что чувствительно даже сквозь подошву. Я не понимаю, какъ ликейцы ходятъ по этимъ дорогамъ босикомъ? Зато мѣстами кораллъ обтерся совсѣмъ, и нога скользитъ по немъ, какъ по паркету. Выйдя изъ деревни, мы вступили въ великолѣпнѣйшую аллею, которая окаймлена двумя сплошными стѣнами зелени. Кромѣ

баніановъ, замѣчательны вышиной и красотой толстыя деревья, изъ волоконъ которыхъ японцы дѣлаютъ свою писчую бумагу; потомъ разныя породы миртъ: изрѣдка видна въ саду кокосовая пальма, съорѣхами, и вѣерная. Но пальма что-то показалась мнѣ невзрачна противъ видѣнныхъ нами на Явѣ и въ Сингапурѣ: видно, ей холодно здѣсь—листья жидки и малы. Мы прошли мимо какого-то, загороженнаго высокой каменной и массивной стѣной, зданія, съ тремя входами, наглухо заколоченными, съ китайскими надписями на воротахъ: это буддійскій монастырь. Въ щели, изъ-за стѣны, выглядывало нѣсколько бонзъ, съ бритыми головами.

Все это мѣсто напомнило мнѣ наши старые и извѣстные европейскіе сады. Отъ аллей шло множество дорожекъ и переулковъ, налѣво—въ лѣсъ и къ тѣснящимся въ немъ частымъ хижинамъ и фермамъ, направо—въ обработанныя поля. Дорога змѣеобразно вилась по холмамъ и долинамъ... Ахъ, какая мѣстность вдругъ распахнулась передъ нами, когда мы миновали лѣсъ! Точно вдругъ приподнялся занавѣсъ: вдали открылись холмы, долины, овраги, скаты, обрывы, темнѣли лѣса, а вблизи пестрѣли поля, убранныя террасами и засѣянныя рисомъ, плантаціи сахарнаго тростника, гряды съ огородною зеленью, то блѣдною, то изумрудно-темною!

Все открывшееся передъ нами пространство, съ лѣсами и горами, было облито горячимъ блескомъ солнца; кое-гдѣ въ поляхъ работали люди, разсаживали рисъ, или собирали картофель, капусту и проч. Надъ всѣмъ этимъ покоился такой колоритъ мира, кротости, сладкаго труда и обилія, что мнѣ, послѣ долгаго, труднаго, и подъ конецъ даже опаснаго плаванія, показалось это мѣсто самымъ очаровательнымъ и надежнымъ пріютомъ.

Все это не деревья, не хижины: это древнія *веси*, *сѣни*, *кущи* и *нажити;* иначе о нихъ неприлично и выражаться.

Странно мнѣ было видѣть себя и товарищей, въ нашихъ короткихъ, обтянутыхъ платьяхъ, быстро и звонко шагающихъ подъ тѣнью исполинскихъ баніановъ. Маленькія, хорошенькія лошадки, непривыкшія видѣть европейцевъ, пугались при встрѣчѣ съ нами; онѣ брыкались и бросались въ сторону. Вожатые, завидя насъ, закрывали имъ глаза соломенной шляпой и торопились пройти мимо. Встрѣчныя женщины, хотя и не брыкались, но тоже закрывались, а если успѣвали, то и онѣ бросались въ сторону. Только одна дѣвочка, лѣтъ тринадцати, и, сверхъ ожиданія, хорошенькая, вышла изъ сада на дорогу и смѣло, съ любопытствомъ, во всѣ глаза смотрѣла на насъ, какъ смотрятъ бойкія дѣти. „Какой большой пѣтухъ!“ показывая на пѣтуха сказалъ кто-то: „по крайней мѣрѣ въ полтора раза выше нашихъ“.

Мы шли въ тѣни сосенъ, баніановъ, или блѣдно-зеленыхъ бамбуковъ, изъ которыхъ П. выломалъ тутъ же себѣ славную зеленую трость. Бамбуки смѣнялись выглядывавшимъ изъ-за забора бананникомъ, потомъ строемъ красивыхъ деревьевъ и такъ далѣе. „Что это, ячмень, кажется?“ спросилъ кто-то. Въ самомъ дѣлѣ, нашъ кудрявый ячмень! По террасамъ, съ одной на другую, текли нити воды, орошая посѣвы риса.

Глаза разбѣгались у насъ, и мы не знали, на что смотрѣть: на пѣшеходовъ ли, спѣшившихъ, съ маленькими лошадками и клажей на нихъ, изъ столицы и въ столицу; на дальнюю ли гору, которая, мягкой зеленой покатостью, манила войти на нее и посидѣть подъ кедрами; солнце ярко выставляло ее напоказъ, а тутъ же рядомъ пряталась въ прохладной тѣни долина, съ огороженнымъ, высокимъ заборомъ, хижинами, почти совсѣмъ закрытыми вѣтвями. Что это за сила растительности! какое разнообразіе почвы! И всюду чистота, порядокъ. Таково богатство и разнообразіе видовъ, что перестаешь наконецъ дорожить увидѣть то, не

прозѣвать это, запомнить третье. Разсѣянно смотришь вокругъ: все равно, куда ни смотри, одно и то же—все прекрасно, игриво, зелено.

Дорога пошла въ гору. Жарко. Мы сняли пальто: наши узкіе костюмы, изъ сукна и другихъ плотныхъ матерій, просто невозможны въ этихъ климатахъ. Каковъ жаръ долженъ быть лѣтомъ! Хорошо еще, что вѣтеръ съ моря приноситъ со всѣхъ сторонъ постоянно прохладу! А всего въ 26-мъ градусѣ широты лежатъ эти благословенные острова. Какъ не взять ихъ подъ *покровительство?* Люди Соединенныхъ Штатовъ совершенно правы, съ своей стороны.

На горѣ начались хижины—все какъ будто игрушки; жаль, что онѣ прячутся за эти сплошные заборы; но иначе нельзя: ураганы или тай-фуны, въ полосу которыхъ входятъ и Лю-чу, разметали бы, какъ соръ, эти птичьи клѣтки, не будь они за такой крѣпкой оградой. По горѣ лѣсу уже не было, но за то чего не было въ долинѣ, которая простиралась далеко отъ подошвы ея въ сторону! Я усталъ любоваться, равнодушно смотрѣлъ на персиковыя деревья въ полномъ цвѣту, на миртовые и кипарисные кусты! Мы вошли на гору, окинули взглядомъ все пространство и молчали, теряясь въ красотѣ и разнообразіи видовъ. Глазъ видитъ далеко: съ обѣихъ сторонъ острова видно море на третьемъ планѣ. Вонъ и рифъ, съ пѣной буруновъ, еще вчера грозившій намъ смертью! „Я въ бурю всю ночь не спалъ и молился за васъ“, сказалъ намъ одинъ изъ оставшихся американскихъ офицеровъ, кажется, методистъ: „я поминутно ждалъ, что услышу пушечные выстрѣлы“. Время было бурное, а входъ на рейдъ, какъ я сказалъ выше, считается очень опаснымъ.

Наконецъ мы пришли. „Э! да не шутя столица!“ подумаешь, глядя на широкія ворота, съ фронтономъ въ китайскомъ вкусѣ, съ китайскою же надписью.

*

— Что̀ тамъ написано? прочтите, спросили мы Г. — Не вижу, высоко, отвѣчалъ онъ. Мы забыли, что онъ былъ близорукъ.

Мы прошли ворота: передъ нами тянулась безконечная широкая улица, или та же дорога, только не мощеная крупными кораллами, а убитая мелкими каменьями, какъ шоссе. съ сплошными, по обѣимъ сторонамъ, садами, или парками, съ великолѣпною растительностью. Изъ-за заборовъ мѣстами выглядывали красныя черепичныя кровли. Никто насъ не встрѣтилъ, никто даже не показывался: всѣ какъ будто выѣхали изъ города. Немногіе встрѣчные, и между прочимъ одинъ докторъ, или бонзъ, съ бритой головой, въ халатѣ изъ травяного холста, торопливо шли мимо, а если мы пристально вглядывались въ нихъ, они, съ выраженіемъ величайшей покорности, а больше, кажется, страха, кланялись почти до земли и спѣшили дальше. У нѣкоторыхъ воротъ показывались и исчезали люди, или смотрѣли въ щели. Видно, что въ этой улицѣ жилъ высшій, или зажиточный классъ: къ домамъ ихъ вели широкіе, каменные коридоры. Мы крупнымъ шагомъ шли все далѣе; улица заворотилась налѣво, и мы очутились передъ дворцомъ.

Это замокъ, съ каменной, массивной стѣной, сажени въ четыре вышины, мѣстами поросшей мохомъ и ползучими растеніями. Широкое каменное крыльцо, грубой работы, вело къ высокому порталу, заколоченному наглухо досками. У воротъ по обѣимъ сторонамъ, на пьедесталахъ, сидѣли коралловыя животныя, въ родѣ сфинксовъ. Нигдѣ ни признака жизни; все окаменѣло, точно въ волшебной сказкѣ, а мы пришли изъ-за тридевяти земель какъ будто доставать жаръ-птицу. У воротъ, въ сторонѣ, выстроена деревянная галлерея, въ родѣ гауптвахты, какія мы видѣли въ Нагасаки. Въ ней на цыновкахъ сидѣли на пяткахъ ликейцы, вѣроятно слуги дворца: и тѣ не шевелились, тоже—какъ каменные.

Мы присѣли тутъ немного отдохнуть, потомъ спустились подъ гору, куда вела покатая терраса, усаженная баніанами, кедрами, между которыми змѣились во всѣ стороны тропинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочились и чуть-чуть журчали каскады. Вонъ огороженная заборомъ и окруженная бассейномъ кумирня: вдали узкія, но правильныя улицы: кровли домовъ и шалашей, разбросанныхъ на горѣ и по покатости—рѣшительно кущи да сѣни древняго міра!

Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буйная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія. Воздѣланныя поля, чистота хижинъ, сады, груды плодовъ и овощей, глубокій миръ между людьми—все свидѣтельствовало, что жизнь доведена трудомъ до крайней степени матеріальнаго благосостоянія; что самыя заботы, страсти, интересы, не выходятъ изъ круга немногихъ житейскихъ потребностей: что область ума и духа цѣпенѣетъ еще въ сладкомъ, младенческомъ снѣ, какъ въ первобытныхъ языческихъ пастушескихъ царствахъ; что жизнь эта дошла до того рубежа, гдѣ начинается царство духа, и не пошла далѣе... Но все готово: у однѣхъ дверей стоитъ религія, съ крестомъ и лучами свѣта, и кротко ждетъ пробужденія младенцевъ; у другихъ—„люди Соединенныхъ Штатовъ“, съ бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками, и прочими орудіями новѣйшей цивилизаціи...

Мы сошли съ террасы и обошли замокъ вокругъ, взбираясь обратно вверхъ по крутой каменной тропинкѣ, все изъ коралловъ. Другихъ тропинокъ я не видалъ; и тѣ, которыя ведутъ изъ улицъ въ поля, всѣ идутъ лѣстницами, выложенными изъ камня. Лакейцы слѣдовали за нами, но издали, робко. И. В. Ф., которому не нравилось это провожанье, махнулъ имъ рукой, чтобъ шли прочь: они въ ту же минуту согнулись почти до земли и оставались въ этомъ положеніи, пока онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, а

потомъ опять шли за нами, прячась въ кусты, а гдѣ кустовъ не было, слѣдовали по дорогѣ, и все издали. Я однакожъ знаками подозвалъ одного къ себѣ. Онъ не вдругъ подошелъ: сдѣлаетъ два шага и остановится въ нерѣшимости; наконецъ подошелъ. Въ это время надо было спускаться по чрезвычайно крутой и извилистой, каменной тропинкѣ, проложенной сквозь чащу лѣса, надъ обрывами и живописными оврагами, сплошь заросшими пальмами, миртами и кедрами. Я оперся на ликейца, и онъ былъ, кажется, очень доволенъ этимъ, шелъ ровно и осторожно, и всякій разъ бросался поддерживать меня, когда я оступался, или нога моя скользила по гладкому кораллу. Я, имѣя надежную опору, не безъ смѣха смотрѣлъ, какъ кто-нибудь изъ нашихъ поскользнется, спохватится и начнетъ упираться по скользкому мѣсту, а другой помчится вдругъ по крутизнѣ, напрасно желая остановиться, и бѣжитъ до перваго большого дерева, за которое и уцѣпится.

Внизу мы прошли чрезъ живописнѣйшій лѣсокъ — нельзя нарочно расположить такъ красиво рощу — подъ развѣсистыми баніанами и кедрами, и вышли на поляну. Здѣсь лежала, вѣроятно занесенная землетрясеніемъ, громадная глыба коралла, вся обросшая мохомъ и зеленью. Романтики тутъ же объявили, что хорошо бы пріѣхать сюда на цѣлый день съ музыкой; „съ закуской и обѣдомъ“, прибавили положительные люди. Мы вышли въ одну изъ боковыхъ улицъ, съ маленькими домиками: около каждаго тѣснилась кучка банановъ и цвѣты.

Изъ нея вышли въ другую улицу, прошли нѣсколько домовъ: улица вдругъ раздвинулась. Съ одной стороны домовъ не стало, и мы остановились, очарованные несравненнымъ видомъ. Представьте прудъ, въ родѣ Марли, гладкій и чистый, какъ зеркало: съ противоположной стороны смотрѣлась въ него цѣлая гора, покрытая густо, какъ щетка, или

какъ шуба, зеленью самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ колоритовъ, самыхъ нѣжныхъ, мягкихъ, узорчатыхъ листьевъ и острыхъ иглъ. Этотъ исполинскій букетъ такъ тѣсно былъ сжатъ, что нельзя было видѣть почвы, на которой онъ растетъ.

Мы продолжали путь по улицѣ, взглянули впередъ— другое, неожиданное зрѣлище привлекло наше вниманіе. Это была, повидимому, самая населенная и торговая улица. Но что̀ дѣлаютъ жители? Они съ испугомъ указываютъ на насъ: кто успѣваетъ, запираетъ лавки, а другіе бросаютъ ихъ незапертыми и бѣгутъ въ разныя стороны. Напрасно мы манимъ ихъ руками, кланяемся, машемъ шляпами: они пуще бѣгутъ. Я видѣлъ ка̀къ по кровлѣ одного дома, со всѣми признаками ужаса, бѣжала женщина: только развѣвались полы синяго ея халата; разсыпавшееся зданіе косматыхъ волосъ обрушилось на спину; рѣзво работала она голыми ногами. Но не всѣ успѣли убѣжать: оставшіеся мужчины недовѣрчиво смотрѣли на насъ: женщины закрылись. Товаръ все тотъ же, что̀ и на первомъ рынкѣ. Тутъ видѣли мы кузницу, еще пилили дерево, красили простую матерію, продавали зелень, табакъ, да разныя сласти.

Мы походили еще по парку, подошли къ кумирнѣ, но она была заперта. Сидѣвшій у воротъ старикъ предложилъ намъ горшечекъ съ горячими угольями закурить сигары. Мы показывали ему знаками, что хотимъ войти, но онъ ласково улыбался и отрицательно моталъ головой. У воротъ кумирни, въ деревянныхъ нишахъ, стояли два, деревянные же, раскрашенные идола, безобразной наружности, напоминавшіе, какъ у насъ рисуютъ дьявола. Я зашелъ было на островокъ, въ другую кумирню, которую видѣлъ съ террасы дворца, но жители, пока мы шли внизъ, успѣли запереть и ее. Между народомъ я замѣтилъ нѣсколько бритыхъ бонзъ, все молодыхъ; одинъ былъ просто мальчикъ: вѣроятно, это служители храмовъ.

Заглянувъ еще въ нѣкоторыя улицы и переулки, мы вышли на большую дорогу и отправились домой. Я усталъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на хребетъ каждой лошадки: но жители не даютъ лошадей, хотя я видѣлъ у одного забора множество ихъ осѣдланныхъ и привязанныхъ. Сходя съ горы, мы увидали чистенькій дворикъ: я подошелъ къ воротамъ. Старикъ, котораго я тутъ засталъ, съ краснымъ носомъ и красными шишками по всему лицу, поклонился и вошелъ въ домъ; я за нимъ, со мной нѣкоторые изъ товарищей. Домъ оказался кумирней, но идола не было, а только жертвенникъ съ китайскими надписями на стѣнахъ и столбахъ, да бѣдная домашняя утварь. Тутъ, кажется, молились не буддисты, а приверженцы древней китайской религіи. Мы заглянули въ другую комнату, повидимому, парадную, устланную до того чистыми матами, что совѣстно было ступить ногой. Хозяева, кажется, обѣдали. Они зашевелились-было готовить намъ чай, но мы, чтобъ не тревожить ихъ, удалились.

Говорятъ, жители не показывались намъ болѣе потому, что передъ нашимъ пріѣздомъ умерла вдовствующая королева, мать регента, управляющаго островами, вмѣсто малолѣтняго короля. По этому случаю наложенъ трауръ на пятьдесятъ дней. Мы видѣли многихъ въ бѣлыхъ травяныхъ халатахъ. Извѣстно, что бѣлый цвѣтъ—траурный на Востокѣ.

Ликейскіе острова управляются королемъ. Около трехсотъ лѣтъ назадъ, прибыли сюда японскіе суда, а именно князя Сатсумскаго, взяли острова въ свое владѣніе и обложили данью, которая, по словамъ здѣшняго миссіонера, простирается до двухсотъ тысячъ рублей на наши деньги. Но по показанію другихъ, острова могутъ приносить впятеро больше. По этимъ цифрамъ можно судить о плодородіи острова. Не даромъ князь Сатсумскій считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ японскихъ князей.

Но дань платится натурою: рисомъ, который выше всѣхъ сортовъ, и даже японскаго, также табакомъ, амброй, тканями изъ банановыхъ волоконъ и саки. Саки тоже считается лучшимъ, и японцы вымѣниваютъ много своего риса на здѣшній, какъ лучшій для выдѣлки саки.

Послѣ ликейцы думали-было отложиться отъ Японіи, но были покорены вновь. Ликейскій король, въ началѣ царствованія, отправляется обыкновенно въ Японію и тамъ утверждается окончательно.

Нынѣшнему королю всего двѣнадцать лѣтъ. Онъ поѣдетъ въ Японію по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста. Король живетъ здѣсь какъ плѣнникъ, въ крѣпкомъ своемъ замкѣ, который мы видѣли, и никому не показывается. Показываться народу, какъ вамъ извѣстно, считается для верховной власти неприличнымъ на Востокѣ. Здѣшній миссіонеръ проникъ однакожъ нечаянно, въ китайскомъ платьѣ, въ замокъ и, незамѣченный, дошелъ до покоевъ короля. Король игралъ въ мячикъ и долго не замѣчалъ посторонняго: потомъ увидѣлъ и скрылся. Придворные съ поклонами окружили нескромнаго посѣтителя и показали дорогу вонъ.

Ликейцы находились въ зависимости и отъ китайцевъ, платили прежде и имъ дань; но японцы, уничтоживъ въ XVII-мъ столѣтіи китайскій флотъ и десантъ, посланный изъ Китая для покоренія Японіи, избавили и ликейцевъ отъ китайской зависимости. Однакожъ послѣдніе все-таки ѣздятъ въ Пекинъ довершать въ тамошнихъ училищахъ образованіе, и оттого знаютъ всѣ по-китайски. Письменнаго своего языка у нихъ нѣтъ: они пишутъ японскими буквами. Ѣздятъ они туда не съ пустыми руками, но и не съ данью, а съ подарками—такъ сказалъ намъ миссіонеръ, между тѣмъ какъ сами они отрекаются отъ дани японцамъ, а говорятъ, что они въ зависимости отъ китайцевъ. Кажется, они говорятъ это по наущенію японцевъ: а можетъ-быть, услышавъ

отъ американцевъ, что съ японцами могутъ возникнуть у нихъ и у европейцевъ несогласія, ликейцы, чтобъ не возстановить противъ себя ни тѣхъ, ни другихъ, заранѣе отрекаются отъ японцевъ.

Г. и о. А. отыскали между ликейцами одного знакомаго, съ которымъ видѣлись, лѣтъ двѣнадцать назадъ, въ Пекинѣ и размѣнялись подарками. Вотъ стеченія обстоятельствъ! „Вы мнѣ подарили графинъ“, сказалъ ликеецъ о. А. Послѣдній вспомнилъ, что это дѣйствительно такъ было.

Однакожъ ликейцы не производятъ себя ни отъ японцевъ, ни отъ китайцевъ, ни отъ корейцевъ. Съ перваго раза видно, что въ существованіи ликейцевъ не участвовали китайцы. Корейцевъ я еще не видалъ, и потому не знаю, есть ли сходство у нихъ съ ликейцами, или нѣтъ. У ликейцевъ глаза большіе, не угловатые, какъ у китайцевъ, овалъ лица правильный, скулы не выдаются. Языкъ у нихъ, по словамъ миссіонера, сродни японскому и составляетъ, кажется, его идіомъ. Ликейцы и японцы понимаютъ другъ друга. Ближе всего предположить, что они родня между собою.

Мы лѣниво возвращались домой, не переставая распространять по дорогѣ чувство, въ родѣ безотчетнаго ужаса. Мальчишка лѣтъ десяти, съ вязанкой зелени, велъ другого мальчика лѣтъ шести: завидя насъ, онъ бросилъ вязанку и маленькаго своего товарища и кинулся безъ оглядки бѣжать по боковой тропинкѣ въ поле. Возвратясь въ деревню Бо-Тсунгъ, мы втроемъ, П., А. и я, зашли въ ворота одного дома, думая, что сейчасъ за воротами увидимъ и крыльцо: но заборъ шелъ лабиринтомъ и былъ не одинъ, а два, образуя вмѣстѣ корридоръ. Мы поворотили направо, потомъ налѣво... Конецъ, что ли? нѣтъ, опять корридоръ направо, точно западня для волковъ, еще налѣво—и мы очу-

тились въ маленькомъ садикѣ, передъ домикомъ, огороженнымъ еще третьимъ, бамбуковымъ, и послѣднимъ заборомъ. Мы, входя, наткнулись на низенькую, черную, какъ головешка, старуху, съ плоскимъ лицомъ. Она, какъ мальчишка же, перепугалась и бросилась бѣжать по грядамъ къ лѣсу, работая во всѣ лопатки. Мы покатились со смѣху; она ускорила шаги. Мы хотѣли отворить ворота—заперты; зашли съ другой стороны къ калиткѣ—тоже заперта. Оставалось уйти. Мы посмотрѣли опять на бѣгущую все еще вдали старуху и повернули къ выходу, какъ вдругъ изъ домика торопливо вышелъ заспанный старикъ и отперъ намъ калитку, низко кланяясь и прося войти. Мы вошли въ палисадникъ; онъ отодвинулъ одну стѣну или раму домика, и намъ представились миніатюрныя комнаты, совершенно какъ клѣтки попугая, съ своей чистотой, лакированными вещами и бѣлыми цыновками. Мы туда не вошли, а попросили огня. Сейчасъ другой, молодой ликеецъ, принесъ намъ горшокъ съ золой и угольями. Мы взглянули кругомъ себя—цвѣты, алоэ, бананы, больше ничего: поблагодарили хозяина и вышли вонъ. Я посмотрѣлъ, что̀ старуха? Она въ это время добѣжала до первыхъ деревьевъ лѣса, забѣжала за бананъ, остановилась и, какъ орангъ-утангъ, глядѣла сквозь вѣтви на насъ. Увидя, что мы стоимъ и съ хохотомъ указываемъ на нее, она пустилась бѣжать дальше въ лѣсъ.

Мы догнали товарищей, которые уже садились въ катеръ. Но во время нашей прогулки вода сбыла и катеръ трогалъ килемъ дно. Мы стянулись кое-какъ и добрались до нашего судна, гдѣ застали гостей: трехъ длиннобородыхъ старцевъ, въ бѣлыхъ, съ черными полосками, халатахъ и сандаліяхъ на босу-ногу. Они пріѣхали отъ напайскаго губернатора поздравить съ пріѣздомъ и привезли въ подарокъ зелени, яицъ и куръ. Ихъ угостили чаемъ. Одинъ свободно говорилъ съ Г., на бумагѣ, по-китайски, а другой

по-англійски, но очень мало. И то успѣхъ, когда вспомнишь, что наши европейскіе языки чужды имъ, и по духу, и по формамъ. Давно ли „человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ покровительствуетъ“ этимъ младенцамъ, а ужъ кое-чему научилъ... Ликейцы обѣщали привезти быковъ, рыбы, зелени, за деньги, и уѣхали.

На другой день, 2-го февраля, мы только собрались-было на берегъ, какъ явился къ намъ англійскій миссіонеръ Беттельгеймъ, худощавый человѣкъ, съ еврейской физіономіей, не съ блѣднымъ, а съ выцвѣтшимъ лицомъ, съ руками, похожими немного на птичьи когти: большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ разсказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что-то нерасполагающее въ его пользу. Онъ восемь лѣтъ живетъ на Лю-чу, и въ маѣ отправляется въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ отправится туда же съ Перри, который обѣщалъ взять его съ собою, лишь только другой миссіонеръ пріѣдетъ на смѣну.

Восемь лѣтъ на Лю-чу—это подвигъ, истинно-христіанскій! Миссіонеръ говорилъ по-англійски, по-нѣмецки, и весьма плохо по-французски. Мы пустились въ разспросы о жителяхъ, о народонаселеніи, о промышленности, о нравахъ, обо всемъ.

— Что за мѣсто, что за жители! говорили мы:—не вѣришь Базилю Галлю, а выходитъ на повѣрку, что онъ еще скроменъ.

— Да, мѣсто точно прекрасное, сказалъ Беттельгеймъ:—надо еще осмотрѣть заливъ Мельвиль, да одинъ пунктъ на сѣверной сторонѣ—это рай.

— А жители? Какая простота нравовъ, гостепріимство! Странствуешь точно съ Улиссомъ къ одному изъ гостепріим-

ныхъ царей-пастырей, которые выходили путникамъ навстрѣчу, угощали...

— Развѣ они встрѣчали и угощали васъ? спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, встрѣчали мало, больше провожали...

— Да, они дѣйствительно охотнѣе провожаютъ, нежели встрѣчаютъ: вѣдь это полицейскіе, шпіоны.

— Какъ полицейскіе? Развѣ здѣсь есть они?

— Какъ же! Чтобъ наблюдать, куда вы пойдете, что̀ будете дѣлать, замѣчать, кто къ вамъ подойдетъ, станетъ разговаривать, чтобъ потомъ расправиться съ тѣмъ по-своему...

— Что̀ вы? возможно ли? Кажется, жители такъ кротки, простодушны, такъ привѣтливы: это видно изъ ихъ поклоновъ...

— Боятся, такъ и привѣтливы. Если японцы стали вдругъ привѣтливы, когда вы и американцы появились съ большой силой, то какъ же не быть привѣтливыми ликейцамъ, которыхъ всего отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ на островѣ!

— Мнѣ нравится простота и трудолюбіе, сказалъ я.— Есть же уголокъ въ мірѣ, который не нуждается ни въ какомъ сосѣдѣ, ни въ какой помощи! Кажется, если бъ этимъ дѣтямъ природы предоставлено было просить чего-нибудь, то они, какъ Діогенъ, попросили бы не загораживать имъ солнца. Они умѣренны, воздержны...

— Они точно простоваты, замѣтилъ миссіонеръ:—но насчетъ воздержанія... нельзя сказать: они сильно пьютъ.

— Пьютъ! что вы? помилуйте: защищали мы съ жаромъ (намъ очень хотѣлось отстоять идиллію и мечту о золотомъ вѣкѣ):—у нихъ и вина нѣтъ: что̀ имъ пить?

— А саки? отвѣчалъ Беттельгеймъ:—оно здѣсь лучше, нежели въ Японіи, и крѣпкое, какъ ромъ.

— Пьютъ! говорилъ я въ недоумѣніи.

— И играютъ, прибавилъ пасторъ.

— Нѣтъ, ужъ это слишкомъ! ужели въ самомъ дѣлѣ? Да во что̀ же: въ какія-нибудь невинныя игры: борются, бѣгаютъ, какъ древніе на олимпійскихъ играхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! настойчиво твердилъ Беттельгеймъ:— играютъ въ азартныя игры...

— Скажите, пожалуйста: эти добродѣтельные, мудрые старцы—шпіоны, картежники, пьяницы! Кто бы это подумалъ!

— Да: у нихъ есть что-то въ родѣ картъ, сказалъ онъ:— даже нищіе, и тѣ играютъ какъ-то стружками, или щепками, и проигрываются до тла.

— Вотъ тебѣ и идиллія, и золотой вѣкъ, и Одиссея! Да у кого они переняли? хотѣлъ-было я спросить, но вспомнилъ, что есть у кого перенять: они просвѣщеніе заимствуютъ изъ Китая, а тамъ, на базарѣ, я видѣлъ непроходимую кучу народа, толпившагося около другой кучи сидѣвшихъ на полу игроковъ, которые кидали, помнится, кости. Каждый ставилъ деньги; одинъ счастливый загребалъ потомъ у всѣхъ. Игра начиналась снова; игроки такъ углубились въ свое дѣло, что не замѣчали зрителей, и зрители, въ свою очередь, не замѣчали игроковъ и слѣдили за костями. Вспомнилъ я еще, что недалеко отъ ликейцевъ—Манилла, что тамъ проматываются на пари за бои пѣтуховъ; что еще на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго Океана страсть къ игрѣ свирѣпствуетъ, какъ въ любомъ европейскомъ клубѣ.

— Удивительно, сказалъ я: — что такіе кроткіе люди заражены самою задорною изъ страстей!

— Нельзя сказать, чтобъ они были кротки, замѣтилъ пасторъ:—здѣсь жили католическіе миссіонеры: жители преслѣдовали ихъ, и недавно еще они... поколотили одного миссіонера, некатолическаго...

— Кого же это?

— Меня, кротко и скромно отвѣчалъ Беттельгеймъ (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе). Потомъ, продолжалъ онъ:—ужъ постоянно стали заходить сюда корабли христіанскихъ націй, и именно отъ англійскаго правительства разрѣшено разъ въ годъ посылать одно военное судно, съ китайской станціи, на Лю-чу, наблюдать, какъ поступаютъ съ нами, и вотъ жители кланяются теперь въ-поясъ. Они невѣжественны, грязны, грубы...

Мнѣ стало подозрительно это поголовное порицаніе бѣдныхъ ликейцевъ. Наши сказывали, что когда они спрашивали ликейцевъ, гдѣ живетъ миссіонеръ, то послѣдніе обнаружили знаки явнаго нерасположенія къ нему, и одинъ по-англійски сказалъ про него: „Bad man, very bad man!“ (дурной, очень дурной человѣкъ).

Платя за нерасположеніе нерасположеніемъ, что̀ было несовсѣмъ по-христіански, пасторъ, можетъ-быть, немного преувеличивалъ миніатюрные пороки этихъ пигмеевъ. Они дѣйствительно неласковы были всегда къ миссіонерамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь поселились два католическіе монаха. Жители, не зная ихъ званія, обходились съ ними очень дружелюбно, всѣмъ ихъ снабжали; но узнавъ, кто они, стали чуждаться ихъ. Они не оскорбляли ихъ, напротивъ, кланялись имъ; но лишь только тѣ открывали ротъ, чтобъ заговорить о религіи, ликейцы зажимали уши и бѣжали прочь. Такъ тѣ, не успѣвъ ни въ чемъ, и уѣхали на французскомъ военномъ суднѣ, подъ командою, кажется, адмирала Сесиля, назадъ, въ Китай.

Беттельгеймъ однакожъ сказывалъ, что онъ безпрепятственно проповѣдуетъ ликейцамъ въ ихъ домахъ, и будто они слушаютъ его. Сомнѣваюсь, судя по тому, какъ съ нимъ здѣсь поступаютъ. Онъ говоритъ даже, что ему удалось нѣсколько человѣкъ крестить.

— Я бы успѣлъ и больше, заключилъ онъ:—если бъ не мѣшали японцы. Тѣ ежегодно пріѣзжаютъ сюда на шестидесяти лодкахъ, за данью и за товарами, а ликейцы посылаютъ въ Японію до шестнадцати. Японцы живутъ здѣсь подолгу и поддерживаютъ въ народѣ свою систему отчужденія отъ иностранцевъ, и между прочимъ ненависть къ христіанамъ. И теперь ихъ здѣсь до 600 человѣкъ. Они отростили себѣ волосы, одѣлись въ здѣшній костюмъ и прячутся, наблюдая и за жителями, и за иностранцами. Вы видите, что здѣсь все японское: пришедшая оттуда религія, нравы, обычаи, даже письменный языкъ, на половину, однакожъ, съ китайскимъ. Одни и тѣ же произведенія почвы и та же промышленность. Они дѣлаютъ такія же матеріи, такія же лакированныя вещи, только все грубѣе и проще; ѣдятъ то же самое, какъ тѣ—вся японская жизнь и сама Японія въ миніатюрѣ. Не вѣрьте Базилю Галлю, заключилъ онъ, отодвигая лежавшую передъ нимъ книгу Галля:—въ ней ни одного слова правды нѣтъ, все діаметрально-противоположно истинѣ!

Я дѣйствительно не вѣрю Галлю, но не вѣрю также и ему: перваго слишкомъ ласково встрѣчали, а другого... поколотили; отъ этого два разные голоса.

Я выразилъ ему только опасеніе, чтобъ онъ и его преемники торопливостью не испортили всего дѣла. „Если Японія откроетъ свои порты для торговли всѣмъ націямъ“, сказалъ я: „можетъ-быть, вы поспѣшите, вмѣстѣ съ товарами, послать туда и ваши переводы Новаго Завѣта. Предсказываю вамъ, что вы закроете опять Японію, ничего не сдѣлаете для религіи и испортите торговлю. Японцы осматривали до сихъ поръ каждое судно, записывали каждую вещь, не въ видахъ торговаго соперничества, а чтобъ не прокралась къ нимъ христіанская книга, крестъ—все, что относится до религіи: замѣчали число людей, чтобъ не пробрался въ

Японію священникъ проповѣдывать религію, которой они такъ боятся. И долго еще не отступятъ они отъ этихъ строгостей, развѣ когда замѣнять свою жизнь европейскою. Вы лучше подождите", заключилъ я, „когда учредятся европейскія факторіи, которыя, конечно, выговорятъ себѣ право отправлять дома богослуженіе, и вы сначала везите священныя книги и предметы въ эти факторіи, чего японцы, par le temps qui court, запретить уже не могутъ, а отъ нихъ исподоволь, понемногу, перейдутъ они и къ японцамъ".

Пока мы разсуждали въ каютѣ, на палубѣ сигнальщикъ объявилъ, что трехмачтовое судно идетъ. Всѣ пошли вверхъ. Съ правой стороны, изъ-за острова, показалось большое купеческое судно, мчавшееся подъ всѣми парусами прямо на рифъ.

Былъ туманъ и свѣжій вѣтеръ, потомъ пошелъ дождь. Однакожъ мы въ трубу разсмотрѣли, что судно было подъ англійскимъ флагомъ. Адмиралъ сейчасъ отправилъ навстрѣчу къ нему шлюпку и штурманскаго офицера, отвести отъ мели. Часа черезъ два корабль стоялъ уже близъ насъ, на якорѣ.

Но что̀ это у него на палубѣ? Ужаснѣйшая толпа народа, непроходимой кучей, какъ стадо барановъ, жалась на палубѣ. Безъ справокъ можно было догадаться, что это эмигранты. Точно такое судно видѣли мы у острова Мадеры, съ эмигрантами, отправлявшимися въ Австралію. Но откуда и куда ихъ везутъ? Беттельгеймъ сказалъ, что вѣрно тутъ же пріѣхалъ другой миссіонеръ, на смѣну ему, и поѣхалъ туда развѣдать. Чрезъ полчаса онъ вернулся съ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, котораго и представилъ адмиралу, какъ своего преемника. Оба они обѣдали у насъ. Вновь прибывшій пасторъ, англичанинъ же, объявилъ, что судно пришло изъ Гон-Конга, употребивъ ровно мѣсяцъ на этотъ переходъ, что идетъ оно въ Сан-Франциско, съ пятью

стами китайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Кого и чего нѣтъ теперь въ Сан-Франциско? Начало этого города напоминаетъ начало Рима: оба составились изъ бродягъ.

Послѣ обѣда наши уѣхали на берегъ чай пить in's Grüne. Я прозѣвалъ, но зато, изъ привезенной съ англійскаго корабля газеты, узналъ много новостей изъ Европы, особенно интересныхъ для насъ. Дѣла съ Турціей завязались; Англія съ Франціей продолжаютъ интриговать противъ насъ. Вся Европа въ трепетномъ ожиданіи...

Часовъ въ семь за мной прислали шлюпку. Ужъ было темно. Заставъ нашихъ на мысѣ, около рощи, у костра, я разсказалъ имъ на-скоро новости и самъ пошелъ по тропинкѣ къ лѣсу, оставивъ ихъ разсуждать. Хорошо! Я наслаждался неизвѣстными вамъ впечатлѣніями, свѣтлымъ сумракомъ лунной, томной и теплой ночи, шелестомъ листьевъ рощи, полной мрака. Баніаны, пальмы и другіе чужеземцы, шумѣли при тихомъ вѣтрѣ иначе, нежели наши березы и осины, мягче, на чужомъ языкѣ; и лягушки квакали по другому, крѣпче нашихъ, какъ кастаньеты. Вблизи плескалъ приливъ, вдали глухо ревѣли буруны на рифахъ. До меня доносился живой говоръ товарищей. Меня позвали ѣхать, я поспѣшилъ на зовъ и въ темнотѣ наткнулся на кучку лакейцевъ, которые изъ-за шалаша наблюдали за нашими. Они вдругъ низко поклонились и, не разгибаясь, дали мнѣ пройти.

На другой день мы отправились на берегъ съ визитами, сначала къ американскимъ офицерамъ, которые заняли для себя и для матросовъ—не знаю какъ, посредствомъ ли покупки, или просто „покровительства"—препорядочный домикъ и большой огородъ, съ сладкимъ картофелемъ, таро, горохомъ и табакомъ. Я не пошелъ къ нимъ, а отправился по берегу моря, по отмели, влѣзъ на холмъ, пробрался въ гротъ, гдѣ расположились бивуакомъ матросы съ нашихъ

судовъ, потомъ посѣтилъ въ лѣсу нашу идиллію: матросъ Кормчинъ пасъ тамъ овецъ. Вездѣ, даже въ лѣсу, видѣлъ я каменныя постройки, заборы, плетни и хижины, съ огородами и полями. Все обработано, всюду протоптаны чистыя дорожки, или сдѣланы каменныя тропинки.

Островъ, судя по пространству, очень заселенъ: онъ длиной верстъ восемьдесятъ, а шириной, отъ шести до пятнадцати и восемнадцати верстъ: и на этомъ пространствѣ живетъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячъ. Въ Напѣ, говорилъ миссіонеръ, до двадцати, и въ Чуди столько же тысячъ жителей.

Я дождался нашихъ на мосту, ведущемъ въ Нану, и мы пошли въ городъ искать миссіонеровъ.

Тамъ то же почти, что̀ и въ Чуди: длинныя, загороженныя каменными, массивными заборами, улицы, съ густыми, прекрасными деревьями: такъ что идешь по аллеямъ. У воротъ домовъ стоятъ жители. Они, кажется, немного перестали бояться насъ, видя, что мы ничего худого имъ не дѣлаемъ. Въ городѣ, при такомъ большомъ народонаселеніи, было живое движеніе. Много народа толпилось, ходило взадъ и впередъ; носили тяжести, и довольно-большія, особенно женщины. У нѣкоторыхъ были дѣти за спиной, или за пазухой.

Мы не знали, въ которую сторону идти: улицъ множество и переулковъ тоже. Съ нами толпа народа: спрашиваемъ по-англійски, называемъ миссіонера по имени—жители указываютъ на ухо и мотаютъ головой: „глухи, дескать, не слышимъ“. Нѣкоторые, при нашихъ вопросахъ, переговорятъ между собою, и вотъ одинъ пойдетъ впередъ и выведетъ насъ къ морю. Опять толки, и опять явится провожатый. Одинъ водилъ, водилъ по грязи, наконецъ повелъ въ перелѣсокъ, въ густую траву, по тропинкѣ, совсѣмъ спрятавшейся среди кактусовъ и другихъ кустовъ, и вывелъ на холмъ, къ

кладбищу, къ тѣмъ огромнымъ камнямъ, которые мы видѣли съ моря и приняли сначала за городъ. Меня зло взяло.

— Ну, теперь вижу, что вы пьяницы и картёжники... ворчалъ я на ликейцевъ.

— Да и мошенники ужъ кстати, прибавилъ другой товарищъ:—вѣдь они нарочно водятъ насъ.

Третій товарищъ смѣялся, слыша ропотъ. Наконецъ одинъ ликеецъ привелъ насъ вторично къ морю, на отмель, и ушелъ, какъ и прочіе, въ толпу. Тогда мы насильно вывели одного изъ толпы за руки и послали впередъ показывать дорогу. Дѣлать было нечего. Онъ привелъ насъ къ сѣрой, нависшей надъ водой скалѣ, и указалъ на зеленый, бывшій рядомъ съ ней холмъ и тропинку въ кустахъ. „Опять вверхъ!“ ворчали мы, теряя терпѣніе, и пошли на холмъ, подошли къ протестантской церкви, потомъ спустились съ холма и очутились у сада и домика миссіонеровъ. Оказалось, что мы блуждали все время около этого мѣста. На насъ бросились лаять двѣ большія собаки, лишь только мы вошли въ садикъ.

Миссіонеръ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и ввелъ въ такую же комнату, съ рамой, заклеенной бумагой, какъ и въ ликейскихъ домахъ. Тутъ мы застали шкипера вновь прибывшаго англійскаго корабля, съ женой, страдающей зубной болью женщиной, но еще молодой и некрасивой; тутъ же была жена новаго миссіонера, тоже молодая и некрасивая, безъ переднихъ зубовъ. Въ одномъ только кабинетѣ пастора, наполненномъ книгами и рукописями, были два небольшія окна со стеклами, подаренными ему, кажется, *человѣкомъ Соединенныхъ Штатовъ*. Надъ дверью былъ другой подарокъ, отъ него же: большая серебряная ваза. Все остальное было болѣе, нежели просто: грубый, деревянный столъ, такіе же стулья и диванъ—не лучше ихъ.

Миссіонеръ предложилъ намъ вина и какихъ-то сдоб-

ныхъ сухарей, извиняясь, что у него только и есть двѣ рюмки и два стакана. Ему на другой же день адмиралъ послалъ дюжину вина, и по дюжинѣ, или по двѣ, рюмокъ и стакановъ—пей не хочу! Онъ намъ показывалъ много лакированныхъ вещей, работы здѣшнихъ жителей: чашки для кушанья, поставцы, судки, подносы и т. п.; но послѣ японскихъ вещей въ этомъ родѣ, на эти и глядѣть было нельзя. Беттельгеймъ просилъ адмирала взять нѣсколько вещей отъ него на память. Что было лучше всего, такъ это великолѣпный баніанъ у самаго крыльца, бросавшій тѣнь на весь дворикъ, да множество разныхъ кустовъ и цвѣтовъ. Жаль только, что на Лю-чу есть ядовитыя змѣи. Миссіонеръ сказывалъ, что онъ поймалъ двухъ у себя въ комнатахъ. Въ галлереѣ, выходящей на дворъ, помѣщалась небольшая аптека и большая библіотека. Нѣсколько ликейцевъ собралось у воротъ и заглядывало на насъ во дворъ; но миссіонеръ махнулъ имъ рукой не очень ласково, чтобъ они шли прочь. „Не можетъ забыть побоевъ!“ шепнулъ мнѣ одинъ изъ товарищей. Миссіонеръ проводилъ насъ назадъ до самаго фрегата на нашей шлюпкѣ.

Дорогой адмиралъ послалъ сказать начальнику города, что онъ желаетъ видѣть его у себя и удивляется, что тотъ не хочетъ показаться. Велѣно прибавить, что мы пойдемъ сами въ замокъ видѣть ихъ дворъ. Это очень подѣйствовало. Чиновникъ, или секретарь начальника, отвѣчалъ: что если мы имѣемъ сказать что-нибудь важное, такъ онъ, пожалуй, и пріѣдетъ.

— Очень важное, сказали ему.

Онъ хотѣлъ быть на другой день, но шелъ проливной дождь. Наконецъ вчера, 7-го февраля, начальникъ пріѣхалъ на фрегатъ, съ секретаремъ, помощникомъ, переводчикомъ китайскаго языка и маленькою свитою. Онъ былъ высокій, сѣдой старикъ, не совсѣмъ патріархальной наруж-

ности, съ краснымъ носомъ, и вообще—увы, прощай идиллія!—съ слѣдами сильнаго невоздержанія на лицѣ, съ изломанными чертами, синими и красными жилками на носу и около. Онъ говорилъ сиплымъ и пискливымъ голосомъ. Товарищъ его, высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти, съ черной, длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, какъ у всѣхъ у нихъ, бородой. Прочіе, такъ-себѣ, всѣ здоровой наружности, свѣжіе. У губернатора пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой, у помощника и переводчика серебряной, а у прочихъ мѣдной шпилькой. За первымъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати и безпрестанно набивалъ ему трубку, а тотъ давалъ ему подачки: бисквиты, наливку, которою его потчивали. Онъ подарилъ адмиралу два какіе-то торта, а ему дали большой самоваръ, стеклянной посуды, и еще прежде послали сукна на халатъ, за присланную живность и зелень. Показывали ему японскіе подарки и, между прочимъ, подаренную адмиралу саблю.

— А у васъ есть сабли? спросили его.

— Нѣтъ.

— Какое же у васъ оружіе?

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, показывая вѣеръ.

Его поблагодарили за доставку провизіи, и особенно быковъ и рыбы, и просили доставлять—разумѣется, за деньги—впередъ русскимъ судамъ все, что̀ понадобится. Между прочимъ ему сказано, что такъ какъ на островѣ добывается соль, то можетъ случиться, что суда будутъ заходить за нею, за рисомъ, или другими предметами: такъ нельзя ли завести торговлю?

— Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится всего этого только для самихъ себя, съ живостью отвѣчалъ онъ:—и то рисъ ѣдимъ мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами.

— Да еще мы просимъ сказать жителямъ, продолжали

мы:—чтобъ они не бѣгали отъ насъ: мы имъ ничего не сдѣлаемъ.

— Они бѣгаютъ оттого, что европейцы рѣдко заходятъ сюда, и наши не привыкли видѣть ихъ. Притомъ американцы, бывши здѣсь, брали иногда съ полей горохъ, бобы: если бъ одинъ или нѣсколько человѣкъ сдѣлали это, такъ оно бы ничего, а когда всѣ...

Мы увѣрили его, что наши не дотронутся ни до чего.

— Да, сдѣлайте милость, продолжалъ переводчикъ:— насчетъ женщинъ тоже... Одинъ американецъ взялъ нашу женщину за руку; у насъ такъ строго на этотъ счетъ, что мужъ, пожалуй, и разведется съ нею. Отъ этого онѣ и бѣгаютъ отъ чужихъ.

Какова нравственность: за руку нельзя взять! Въ золотой вѣкъ, особенно въ библейскія времена и при Гомерѣ, было на этотъ счетъ проще!

Мы съѣхали послѣ обѣда на берегъ, лѣниво и задумчиво бродили по лѣсамъ, или, лучше сказать, по садамъ, зашли куда-то въ сторону, нашли холмъ между кедрами, полежали на травѣ, зашли въ кумирню, напились воды изъ колодца, а вечеромъ пили чай на берегу, подъ навѣсомъ миртъ и папирусовъ—словомъ, провели вечеръ совершенно идиллически.

Погода здѣсь во все время нашего пребыванія была непостоянная: то дуетъ сѣверный муссонъ, иногда свѣжій до степени шторма, то идетъ проливной, безотрадный дождь. Зато чуть проглянетъ солнце—все становится такъ прозрачно, ясно, такъ млѣетъ въ радости... У насъ, однакожъ, было довольно дурной погоды—такой ужъ февраль здѣсь.

Съ кораблемъ, везущимъ эмигрантовъ, все исторіи. Третьяго-дня онъ сталъ-было сниматься съ якоря и сѣлъ на мель. Съ нашихъ судовъ подали ему немедленную помощь: не будь этого, онъ бы скоро не снялся и при первомъ свѣ-

жемъ вѣтрѣ разбился бы въ щепы; онъ и самъ засвидѣтельствовалъ это. Наши ѣздили туда на корабль и разсказываютъ, что такой нечистоты, неурядицы, шума, хаоса и представить себѣ нельзя. Корабль большой, а матросовъ всего человѣкъ двадцать, и то инвалиды. Едва достаетъ рукъ управляться съ парусами, а толпящіеся на палубѣ китайцы мѣшаютъ имъ пошевелиться. Крикъ и шумъ такъ великъ, что слышно у насъ. Чтобъ облегчить судно и помочь ему сняться съ мели, всѣхъ китайцевъ и китаянокъ перевезли часа на два къ намъ. Ихъ помѣстили на бакѣ и шкафутѣ, и отгородили веревкой. Много очень высокихъ и хорошо-сложенныхъ мужчинъ. Женщины большею частью молодыя и все дѣвицы, отъ четырнадцати до двадцати лѣтъ. Одна обращала на себя особенное вниманіе. Она, какъ кажется, была тутъ старшая, въ родѣ начальницы, какъ и у мужчинъ были тоже старшины. Звали ее Ача. Она нехороша собой, но лицо, однакожъ, привлекательно. Она была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка. На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые чистые шаровары: прекрасная, маленькая, но не до уродливости нога, обутая по-европейски. Она сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокругъ и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее напоказъ. Прочія женщины сидѣли въ кучѣ, на полу. Мужчины, которыхъ было гораздо больше, толпились, какъ стадо. Мы разспрашивали Ачу, гдѣ она выучилась по-англійски и зачѣмъ ѣдетъ въ Калифорнію. Она сказала, что ѣдетъ обратно, что прожила ужъ три года въ Сан-Франциско; теперь ѣздила на четыре мѣсяца въ Гон-Конгъ навербовать женщинъ для какого-то магазина... Мужчины ѣхали для грубыхъ работъ.

Наконецъ корабль сошелъ съ мели, и китайцевъ увезли обратно. Онъ однакожъ не ушелъ за противнымъ вѣтромъ.

Третьяго-дня оба миссіонера явились въ бѣлыхъ холстинныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и въ черныхъ фракахъ, очень серьёзные, и сказали, что они имѣютъ сообщить что-то важное. „На купеческомъ суднѣ китайцы не слушаются шкипера", объявили они и просили потребовать китайскихъ старшинъ и спросить, чѣмъ они недовольны. По вызову адмирала, явились трое китайцевъ, нарядно одѣтые, благовидной наружности. Они сказали, что имъ отказываютъ въ водѣ; что когда они подходили къ бочкѣ, матросы кулаками толкали ихъ прочь. „Отъ этого вышли ссоры", прибавили они, „и больше ничего". Имъ представили всю опасность ихъ положенія, если бъ они не исполняли требованій шкипера, прибавивъ, что въ морѣ надо безъ разсужденій дѣлать все, чего онъ потребуетъ.

— Такъ, знаемъ, отвѣчали они:—мы просимъ только раздавать сколько слѣдуетъ воды, а онъ даетъ мало, безъ всякаго порядка: бочки у него текутъ, вода пропадаетъ, а онъ, отсюда до Золотой Горы (Калифорніи), никуда не хочетъ заходить, между тѣмъ мы заплатили деньги за переѣздъ по семидесяти долларовъ съ человѣка.

Ихъ помирили, заставивъ китайцевъ подписать условіе слушаться, а шкиперу посовѣтовали завести побольше порядка и воды, да не идти прямо въ Сан-Франциско, а зайти на Сандвичевы острова. Такъ и разстались съ ними. Вечеромъ видѣли еще, какъ Ача прогуливалась съ своими подчиненными по берегу. Третьяго-дня корабль ушелъ; шкиперъ и миссіонеры не знали, какъ и благодарить начальство нашего судна. Наши матросы помогли ему сняться и съ якоря: онъ одинъ не управился бы. Когда эта громада, биткомъ набитая народомъ, нечистая, некрашенная, въ безпорядкѣ, какъ наружномъ, такъ и внутреннемъ, тихо неслась мимо насъ, мы стояли наверху и слѣдили за ней глазами.

— Дойдетъ ли? сказалъ я съ сомнѣніемъ.

— Дойдетъ. съ увѣренностію отвѣчалъ стоявшій подлѣ меня матросъ. сильно ударяя на о: — отчего не дойти. дойдетъ!

Вчера, 8-го, и мы въ послѣдній разъ съѣхали на берегъ. Романтики, взявъ по буттерброду, отправились съ ранняго утра, другіе въ полдень. я, съ капитаномъ Л., послѣ обѣда, и всѣ разбрелись по острову. Мы не пошли ни въ деревню Бо-Тсунгъ, ни на большую дорогу, а взяли налѣво, прорѣзали рощу и очутились въ обработанныхъ поляхъ, идущихъ неровно, холмами, во всѣ стороны. Съ одного холма мы любовались окрестностью: мы очутились какъ будто среди зеленаго волнующагося моря: ничего кругомъ, кромѣ зелени. Мы шли по тропинкамъ, мимо воздѣланныхъ полей, бѣдныхъ хижинъ, состоявшихъ изъ бамбуковыхъ загородокъ. Кругомъ ихъ огороды. У хижинъ, на рогожкахъ, кучами лежали овощи и сушились на солнцѣ, между прочимъ табакъ, назначенный для жвачки. Табакъ здѣсь очень хорошъ: онъ нѣсколько крѣпче и темнѣе японскаго: тотъ черезчуръ нѣженъ и слабъ. Мы шли одни. Сначала за нами по улицѣ слѣдила толпа какихъ-то провожатыхъ, но они кинули насъ, лишь только мы поворотили въ поля. Тропинки шли то вверхъ, на холмы, то спускались въ овраги. Жаръ заставилъ насъ оставить поля и искать тѣни въ густыхъ аллеяхъ. Мы вошли въ переулки деревенекъ — вездѣ одно и то же. Жители пугались менѣе прежняго; ребятишки съ улыбкой кланялись въ-поясъ, заигрывали и вдругъ съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, лишь только тронешь одного.

Мы вышли къ большому монастырю, въ главную аллею, которая ведетъ въ столицу, и сѣли тамъ на парапетѣ моста. Дорога эта оживлена особеннымъ движеніемъ: безпрестанно идутъ съ ношами овощей взадъ и впередъ, или ведутъ лошадей, съ перекинутыми черезъ спину кулями

риса, съ папушами табаку и т. п. Лошади фыркали и пятились отъ насъ. Въ поляхъ вездѣ работаютъ. Мы пошли на сахарную плантацію. Она отдѣлялась отъ большой дороги полями съ рисомъ, которыя были наполнены водой и походили на пруды съ зеленой, стоячей водой.

Мы обошли поле сахарнаго тростника вокругъ. Онъ растетъ слишкомъ часто: въ другихъ мѣстахъ его сажаютъ рѣже. Онъ высокъ, какъ добрый кустарникъ. Тутъ же его рѣзали и таскали на ближайшій холмъ, въ прессъ, приводимый въ движеніе быкомъ. За тростникомъ я увидѣлъ кучу народа. „Что тамъ такое дѣлается?“ спросили мы другъ друга. Приглядѣлись и видимъ, что двое нашихъ матросовъ взяли изъ рукъ ликейцевъ инструментъ, въ родѣ согнутаго подъ прямымъ угломъ заступа, и преусердно взрывали имъ гряды съ сладкимъ картофелемъ. Комы земли и картофель такъ и летѣли по сторонамъ, а ликейцы, окруживъ ихъ, смотрѣли внимательно на работу.

„Вотъ, ишь ты! вотъ! вотъ!“ слышалось при каждомъ ударѣ.

Мы отправились на холмъ, гдѣ были вчера, къ кумирнѣ. По дорогѣ встрѣтили толпу крестьянъ, съ прекрасными, темными и гладкими, претолстыми бамбуковыми жердями, на которыхъ таскаютъ тяжести.

Мнѣ хотѣлось поближе разглядѣть такую жердь. Я протянулъ къ одному руку, чтобъ взять у него бамбукъ, но вся толпа вдругъ смутилась. Ликейцы краснѣли, дѣлали глупыя рожи, глядѣли одинъ на другого и пятились. Такъ и не дали.

Я не знаю, съ чѣмъ сравнить у насъ бамбукъ, относительно пользы, какую онъ приноситъ тамъ, гдѣ родится. Какихъ услугъ не оказываетъ онъ человѣку! чего не дѣлаютъ изъ него, или имъ! Развѣ береза наша можетъ, и то куда не вполнѣ, стать съ нимъ рядомъ. Нельзя перечесть,

какъ и гдѣ употребляютъ его. Изъ него строятъ заборы, плетни, стѣны домовъ, лодки, дѣлаютъ множество посуды, разныя мелочи, зонтики, вѣеры, трости и проч.; имъ бьютъ по пяткамъ, наконецъ его ѣдятъ въ вареньѣ, въ родѣ имбирнаго, которое дѣлаютъ изъ молодыхъ вѣтокъ.

Едва мы взошли на холмъ и сѣли въ какой-то бесѣдкѣ, предшествующей кумирнѣ, какъ вдругъ тутъ же, откуда-то изъ чащи, выползъ ликеецъ, сорвалъ въ палисадникѣ ближайшаго дома два цвѣтка шиповника, потомъ сжался, въ знакъ уваженія къ намъ, въ комокъ, и поднесъ намъ съ поклономъ. Онъ, конечно, имѣлъ приказаніе слѣдить за нами издалека. Еще къ намъ пришелъ изъ дома мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и оба они сѣли передъ нами на пяткахъ и разсматривали пристально насъ, платья наши, вещи. Л. вынулъ записную книжку, а я нарисовалъ въ ней фигуру мальчика, вырвалъ рисунокъ изъ книжки и отдалъ ему. Что это за рисунокъ! Моему рисовальному учителю конечно и въ голову не приходило, чтобъ я показывалъ свое искусство на ликейскихъ островахъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Мы дали имъ сигаръ, отдали огниво, сверхъ того я далъ старшему долларъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи кашъ (маленькую мѣдную китайскую монету) и смотрѣлъ то на нее, то на долларъ. Я старался объяснить ему, что такихъ монетъ въ долларѣ тысяча четыреста. Ни въ Китаѣ, ни у нихъ, другой монеты не водится. Американцы стали вводить испанскіе доллары въ употребленіе. Мы долларами платили въ Китаѣ за провизію. Мальчикъ принесъ въ маленькомъ чайникѣ чаю, который впрочемъ не имѣлъ никакого вкуса. Мы посидѣли съ полчаса въ бесѣдкѣ, окруженной рядомъ высокихъ померанцевыхъ и другихъ деревъ, изъ породы миртъ.

Уже вечерѣло, когда мы вышли на большую дорогу. Здѣсь встрѣтилъ насъ У. и подговорилъ ѣхать съ нимъ въ

вельботѣ, который ждалъ его въ Напѣ. „Недалеко“, сказалъ онъ. Мы пошли налѣво, черезъ другой мостъ, черезъ лѣсъ, поле, наконецъ по улицамъ—конца не было. Идучи мимо этихъ полей, гдѣ прорыты канавки, сдѣланы стоки, глядя на эту правильность и порядокъ, вы примете островъ за образцовую ферму, или отлично-устроенное помѣщичье имѣніе. Въ поляхъ, и изъ нѣкоторыхъ домовъ несло, какъ въ Китаѣ, удобреніемъ, которое заготовляется въ ушатахъ. Удобреніе это состоитъ изъ всякаго рода нечистотъ, которыя сливаются въ особыя мѣста, гніютъ, и потомъ, при посѣвахъ, ими поливаютъ поля, какъ я видѣлъ въ Китаѣ. Говорятъ, это лучше нашего способа удобренія: „сорныхъ травъ меньше“, сказалъ Л., большой агрономъ.

Мы шли, шли въ темнотѣ, а проклятыя улицы не кончались: все заборы, да сады. Ликейцы, какъ тѣни, неслышно скользили во мракѣ. Насъ провожалъ тотъ же самый, который принесъ намъ цвѣты. Гдѣ было грязно, или острые кораллы мѣшали свободно ступать, онъ велъ меня подъ-руку, обводилъ мимо лужъ, которыя, видно, зналъ наизусть. Къ несчастью, мы не туда попали, и если бъ не провожатый, мы проблуждали бы цѣлую ночь. Наконецъ добрались до рѣчки, до вельбота, и вздохнули свободно, когда выѣхали въ открытое море.

Адмиралъ хотѣлъ отдать визитъ напакіанскому губернатору, но онъ у себя принять не могъ, а далъ знать, что приметъ, если угодно, въ *правительственномъ домѣ*. Онъ отговаривался тѣмъ, что у нихъ частныя сношенія съ иностранцами запрещены. Этимъ же объясняется, почему не хотѣлъ принять насъ и нагасакскій губернаторъ иначе, какъ въ казенномъ домѣ.

Но довольно ликейскихъ острововъ и о ликейскихъ островахъ, довольно и для меня и для васъ! Если захотите знать подробнѣе долготу, широту мѣста, простран-

ство, число острововъ, не полѣнитесь сами взглянуть на карту, а о нравахъ жителей, объ обычаяхъ, о произведеніяхъ, объ исторіи — прочтите у Бичи, у Бельчера. Помните условіе: я пишу только письма къ вамъ о томъ, что̀ вижу самъ и что̀ переживаю изо дня въ день.

Сегодня мы ушли, и вотъ качаемся теперь въ Тихомъ океанѣ; но если бъ и остались здѣсь, едва ли бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнятъ человѣка, не поглотятъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобъ испытывать глубже новое, непохожее ни на что̀ свое, нужно, чтобъ тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой, развитой жизни.

V.

МАНИЛЛА.

ОТЪ ЛЮ-ЧУ ДО МАНИЛЛЫ.

Манильскій заливъ.—Островки *Корреги́доръ*, *Конь* и *Монахиня*.—Входъ на рейдъ.—Рѣка Пассигъ.—Улицы, лавки, отель.—Предмѣстье Бинондо и старый городъ.—Тагалы, китайцы, метисы и испанцы.—Окрестности.—Растительность. — Плантаціи. — Кальсадо. — Французскіе миссіонеры. — Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ.—Церкви Санта-Круцъ и Мигель. — Ученье солдатъ. — Женщины. — Ящерицы въ домахъ. — Ванны.—Визиты къ испанцамъ.—Табачная фабрика.—Французскій епископъ.—Испанскій монастырь.—Соборъ.—Богомольцы и проповѣдники.—Пѣтушьи бои.—Породы деревьевъ.—Канатная фабрика.—Запасъ сигаръ.—Дамы на фрегатѣ.—Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*. — Красота природы. — Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ.

9-го февраля, рано утромъ, оставили мы напакіанскій рейдъ и лавировали, за противнымъ вѣтромъ, между большимъ Лю-чу и другими, мелкими Лукейскими островами, изъ которыхъ одинъ путешественники назвали Амакерима, а миссіонеръ Беттельгеймъ говоритъ, что Ама-Керима на языкѣ ликейцевъ значитъ: *вонъ тамъ дальше — Керима*. Сколько по бѣлу свѣту ходитъ переводовъ и догадокъ, похожихъ на это!

Транспортъ „Князь Меншиковъ“ и корветъ „Оливуца“ получили приказаніе идти впередъ, а шкуна „Востокъ“ послана осмотрѣть и, по возможности, описать островокъ, открытый лейтенантомъ Панафидинымъ подъ 25° широты. 10-е число мы все лавировали день и ночь противъ S вѣтра и подались впередъ не болѣе сорока миль; зато 11-го, въ 8 часовъ утра, подулъ черезчуръ свѣжій NO. Началась качка. У марселей взяли три рифа и спустили брамстеньги. Неслись по одиннадцати узловъ на фордевиндъ. Не люблю я фордевинда или *фордака*, какъ Ѳаддеевъ называетъ этотъ вѣтеръ: онъ дуетъ съ кормы, слѣдовательно реи и паруса ставятся тогда прямо. Судно, держась на одномъ килѣ, падаетъ то на правую, то на лѣвую сторону.

11-го числа, часовъ въ 9 вечера, мы пересѣкли сѣверный тропикъ. Становилось темно. Ночью ни зги не видать: небо заволокло тучами; вѣтеръ реветъ; а часа въ два ночи надо было проходить сквозь группу острововъ Баши, ту самую, у которой, 9-го и 10-го іюля прошлаго года, насъ встрѣтилъ ураганъ. Хотя проливъ, черезъ который слѣдовало идти, имѣетъ въ ширину до 19 миль, но въ темнотѣ поневолѣ въ голову приходятъ разныя сомнѣнія, напримѣръ, что могла быть погрѣшность въ картѣ, или теченіемъ отнесло отъ курса, тогда можно наткнуться... Къ счастью утромъ погода была ясная и позволила сдѣлать вѣрную обсервацію. Въ сказанный часъ, даже въ темнотѣ, увидѣли берегъ, промчались черезъ проливъ благополучно—и вотъ мы опять въ Китайскомъ морѣ.

Сегодня, 12, какая погода! Море еще у Лю-чу было синее, а теперь, въ тропикахъ, и подавно. Солнце печетъ иногда до утомленія, какъ у насъ бываетъ передъ грозой. Теплота здѣсь напитана разными запахами; солнце проникаетъ всюду. Появились летучія рыбы, съ сельдь величиною; онѣ летаютъ во множествѣ, стаями и поодиночкѣ.

Ночью нѣсколько стихло: мы отдохнули отъ качки и спали хорошо. Шли узловъ по девяти, при мягкомъ и тепломъ вѣтрѣ, который нѣжитъ нервы, какъ купанье. Послѣ обѣда вдругъ, откуда ни возьмись, задулъ крѣпкій, но попутный вѣтеръ съ берега, который былъ виденъ влѣво: это берегъ Люсона. Островъ этотъ очень великъ; отъ сѣверной его оконечности до Маниллы считаютъ слишкомъ триста миль, а еще сколько отъ Маниллы до южной оконечности! У кого ни посмотришь, описаніе Маниллы въ рукахъ. Всѣ заранѣе обольщаютъ себя мечтами, кто—увидѣть природу, еще роскошнѣе видѣнной, кто—новыхъ жителей, новые нравы, кто льстится встрѣтиться съ крокодиломъ, кто съ креолкой, иной разсчитываетъ на сигары; тотъ хочетъ заказать бѣлье изъ травяного холста; у всѣхъ различныя желанія. Б. К. заглядываетъ во всѣ путешествія и мучится, что ничего нѣтъ объ отеляхъ: чего добраго, пожалуй, ихъ нѣтъ совсѣмъ!

Звѣзды великолѣпны; море блещетъ фосфоромъ. На небѣ первый бросился мнѣ въ глаза Южный Крестъ, почти на горизонтѣ. Давно я не видалъ его. Вотъ и наша Медвѣдица: подальше Оріонъ. Небо не вездѣ такъ богато: здѣсь собрались аристократы обоихъ полушарій.

Часовъ съ шести вечера вдругъ заштилѣло, и мы, вмѣсто 11 и 12 узловъ, тащимся по $1^1/_2$ узла. Здѣсь мудреныя мѣста: то буря, даже ураганъ, то штиль. Почти всѣ мореплаватели испытывали остановку на этомъ пути; а а кто-то изъ нашихъ, отъ Баши до Маниллы, шелъ девять сутокъ: это какихъ-нибудь четыреста пятьдесятъ миль. Намъ остается миль триста. Мы думали-было послѣзавтра придти, а вотъ...

Вамъ конечно случалось осматривать картинную галлерею какого-нибудь любителя: онъ передъ нѣкоторыми своими дорогими картинами останавливаетъ васъ такъ долго, что картина даже... надоѣдаетъ. Вотъ этакъ, подчасъ, ка-

залось и намъ въ штиль, при тишинѣ моря и синевѣ неба. А вѣдь какъ хорошо, красиво это, безукоризненно-чистое и голубое небо, синяя, безпредѣльная гладь моря, влажно-теплый, береговой воздухъ! Но и морская поэзія надоѣстъ, и тропическое небо, яркія звѣзды: помянешь и майскія петербургскія ночи, когда, къ полуночи, небо захочетъ будто-бы стемнѣть, да вдругъ опять засвѣтлѣетъ, точно ребенокъ нахмурится: того и гляди заплачетъ, а онъ вдругъ засмѣялся и пошелъ опять играть!...

Вдали, видишь, качаются три судна, какъ мы же, обезвѣтренныя, да синѣетъ, какъ туча, берегъ Люсона. На палубѣ бездѣйствіе: паруса стоятъ неподвижно; ученье дѣлать нѣтъ возможности отъ жара. Сегодня воскресенье; послѣ обѣдни мы стояли на ютѣ и смотрѣли въ даль. Вотъ мимо пронеслось стадо дельфиновъ: сначала плылъ одинъ—наружу видно было только острое черное перо. Вскорѣ появились они во множествѣ, переваливаясь съ волны на волну. Еще большая акула долго слѣдила за фрегатомъ. Ей два раза бросали крюкъ съ наживой: два раза она хватала его, и одинъ разъ уже потащили-было ее вверхъ, но крюкъ сломался. Среди бездѣйствія и эти мелочи кажутся занимательны! Завтра новолуніе: ожидаютъ перемѣнъ, крѣпкихъ вѣтровъ. Сегодня началась масленица; всѣ жалѣютъ, что не поспѣютъ на карнавалъ въ Маниллу.

16-го, мы наконецъ были у входа въ Манильскій заливъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ. Посрединѣ входа лежитъ островокъ *Коррехидоръ*, съ маякомъ. Слѣва подлѣ него торчатъ, въ нѣкоторомъ отъ него и другъ отъ друга разстояніи, голые камни *Конь* и *Монахиня*; справа сплошная гряда мелкихъ камней. Мы, лавировкой, часовъ въ шесть вечера, пошли въ заливъ. Отъ Коррехидора отдѣлилась-было шлюпка и пошла на насъ, чтобъ вѣроятно „узнать о здоровьѣ“. Но гдѣ ей за нами! Мы шли по 9-ти узловъ,

обогнали какое-то странное, не то китайское, не то индійское судно, и часу въ десятомъ бросили якорь на манильскомъ рейдѣ, верстахъ въ пяти отъ берега.

Мы подбирались къ рейду тихо, осторожно, и вѣтеръ притихъ; настала ночь. Вы не знаете тропическихъ ночей, свѣтлыхъ безъ свѣта, теплыхъ, кроткихъ и безмолвныхъ. Ни вѣтерка, ни звука. Дрожатъ только звѣзды. Между Южнымъ Крестомъ, Конопусомъ, нашей Медвѣдицей и Оріономъ, точно золотая пуговица, желтымъ свѣтомъ горитъ Юпитеръ. Конопусъ блеститъ какъ брильянтъ, и въ его блескѣ тонутъ другія блѣдныя звѣзды корабля Арго, а все вмѣстѣ тонетъ въ пучинѣ млечнаго пути. Что это за роскошь!... Но, чу! колоколъ! Давно я не слыхалъ благовѣста. Густые и протяжные звуки разнеслись по рейду и смолкли. Я смотрѣлъ на городскіе огни: все кругомъ ихъ таилось въ сумракѣ. У меня на душѣ зашевелилось пріятное чувство любопытства; въ воображеніи поднялись изъ праха забвенія картины и образы католическаго юга. Мнѣ захотѣлось вдругъ побывать въ древнемъ монастырѣ, побродить въ сумракѣ церквей, поглядѣть на развалины, рядомъ съ свѣжей зеленью, на нищету въ золотыхъ лохмотьяхъ, на лѣнь испанца, на красоту испанки—чувства и картины, отъ которыхъ я-было сталъ уставать и отвыкать.

Но говорятъ и пишутъ, между прочимъ американецъ Вилькъсъ, французъ Малля (Mallat), что здѣсь нѣтъ отелей; что иностранцы, послѣ 11-ти часовъ, удаляются изъ города, который на ночь запирается, что остановиться негдѣ, но что зато всѣ гостепріимны и всякій домъ къ вашимъ услугамъ. Это заставляетъ задумываться: гдѣ же остановиться, чтобъ не быть обязаннымъ никому? есть ли необходимыя для путешественника удобства?

Усталъ я. До свиданія; авось завтра увижу и узнаю, что такое Манилла. Мы сдѣлали отъ Лю-чу тысячу шестьсотъ

*

верстъ отъ 9-го до 16-го февраля... Манилла! добрались и до нея, а какъ кажется это недосягаемо изъ Петербурга! точно такъ же, какъ отсюда теперь кажется недосягаемъ Петербургъ—ни больше ни меньше. До свиданія. Разскажу вамъ, что увижу въ Маниллѣ.

Февраль, 1854 г.

Лишь только встали мы утромъ 16 февраля, я вышелъ на ютъ смотрѣть Манилу. „Гдѣ же она?“ думалъ я, поглядѣвъ вокругъ себя: пусто! Мы, по вчерашнему, въ морѣ; вдали синѣютъ берега; это мы видѣли всякій день, идучи подъ берегомъ Люсона. „Да гдѣ же Манилла?“ спрашиваю.— „А вонъ, вонъ“. говоритъ дѣдъ, показывая пальцемъ въ даль. „Да вы не туда смотрите: вонъ гдѣ!“ прибавляетъ онъ, повертывая меня за плечо. Вижу едва-замѣтную кайму берега: на немъ что-то бѣлѣетъ: не то дома, не то церкви; сзади, вдалекѣ, горы. „Такъ это Манилла?“—„Да; а вонъ Кавита“, говоритъ дѣдъ, повертывая меня опять плечомъ вправо, почти назадъ отъ Манллы. Но тамъ ужъ ничего не видать: ни домовъ, ни церквей. Снится какъ будто во снѣ полоса берега, да между этой полосой и нашимъ фрегатомъ виденъ трепещущій парусъ рыбачьей лодки. Недалеко отъ насъ стоялъ французскій военный пароходъ „Colbert“ и нѣсколько купеческихъ судовъ. „А Маниллы все-таки не видать!“ сказалъ я.—„Еще бы видѣть!“ возразилъ дѣдъ: „мы въ двухъ съ половиною миляхъ отъ нея“.—„А ближе развѣ нельзя стать?“ спросилъ я. „Съ нашимъ фрегатомъ... что вы! тутъ глубина пойдетъ шесть да пять сажёнъ. Другое дѣло купеческія суда—тѣ и въ рѣку входятъ“.

На берегъ кому угодно!“ говорятъ часу во второмъ: „сейчасъ шлюпка идетъ“. Насъ нѣсколько человѣкъ сѣло въ катеръ, всѣ въ бѣломъ—иначе подъ этимъ солнцемъ пока-

заться нельзя — и поѣхали, прикрывшись холстинным тентомъ; но и то жарко: выставишь нечаянно руку, ногу, плечо—жжетъ. Голубая вода не струится нисколько: суда, мимо которыхъ мы ѣхали, будто спятъ: ни малѣйшаго движенія на нихъ; на палубѣ ни души. По огромному заливу кое-гдѣ ползаютъ лодки, какъ сонныя мухи.

По мѣрѣ нашего приближенія, берегъ сталъ обрисовываться: обозначилась сѣрая, длинная стѣна, за ней колокольни, потомъ тѣсная куча домовъ. Открылся входъ въ рѣку, одѣтую каменной набережной. На правомъ берегу, у самаго устья, стоитъ высокая башня маяка.

Рѣка Пассигъ—славная, быстрая рѣка; на ней много движенія. Берега заставлены, въ два-три ряда, судами, джонками, лодками, такъ что мы съ трудомъ пробирались и не разъ принуждены были класть весла по борту. На судахъ дѣятельность: выгрузка, нагрузка: сейчасъ видно, что это большой портъ. Нѣкоторые корабли лежатъ почти на боку и чинятся. Всюду гомозятся за работой красносмуглыя, голыя тѣла: все индійцы. На лѣвомъ берегу крѣпость. „Вотъ Манилла и есть!“ сказалъ, указывая на крѣпость, Б. К., который ужъ былъ у губернатора: „это испанскій городъ: тутъ всѣ власти“.—„А это что жъ?“ спросили мы, указывая на противоположный берегъ. „Это предмѣстье Бинондо: тутъ торговля, иностранцы“. Вотъ пока все, что я узналъ.

„Куда жъ пристать?“—„Вотъ одна пристань, а другая тамъ, дальше гдѣ-то, у моста“.—„Такъ пристанемъ къ ближайшей!“ сказалъ кто-то.—„Отчего жъ къ ближайшей?“ возразилъ другой: „ужъ заберемся подальше“.—„И здѣсь хорошо“. Стали спорить; большинство рѣшило пристать немедленно; но тутъ теченіемъ потащило насъ на мель, на праздно-валявшіеся въ тинѣ якоря. „Клади лѣво руля! лѣво руля!“ говорилъ одинъ. „Отталкивайся, бери правѣй...“ командовалъ другой: „вотъ такъ! теперь пристанемъ“.—„Да

нѣтъ, поѣдемте туда, къ той пристани!“ рѣшили многіе— и поѣхали. А пристать слѣдовало тутъ, какъ мы послѣ увидѣли.

Мы продолжали плыть по рѣкѣ. На одномъ берегу рядъ грязноватыхъ пакгаузовъ, домовъ, длинныхъ заборовъ; зелени нигдѣ не видать; изрѣдка выбѣгаютъ на солнце изъ-за каменной ограды два-три банановые листа. Направо, у крѣпости, растетъ мелкая трава; тамъ бѣгаютъ съ крикомъ ребятишки: въ тѣни лежатъ буйволы, съ ужаснѣйшими, закинутыми на спину рогами, или стоятъ по горло въ водѣ. На стѣнѣ ходятъ часовые, съ большими эполетами изъ красной бахрамы, въ уланскихъ киверахъ и въ суконныхъ мундирахъ, съ перевязью. „Крѣпость славно укрѣплена“, говорили наши, разсматривая артиллерію и толщину стѣнъ.

Но вотъ и мостъ. Насилу продрались мы, между судовъ и лодокъ, къ каменнымъ ступенямъ пристани, и вышли на улицу. Ухъ, какъ душно! Насъ охватилъ горячій и удушливый воздухъ: точно въ пекарню вошли. „Ужели это Манилла?“ говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, помоложе, привыкшій, съ именемъ Маниллы, соединять что-то цвѣтущее: „да гдѣ же роскошь, поэзія?... Ахъ, какъ нехорошо пахнетъ!“ вдругъ прибавилъ онъ. Пахло въ самомъ дѣлѣ нехорошо. Мы вошли въ улицу, состоящую изъ сплошного ряда лавокъ, и вдругъ угадали причину запаха: изъ лавокъ выглядывали бритыя до-синя, китайскія головы и лукавыя физіономіи. Прямые азіатскіе жиды: гдѣ ихъ нѣтъ? и всюду разносятъ они запахъ чесноку, сандальнаго дерева и растительнаго масла. Здѣсь они однакожъ почище, нежели въ Сингапурѣ и Гон-Конгѣ, и лавки у нихъ поопрятнѣе, похожи на наши гостиные дворы, только съ жильемъ вверху. Здѣсь меньше кузнецовъ, столяровъ; не видать, чтобъ жарили и пекли на улицѣ. Но голыхъ много. Непріятно видѣть эти бѣлыя и дряблыя тѣла: точно провизія какая-ни-

будь выставлена напоказъ, между частью баранины и окорокомъ ветчины.

Мы искали, кого бы спросить о французской отели, о которой слышали утромъ, о томъ, можно ли поселиться въ ней, имѣть экипажъ и т. п. На улицѣ никого; рѣдко пробѣжитъ индіецъ, или китаецъ съ ношей, и опять улица опустѣетъ. Только собаки, да свиньи, лежатъ кое-гдѣ у забора, въ тѣни. Мы обращались и къ китайцамъ, и къ индійцамъ, съ вопросомъ по-англійски и по-французски: „гдѣ отель?“ Встрѣчные тупо глядѣли на насъ, или отвѣчали вопросомъ же „signor?“ Мы стали ухитряться, какъ бы, не зная ни слова по-испански, сочинить испанскую фразу. Послѣ довольно-продолжительной конференціи, наконецъ сочинили пять словъ, которыя долженствовали заключать въ себѣ вопросъ: „гдѣ здѣсь французская отель?“ Съ этимъ обратились мы къ солдату, праздно-стоявшему въ тѣни какого-то желтаго зданія, похожаго на казармы. Другой солдатъ стоялъ на часахъ. Первый поглядѣлъ на насъ, подумалъ и повелъ по китайскимъ рядамъ. Изъ лавокъ на насъ несло попеременно, мыломъ, сапожнымъ товаромъ, пряностями, чаемъ, и т. п. Наконецъ солдатъ привелъ насъ на какой-то дворъ, на которомъ было множество колясокъ и лошадей. Кучера, чистившіе ихъ, посмотрѣли вопросительно на насъ, а мы на нихъ, потомъ всѣ вмѣстѣ на солдата: „Что это мы сказали ему?“ спросилъ одинъ изъ насъ въ тоскѣ отъ жара, духоты и дурного запаха на улицахъ.—„Вѣрно что-нибудь хорошее, что онъ насъ въ конюшню привелъ!“—„А все же вышло что-нибудь да по-испански: не даромъ же онъ привелъ сюда“, прибавилъ кто-то въ утѣшеніе. „Франческа, франческа“, повторили мы солдату. Одинъ изъ кучеровъ тоже что-то сказалъ ему, и тотъ повелъ насъ опять по рядамъ. Улица была прекрасная; лавки, чѣмъ дальше шли, тѣмъ лучше. Наконецъ проводникъ остановился передъ одной дверью и указалъ намъ войти туда.

Мы очутились въ европейскомъ магазинѣ, но въ немъ царствовалъ такой эклектизмъ, что ни за что не скажешь сразу, чѣмъ торгуетъ хозяинъ. Тутъ стояло двое-трое столовыхъ часовъ, коробка съ перчатками, нѣсколько ящиковъ съ виномъ, фортепіано; лежали матеріи, висѣли золотыя цѣпочки, тѣснились въ кучѣ этажерки, красивые столики, шкапы и диваны, на окнахъ вазы, на столѣ какая-то машина, потомъ бумага, духи. Мы имѣли время разсмотрѣть все, потому что въ магазинѣ никого не было и никто не шелъ къ намъ. Минутъ черезъ пять уже появился молодой, высокій, бѣлокурый, очень красивый французъ, по обыкновенію, изысканно-одѣтый, и удивился, найдя насъ тутъ. За нимъ вышла немолодая, невысокая, очень некрасивая француженка, одѣтая еще изысканнѣе. Она тоже съ удивленіемъ посмотрѣла на насъ. Мы заговорили всѣ вмѣстѣ, и хозяева тоже. Мы стали горько жаловаться на жаръ, на духоту, на пустоту на улицахъ, на то, что никто, кромѣ испанскаго, другого языка не разумѣетъ, и что мы никакъ не можемъ найти отели. Они усердно утѣшали насъ тѣмъ, что теперь время сѣсты—всѣ спятъ, оттого никто по улицамъ, кромѣ простого народа, не ходитъ, а простой народъ ни по-французски, ни по-англійски не говоритъ, но зато говоритъ по-испански, по-китайски и по-португальски, что, передъ сѣстой и послѣ сѣсты, по улицамъ, кромѣ простого народа, опять-таки никто не ходитъ, а непростой народъ все ѣздитъ въ экипажахъ и говоритъ только по-испански. „Отель“, прибавили они въ послѣднее утѣшеніе намъ, „точно есть: содержитъ ее французъ m-r Демьенъ, очень хорошій человѣкъ, но это предалеко отсюда. Вотъ, не угодно ли, васъ проводитъ туда кули, а вы заплатите ему за это реалъ, или пожалуй, больше[a].

Француженка, въ видѣ украшенія, прибавила къ этимъ практическимъ свѣдѣніямъ, что въ Манилѣ всего человѣкъ

шесть французовъ, да очень мало американскихъ и англійскихъ негоціантовъ, а то все испанцы; что они все спятъ да ѣдятъ; что сама она католичка, но терпитъ и другія религіи, даже лютеранскую, и что хотѣла бы очень побывать въ испанскихъ монастыряхъ, но туда женщинъ не пускаютъ— и при этомъ вздохнула изъ глубины души. „А много монаховъ въ Манилѣ? спросилъ я.—„On ne voit que ça, m-r", отвѣчала она. На прощаньѣ хозяева просили удостоить ихъ посѣщеніемъ, если понадобится намъ—мѣбель.

Опять пошли мы кочевать, подъ предводительствомъ индійца или, какъ называетъ Ѳаддеевъ, цыгана, въ бѣлой рубашкѣ, выпущенной на синіе панталоны, въ соломенной шляпѣ, босикомъ, по пустымъ улицамъ, стараясь отворачиваться отъ многихъ лавочекъ, откуда ужъ слишкомъ пахло китайцами.

Пока мы шли подъ каменными сводами лавокъ, было сносно, но лавки кончились; началась другая улица, пошли перекрестки, площади; надо было проходить по открытымъ мѣстамъ. Зонтикъ оказался слабою защитою: ноги горѣли въ ботинкахъ. Мы прошли мимо моста, у котораго пристали; за нимъ видна большая церковь; впереди, по новой улицѣ, опять ряды лавокъ, гораздо хуже, чѣмъ въ той, гдѣ мы были. Попадались все тѣ же индійцы и китайцы, изрѣдка метисы, и одна метиска, съ распущенной по спинѣ мокрой косой, которую она подставляетъ подъ солнце посушить послѣ купанья.

Метисы—это пересаженные на манильскую почву, съ разныхъ другихъ мѣстъ, цвѣтки, то-есть, смѣсь китайцевъ, испанцевъ, и другихъ племенъ, съ индійцами. Испанскіе метисы одержимы желаніемъ прослыть, гдѣ есть случай, испанцами—но это невозможно: черезчуръ смуглыя лица, черезчуръ черные волосы, обличаютъ неиспанскую кровь на каждомъ шагу. Они и сами понимаютъ это и смиряются.

Женщины присвоили себѣ и особенный костюмъ: ярко-полосатую, и даже пеструю юбку, и бѣлую головную мантилью, въ отличіе отъ черной, исключительнаго головного убора испанокъ pur sang. Испанцы такъ дорожатъ привилегіей родиться и получить воспитаніе на своемъ полуостровѣ, что уже родившіеся здѣсь, отъ испанскихъ же родителей, дѣти на нѣсколько процентовъ цѣнятся ниже противъ европейскихъ испанцевъ въ здѣшнемъ обществѣ. Одна молодая испанка... Но вѣдь это я все узналъ не дорогой къ трактиру, а послѣ: зачѣмъ же забѣгать? Разскажу, когда дойдетъ очередь, если не... забуду.

Улицы, дома, лавки—все это провинціально и похоже на всѣ въ мірѣ, какъ я теперь погляжу, провинціальные города, въ томъ числѣ и на наши: такіе же длинные заборы, длинные переулки безъ домовъ, заросшіе травой, пустота, эклектизмъ въ торговлѣ и отсутствіе движенія.

У одного переулка нашъ вожатый остановился, давъ догнать себя, и пошелъ между двумя заборами, изъ-за которыхъ выглядывали жарившіеся на солнцѣ бананы. Въ этомъ переулкѣ совсѣмъ не видно было домовъ, зато росло гораздо больше травы, въ тѣни лежало гораздо болѣе свиней и собакъ, нежели въ другихъ улицахъ. Наконецъ вотъ и домъ, одинъ, вдали, ужъ на загибѣ, другой—и только. „Да скоро ли кончится этотъ путь?“ говорили мы, до-нельзя утомленные жаромъ. Тагалъ остановился у перваго изъ домовъ, у довольно грязныхъ воротъ. „Fonda!“ сказалъ онъ, указывая рукой во дворъ. Мы недовѣрчиво заглянули туда—и что же: опять коляски и лошади. „Что жъ это значитъ: смѣются, что ли, надъ нами?“ ворчали мы. „Fonda!“ твердилъ упрямо тагалъ. „Такъ что жъ, что fonda? веди насъ въ отель!“ кричали мы, кто по-французски, кто по-англійски. Къ счастью, вышелъ какой-то молодой человѣкъ и объявилъ по-англійски, что это фунда, то-есть отель и есть. „А

лошади, коляски—что это значитъ?" сердито спрашивали мы. „Хозяинъ содержитъ и экипажи", отвѣчалъ онъ.

Мы успокоились и спрятались подъ спасительную тѣнь, пробѣжавъ дворъ, наполненный колясками и лошадьми, взошли на лѣстницу и очутились въ огромной столовой залѣ, изъ которой открытая со всѣхъ сторонъ галлерея вела въ другія комнаты; далѣе слѣдовали корридоры съ нумерами. О роскошь! солнца нѣтъ; вездѣ сквозной вѣтеръ; но, къ сожалѣнію, онъ не всегда здѣсь къ вашимъ услугамъ. У насъ, на сѣверѣ, велятъ избѣгать его, а здѣсь искать. Отель напоминала намъ Сингапуръ: такія же длинныя залы, длинный столъ и огромный вѣеръ, прикрѣпленный къ потолку. Вездѣ задвижныя рамы во всю величину окна. Есть и балконъ, или просто крыша надъ сараями, огороженная бортами, какъ на корабляхъ, или, лучше сказать, какъ на... балконахъ.

На насъ съ любопытствомъ поглядывала толпа слугъ, индійцевъ, большею частью мальчишекъ. Впрочемъ тагалы вообще невысоки ростомъ и моложавы на видъ. „Лимонаду!" спросили мы, и вся толпа слугъ разомъ бросилась вонъ, такъ что полъ, столы, стулья—все заходило въ залѣ. Тутъ я разглядѣлъ, что полы, потолки—все это выстроено черезчуръ на живую нитку. Я сквозь щели досокъ на полу видѣлъ, что дѣлается на дворѣ; каждое слово, сказанное внизу, слышно въ комнатѣ, и обратно. Разглядѣлъ я еще, что въ рамахъ нѣтъ ни одного стекла, а вмѣсто ихъ что-то другое. „Слюда", сказалъ одинъ изъ насъ.—„Нѣтъ, это жесть, рѣшилъ другой: „посмотрите, какая крѣпкая!"

Слуги вбѣжали, какъ лошади, съ такимъ же шумомъ, съ какимъ ушли, и принесли нѣсколько бутылокъ лимонаду. Мы жадно напали на лимонадъ и потомъ уже спросили, гдѣ хозяинъ и можно ли его видѣть. Опять они съ оглушительнымъ топотомъ шарахнулись вонъ. Явился хозяинъ,

m-r Demien, лѣтъ 35-ти, пріятной наружности, съ добрымъ лицомъ, въ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ, вѣжливый, но не суетливый, держитъ себя очень просто, но съ достоинствомъ, не болтунъ и не хвастунъ, что рѣдко встрѣтишь въ французѣ. Онъ объявилъ, что за полтора піастра въ сутки даетъ комнату, со столомъ, то-есть съ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ; что онъ содержитъ также и экипажи; что коляска и пара лошадей стоятъ въ день два піастра съ половиной, а за полдня піастръ съ четвертью; что завтракаютъ у него въ десять часовъ, обѣдаютъ въ четыре, а чай пьютъ и ужинаютъ въ восемь. „Впрочемъ у меня когда хотите, тогда и дадутъ ѣсть, comme chez tous les mauvais gargotiers“, прибавилъ онъ.— „Excellent m-r Demien!“ сказалъ Б. К. въ умиленіи.

„Скажите, пожалуйста“, начали мы разспрашивать хозяина: „какъ бы посмотрѣть городъ?“—„Можно“, отвѣчалъ онъ: „вы что хотите видѣть?“—„Прежде всего испанскій городъ, достопримѣчательности“. — „Можно“. „Церкви, напримѣръ?“—„Можно“.—„Такъ велите же дать лошадей, мы бы поѣхали...“—„Церкви видѣть нельзя: онѣ заперты“, сказалъ Демьенъ.—„Когда жъ служатъ въ нихъ?“—„До восьми часовъ утра; позже — жарко“. — „Ну, фабрику сигаръ можно видѣть?“ — „Нѣтъ, надо до одиннадцати часовъ утра; къ полудню всѣ расходятся отдыхать: жарко. Да у васъ есть позволеніе отъ губернатора?“—„Позволеніе?“ спросили мы.—„Да?“—„Нѣтъ“.—„Впрочемъ, если у васъ есть кто-нибудь знакомый въ городѣ, то васъ проведутъ, по знакомству съ директоромъ“.

Мы призадумались передъ этими неожиданными помѣхами. „Еще намъ хотѣлось бы съѣздить внутрь острова: посмотрѣть, напримѣръ, гротъ св. Маттео, лагуны... можно ли у васъ достать лошадей?“ спрашивали мы далѣе. — „Можно, сколько хотите: только здѣшнее начальство

неохотно пускаетъ иностранцевъ внутрь... Впрочемъ, для васъ, можетъ-быть, губернаторъ разрѣшитъ: вы рѣдкіе гости".—„Чѣмъ же это лучше Японіи?" съ досадой сказалъ я: „нечего дѣлать, велите мнѣ заложить коляску", прибавилъ я: „я проѣдусь по городу, кстати куплю сигаръ..."—„Коляски дать теперь нельзя..."—„Вы шутите, г. Демьенъ?"—„Нимало: здѣсь ѣздятъ съ ранняго утра до полудня, потомъ съ пяти часовъ до десяти и одиннадцати вечера; иначе заморишь лошадей".—„Гдѣ жъ магазинъ съ сигарами! покажите, мы пѣшкомъ пойдемъ".—„Есть одинъ магазинъ казенный, да тамъ не всегда бываютъ сигары... надо на фабрикѣ..."—„Это изъ рукъ вонъ! вѣдь на фабрику попасть нельзя?"—„Трудно".—„Гдѣ жъ берутъ сигары? мы на улицѣ видѣли, всѣ курятъ".—„Въ частныхъ лавкахъ есть, да дрянныя".—„Нѣтъ ли у васъ?"—„Нѣтъ, я не держу, потому что здѣсь всякій самъ запасаетъ себѣ".

Мы пожали плечами, а Демьенъ улыбался: онъ наслаждался нашимъ положеніемъ. „Что жъ намъ дѣлать теперь—научите".—„А вотъ отдохните здѣсь, теперь три часа, въ четыре подадутъ обѣдъ: обѣдайте, если хотите, а послѣ я тотчасъ велю закладывать экипажи, пораньше, для васъ, и вы поѣдете кататься. Сигаръ я пошлю купить сейчасъ же".—„Мы обѣдали", отвѣчали мы.—„Завтракали", поспѣшно добавилъ Б.: „почему жъ не отобѣдать? Надо же изучать нравы, обычаи..."—„А что это у васъ вставлено въ рамы вмѣсто стеколъ?" спросилъ я хозяина.—„Перламутровыя раковины".—„Зачѣмъ же?"—„Онѣ мало свѣта пропускаютъ въ комнаты и не принимаютъ въ себя жара. Да стеколъ здѣсь не напасешься отъ однихъ землетрясеній", прибавилъ онъ.

Мы сѣли у окна, на самомъ сквозномъ вѣтру, и смотрѣли на огороженный заборомъ плацъ, съ аллеею большихъ тѣнистыхъ деревьевъ, назначенный, повидимому, для ученья

солдатъ. Дальше виднѣлись крыши домовъ, съ рѣдкою, выглядывавшею изъ-за нихъ зеленью. Съ другой стороны, съ балкона, видъ былъ лучше. Балконъ выходилъ на Пассигъ, съ движущейся по ней живой панорамой судовъ, странныхъ лодокъ, индійцевъ. Изъ-за крѣпостной стѣны глядѣли куполы и кресты церквей. Въ трактиръ приходили и уходили разныя лица, все въ бѣлыхъ курткахъ, индійцы въ грязныхъ рубашкахъ, китайцы, безъ того и безъ другого. Мимо везли на буйволахъ разныя клади: видно, буйволы, насчетъ ѣзды по жарѣ, не входили въ одну категорію съ лошадьми.

Въ трактирѣ къ обѣду стало поживѣе: изъ нумеровъ показались сонныя лица жильцовъ: какой-то очень благообразный, высокій, сѣдой старикъ, въ свѣтло-зеленомъ сюртукѣ, ирландецъ, какъ намъ сказали, полковникъ испанской службы, французъ, блѣдный, до-нѣльзя съ черными волосами, до-нельзя въ бѣлой курткѣ и панталонахъ, какъ будто завернутый въ хлопчатую бумагу, съ нѣжнымъ фальцетто, безъ грудныхъ нотъ. Потомъ, несмотря на жаръ, пришло съ улицы нѣсколько англійскихъ шкиперовъ: что̀ за широкоплечесть! что̀ за приземистость! ноги, вогнутыя внутрь или дугой наружу. Они вчетверомъ, какъ толпа буйволовъ, прошли по галлереѣ мѣрно, основательно, такъ что полъ заходилъ ходенемъ. Посмотришь ли на индивидуума этой породы спереди, только и увидишь синюю, толстую, суконную куртку, такія же панталоны, шляпу, и подъ ней, вмѣсто лица, кругъ краснаго мяса, съ каймой рыжихъ, жесткихъ волосъ, да огромные, жесткіе, почти неразжимающіеся кулаки: горе, кому этакой кулакъ окажетъ знакъ вражды или дружбы! Взглянешь сзади—то же самое, только шляпа вплоть приходится къ плечамъ. Онъ неизмѣнимъ всегда и вездѣ: ни бѣлыхъ куртокъ, ни соломенныхъ шляпъ, никакихъ этихъ нѣжностей не знаетъ. Явилось еще нѣсколько лицъ, всего человѣкъ двадцать. Слуги проявляли

необыкновенную дѣятельность: они продолжали бросаться вонъ и возвращаться бѣгомъ, каждый съ какимъ-нибудь блюдомъ, и скоро заставили весь столъ, такъ что скатерти стало не видно.

Чего не было за столомъ! Мяса рѣшительно всѣ и во всѣхъ видахъ, живность тоже; зелени цѣлый огородъ, между прочимъ кукуруза съ масломъ. Но фруктовъ мало: не сезонъ имъ.

Столъ—смѣсь англійскаго съ французскимъ: зелень, напримѣръ, вся приготовлена по-французски, а мясо и рыба поданы по-англійски, неразрѣзанными: къ нимъ особо опять французскіе рагу, тутъ же и сои, пикули. Хотя всѣ кушанья разомъ поставлены на столъ, но собесѣдники другъ друга не безпокоили просьбою отрѣзать того, другого, какъ принято у англичанъ. „Зачѣмъ такъ много всего этого?“ скажешь невольно, глядя на эти двадцать, тридцать блюдъ: „не лучше ли два-три блюда, какъ у насъ?...“ Впрочемъ, я не знаю, что̀ лучше: попробовать ли понемногу отъ двадцати блюдъ, или наѣсться двухъ такъ, что человѣкъ послѣ обѣда часа два томится сомнѣніемъ, будетъ ли онъ живъ къ вечеру, какъ это дѣлаютъ иные...

Слуги и за обѣдомъ суются, какъ угорѣлые, сталкиваютъ другъ друга съ ногъ, бѣснуются и вдругъ становятся неподвижно и глядятъ на васъ, прося глазами приказать что-нибудь еще.

Послѣ обѣда стало посвѣжѣе; всѣ разъѣхались. Мнѣ подали прекрасную небольшую коляску, запряженную парой мелкихъ, но прехорошенькихъ, круглыхъ и рѣзвыхъ лошадей. „Велите кучеру ѣхать сначала въ Маниллу“, сказалъ я хозяину: „потомъ въ окрестности, только подальше и позанимательнѣе“.—„А на кальсадо хотите ѣхать?“ спросилъ онъ.—„Что̀ это такое кальсадо?“—„Это гулянье около крѣпости и по взморью: туда по вечерамъ собираются

всѣ кататься".—„Ужо, попознѣе", сказалъ я. Онъ долго что̀-то говорилъ кучеру и тотъ погналъ лошадей, еще по горячимъ улицамъ, по которымъ мы утромъ тащились пѣшкомъ до отели. Я прилежно глядѣлъ кругомъ, чтобъ скорѣе освоиться въ городѣ.

Мы промчались по предмѣстью, теперь уже наполненному толпами народа, большею частію тагалами и китайцами, отчасти также метисами: весь этотъ людъ шелъ на работу или съ работы; другіе, казалось, просто обрадовались наступавшей прохладѣ, и вышли изъ домовъ гулять, ходили по лавкамъ, стояли толпами и разговаривали.

Тагалы нехороши собой: лица большею частію плоскія, овальныя, носъ довольно широкій, глаза небольшіе, цвѣтъ кожи нечисто-смуглый. Они стригутся по-европейски, одѣваются въ бумажныя панталоны, сверху выпущена бумажная же рубашка; у франтовъ кисейная, съ вышитою на европейскій фасонъ манишкой. Въ шляпахъ большое разнообразіе: много соломенныхъ, но еще больше европейскихъ, шелковыхъ, особенно сѣрыхъ. Метисы ходятъ въ такомъ же, или уже совершенно въ европейскомъ платьѣ.

Женщины, т.-е. тагалки, гораздо лучше мужчинъ: лица у нихъ правильнѣе, глаза смотрятъ живѣе, въ чертахъ больше смышленности, лукавства, игры, какъ оно и должно быть. Онѣ большія кокетки: это видно сейчасъ по взглядамъ, которыми онѣ отвѣчаютъ на взгляды любопытныхъ, и по подавляемымъ улыбкамъ. Какъ хорошъ смуглый цвѣтъ, при живыхъ, страстныхъ глазахъ и густой черной косѣ, которая плотнымъ узломъ громоздится на маленькой головѣ, напоказъ всѣмъ, безъ всякаго убора! Васъ поразила бы еще стройность этихъ женщинъ: онѣ не высоки ростомъ, но сложены прекрасно, тѣмъ прекраснѣе, что никто, кромѣ природы, не трудился, надъ этимъ станомъ. Нѣтъ ни пояса, ни тесемки около поясницы, ничего, что̀ намекало бы на шну-

ровку и корсетъ. Весь костюмъ состоитъ изъ бумажной, плотно-обвитой около тѣла юбки, безъ рубашки; юбка прикрыта еще большимъ платкомъ — это нижняя часть одежды; верхняя состоитъ изъ одного только спенсера, большею частью кисейнаго, безъ всякой подкладки, ничѣмъ не соединяющагося съ юбкою: отъ этого, при скорой походкѣ, отъ граціозныхъ движеній тагалки, часто бросается въ глаза полоса смуглаго тѣла, внезапно открывающаяся между спенсеромъ и юбкой.

У многихъ, особенно у старухъ, на шеѣ, на мѣдной цѣпочкѣ, сверхъ платья, висятъ мѣдные же, или серебряные кресты, или медальоны, съ изображеніями святыхъ. Нѣчего прибавлять, что всѣ здѣшніе индійцы—католики. Въ дальнихъ мѣстахъ, внутри острова, есть еще малочисленныя племена, или, лучше сказать, толпы необращенныхъ дикарей; ихъ называютъ негритами (negritos). Испанское правительство иногда посылаетъ за ними небольшіе отряды солдатъ, какъ на охоту за звѣрями.

Между этими стройными женскими фигурами толкались, кромѣ тагаловъ, китайцы въ своихъ кофтахъ, съ длинною, путавшеюся въ ногахъ косою, или пробирались монахи. И мужчины, и женщины почти всѣ курили сигары.

Мы выѣхали изъ предмѣстья, и по длинному, но довольно узкому мосту черезъ Пассигъ, потомъ мимо казармъ, въѣхали въ крѣпость, окруженную широкимъ, наполненнымъ водой рвомъ, и сѣрой, массивной стѣной изъ дикаго камня. Проѣхали еще чрезъ ворота за внутреннюю, выбѣленную кирпичную стѣну и очутились въ длинной, узенькой, мрачной улицѣ испанскаго города. Дома шли сплошной массой въ два этажа, съ непрерывной каймой висячихъ балконовъ, похожихъ на шкапы съ плотно-затворенными дверцами. Нижніе этажи пер-

вой улицы заняты китайскими лавками, все почти съ европейскими товарами.

Мы мчались изъ улицы въ улицу, такъ что предметы рябили въ глазахъ: то выскочимъ на какую-нибудь открытую площадку—и все обольется лучами свѣта: церковь, мостовая, садъ передъ церковью, съ яркою и нѣжною зеленью на деревьяхъ, и мы сами, то погрузимся опять во тьму кромѣшную длиннаго переулка. Въ глазахъ мелькнетъ вывѣска лавки, отворенное жалюзи и заспанное лицо стараго испанца; тамъ арфа у окна; тамъ дѣтская головка, солдатъ на часахъ. Сказалъ бы кучеру: *стой, тише!* да какъ ему скажешь? Выйдетъ такая же исторія, пожалуй, какъ давича *съ фондой*. Мы доскакали до большой площади, съ скверомъ посрединѣ и бронзовымъ монументомъ. „Stop, halt“, говорилъ я. Кучеръ все мчалъ дальше. Я потерялъ терпѣніе и тростью тронулъ его въ спину. Онъ быстро обернулся ко мнѣ и смотрѣлъ на меня вопросительно, а лошади все ѣхали. Насилу я знаками объяснилъ ему, что хочу выйти.

Я пошелъ по площади кругомъ; она образуетъ параллелограмъ: съ одной стороны дворецъ генералъ-губернатора—большое двухъэтажное каменное зданіе новѣйшей постройки; внизу, въ окнахъ, вмѣсто рамъ, большія желѣзныя рѣшетки. Здѣсь всѣ дома въ два этажа; въ нижнихъ этажахъ помѣщаются лавки и кладовыя, но не жилые покои, по причинѣ землетрясеній. Зданія строятся по двумъ способамъ: или чрезвычайно массивно, какъ строятся монастыри, казармы, казенные дома, такъ что надо необыкновенное землетрясеніе, чтобъ поколебать громадныя стѣны этихъ зданій; или же сколачиваются на живую нитку, въ родѣ балагановъ, какъ выстроена фонда, и почти всѣ другіе частные дома. Въ нихъ потолки и полы такъ легки и эластичны, что покоряются движенію почвы и, пошатавшись немного, остаются на своемъ мѣстѣ. Здѣсь,

говорятъ, всѣ привыкли къ землетрясеніямъ: и дома, и люди. Напротивъ дворца—ратуша съ башенкой наверху. Съ третьей стороны соборъ, на четвертой рядъ большихъ, выстроенныхъ въ линію, частныхъ домовъ.

Площадь вся такъ и горѣла жаромъ—нужды нѣтъ, что былъ уже въ исходѣ пятый часъ. Дома стоятъ точно необитаемые, съ закрытыми жалюзи. Церковь, съ сѣрыми, обросшими мохомъ стѣнами, покоится мертво и нѣмо. Нигдѣ ни звука, ни движенія; птичка даже не пролетитъ, и солдатъ у воротъ дворца точно приросъ къ землѣ, какъ эта статуя Карла IV. Около монумента, на скверѣ, только что посажены, не сегодня такъ вчера, кустики съ голыми прутьями—будущія деревья; они смотрѣли такъ жалко и сухо, какъ будто отчаивались вырости подъ этимъ солнцемъ.

Я хотѣлъ обойти кругомъ сквера, но подвигъ былъ не по силамъ: сдѣлавъ шаговъ тридцать, я сѣлъ въ коляску, и кучеръ опять безпощадно погналъ лошадей, опять замелькали предметы. Но городъ уже понемногу оживалъ: кое-гдѣ отодвигались жалюзи; появлялись люди. На одномъ балконѣ, опершись локтями о рѣшетку, сидѣла молодая женщина, съ матовымъ лицомъ, съ черными глазами; она смотрѣла бойко: видно, что не спала совсѣмъ. Вотъ вечеромъ тутъ, пожалуй, явится кто-нибудь съ *отвагой* и *шпагой*, а, можетъ-быть, и съ *шелковыми петлями*. Я сталъ вглядываться попристальнѣе въ нее, и она скрылась. Кое-гдѣ отворяли рѣшетчатыя желѣзныя ворота въ домахъ; слышался стукъ колесъ; тамъ, на балконѣ, собралось цѣлое семейство наслаждаться чуть-чуть повѣявшей прохладой.

Проѣхавъ множество улицъ, замковъ, домовъ, я выѣхалъ въ другія ворота крѣпости, ко взморью, и успѣлъ составить только пока заключеніе, что испанскій городъ—городъ большой, городъ сонный и городъ очень пріятный. Ѣдучи туда, я думалъ, правду сказать, что на меня по-

вѣетъ духъ падшей, обѣднѣвшей державы, что я увижу запустѣніе, отсутствіе строгости, порядка, словомъ, поэзію разоренія, но меня удивилъ видъ благоустроенности, чистоты: вездѣ видны слѣды заботливости, даже обилія.

За городомъ дорога пошла берегомъ. Я смотрѣлъ на необозримый заливъ, на наши суда, на озаряемыя солнцемъ горы, однѣ, поближе, пурпуровыя, подальше—лиловыя; самыя дальнія синѣли въ туманѣ небосклона. Картина впереди—еще лучше: мы мчались по большому зеленому лугу, съ декораціей индійскихъ деревень, прячущихся въ тѣни банановъ и пальмъ. Это одна безконечная шпалера зелени — на бананахъ нѣжной, яркой до желтизны, на пальмахъ темной и жесткой.

Кучеръ мчитъ неистово; я только успѣваю кидать быстрые взгляды направо и налѣво. Тутъ стѣна бамбуковъ; я нигдѣ не видалъ такихъ большихъ и стройныхъ деревьевъ: они растутъ исполинскими кустами или букетами, устремляясь, какъ пучки стрѣлъ, вверхъ, и тамъ разбѣгаются вѣтвями въ разныя стороны. Дальше густая, непроницаемая масса смѣшанной зелени, въ которой мѣстами прячутся кисти хлѣбныхъ плодовъ, фигъ, или гранатъ, какъ мнѣ казалось при такой быстрой ѣздѣ. Изъ чащи зелени мы вдругъ вторгались въ тагальскую деревню, проскакивали мимо хижинъ безъ стѣнъ, съ однѣми рѣшетками, сплетенными изъ растущаго тутъ же рядомъ бамбука, крытыхъ банановыми листьями, и безъ того, впрочемъ, осѣняющими круглый годъ всю хижину. Деревня замѣнялась опять сплошнымъ лѣсомъ-садомъ, который тянется долго, цѣлыя мили. Потомъ зеленая шпалера внезапно раздвинется, открывая поля съ грядами, покосами, фермами, стадами, съ пестрыми нивами, какъ заплатами, которыя стелются далеко, вплоть до синѣющаго на горизонтѣ лѣса. Мѣстами декорація лѣса прячетъ за собой табачную, кофейную или, наконецъ, са-

харную плантацію. Одно цвѣтетъ, съ другого уже собраны плоды, третье едва восходитъ. Но бананы превозмогаютъ все: вездѣ, изъ всѣхъ угловъ и щелей, торчатъ ихъ нескромные, ярко-свѣжіе листья, осѣняющіе крупныя и тяжелыя кисти плодовъ. Все здѣсь заросло, все зелень, все садъ, какъ на Явѣ; нѣтъ пустого клочка голой земли.

Сколько мостиковъ и рѣчекъ перемахнули мы! Вездѣ на нихъ жилье, затишья, углубленія въ сторону: тамъ, въ сонныя воды заблудившейся въ лѣсу и ставшей неподвижно рѣчки, смотрятся дачи, во всемъ убранствѣ зелени и цвѣтовъ; черезъ воды переброшенъ мостъ, игрушечной постройки, какихъ много видишь на театрѣ, отчасти на Черной рѣчкѣ тоже.

На балконахъ уже сидятъ, въ праздномъ созерцаніи чудесъ природы, заспанныя, худощавыя фигуры испанцевъ de la vielle roche, напоминающихъ Дон-Кихота: лицо овальное, книзу уже, съ усами и бородой, похожей тоже на усъ, въ ермолкахъ, съ извѣстными крупными морщинами, съ выражающимъ одно и то же взглядомъ тупого, даже отчасти болѣзненнаго раздумья, какъ будто печати страданія, котораго, кажется, не умѣетъ эта голова высказать, за неумѣньемъ грамотѣ. На всѣхъ картинкахъ испанской школы увидите такія лица. Другія еще почиваютъ, или, проснувшись, кушаютъ. Быстроглазыя тагалки, занятыя чѣмъ-нибудь въ хижинахъ или около, вдругъ поднимаютъ на проѣзжихъ глаза, и непремѣнно что-нибудь высказываютъ ими: или вопросъ, или насмѣшку, или другое, но во всякомъ случаѣ краснорѣчиво. Мужчины—тѣ ничего не говорятъ: смотрятъ на васъ съ равнодушнымъ любопытствомъ, медленно, почесывая грудь, спину, или что-нибудь другое, какъ дѣлаютъ и у насъ мужчины въ поляхъ, отрываясь на минуту отъ плуга или косы, чтобъ поглядѣть на проѣзжаго. Одни изъ нихъ возятся около воловъ, другіе работаютъ по полямъ и

огородамъ, третьи сидятъ въ лавочкѣ и продаютъ какую-нибудь дрянь; прочіе покупаютъ ее, ѣдятъ, курятъ, наконецъ многіе бо̀льшею частью сидятъ кучками всюду на улицѣ, въ садахъ, въ переулкахъ, въ полѣ, и почти всѣ съ пѣтухомъ подъ-мышкой.

Это вѣчный товарищъ тагала: онъ съ нимъ всюду. Я видѣлъ пѣтуховъ, привязанныхъ къ дверямъ лавокъ: хозяинъ торгуетъ—пѣтухъ долженъ быть тутъ же. Я останавливался, выходилъ изъ коляски посмотрѣть, что̀ они тутъ дѣлаютъ: думалъ, что увижу знаменитые манилльскіе пѣтушьи бои, но видѣлъ только боевыя экзерциціи; пѣтуховъ раздражали, спуская другъ на друга, но тотчасъ же и удерживали за хвостъ, какъ только рыцари слишкомъ ощетинятся. Тутъ лишь пробовали ихъ силу, цѣнили качества и готовили къ настоящимъ сраженіямъ. А сраженія происходятъ въ особыхъ циркахъ, по праздникамъ. Странно видѣть взрослыхъ людей, съ задумчивыми, иногда съ такими дѣловыми физіономіями, за ребяческой забавой. Мнѣ невольно пришла на память Европа, карты, и дѣловыя физіономіи тоже...

Когда я выѣзжалъ изъ города въ окрестности, откуда-то взялась и поѣхала, то обгоняя насъ, то отставая, коляска; въ ней на первыхъ мѣстахъ сидѣлъ августинецъ, съ умнымъ лицомъ, черными, очень выразительными глазами, съ выбритой маковкой, безъ шляпы, въ бѣлой полотняной, или коленкоровой широкой одеждѣ; это бы ничего: on ne voit que ça, говоритъ француженка; но рядомъ съ монахомъ сидѣлъ китаецъ—и это не рѣдкость въ Маниллѣ. У этого китайца были свѣтлорусые волосы, голубые, или, по крайней мѣрѣ, сѣрые глаза, бѣлое, или, скорѣе, красноватое лицо, начиная съ носа, совершенно какъ у европейца. Подумавъ хорошенько, я снизошелъ и къ этому явленію. „Почему жъ“, думалъ я: „не быть у китайца русымъ волосамъ и красному носу, какъ у европейца? вѣдь англичане давно ужъ распро-

страняютъ въ Китаѣ просвѣщеніе и завели много своего. Между прочимъ и носы, и русые волосы...“ Но зачѣмъ у этого китайца большой золотой крестъ на груди? Если онъ христіанинъ, какъ надо полагать, зачѣмъ онъ въ китайскомъ платьѣ?—боится своихъ, прячется? не думаю: тогда бы онъ боялся носить и крестъ. Наконецъ, зачѣмъ онъ сидитъ съ католическимъ монахомъ? Кто это противъ нихъ, весь въ черномъ, свѣтскомъ платьѣ, худощавый мужчина, который не надѣваетъ шляпы, а держитъ ее въ рукахъ? Потомъ, отчего они всѣ молчатъ и смотрятъ въ разныя стороны?

Это очень интриговало меня; я поминутно обращалъ взгляды на коляску, до того, что августинскій монахъ вышелъ изъ терпѣнія и поклонился мнѣ, полагая, вѣроятно, по моимъ вопросительнымъ и настойчивымъ взглядамъ, что я добивался поклона. Мнѣ стало совѣстно, и я уже не взглянулъ ни разу на коляску, и не знаю, гдѣ и какъ она отстала отъ насъ.

Солнце ужъ скрывалось; мертвый полуденный сонъ миновалъ; бездѣйствіе кончилось. По деревьямъ, по дорогѣ и по водѣ заигралъ вѣтерокъ, подувшій съ моря, но такъ мягко, нѣжно, осторожно, какъ развѣ только мать дуетъ въ лицо спящему ребенку, чтобъ согнать докучливую муху. Почти не слыхать его, а прохладно, тепло и покойно; вѣтви не качаются взадъ и впередъ и не хлещутъ одна другую, какъ въ нашихъ сѣверныхъ дубравахъ; онѣ не движутся, только листья шепчутъ, и то не всѣ: иной съ подошву толщиной—гдѣ ему шептать! зефиры не скоро раскачаютъ его.

А кучеръ все мчалъ да мчалъ меня, то по глухимъ переулкамъ, съ бѣдными, но чистыми хижинами, по улицамъ, то опять по полянамъ, по плантаціямъ. Изъ-за деревьевъ продолжали выглядывать идилліи въ такихъ краскахъ, какія конечно не снились самому отцу Ѳеокриту. Вездѣ толпы; на балконахъ множество головъ.

Мы проѣзжали мимо развалинъ массивнаго зданія, упавшаго отъ землетрясенія, какъ надо полагать. Я вышелъ изъ экипажа, заглянулъ за каменную ограду и видѣлъ стѣну съ двумя-тремя окнами, да кучу щебня и кирпичей, заросшихъ травой.

Въ тагальскихъ деревняхъ между хижинами много красивыхъ домовъ легкой постройки—это дачи горожанъ, которые бѣгутъ сюда, между прочимъ, тотчасъ послѣ первыхъ приступовъ землетрясенія, какъ сказалъ мнѣ утромъ мсьё Демьенъ. Здѣсь нѣчему раздавить человѣка: все изъ жердочекъ, изъ прутьевъ; стѣнъ нѣтъ: мѣсто ихъ занимаютъ окна, задвигаемыя посредствомъ жалюзи. Жалюзи открывались къ вечеру и обнаруживали внутренность домовъ. У тагаловъ нѣчего смотрѣть: нѣсколько посуды для приготовленія пищи, лавки и семейство, сидящее на полу. Хижины строятся на подставкахъ, для защиты отъ періодически-разливающихся рѣкъ, отъ дождей; подъ хижиной помѣщаются свиньи, куры, все домашнее хозяйство. Побогаче хижины окружены двориками, огороженными бамбукомъ, а чаще кустами банановъ. Во многихъ хижинахъ я видѣлъ висящіе мундиры, а иногда и самъ смуглый воинъ изъ тагаловъ, въ родѣ Отелло, сидѣлъ тутъ же, среди семейства.

Да, прекрасны окрестности Манилы, особенно при вечернемъ солнцѣ: днемъ, въ полдень, онѣ ослѣпительны и знойны, какъ степь. Если бъ не онѣ, не эта растительность и не веселый, всегда праздничный видъ природы, не стоило бы, кажется, и ѣздить въ Манилу, развѣ только за сигарами.

Мы въѣхали въ городъ съ другой стороны: тамъ ужъ кое-гдѣ зажигали фонари: начинались сумерки. Китайскія лавки сіяли цвѣтными огнями. Въ полумракѣ двигалась по троттуарамъ толпа гуляющихъ; по мостовой мчались коляски. Мы опять черезъ мостъ поѣхали къ крѣпости, но на

мосту была такая тѣснота отъ экипажей, такая толкотня между пѣшеходами, что я ждалъ минутъ пять въ линіи колясокъ, пока можно было проѣхать. Наконецъ мы высвободились изъ толпы и мимо крѣпостной стѣны пріѣхали на гласисъ и вмѣшались въ ряды экипажей.

Гдѣ это я? Подъ Новинскимъ, или въ Екатерингофѣ 1-го мая? По гласису тянутся двѣ аллеи большихъ широколиственныхъ деревьевъ; между аллеями, по широкой дорогѣ, движется безконечная нить двумѣстныхъ и четверомѣстныхъ колясокъ, съ синьорами и синьоринами, съ джентльменами, джентльменками, и огибаетъ огромное пространство отъ предмѣстій, мимо крѣпости, до самаго взморья. На берегу залива собралось до сотни экипажей: гуляющіе любовались моремъ и слушали прекрасную музыку. Играли полковые музыканты. Я остановился послушать знакомые мотивы изъ оперъ и незнакомыя польки, мазурки. Многіе мужчины—въ бѣломъ, исключая львовъ: тѣ—въ суконномъ платьѣ и черныхъ шелковыхъ шляпахъ. Весь шикъ заключается въ томъ, чтобъ—хоть задохнуться, да казаться европейцемъ, не измѣнять европейскаго костюма и обычаевъ. Женщины—испанки—всѣ съ открытой головой, и даже безъ мантильи; англичанки и американки въ шляпкахъ. Лицъ не видать: темно. Мѣстами разставлены жандармы, въ треугольныхъ шляпахъ, темныхъ мундирахъ съ бѣлою перевязью, верхомъ на небольшихъ, но крѣпкихъ, коренастыхъ лошадяхъ. Порядокъ строгій; ни одна коляска не смѣетъ обогнать другую, ни остановиться въ рядахъ.

Это и есть знаменитое кальсадо или гулянье, о которомъ говорилъ m-r Demien.

Проѣхавъ раза два по немъ взадъ и впередъ, я отправился въ отель. Кальсадо не уйдетъ: да хоть бы и ушло—не бѣда: это та же Москва, Петербургъ, Берлинъ, Парижъ и т. д. Въ „фондѣ“ ужъ онять накрытъ длинный столъ,

опять заставили его двадцатью блюдами, все почти тѣми же, что и за обѣдомъ, кромѣ супа. Это называется *пить чай*, а чаю не видать. Вскорѣ, одинъ за другимъ, собрались всѣ— и наши и чужіе. Завязался живой и шумный разговоръ, разсказъ, кто что̀ видѣлъ, слышалъ. Я ушелъ на балконъ и велѣлъ туда принести себѣ чай. Боже мой, какая микстура! Полухолодный, темный и мутный настой, мутный отъ грязнаго сахарнаго песку. Въ Маниллѣ родится прекрасный сахаръ и нѣтъ ни одного завода для рафинировки. Все идетъ отсюда вонъ, больше въ Америку, на мысъ Доброй Надежды, по китайскимъ берегамъ, и оттого не достанешь куска бѣлаго сахару. Нужды нѣтъ, что въ двухъ шагахъ отъ Китая, но не достанешь и чашки хорошаго чаю. Я убѣждаюсь болѣе-и-болѣе, что иностранцы не знаютъ, что̀ такое чай, и что одни русскіе знаютъ въ немъ толкъ.

Ночь была лунная. Я смотрѣлъ на Пассигъ, который текъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ балкона, на темные силуэты монастырей, на чуть-чуть-качающіяся суда, слушалъ звуки долетавшей какой-то музыки, кажется, арфы, только не фортепіанъ, и женскій голосъ. Глядя на все окружающее не умѣешь представить себѣ, какъ хмурится это небо, какъ блѣднѣютъ и пропадаютъ эти краски, какъ природа разстается съ своимъ праздничнымъ уборомъ.

— „Ваше высокоблагородіе!“ прервалъ голосъ мое раздумье: передо мной матросъ.—„Катеръ отваливаетъ сейчасъ; меня послали за вами“. На рейдѣ было совсѣмъ не такъ тихо и спокойно, какъ въ городѣ. Катеръ мчался стрѣлой подъ парусами. Изъ-подъ него фонтанами вырывалась золотая пѣна и далеко озаряла воду. Черезъ полчаса мы были дома.

24-го февраля. Я ужъ давно живу у Демьена въ отели. Наши пріѣзжаютъ утромъ и къ вечеру возвращаются на фрегатъ. На другой день прихода нашего хотѣлъ-было я

перебраться въ городъ, но къ намъ пріѣхали съ визитомъ испанцы. Дома были только вахтенный офицеръ, да еще очень немногіе, кого удерживала служба. Я съ Ѳаддеевымъ укладывался у себя въ каютѣ, чтобъ ѣхать на берегъ; вдругъ К. просунулъ ко мнѣ голову въ дверь. „Испанцы ѣдутъ“, сказалъ онъ.—„Богъ съ ними!“ отвѣчалъ я. „Примите ихъ, сдѣлайте одолженіе“, просплъ онъ. „Что я съ ними буду дѣлать?“—„А я еще меньше засъ“. Но разговаривать было нѣкогда: на палубу вошло человѣкъ шесть гидальго, но не такихъ, какихъ я видѣлъ на балконахъ и еще на портретахъ Веласкеца и другихъ; они были столько же гидальго, сколько и джентльмены: всѣ во фракахъ, пальто и сюртукахъ, нѣкоторые въ бѣлыхъ курткахъ.—„Commendante de bahia!“ сказалъ мнѣ одинъ изъ гидальго, показывая на высокаго и красиваго мужчину съ усами. Но commendante de bahia ни по-французски, ни по-англійски не говорилъ, по-русски ни слова, а я зналъ по-испански одно: fonda, да, пожалуй, еще другое—muchacho, которое узналъ въ отели и которое значитъ „мальчикъ“. Теперь къ моему лексикону прибавились еще два слова: fuego—огонь, anda—пошелъ! Къ счастью, съ нимъ были между прочимъ два молодые человѣка, которые, хотя очень дурно, но за то очень скоро говорили по-французски. Одинъ Vincento d'Abello, сынъ редактора здѣшней газеты, сборщика податей тожъ, другой Carmena; оба они служили и по редакціи, и по сбору податей.

Я до сихъ поръ имѣю темное понятіе о томъ, что такое „commendante de bahia“ — начальникъ залива, въ переводѣ. Вчера утромъ ужъ былъ у насъ какой-то *капитанъ надъ портомъ*, только не этотъ. Что жъ это еще? Имъ показали фрегатъ, вызвали музыку, угощали чаемъ, только не микстурой, а нашимъ, благовоннымъ чаемъ. Они заговорили о туркахъ, объ англичанахъ, о синопскомъ дѣлѣ, о кото-

ромъ только что получено было извѣстіе. А я имъ о Коррехидорѣ, островѣ, лежащемъ у входа въ заливъ, потомъ о сигарахъ. Они обѣщали мнѣ полное покровительство для осмотра фабрики и для покупки сигаръ.

Только на другой день утромъ могъ я переселиться въ городъ. Пріѣхалъ баронъ К. съ берега, съ какимъ-то китайцемъ. Но какой молодецъ этотъ китаецъ! большіе каріе глаза такъ и горятъ, лицо румяное, носъ большой, нѣсколько съ горбомъ. Они проходятъ по палубѣ и говорятъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ. „Вотъ французскій миссіонеръ, живущій въ Китаѣ“, сказалъ баронъ, знакомя насъ. Мнѣ объяснилось вчерашнее явленіе за городомъ.—„Вы здѣсь не одни, сказалъ я французу: „я видѣлъ вчера когонибудь изъ вашихъ, тоже въ китайскомъ платьѣ, съ золотымъ наперснымъ крестомъ...“—„Круглолицый, съ красноватымъ лицомъ и отчасти носомъ... figure rubiconde?“ спросилъ французъ.—„Да! да!“—„Это нашъ епископъ, monseigneur Dinacourt: онъ завѣдываетъ христіанами провинціи Джеджіанъ (или Чечіанъ, или Шешіанъ) въ Китаѣ; теперь пріѣхалъ сюда отдохнуть въ здѣшнемъ климатѣ: онъ страдаетъ приливами къ головѣ. Хотите побывать у него? Онъ будетъ очень радъ и самъ явится къ вамъ“.—„Очень рады“.—„И къ испанскому епископу“.—„Мы бы очень желали... особенно интересно посмотрѣть здѣшніе монастыри“.—„И прекрасно: monseigneur Dinacourt живетъ самъ въ испанскомъ монастырѣ. Завтра, или—нѣтъ, завтра мнѣ надо съѣздить въ окрестности, въ pueblo—послѣзавтра пріѣзжайте ко мнѣ, въ домъ португальскаго епископа; я живу тамъ, и мы отправимся“.

Отель былъ единственное сборное мѣсто въ Маниллѣ для путешественниковъ, купцовъ, шкиперовъ. Безпрестанно по комнатамъ проходятъ испанцы, американцы, французскіе офицеры, объ одномъ эполетѣ, и наши. Французы,

по обыкновенію, кланяются всѣмъ и каждому; англичане, по такому же обыкновенію, стараются ни на кого не смотрѣть; наши дѣлаютъ и то и другое, смотря по надобности, и въ этомъ случаѣ они лучше всѣхъ.

Мнѣ не разъ случалось слышать упреки, что мы не очень разговорчивы въ публичныхъ мѣстахъ съ незнакомыми, что вотъ французы любезнѣе всѣхъ и т. п. Справедливы ли такіе упреки? Для чего навязывать какому-нибудь народу черту, какой у него нѣтъ въ нравахъ? Англичане вовсе не говорятъ въ публичныхъ мѣстахъ между собою. „Оттого у нихъ и скучно, въ ихъ собраніяхъ", скажете вы. Совершенно справедливо: ѣдешь ли по желѣзной дорогѣ, сидишь ли въ тавернѣ, за обѣдомъ, въ театрѣ—молчаніе. Но зато англичане не безпокоятъ другъ друга въ публичныхъ мѣстахъ. Уваженіе къ общественному спокойствію простерто до тонкости и... дѣйствительно до скуки. А вотъ мой пріятель, Б. К., воротясь изъ Парижа, разсказывалъ, что ему на парижской дорогѣ, въ одномъ вагонѣ, было до крайности весело, а въ другомъ до крайности страшно. Въ послѣдній забралось нѣсколько, черезчуръ разговорчивыхъ и „любезныхъ" людей: одни пѣли, другіе хохотали, третьи курили; но были и такіе, которые не пѣли, не хохотали и не курили. Безпрестанно слышалось: „Laissez-moi tranquille, je veuz dormir".—„Dormez, si vous pouvez. Quant à moi, j'ai payé mon argent aussi bien que vous, je veux chanter".—„Au diable les fumeurs!"—„Tenez-vous tranquille ou bien je vous dirai deux mots..."

Ужъ не знаю, что̀ хуже: молчать, или разговаривать вотъ этакъ? Впрочемъ, если заговоришь вотъ хоть съ этимъ американскимъ кэптеномъ, въ синей курткѣ, который наступаетъ на васъ съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами и съ звѣрскимъ взглядомъ своихъ глазъ, цвѣта морской воды, онъ сейчасъ разожметъ кулаки, и начнетъ говорить,

разумѣется, о томъ, откуда идетъ, куда, чѣмъ торгуетъ, что̀ выгоднѣе, привозить или вывозить и т. п. Болтовни, острот̀ отъ него не ждите. Отъ француза вы не требуете же, чтобъ онъ такъ же занимался своими лошадьми, такъ же скакалъ по полямъ и лѣсамъ, какъ англичане, ѣздилъ куда-нибудь въ Америку бить медвѣдей, или сидѣлъ цѣлый день съ удочкою надъ рѣкой... словомъ, чтобъ былъ преданъ страстно спорту. „Этотъ спортъ“, замѣтилъ мнѣ баронъ К., которому я все это говорилъ, „служитъ только маской скудоумія, или по крайней мѣрѣ неспособности употребить себя какъ-нибудь лучше...“ Можетъ-быть это правда: но зато какъ англичане здоровы отъ этихъ упражненій спорта, который входитъ у нихъ въ систему воспитанія юношества!

Мы пошли ходить по лавкамъ, накупили тонкихъ соломенныхъ шляпъ и сигарочницъ. Замѣтивъ большое требованіе, купцы, особенно китайцы, набивали цѣну на свой товаръ. Дюжину посредственныхъ сигарочницъ они продавали за три доллара—это еще дешево; но за другія, побольше, мягкія, тонкія и изящныя, просили по три доллара за штуку и едва соглашались брать по полтора. Что̀ можетъ быть лучше манилльской соломенной шляпы? Она тонка и гладка, какъ листъ атласной почтовой бумаги—на головѣ не слыхать и—плотна, солнце не пропекаетъ черезъ нее: между тѣмъ ея ни на комъ не увидишь, кромѣ тагаловъ да ремесленниковъ, потому что шляпы эти—*свое*, туземное издѣлье и сто̀итъ всего долларъ, много полтора. Львы носятъ черныя шелковыя, какъ я сказалъ; просто джентльмены—низенькія некрасивыя шляпы, грубой китайской соломы, которыя продаются по три доллара. Манилла знаменита еще издѣліями изъ волоконъ *пины*, ананасовыхъ кореньевъ. Изъ этихъ волоконъ дѣлаютъ матеріи, въ родѣ кисеи, легкія, прозрачныя, и потомъ носовые платки, тѣ

дорогіе лоскутки, которые барыни возятъ въ вечернія собранія напоказъ и въ которые сморкаться не положено. Я долго не догадывался, что это за товаръ продаетъ всякій день индіянка на полу, въ галлереѣ нашей отели. Около нея всегда толпились нѣкоторые изъ женатыхъ моихъ спутниковъ.

Мы ходили изъ лавки въ лавку, купили нѣсколько пачекъ сигаръ—оказались дрянныя. Спрашивали, по порученію одного изъ товарищей, оставшихся на фрегатѣ, нюхательнаго табаку—намъ сказали, что во всей Маниллѣ нельзя найти ни одного фунта. Насъ все потчивали европейскими издѣліями: сукнами, шелковыми и другими матеріями, часами, цѣпочками; особенно французъ въ мебельномъ магазинѣ такъ приставалъ, чтобъ купили у него цѣпочку, какъ будто отъ этого зависѣло все его благополучіе.

Измученные, мы воротились домой. Было еще рано, я ушелъ въ свою комнату и сѣлъ писать письма. Невозможно: мною овладѣло утомленіе; меня гнело; перо падало изъ рукъ; мысли не связывались однѣ съ другими; я засыпалъ надъ бумагой, и поневолѣ послѣдовалъ полуденному обычаю: легъ и заснулъ крѣпко до обѣда.

Послѣ обѣда мы съ барономъ К. отправились въ окрестности. По дорогѣ мы останавливались въ двухъ церквахъ. Въ одной—въ предмѣстіи Бинондо, за мостомъ, да въ другой—уже за городомъ, при въѣздѣ въ индійскія деревни. У ограды первой встрѣтился намъ іезуитъ, въ черной рясѣ, въ черной шляпѣ, съ длинными-предлинными полями—вы знаете эту шляпу. Іезуитъ поклонился намъ. „Don Basilio!“ протяжно пропѣлъ мой спутникъ, отдавая поклонъ. Церковь совсѣмъ новаго стиля, чисто-итальянскаго, безъ всякой примѣси готическаго и мавританскаго. Внутренность расположена крестомъ. Образовъ меньше, нежели скульп-

турныхъ изображеній. Іисусъ Христосъ, въ фіолетовой бархатной рясѣ, несущій крестъ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Божія Матерь съ Младенцемъ—всѣ эти изображенія сдѣланы изъ воска, иныя, кажется, изъ дерева. Я не скажу, чтобъ это возбуждало благоговѣніе... напротивъ. Вечерняя молитва кончилась, но въ церкви было довольно молящихся. Нѣсколько испанокъ, въ черныхъ, метиски въ бѣлыхъ мантильяхъ и полосатыхъ юбкахъ; онѣ стояли на колѣняхъ, по двѣ, по три, уткнувшись носами въ книгу и совсѣмъ закрывшись мантильями. Напрасно мы ждали, не взглянутъ ли онѣ кругомъ себя, но ни одна не шевельнулась и мы не могли прочесть благоговѣнія, или чего-нибудь другого, на лицахъ ихъ. Мальчишки стояли на колѣняхъ по трое въ рядъ; одинъ читалъ молитвы, другіе повторяли нараспѣвъ, да тутъ же кстати и шалили—все тагалы; взрослыхъ мужчинъ не было ни одного. Священникъ исповѣдывалъ мальчика лѣтъ десяти, который, стоя на колѣняхъ, шепталъ ему на ухо. Священникъ задумчиво слушалъ, и какъ долго: все время, пока мы были въ церкви! Въ другой церкви то же самое, только побѣднѣе. Ни одной испанки, или метиски, все тагалки. Также много деревянныхъ фигуръ, работы очень грубой.

Мы вышли... Какое богатство, какое творчество и величіе кругомъ въ природѣ! Мы ѣхали черезъ предмѣстье Санта-Круцъ, Мигель, и выѣхали черезъ каналъ, на который выходятъ балконы и крыльца домовъ, черезъ маленькій мостикъ, черезъ глухія улицы и переулки, на Пассигъ.

Тутъ только увидалъ я, какъ великъ городъ, какая сѣть кварталовъ и улицъ лежатъ по берегамъ Пассига, пересѣкая его нѣсколько разъ! Послѣ этого не удивишься, что здѣсь до стапятидесяти тысячъ жителей. Мы остановились на минуту въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога направо идетъ черезъ цѣпной мостъ къ крѣпости, мимо обелиска Магеллану, а налѣво...

Ахъ, какъ хорошо налѣво! Когда будете въ Манплѣ, велите везти себя черезъ Санта-Круцъ въ Мигель: тутъ рѣка образуетъ островокъ, одинъ изъ тѣхъ, которые снятся только во снѣ, да изображаются на картинахъ; на немъ какая-то миніатюрная хижина въ кустахъ; съ одной стороны берега смотрятся въ рѣку ряды домовъ, лачужекъ, дачъ; съ другой—зеленѣетъ лугъ, за нимъ плантаціи. Что за картины! что за вечеръ! „А у насъ-то теперь", сказалъ я Б.: „шубы, сани, визгъ полозьевъ..."—„И опера", договорилъ онъ. „Нѣтъ, великій постъ и война!"

Мы помчались вдаль, но мѣста были такъ хороши, что спутникъ мой остановилъ кучера и какъ-то ухитрился растолковать ему, что мы не держали ни съ кѣмъ пари объѣхать окрестности какъ можно скорѣе, а хотимъ гулять. Мы поѣхали тихой рысью: кучеръ былъ, кажется, не совсѣмъ доволенъ, но зато лошади и мы съ Б. совершенно счастливы. Мѣста—что̀ дальше, то̀ лучше. Мальчишки бѣжали за коляской, прося милостыни: видно было, что они дѣлали это изъ баловства. Взрослые стояли тутъ же, у своихъ хижинъ, и не просили ничего. Мнѣ напомнило дѣтство и наши провинціи множество бумажныхъ змѣй, которые мальчишки спускали за городомъ на каждомъ шагу. Только у насъ, отъ одного конца Россіи до другого, змѣи все одни и тѣ же, съ знаменитымъ мочальнымъ хвостомъ и трещоткой, а здѣсь они въ видѣ бабочекъ, птицъ и т. п. Нѣкоторыя хижины едва походили на человѣческое жилье. У иной подставки покривились такъ, что нельзя и угадать, какъ она держится. Изъ нея вылѣзетъ ребенокъ, выскочитъ курица, или прыгнетъ туда же собака и сидитъ тамъ, рядомъ съ цыпленкомъ и съ самимъ хозяиномъ. Въ другомъ мѣстѣ все жилище состоитъ изъ очага, который даже нельзя назвать *домашнимъ*, за отсутствіемъ самаго дома: на очагѣ жарится что-нибудь; около возится старуха; вблизи есть

всегда готовый банань, или гряда таро, картофелю. Здѣсь больше и не нужно.

Возвращаясь въ городъ, мы, между деревень, наткнулись на казармы и на плацъ. Большія желтыя зданія, въ которыхъ помѣстится до тысячи человѣкъ, шли по обѣимъ сторонамъ дороги. Полковникъ сидѣлъ въ креслахъ на открытомъ воздухѣ, на большой, расчищенной луговинѣ, у гауптвахты; молодые офицеры учили солдатъ. Ученье дѣлаютъ здѣсь съ десяти часовъ до двѣнадцати утра и съ пяти до восьми вечера.

Солдаты все тагалы. Ихъ, кто говоритъ, до шести, кто—до девяти тысячъ. Офицеры и унтеръ-офицеры—испанцы. По всему плацу босые индійскіе рекруты маршировали по-взводно; ихъ велъ унтеръ-офицеръ, а офицеръ, съ бамбуковой палкой, какъ коршунъ, вился около. Палка дѣйствовала неутомимо, удары сыпались то на голыя пятки, то на плечи, иногда на затылокъ провинившагося... Я поскорѣй уѣхалъ.

На кальсадо гулянье было въ полномъ разгарѣ. Весь городъ пріѣхалъ туда, а деревни пришли. Есть много хорошенькихъ лицъ, блѣдныхъ, черноглазыхъ синьоръ, съ открытой головой и волшебнымъ вѣеромъ въ рукахъ. Онѣ отличаются отъ всѣхъ гордостью во взглядѣ, во всей позѣ, держатъ себя аристократически-строго. Вотъ метиски—другое дѣло: онѣ бойко врываются, въ наемной коляскѣ, въ ряды экипажей, смѣло глядятъ по сторонамъ, на взгляды отвѣчаютъ повторительными взглядами, пересмѣиваются съ знакомыми, а можетъ-быть, и съ незнакомыми... Среди круга многіе катались верхомъ, а по обѣимъ сторонамъ экипажей, по аллеѣ и по полю, шли непрерывной толпой тагалы и тагалки домой изъ гавани, съ фабрикъ, съ работы. Нѣкоторыя женщины ѣхали на волахъ.

Вдругъ раздался съ колокольни ближайшаго монастыря

благовѣстъ, и все—экипажи, пѣшеходы—мгновенно стало и оцѣпенѣло. Мужчины сняли шляпы, женщины стали креститься, многія тагалки преклонили колѣни. Только два англичанина, или американца, промчались въ коляскѣ въ кругу, не снимая шляпъ. Черезъ минуту все двинулось опять. Это Angelus. Мы объѣхали разъ пять площадь. Стало темно; многіе разъѣзжались. Мы поѣхали на Эскольту, ѣсть сорбетто, то-есть мороженое.

Въ длинной-предлинной залѣ нижняго этажа съ каменнымъ поломъ, за длиннымъ столомъ и маленькими круглыми столиками, сидѣли наши и не наши, англичане, испанцы, американцы, метисы, и ѣли мороженое, пили лимонадъ. Человѣкъ десять тагаловъ и одинъ негръ бросились на насъ, какъ будто съ намѣреніемъ сбить съ ногъ, а они хотѣли только узнать, чего мы хотимъ. Я спросилъ того-другого, попробовалъ—нѣтъ, развѣ только тагаламъ впору ѣсть такое мороженое. Кто пріѣхалъ изъ Европы, тому трудно глотать этотъ подслащенный снѣгъ. Я закурилъ сигару и пошелъ по Эскольтѣ. Это лучшая улица здѣсь; она по вечерамъ ярко освѣщена и оживлена гуляющими высшаго класса; они только вечеромъ и посѣщаютъ лавки.

Дома, послѣ чаю, послѣ долгаго сидѣнья на верандѣ, я заперся въ свою комнату и хотѣлъ писать; но мнѣ, какъ и всѣмъ, дали ночникъ изъ кокосоваго масла. Онъ горѣлъ тускло и наконецъ сталъ мерцать такъ слабо, что я почти ощупью добрался до кровати и залѣзъ подъ синій кисейный занавѣсъ. Онъ опускается подъ тюфякъ и не раздвигается. Несмотря на эти предосторожности, москиты пробираются за кисею, и если заберутся два-три, они такъ отдѣлаютъ, что на другой день встанешь съ десяткомъ красныхъ пятенъ, которыя не сходятъ по нѣскольку дней. Я какъ-то надняхъ увидѣлъ, что изъ корридора вечеромъ ко мнѣ въ комнату проползла ящерица, вершка въ два длины, и скрылась,

*

лишь только я зашевелился, чтобъ поймать ее. На другой день я пожаловался на нее мсьё Демьену и просилъ велѣть отыскать и извлечь ее вонъ. „Pourquoi?“ спросилъ онъ своимъ отрывистымъ голосомъ: „il ne mord pas“.—„Такъ, да все-таки вѣдь это ящерица, гадина, такъ-сказать, заползетъ на постель — нехорошо“.—„Напротивъ, очень хорошо“, сказалъ онъ: „у меня въ постели семь мѣсяцевъ жила ящерица, и я не зналъ, что̀ такое укушеніе комара—такъ она ловко ловитъ ихъ. И васъ не укуситъ, когда она тамъ, ни одинъ комаръ...“—„Куда жъ она дѣлась потомъ?“ спросилъ я, заинтересованный исторіей ящерицы.—„Околѣла“.—„Какъ, сама собой?“—„Нѣтъ, я во снѣ задавилъ ее“. Меня въ самомъ дѣлѣ почти не кусали комары, но я все-таки лучше бы, ужъ такъ и быть, допустилъ двухъ-трехъ комаровъ въ постель, нежели ящерицу. Однакожъ, я ни разу не видалъ ее. „Вотъ скорпіоны—другое дѣло“, говорилъ Демьенъ: „c'est très mauvais: я часто находилъ ихъ у себя въ кухнѣ: съ дровами привозили. А съ тѣхъ поръ, какъ топлю каменнымъ углемъ, не видать ни одного“.

Какое наслажденіе, послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со столика ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ ни бизань-шкотъ, ни грото-брассъ, гдѣ ничто не шелохнется!... думалъ я... и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія—обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки!

Утромъ вамъ приносятъ чай, или кофе, или шоколадъ, когда вы еще въ постели. Потомъ вы можете завтракать раза три, потому что иные завтракаютъ, по положенію въ десять часовъ, а другіе въ это время еще гуляютъ и завтракаютъ позже, и все это за полтора доллара. Вдобавокъ ко всему, вы можете взять ванну, какую хотите. За теплую платите четыре реала, за холодную ничего—такъ написано

въ объявленіи, выставленномъ въ залѣ, на стѣнѣ. Вода прямо изъ Пассига. Ванны устроены на верандѣ, выходящей на дворъ. Въ первый разъ меня привелъ muchacho, мальчикъ. „Гдѣ жъ вода, agua?“ спросилъ я. Онъ показалъ шнурокъ, сдѣлалъ знакъ, что надо дернуть, и ушелъ. Я сталъ въ ванну, подъ дождь, дернулъ за шнурокъ—воды нѣтъ; еще—все нѣтъ: я дернулъ изъ всей мочи, на меня упало пять капель счетомъ, четыре скоро, одна за другой, пятая немного погодя, шестая показалась и повисла. Какъ я ни дергалъ, не могъ добыть больше. Досадно. Я одѣлся и пошелъ вонъ. Рядомъ, вижу, другая дверь; отворяю—точно такое же маленькое помѣщеніе для ванны, но ванны нѣтъ, а шнурокъ есть, и лейка вверху для дождя. Есть ли только дождь? „Дай-ко я попробую здѣсь“, подумалъ я: „что за нужда, что ванны нѣтъ: тѣмъ лучше, полъ каменный!“ И точно такъ же сталъ подъ дождь. Тогда я дотронулся до шнурка, на меня посыпался, сначала частый, крупный дождь и въ минуту освѣжилъ меня. Я дернулъ сильнѣе, и дождь обратился въ сплошной каскадъ. „Славно, чудесно!“ твердилъ я вслухъ, а самъ все подергивалъ шнурокъ. На меня низвергались потоки; вверху, надъ потолкомъ, раздавался ревъ и клокотанье, какъ будто вся рѣка притекла къ этому мѣсту. „Ну, теперь довольно“. Я пересталъ дергать, но вода не переставала течь, напротивъ, все неистовѣе и неистовѣе вторгалась ко мнѣ и обдавала облакомъ брызгъ и меня, и стѣны, и кресло, а на креслѣ мое бѣлье и платье. „Что жъ это такое будетъ?“ думалъ я, отыскивая съ безпокойствомъ, нѣтъ ли какой пружины остановить это наводненіе. Ничего нѣтъ. Я дернулъ шнурокъ въ противную сторону, думая, что остановится; нѣтъ, пуще хлещетъ, только дотронешься. Я не зналъ, что дѣлать: одѣться нельзя; выйти—да какъ безъ платья? Мнѣ ужъ приходило въ голову забрать бѣлье и платье, да удариться бѣгомъ до своего нумера. Но все это можно

сдѣлать въ крайности, въ случаѣ пожара, землетрясенія или когда вода дойдетъ развѣ до горла, а она еще и до колѣнъ не дошла. Я подумалъ, что мнѣ дѣлать, да потомъ наконецъ рѣшилъ, что мнѣ не о чемъ слишкомъ тревожиться: утонуть нельзя, простудиться еще меньше—на заказъ не простудиться: завтракать рано, да и послѣ дадутъ; пусть себѣ льетъ: кто-нибудь да прійдетъ же. Я скрестилъ руки на груди, предоставивъ водѣ литься, сколько она хочетъ.

Минуты черезъ три вдругъ дверь начала потихоньку отворяться. „Muchacho!“ закричалъ я сердито. Вмѣсто индійца, показалось лицо Ѳаддеева. Какъ я обрадовался ему! „Ты какъ?“—„Бѣлье и платье принесъ вашему высокоблагородію“.—„Уйми, братецъ, воду какъ-нибудь“, жаловался я ему: „смотри, вѣдь я тону“. Ѳаддеевъ тутъ только вникнулъ въ мое положеніе и, вѣрный своему характеру, предался необузданной радости. Напрасно онъ кусалъ губы—подавленный смѣхъ вырывался наружу, и онъ, раза два, подъ предлогомъ остановить машину, дернулъ шнурокъ. „Нѣтъ, постой, ваше высокоблагородіе, я цыгана приведу“, сказалъ онъ послѣ тщетныхъ усилій остановить воду. „Цыганъ“ подергалъ какъ-то шнурокъ, сбѣгалъ въ другую ванну, рядомъ, влѣзалъ зачѣмъ-то наверхъ, и вода остановилась.

Черезъ часъ я, сквозь полъ своей комнаты, слышалъ, какъ Ѳаддеевъ на дворѣ разсказывалъ анекдотъ о купаньѣ двумъ своимъ товарищамъ. Я сказалъ Демьену, и онъ засмѣялся. „Испортились жолобы у обѣихъ ваннъ; надо поправить“, сказалъ онъ вскользь.—„А давно испортились?“ спросилъ я.—„Нѣтъ, нынѣшней зимой...“ Опять мнѣ пришло въ голову, какъ въ Welch's hotel, въ Капштатѣ, по поводу разбитаго стекла, что на насъ сваливаютъ вотъ этакія неисправности и говорятъ, что безпечность въ характерѣ русскаго человѣка: полноте, она въ характерѣ—просто человѣка.

Наконецъ мы собрались пораньше утромъ, то-есть часу въ девятомъ, отдать визитъ молодымъ людямъ, Авелло и Кармена. Подъ этой учтивостью крылся умыселъ осмотрѣть королевскую сигарную фабрику и купить сигаръ. Кучеръ привезъ насъ въ испанскій городъ, на квартиру отца Авелло, редактора здѣшней газеты. Мы вошли подъ ворота, на крытый дворъ, и очутились въ редакціи. Въ углу подъ навѣсомъ, у самыхъ воротъ, сидѣли двое или трое молодыхъ людей, должно-быть, сотрудники, одинъ за особымъ пюпитромъ, повидимому, главный, и писали. Тутъ же неподалеку тагалы складывали листы только что отпечатанной газеты. Старшій сотрудникъ говорилъ по-французски. Мы спросили Авелло и Кармена: онъ сказалъ, что они уже должны быть на службѣ, въ администраціи сборовъ, и послалъ за ними тагала, а насъ попросили войти вверхъ, въ комнаты, и подождать минуту.

Мы вошли по деревянной, чистой, лощеной лѣстницѣ темнаго дерева, прямо въ безконечную галлерею-залу, убранную очень хорошо, съ прекрасными драпри, затѣйливою новѣйшею мебелью. Вездѣ уголки съ диванами, пате, столики, уставленные бездѣлками, какъ у редактора хорошаго журнала. Тагалка встала изъ-за работы и пошла сказать о насъ господамъ. Черезъ минуту появилась высокая, полная старушка, съ сѣдой головой, безъ чепца, съ блѣднымъ лицомъ, черными, кротко-мерцавшими глазами, съ ласковой улыбкой, вся въ бѣломъ: совершенно старинный портретъ, бѣжавшій со стѣны картинной галлереи: это редакторша. Мы раскланялись и заговорили, она по-испански, мы сначала по-французски, потомъ по-англійски, но это ровно ни къ чему насъ не повело, или, пожалуй, повело къ креслу только, которое указала старуха, прося сѣсть. Мы повторили опытъ объясниться, но также безуспѣшно. Старушка наконецъ ушла, сказавъ намъ что-то, вѣроятно

прося подождать. Мы подождали минутъ пять, употребивъ это время на разсматриваніе залы. Между прочимъ мы видѣли и тутъ въ полу такія же щели, какъ и въ фондѣ: потолокъ тоже весь собранъ изъ небольшихъ дощечекъ, выбѣленныхъ мѣломъ. Видно, землетрясенія не шутятъ здѣсь и всѣхъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. Но эти наблюденія наскучили намъ, и мы рѣшились уйти.

На цыпочкахъ благополучно выбрались мы изъ залы, сошли съ лѣстницы и въ дверяхъ наткнулись на Авелло и Кармена. Они воротили насъ, усадили, подали сигаръ, предлагая позавтракать, освѣжиться, и потомъ показали вчерашнюю газету, въ которой былъ сдѣланъ пріятный отзывъ о нашемъ фрегатѣ, о пріемѣ, сдѣланномъ тамъ испанцамъ, и проч. Мы напомнили имъ обѣщаніе показать намъ фабрику и помочь купить сигаръ. Авелло пошелъ къ своему отцу и, воротясь, велѣлъ закладывать карету. Онъ почти насильно усадилъ насъ туда, вмѣстѣ съ собой и Кармена, а нашему кучеру велѣлъ ѣхать за нами.

Фабрика — огромное квадратное зданіе въ предмѣстіи Бинондо, въ два этажа, съ нѣсколькими флигелями, пристройками, со многими воротами и дверями, съ большимъ дворомъ внутри. У главныхъ воротъ Авелло поговорилъ съ караульными, и тѣ насъ—не пустили. Тутъ подъѣхалъ таможенный офицеръ верхомъ: Авелло обратился къ нему— и тотъ не пустилъ. „Этого можно бы добиться и безъ протекціи“, замѣтилъ я барону. Всѣ говорили, что надо имѣть билетъ отъ фабричной дирекціи. Мы отправились туда, къ счастью, недалеко, и, послѣ хожденія по разнымъ комнатамъ и отдѣленіямъ, наконецъ получили записку и отправились. Тутъ еще караульные стали передавать ее изъ рукъ въ руки, оглядывать со всѣхъ сторонъ, понесли вверхъ, и минутъ черезъ пять какой-то старый тагалъ принесъ назадъ, а мы пока жарились на солнцѣ. Впрочемъ это послѣднее об-

стоятельство относилось болѣе къ кучеру и лошадямъ, потому что сами мы сидѣли въ каретѣ. Тагалъ пригласилъ насъ идти: съ нами пошелъ еще одинъ изъ караульныхъ.

По мѣрѣ того, какъ мы шли черезъ ворота, дворомъ и по лѣстницѣ, изъ дома все сильнѣе и чаще раздавался стукъ, какъ будто множества молотковъ. Мы прошли нѣсколько сѣней, заваленныхъ кипами табаку, пустыми ящиками, обрѣзками табачныхъ листьевъ и т. п. Потомъ поднялись вверхъ и вошли въ длинную залу, съ такимъ же жидень-кимъ потолкомъ, какъ вездѣ, поддерживаемымъ рядомъ деревянныхъ столбовъ.

Въ залѣ, на полу, передъ низенькими, длинными, деревянными скамьями, сидѣло рядами до шести или семисотъ женщинъ, тагалокъ, отъ пятнадцатилѣтняго возраста до зрѣлыхъ лѣтъ: у каждой было по круглому, гладкому камню въ рукахъ, а рядомъ, на полу, лежало по кучѣ листового табаку. Эти дамы выбирали изъ кучи по листу, раскладывали его передъ собой на скамьѣ и колотили каменьями такъ неистово, что нельзя было не только слышать другъ друга, даже мигнуть. Сколько головъ повернулось къ намъ, сколько черныхъ лукавыхъ глазъ обратилось на насъ! Всѣ молчали, никто ни слова, но глазами дѣйствовали сильно, а руками еще сильнѣе. Вѣроятно онѣ замѣтили, по нашимъ гримасамъ, что непривычнымъ ушамъ неловко отъ этого стука, и прiударили, что̀ было силъ: большая часть едва удерживали смѣхъ, видя, что вмѣстѣ съ усиленнымъ стукомъ усилились и страдальческія гримасы на нашихъ лицахъ. Это для нихъ было неожиданнымъ развлеченіемъ, кокетствомъ въ своемъ родѣ.

Молодые мои спутники не очень однакожъ смущались шумомъ: они останавливались передъ нѣкоторыми работницами и ухитрялись какъ-то не только говорить между собою, но и слышать другъ друга. Я хотѣлъ-было что̀-то спро-

сить у Кармена, но не слыхалъ и самъ, что̀ сказалъ. Къ этому еще вдобавокъ въ залѣ разливался запахъ какого-то масла, конечно, табачнаго, довольно-непріятный.

Но вотъ ужъ мы выходимъ изъ залы. „Сейчасъ это кончится“, утѣшалъ я себя: мы въ самомъ дѣлѣ вышли, но опять въ другую, точно такую же залу, за ней, въ дальней перспективѣ, видна была еще зала: съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ открывались еще и еще. „Да сколько же тутъ женщинъ?“ спросилъ я, остановившись въ маленькомъ пустомъ промежуткѣ между двухъ залъ. „Отъ восьми до девяти тысячъ“, сказалъ Авелло.—„Что̀ вы!“—„Да. Нынѣшній губернаторъ хочетъ увеличить и улучшить фабрику: очень выгодно“.—„Восемь-девять тысячъ!“ повторилъ я въ изумленіи, глядя на эти, большею частью, недурныя головки и коричневыя лица, сидѣвшія плотными рядами, какъ на смотру.

Во всѣхъ залахъ повторялся тотъ же маневръ при нашемъ появленіи: то-есть со стороны индіянокъ—сначала взгляды любопытства, потомъ усиленный стукъ и подавляемыя улыбки, съ нашей—разсѣянные взгляды, страдальческія гримасы и нетерпѣніе выйти. Впрочемъ на фабрикѣ соблюдается строгое приличіе. Индіянки не смѣются, не разговариваютъ: имъ предоставлено только право стучать. Говорятъ, онѣ тутъ очень скромно ведутъ себя: для этого приняты всѣ мѣры. Кромѣ двухъ-трехъ старыхъ тагаловъ, да двухъ-трехъ чиновниковъ-надзирателей, тутъ нѣтъ ни одного мужчины.

Въ другихъ комнатахъ, однѣ старухи скатывали сигары, другія обрѣзывали ихъ, третьи взвѣшивали, считали и т. д. Мы не ходили по всѣмъ отдѣленіямъ: довольно и этого образчика.

Въ послѣдней комнатѣ, передъ выходомъ, за бюро, сидѣлъ *альфорадоръ*, завѣдывающій однимъ изъ отдѣленій.

Онъ говорилъ по-англійски, и прежде всего узнавъ, что мы русскіе, сказалъ, что есть много заказовъ изъ Петербурга, потомъ объяснилъ, что онъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, выписанъ изъ Гаванны, чтобъ ввести гаванскій способъ свертывать сигары, вмѣсто манильскаго, который оказывается по многимъ причинамъ неудобенъ. Онъ сказалъ, что табакъ манильскій отнюдь не хуже гаванскаго и что здѣсь только недостаетъ многихъ пріемовъ приготовленія и, между прочимъ, свертка нехороша. Онъ много важности придавалъ сверткѣ, говорилъ даже, что она измѣняетъ до нѣкоторой степени вкусъ самаго табаку. „Вотъ двѣ сигары одного табаку и разныхъ свертокъ, попробуйте“, сказалъ онъ, сунувъ намъ въ руки по два полѣна изъ табаку: „это лучшіе сорты, одна свернута по-гавански, круче и косѣе, другая по-здѣшнему, прямо. Одна сдѣлана сегодня, другая вчера“, заключилъ онъ, какъ будто для большей похвалы сигарамъ.

Я вертѣлъ въ рукахъ обѣ сигары съ крайнею недовѣрчивостью: „сдѣланы вчера, сегодня“, говорилъ я: „нашелъ чѣмъ угостить!“ и готовъ былъ бросить за окно, но изъ учтивости спряталъ въ карманъ, съ намѣреніемъ бросить, лишь только сяду въ карету. „Нѣтъ, нѣтъ, покурите“, настаивалъ альфорадоръ. Нечего дѣлать, я закурилъ—и вдругъ заструился легкій благовонный дымъ. Сигара, къ удивленію моему, закурилась легко, табакъ былъ прекрасный, хотя пепелъ и не совсѣмъ бѣлъ. „Да это прекрасная сигара!“ сказалъ я: „нельзя ли купить такихъ?“—„Нѣтъ, это гаванской свертки: готовыхъ нѣтъ, недѣли черезъ двѣ можно“, прибавилъ онъ тише, оборачиваясь спиной къ нѣсколькимъ старухамъ, которыя въ этой же комнатѣ, на полу, свертывали сигары: „я могу вамъ приготовить нѣсколько тысячъ...“—„Мы едва-ли столько времени останемся здѣсь. Отчего жъ ихъ въ магазинѣ нѣтъ?“ сказалъ я. „Здѣшнія женщины привыкли къ своей сверткѣ, и оттого по гаван-

скому способу работаютъ медленно. Вотъ теперь покурите другую сигару, здѣшней свертки". Я закурилъ, и та хороша, хотя въ самомъ дѣлѣ не такъ, какъ первая: или это такъ показалось, потому что альфорадоръ подсказалъ. „Ну, нельзя ли хоть такихъ?" спросилъ я.—„Такихъ, и гораздо меньше, второго сорта, вы найдете въ магазинѣ".—„А обрѣзанныхъ съ обѣихъ сторонъ сигаръ можно найти тамъ?"—„*Чируты?* Plenty, o plenty" (много!) отвѣчалъ онъ: „то третій и четвертый сортъ, обыкновенныя, которыя всѣ курятъ, начиная отъ Индіи до Америки, по всему Индійскому и Восточному океанамъ".

Въ самомъ дѣлѣ, мы въ Сингапурѣ, въ Китаѣ, другихъ сигаръ, кромѣ чируть, не видали. Альфорадоръ обѣщалъ постараться приготовить сигары ранѣе двухъ недѣль и далъ намъ записку для предъявленія при входѣ, когда захотимъ его видѣть. Мы ушли, поблагодаривъ его, потомъ гг. Авелло и Кармена, и поѣхали домой, очень довольные осмотромъ фабрики, любезными испанцами, но безъ сигаръ.

Дома мы узнали, что генералъ-губернаторъ приглашаетъ насъ къ обѣду. Парадное платье мое было на фрегатѣ, и я не поѣхалъ. Я сначала пожалѣлъ, что не попалъ на обѣдъ въ испанскомъ вкусѣ, но мнѣ сказали, что обѣдъ былъ длиненъ, дуренъ, скученъ, что испанскаго на этомъ обѣдѣ только и было, что самъ губернаторъ, да хересъ. Губернатора я видѣлъ на прогулкѣ, съ жокеями, въ коляскѣ, со взводомъ уланъ: хересъ пивалъ, и потому я пересталъ жалѣть.

Вечеромъ я предложилъ въ своей коляскѣ мѣсто французу, живущему въ отели, и мы отправились далеко въ поле, черезъ С. Мигель, оттуда заѣхали на Эскольту, въ наше вечернее собраніе, а потомъ къ губернаторскому дому, на музыку. На площади, кругомъ сквера, стояли экипажи. Въ нихъ сидѣли гуляющіе. Здѣсь большею частью гуляютъ

сидя. Я не послѣдовалъ этому примѣру, вышелъ изъ коляски и пошелъ бродить по площади.

Какой вечеръ! что̀ за видъ! Церковь и ратуша облиты были луннымъ свѣтомъ, а дворецъ прятался въ тѣни: бронзовая статуя стояла, какъ привидѣніе, въ блескѣ лунныхъ лучей. Какъ кротокъ и мягокъ этотъ свѣтъ, какая нѣга въ тепломъ воздухѣ—и вдобавокъ ко всему—прекрасная музыка. Здѣсь восемь полковыхъ оркестровъ и, кромѣ того, множество частныхъ—до трехъ сотъ, сказалъ кто-то: пошутилъ вѣрно. А кто знаетъ, можетъ-быть и правда. Говорятъ, здѣсь только и дѣлаютъ, что танцуютъ, и намъ бы предстояло множество вечеровъ и собраній, если бъ мы пришли не постомъ. Танцуютъ, здѣсь! Вотъ, говорятъ, съ инквизиціей уничтожились всѣ пытки въ Испаніи! Нѣтъ, не всѣ! Даже музыкой заниматься—и то жарко, а они танцуютъ!

Музыканты всѣ тагалы: они очень способны къ искусствамъ вообще. У нихъ отличный слухъ: въ полкахъ ихъ учатъ будто-бы безъ нотъ. Не знаю, сколько правды во всемъ этомъ, но знаю только, что игра ихъ сдѣлала бы честь любому оркестру гдѣ бы то ни было — чистотой, отчетливостью и выразительностью.

Оркестры одинъ за другимъ, становились у дворца, играли двѣ-три пьесы и потомъ шли въ казармы.

Играли много, между прочимъ, изъ Верди, котораго здѣсь предпочитаютъ всѣмъ, я не успѣлъ разобрать почему: за его оригинальность, смѣлость, или только потому, что онъ новѣе всѣхъ.

Послѣдній оркестръ, оглашая звуками торжественнаго марша, узкія, прятавшіяся въ тѣни улицы, шелъ домой. Экипажи зашевелились и помчались по разнымъ направленіямъ. Мы съ французомъ выѣхали изъ крѣпости опять на взморье, промчались по опустѣвшему кальсадо и вернулись

въ городъ. Онъ просилъ у одного дома выпустить его: „J'ai une petite visite à faire", пропѣлъ онъ своимъ фальцетто и скрылся въ дверь. Въ это же время вверху, у окна, мелькнулъ очеркъ женской головы и захлопнулось жалюзи... Я никого не засталъ въ отели: одни уѣхали на рейдъ, другіе на вечеръ, на который Кармена насъ звалъ съ утра, третьи залегли спать. Я сѣлъ за письма.

Наконецъ мы собрались къ миссіонерамъ и поѣхали въ домъ португальскаго епископа. Тамъ, у молодого миссіонера, застали и монсиньора Динакура, епископа въ китайскомъ платьѣ, и еще монаха, съ знакомымъ мнѣ лицомъ. „Настоятель августинскаго монастыря,—по-французски не говоритъ, но все разумѣетъ",—такъ рекомендовалъ намъ его епископъ. Я вспомнилъ, что это тотъ самый монахъ, котораго я видѣлъ въ коляскѣ, на прогулкѣ за городомъ.

Намъ подали сигаръ, и епископъ, привѣтливо и весело, какъ настоящій французъ, началъ, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, которые сдѣлалъ намъ о нашемъ путешествіи, разсказывать о себѣ. Онъ сказалъ, что живетъ двадцать лѣтъ въ Китаѣ, завѣдываетъ христіанскою паствою въ провинціи Джедзіанъ, въ которой считается до пятнадцати милліоновъ жителей. Онъ говоритъ, что цифра триста милліоновъ, которою опредѣляютъ народонаселеніе Китая, не преувеличена: въ его провинціи есть нѣсколько городовъ, гдѣ считаютъ отъ двухъ до трехъ милліоновъ жителей, и, между прочимъ, знаменитый городъ Сучеу. „А сколько христіанъ?" спросилъ я. „До пятисотъ тысячъ во всемъ Китаѣ".— „Мало", сказалъ я. „Да, немного; но теперь обращеніе пошло скорѣе", отвѣчалъ епископъ: „особенно въ среднемъ и низшемъ классахъ. Главное препятствіе встрѣчается въ буддійскихъ бонзахъ и въ ученыхъ. На нихъ ничто не дѣйствуетъ: одни—слѣпые фанатики, другіе—педанты, схоластики: они въ мертвой буквѣ видятъ ученость и свѣтъ.

Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить ихъ, что мы пришли и живемъ тутъ для ихъ пользы, а не для выгодъ. Они представить себѣ этого не могутъ и не вѣрятъ". —„Вотъ христіанскимъ миссіонерамъ, можетъ-быть, скоро предстоятъ новые подвиги", сказалъ я: „возобновить подавленное христіанство въ Японіи, которая, не сегодня, такъ завтра, непремѣнно откроется для европейцевъ..." „A coups des canons, monsieur, à coups des canons!" прибавилъ епископъ.

Въ это время прервали насъ два монаха, іезуиты, кажется. Они вошли, преклонили предъ епископомъ колѣни, приняли благословеніе и сѣли. Епископъ пригласилъ насъ къ себѣ на квартиру, въ монастырь Св. Августина. Монастырь занимаетъ большой уголъ въ испанскомъ городѣ и одной стороной обращенъ къ морю. Это настоящее аббатство, обширное, съ галлереями, безконечными корридорами, кельями, въ которомъ можно потеряться. Мы отдохнули въ квартирѣ епископа, а настоятель ушелъ на короткую молитву въ церковь, по звону колокола. Намъ предложили-было завтракъ, но мы отказались.

Вскорѣ настоятель воротился и принесъ только что присланное къ нему офиціальное объявленіе отъ губернатора, что испанская королева разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Онъ скрылся опять, а мы пошли по сводамъ и галлереямъ монастыря. Въ галлереяхъ вездѣ плохая живопись на стѣнахъ: изображенія святыхъ и портреты испанскихъ епископовъ, жившихъ и умершихъ въ Маниллѣ. Въ церковныхъ преддверіяхъ видны большія картины какой-то старой живописи. „Откуда эта живопись здѣсь?" спросилъ я, показывая на картину, изображающую *Обращеніе св. Павла*. Ни епископъ, ни нашъ пріятель, молодой миссіонеръ, не знали: они были только гости здѣсь.

По узенькой, извилистой лѣстницѣ, вошли мы прямо на хоры главной церкви и были поражены тонкостью и

изяществомъ деревянной рѣзьбы, которая покрывала всѣ стѣны на хорахъ, каѳедру, органъ,—все. Дерево темное, съ нѣжными оттѣнками. „Кто это работалъ?“ спросилъ я съ изумленіемъ: „ужели изъ Европы привезли? въ Европѣ это буазери стоило бы неимовѣрныхъ цѣнъ“. — „Все индійцы, тагалы“, сказали они. „Вонъ смотрите: они работаютъ и теперь. Церковь пострадала отъ землетрясенія въ прошедшемъ году и ее теперь поправляютъ, и живопись здѣсь—все тагаловъ же“. Я бросилъ бѣглый взглядъ на образа—нѣтъ, живопись еще въ младенческомъ состояніи у тагаловъ. Въ музыкѣ, лѣпныхъ и рѣзныхъ работахъ, они далеко впереди. Что касается до картинъ, то онѣ мало чѣмъ лучше тѣхъ, что у насъ иногда продаютъ на тротуарѣ, на улицахъ“.—„Но вѣдь это въ Маниллѣ“, сказалъ молодой миссіонеръ, прочитавшій, должно-быть, у меня на лицѣ впечатлѣніе отъ этихъ картинъ: „между дикими индійцами, которые, триста лѣтъ назадъ были почти звѣри...“ „Да, но триста лѣтъ назадъ!“ сказалъ я. „И этотъ храмъ—ровесникъ стѣнамъ города: можно бы, кажется, украсить его живописью соотечественникамъ Мурильо“.

Мы пошли внизъ. Епископъ показывалъ мѣстами трещины по стѣнамъ, мѣстами обвалившуюся штукатурку, раздвинувшіеся столбы—все слѣды землетрясенія. „Да развѣ часто бываютъ они?“ спросилъ я. „Каждый годъ что-нибудь да бываетъ, хоть немного, слегка“, сказалъ онъ. Вотъ іезуитская церковь лежитъ теперь вся въ развалинахъ“. Войдя въ большую церковь, епископъ, а за нимъ и молодой миссіонеръ, преклонили колѣни, сложили на груди руки, поникли головами и на минуту задумались. Потомъ встали и начали опять живо разговаривать. Это была лучшая церковь въ Маниллѣ, по ихъ словамъ. Она въ самомъ дѣлѣ хороша: прекрасные размѣры главнаго и побочнаго придѣловъ кажутъ ее больше, нежели она есть. Она очень хорошо освѣ-

щена сверху: свѣтъ отъ алтаря разливается ровно до самыхъ дальнихъ угловъ. Если бъ не тагальская живопись, то можно было бы увлечься этими стройными, высокими арками, легкимъ куполомъ. Но живопись мѣшаетъ, колетъ глаза: такъ и преслѣдуютъ васъ эти яркія, то красныя, то синія пятна; скульптура еще больше. Является какое-то артистически-болѣзненное раздраженіе нервъ, нужды нѣтъ, что вамъ говорятъ, чье это произведеніе. Никакой терпимости, никакого снисхожденія нѣтъ въ человѣкѣ, когда оскорблено его эстетическое чувство. Вдобавокъ къ этому, еще всѣ стѣны и столбы арокъ были заставлены тяжелыми и мрачными иконостасами, съ позолотой, тогда какъ стиль требуетъ бѣлыхъ, чистыхъ пространствъ, съ рѣдкимъ и строго обдуманнымъ размѣщеніемъ картинъ высокаго достоинства. Бываютъ примѣры, что архитектура зданія подавляетъ или поглощаетъ живопись; а здѣсь наоборотъ. Я старался не смотрѣть на живопись и не спускалъ глазъ съ буазери.

Потомъ насъ повели въ ризницу. Предъ ней, въ комнатѣ, стояли лавки, пюпитры—это что-то въ родѣ класса для тагаловъ. Нѣсколько ихъ сидѣло тутъ, съ флейтами и кларнетами. Они бросились къ рукѣ епископа, какъ всѣ тагалы, которые встрѣчались намъ на дворѣ, на дорогѣ къ монастырю. Нѣкоторые становились на колѣни. Епископъ велѣлъ музыкантамъ сыграть что-нибудь. Они заиграли что-то въ родѣ марша, но не совсѣмъ стройно, не совсѣмъ чисто, особенно послѣ того, что̀ мы слышали у дворца. „Видно, этихъ учатъ по нотамъ: не они ли расписывали церковь?“ подумалъ я. Мы съ Б. дали артистамъ денегъ и ушли, сначала въ ризницу, всю заставленную шкапами съ церковною утварью — вездѣ золото, куда ни поглядишь; потомъ пошли опять въ корридоры, по кельямъ. Вездѣ до насъ долетали звуки флейтъ и кларнетовъ: артисты, отъ

избытка благодарности, не могли перестать сами собою, какъ испорченная шарманка.

Мы проходили мимо дверей, съ надписями: *экономъ*, *ризничій*, и остановились у эконома. „C'est un bon enfant", сказалъ епископъ: „entrons chez lui pour nous reposer un moment".—„Il a une excellente bière, monseigneur", прибавилъ молодой миссіонеръ нѣжнымъ голосомъ.

Они постучались, и намъ отперъ дверь пожилой монахъ, весь въ бѣломъ, волоса съ просѣдью, все лицо въ изломанныхъ чертахъ, но не безъ доброты. Келья была темна, завалена всякой всячиной, узлами, ящиками; вездѣ пыль; мебель разнохарактерная; въ углу, изъ-за пестраго занавѣса, выглядывала постель. На большомъ кругломъ столѣ лежали счеты, реестры, за которыми мы и застали эконома. Онъ черезъ епископа спросилъ насъ кое-что о путешествіи, на долго ли пріѣхали, а потомъ, не хотимъ ли мы чего-нибудь. „Пива", сказали оба француза. Монахъ засуетился и велѣлъ тагалу вскрыть бывшіе тутъ же гдѣ-то въ углу два ящика и подать нѣсколько бутылокъ англійскаго эля и портера. Но прежде всего подалъ огромный подносъ съ сигарами. Какихъ тутъ не было! всякихъ размѣровъ и сортовъ, и гаванской, и манилльской свертки... Вотъ гдѣ водятся хорошія-то сигары въ Манилѣ!

Мы сидѣли съ полчаса; говорилъ все епископъ. Онъ разсказывалъ о чусанскомъ архипелагѣ и называлъ его перломъ Китая. „Климатъ, почва, какъ въ раю", выразился онъ.—„Я жилъ тамъ восемь лѣтъ", продолжалъ онъ: „тамъ есть колонія ирландскихъ католиковъ: они имѣютъ значительное вліяніе на китайцевъ, ввели много европейскихъ обычаевъ и живутъ прекрасно. Чусанскіе китайцы снабжаютъ почти всѣ берега Китая рыбою, за которою выѣзжаютъ на нѣсколькихъ тысячахъ лодокъ далеко въ море". При этой цифрѣ меня взяло сомнѣніе; я хотѣлъ выразить

его Б. К—у, и вдругъ выразилъ, въ разсѣянности, по-французски. Эта разсѣянность произошла оттого, что епископъ, не знаю почему, ни съ того, ни съ сего, принялся разсказывать о Чусанѣ по-англійски. „Да, нѣсколько тысячъ", подтвердилъ настойчиво епископъ по-французски.

Отъ экономa повели насъ на самый верхъ, въ рекреаціонную залу. „Я вамъ покажу прекрасный видъ", сказалъ епископъ. Мы зашли къ монаху, у котораго хранился ключъ отъ залы—это самый полный и красивый монахъ, какого я только видѣлъ гдѣ-нибудь, съ постоянной улыбкой, съ румянцемъ. Я увидѣлъ у него на стѣнѣ прекрасную небольшую картину: „Снятіе со креста" и „Божію Матерь". Я отдохнулъ на этой живописи отъ всѣхъ видѣнныхъ картинъ. Напрасно я старался прочесть имя живописца: едва видно было нѣсколько бѣлыхъ точекъ на темномъ фонѣ. „Откуда эта картина?"—„Изъ Италіи, изъ монастыря". Вотъ все, что я узналъ о ней.

Опять по извилистой лѣстницѣ поднялись мы и въ рекреаціонную залу. Это была длинная, крытая галлерея, съ окошками на три стороны. Полъ простой, деревянный; половицы такъ и ходили подъ ногами. Все въ запустѣніи. Видно, что никто не бываетъ здѣсь. Ни на одно кресло сѣсть нельзя: пыль лежала густыми слоями. Можно подумать, что августинцы совсѣмъ не любятъ отдыхать, а проводятъ все время въ трудахъ и богомысліи. Посрединѣ стоялъ бильярдъ, для моціона; у оконъ, на треножникѣ, поставлена большая зрительная труба. Видъ изъ окошекъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный: съ одной стороны весь заливъ передъ глазами, съ другой испанскій городъ, съ третьей лѣса и деревни. И они не сидятъ здѣсь день и ночь, не наслаждаются ничѣмъ этимъ! Мы едва оторвались отъ окошекъ. Епископъ поочереди сыгралъ съ нами обоими на бильярдѣ и оказался не слабымъ игрокомъ.

*

Обратясь спиной къ дверямъ, я вдругъ услышалъ шелестъ женскаго платья, мягкую походку—живо оборачиваюсь—бѣлыя кисейныя блузы... Толпа августинцевъ, человѣкъ двѣнадцать, все молодые, съ сигарами. Одни, немного заспанные, съ горячими щеками, другіе, съ живымъ взглядомъ, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, пришельцевъ издалека, и были очень внимательны. Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не зналъ никакого другого языка, кромѣ испанскаго. „Мы виноваты, что не можемъ говорить съ вами“, сказали они чрезъ молодого француза: „Русскіе говорятъ по-французски, по-англійски и по-нѣмецки; намъ слѣдовало бы знать одинъ изъ этихъ языковъ“. — „Мы говорили бы и по-испански, если бъ Испанія была поближе къ намъ“, отвѣчалъ я.

Вдругъ послышались пушечные выстрѣлы. Это суда на рейдѣ салютуютъ въ честь новорожденной принцессы. Мы поблагодарили епископа и простились съ нимъ. Онъ проводилъ насъ на крыльцо и сказалъ, что непремѣнно побываетъ на рейдѣ. „Не хотите ли къ испанскому епископу?“ спросилъ миссіонеръ; но былъ уже часъ утра, и мы отложили до другого дня.

„Что они здѣсь дѣлаютъ, эти французы?“ думалъ я, идучи въ отель: „епископъ говоритъ, что пріѣхалъ лечиться отъ приливовъ крови въ головѣ: „въ Нинпо, говоритъ, жарко“: какъ будто въ Маниллѣ холоднѣе! А молодой все ѣздитъ по окрестнымъ *пуэбло*, по какимъ-то дѣламъ...“

Мы рано поднялись на другой день, въ воскресенье, чтобъ побывать въ церквахъ. Заѣхали въ три церкви, между прочимъ, въ манильскій соборъ, старое зданіе, постройки XVI столѣтія. Онъ только величиной отличается отъ другихъ приходскихъ церквей. Украшенія въ немъ такъ же безвкусны, живопись такъ же дурна, какъ и въ церкви

предмѣстья и въ монастыряхъ. Органъ плохъ, а въ другихъ церквахъ онъ замѣняется віолончелью и флейтой.

Одна церковь впрочемъ лучше другихъ, побогаче, чище, свѣтлѣе. Въ ней мало живописи и тусклой позолоты; она не обременена украшеніями; и прихожане въ ней получше, чище одѣты и приличнѣе на видъ, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Испанцевъ въ церквахъ совсѣмъ нѣтъ; испанокъ немного больше. Все метисы, тагалы, да заѣзжіе европейцы разныхъ націй. Мы вездѣ застали проповѣдь. Проповѣдники говорили съ жаромъ, но этотъ жаръ мнѣ показался поддѣльнымъ; манеры и интонація голоса у всѣхъ заученыя.

Послѣ обѣдни мы отправились въ циркъ, смотрѣть пѣтушій бой. Намъ взялся показать его французъ Pl., жившій въ трактирѣ, очень любезный и обязательный человѣкъ. Мы заѣхали за нимъ въ отель. Цирковъ много. Мы отправились сначала въ предмѣстье Бинондо, но тамъ не было никого, не знаю почему; мы—въ другой, въ предмѣстье Тондо. Съ полчаса колесили мы по городу и наконецъ пріѣхали въ предмѣстье. Оно все застроено избушками на курьихъ ножкахъ и заселено тагалами.

Французъ дорогой подтвердилъ намъ, что тагалы самый счастливый народъ въ свѣтѣ. „Они ни въ чемъ не нуждаются“, сказалъ онъ: „работаютъ мало, и если выработаютъ какой-нибудь реалъ въ сутки, то-есть восьмую часть талера (около 14 коп. сер.), то имъ слишкомъ довольно на цѣлый день. Индіецъ купитъ себѣ рису; бананъ у него есть, сладкій картофель, или таро тоже—и обѣдъ готовъ. Еще останется ему на что купить кокосовой водки. Испанцы обходятся съ ними хорошо, кротко, и тагалы благословляютъ свою участь. Конечно они могли бы быть еще дѣятельнѣе, слѣдовательно жить въ бо̀льшемъ довольствѣ, не витать въ этихъ хижинахъ, какъ птицы; но для этого надобно, чтобъ

и повелители ихъ, т.-е. испанцы, были подѣятельнѣе; а они стоятъ другъ друга: „tel maitre, tel valet“.

То же подтвердилъ наканунѣ и епископъ. „Ахъ, если бъ Филиппинскіе острова были въ другихъ рукахъ!“ сказалъ онъ: „какія сокровища можно было бы извлекать изъ нихъ! Mais les espagnols sont indolents, paresseux, très paresseux!“ прибавилъ онъ со вздохомъ.

Отъ новаго губернатора, маркиза Новичелиса, ждутъ много добраго. Онъ затѣваетъ разныя реформы; ему дано больше правъ и власти, нежели его предшественникамъ: онъ нѣчто въ родѣ вице-короля. Поводъ къ увеличенію его власти подали нѣкоторыя опасенія насчетъ духовенства, вліяніе котораго стало слишкомъ ощутительно въ этой колоніи. Слухи объ этомъ дошли до метрополіи; притомъ индійцы на прочихъ островахъ стали пошаливать. Незадолго передъ нашимъ прибытіемъ, они, на островѣ Минданао, умертвили человѣкъ двадцать солдатъ. Потребовались строгія мѣры, и то судно, которое мы встрѣтили въ Анжерѣ, везло новыя войска. На томъ же суднѣ былъ и Кармена, съ которымъ мы увидѣлись какъ съ старымъ знакомымъ. Въ губернаторѣ находятъ пока одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ исполненъ своего достоинства, гордится древностью рода и тѣмъ, что жена его—первая штатсъ-дама при королевѣ, отъ этого онъ важничаетъ, какъ пѣтухъ...

Но вотъ и циркъ, вотъ и пѣтухи. Циркъ—это исполинская бамбуковая клѣтка, въ какую сажаютъ попугаевъ, вся сквозная: снаружи издалека можно видѣть, что въ ней дѣлается. Въ ней три яруса галлерей для зрителей, а посрединѣ круглая арена для бойцовъ. Крыша коническая, сплетена тоже изъ бамбуковыхъ жердей, и потому сквозная, но въ ней сверхъ того есть нѣсколько люковъ для воздуха. Мы съ трудомъ пробрались сквозь густую толпу народа ко входу, заплатили по реалу и вошли въ клѣтку. Зрителей было

человѣкъ до пятисотъ въ самой клѣткѣ, да человѣкъ тысяча около. Послѣдніе не зрители, а участники. У всякаго подъ мышкой былъ пѣтухъ. Публика вся состояла изъ тагаловъ, китайцевъ и метисовъ. Мы пробрались въ верхнюю галлерею и съ трудомъ отыскали три свободныя мѣста. Женщинамъ нельзя сидѣть въ этихъ сквозныхъ галлереяхъ, особенно въ верхнихъ этажахъ: поэтому въ циркѣ были только мужчины да пѣтухи—ни женщинъ, ни куръ ни одной. Но зато какое множество пѣтуховъ! какое свирѣпое, непрерывное пѣніе раздавалось въ клѣткѣ и около нея!

На аренѣ ничего еще не было. Тамъ ходилъ какой-то распорядитель изъ тагаловъ, въ розовой кисейной рубашкѣ, и собиралъ деньги на ставку и за пари. Я удивился, съ какою небрежностью индійцы бросали пригоршни долларовъ, между которыми были и золотые дублоны. Распорядитель раскладывалъ деньги по кучкамъ на полу, на пескѣ арены. На ней, въ одномъ углу, на корточкахъ, сидѣли тагалы съ пѣтухами, которымъ предстояло драться.

Вотъ явились двое тагаловъ и стали стравливать пѣтуховъ, сталкивая ихъ между собою, чтобъ показать публикѣ степень силы и воинственнаго духа бойцовъ. Пѣтухи немного-было надулись, но потомъ равнодушно отвернулись другъ отъ друга. Ихъ унесли, и арена опустѣла. „Что это значитъ?“ спросилъ я француза.—„Пѣтухи не внушаютъ публикѣ довѣрія, и оттого никто не держитъ за нихъ пари“.

Изъ угла отдѣлились двое другихъ состязателей и стали также стравливать бойцовъ, держа ихъ за хвостъ, чтобъ они не подрались преждевременно. Пѣтухи надулись, гребни у нихъ побагровѣли, они только что бросились одинъ на другого, какъ хозяева растащили ихъ за хвосты. Пѣтухи были надежны: между зрителями обнаружилось сильное волненіе. Толпа заколебалась; поднялся говоръ, какъ внезапный шумъ волнъ, и шелъ crescendo. Всѣ протягивали другъ къ другу

руки съ долларами, перекликались, переговаривались, предлагали пари, кто за желтаго, кто за бѣлаго пѣтуха. И къ намъ протянулось нѣсколько рукъ; насъ трогали со всѣхъ сторонъ за плечи, за спину, предлагая пари.

Между тѣмъ хозяева пѣтуховъ сняли съ стальной шпоры, прикрѣпленной къ одной ногѣ бойца, кожаныя ножны. Распорядитель подалъ знакъ—все умолкло. Пѣтуховъ бросили другъ на друга. Одинъ изъ нихъ воспользовался первой минутой свободы, хлопнулъ раза три крыльями и пропѣлъ, какъ будто хотѣлъ душу отвести; другіе, менѣе терпѣливые, поютъ, сидя у хозяевъ подъ мышками. Пропѣвъ, онъ обратился-было къ своимъ мирнымъ занятіямъ, началъ искать около себя на полу, чего бы поклевать, и поскребъ раза два землю ногой. Но хозяинъ схватилъ его, погладилъ, дернулъ за подбородокъ и бросилъ на другого, который, рвался изъ рукъ хозяина. Тогда у обоихъ бойцовъ образовались изъ перьевъ около шеи манжеты, оба нагнули головы и стали мѣтить другъ въ друга. Долго щетинились они, наконецъ оба вспрыгнули вдругъ, и одинъ перескочилъ черезъ другого, и тотчасъ же опять построились въ боевую позицію, и опять нагнулись. Потомъ раза три сильно сшиблись; полетѣло нѣсколько перьевъ по сторонамъ. Опять одинъ перескочилъ черезъ другого, царапнулъ того шпорой, другой тоже перескочилъ и царапнулъ противника такъ, что онъ упалъ на бокъ, но въ ту же минуту всталъ и съ новой яростью бросился на врага. Тутъ ужъ ничего больше разобрать было нельзя: рыцари дрались въ общей свалкѣ, сшибались часто и сильно впивались другъ другу въ гребень, то одинъ повалитъ другого, то другой перваго.

„Это все и у насъ увидишь каждый день въ любой деревнѣ", сказалъ я Б—ну: „только у насъ, при такомъ побоищѣ, обыкновенно баба побѣжитъ съ кочергой, или кучеръ съ кнутомъ, разнимать драку, или мальчишка броситъ

камешкомъ". Вскорѣ бѣлый пѣтухъ упалъ на одно крыло, вскочилъ, побѣжалъ хромая, упалъ опять, и наконецъ поползъ по аренѣ. Крыло волочилось по землѣ, оставляя дорожку крови.

Всякій разъ, при сильномъ ударѣ того или другого пѣтуха, раздавались отрывистыя восклицанія зрителей; но когда побѣжденный побѣжалъ, толпа завыла дико, неистово, продолжительно, такъ что стало страшно. Всѣ привстали съ мѣстъ, всѣ кричали. Какія лица, какія страсти на нихъ! и все это по поводу пѣтушьей драки! „Нѣтъ, этого у насъ не увидите", сказалъ Б. Дѣйствительно, этотъ моментъ былъ самый замѣчательный для посторонняго зрителя.

Хозяинъ побѣдителя схватилъ своего пѣтуха и взялъ деньги; противникъ его молча удалился въ толпу. Зрители тоже молча передавали другъ другу проигранные доллары. Явились двое другихъ и повторили тѣ же продѣлки, то-есть дразнили пѣтуховъ, вооружили ихъ шпорами: то же волненіе, тотъ же говоръ повторились между зрителями, что̀ ваша жидовская синагога! Пѣтухи рванулись—и черезъ минуту большой красный пѣтухъ разорвалъ шпорами ноги сѣрому, такъ что тотъ упалъ на спину, а ноги протянулъ кверху. Кругомъ кровь и перья. Побѣжденнаго пѣтуха бралъ какой-то запачканный тагалъ, сдиралъ у него съ груди горсть перьевъ и клалъ ихъ въ большой мѣшокъ, а пѣтуха отдавалъ хозяину. „Что̀ они дѣлаютъ съ своими пѣтухами потомъ?" спросилъ я француза: „лечатъ, что ли?"—„Нѣтъ, ѣдятъ съ салатомъ". отвѣчалъ онъ. „А перья зачѣмъ?"—„Не знаю", сказалъ французъ. Я обратился съ этимъ вопросомъ къ своему сосѣду съ лѣвой стороны, къ китайцу. „Signor?" отвѣчалъ онъ мнѣ вопросомъ же. Я забылъ, что я не въ Гон-Конгѣ, не въ Сингапурѣ, наконецъ не въ Китаѣ, гдѣ китайцы говорятъ по-англійски.

Иногда хозяинъ побѣжденнаго пѣтуха бралъ его на

руки, доказывалъ, что онъ можетъ еще драться и требовалъ продолженія боя. Такъ и случилось, что одинъ побѣжденный выигралъ ставку. Пѣтухъ его, оправившись отъ удара, свалилъ съ ногъ противника, забилъ его подъ загородку и такъ разсвирѣпѣлъ, что тотъ уже лежалъ и едва шевелилъ крыльями, а онъ все продолжалъ бить его и клёвомъ и шпорами.

Мы ушли, просидѣвъ съ часъ. Говорятъ, забава продолжается до солнечнаго заката. Правительство отдаетъ цирки на откупъ и беретъ огромныя деньги. Я выше, кажется, сказалъ, какія суммы получаются отъ боя пѣтуховъ. Въ провинціи Тондо казна получаетъ до 80,000 долларовъ подати, въ другихъ—гдѣ 20, гдѣ 15,000. Тагалы иногда ставятъ до тысячи долларовъ на пари. „Я слышалъ, что здѣсь есть бои быковъ", спросилъ я француза: „нельзя ли посмотрѣть?"—„Не стоитъ", отвѣчалъ онъ: „это пародія на испанскіе бои. Здѣсь торреадоры—унтеръ-офицеры, дерутся съ дряннымп, измученными быками..."

Въ гостиницу пришли обѣдать Кармена, Авелло, адъютантъ губернатора и много другихъ. Авелло, отъ имени своей матери, изъявилъ сожалѣніе, что она, по незнанію никакого другого языка, кромѣ испанскаго, не могла принять насъ, какъ слѣдуетъ. Онъ сказалъ, что она ожидаетъ насъ опять, проситъ считать ея домъ своимъ, и т. д.

Послѣ обѣда мы всѣ разъѣхались. Я опять ударился въ окрестности одинъ, останавливался, гдѣ мнѣ нравилось, заглядывалъ въ рощи, уходилъ по дорожкамъ въ плантаціи кофе и табаку. Дорога прекрасная; синій, туманный цвѣтъ дальнихъ горъ опредѣляется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ нимъ. Въ одной деревенькѣ я пошелъ вдоль по ручью, въ кусты, между деревьевъ; я любовался ими, хотя не умѣлъ назвать почти ни одного по имени. Французъ показывалъ мнѣ въ своемъ магазинѣ до десяти

изящнѣйшихъ породъ дерева, начиная отъ самаго краснаго до самаго чернаго. Коричневыя, розовыя, желтыя, темныя: съ какими нѣжными струями и оттѣнками и какія массивныя! Онъ показывалъ круглые столы, аршина полтора въ діаметрѣ, сдѣланные изъ одного куска. Говорятъ, въ Манилѣ до тысячи породъ деревьевъ.

Кучеръ мой, по обыкновенію всѣхъ кучеровъ въ мірѣ, побѣжалъ въ деревенскую лавочку съѣсть или выпить чего-нибудь, пока я бродилъ по ручью. Я воротился—его нѣтъ; около коляски собрались мальчишки, нищіе, и такъ-себѣ тагалы, съ пѣтухами подъ мышкой. Я доѣхалъ до рѣчки и воротился въ Манилу, къ дворцу, на музыку.

Шкуна пришла 23-го февраля (7-го марта), и наше общество нѣсколько увеличилось. П—тъ уѣхалъ на озера, Г. въ мѣстечко С. Маттео, смотрѣть тамошній гротъ.

Говорятъ, на озерахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ глуши, на вершинѣ одной горы, есть, образовавшійся въ кратерѣ потухшаго вулкана, бассейнъ стоячей воды, наполненной кайманами. Кругомъ бассейна, по лѣсу, гнѣздятся на деревьяхъ летучія мыши, величиной съ ястреба и больше. Туда проникаютъ смѣлые охотники. Животныхъ изъ породъ ящерицъ здѣсь множество; недавно будто бы поймали каймана въ 21 футъ длиной. Мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ жителей совѣтовалъ остерегаться, не подходить близко къ развалинамъ, говоря, что тамъ гнѣздятся ящерицы, около фута величиной, которыя кидаются на грудь человѣку и вцѣпляются когтями такъ сильно, что скорѣе готовы оставить на мѣстѣ лапы, чѣмъ отстать. Есть одно средство отцѣпить ихъ, это подставить имъ зеркало: тогда онѣ бросаются на свое отраженіе. Онъ сказывалъ, что, вдвоемъ съ товарищемъ, они убили изъ ружья двухъ такихъ ящерицъ.

Однако намъ объявили, что мы скоро снимаемся съ якоря, дня черезъ четыре. „Да какъ же это? да что жъ

это такъ скоро?...“ говорилъ я, не зная, зачѣмъ бы я оставался долѣе въ Луконіи. Мы почти все видѣли; ѣхать дальше внутрь—надо употребить по крайней мѣрѣ недѣлю, да и здѣшнее начальство неохотно пускаетъ туда. А все жаль было покидать Маниллу!

Утромъ, дня за три до отъѣзда, пришелъ ко мнѣ П—тъ. „Не хотите ли осмотрѣть канатный заводъ нашего банкира?“ сказалъ онъ мнѣ: „насъ повезетъ одинъ изъ хозяевъ банкирскаго дома, американецъ Мегфоръ“. Мнѣ нѣсколько неловко было ѣхать на фабрику банкира: я не былъ у него самого даже съ визитомъ, несмотря на его желаніе видѣть всѣхъ насъ, какъ можно чаще у себя; а не былъ потому, что за визитомъ неминуемо слѣдуютъ приглашенія къ обѣду, за который садятся въ пять часовъ, именно тогда, когда настаетъ въ Маниллѣ лучшая пора глотать не мясо, не дичь, а здѣшній воздухъ, когда надо ѣхать въ поля, на взморье, гулять по цвѣтущимъ зеленымъ окрестностямъ, словомъ, жить. А тутъ сиди за обѣдомъ!

Однакожъ я поѣхалъ съ П—мъ и Мегфоромъ, особенно когда узналъ, что до фабрики надо ѣхать по незнакомой мнѣ дорогѣ. Дорога эта довольно глуха и уединенна, и оттого еще болѣе понравилась мнѣ. Я удивился, что по близости Маниллы еще такъ много лежитъ нетронутыхъ полей, мѣстъ, повидимому, совсѣмъ забытыхъ. „Или они *подъ паромъ*, эти поля“, думалъ я, глядя на пустыя, большія пространства: „здѣшняя почва такъ же ли нуждается въ отдыхѣ, какъ и наши сѣверныя нивы, или это нерадѣніе, лѣнь?“ Некого было спросить; съ нами ѣхалъ К. И. Л., хорошій агрономъ и практическій хозяинъ, много лѣтъ завѣдывавшій большимъ имѣніемъ въ Россіи, но знанія его останавливались на пшеницѣ, клеверѣ, и далѣе не шли. О тропической почвѣ онъ зналъ не болѣе меня.

Мы пріѣхали на фабрику, занимающую большое про-

странство и нѣсколько строеній. Самое замѣчательное на этой фабрикѣ то, что веревки на ней дѣлаются не изъ того, изъ чего дѣлаютъ ихъ въ цѣломъ мірѣ, не изъ пеньки, а изъ волоконъ дерева, похожаго нѣсколько на банановое. Мегфоръ называетъ его plantin. Мочала или волокна—цвѣта... какъ бы назвать его? да свѣтло-мочальнаго—доставляются изнутри острова, въ тюкахъ, и идутъ прежде всего въ расческу. При расческѣ матеріалъ чуть-чуть смазываютъ кокосовымъ масломъ. Мы едва шагали между кучами мочалъ, отъ которыхъ припахивало постнымъ масломъ. Расчесываютъ ихъ раза три, сначала грубыми, большими зубцами, потомъ тонкими, на длинныя пряди, и тогда уже машинами вьютъ веревки.

Машины привезены изъ Америки: вы видали на фабрикахъ эти стальные станки, колеса; знаете, какъ они отдѣланы, выполированы, какъ красивы—и тутъ тоже: взялъ бы да и поставилъ гдѣ-нибудь въ залѣ, какъ украшеніе. Сараи, гдѣ по рельсамъ ходитъ машина, вьющая канаты, имѣютъ до пятисотъ шаговъ длины; рабочіе всѣ тагалы, мастера—американцы. Мальчикамъ платятъ по полуреалу въ день (около семи коп. сереб.), а работать надо отъ шести часовъ утра до шести вечера; взрослымъ по реалу; когда понадобится, такъ за особую плату работаютъ и ночью. „Дешево, конечно“, говоритъ агрономъ Л.: „но вѣдь зато имъ не надо ни полушубковъ, ни сапогъ, ни рукавицъ круглый годъ, притомъ ихъ кормятъ на фабрикѣ“. Мастера, трое, получаютъ тысячу-восемьсотъ, тысячу-пятьсотъ и тысячу долларовъ въ годъ. Отправляютъ товаръ больше въ Америку, частью въ канатахъ, частью тюками, въ волокнахъ. Тамъ эти веревки изъ „плянтина“ предпочитаются на судахъ пеньковымъ, но только въ бѣгучемъ такелажѣ, то-есть, для подвижныхъ снастей, а стоячій такелажъ или смоленыя неподвижныя снасти дѣлаются изъ пеньковыхъ.

Въ Манилѣ, какъ и въ Сингапурѣ, въ магазинѣ корабельныхъ запасовъ, продаются *русскія* пеньковыя снасти, предпочитаемыя всякимъ другимъ на свѣтѣ; но онѣ дороже древесныхъ. У насъ на суда взяли нѣсколько манильскихъ снастей: при постановкѣ парусовъ, отъ нихъ раздавалась такая музыка, что всѣ зажимали уши: точно тысяча саней скрипѣли по морозу. Говорятъ, что пройдетъ со временемъ, обшаркается. Фабрика производитъ на 130,000 долларовъ въ годъ. Она принадлежитъ Старджису, представителю въ настоящее время американскаго дома Russel и С⁰ въ Манилѣ, еще Мегфору, который насъ возилъ, и вдовѣ его брата. Братъ этотъ, года два назадъ, былъ убитъ индійцами, которые напали на фабрику и хотѣли ограбить. Испанское правительство до сихъ поръ не можетъ найти виновныхъ. Говорятъ, американскій коммодоръ Перри придетъ сюда съ своей эскадрой помогать отыскивать ихъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, на фабрикѣ случился пожаръ, и отчего? Тамъ запрещено работникамъ курить сигары: одинъ мальчикъ, которому вѣроятно неестественно казалось не курить сигаръ въ Манилѣ, потихоньку закурилъ. Пришелъ смотритель: тагалъ, не зная, какъ скрыть свой грѣхъ, сунулъ сигару въ кипу мочалъ.

Черезъ предмѣстье Санта-Круцъ мы воротились въ городъ. Мои товарищи поѣхали къ какой-то Маргаритѣ, покупать платки и матерію изъ ананасовыхъ волоконъ, а я домой.

Насъ торопили собираться къ отплытію; надо было подумать о сигарахъ. Я съ запиской отправился на фабрику въ альфорадору. У воротъ мнѣ встрѣтился какой-то молодой чиновникъ, какіе есть, кажется, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ цѣлаго міра: безъ дѣла, скучающій, не знающій куда дѣваться, словомъ, лишній. Онъ шелъ-было вонъ; а когда я показалъ ему записку, онъ воротился—и такъ,

отъ нѣчего же дѣлать,—повелъ меня къ альфорадору. Опять я, идучи по заламъ, наслушался адскаго стука, нанюхался табачнаго масла и достигъ наконецъ до альфорадора.

Онъ прежде всего предложилъ мнѣ сигару гаванской свертки, потомъ на мой вопросъ отвѣчалъ, что сигары не готовы: „дня черезъ четыре приготовимъ". — „Я черезъ день ѣду", замѣтилъ я. Онъ пожалъ плечами. „Возьмите въ магазинѣ, какія найдете", прибавилъ онъ: „или обратитесь къ инспектору".

Праздный чиновникъ повелъ меня къ инспектору. Тотъ посовѣтовалъ обратиться въ магазинъ. Мы пошли (все съ чиновникомъ) туда. Магазинъ помѣщался въ домѣ фабричной администраціи. Мы зашли прежде въ администрацію. Одинъ изъ администраторовъ, толстый испанецъ, столько же похожій на испанца, сколько на нѣмца, на итальянца, на шведа, на кого хотите, всталъ съ своего мѣста, поднявъ очки на лобъ, долго говорилъ съ чиновникомъ, не спуская съ меня глазъ, потомъ поклонился и сѣлъ опять за бумаги. Около него толпились тагалы и тагалки, дожидавшіеся платы. „Ну, что?" спросилъ я своего провожатаго. Онъ началъ мнѣ длинную какую-то рѣчь по-французски, и хотя говорилъ очень-сносно на этомъ языкѣ, но я почти ничего не понялъ, можетъ-быть, оттого, что онъ къ каждому слову прибавлялъ: „je vous parle franchement, vous comprenez?"

Хотѣлъ ли онъ подарка себѣ, или кому другому — не похоже, кажется: но онъ говорилъ о злоупотребленіяхъ, да тутъ же кстати и о строгости. Между прочимъ смыслъ одной фразы былъ тотъ, что офиціально, обыкновеннымъ путемъ, черезъ начальство, трудно сдѣлать что-нибудь, что надо „просто придти", такъ все и получишь за ту же самую цѣну. „Je vous parle franchement, vous comprenez?" заключилъ онъ.

— „Сигаръ?" спросилъ я въ магазинѣ.—„Сигаръ нѣтъ",

отвѣчалъ индіецъ-приказчикъ. „Новаго приготовленія, гаванской свертки, первый сортъ“, говорилъ я. Чиновникъ переводилъ мой вопросъ и отвѣтъ тагала—*ньтъ*. „Ихъ такъ немного дѣлаютъ, что въ магазинъ онѣ и не поступаютъ“. сказалъ онъ.—„Ну, перваго сорта здѣшней свертки, крупныхъ“. — „Всѣ вышли“, былъ отвѣтъ. — „Сегодня пришлютъ“, прибавилъ онъ.—„Ну, второго сорта?“ спросилъ я. Тагалъ порылся въ ящикахъ, вынулъ одну пачку въ бумагѣ, 125 штукъ, и положилъ передо мной. „Una peso“ (одинъ піастръ), сказалъ онъ.—„Да мнѣ надо по крайней мѣрѣ пачекъ двадцать одного этого сорта“, замѣтилъ я. Тагалъ опять заглянулъ въ ящикъ. „Больше нѣтъ“, сказалъ онъ: „всѣ вышли; сегодня будутъ“.

Тутъ слѣдовало бы пожать плечами, но я былъ очень сердитъ, не до того было, чтобъ прибѣгать къ этимъ общимъ мѣстамъ, для выраженія досады. Вотъ подите же: гдѣ послѣ этого доставать сигары? Я думаю, на Невскомъ проспектѣ, у Тенкате: это всего вѣрнѣе. Кто-то искалъ счастья по всему міру и нашелъ же его, воротясь, у своего изголовья. Не былъ ли въ Маниллѣ этотъ путешественникъ и не охотникъ ли онъ курить сигары? Видно ужъ такъ заведено въ мірѣ, что на Волгѣ и Уралѣ не купишь на рынкахъ хорошей икры; въ Эпернѣ не удастся выпить бутылки хорошаго шампанскаго, а въ Торжкѣ не найдешь теперь и знаменитыхъ пожарскихъ котлетъ: ихъ лучше дѣлаютъ въ Петербургѣ.

„Что жъ у васъ есть въ магазинѣ?“ спросилъ я наконецъ: „вѣдь эти ящики не пустые же: тамъ сигары?“—„Чируты“, сказалъ мнѣ приказчикъ, то-есть, обрѣзанныя съ обѣихъ сторонъ (которыя, кажется, только и привозятся изъ Маниллы къ намъ, въ Петербургъ): этихъ сколько угодно! Есть изъ нихъ третій и четвертый сорты, то-есть, однѣ большія, другія меньше.

А провожатый мой все шепталъ мнѣ, отворотясь въ сто-

рону, что надо придти „прямо и просто“, а куда—все не говорилъ, прибавилъ только свое: „je vous parle franchement, vous comprenez?“—„Да не надо ли подарить кого-нибудь?“ сказалъ я ему наконецъ, выведенный изъ терпѣнія. „Non, non!“ сильно заговорилъ онъ; „но вы знаете сами, злоупотребленія, строгости... но это ничего; вы можете все достать... васъ принималъ у себя губернаторъ—оно такъ, я видѣлъ васъ тамъ: но все-таки надо придти... просто: „vous comprenez?“ „Я приду сюда вечеромъ“, сказалъ я рѣшительно, уставъ слушать эту болтовню, „и надѣюсь найти сигары всѣхъ сортовъ...“—„Кромѣ перваго сорта гаванской свертки“, прибавилъ чиновникъ и сказалъ что-то тагалу по-испански... Я довезъ его до фабрики и вернулся домой.

Смыслъ этихъ таинственныхъ рѣчей былъ, кажется, тотъ, что все количество заготовляемыхъ на фабрикѣ сигаръ быстро расходится официальнымъ путемъ по купеческимъ конторамъ, оптомъ, и въ магазинъ почти не поступаетъ; что туземцы курятъ чируты, и потому трудно достать готовыя сигары высшихъ сортовъ. Но если кто пожелаетъ непремѣнно имѣть хорошія сигары не въ большомъ количествѣ, тотъ, безъ всякихъ фактуръ и заказовъ, обращается къ кому-нибудь изъ служащихъ на фабрикѣ, или *приходитъ прямо и просто*, какъ говорилъ мой провожатый, заказываетъ сколько ему нужно, и получаетъ за ту же цѣну, мимо администраціи, мимо магазина, куда деньги за эти сигары, конечно, уже не поступаютъ.

По крайней мѣрѣ я такъ понялъ загадочныя рѣчи моего провожатаго. Et vous, mes amis, vous comprenez? je vous parle franchement.

Насилу-то, наконецъ, вечеромъ я запасся, для себя и для нѣкоторыхъ товарищей, нѣсколькими тысячами сигаръ, почти всѣхъ сортовъ, всѣхъ величинъ, и притомъ самыми *свѣжими*. На ящикахъ было вездѣ клеймо: *Febrero* (фе-

враль), то-есть, мѣсяцъ нашего тамъ пребыванія. Запросъ такъ великъ, что не успѣваютъ дѣлать. Другіе мои спутники запаслись чрезъ нашего банкира, но только однѣми чирутами. За *тысячу* сигаръ лучшаго сорта платятъ здѣсь четырнадцать долларовъ (около 19 р. сер.), а за чируты восемь долларовъ. Въ Петербургѣ первыхъ совсѣмъ нѣтъ, а вторыя продаются, если не ошибаюсь, по шести, и никакъ не менѣе пяти р. сер. за *сотню*. Каковъ процентъ! Табакъ не въ сигарахъ не продается въ Маниллѣ; онъ дозволенъ только къ вывозу. Говорятъ, есть еще нѣсколько меньшихъ фабрикъ, но я тѣхъ не видалъ, такъ же какъ и фабрики сигаретокъ или папиросъ.

Наконецъ объявлено, что не сегодня, такъ завтра снимаемся съ якоря. Надо было перебраться на фрегатъ. Я послѣдніе два дня еще разъ объѣхалъ окрестности, былъ на кальсадо, на Эскольтѣ, на Розаріо, въ лавкахъ. Вчера отправилъ свои чемоданы *домой*, а сегодня, послѣ обѣда, на катерѣ отправился и самъ. Съ нами поѣхалъ французъ Pl. и еще испанецъ, нѣкогда морякъ, а теперь commandant des troupes, какъ онъ называлъ себя. Въ этотъ день обѣщали быть на фрегатѣ нѣсколько испанскихъ семействъ, въ которыхъ были приняты наши молодые люди.

Когда мы садились въ катеръ, вдругъ пришли сказать намъ, что гости ужъ ѣдутъ, что часть общества опередила насъ. А мы еще не отвалили! Какъ засуетились наши молодые люди! Только что мы выгребли изъ Пассига, велѣли поставить паруса и понеслись. Подъ берегомъ было довольно тихо и катеръ шелъ покойно, но мы видѣли вдали, какъ кувыркалась въ волнахъ крытая барка съ гостями.

Часовъ съ трехъ пополудни до шести, на неизмѣримомъ манильскомъ рейдѣ, почти всегда дуетъ вѣтеръ свѣжѣе, нежели въ другіе часы сутокъ; а въ этотъ день онъ дулъ

свѣжѣе всѣхъ прочихъ дней и развелъ волненіе. „Мы ихъ догонимъ“, говорилъ Б., „тяни шкотъ! тяни шкотъ!“ командовалъ онъ безпрестанно. Паруса надулись такъ, что шлюпка однимъ бортомъ лежала совершенно на водѣ; нельзя было сидѣть въ катерѣ, не держась за противоположный бортъ. Мы ногами упирались то въ кадку съ мороженымъ, то въ корзины съ конфетами, апельсинами и мангу, назначенными для гостей и стоявшими въ безпорядкѣ на днѣ шлюпки, а насъ такъ и тащило съ лавокъ долой. „Не взять ли рифы?“ спросилъ Б. К.—„Надо бы; да тогда тише пойдемъ, не поспѣемъ прежде гостей“, сказалъ Б.: „вотъ ужъ они гдѣ, за французскимъ пароходомъ: экъ ихъ валяетъ!“

Нашъ катеръ вставалъ на дыбы, билъ носомъ о воду, загребалъ ее, какъ ковшомъ, и разбрасывалъ по сторонамъ, съ брызгами и пѣной. Мы-таки перегнали, хотя и рисковали, если не перевернуться совсѣмъ, такъ *чертнуть* порядкомъ. А послѣднее чуть-ли не страшнѣе было перваго для Б.: чѣмъ было бы тогда подчивать испанокъ, если бъ въ мороженое, или конфеты, вкатилась соленая вода?

Приставать въ качку къ борту—тоже задача. Шлюпку приподнимаетъ чутъ не до борта, тутъ сейчасъ и пользуйтесь мгновеніемъ: прыгайте на трапъ, а прозѣвали, волна отступитъ и утащитъ шлюпку опять въ преисподнюю.

Мы только что вскочили на палубу, какъ и гости пристали вслѣдъ за нами. Ихъ всего было человѣкъ семь испанцевъ, да три дамы, двѣ испанки, мать съ дочерью, и одна англичанка. Прочія приглашенныя не поѣхали, побоявшись качки. Гостей угощали чаемъ, мороженымъ и фруктами, которые были, кажется, не безъ соли, какъ замѣтилъ я, потому что одинъ изъ гостей довѣрчиво запустилъ зубы въ мангу, но вдругъ остановился и сталъ разсматривать плодъ, потомъ поглядывалъ на насъ. Хотя

*

мы не черпнули, но все-таки нельзя было запретить морской водѣ брызгать въ шлюпку.

Съ англичанкой кое-какъ разговоръ вязался, но съ испанками—плохо. Дѣвица была не дурна собой, очень любезна; она играла на фортепіано плохо, а англичанка пѣла нехорошо. Я сказалъ дѣвицѣ что-то о погодѣ, на половину по-французски, на половину по-англійски, въ надеждѣ, что она что-нибудь пойметъ, если не на одномъ, такъ на другомъ языкѣ, а она мнѣ отвѣтила, кажется, о музыкѣ, вполовину по-испански, вполовину... по-тагальски, я думаю.

Наконецъ мы простились съ Маниллой, да вотъ теперь и заштилѣли въ виду Люсона. Я вошелъ въ свою каюту, въ которой не былъ ни разу съ тѣхъ поръ, какъ переѣхалъ на берегъ. Въ ней горой громоздились ящики съ сигарами, кучи бѣлья, платья. Кое-какъ мы съ Ѳаддеевымъ разобрали все по угламъ, но каюта моя уменьшилась наполовину. „А гдѣ соломенныя шляпы?“ спросилъ я.—„А вотъ онѣ“, сказалъ Ѳаддеевъ, показывая на потолокъ.—„Да какъ ты ихъ укрѣпилъ?“ спросилъ я, недоумѣвая, какъ онѣ тамъ держались. А очень просто: онъ вставилъ три или четыре шляпы одну въ другую и поля гвоздиками прибилъ къ потолку: прочно, не правда ли?

„Только-то?“ скажете вы: „Тутъ и все о Маниллѣ!“ Вы недовольны? И я тоже. Я самъ ожидалъ чего-то больше. А чего? Можетъ-быть, ярче и жарче колорита, болѣе грёзъ поэзіи и побольше жизни, незнакомой намъ всѣмъ, европейцамъ, жизни своеобычной: и нашелъ, что здѣсь танцуютъ, и много танцуютъ, спятъ тоже много, и краснѣютъ всего, что̀ похоже на свое. Выше я уже сказалъ, что, вопреки климату, здѣсь на обѣды ѣздятъ въ суконномъ платьѣ, бѣлое надѣваютъ только по утрамъ, ходятъ въ черныхъ шляпахъ, предпочитаютъ нѣжнымъ издѣліямъ манильской соломы грубыя издѣлія Китая, что даже индіецъ рядится въ

суконное пальто, вмѣсто своей воздушной ткани, сдѣланной изъ растенія, которое выросло на его родной почвѣ, и старается походить на метиса, метисъ на испанца, испанецъ на англичанина.

Люди измѣняются до конца, до своей плоти и крови: и на этомъ благодѣтельномъ островѣ, какъ и вездѣ, они перерождаются и мѣняютъ нравы, сбрасываютъ указанный природою костюмъ, забываютъ свой языкъ, забыли измѣнить только названіе острова и города. Васъ, можетъ-быть, вводятъ въ заблужденіе звучныя имена Маниллы, Люсона; они напоминаютъ Испанію. Разочаруйтесь: эти имена не испанскія, а индійскія. Слово Манилла, или, правильнѣе, Манила, выработано изъ двухъ тагальскихъ словъ: *tayron nila*, что̀ слово въ слово значитъ: *тамъ есть нила*, а *нилой* называется какая-то трава, которая растетъ по берегамъ Пассига. *Майронъ-нила* называлось индійское мѣстечко, бывшее на мѣстѣ нынѣшней Маниллы. Люсонъ взято отъ тагальскаго слова *лосонъ*: такъ назывались ступки, въ которыхъ жители этого острова толкли рисъ, когда пришли туда первые испанцы, а эти послѣдніе и назвали островъ Лосонгъ. Почему нѣтъ? вѣдь наши матросы называютъ же англичанъ *асеи*, отъ словъ J say, то-есть „ей, послушай!“ которое безпрестанно слышится въ англійскомъ разговорѣ. *Тагалъ* или *тагаилогъ* значитъ *житель рѣкъ*.

Зато природа на Люсонѣ неизмѣнна, какъ вездѣ, и богата, какъ нигдѣ. Какъ прекрасенъ этотъ союзъ сѣвернаго и южнаго неба, будто встрѣча и объятія двухъ красавицъ! Крестъ и Медвѣдица, Оріонъ и Конопусъ такъ близко кажутся другъ отъ друга... Необыкновенны переливы вечерняго свѣта на небѣ—яшмовые, фіолетовые, лазурные, наконецъ такіе странные, темные и прекрасные тоны, подъ какіе ни за что не поддѣлаться человѣку! Гдѣ онъ возьметъ цвѣта для этого пронзительно-бѣлаго луча здѣшнихъ звѣздъ?

какъ нарисуетъ это млѣніе вечерняго, только что покипутаго солнцемъ и отдыхающаго неба, эту теплоту и кротость лунной ночи? Чудесенъ и голубой заливъ, и зеленый берегъ, дальнія горы, и всѣ эти пальмы, бананы, кедры, бамбуки, черное, красное, коричневое деревья, эти ручьи, островки, дачи—все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически прекрасно!...

И при всемъ томъ ни за что не остался бы я жить среди этой природы! Есть отрадныя мгновенія—утромъ, напримѣръ, когда, вставши рано, отворишь окно и впустишь прохладу въ комнату; но не на долго оживитъ она: едва сдунетъ только дремоту, возбудитъ въ организмѣ игру силъ и расположитъ къ дѣятельности, какъ вслѣдъ за ней, изъ того же окна дохнетъ на васъ теплый паръ раскаленной атмосферы. Въ даль посмотрѣть нельзя: волны сверкаютъ какъ горячіе угли, стѣны зданій ослѣпительно-бѣлы, воздухъ какъ пламя—больно глазамъ. Часовъ въ 10, 11, не говоря уже о полуднѣ, сидите ли вы дома, поѣдете ли въ каретѣ, вы изнеможете: жаръ сморитъ: напрасно будете противиться сну. Хотите говорить—и на полусловѣ зѣвнете; мысль не успѣла сформироваться, а вы ужъ уснули. Но и сонъ не отрада: подушка душитъ васъ, легчайшая ткань кажется кандалами. Дышешь горячо, ищешь вѣтра—его нѣтъ. Хочешь освѣжить высохшій языкъ—вода теплая, положишь льду въ нее—жди воспаленія. Къ вечеру оживаешь, наслаждаешься, но и то въ декабрѣ, январѣ и февралѣ: дальше, говорятъ, житья нѣтъ. Въ лѣтніе мѣсяцы льются потоки дождя, свирѣпствуютъ грозы, время отъ времени ураганы и землетрясенія. Въ дождь, не выйти, ни выѣхать нельзя: въ городѣ и окрестностяхъ наводненіе; въ землетрясеніе происходитъ въ домахъ и на улицахъ то же, что въ качку на кораблях: все въ ужасѣ: индійцы падаютъ ницъ...

Но и вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ

этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что давитъ мозгъ, шевелитъ нервы, тревожитъ воображеніе. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль! Эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грёзами, какихъ не приснится на сѣверѣ.

И все-таки не останешься жить въ Манилѣ, все захочешь на сѣверъ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы.

А развѣ, скажете вы, нѣтъ никогда такихъ жаркихъ дней и обаятельныхъ вечеровъ и у насъ?... Выдаются дни безпощадные, жаркіе, и у насъ, хотя безъ пальмъ, безъ фантастическихъ оттѣнковъ неба: природа, непрерывно-творческая здѣсь и подолгу бездѣйствующая у насъ, тамъ кладетъ бездну силъ, чтобъ вызвать въ какія-нибудь три мѣсяца жизнь изъ мертвой земли. Но у насъ она даетъ пиръ, какъ бѣднякъ, отдающій все до копейки на пышный праздникъ, который въ кои-то вѣки собрался дать: послѣ онъ обречетъ себя на долгую будничную жизнь, на лишенія. И природа наша также: въ палящемъ днѣ на сѣверѣ, вы уже чувствуете удушливое дыханіе земли, предвѣщающее къ ночи грозу, потоки дождя и перемѣну надолго. А здѣсь дни за днями идутъ, какъ близнецы, похожіе одинъ на другой, жаркіе, страстные, но сильные, ясные и безмятежные—въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Можетъ-быть, вы все будете недовольны моимъ эскизомъ и потребуете чего-нибудь еще: да чего же? Кажется, я догадываюсь. Вамъ лѣнь встать съ покойнаго кресла, взять съ полки книгу и прочесть, что Филиппинскіе острова лежатъ между 114 и 134° в. долг., 5 и 20° сѣверн. шир., что

самый большой островъ—Люсонъ, съ столичнымъ городомъ Манилла, потомъ слѣдуютъ острова: Магинданао, Сулу, Палауанъ; меньшіе: Самаръ, Панай, Лейтъ, Миндоро и многіе другіе.

Въ 1521 году, Магелланъ, первый, съ своими кораблями, присталъ къ юго-восточной части острова Магинданао, и подарилъ Испаніи новую, цвѣтущую колонію, за что и поставленъ ему монументъ на берегу Пассига. Вторая экспедиція приставала къ Магинданао въ 1524 году, подъ начальствомъ Хуана Гарсія Хозе де-Лоаиза. Спустя недолго, приходилъ мореплаватель Виллалобосъ, который и далъ островамъ названіе „Филиппинскихъ“, въ честь наслѣдника престола, Филиппа II-го, тогда еще принца астурійскаго.

Въ 1664 году, Мигель Лопецъ Легаспи пришелъ, съ пятью монахами ордена августинцевъ и съ пятью судами, покорять острова силою креста и оружія. Индійцы нѣкоторыхъ вновь открытыхъ острововъ, куда еще не проникали ни Магелланъ, ни Лоаиза, перепугались, увидя европейцевъ. Они донесли своему начальству, что пріѣхали люди „съ тоненькимъ и острымъ хвостомъ, что они бросаютъ громъ, ѣдятъ камни, пьютъ огонь, который выходитъ дымомъ изъ носа, а носы у нихъ“, прибавили они: „предлинные“. Индійцы приняли морскіе сухари за камни, шпагу—за хвостъ, трубку съ табакомъ—за огонь, а носы—за носы тоже, только длинные: не оттого, что у испанцевъ носы были особенно-длинны, а оттого, что послѣдніе у самихъ индійцевъ черезчуръ коротки и плоски.

Легаспи, по повелѣнію короля, покорилъ и островъ Лосонгъ или Люсонъ. Онъ на Пассигѣ основалъ нынѣшній городъ, удержавъ ему названіе бывшаго на этомъ мѣстѣ селенія Мейрон-Нила или, сокращенно, Маі-Nila. Легаспи привлекъ китайцевъ, завелъ съ ними торговлю, которая процвѣтаетъ и понынѣ. Вскорѣ наѣхали францисканцы, домини-

канцы, настроили церквей, изъ которыхъ августинскій монастырь древнѣйшій, построенный по плану архитектора, строившаго Эскуріалъ.

Послѣ того Манилла не разъ подвергалась нападеніямъ китайцевъ, даже японскихъ пиратовъ, далѣе голландцевъ, которые завистливымъ окомъ заглянули и туда, наконецъ англичанъ. Эти послѣдніе, воюя съ испанцами, напали, въ 1762 году, и на Маниллу и въ конецъ разорили ее. Черезъ годъ и семь мѣсяцевъ миръ былъ заключенъ и колонія возвращена Испаніи.

Жидко объ исторіи, скажете вы, можетъ-быть. Но стоитъ ли больше говорить о ней? Филиппинскій архипелагъ, какъ parvenu какой-нибудь, еще не имѣетъ права на генеалогическое дерево. Говорить больше о немъ, значитъ говорить объ исторіи испанскаго могущества XV, XVI и XVII столѣтій. Оно отозвалось и въ здѣшнихъ отдаленныхъ углахъ, но глухо. Міръ тогда сжался на маленькомъ лоскуткѣ: надъ нимъ и играло всей силой своей солнце судьбы, и сюда чуть-чуть долетали его лучи. Можетъ-быть, заграетъ оно когда-нибудь и здѣсь, какъ надъ старой Европой: тогда на путешественникѣ будетъ лежать тяжелая обязанность рыться въ здѣшнихъ архивахъ и съ важностью повѣствовать лѣнивымъ друзьямъ о событіяхъ края.

О торговлѣ три слова:

Изъ Маниллы вывозятся въ Америку, въ Китай, въ Европу, и особенно въ Англію: сахаръ, индиго, пенька, сигары, ромъ, дерево; а привозятся бумажныя и шерстяныя издѣлія, желѣзо, корабельные припасы, провизія, стальныя издѣлія, стекло, глиняная посуда.

Ежегодно приходитъ до двухсотъ испанскихъ и чужихъ кораблей и столько же отходитъ.

Сумма привоза простирается свыше полутора милліона піастровъ, иногда доходитъ до двухъ; вывозится милліона на три...

(Зри Kaufmännische Berichte, gesammelt auf einer Reise um die Welt von W. N. Nopitsch).

Ну, теперь, кажется все!

VI.

ОТЪ МАНИЛЛЫ ДО БЕРЕГОВЪ СИБИРИ.

Качающаяся мачта.—Островъ Батанъ.—Padre и алькадъ.—Сулой.—Островъ Камигуинъ, портъ Ніо-квинто.—Красное дерево.—Птицы и насѣкомыя. — Бананы. — Драконъ, пожирающій утокъ. — Обѣдъ въ тропическомъ лѣсу. — Китъ. — Акула. — Островъ Гамильтонъ.—Камелін.—Корейцы.—Вѣсти изъ Шанхая.—Нагасаки.—Второй губернаторъ. — Подарки. — Провизія.—Острова Гото.—Берега Кореи; описъ ихъ и повѣрка картъ. — Заливъ Лазарева. — Прогулки по берегу.—Сильные туманы.—Змѣя.—Сношенія съ жителями.—Непріятность.—Рѣка Тайманьга.—Историческая замѣтка о Кореѣ.—Татарскій проливъ. — Шквалъ. — Большой заливъ.—Жители. Тунгусъ Аѳонька.—Гиляки.

Съ 27 февраля по 22 мая, 1854.

Мы вышли изъ Маниллы 27-го февраля вечеромъ и поползли опять тѣми же штилями вдоль Люсона, какими пришли туда.

Тащились дней пять, но зато чуть вышли изъ-за острова, какъ крѣпкій норд-остовый муссонъ задулъ намъ въ лобъ.

Сначала взяли-было одинъ, а потомъ постепенно и всѣ четыре рифа. Медленно, туго шли мы, или, лучше сказать, толклись на одномъ мѣстѣ. Долго шли однимъ галсомъ, и 8-го числа воротились опять на то же мѣсто, гдѣ были

седьмого. Килевая качка несносная, для меня впрочемъ она лучше боковой, не толкаетъ изъ угла въ уголъ, но кого укачиваетъ, тѣмъ невыносимо.

Суда наши держались съ нами, но адмиралъ разослалъ ихъ: транспортъ „Князь Меншиковъ“ въ Шанхай, за справками, шкуну къ о. Батану, отыскать якорное мѣсто и заготовить провизію, корветъ—еще куда-то. Сами идемъ на островокъ Гамильтонъ, у корейскаго берега, и тамъ дождемся транспорта.

Только мы разстались съ судами, какъ вѣтеръ усилился и вдругъ оказалось, что наша фок-мачта клонится совсѣмъ назадъ, еще хуже, нежели грот-мачта. Общая тревога; далѣе идти было бы опасно: на сѣверѣ могли встрѣтиться крѣпкіе вѣтра и тогда ей не сдобровать. Третьяго дня она вдругъ треснула; поскорѣй убрали фокъ. Надо зайти въ портъ, а куда? Въ Гон-Конгъ всего бы лучше, но это значитъ прямо въ гости къ англичанамъ. Рѣшили спуститься назадъ, къ группѣ острововъ Бабуянъ, на островокъ Камигуинъ, въ портъ Ніо-Квинто, недалеко отъ Люсона.

Но прежде надо зайти на Батанъ, дать знать шкунѣ, чтобъ она не ждала фрегата тамъ, а шла бы далѣе, къ сѣверу. Мы все лавировали къ Батану: вѣтеръ воетъ во всю мочь, такъ что я у себя не могъ спать: затворишься — душно, отворишь вполовину дверь, шумитъ какъ въ лѣсу.

Вчера, съ 9-го на 10-е ночью, теченіемъ отнесло насъ на 35 миль въ сутки, противъ счисленія, къ норду, несмотря на то, что наканунѣ была хорошая обсерваціа, и мы очутились выше Батана. За то какъ живо спустились къ нему попутнымъ вѣтромъ! Это тотъ самый Батанъ, у котораго насъ прихватилъ, въ прошломъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ, тифонъ или „тай-фунъ“ по-китайски, то-есть сильный вѣтеръ. Мы тогда напрасно искали на восточномъ берегу пристани: нѣтъ

ея тамъ; зато теперь тотчасъ отыскали на югозападномъ. Шкуна стояла уже тамъ и еще китоловъ американскій.

Островокъ недуренъ, весь въ холмахъ, холмы въ зелени. Бухта не закрыта отъ зюйда и остановиться въ ней на якорь опасно, хотя въ это время года, то-есть при норд-остовомъ муссонѣ, въ ней хорошо; зюйдовыхъ вѣтровъ нѣтъ. Но положиться на это нельзя. А какъ вдругъ задуетъ? Между скалъ (тоже зеленыхъ) есть затишье и пристань. Глубина неровная: 50 саженъ, потомъ 38, и вдругъ семь, почти рядомъ. Намъ открылся монастырь, потомъ домъ испанскаго алькада и деревня въ зелени. Хорошо, пріятно и весело смотрѣть на берегъ. Наши поѣхали, я нѣтъ. Меня, кажется, прихватила немного болѣзнь, которую нѣмцы называютъ Heimweh. Просто домой хочется. Дастъ ли Богъ силъ выдержать! Прелесть того, что манило въ даль—новизны, утратилась; впереди только безпокойства и неизвѣстность.

У насъ сегодня утромъ завтракали padre и алькадъ. Я не выходилъ изъ каюты, не хотѣлось, но смотрѣлъ изъ окна съ удовольствіемъ, какъ пріѣхавшіе съ ними двое индійскихъ мальчишекъ, слугъ, разинули вдругъ ротъ и обомлѣли, когда заиграли наши музыканты. Скоро удивленіе смѣнилось удовольствіемъ: они сѣли рядомъ на палубѣ и не спускали глазъ съ музыкантовъ. Мальчишекъ укачивало. У меньшого желтенькое лицо позеленѣло и онъ спрятался за пушку. Вдругъ padre позвалъ его: тотъ не слыхалъ, и padre далъ ему такого подзатыльника, что въ пору пирату такого дать, а не пастырю.

Намъ прислали быковъ и зелени. Когда поднимали съ барказа одного быка, вдругъ петля сползла у него съ брюха и остановилась у шеи: быкъ сталъ-было задыхаться, но его быстро подняли на палубу и освободили. Одинъ матросъ на барказѣ, вообразивъ, что быкъ упадетъ назадъ въ барказъ, предпочелъ лучше броситься въ воду и плавать, пока быкъ

будетъ падать; но паденіе не состоялось и предосторожность его возбудила общій хохотъ, въ томъ числѣ и мой, какъ мнѣ ни было скучно.

Принявъ провизію, мы снялись съ якоря и направляемся теперь на островокъ Камигунъ, поправить немного мачты.

Мы вышли ночью; какъ тутъ кое-гдѣ разсѣяны островки, то, для безопасности, мы удержались до разсвѣта подъ малыми парусами у острововъ Баши. Я спалъ, но къ утру слышалъ сквозь сонъ, какъ фрегатъ взялъ большой ходъ на фордевиндъ. Этотъ ходъ сопровождается всегда боковой качкой. Мы полагали стать къ часамъ четыремъ на якорь; всего было миль шестьдесятъ, а ходу около десяти узловъ, т.-е. по десяти миль, или семнадцать слишкомъ верстъ въ часъ. Но въ такихъ расчетахъ надо имѣть въ виду теченія; здѣсь теченіе было противное; попутный вѣтеръ несъ насъ узловъ десять, а теченіемъ относило назадъ узловъ пять. Часамъ къ пяти мы подошли къ Камигуину, но подвигались такъ медленно, что солнце садилось, а мы еще были все у входа.

Вдобавокъ ко всему у острова встрѣтили мы сулой и попали прямо въ него. Вы не знаете, что̀ такое „сулой?“ И дай Богъ вамъ не знать. Сулой—встрѣча вѣтра и теченія. У насъ былъ норд-остовый вѣтеръ, а теченіе отъ SW. Что это за наказаніе! Никогда не испытывали мы такой огромной и безпокойной зыби. Вѣтеръ не свѣжій, а волны, сшибаясь съ двухъ противныхъ сторонъ, вздымаются какъ горы, самыми разнообразными формами. Одна волна встаетъ, образуетъ правильную пирамиду и только хочетъ разсыпаться на всѣ стороны, какъ ей и слѣдуетъ, другая вдругъ представляетъ ей преграду, привскакиваетъ выше сѣтокъ судна, потомъ отливается прочь, образуя глубокій оврагъ, куда стремительно падаетъ корабль, неподдерживаемый на ходу вѣтромъ. Взадъ подтолкнетъ его побѣдившая волна и онъ

падаетъ на бокъ и лежитъ такъ томительную минуту. Волны хлещутъ на палубу, корабль черпаетъ бортами. Бѣда судамъ: мелкія заливаетъ нерѣдко, да и большія могутъ потерять мачты. Къ счастью, вѣтеръ скоро вынесъ насъ на чистое мѣсто, но войти мы не успѣли и держались опять ночь въ открытомъ морѣ; а надѣялись-было стать на якорь, выкупаться и лечь спать.

Утромъ уже на другой день, 11-го марта, мы вошли въ бухту Піо-Квинто сѣвернымъ входомъ и стали за островкомъ того же имени, защищающимъ рейдъ. Бухта большая; берега покрыты непроходимою кудрявою зеленью. На островѣ есть потухшій волканъ; есть пальмы, бананы; раковинъ множество; при мнѣ матросы привезли П—ту набранный ими цѣлый мѣшокъ. Я заказалъ и себѣ. Докторъ убилъ до шести птицъ, золотистыхъ, красныхъ, желтыхъ: ихъ потрошатъ и набиваютъ хлопчатой бумагой. Г-чу раздолье. Мнѣ нельзя на берегъ: ревматизмъ въ вискѣ напоминаетъ о себѣ живою болью. Я съ фрегата смотрю, какъ буруны стѣною нападаютъ на берегъ, хлещутъ высоко и разсыпаются широкой бѣлой бахрамой. Океанъ какъ будто лелѣетъ эти островки: онъ играетъ съ берегами, то реветъ, сердится, то ласково обнимаетъ любимцевъ со всѣхъ сторонъ, жемчужится, кипитъ у береговъ и приноситъ блестящую раковину, или морского ежа, или красивый, выработанный имъ кораллъ, какъ будто игрушки для дѣтей.

Ѳаддеевъ сегодня былъ на берегу и притащилъ мнѣ раковинъ, одна другой хуже и, между прочимъ, въ одной былъ живой ракъ, который таскалъ за собой претяжелую раковину. „Смѣхъ какой!“ сказалъ онъ. Вѣрно съ кѣмъ-нибудь непріятность случилась, подумалъ я, зная его характеръ. Такъ и есть. „Наши ребята“, продолжалъ онъ, „наѣлись какихъ-то стручковъ, словно бобы, и я одинъ съѣлъ— ничего, годится, только ротъ совсѣмъ свело, не разожмешь,

а у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь стонутъ".—„Какъ же можно ѣсть непзвѣстныя растенія?" замѣтилъ я: „вѣдь здѣсь много ядовитыхъ".—„Еще мы нашли", продолжалъ Ѳаддеевъ, „какіе-то... орѣхи не орѣхи, похожи и на яблоки, одни красныя, другія зеленыя. Мы съѣли по штукѣ красной—кисло таково; хотѣли-было зеленое попробовать, да тутъ ребятъ-то и схватило, застонали—смѣхъ! И съ господами смѣхъ", прибавилъ онъ, стараясь не смѣяться: „въ буруны попали; какъ стали приставать, шлюпку повернуло, всѣхъ валъ и покрылъ, всѣ словно купались... да вотъ они!" прибавилъ онъ, указывая въ окно. Въ самомъ дѣлѣ всѣ мокрые.

16-е марта. Меня все одолѣвала то зубная боль, то хандра. А что за время! зелено, сине, солнечно, ярко и жарко, съ легкой прохладой. Я все лѣнился ѣхать на берегъ; я безпрестанно слышалъ, какъ одинъ шелъ по поясъ въ водѣ, другой пробирался по каменьямъ, третій не могъ пробраться сквозь ліаны. Все это мало давало мнѣ охоты ѣхать туда. Но сегодня утромъ, лишь только я вышелъ на палубу, встрѣтилъ меня У. и звалъ ѣхать. „Смотрите, буруновъ совсѣмъ нѣтъ, вѣтеръ съ берега", говорилъ онъ: „вамъ не придется по водѣ идти, ногъ не замочите и зубы не заболятъ". Я взялъ зонтикъ, надѣлъ соломенную шляпу и мы отправились на вельботѣ.

Въ самомъ дѣлѣ буруновъ не было, и мы въѣхали въ ручеекъ, какъ на саняхъ. Матросы соскочили въ воду и потащили вельботъ на себѣ, такъ что мы выскочили прямо на песчаный берегъ. Въ ручейкѣ были раковины, камешки, кораллы—все, кромѣ воды. Мы вошли подъ сводъ развѣсистыхъ деревьевъ и насъ охватилъ влажный, горячій паръ. Берегъ весь заросъ сплошной чащей, большею частью краснымъ деревомъ. Зелень густа, какъ волосы. Красное дерево и придаетъ эту кудрявую наружность всему острову. У

дерева крѣпкіе и масляные, ярко-зеленые листья, у однихъ небольшіе, у другихъ болѣе четверти аршина длиной, и такіе толстые, что годились бы на подошву.

Мы подошли къ нашимъ палаткамъ, разбитымъ на самомъ берегу, подъ деревьями, и застали Г-ча среди букашекъ, бабочекъ, раковъ—живыхъ и мертвыхъ, потрошенныхъ и непотрошенныхъ птицъ, змѣй и ящерицъ. Посидѣвши минутъ пять въ тѣни, мы пошли дальше, по берегу, къ другой рѣчкѣ, очень живописной. Чаща не позволяла пробираться лѣсомъ: ліаны сѣтью опутали деревья, и иногда ни перешагнуть, ни прорвать ихъ не было никакой возможности. Надо было идти по берегу, усыпанному крупными и мелкими каменьями, періодически покрываемыми приливомъ. Каменья или вонзались въ подошву, или разступались подъ ногами и катились во всѣ стороны. Упасть, правду сказать, было нельзя, но сломать ногу и, пожалуй, обѣ, можно. Такъ мы шли версты двѣ и я отчаялся уже дойти, какъ вдругъ увидѣли нашихъ людей. Они срубили дерево и очищали его отъ коры. Что это за чудовищный стволъ краснаго дерева! Только дубы на мысѣ Доброй Надежды, да камфарныя деревья въ Китаѣ, видѣлъ я такого объема. Здѣсь мы, по тѣнистой и сырой тропинкѣ, дошли до пустого шалаша, отдохнули, переправились по доскѣ черезъ рѣчку, до того быструю, что когда я, переходя по зыбкому мостику, уперся въ дно ручья длинной палкой, у меня мгновенно вырвало ее теченіемъ изъ рукъ и вынесло въ море.

Далѣе мы шли лѣсомъ все по рѣчкѣ. Я не могъ надивиться этой растительности: насъ покрывалъ совершенно сводъ зелени отъ солнца. Деревья, одно другого красивѣе, выше, гуще и кудрявѣе, тѣснились какъ колосья, въ кучу. Множество птицъ, красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, летало въ вѣтвяхъ, мелькало изъ куста въ кустъ. Что̀ за крики! Вверху раздавался то стонъ, то щелканье, а одна какая-то

горланила такъ, что хоть уши зажми. Насѣкомыхъ было неменьше. Я замѣтилъ много исполинскихъ бабочекъ, потомъ что-то въ родѣ осъ, синихъ, съ шерстью, и съ пятномъ на головѣ. Одна такая, наканунѣ, сидя уже на булавкѣ, въ ящикѣ у Г., прокусила насквозь сигару, которую я ей подставилъ. Бабочки тоже до безконечности разнообразны; есть съ ладонь величиной. Мухи мелкія, простыя, и тѣ отличаются необыкновенной формой и красками.

Мы вышли на поляну, къ шалашамъ индійцевъ и къ ихъ плантаціямъ. Это тѣ же тагалы, что и въ Манилѣ, частью бѣглые, частью добровольно удалившіеся съ Люсона. Всѣ они говорятъ по-испански. Ихъ до двухсотъ человѣкъ на островѣ. Жилища ихъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Ну, жилища! Четыре столба, аршина въ полтора вышиной, на нихъ настилка изъ досокъ, потомъ съ трехъ сторонъ стѣнки изъ бамбуковыхъ жердей, крытыя пальмовыми листьями, четвертая сторона открыта. Тамъ бѣдная утварь, кругомъ куры и собаки. Жители выжгли лѣсъ на далекое разстояніе, для плантацій. Я затерялся между бананами, кукурузой, таро и табакомъ. Бананы великолѣпны, пока еще будущіе плоды не сформировались и таятся въ большой, висящей книзу почкѣ фіолетоваго цвѣта. Листья почки, вскрываясь, принимаютъ красный цвѣтъ, и потомъ, падая, обнаруживаютъ цѣлую кисть плодовъ. Кокосовъ здѣсь я не видалъ. Пальмъ другого рода я видѣлъ много, особенно арека.

Усталый сѣлъ я на пень у шалашей, и смотрѣлъ на веселую рѣчку: она вся усажена кустами, тростникомъ, и разливается широкимъ бассейномъ. Вода, какъ хрусталь, прозрачна. Тутъ наши матросы мыли бѣлье, развѣшивая его по ліанамъ. Одно огромное дерево было опутано ліанами и походило на великана, который простираетъ руки вверхъ, какъ Лаокоонъ, стараясь освободиться отъ сѣтей, но напрасно. Внизу, вокругъ ствола и вдоль, огибали его

и вростали въ дерево толстыя растительныя веревки; кверху онѣ тонки, какъ нитки. К. пробовалъ разорвать одну и не могъ, и насилу разрѣзалъ ножомъ. Птицы такъ и заливались на разные голоса, но онѣ такъ прятались въ тѣни, что я видѣлъ немногихъ. „Ночью спокоя не даютъ, в. в.“, сказалъ матросъ, ночевавшій на берегу: „забьются подъ шалашъ и кричатъ изо всей мочи“. Пронесся надъ нами здѣшній голубь, съ бѣлой головой, зеленоватой спиной, больше нашего. Вороны (я сужу по устройству крыльевъ), напротивъ, меньше нашихъ: синія, голубыя, но съ черными крыльями и съ бѣлыми, симметрическими пятнами на крыльяхъ, какъ и наши.

Съ часъ отдохнули мы въ прохладѣ и пошли назадъ. На этотъ разъ путешествіе по каменьямъ показалось мнѣ пыткой: идешь, идешь, думаешь, вотъ скоро конецъ, взглянешь впередъ, а ихъ цѣлая необозримая площадь. Неумолимый полдень жжетъ; зонтикъ и толстая соломенная шляпа мало защищаютъ. Пойдешь въ тѣнь, подъ деревья— ноги путаются въ ліанахъ. Буруны стѣной, точно войско, шли на берегъ и разбивались у нашихъ ногъ. Издали шумъ отъ нихъ походилъ на громъ. Мы разбрелись врознь, и я, отъ скуки, собиралъ дорогой раковины, оставленныя приливомъ, особенно мелкія, чрезвычайно красивыя. Нѣкоторые изъ нихъ двигались: раки были живы въ нихъ. Неся ихъ, чуть зазѣваешься, раки выползаютъ и щупальцами цѣпляются за руки.

19-е. Сегодня положено обѣдать на берегу. Въ воздухѣ невозмутимая тишина и нестерпимый жаръ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ берегу, тѣмъ сильнѣе пахнетъ гнилью отъ сырыхъ коралловъ, разбросанныхъ по берегу и затопляемыхъ приливомъ. Запахъ этотъ, вмѣстѣ съ кораллами, перенесли и на фрегатъ. Всѣ натащили себѣ ихъ кучи. Ѳаддеевъ приводитъ меня въ отчаяніе: онъ каждый разъ

приноситъ мнѣ раковины; улитки околѣваютъ и гніютъ. Хоть вонъ бѣги изъ каюты!

Уже дня три разсказываютъ, что изъ болотистой рѣчки, недалеко отъ нашихъ палатокъ, появляется ежедневно какое-то животное, аршина два длиной. Вчера оно съѣло мертвую утку. Утки, куры и бараны — всѣ свезены съ фрегата на берегъ. Одна околѣла и досталась животному. „Да какое животное?“ спрашивали у матросовъ. „Съ змѣинымъ хвостомъ, на двухъ ножкахъ“, говорилъ одинъ, „и съ двумя стрѣлками во рту“, сказалъ другой. „Это драконъ, в. в.“, заключилъ, подумавши, одинъ унтеръ-офицеръ. „Дня три мы ужъ караулимъ его, да все схватить нельзя: часто, да ненадолго выходитъ. Сегодня удалось только ударить его весломъ по спинѣ. Теперь сидитъ тамъ Михелька Кернъ, скотникъ, съ ружьемъ“.

Я побѣжалъ къ рѣчкѣ, сунулся-было въ двухъ мѣстахъ, да чрезъ лѣсъ продраться нельзя: папоротники и толстые стволы краснаго дерева стояли стѣной, а ліаны раскинуты какъ сѣти. Матросъ указалъ мнѣ тропинку и я подошелъ къ рѣчкѣ. Въ одномъ мѣстѣ она образовала бассейнъ, заваленный пнями, увядшими вѣтвями и сухими листьями. Сквозь кусты я увидѣлъ человѣка, неподвижно стоявшаго съ ружьемъ. „Что ты тутъ дѣлаешь?“ спросилъ я. „Жду дракона, в. в.“, почти не дыша прошепталъ онъ. Близъ него валялись двѣ утки, одна съ выѣденнымъ желудкомъ; кругомъ ея тучей носились и жужжали мухи, лакомыя до падали; другая была еще не тронута; на ней-то Михелька Кернъ основывалъ свои надежды. И я сталъ съ нимъ ждать. Но какъ ему обѣщали награду, если онъ дождется, а мнѣ ничего, то я потерялъ терпѣніе и выдрался опять на чистое мѣсто, къ палаткамъ.

У одной изъ нихъ собралась толпа нашихъ и кого-то окружила. Я удвоилъ шаги, смотрю, въ кружкѣ стоитъ

Г. и держитъ что-то въ рукахъ. „Что это у васъ?“ спросилъ я. „А вотъ смотрите“, отвѣчалъ онъ и поднесъ мнѣ къ самому носу ящерицу, въ аршинъ длиной. Переднія и заднія лапы связаны были у ней ліаной на спинѣ. Она болѣзненно мигала и по временамъ высовывала и мгновенно опять прятала длинный, тонкій языкъ. „Такъ вотъ кто ѣстъ утокъ!“ сказалъ я. „Нѣтъ, какъ можно: та гораздо больше!“ закричали на меня нѣсколько голосовъ: „и не такая совсѣмъ“, сказалъ кто-то изъ толпы. „Съ крыльями“, прибавилъ матросъ изъ малороссіянъ. Я не сталъ спорить и ушелъ въ палатку. Тамъ негдѣ было ступить: цѣлый музеумъ раковинъ, всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, раковъ, между которыми были нѣкоторые чудовищныхъ размѣровъ и удивительно-яркихъ красокъ, какъ и все здѣсь, подъ этимъ щедрымъ солнцемъ. Тутъ сидѣли три индійца на полу. Они, за платокъ, за старую рубашку, за изношенные башмаки, несли Г-чу все, чѣмъ богата здѣшняя природа. Одинъ тащилъ живую змѣю, другой—мѣшокъ раковинъ, за которыми, съ сѣткой на плечахъ, отправлялся въ буруны, третій птицу, или жука.

Я бросилъ кончикъ закуренной сигары на землю: они съ жадностью схватили ее и начали по очереди курить. Я далъ имъ всѣмъ по сигарѣ: съ какою радостью и поклонами приняли они подарокъ! Я потомъ захотѣлъ полежать на доскѣ, внѣ палатки: они бросились услуживать, отирать доску, подставлять подъ нее камешки.

Какъ ни привыкъ глазъ смотрѣть на эти берега, но всякій разъ, оглянешь ли кругомъ всю картину лѣсистаго берега, остановишься ли на одномъ деревѣ, кустѣ, рогатомъ стволѣ, невольно трепетъ охватитъ душу, и какъ ни зачерствѣй, заплатишь обильную дань удивленія этимъ чудесамъ природы. Какой избытокъ жизненныхъ силъ! какая дивная работа совершается почти въ глазахъ! какое обиліе

изящнаго творчества пролито на каждую улитку, муху, на кривой сучокъ, одѣтый въ роскошную одежду!

Мы обѣдали въ палаткѣ; запахъ отъ коралловъ такъ силенъ, что почти ѣсть нельзя. Обѣдъ весь состоялъ изъ рыбы: уха, жареная рыба и гомаръ чудовищныхъ размѣровъ и блестящихъ красокъ; но его оставили къ ужину. Шея у него—самаго чистаго, дикаго цвѣта, какъ будто изъ шелковой матеріи, съ коричневыми полосами; спина синяя, двуличневая, съ блескомъ; усы въ четверть аршина длиной, красноватые.

Рыбы здѣсь такъ же разнообразны, блестящи и странны, какъ все прочее. Г-чу принесли ихъ бездну: онѣ нанизаны были на ниткѣ. Какихъ странностей не было тутъ? У одной только и есть что голова, а ротъ такой, что комаръ не пролѣзетъ; у другой одно брюхо, третья вся состоитъ изъ спины, четвертая въ какихъ-то шипахъ, у иной глаза посреди тѣла, въ равномъ разстояніи отъ хвоста и рта; другую примешь съ перваго взгляда за кожаный портмоне, и такъ далѣе. Всѣ онѣ покрыты пестрымъ узоромъ красокъ. Къ десерту подали бананы; нѣкоторые любятъ ихъ, я не могу ѣсть: они мучнисты, приторны, напоминаютъ немного пряники на суслѣ.

Послѣ обѣда всѣ разбрелись: кто купаться къ другой рѣчкѣ, кто брать пелинги по берегамъ, а нѣкоторые остались въ палаткѣ уснуть. Я съ захожденіемъ солнца уѣхалъ домой.

Ѳаддеевъ встрѣтилъ меня съ раковинами. „Отстанешь ли ты отъ меня съ этою дрянью?“ сказалъ я, отталкивая ящикъ съ раковинами, который онъ, какъ блюдо съ устрицами, поставилъ передо мной. „Извольте посмотрѣть, какія есть хорошія“, говорилъ онъ, выбирая изъ ящика, то рогатую, то красную, то синюю съ пятнами. „Вотъ эта, вотъ эта; а эта какая славная!“ И онъ сунулъ мнѣ къ носу. Отъ

ней запахло падалью. „Что это такое?“—„Это я чистилъ: тамъ улитки были“. сказалъ онъ, „да видно прокисли“.— „Вонъ, вонъ! неси къ Г.!“

Сегодня всѣ перебираются съ берега: работы кончены на фрегатѣ, шкалы подняты и фокъ-мачту какъ будто зашнуровали. Въ лѣсу нарубили деревьевъ, все, разумѣется, красныхъ, для будущихъ какихъ-нибудь починокъ. Съ берега забираютъ барановъ, утокъ, куръ; не знаю, заберутъ ли дракона, или онъ останется на свободѣ доѣдать трупы утокъ.

Третьяго дня бросали съ фрегата, въ устроенный на берегу щитъ, ядра, бомбы и брандскугели. Завтра, снявшись, хотятъ повторить то же самое. чтобъ видѣть дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ, въ случаѣ встрѣчи съ англичанами.

Какъ ни привыкнешь къ морю, а всякій разъ, какъ надо сниматься съ якоря, переживаешь минуту скуки: недѣли, иногда мѣсяцы подъ парусами—не удовольствіе, а необходимое зло. Въ продолжительномъ плаваніи и сны перестаютъ сниться береговые. То снится, что лежишь на окнѣ каюты, на аршинъ отъ кипучей бездны, и любуешься узорами пѣны, а другой бокъ судна поднялся сажени на три отъ воды; то видишь въ туманѣ какой-нибудь новый островъ. хочется туда, да рифы мѣшаютъ...

Сегодня два событія, слѣдовательно два развлеченія: китъ зашелъ въ бухту и игралъ у береговъ, да наши куры, которыхъ свезли на берегъ, разлетѣлись, штукъ сто. Странно: способность летать вдругъ въ нѣсколько дней развилась въ лѣсу такъ, что не было возможности поймать ихъ; онѣ летали по деревьямъ, какъ лѣсныя птицы. Нѣтъ сомнѣнія. что если онѣ одичаютъ, то пріобрѣтутъ всѣ способности для летанья, когда-то, вѣроятно, утраченныя ими въ порабощенномъ состояніи.

Снялись съ якоря, вышли попутнымъ вѣтромъ, и только отошли мили три, какъ подулъ противный. Пошли въ бокъ,

потомъ въ другой—лавируемъ. Третьяго дня прошли Батанъ, вчера утромъ были въ группѣ сѣверныхъ острововъ Баши, Байетъ и друг.: сегодня другой день штиль; идемъ узелъ, два. Слава Богу, что облачно, а то бы жаръ былъ невыносимъ. Скоро ли дойдемъ—Богъ вѣсть: кто сулитъ двѣ недѣли, кто шесть. Утромъ еще я говорилъ, ходя по юту съ П.: „скучно, хоть бы случилось что-нибудь, чтобъ развлечься немного". Судьба какъ будто услышала мой ропотъ и дала намъ спектакль, возможный только въ тропическихъ моряхъ, даже довольно-обыкновенный тамъ, но всегда занимательный. Объ этомъ писали такъ много разъ, что я не хотѣлъ ничего упоминать, если бъ не былъ такимъ близкимъ свидѣтелемъ, почти участникомъ зрѣлища.

Мы только что отобѣдали, я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи, пока принесутъ огня. Капитанъ сидѣлъ въ креслѣ: жàрко, дверь и окна были открыты. Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ наверху, надъ нашими головами, сдѣлалось какое-то движеніе, суматоха; люди засуетились и затопали. Капитанъ поспѣшилъ, по своей обязанности, вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобъ узнать, что̀ такое случилось, да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не трогался съ мѣста; но вдругъ слышу, многіе голоса кричатъ на ютѣ: „ташши, ташши!" а другіе: „нѣтъ, стой! не ташши, оборвется!"

Я бросился къ окну и вижу, на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна впсѣла надъ водой пойманная, на толстый, пальца въ полтора, крюкъ, акула. Крюкъ вонзился ей въ верхнюю челюсть: она, отъ боли, открыла ротъ настежь. Мнѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами.

Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась, отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ то спиной, то брюхомъ. Спина у ней темносиняго цвѣта, съ фіолетовымъ отливомъ, а брюхо ярко-бѣлое, точно густо-окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно, какъ будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть себя хорошенько: только большіе, черные, круглые глаза сильно ворочались, конечно отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы, двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія рыбы, прозванныя „лоцманами“. Иногда ихъ плаваетъ съ нею по три и по четыре. Вдругъ акула зашевелилась, затряслась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно.

Я съ жадностью смотрѣлъ на это зрѣлище, за которое, Богъ знаетъ, что̀ дали бы въ Петербургѣ. Я былъ, такъ сказать, въ первомъ ряду зрителей, и если бъ дѣйствующимъ лицомъ было не это тупое, крѣпко-обтянутое непроницаемой кожей рыло, одаренное только способностью глотать, то я могъ бы читать малѣйшее ощущеніе страданія и отчаянія на сколько-нибудь болѣе органически развитой физіономіи.

Отъ тяжести акулы и отъ усилій ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ понемногу разгибаться, веревка затрещала. Еще одно усиліе со стороны акулы—веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть. „Держи! держи! ташши скорѣе!“ раздавалось между тѣмъ у насъ надъ головой. „Нѣтъ, постой ташшить!“ кричали другіе, „оборвется; давай конецъ!“ (*Конецъ* — веревка, которую бросаютъ съ судна шлюпкамъ, когда пристаютъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ).

Акула пока отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти, виднѣлись кости челюсти, потомъ блѣднорозовое мясо, а далѣе пустое, темное пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу. „Вотъ такъ, вотъ такъ!“ кричали одобрительно голоса наверху; „подъ крылья-то подцѣпи ей!“ (Подъ крыльями матросы разумѣли плавательные ласты, которые, формой и величиной, въ самомъ дѣлѣ походятъ на крылья). Только лишь зацѣпили за крылья, акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху. Тутъ она собрала всѣ силы и начала изгибаться и хлестать хвостомъ по воздуху, о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, что̀ было на пути. Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому что конецъ хвоста попалъ и въ окно.

Но ничто не спасло ее, часъ ея пробилъ. „Прочь, прочь!“ кричали на ютѣ, втаскивая туда акулу. Раздался тревожный топотъ людей, потомъ паденье тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары въ палубу.

Мы съ К. бросились къ двери, чтобъ бѣжать на ютъ, но, отворивъ ее, увидѣли, что матросы кучей отступили отъ юта, ожидая, что акула сейчасъ упадетъ на шканцы. Какъ выскочить? Ну, ежели она въ эту минуту... Но любопытство преодолѣло; мы выскочили и вбѣжали на ютъ.

Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступались. А. А. К. схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти—хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножомъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда Б. Ш. взялъ гандшпугъ (это, почти въ руку толщиной, деревянный колъ, которымъ ворочаютъ пушки) и воткнулъ ей въ пасть: гандшпугъ ушелъ туда чуть не

весь. Пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перевернули на спину и веревками привязали къ гику.

Мы толпой стояли вокругъ, матросы тѣснились тутъ же, другіе взобрались на ванты, всѣ наблюдали, не обнаружитъ ли акула признаковъ жизни, но признаковъ не было. „Нѣтъ, ужъ кончено“, говорили нѣкоторые: „она вся изранена и издохла“. Другіе, напротивъ, сомнѣвались и приводили примѣры живучести акулъ, и именно, что онѣ иногда, черезъ три часа послѣ мнимой смерти, судорожно откусывали руки и ноги неосторожнымъ.

Велѣли смыть съ палубы кровь. Явились матросы, съ водой и швабрами. Послѣ того одинъ изъ насъ взялъ топоръ и началъ рубить у акулы понемногу ласты, другой ножомъ дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надрѣзы, такъ, изъ любознательности, посмотрѣть, толста ли кожа и что̀ подъ ней. Пришелъ нашъ любитель-натуралистъ, присѣлъ около акулы и началъ щупать кожу, разсматривать подробно голову, глаза. Колъ изъ пасти вынули и полили окровавленную морду водой. Многіе, кому наскучило смотрѣть, разошлись. Пора бы убрать ее. Веревки развязали, перевернули акулу опять на животъ и хотѣли нести прочь. Кто-то вздумалъ еще поскоблить ножомъ ей спину: вдругъ она встрепенулась, хлестнула хвостомъ направо, налѣво: всѣ отскочили прочь; одинъ матросъ не успѣлъ, и ему достались два порядочные туза: одинъ по икрамъ, другой повыше... Онъ слетѣлъ съ ногъ; всѣ захохотали и снова принялись укрощать звѣря.

Но это не такъ легко было сдѣлать теперь, когда сняли съ него веревки и вынули изъ пасти колъ. Истерзанная, исколотая, съ висящими внутренностями, акула билась о палубу, извивалась змѣей, быстро и сильно описывала хвостомъ круги и все подвигалась къ краю. Никто не рѣшался подступить. Это было послѣднее благопріятное мгновеніе,

которымъ она могла воспользоваться. Еще одинъ изгибъ, одинъ взмахъ хвоста посильнѣе, пока ходили за гандшпугомъ и топоромъ, она полетѣла бы за бортъ, и по крайней мѣрѣ околѣла бы въ своей стихіи. Но она на минуту притихла, а наши снова принялись за колъ и топоръ. „Бей ее по головѣ:“ кричали голоса, „да береги ноги: прочь, прочь!“

Ближе всѣхъ около нея вертѣлся тотъ матросъ, котораго она угостила двумя пинками. Онъ разсердился, или боль еще отъ пинковъ не прошла, только онъ съ коломъ гонялся за акулой, стараясь ударить ее по головѣ и забывая, что онъ былъ босикомъ и что ноги его чуть не касались пасти. Но взмахи хвоста были такъ порывисты, что попасть въ голову было трудно и удары все приходились по спинѣ, а это ей, повидимому, ни почемъ. Наконецъ матросу удалось попасть два раза и въ голову: акула измѣнила только направленіе, но все изгибалась и ползла такъ же скоро и сильно, какъ и прежде. Другой ударилъ топоромъ ниже головы: животное присмирѣло и поползло медленнѣе. „Руби голову, руби голову!“ кричали ему. Матросъ нанесъ другой ударъ: она сильно рванулась впередъ: онъ ударилъ въ третій разъ: она рванулась еще, но слабѣе. „Нѣтъ, теперь шабашъ!“ сказалъ онъ, отдѣляя четвертымъ ударомъ голову отъ туловища. Но и то не шабашъ: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабѣе и слабѣе, а голова судорожно шевелила челюстями. Въ туловище воткнули гандшпугъ и унесли. Всѣ разошлись.

Этимъ спектаклемъ ознаменовалось наше прощаніе съ тропиками, изъ которыхъ мы выходили въ то время и куда болѣе уже не возвращались.

Вечеромъ, идучи къ адмиралу пить чай, я остановился надъ люкомъ общей каюты посмотрѣть, съ чѣмъ это большая сковорода стоитъ на столѣ. „Не хотите ли попробовать жареной акулы?“ спросили сидѣвшіе за столомъ. „Нѣтъ“.—

„Ну, такъ ухи изъ нея?“—„Вы шутите“, сказалъ я, „развѣ она годится?“ „Отлично!“ отвѣчали нѣкоторые. Но я послѣ узналъ, что тѣ именно и не дотрогивались до „отличнаго“ блюда, которые хвалили его.

Кожа акулы очень цѣнится столярами для полировки дерева; кромѣ того, ею обиваютъ разныя вещи; въ Японіи обтягиваютъ сабли. Мнѣ одинъ японецъ подарилъ маленькій баулъ, обтянутый кожей акулы; очень красиво, похоже немного на тисненный сафьянъ. Мнѣ показали потомъ маленькую рыбку, въ четверть аршина величиной, найденную прилипшею къ спинѣ акулы и одного цвѣта со спиной. У насъ попросту называли ее „прилипалой“. На одной сторонѣ ея былъ виденъ оттискъ шероховатой кожи акулы.

Вчера, 25 марта, видѣли китолова: топитъ печь, для выварки жира изъ пойманнаго кита. Пламя и дымъ далеко видны, какъ на пожарѣ. Сегодня вышли изъ тропиковъ, но все жарко. Зато штиль смѣнился попутнымъ вѣтромъ: летимъ до одиннадцати узловъ. Что еще? да! обезьяна упала за бортъ и въ одно мгновеніе исчезла въ волнахъ. Ихъ всѣхъ три у насъ. Сегодня въ сумерки летала около фрегата какая-то птица, описывая круги все ближе и ближе. Видно, что она была утомлена и, вѣроятно, не надѣялась добраться домой. Два раза опускалась она въ шлюпку и опять улетала. Я ходилъ съ К. по юту. Птицы не стало видно. Вдругъ видимъ, ее несетъ уже къ намъ матросъ, сжавъ ей одной рукой шею, другой ноги. Птица оказалась „глупышъ“, родъ морской утки, никуда негодной. Ее велѣли отнести къ Г.; тотъ отравляетъ животныхъ мышьякомъ и потомъ потрошитъ. Я возсталъ, назвавъ это предательствомъ, т.-е. относительно глупыша: онъ искалъ убѣжища, а его хотятъ умертвить! Не слѣдуетъ. Пока его заперли въ курятникъ. Завтра, можетъ-быть, выпустятъ.

29 марта. Мы плаваемъ, плаваемъ, и все еще около

трехсотъ миль остается до Гамильтона, маленькаго корейскаго острова, съ удобнымъ портомъ, гдѣ назначено рандеву шкунѣ. То дунетъ попутный вѣтеръ и мы пронесемся миль двѣсти впередъ, то настанетъ штиль, идемъ по три узла. Теперь вотъ третій день льетъ проливной дождь; выйти на *улицу* (такъ мы называли верхнюю палубу) нельзя. Зато тихо. Я радъ, что могу заняться дѣломъ. Стало замѣтно холоднѣе, какъ мы подвигаемся къ сѣверу, и дождь не южный, не лѣтній. Всѣ достаютъ суконныя платья.—Вчера матросъ поймалъ въ жилой палубѣ ядовитѣйшее изъ тропическихъ насѣкомыхъ—centipes, стоножку. Она красновата, длиной вершка полтора, суставчатая; у ней, однакожъ, не сто ногъ, а всего двадцать четыре. Сначала я думалъ, что эта шея рака. Укушеніе ея, если не принять скорыхъ мѣръ, смертельно. Она страшна людямъ; большія животныя бѣгутъ отъ нея; а ей самой страшенъ цыплёнокъ: онъ, завидѣвъ стоножку, бѣжитъ къ ней, начинаетъ клевать и съѣдаетъ всю, оставляя однѣ ноги.

У насъ, впрочемъ, есть всего понемножку, и особенно много развелось таракановъ; мы, вѣроятно, ихъ захватили въ Манилѣ, или на Камигуинѣ. А теперь вотъ налетѣло къ намъ, въ туманъ и дождь, множество ласточекъ. Онѣ пробирались къ сѣверу, изъ жаркихъ мѣстъ въ умѣренныя. Непогода и ночь захватили ихъ далеко въ морѣ и онѣ стаей долго кружились около фрегата, каждый разъ все ближе и ближе, наконецъ сѣли, обезсиленныя, на палубу, въ шлюпки, на снастяхъ. Ихъ набрали множество и на другой день большую часть выпустили, накормивъ тараканами. Было довольно ясно; онѣ кружились весело около фрегата и мало-по-малу исчезли. Тутъ же показались и воробьи: этимъ посыпали на шлюпку крупы; они наѣлись и улетѣли!

Но дунулъ холодъ, свѣжій вѣтеръ, и стоножки, тараканы—все исчезло. Взяли три рифа, а сегодня, 31-го марта

утромъ, и четвертый. Гротъ взяли на гитовы и поставили грот-трисель. NO дуетъ съ холодомъ: вдругъ изъ тропиковъ, черезъ пять дней—чуть не въ морозъ! Нѣтъ и 10° тепла. Стихаетъ—слава Богу!

Мы въ шестидесяти миляхъ отъ Нагасаки; и туда дуетъ попутный вѣтеръ: но намъ не расчетъ заходить теперь: надо прежде идти на Гамильтонъ.

4-е апрѣля. Наконецъ, 2-го апрѣля, пришли и на Гамильтонъ. Шкуна была ужъ тамъ, а транспорта, который посланъ въ Шанхай, еще нѣтъ. Я вышелъ на ютъ, когда стали становиться на якорь, и смотрѣлъ на берегъ. Портъ, говорятъ наши моряки, очень удобный, а береговъ почти нѣтъ. Островишка весь три мили, скалистый, въ каменьяхъ, съ тощими кое-гдѣ кустиками и рѣденькими группами деревьевъ. „Это все камеліи“, сказалъ К., командиръ шкуны: „матросы камеліями парятся въ банѣ, устроенной на берегу“. Нѣкоторые изъ нашихъ тотчасъ поѣхали на берегъ. Я видѣлъ его издали—не заманчиво и я не торопился на него. Кое-гдѣ надъ сонными водами маленькихъ бухтъ жались въ кучу хижины корейцевъ. Видны были только соломенныя крыши, да изрѣдка кое-гдѣ бродили жители, всѣ въ бѣломъ, какъ въ саванахъ. Наконецъ намъ довелось увидѣть и этотъ послѣдній, принадлежащій къ крайне восточному циклу, народъ.

Корею, въ политическомъ отношеніи, можно было бы назвать самостоятельнымъ государствомъ; она управляется своимъ государемъ, имѣетъ свои постановленія, свой языкъ: но государи ея, достоинствомъ равные степени королей, утверждаются на престолѣ китайскимъ богдыханомъ. Этимъ утвержденіемъ только и выражается зависимость Кореи отъ Китая, да развѣ еще тѣмъ, что изъ Кореи ѣздятъ до двухсотъ человѣкъ ежегодно въ Китай поздравить богдыхана съ новымъ годомъ. Это похоже на

зависимость отдѣленнаго сына, живущаго своимъ домомъ, отъ дома отца.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мало свѣдѣній о внутреннемъ состояніи и управленіи Кореи, о богатствѣ и произведеніяхъ страны, о нравахъ и обычаяхъ жителей.—О. А. сказывалъ мнѣ только, что обычай утвержденія корейскаго короля китайскимъ богдыханомъ до сихъ поръ соблюдается свято. Посланные изъ Кореи являются въ Пекинъ съ подарками и съ просьбою утвердить новаго государя. Богдыханъ обыкновенно утверждаетъ и, принявъ подарки, отдариваетъ посланныхъ гораздо щедрѣе. Впрочемъ, онъ не вмутывается въ ихъ дѣла. Когда однажды корейское правительство донесло китайскому, что оно велѣло прибывшимъ къ берегамъ Кореи, какимъ-то европейскимъ судамъ, кажется, англійскимъ, удалиться, въ подражаніе тому, какъ поступило съ этими же судами китайское правительство, богдыханъ приказалъ объявить корейцамъ, что „ему дѣла до нихъ нѣтъ и чтобы они распоряжались, какъ хотятъ".

Еще извѣстно, что китайцы и корейцы уговорились оставить нѣкоторое количество земель между обоими государствами незаселенными, чтобъ избѣжать близкаго между собою сосѣдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ поводовъ къ непріятнымъ столкновеніямъ и несогласіямъ обоихъ народовъ.

Когда наша шлюпка направилась отъ фрегата къ берегу, мы увидѣли, что изъ деревни бросилось бѣжать множество женщинъ и дѣтей къ горамъ, со всѣми признаками боязни. При выходѣ на берегъ, мужчины толпой старались не подпускать нашихъ къ деревнѣ, удерживая за руки и за полы. Но имъ написали по-китайски, что женщины могутъ быть покойны, что русскіе съѣхали затѣмъ только, чтобъ посмотрѣть берегъ и погулять. Корейцы уже не мѣшали ходить, но только старались удалить нашихъ отъ деревни.

Черезъ часъ наши воротились и привезли съ собой

двухъ стариковъ, повидимому, старшинъ. За ними вслѣдъ пріѣхала корейская лодка, похожая на японскую, только безъ разрубленной кормы, съ другими тремя или четырьмя стариками и множествомъ простого, босоногаго, нечесаннаго и неопрятнаго народа. Непростой и непростой народъ— всѣ были одѣты въ бѣлые бумажные, или травяные (grass-cloth) широкіе халаты, подъ которыми надѣты были другіе, замѣнявшіе бѣлье; кромѣ того, на всѣхъ надѣто было что-то въ родѣ шароваръ изъ тѣхъ же матерій, какъ халаты, у высшихъ бѣлые и чистые, а у низшихъ бѣлые, но грязные. На нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, были свѣтло-желтые, или синіе халаты.

Сандаліи у нихъ похожи на японскія, у однихъ тростниковыя, или соломенныя, у другихъ бумажныя. Всего замѣчательнѣе головной уборъ. Волосы они зачесываютъ, какъ ликейцы, со всѣхъ сторонъ кверху въ одинъ пучокъ, на который надѣваютъ шляпу. Что за шляпа! Тулья у ней такъ мала, что только и покрываетъ пучокъ, зато поля широки, какъ зонтикъ. Шляпы дѣлаются изъ какого-то тростника, сплетеннаго мелко, какъ волосъ, и въ самомъ дѣлѣ похожи на волосяныя, тѣмъ болѣе, что онѣ черныя. Трудно догадаться, зачѣмъ имъ эти шляпы? Онѣ прозрачны, не защищаютъ головы ни отъ дождя, ни отъ солнца, ни отъ пыли. Впрочемъ много шляпъ и другихъ формъ и видовъ: есть и мочальныя, и колпаки изъ морскихъ растеній.

Я очень пристально вглядывался въ лица нашихъ гостей: какъ хотите, а это все дѣти одного семейства, т.-е. китайцы, японцы, корейцы и ликейцы. Китайское семейство, какъ старшее и болѣе многочисленное, играетъ между ними первенствующую роль. Ошибиться въ этомъ сходствѣ трудно. Тогда какъ при первомъ взглядѣ на малайцевъ, напримѣръ, ни за что не причтешь ихъ къ одному племени

съ этими четырьмя народами. Корейцы болѣе похожи на ликейцевъ, но только тѣ малы, а эти, напротивъ, очень крупной породы. Они носятъ бороду; она у нихъ большею частью длинная и жесткая, какъ будто изъ конскаго волоса; у однихъ она покрываетъ щеки и всю нижнюю часть лица, у другихъ, напротивъ, растетъ на самомъ подбородкѣ. Многіе носятъ большія очки въ мѣдной оправѣ, съ тесемкой вокругъ головы. Кажется, они носятъ ихъ не отъ близорукости, а отъ глазной болѣзни. Въ толпѣ я замѣтилъ множество страждущихъ глазами.

Въ 1786 году появилось въ Едо сочиненіе японца *Ринсифе*, подъ заглавіемъ: *Главное обозрѣніе трехъ царствъ*, ближайшихъ къ Японіи — *Кореи*, *Лю-цю* (Лю-чу) и *Есо* (Матсмая). Клапротъ какъ-то досталъ сочиненіе, обогатилъ разными прибавленіями изъ китайскихъ географій и перевелъ на французскій языкъ. Между прочимъ тамъ о корейцахъ сказано: „корейцы роста высокаго и сложенія гораздо крѣпче японцевъ и китайцевъ и другихъ народовъ. Замѣчено, что кореецъ ѣстъ вдвое больше японца. Корейцы отличаются лукавствомъ, лѣностью, упрямствомъ и не любятъ *усилій*“.

Гостей посадили за столъ и стали подчивать чаемъ, хлѣбомъ, сухарями и ромомъ. Потомъ завязалась съ ними живая, письменная бесѣда на китайскомъ языкѣ. Они такъ проворно писали, что глаза не поспѣвали слѣдить за кистью.

Прежде всего они спросили „какіе мы варвары, сѣверные или южные?“ А мы имъ написали, чтобъ они привезли намъ куръ, зелени, рыбы, а у насъ взяли бы деньги за это, или же ромъ, полотно и тому подобные предметы. Старикъ взялъ эту записку, надулся, какъ пѣтухъ, и съ комическою важностью, съ амфазомъ, нараспѣвъ, началъ декламировать написанное. Это отчасти напоминало мѣрное пѣніе нашихъ нищихъ о Лазарѣ. Потомъ, прочитавъ, старикъ напи-

салъ по-китайски въ отвѣтъ, что „*почтенныхъ* куръ у нихъ нѣтъ". А неправда: наши видѣли куръ.

Прочіе между тѣмъ ѣли хлѣбъ и пили чай. Одинъ пальцемъ полѣзъ въ масло, другой, откусивъ кусочекъ хлѣба, совалъ остатокъ кому-нибудь изъ насъ въ ротъ. Третій выпилъ двѣ рюмки голаго рома, одну за другою, и не поморщился. Прочіе трогали насъ за платье, за бѣлье, за сапоги, гладили рукой сукно, которое, повидимому, очень нравилось имъ. Особенно обратили они вниманіе на бѣлизну нашей кожи. Они брали насъ за руки и не могли отвести отъ нихъ глазъ, хотя у самихъ руки были слегка смуглы и даже чисты, то-есть у высшаго класса. У простого, рабочаго народа—другое дѣло: какъ вездѣ.

Старику повторили, что мы не даромъ хотимъ взять провизію, а вотъ за такія-то вещи. Онъ прочиталъ опять названіе этихъ вещей, поглядѣлъ на насъ немного, потомъ сказалъ: „пудди". Что это значитъ: нельзя? не хочу? Его попросили написать слово это по-китайски. Онъ написалъ: вышло „не знаю". Думали, что онъ не понялъ, и показали ему кусокъ коленкора, ромъ, сухари: „пудди, пудди", твердилъ онъ. Обратились къ другому, бойкому и рябому корейцу, который съ удивительнымъ проворствомъ писалъ по-китайски. Онъ прочиталъ записку и, сосчитавъ пальцемъ всѣ слова въ запискѣ, которыми означались матерія, хлѣбъ, водка, сказалъ: „пудди".

Передали записку третьему. „Пудди, пудди", твердилъ тотъ задумчиво. О. А. пустился въ новыя объясненія: старикъ долго и внимательно слушалъ, потомъ вдругъ живо замахалъ рукой, какъ будто догадался, въ чемъ дѣло. „Ну, понялъ наконецъ", обрадовались мы. Старикъ взялъ о. А. за рукавъ и, схвативъ кисть, опять написалъ „пудди". „Ну, видно не хотятъ дать", рѣшили мы, и къ нимъ уже не приставали.

Вообще они грубѣе видомъ и пріемами японцевъ и ликейцевъ, несмотря на то, что у всѣхъ одна цивилизація— китайская. Впрочемъ, мы въ Кореѣ не видали людей высшаго класса. Говоря о бытѣ этихъ народовъ, упомяну мимоходомъ, между прочимъ о существенной разницѣ, во внутреннемъ убранствѣ домовъ китайскихъ, съ домами прочихъ трехъ народовъ. Китайцы въ домахъ у себя имѣютъ мебель, столы, кресла, постели, табуреты, скамеечки и проч., тогда какъ прочіе три народа сидятъ и обѣдаютъ на полу. Оттого эти, чтобъ не запачкать пола, который служитъ имъ вмѣстѣ и столомъ, при входѣ въ комнаты, снимаютъ туфли, а китайцы нѣтъ.

Корейцы увидѣли образъ Спасителя въ каютѣ; и когда, на вопросъ ихъ, „кто это", успѣли кое-какъ отвѣчать имъ, они встали съ мѣстъ своихъ и начали низко и благоговѣйно кланяться образу. Между тѣмъ набралось на фрегатъ около ста человѣкъ корейцевъ, такъ что принуждены были больше не пускать. Долго просидѣли они и наконецъ уѣхали.

Довольно бы и этого. Однако нужно было хоть разъ съѣздить на берегъ, ступить ногой на корейскую землю. Вчера насъ человѣкъ шесть, семь, отправились въ катерѣ къ одной изъ деревень. У двоихъ изъ насъ были ружья стрѣлять птицъ, третій взялъ пару пистолетовъ. На берегу густая толпа сжалась около насъ, стараясь отклонить отъ деревни. Но мы легко раздвинули ихъ, давъ знать, что цѣль наша была только пройти черезъ деревню въ поля, на холмы. Видя, что съ нами нечего дѣлать, они предпочли вести насъ добровольно, нежели предоставить намъ бродить, гдѣ вздумается. Мы все хотѣли идти внутрь села, а они вели насъ по окраинамъ. Впрочемъ, у насъ у самихъ тотчасъ же пропала охота углубляться въ улицы, шириною въ два шага.

Мы шли между двухъ заборовъ, грубо сложенныхъ изъ неровныхъ камней, безъ всякаго цемента. Изъ-за заборовъ

видны были только соломенныя крыши и больше ничего. Какая разница въ этихъ заборахъ съ постройками этого рода у ликейцевъ! Тамъ тщательность, терпѣніе, порядокъ и искусство; здѣсь лѣнь, небрежность и неумѣнье. Должно-быть, корейцы въ самомъ дѣлѣ не любятъ „усилій“. Когда мы пытались заглянуть за заборъ, или входили въ ворота— какой шумъ поднимали корейцы! Они даже удерживали насъ за полы, а иногда и толкали довольно грубо. Но за это ихъ били по рукамъ и они тотчасъ же смирялись и походили на собакъ, которыя идутъ сзади прохожихъ, сгорая желаніемъ укусить, да не смѣютъ.

Они успокоились, когда мы вышли черезъ узенькіе переулки въ поле и стали подниматься на холмы. Большая часть послѣдовала за нами. Они стали тутъ очень услужливы, указывали удобныя тропинки, рвали намъ цвѣты, показывали хорошіе виды.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ пшеницей и ячменемъ: кое-гдѣ, но очень мало, виденъ былъ рисъ, да кусты камелій, а то все утесы и камни. Все обнажено и смотритъ бѣдно и печально. Немудрено, что жители не могли дать намъ провизіи: едва-ли у нихъ столько было у самихъ, чтобъ не умереть съ голоду. Они мочатъ и ѣдятъ морскую капусту, выбрасываемую приливомъ, также ракушки. Сегодня привезли намъ десятка два рыбъ, четыре боченка воды, да старикъ вынулъ изъ-за пазухи свертокъ бумаги, съ сушеными трепангами (родъ морскихъ слизняковъ, съ шишками). Ему подарили кусокъ синей бумажной матеріи и примочку для сына, у котораго болятъ глаза.

Погулявъ по сѣверной сторонѣ островка, гдѣ есть двѣ красивыя, какъ два озера, бухты, обсаженныя деревьями, мы воротились въ село. Охотники наши застрѣлили дорогой три, или четыре птицы. Въ селѣ на берегу разостланы были цыновки; на нихъ сидѣли два старика, бывшіе уже у

насъ, и пригласили сѣсть и насъ. Почти всѣ жители села сбѣжались смотрѣть на рѣдкихъ гостей.

Они опять подробно осматривали насъ, трогали платье, волосы, кожу на рукахъ; съ меня сняли ботинки, осмотрѣли ихъ, потомъ чулки, зонтикъ, фуражку. Разговоръ шелъ по-китайски, письменно, чрезъ о. Л. и Г. „Сколько вамъ лѣтъ?“ спрашивали они кого-нибудь изъ нашихъ. „Лѣтъ 30—40“, отвѣчали имъ. „Помилуйте“, заговорили они: „мы думали, вамъ лѣтъ 60 или 70“. Это крайне—восточный комплиментъ. „Вамъ должно быть лѣтъ 80, вы мнѣ годитесь въ отцы и въ дѣды“—сказать такъ, значитъ польстить. Они, между прочимъ, спросили, долго ли мы останемся. „Если долго“, сказали они, „то мы, по закону нашей страны, обязаны угостить васъ, отъ имени правительства, обѣдомъ“. Совершенно какъ у японцевъ; но имъ отвѣчали, что чрезъ два дня мы уйдемъ и потому угощенія ихъ принять не можемъ.

Въ толпѣ я видѣлъ одного корейца, съ четками въ рукахъ: кажется, буддійскій бонзъ. На головѣ у него мочальная шапка.

5-е апрѣля. Вчера случилась маленькая непріятность. Трое изъ нашихъ отправились на берегъ. Толпа корейцевъ окружила ихъ и не пускала идти отъ берега далѣе. Они грозили имъ и даже толкали ихъ въ ровъ. Наши воротились на фрегатъ, но отправились обратно уже въ сопровожденіи вооруженныхъ матросовъ; надо было прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Сегодня старикъ пріѣхалъ рано утромъ и написалъ предлинное извиненіе, говоря, что онъ огорченъ случившимся; жалѣетъ, что мы не можемъ указать виновныхъ, что ихъ бы наказали весьма строго; просилъ не сердиться и оправдывался незнаніемъ корейцевъ о томъ, что̀ дѣлается „внутри четырехъ морей“, т.-е. на бѣломъ свѣтѣ. Его и товарищей, бывшихъ съ нимъ, угостили чаемъ, водкой и сухарями, простились съ ними надолго, если не навсегда.

Въ самомъ дѣлѣ, имъ неоткуда знать, что дѣлается „внутри четырехъ морей“ Европейцы почти не посѣщали Корею. Послѣдній былъ здѣсь Бельчеръ, кажется, въ 1842 году. Это отважный путешественникъ и бойкій писатель: онъ живо описываетъ свои путешествія. Онъ два раза обошелъ вокругъ земли и теперь странствуетъ въ полярныхъ странахъ. Путешествія его—рядъ приключеній, одно занимательнѣе другого. Чего съ нимъ не было? Никто столько не выдерживалъ штормовъ: въ ураганъ онъ долженъ былъ срубить въ Гон-Конгѣ мачты; гдѣ-то на Борнео его положило на бокъ, и онъ, недѣли въ три, безъ посторонней помощи, всталъ опять. Это настоящій морской волкъ. Кромѣ того, онъ увлекательно разсказываетъ свои приключенія. Онъ всюду совался съ своимъ фрегатомъ; между прочимъ заходилъ и въ Корею, описалъ островокъ Гамильтонъ, былъ на сосѣднемъ большомъ островѣ Квельпартъ, гдѣ, говоритъ онъ, есть города, крѣпости и большое народонаселеніе. Кругомъ насъ по горизонту вездѣ разбросаны острова. Корейскій архипелагъ неисчислимъ. Корея еще представляетъ обширную, почти нетронутую почву, для мореходцевъ, купцовъ, миссіонеровъ и ученыхъ.

Наконецъ мы, болѣе или менѣе, видѣли четыре націи, составляющія почти весь крайній востокъ. Съ однѣми имѣли ежедневныя и важныя сношенія, съ другими познакомились поверхностно, у третьихъ были въ гостяхъ, на четвертыхъ мимоходомъ взглянули. Всѣ четыре народа принадлежатъ къ одному семейству, если не по происхожденію, какъ увѣряютъ нѣкоторые, производя, напримѣръ, японцевъ отъ курильцевъ, то по воспитанію, этому второму рожденію, по культурѣ, потомъ по нравамъ, обычаямъ, отчасти языку, вѣрѣ, одеждѣ и такъ далѣе.

Всѣ эти народы образуютъ одну общую физіономію, характеръ, складъ ума, словомъ, общую нравственную жизнь

въ главныхъ ея чертахъ, но съ безчисленными оттѣнками, которыми одинъ народъ отличается отъ другого. Но что это за физіономія! что за жизнь! Я съ бо́льшей отрадой смотрѣлъ на каффровъ и негровъ въ Африкѣ, на малайцевъ по островамъ Индійскаго океана, но съ глубокой тоской слѣдилъ въ китайскихъ кварталахъ за общимъ потокомъ китайской жизни, наблюдалъ подробности и попадавшіяся мнѣ ближе личности, слушалъ разсказы другихъ, бывалыхъ и знающихъ людей. Каффры, негры, малайцы— нетронутое поле, ожидающее посѣва; китайцы и ихъ родственники японцы—истощенная, непроходимо-заглохшая нива. Китайцы старшіе братья въ этой семьѣ; они надѣлили цивилизаціею младшихъ. Вы знаете, что такое эта цивилизація, на чемъ она остановилась, какъ одряхлѣла и разошлась съ жизнью и парализуетъ до сихъ поръ всѣ силы огромнаго народонаселенія юговосточной части азіатскаго материка съ японскими островами.

Что можетъ оживить эту истощенную почву? какія новыя силы нужно, чтобъ вновь дать броженіе огромной, перегнившей массѣ силъ? Вспомните, сколько различныхъ элементовъ столпилось на нашемъ маленькомъ европейскомъ материкѣ, когда старые соки перебродились, сколько новыхъ жилъ открылось и впустило туда свѣжей и молодой крови? Теперь посмотрите, какая работа кипитъ ближе къ намъ, чтобъ растолкать уснувшій и обезсилѣвшій Востокъ, отъ Босфора до Аравійскаго залива. Что это передъ здѣшней массой народонаселенія? Однако работа начинается, но трудная, и пока неблагодарная. Она началась выбрасываніемъ старыхъ, сгнившихъ корней, сорныхъ травъ.

Нельзя было Китаю жить долѣе, какъ онъ жилъ до сихъ поръ. Онъ не шелъ, не двигался, а только конвульсивно дышалъ, павъ подъ бременемъ своего истощенія. Нѣтъ единства и цѣлости, нѣтъ условій органической государственной

жизни, необходимой для движенія такого огромнаго цѣлаго. Политическое начало не скрѣпляетъ народа въ одно нераздѣльное тѣло, присутствіе религіи не согрѣваетъ тѣла внутри.

У китайцевъ нѣтъ національности, патріотизма и религіи—трехъ началъ, необходимыхъ для непогрѣшительнаго движенія государственной машины. Есть китайцы, но націи нѣтъ; въ ихъ языкѣ нѣтъ даже слова *отечество*, какъ сказывалъ мнѣ одинъ нашъ синологъ.

Все это странно, хотя не совсѣмъ ново, если вспомнить браминскую Индію и языческій Египетъ: они одряхлѣли, и надо было занять имъ силъ и жизни у другихъ, какъ истощенному полю нужно перемѣнить посѣвъ. Вы знаете, что сдѣлалось или что дѣлается съ Индіей: подъ какимъ посѣвомъ и какъ трудно возраждается это поле для новыхъ всходовъ, и Египетъ тоже. Китай дряхлѣе ихъ обоихъ и, слѣдовательно, еще менѣе подаетъ надежды на возрожденіе самъ собой. Напутствованные на жизнь немногими, скоро оскудѣвшими при развитіи жизненныхъ началъ, нравственными истинами, китайцы едва достигли отрочества и состарѣлись. Въ нихъ успѣло развиться и закоренѣть индивидуальное и семейное начало и не дозрѣло до жизни общественной и государственной, или если и созрѣло когда-нибудь, то, можетъ-быть, затерялось въ безграничномъ размноженіи народной массы, дѣлающемъ невозможною—ни государственную, ни какую другую централизацію.

Послѣ семейства, китаецъ преданъ кругу частныхъ своихъ занятій. Нигдѣ такъ не примѣнима русская пословица: „до Бога высоко, до царя далеко", какъ въ Китаѣ, нужды нѣтъ, что богдыханъ собственноручно запахиваетъ каждый годъ однажды землю, экзаменуетъ ученыхъ и т. п. Китайцы знаютъ, что это шутка, и что между правительствомъ и народомъ лежитъ бездна. Законовъ правда множество, а исполнителей ихъ еще больше, но и это опять-таки шутка.

комедія, сознательно разыгрываемая обѣими сторонами. Законы давно умерли, до того розошлись съ жизнію, что мѣсто ихъ заступила цѣлая система, своего рода тарифъ оплаты за отступленія отъ законовъ. Оттого, китаецъ дѣлаетъ, что хочетъ: если онъ чиновникъ, онъ беретъ взятки съ низшихъ и даетъ самъ ихъ высшимъ; если онъ солдатъ, онъ беретъ жалованье и лѣнится и съ поля сраженія бѣгаетъ: онъ не думаетъ, что онъ служитъ, чтобы воевать, а чтобъ содержать свое семейство. Купецъ знаетъ свою лавку, земледѣлецъ—поле и тѣхъ, кому сбываетъ свой товаръ. Всѣ они дѣйствуютъ безъ соображеній о цѣлости и благѣ государства, оттого у нихъ нѣтъ ни корпорацій, нѣтъ никакихъ общественныхъ учрежденій, оттого у нихъ такая склонность къ эмиграціи. Провинціи мало сообщаются между собою; дорогъ почти нѣтъ, за исключеніемъ рѣкъ и нѣсколькихъ каналовъ. Если надо везти товаръ, купецъ нанимаетъ людей и кое-какъ прокладываетъ себѣ тропинку. Затѣмъ уже китайцы равнодушны ко всему. На лицѣ апатія, или мелкія будничныя заботы. Да и о чемъ заботиться? Двигаться впередъ не нужно: все готово...

Отъ Бога китайцы еще дальше, нежели отъ царя. Послѣдователи древней китайской религіи не смѣютъ молиться небеснымъ духамъ: это запрещено. Молится за всѣхъ богдыханъ. А буддисты нанимаютъ молиться бонзъ и затѣмъ уже сами въ храмы не заглядываютъ.

Въ наукѣ и искусствѣ отразилась та же мелочность и неподвижность. Ученость съ-поконъ-вѣка одна и та же: истины написаны разъ, выучены и не измѣняются никогда. У ученыхъ перемололся языкъ: они впали въ дѣтство и стали посмѣшищемъ у простого, живущаго безъ ученыхъ, а только здравымъ смысломъ народа. Художники корпятъ надъ пустяками, вырѣзываютъ изъ дерева, изъ орѣховой скорлупы, свои сады, бесѣдки, лодки, рисуютъ, точно

иглой, цвѣты, да разноцвѣтныя платья, что рисовали пять-сотъ лѣтъ назадъ. Занять иныхъ образцовъ неоткуда. Всѣ собственные источники исчерпаны, и жизнь похожа на однообразный, тихо, по каплѣ льющійся каскадъ, подъ журчанье котораго дремлется, а не живется.

Но я гулялъ по узкой тропинкѣ между Европой и Китаемъ, и видалъ какъ сходятся двѣ руки: одна, рука слѣпца, ищетъ уловить протянутую ей руку зрячаго; я гулялъ между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христіанскими церквами и кумирнями.—Работа кипитъ: одни корабли приходятъ съ экземплярами Новаго Завѣта, курсами наукъ на китайскомъ языкѣ, другіе съ ядами всѣхъ родовъ, отъ самыхъ грубыхъ до тонкихъ. Я слышалъ выстрѣлы; съ обѣихъ сторонъ мѣнялись ядрами. Что будетъ изъ всего этого? Что привьется скорѣе: спасеніе, или ядъ—неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, реформа начинается. Инсургенты уже идутъ тучей возстановлять старую, законную династію, называютъ себя христіанами, очень сомнительными конечно, какими-то эклектиками: но наконецъ поняли они, что успѣхъ возможенъ для нихъ не иначе, какъ подъ знаменемъ христіанской цивилизаціи—и то много значитъ. Они захватили христіанство, и съ востока и съ запада, отъ католическихъ монаховъ, и отъ протестантовъ, и отъ бродягъ, пробравшихся чрезъ азіатскій материкъ.

Японцы народъ болѣе тонкій, и, пожалуй, болѣе развитой, и не мудрено—ихъ вдесятеро меньше, нежели китайцевъ. Притомъ они замкнуты на своихъ островахъ—и для правительственной власти не особенно трудно стройно управлять государствомъ. Тамъ хитро созданная и глубоко обдуманная система государственной жизни несокрушима безъ внѣшняго вліянія. И всѣ зависятъ отъ этой системы, и самая верховная власть. Она первая падетъ, если начнетъ

сокрушать систему. Китайцы заразили и ихъ, и корейцевъ, и ликейцевъ, своею младенчески-старческою цивилизаціею и тою же системою отчужденія, отъ которой сами, живучи на материкѣ, освободились раньше. Японцы надежнѣе китайцевъ къ воздѣланію: если падетъ ихъ система, они быстро очеловѣчатся и теперь сколько залоговъ на успѣхъ! Молодые сознаютъ, что все свое перебродилось у нихъ и требуетъ освѣженія извнѣ.

Японецъ имѣетъ общее съ китайцемъ то, что онъ тоже эгоистъ, но съ другой точки зрѣнія: какъ у того нѣтъ сознанія о государственномъ началѣ, о центральной, высшей власти, такъ у этого, напротивъ, оно стоитъ выше всего: но это только отъ страха. У него сознаніе это происходитъ не изъ свободнаго стремленія содѣйствовать общему благу и проистекающаго отъ того чувства любви и благодарности къ той власти, которая несетъ на себѣ заботы объ этомъ благѣ. Ему просто страшно: онъ всегда боится чего-нибудь: промаха съ своей стороны, или клеветы, и боится неминуемаго, слѣдующаго за тѣмъ наказанія. Онъ знаетъ, что правительственная система дѣйствуетъ непогрѣшительно, что за нимъ слѣдятъ и смотрятъ строго и что ему не избѣжать кары. Китаецъ немного заботится объ этомъ, потому что эта система тамъ давно подорвана равнодушіемъ къ общему благу и эгоизмомъ: тамъ одинъ не боится другого: подчиненный, какъ я сказалъ выше, беретъ подарки съ своего подчиненнаго, а тотъ съ своего, и всѣ дѣлаютъ что̀ хотятъ.

Что касается ликейцевъ, то для нихъ много пятнадцати, двадцати лѣтъ, чтобъ сбросить свои халаты и перемѣнить бамбуковыя палки и вѣера на ружья и сабли и стать людьми, какъ всѣ. Ихъ мало: они слабы: оторвись только отъ Японіи, которой они теперь еще боятся—и все быстро измѣнится, какъ измѣнилось на Сандвичевыхъ островахъ, напримѣръ.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ въ голову, когда, вспоминая читанное и слышанное о Китаѣ, я взглядывался въ житье-бытье этихъ народовъ! Можетъ-быть, синологи, особенно синофилы, возразятъ многое на это, но я не выдаю сказаннаго за непремѣнную истину. Мнѣ такъ казалось...

Завтра снимаемся съ якоря и идемъ на недѣлю въ Нагасаки, а потомъ, мимо корейскаго берега, къ Сахалину и далѣе, въ наши владѣнія. Теперь рано туда: тамъ еще льды. Здѣсь даже, на южномъ корейскомъ берегу, подъ 34 градусомъ широты, такъ холодно, какъ у насъ въ это время въ Петербургѣ, тогда какъ въ этой же широтѣ на западѣ, на Мадерѣ, напримѣръ, въ январѣ прошлаго года было жарко. На то востокъ.

Я забылъ сказать, что 2-го же апрѣля, въ одинъ день съ нами, пришелъ на островъ Гамильтонъ и нашъ транспортъ. Новости изъ Европы все тѣ же, что̀ мы получили и въ Маниллѣ, зато изъ Шанхая много новаго. Я предвидѣлъ, что безъ вмѣшательства европейцевъ не обойдется: такъ и вышло: войска Таутая-Самква надѣлали безпорядковъ. Это куча сволочи безъ дисциплины; скорѣе разбойники, нежели войска. Въ Шанхаѣ стало небезопасно ходить по вечерамъ: изъ лагеря приходили въ европейскій кварталъ кучами солдаты и нападали на прохожихъ: между прочимъ они напали на одного англичанина, который вечеромъ гулялъ съ женой. Они потащили лэди въ лагерь: англичанинъ сталъ защищать жену и получилъ одиннадцать ранъ, между прочимъ одну довольно опасную. Къ нему подоспѣли на помощь другіе европейцы и прогнали негодяевъ. Это подняло на ноги всѣхъ англичанъ, моряковъ и молодыхъ конторщиковъ. Они вооружились винтовками, пистолетами, даже взяли одно орудіе и отправились къ лагерю, бросили въ него нѣсколько гранатъ и многихъ убили.

Потомъ всѣ европейскіе консулы, и американскій тоже, дали знать Таутаю, чтобъ онъ снялъ свой лагерь и перенесъ на другую сторону. Теперь около осажденнаго города и европейскаго квартала все чисто. Но европейцы уже не считаютъ себя въ безопасности: они ходятъ не иначе, какъ кучами и вооруженные. Купцы въ своихъ конторахъ сидятъ за бюро, а подлѣ лежитъ заряженный револьверъ. Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится.

Сегодня хотѣли сняться, да вѣтеръ противный. Мы говѣемъ: теперь страстная недѣля.

Снялись на другой день, 7-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, а 9-го, во второмъ часу, бросили якорь на нагасакскомъ рейдѣ. Переходъ былъ отличный, тихо, какъ въ рѣкѣ. Японцы вѣрить не хотѣли, что мы такъ скоро пришли; а тутъ всего 180 миль разстоянія.

Оппер-баніосъ *Ойе-Саброски* захохоталъ, частью отъ удовольствія, частью отъ глупости, опять увидя всѣхъ насъ. *Кичибе*, попрежнему, присѣдалъ, кряхтѣлъ и заливался истерическимъ смѣхомъ, передавая намъ просьбу нагасакскаго губернатора не подъѣзжать на шлюпкахъ къ батареямъ. Онъ также, на вопросъ нашъ, не имѣетъ ли губернаторъ объявить намъ чего-нибудь отъ своего начальства, сказалъ, что „изъ Едо... отвѣта... nicht erhalten, не получено".

Другой переводчикъ, *Эйноске*, былъ въ Едо и возился тамъ „съ людьми Соединенныхъ Штатовъ". Мы узнали, что эти „люди" ведутъ переговоры мирно: что ихъ точно такъ же провожаютъ въ прогулкахъ лодки и не пускаютъ на берегъ и т. п. Еще узнали, что у нихъ одинъ пароходъ приткнулся къ мели и началъ-было погружаться на рейдѣ; люди уже бросились на японскія лодки, но пробитое отверстіе успѣли заткнуть. Американцы въ Едо не были, а только въ его заливѣ, который мелководенъ, и на судахъ къ столицѣ верстъ за тридцать подойти нельзя.

Между тѣмъ въ Маниллѣ, въ англійской или американской газетѣ, я видѣлъ рисунки домовъ и храмовъ въ Едо, срисованныхъ будто бы офицеромъ съ эскадры Перри, срисованныхъ, забыли прибавить, съ картинокъ Зибольда. Не говорю уже о томъ, какъ раскудахтались газеты объ успѣхахъ американцевъ въ Японіи, о торговомъ трактатѣ. Имъ открыли три порта—это, можетъ-быть, даже вѣроятно, правда: открыли порты для снабженія водой, углемъ, провизіею; но отъ этого до настоящей, правильной торговли еще не одинъ шагъ. Что̀ если бъ мы заголосили о своихъ успѣхахъ въ Японіи и представили ихъ въ квадратѣ? вѣдь вышло бы, что ужъ давно и торгуемъ тамъ.

Провизію губернаторъ рѣшилъ доставлять самъ, а не чрезъ голландцевъ, и притомъ безъ платы; все это затѣмъ, чтобъ доставка провизіи какъ можно менѣе походила на торговлю. Японцамъ страхъ хотѣлось поправить первый свой промахъ; словомъ, онъ хотѣлъ мѣрами своими противъ насъ выслужиться у своего начальства. Это былъ второй губернаторъ, *Мизно Чикогоно ками-сама*, который до сихъ поръ дѣйствовалъ, какъ подъ опекой перваго, *Овосавы Бунгоно ками-сама*. Тотъ уѣхалъ съ полномочными въ Едо, а этому хотѣлось показать, что онъ и одинъ умѣетъ распорядиться. Но ему объявили, что провизію мы желаемъ получать попрежнему, т.-е. съ платою, чрезъ голландцевъ, а если прямо отъ японцевъ, то не иначе, какъ чтобъ и они принимали каждый разъ равноцѣнные подарки.

Такой способъ перепугалъ губернатора, потому что походилъ на мѣновую торговлю непосредственно съ самими японцами. Нечего было дѣлать: его превосходительство прислалъ сказать, что переводчики перепутали—это обыкновенная ихъ отговорка, когда они попробуютъ какую-нибудь мѣру и она не удается — что онъ согласенъ на доставку провизіи голландцами, попрежнему, и проситъ

только принять нѣкоторое количество ея въ подарокъ, за который онъ готовъ взять контр-презентъ. Онъ не упомянулъ ни слова о томъ, что вчера японскія лодки вздумали мѣшать кататься нашимъ шлюпкамъ и стали тѣснить ихъ. Наши отталкивались, пока могли, наконецъ З. врѣзался съ своей шлюпкой въ средину ихъ лодокъ, такъ что у одной отвалился носъ, который и былъ привезенъ на фрегатъ.

Ночью въ первомъ часу пріѣхалъ Ойе-Саброски объясниться по этому случаю.

Нагасаки на этотъ разъ смотрѣли какъ-то печально. Зелень на холмахъ блѣдная, на деревьяхъ тощая, да и холодно, нужды нѣтъ что апрѣль, холоднѣе, нежели въ это время бываетъ даже у насъ, на сѣверѣ. Мы начинаемъ гулять въ легкихъ пальто, а здѣсь еще зимній воздухъ, и Кичибе вчера сказалъ, что теплѣе будетъ не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ.

Сегодня 11-е апрѣля—Пасха; была служба какъ слѣдуетъ: собрались къ обѣднѣ со всѣхъ трехъ судовъ; потомъ разговѣлись. Выписали яицъ изъ Нагасаки, выкрасили и христосовались. На столѣ появились окорока, ростбифы, куличи—праздникъ, какъ праздникъ, точно на берегу!

12-го апрѣля, кучами возятъ провизію. Сегодня пригласили Ойе-Саброски и переводчиковъ обѣдать, но они, вмѣсто двухъ часовъ, пріѣхали въ пять. Я не видалъ ихъ; говорятъ, ѣли много. Ойе ѣлъ мясо въ первый разъ въ жизни и въ первый же разъ, видя горчицу, вдругъ, прежде нежели могли предупредить его, съѣлъ ея цѣлую ложку: у него покраснѣлъ лобъ и выступили слезы. Губернатору послали четырнадцать аршинъ сукна, мѣдный самоваръ и боченокъ солонины, вмѣсто его подарка. Послѣзавтра хотятъ сниматься съ якоря, идти къ берегамъ Сибири.

14-е. Вчера привезли остальную провизію и прощальные подарки отъ губернатора: зелень, живность и проч.

Японцы пили у адмирала чай. Имъ показывали, какъ употребляютъ самовары, которыхъ подарили имъ нѣсколько.

Вечеромъ наши матросы плясали и пѣли. Съ лодокъ набралось много простыхъ японцевъ, гребцовъ и слугъ: они съ удивленіемъ, разинувъ рты, смотрѣли, какъ двое рулевой, съ русыми, загнутыми кверху усами и строгимъ, неулыбающимся лицомъ, и другой, съ черными бакенбардами, пожилой боцманъ, съ гремушками въ рукахъ, плясали долго и неистово, какъ будто работали трудную работу. Одинъ, уставъ, останавливался, какъ вкопанный: другой въ ту жъ минуту начиналъ припрыгивать, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, глядя внизъ и переставляя ноги, одну вмѣсто другой, потомъ быстро падалъ и прыгалъ въ присядку, изрѣдка вскрикивая; хоръ пѣлъ: прочіе всѣ молча и серьезно смотрѣли. Японцы не отходили. По окончаніи, и они также молча, безъ улыбки, разошлись, какъ и самые пѣвцы и плясуны.

15-е. Вчера одинъ японецъ увидѣлъ у меня сигарочницу изъ манилльской соломы: онъ долго любовался ею. Я предложилъ ее въ подарокъ ему; онъ сначала отнѣкивался, потомъ, по моему настоянію, взялъ и положилъ за пазуху. Мы съ П. удивились, какъ это онъ рѣшился взять, да еще при другихъ. Но скоро перестали удивляться: воротясь въ каюту, мы нашли сигарочницу на диванѣ, на которомъ сидѣли японцы. Скучный народъ: нельзя ничего спросить— соврутъ, или промолчатъ. Заболѣлъ Кичибе и не пріѣхалъ. Мы спросили, чѣмъ онъ боленъ. Сынъ его сказалъ, что у него желудокъ разстроенъ, другой японецъ—что голова болитъ, третій—ноги, а самъ онъ на другой день сказалъ, что у него болѣло горло: и въ самомъ дѣлѣ онъ кашлялъ. Первое движеніе у нихъ, когда ихъ о чемъ-нибудь спросишь, не сказать, второе—солгать, какъ у Талейрана, который не совѣтовалъ слѣдовать первому движенію сердца, потому что

оно иногда бываетъ хорошо. Мы спросили разъ: какой у нихъ первый по торговлѣ городъ?—„Осаки“ отвѣчали они, второй „Ясико“ (на запад. берегу Нифона), третій „Міако“, четвертый... Вдругъ они спохватились, что ужъ и такъ много сказали, и робко замолчали. Сталъ я показывать Саброски стереоскопъ: „Хочешь видѣть японскій пейзажъ? спросилъ я его чрезъ переводчика, смѣсью нѣмецкаго, англійскаго и голландскаго языковъ, и показалъ какой-то, взятый, кажется, изъ Зибольда видъ. „Фирандо, Фирандо!“ съ удивленіемъ замѣтилъ переводчикъ *Гейстра*, или иначе *Нарбайоси 1-й*. Фирандо—мѣстечко, гдѣ прежде торговали португальцы и испанцы; оно лежитъ западнѣе Нагасаки. Ойе, съ сердцемъ, быстро что-то проговорилъ ему и тотъ боязливо замолчалъ. Всюду, и въ мелочахъ, систематическая ложь и скрытность, основанная на постоянномъ страхѣ, чтобъ не проложили пути въ Японію. Мнѣ все слышится отвѣтъ французскаго епископа, когда говорили въ Маниллѣ, что Японія скоро откроется: à coups des canons, messieurs, à coups des canons“, замѣтилъ онъ.

Сегодня опять японцы взяли контрпрезенты и уѣхали. Мы въ эту минуту снимаемся съ якоря. Шкуна идетъ дѣлать опись ближайшимъ къ Японіи островамъ, потомъ въ Шанхай, а мы къ берегамъ Сибири: но прежде, кажется, хотятъ зайти къ корейскимъ берегамъ. Транспортъ идетъ съ нами. Въ Едо послано письмо, съ приглашеніемъ полномочнымъ прибыть въ Аниву, для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Я забылъ сказать, что губернаторъ ужасно обрадовался, когда объявили ему, что мы уходимъ. Онъ, съ радости, прислалъ въ подарокъ отъ себя множество картофелю, рыбы, лакированный столъ и ящикъ. Его отдарили столовыми часами. Но всего важнѣе былъ ему подарокъ, когда, уходя, послали сказать, что идемъ не въ Едо. „Скоро ли вороти-

тесь домой?“ спросилъ меня Ойе. Ему хотѣлось поймать меня врасплохъ. „Когда кончатся дѣла въ Японіи“, отвѣчалъ я. „А вы когда въ Едо, къ женѣ?“ — „Не знаю, не назначено“, сказалъ онъ. Лжетъ: вѣрно знаетъ и часъ, и день, и минуту своего отъѣзда; но нельзя сказать правды, а почему — вотъ этого онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ не знаетъ. Лганье не приноситъ японцамъ никакой пользы, потому что имъ въ возвратъ лгутъ еще больше; иначе нельзя. Только лишь мы пришли, они приступили съ разспросами: гдѣ мы были, откуда теперь, на какіе берега выходили и т. п. Имъ сказали, что были на Лю-чу, да въ Батанѣ. И вотъ они давай искать, гдѣ это Батанъ, и вчера сознались, что не могутъ найти на картѣ и просятъ показать. На генеральныхъ картахъ этотъ островъ не названъ по имени; вся группа называется общимъ именемъ Баши. Имъ показали на морской картѣ. Они срисовали фигуру острова, затѣмъ конечно, чтобъ подробно донести въ Едо. Итакъ взаимной лжи конца не будетъ. Видя ихъ подозрительность и старинную ненависть къ испанцамъ, имъ не сказали, что мы были въ Манилѣ: Богъ знаетъ, какое заключеніе вывели бы они о нашемъ посѣщеніи Люцона.

Третьяго дня однакожъ, говоря о городахъ, они, не знаю какъ, опять проговорились, что Ясико или Есико, лежащій на западномъ берегу о. Нифона, одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ въ Японіи: что находящійся противъ него островокъ Садо изобилуетъ неистощимыми минеральными богатствами. Адмиралъ хочетъ теперь же, дорогой, заглянуть туда.

16-е. Вотъ ужъ другія сутки огибаемъ острова Гото, съ окружающими ихъ каменьями. Дѣлаютъ опись берегамъ, но теченіе мѣшаетъ: относитъ въ сторону. Не даромъ у китайцевъ есть поговорка: „хороши японскіе товары, да трудно обойти Гото“. Особенно для ихъ судовъ — это задача. Всѣхъ острововъ Гото, кажется, пять.

Штиль, погода прекрасная: ясно и тепло; мы лавируемъ подъ берегомъ. Наши на Гото пеленгуютъ берега. Вдали видны японскія лодки; на берегахъ никакой растительности. Множество красной икры, точно толченый кирпичъ, пятнами покрываетъ въ разныхъ мѣстахъ море. Икра эта сіяетъ по ночамъ нестерпимымъ фосфорическимъ блескомъ. Вчера свѣтъ такъ былъ силенъ, что изъ-подъ судна какъ будто вырывалось пламя; даже на парусахъ отражалось зарево; сзади кормы стелется широкая огненная улица; кругомъ темно; невстревоженная вода не свѣтится.

18-е. Прошли островъ Чу-сима. Съ него въ хорошую погоду видно и на корейскій и на японскій берега. Кое-гдѣ плавали рыбацкія лодчонки, больше ничего не видать; нѣтъ жизни, все мертво на этихъ водахъ. Японцы говорятъ, что корейцы рѣдко, только случайно, заходятъ къ нимъ, съ товарами, или за товарами.

А какое бы раздолье для европейской торговли и мореплаванія здѣсь, при этой близости Японіи отъ Кореи и обѣихъ странъ отъ Шанхая! Корея отъ Японіи отстоитъ, гдѣ миль на сто, гдѣ дальше, къ сѣверу, на сто семьдесятъ пять, на двѣсти, т.-е. на сто семьдесятъ пять, на триста и на триста пятьдесятъ верстъ, а отъ Японіи до Шанхая семьсотъ съ небольшимъ верстъ. Изъ Англіи въ Японію почта можетъ ходить въ два мѣсяца, чрезъ Ост-Индію. Скоро ли же и эти страны свяжутся въ одну цѣпь и будутъ посылать въ Европу письма, товары и т. п.? Что за жизнь кипѣла бы тутъ, въ этихъ заливахъ, которыми изрѣзаны японскіе берега на Нипонѣ и на Чусимѣ, дай только волю морскимъ націямъ!

Сегодня, 19-го, штиль вдругъ превратился почти въ штормъ: сначала налетѣлъ отъ NO шквалъ, потомъ задулъ постоянный, свѣжій, а наконецъ и крѣпкій вѣтеръ, такъ что у марселей взяли четыре рифа. Качка сдѣлалась какая-то странная, діагональная, очень непріятная: и

привычныхъ къ морю немного укачало. Меня все-таки нѣтъ, но голова немного заболѣла, можетъ-быть, отъ этого. Вечеромъ и ночью стало тише.

Вчера и сегодня, 20 и 21-го, мы шли верстахъ въ двухъ отъ корейскаго полуострова въ 36° широты. На ютѣ дѣлали опись ему: а смотрѣть нечего: все пустынные берега, кое-гдѣ покрытые скудной травой и деревьями. Видны изрѣдка деревни: тамъ такія же хижины и такъ же жмутся въ тѣсную кучу, какъ на Гамильтонѣ. Кое-гдѣ по берегу бродятъ жители. На морѣ много лодокъ, должно-быть, рыбацкія.

Часовъ въ пять вечера стали на якорь въ бухтѣ. Говорятъ, карты корейскаго берега—а ихъ всего одна, или двѣ—невѣрны. И въ самомъ дѣлѣ вдругъ передъ нами къ сѣверу выросъ берегъ, а на картѣ его нѣтъ. Ночью признано неудобнымъ идти далѣе у неизвѣстныхъ береговъ, и мы остановились до разсвѣта. Вѣтеръ былъ попутный къ сѣверу; погода теплая и солнечная. Одинъ изъ нашихъ катеровъ приставалъ къ берегу: жители забѣгали, засуетились, какъ на Гамильтонѣ, и сдѣлали такой же пріемъ, т.-е. собрались толпой на берегъ, съ дубьемъ, чтобъ не пускать, и разступились, когда увидѣли у нѣкоторыхъ изъ нашихъ ружья. Они написали на бумагѣ по-китайски: „что̀ за люди? какого государства, города, селенія? куда идутъ?“ На катерѣ никто не зналъ по-китайски и написали имъ по-русски имя фрегата, годъ, мѣсяцъ и число. Жители знаками спрашивали, не за водой ли мы пришли. Отвѣчали, что нѣтъ. Такъ и разошлись.

25-е. Корейскій берегъ, да и только. Опись продолжается, мы ужъ въ 39° широты; могли бы быть дальше, но вѣтра̀ двое сутки были противные и качали насъ попустому на одномъ мѣстѣ. Берега скрывались въ туманѣ. Вчера вдругъ показались опять.

Про Корею пишутъ, что, отъ сильныхъ холодовъ зимой

и отъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ, она безплодна и бѣдна. Кажется такъ, по крайней мѣрѣ берега подтверждаютъ это какъ нельзя больше. Берегъ съ 37° пошелъ гористый; вдали видны громады пиковъ, одинъ другого выше, съ такими сморщенными лбами, что смотрѣть грустно. По вершинамъ кое-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ или песокъ: ближайшій къ морю берегъ низменъ, песчанъ, пустъ; зелень—скудная трава; мѣстами кусты; кое-гдѣ лѣпятся деревеньки; у береговъ уныло скользятъ изрѣдка лодки: вѣрно добываютъ дневное пропитаніе, ловятъ рыбу, трепанговъ, моллюсковъ.

Сегодня вдругъ одна изъ лодокъ направилась къ намъ. На ней сидѣло человѣкъ семь корейцевъ, всѣ въ своихъ грязно-бѣлыхъ халатахъ, надѣтыхъ на такія же куртки, или камзолы. На всѣхъ были того же цвѣта шаровары на ватѣ; одинъ въ шляпѣ. Издали мы заслышали ихъ крики. Имъ дали знать, чтобъ они вошли на палубу: но когда они вошли, то мы и не рады были посѣщенію. Объясниться съ ними было нельзя: они не умѣли ни говорить, ни писать по-китайски, да къ тому же еще всѣ пьяны. Матросы кучей окружили ихъ и дѣлали разныя замѣчанія, глядя на ихъ халаты и собранные въ пучокъ волосы. „Хуже Литвы!“ слышу я, говоритъ одинъ матросъ. „Чего Литвы: хуже черкесъ!“ возразилъ другой: „этакая, подумаешь, нація!“ Имъ дали сухарей и они уѣхали. Одинъ изъ нихъ, уходя, обнялъ и поцѣловалъ О. А. Г., который пробовалъ-было объясниться съ ними по-китайски. Мы засмѣялись, а бѣдный Осипъ Антоновичъ не зналъ, какъ стереть слѣды непрошенной нѣжности.

У насъ идетъ дѣятельная повѣрка карты Броутона, путешествовавшаго въ концѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ Ванкуверомъ, только на другомъ суднѣ. Ванкуверъ описывалъ западные берега Америки. Броутонъ ходилъ у азіатскаго материка. Онъ разбился у острововъ Меджико-Сима,

близъ Лукейскихъ острововъ, спасся и былъ хорошо принятъ жителями. Карта его невѣрна: безпрестанно надо поправлять, такъ что фигура Кореи должна значительно измѣниться противъ обыкновенно показываемой до сихъ поръ на картахъ. Искали все глубокой, показанной у Броутона бухты, но подъ той широтой, подъ которой она у него назначена, не нашли. Зато вчера, сѣвернѣе противъ карты, открылся большой заливъ. Входя въ него, не подозрѣвали, до какой степени онъ великъ. Онъ весь уставленъ островками. По мѣрѣ того, какъ мы двигались, открывались все новые, меньшіе заливы: глубина вездѣ прекрасная. Войдя въ средину залива, въ шхеры, мы бросили якорь. Моря уже не видать: оно со всѣхъ сторонъ заперто берегами: отъ волненія безопасно, а бассейнъ огромный. Здѣсь помѣстятся цѣлые военные и купеческіе флоты. Со всѣхъ сторонъ глядятъ на насъ мысы, тамъ и сямъ видны маленькіе побочные заливы, скалы, и кое-гдѣ брошенные въ одиночку голые камни. Все это немного похоже на Нагасаки, только берега не такъ зелены и не такъ унылы, какъ кажутся издали. Зелень, кажущаяся мили за двѣ, за три, скуднымъ мохомъ, оказалась вблизи деревьями и кустами. Много зеленыхъ посѣвовъ, кое-гдѣ деревеньки, то на скатахъ горъ, то у отмелей, близъ самыхъ береговъ.

Сегодня, часу въ пятомъ послѣ обѣда, мы вшестеромъ поѣхали на берегъ, взяли съ собой самоваръ, неводъ и ружья. Наконецъ мы ступили на берегъ, на которомъ вѣроятно никогда не была нога европейца. Миссіонерамъ сюда забираться было незачѣмъ: далеко и пусто. Броутонъ говоритъ или о другой бухтѣ, или, если и заглянулъ сюда, то на берегъ, повидимому, не выходилъ, иначе бы онъ опредѣлилъ его вѣрно.

Шлюпка наша остановилась у подошвы высокихъ холмовъ, на песчаной отмели. Тутъ, на шестахъ, раскинуты

были сѣти для рыбы: текла рѣчка аршина въ два шириною. Весь берегъ усѣянъ раковинами. Кромѣ сосны, около деревень росли разныя деревья, которыхъ я до сихъ поръ нигдѣ еще не видалъ. У одного зелень была не зеленая, а пепельнаго цвѣта, у другого слишкомъ зеленая, какъ у молодого лимоннаго дерева, потомъ были какія-то, совсѣмъ голыя деревья, съ изсохшимъ сѣрымъ стволомъ, съ изсохшими сучьями, какъ у проклятой смоковницы, но на этомъ сѣромъ стволѣ и сучьяхъ росли другіе, посторонніе кусты, самой свѣжей весенней зелени. Красиво, но и странно: неестественность, натяжка, точно нарумяненная и разряженная старуха.

Къ сожалѣнію, съ нами не было никого изъ нашихъ любителей-натуралистовъ и некого было спросить объ этихъ деревьяхъ. Мы шли по вязкому песку прилива къ хижинамъ, которыя видѣли подъ деревьями. Жители между тѣмъ собирались вдали толпой; четверо изъ нихъ, и между прочимъ одинъ старикъ, съ длиннымъ посохомъ, сѣли рядомъ на травѣ и, кажется, готовились къ церемоніальной встрѣчѣ, къ рѣчамъ, привѣтствіямъ, или чему-нибудь подобному. Всѣ младенцы человѣчества любятъ напыщенность, декораціи и ходули. Но мы, бѣгло взглянувъ на нихъ и кивнувъ имъ головой, равнодушно прошли дальше по берегу, къ деревнѣ. Какими варварами и невѣжами сочли они насъ! Они забыли всякую важность и бросились вслѣдъ за нами съ крикомъ и, повидимому, съ бранью, показывая знаками, чтобъ мы не ходили къ деревнямъ; но мы и не хотѣли идти туда, а дошли только до горы, которая заграждала намъ путь къ берегу.

Мы видѣли, однакожъ, что хижины были обмазаны глиной, не то, что въ Гамильтонѣ; видно зима не шутитъ здѣсь; а теперь, пока было жарко такъ, что мы сняли сюртуки и шли въ жилетахъ, но все нестерпимо, хотя солнце клони-

лось уже къ западу. Корейцы шли за нами. Рослый, здоровый народъ, атлеты, съ грубыми, смугло-красными лицами и руками: безъ всякой изнѣженности въ манерахъ, безъ изысканности и вкрадчивости, какъ японцы, безъ робости, какъ ликейцы, и безъ смышлёности, какъ китайцы. Славные солдаты вышли бы изъ нихъ: а они заражены китайскою ученостью и пишутъ стихи! О. А. написалъ имъ на бумажкѣ по-китайски, что мы, русскіе, вышли на берегъ погулять и трогать у нихъ ничего не будемъ. Одинъ изъ нихъ прочиталъ и самъ написалъ вопросъ: „русскіе люди, за какимъ дѣломъ пришли вы въ наши края, по волѣ вѣтровъ, на парусахъ? и все ли у васъ здорово и благополучно? Мы люди низшіе, второстепенные, видимъ, что вы особые, высшіе люди". И все это въ стихахъ.

Я ушелъ съ Б. К. впередъ и не знаю, что имъ отвѣчали. Корейцы окружили насъ тотчасъ, лишь только мы остановились. Они тоже, какъ жители Гамильтона, разсматривали съ большимъ любопытствомъ наше платье, трогали за руки, за голову, за ноги, и живо бормотали между собою.

Между тѣмъ наши закинули неводъ и поймали одну камбалу, одну морскую звѣзду и одинъ трепангъ. Вдругъ подулъ сильный норд-вестъ и повѣялъ такимъ холодомъ и такъ быстро смѣнилъ зной, что я едва успѣлъ надѣть сюртукъ. Горы покрылись разорванными клочьями облаковъ, вода закипѣла, волны глухо зашумѣли.

Около насъ во множествѣ летали по взморью огромныя утки, красноносые кулики, чайки, голуби и много мелкой дичи. То тамъ, то сямъ раздавались выстрѣлы и къ вечеру за ужиномъ явилось лишнее и славное блюдо. Я подумывалъ однакожъ, какъ бы воротиться поскорѣе на фрегатъ: приготовленій къ чаю никакихъ еще не было, а солнце ужъ закатывалось. У насъ не было ничего, кромѣ сюртуковъ, а

холодъ насталъ такой, что въ-пору одѣться въ мѣхъ. По лугу паслись лошади, ростомъ съ жеребятъ, между тѣмъ это не жеребята, а взрослыя. Мы видѣли слѣды рогатаго скота, колеи телѣгъ: видно, что корейцы домовитые люди.

Я пошелъ берегомъ къ барказу, который ушелъ за мысъ, почти къ морю, такъ что пришлось идти версты три. Вскорѣ ко мнѣ присоединились Б. Ш. и Г., у котораго въ сумкѣ шевелилось что-то живое: ужъ онъ успѣлъ набрать всякой всячины; въ рукахъ онъ несъ пучокъ цвѣтовъ и травы.

Наконецъ завидѣли барказъ и пришли, когда онъ подымалъ уже верпъ и готовился отвалить. Мы были по крайней мѣрѣ верстахъ въ трехъ отъ фрегата. Луна взошла, но туманъ былъ такъ силенъ, что фрегатъ то пропадалъ изъ глазъ, то вдругъ появлялся; не разъ мы его совсѣмъ теряли изъ виду и тогда правили по звѣздамъ, но и тѣ закрывались. Мы плыли въ облакѣ, которое неслось съ неимовѣрной быстротою, закрывая горы, берега, воду, наконецъ небо и луну. Сырость ужасная: фуражки и сюртуки были мокрые. На берегу мелькнулъ яркій огонь: упрямые товарищи наши остались пить чай.

Полтора часа тащились мы домой. Съ какимъ удовольствіемъ усѣлись потомъ около чайнаго стола въ каютѣ! Тутъ Г-чу торжественно принесли змѣю, такую большую, какой, за исключеніемъ удавовъ, мы не видали: аршина два длины и толстая. Она шевелилась въ жестяномъ ящикѣ; ее хотѣли пересадить оттуда въ большую стеклянную банку со спиртомъ; она долго упрямилась, но когда выгнали, то и сами не рады были: она вдругъ заскользила по полу и ее поймали съ трудомъ. Матросъ нашелъ ее въ кустѣ, на которомъ сидѣли еще австь и сорока. Зачѣмъ они собрались—неизвѣстно, можетъ-быть, разыгрывали какую-нибудь ненаписанную Крыловымъ басню.

28-е. Сегодня туманъ не позволилъ дѣлать промѣровъ и

осматривать берега. Зато корейцевъ цѣлая толпа у насъ. Мнѣ видно изъ своей каюты, какія лица сдѣлали они, когда у насъ заиграла музыка. Одинъ, услышавъ фортепіано въ каютѣ, растянулся, отъ удивленія, на полу.

Съ 1-го мая. *Японское море и берегъ Кореи.*

Наши съѣзжали всякій день для измѣренія глубины залива, а не то такъ поохотиться; поднимались по рѣкамъ внутрь, верстъ на двадцать, искали города. Я не участвовалъ въ этихъ прогулкахъ: путешествіе—это книга; въ ней останавливаешься на тѣхъ страницахъ, которыя больше нравятся, а другіе пробѣгаешь только для общей связи. „Какъ, новыя, неизслѣдованныя мѣста: да это находка! скоро совсѣмъ не будетъ такихъ мѣстъ“, скажутъ мнѣ. И слава Богу, что не будетъ. Скучно съ этими дѣтьми. Притомъ корейцы не совсѣмъ новость для насъ. Я выше сказалъ, что они моральную сторону заняли у китайцевъ; не знаю, кто далъ имъ вещественную. Увидишь одну, двѣ деревни, одну, двѣ толпы—увидишь и все: тѣ же тѣсныя кучи хижинъ, съ вспаханными полями вокругъ, тѣ же бѣлые, широкіе халаты на всѣхъ, широкія скулы, носы, похожіе на трефовый тузъ, и клочокъ какъ будто конскихъ волосъ вмѣсто бороды, да разинутые рты и тупые взгляды: пишутъ стихами, читаютъ нараспѣвъ. На чемъ же тутъ долго останавливаться?

Если бъ еще можно было свободно проникнуть въ города, посмотрѣть другихъ жителей, ихъ бытъ, а то не пускаютъ. Въ природѣ нѣтъ никакихъ яркихъ особенностей: мѣстность интересна настолько или *потолику*, сказалъ бы ученый путешественникъ, *поколику* она нова, какъ всякая новая мѣстность.

Одну особенность замѣтилъ я у корейцевъ: на разспросы о положеніи ихъ страны, городовъ, они отвѣчаютъ правду, охотно разсказываютъ, что они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются.

Они назвали заливъ, гдѣ мы стояли, по имени, также и всѣ его берега, мысы, острова, деревни, сказали даже, что здѣсь родина ихъ нынѣшняго короля; еще объявили, что южнѣе отъ нихъ, на день ѣзды, есть мѣсто, мимо котораго мы уже прошли, большое и торговое, куда свозятся товары въ государствѣ. „Какіе же товары?“ спросили ихъ. Хлѣбъ, т.-е. пшеница, рисъ, потомъ металлы: желѣзо, золото, серебро, и много разныхъ другихъ продуктовъ.

Даже на наши вопросы, можно ли привезти къ нимъ товары на обмѣнъ, они отвѣчали утвердительно. Сказали ли бы все это японцы, ликейцы, китайцы?—ни за что. Видно корейцы еще не научены опытомъ, не жили внѣшнею жизнью и не успѣли выработать себѣ политики. Да лучше, если бъ и не выработали: скорѣе и легче переступили бы неизбѣжный шагъ къ сближенію съ европейцами и къ перевоспитанію себя.

Впрочемъ, мы видѣли только поселянъ и земледѣльцевъ; высшіе классы и правительство конечно имѣютъ понятіе о государственныхъ сношеніяхъ, слѣдовательно и о политикѣ: они сносятся же съ китайцами, съ японцами и съ ликейцами. Образъ европейскихъ сношеній и жизни конечно имъ извѣстенъ. Здѣсь сказали намъ жители, что о русскихъ и о странѣ ихъ они никогда не слыхивали. Мы не обидѣлись: они не слыхивали и объ англичанахъ, и о французахъ тоже. Да спросите у насъ, въ степи гдѣ-нибудь, любого мужика, много ли онъ знаетъ объ англичанахъ, испанцахъ, или итальянцахъ? не мѣшаетъ ли онъ ихъ подъ общимъ именемъ нѣмцевъ, какъ корейцы мѣшаютъ всѣ народы, кромѣ китайцевъ и японцевъ, подъ именемъ „варваровъ?“ Впрочемъ, корейцы должны имѣть понятіе о насъ, т.-е. не здѣшніе поселяне, а правительство ихъ. Корейцы бываютъ въ Пекинѣ: наши О. А. и Г., видали ихъ тамъ и даже, кажется, по просьбѣ ихъ, что-то выписывали для нихъ изъ Россіи.

Здѣсь же намъ сказали, что въ корейской столицѣ есть что-то въ родѣ японскаго подворья, на которомъ живетъ до трехсотъ человѣкъ японцевъ; они торгуютъ своими товарами. А японцы каковы? На вопросъ нашъ, торгуютъ ли они съ корейцами, отвѣчали, что торгуютъ случайно, когда будто-бы тѣхъ занесетъ бурей къ ихъ берегамъ.

Корейцы называютъ себя, или страну свою, *Чаосинъ* или *Чаусинъ*, а названіе Корея принадлежитъ одной изъ ихъ старинныхъ династій.

Мнѣ кажется, всего бы удобнѣе завязывать сношенія съ ними теперь, когда они еще не закоренѣли въ недовѣрчивости къ европейцамъ и не заперлись отъ нихъ, и когда правительство не приняло сильныхъ мѣръ противъ иностранцевъ и ихъ торговли. А народъ очень склоненъ къ мѣнѣ. Какъ они бросились на стеклянную посуду, на мѣдныя пуговицы, на фарфоръ—на все, что видѣли! На наши суконные сюртуки у нихъ такъ и разбѣгались глаза; они гладили сукно, трогали сапоги. За пустую бутылку охотно отдавали свои огромныя тростниковыя шляпы. Всѣ у насъ намѣняли этихъ шляпъ. Вонъ Ѳаддеевъ и мнѣ вымѣнялъ одну, какъ я ни упрашивалъ его не дѣлать этого, и повѣсилъ въ каютѣ. „У всѣхъ господъ есть, у в. в. только нѣтъ“, упрямо отвѣчалъ онъ и повѣсилъ шляпу на гвоздь. Она заняла цѣлую стѣну. Намѣняли тоже множество трубокъ мѣдныхъ, съ чубуками изъ тростника. Больше имъ нѣчего мѣнять. Требовали отъ нихъ провизіи, но они, подумавъ, опять поподчивали своимъ *пудди*, и привезли только трехъ пѣтуховъ, но ни быковъ, ни барановъ, ни свиней.

Третьяго дня наши ѣздили въ рѣчку и видѣли тамъ какого-то начальника, который пріѣхалъ верхомъ, съ музыкантами. Его потчивали чаемъ, хотѣли подарить сукна, но онъ, поблагодаривъ, отказался, сказавъ, что не смѣетъ принять безъ разрѣшенія высшаго начальства, что у нихъ за-

коны строги и по этимъ законамъ не должно брать подарковъ.

Толпа смѣняла другую съ утра до вечера, пока мы стояли на якорѣ. Какъ еще дѣти натуры, съ примѣсью значительной дозы дикости, они не могли не взглянуть и враждебно на новыхъ пришельцевъ, что̀ и случилось. Третьяго дня вечеромъ корейцы собрались толпой на скалѣ, около которой одинъ изъ нашихъ измѣрялъ глубину, и стали кидать каменья въ шлюпку. По нимъ выстрѣлили холостымъ зарядомъ, но они, повидимому, мало имѣютъ понятія объ огнестрѣльномъ оружіи. Утромъ вчера послали въ ближайшую къ этой скалѣ деревню бумагу, съ требованіемъ объясненія. Они вечеромъ прислали отвѣтъ, въ которомъ просили извиненія, сказали, что кидали каменья мальчишки, „у которыхъ нѣтъ смысла“. Это не правда: мальчишки эти были вершковъ четырнадцати ростомъ, съ бородой, съ волосами, собранными въ густой пучокъ на маковкѣ, а мальчишки у нихъ ходятъ, какъ наши дѣвчонки, съ косой и проборомъ среди головы.

Только лишь прочли этотъ отвѣтъ, какъ вдругъ воротилась партія нашихъ изъ поѣздки въ рѣку, верстъ за десять. Всѣ они были очень взволнованы: имъ грозила большая опасность. На одномъ берегу собралось множество народа; нѣкоторые просили знаками нашихъ пристать, показывая какую-то бумагу, и когда они пристали, то корейцы бумаги не дали, а привели одного мужчину, положили его на землю и начали бить какой-то палкой, въ видѣ лопатки. Послѣ этого положили точно также и того, который билъ лопаткою, и стали бить и его. Наши нашли эту комедію очень глупой и пошли прочь; тогда одинъ изъ битыхъ бросился за ними, схватилъ одного изъ матросовъ и потащилъ въ толпу. Тамъ его стали-было тащить въ разныя стороны, но матросы бросились и отбили. Корейцы стали

нападать и на этихъ, но они, съ такою силою, ловкостью и яростью, схватили нѣсколько человѣкъ и такую задали имъ потасовку, что прочіе отступили. Когда наши стали садиться въ катеръ, корейцы начали бросать каменья и свинчатки, и нѣкоторыхъ ушибли до крови; тогда въ нихъ выстрѣлили дробью, которая назначалась для дичи, и, кажется, одного ранили. Этимъ нѣсколько остановили нападеніе, но корейцы продолжали бросать каменья, пока наши успѣли отвалить.

На другой день рано утромъ отправленъ былъ барказъ и катера, съ вооруженными людьми, къ тому мѣсту, гдѣ это случилось. Изъ деревни всѣ выбрались вонъ, съ женами и съ имуществомъ; остались только старики. Ихъ то и надо было. Отъ нихъ потребовали объясненія о случившемся. Старики, съ поклонами, объяснили, что нѣсколько негодяевъ смутили толпу и что они, старшіе, не могли унять, и просили, чтобы на нихъ не взыскали, „отцы за дѣтей не отвѣчаютъ“ и т. п. Они прибавили еще, что виновные ранены, и одинъ даже будто бы смертельно— и уже тѣмъ наказаны. Дѣлать съ ними нечего, но положено отдать въ первомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановимся, для отсылки въ ихъ столицу, бумагу о случившемся.

Сегодня, часу во второмъ пополудни, мы снялись съ якоря и вотъ теперь покачиваемся легонько въ морѣ. Ночь лунная, но холодная, хоть бы и въ Россіи въ пору.

Я забылъ сказать, что большой заливъ, который мы только что покинули, описавъ его подробно, назвали, въ честь покойнаго адмирала Лазарева, его именемъ.

5 мая. *Японское море; Корейскій берегъ.* Мы только что сегодня вступили въ 41° широты, и то двинулъ насъ внезапно подувшій попутный вѣтеръ. Идемъ все подлѣ берега; опись продолжается. Корея кончается въ 43 градуса. Тамъ начинается маньчжурскій берегъ. Сегодня, съ кочующихъ

по морю лодокъ, опять набралось на фрегатъ куча корейцевъ. Я не выходилъ; ко мнѣ въ каюту заглянули двѣ-три косматыя головы и смугло-желтыя лица. Крику, шуму! Когда у насъ всѣ четыреста человѣкъ матросовъ въ дѣйствіи, наверху такого шуму нѣтъ. Одинъ укралъ у П. серебряную ложку и спряталъ въ свои широкіе панталоны. Ложку отняли, а вора за чубъ вывели изъ каюты.

Послѣ обѣда я смотрѣлъ на берега, мимо которыхъ мы шли: крутыя, обрывистыя скалы, всѣ изъ базальта, громадами тѣснятся одна надъ другой. Обрывисто, круто. Горе плавателямъ, которые разобьются тутъ: спасенія нѣтъ. Если и достигнешь берега, влѣзть на него все-равно, что на гладкую, отвѣсную стѣну. Нигдѣ не видать ни жилья, ни лѣса. Блѣдная зелень кое-гдѣ покрываетъ крутыя ребра горъ. Берегъ вдругъ заворотилъ къ W, и мы держимъ вслѣдъ за изгибами. Скоро должна быть пограничная съ Маньчжуріею рѣка Тамань или Тюймэнъ или Тай-мень, что-то такое.

Часа два назадъ, около полуночи, К. вдругъ позвалъ меня на ютъ послушать, какъ *дышетъ китъ*. „Я, кромѣ скрипа снастей, ничего не слышу“, сказалъ я, послушавши немного. „Погодите, погодите... слышите?“ сказалъ онъ. „Право нѣтъ; это манилльскія травяныя снасти съ музыкой...“ Но въ это время вдругъ подъ самой кормой раздалось густое, тяжелое и продолжительное дыханіе, какъ будто рядомъ съ нами шелъ паровозъ. „Что, слышите?“ сказалъ К. „Да; только неужели это китъ?...“ Вдругъ опять вздохъ, еще сильнѣе, раздался внизу, прямо подъ нашими ногами. „Что̀ это такое, не знаешь ли ты?“ спросилъ я моего фаворита, сигнальщика Ѳедорова, который стоялъ тутъ же. „Это не китъ“, отвѣчалъ онъ, „это все водяные: ихъ тутъ много!...“ прибавилъ онъ, съ пренебреженіемъ махнулъ рукой на бездну и, повернувшись къ ней спиной, самъ вздохнулъ немного легче кита.

9-е мая. Наконецъ отыскали и пограничную рѣку *Тайманга;* мы остановились миль за шесть отъ нея. Наши вчера цѣлый день ѣздили промѣрять и описывать ее. Говорятъ, что это широкая, версты въ двѣ съ половиной, рѣка, съ удобнымъ фарватеромъ. Вы конечно съ жадностью прочтете современемъ подробное и спеціальное описаніе всего корейскаго берега и рѣки, которое, вотъ въ эту минуту, за стѣной, дѣлаетъ сосѣдъ мой П., сильно участвующій въ описи этихъ мѣстъ. Я передаю вамъ только самое общее и поверхностное понятіе, неповѣренное циркулемъ и линейкой.

Не безъ удовольствія простимся мы, не сегодня, такъ завтра, съ Кореей. Ужъ наши видѣли пограничную стражу на противоположномъ отъ Кореи берегу рѣки. Тутъ начинается Маньчжурія, и берегъ съ этихъ мѣстъ изслѣдованъ Лаперузомъ.

Кто знаетъ что-нибудь о Кореѣ? Только одни китайцы занимаются отчасти ею, т.-е. берутъ съ нея годичную дань, да еще японцы ведутъ небольшую торговлю съ нею; а между тѣмъ посмотрите, что отецъ Іакинѳъ разсказываетъ, во 2-й части статистическаго описанія Маньчжуріи, Монголіи и проч., объ этой землѣ, занимающей 8° по меридіану.

Корейское государство, или *Чао-сянъ*, формировалось въ эпоху троянъ, первобытныхъ грековъ. Здѣсь разыгрывались свои Иліады, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы. За Гомеромъ дѣла никогда не станетъ. Я уже сказалъ, какіе охотники корейцы сочинять стихи. Даже одна корейская королева, покоривъ сосѣднюю область, сама сочинила оду на это событіе и послала ко двору китайскаго богдыхана, который, пишетъ о. Іакинѳъ, былъ этимъ *очень доволенъ*. Только имена здѣшнихъ Агамемноновъ и Гекторовъ никакъ не пришлись бы въ наши стихи, а впрочемъ попробуйте: Вэй-мань, Цицзы, Вэй-ю-цюй и т. д. Городъ, въ родѣ Иліона, называли Пьхинъ-сянъ.

Но это все темныя времена корейской исторіи: она проясняется немного съ третьяго вѣка по Р. Х. Первобытные жители въ ней были однихъ племенъ съ маньчжурами, которыхъ сибиряки называютъ тунгусами. Къ нимъ присоединились китайскіе выходцы. Послѣ Р. Х. одинъ изъ тунгусъ, *Гао,* основалъ царство *Гао-ли.*

О. Іакинѳъ говоритъ, что европейцы это имя какъ-то ухитрились передѣлать въ *Корею.* Это правдоподобно. До сихъ поръ жители многихъ острововъ Восточнаго океана, въ томъ числѣ японцы, канаки (на Сандвичевыхъ островахъ) и лпкейцы, букву *л* замѣняютъ буквой *р.* Одни называютъ японскую и китайскую милю *ли*, другіе—*ри*; одни, Лпкейскіе острова зовутъ *Ліу-кіу*, другіе—*Ріу-кіу,* третьи, наконецъ, *Ру-ку*; *Гонолюлю* многіе зовутъ и пишутъ *Гонорурy.* Отчего жъ не передѣлать Гао-ли въ Ко-ри? И въ передѣлкѣ этой виноваты не европейцы, а сами же корейцы. Когда я при нихъ произнесъ *Корея*, они толпой повторили *Кори, Кори!* и тутъ же, чрезъ О. А. объяснили, что это имя ихъ древняго королевскаго дома. Поэтому вся передѣлка европейцевъ состоитъ въ томъ, что они изъ *Ко-ри* сдѣлали *Корея.* Да много ли тутъ оставалось сдѣлать?

По основаніи царства Гао-ли, судьба, въ видѣ китайцевъ, японцевъ, монголовъ, пошла играть имъ, т.-е. покорять, разорять, низвергать старыя и утверждать новыя династіи. Корейскіе короли, не имѣя довольно силы бороться съ судьбой, предпочли добровольно подчиниться китайской державѣ. Китайцы то сдѣлаютъ Корею своею областью, то посовѣстятся и возстановятъ опять ея самостоятельность. А когда на Китай, въ V вѣкѣ, хлынули монголы, корейцы покорились и имъ. Иногда же они вдругъ обидятся и вздумаютъ отдѣлиться отъ Китая, но не надолго: китайцы или покорятъ ихъ, или они сами же опять попросятъ взять себя въ опеку.

За эту покорность и признаніе старшинства Китая, китайцы наградили данниковъ своими познаніями, отчасти языкомъ, такъ что корейцы пишутъ, чуть что̀ поважнѣе и поученѣе, китайскимъ, а что̀ попроще—своимъ языкомъ. Я видѣлъ ихъ книги: письмена не такія кудрявыя и сложныя, какъ у китайцевъ. Далѣе китайцы наградили ихъ издѣліями своихъ мануфактуръ и искусствомъ писать стихи. Иногда случалось даже такъ, что китайцы покровительствовали корейцамъ и въ то же время не мѣшали брать съ нихъ дань монголамъ и тунгусамъ. Наконецъ, въ исходѣ XIV вѣка, вступилъ на престолъ домъ *Ли*, который царствуетъ и теперь, платя дань, или посылая подарки маньчжурской, царствующей въ Китаѣ династіи.

Корея раздѣляется на восемь областей или *дорогъ*, по сказанію о. Іакиноа. Пощажу вашъ слухъ отъ названій; если полюбопытствуете, загляните сами въ книгу знаменитаго синолога. Читая эти страницы, испещренныя названіями какого-то птичьяго языка, исполненныя этнографическихъ, географическихъ, филологическихъ данныхъ о краѣ, извѣстномъ намъ только по имени, благоговѣю передъ всесокрушающею любознательностью и громаднымъ терпѣніемъ ученаго отца и робко краду у него вышеприведенныя отрывочныя свѣдѣнія о Кореѣ—все для васъ. Можетъ-быть, вы удовольствуетесь этимъ и не пойдете сами въ лабиринтъ этихъ именъ: когда вамъ? того гляди, пропадетъ впечатлѣніе отъ вчерашней оперы.

18 мая мы вошли въ Татарскій проливъ. Насъ сутки хорошо несъ попутный вѣтеръ, потомъ задержали штили, потомъ подули противные N и NO вѣтра, нанося съ матсмайскаго берега холодъ, дождь и туманъ. Какой скачокъ отъ тропиковъ! Не знаемъ куда спрятаться отъ холода. Придетъ ночь—мученье раздѣваться и ложиться, а вставать еще хуже.

По временамъ мы видимъ берегъ, вдоль котораго идемъ къ сѣверу, потомъ опять туманъ скроетъ его. По ночамъ иногда слышится визгъ: кто говоритъ—сивучата пищатъ, кто—тюлени. Похоже на послѣднее, если только тюлени могутъ пищать, похоже потому, что днемъ иногда они цѣлыми стадами играютъ у фрегата, выставляя свои головы, гоняясь точно взапуски между собою. Во всякомъ случаѣ это *водяные*, какъ и сигнальщикъ Ѳедоровъ полагаетъ.

Вчера, 17-го, какая встрѣча: обѣдаемъ; говорятъ, шкуна какая-то видна. Велѣно поднять флагъ и выпалить изъ пушки. Она подняла нашъ флагъ. Браво! Шкуна „Востокъ“ идетъ къ намъ, съ вѣстями изъ Европы, съ письмами... Все ожило. Черезъ часъ мы читали газеты, знали все, что̀ случилось въ Европѣ по мартъ. Пошли толки, разсужденія, ожиданія. Нашимъ судамъ велѣно идти къ русскимъ берегамъ. Что-то будетъ? Скорѣй бы добраться: всего двѣсти пятьдесятъ миль осталось до мѣста, гдѣ предположено ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Холодно, скучно, какъ осенью, когда у насъ, на сѣверѣ, все сжимается, когда и человѣкъ уходитъ въ себя, надолго отказываясь отъ воспріимчивости внѣшнихъ впечатлѣній, и дѣлается грустенъ поневолѣ. Но это передъ зимой, а тутъ и весной то же самое. Нѣтъ ничего, что̀ бы предвѣщало въ природѣ возобновленіе жизни, со всею ея прелестью. Всѣмъ бы хотѣлось на берегъ, между прочимъ и потому, что провизія на исходѣ. На столѣ чаще стала появляться солонина и овощи. Изъ животнаго царства осталось на фрегатѣ два-три барана, которые не могутъ стоять на ногахъ, двѣ-три свиньи, которыя не хотятъ стоять на ногахъ, пять-шесть куръ, одна утка и одинъ котъ. Пора, пора...

20-го числа. „Что̀ новаго?“ спросилъ я Ѳаддеева, который пришелъ будить меня. „Сейчасъ на якорь будемъ становиться“, сказалъ онъ: „канатъ велѣно доставать“. Въ

самомъ дѣлѣ я услышалъ пріятный, для утомленнаго путешественника, звукъ: грохотанье доставаемаго изъ трюма якорнаго каната.

Вы не совсѣмъ довѣряйте, когда услышите отъ моряка слово *канатъ*. Канатъ—это цѣпь, на которую можно привязать полдюжины слоновъ—не сорвутся. Онъ держитъ якорь въ сто-пятьдесятъ пудъ. Вотъ когда скажутъ „пеньковый канатъ“, такъ это въ самомъ дѣлѣ канатъ.

Утро чудесное, море синее, какъ въ тропикахъ, прозрачное: тепло, хотя не такъ, какъ въ тропикахъ, но однакожъ такъ, что въ байковомъ пальто сносно ходить по палубѣ. Мы шли все въ виду берега. Въ полдень оставалось миль десять до мѣста; всѣ вышли, и я тоже, наверхъ, смотрѣть какъ будемъ входить въ какую-то бухту, наше временное пристанище. Главное только усмотрѣть входъ, а въ бухтѣ ошибиться нельзя: промѣры показаны.

„Вотъ за этимъ мысомъ долженъ быть входъ“, говоритъ дѣдъ: „надо только обогнуть его“.—„Право! куда лѣво кладешь?“, прибавилъ онъ, обращаясь къ рулевому. Минутъ черезъ десять кто-то пришелъ снизу. „Гдѣ входъ?“ спросилъ вновь пришедшій. „Да вотъ мысъ...“ хотѣлъ показать дѣдъ—глядь, а мыса нѣтъ. „Что за чудо! Гдѣ жъ онъ? сію минуту былъ“, говорилъ онъ. „Марсо-фалы отдать!“ закричалъ вахтенный. Порывъ вѣтра нагналъ холодъ, дождь, туманъ, фрегатъ сильно накренило—и береговъ какъ не бывало: все закрылось бѣлой мглой; во ста саженяхъ не стало видно ничего, даже шкуны, которая все время качалась, то съ одного, то съ другого бока у насъ. Ну, поскорѣй отлавировываться отъ берега! Надѣялись, что шквалъ пройдетъ и мы войдемъ. Нѣтъ: вѣтеръ установился, и туманъ тоже, да такой, что закуталъ верхніе паруса.

Вечеръ такъ и прошелъ: мы были, вмѣсто десяти, уже въ шестнадцати миляхъ отъ берега. „Ну, завтра, чѣмъ

свѣтъ, войдемъ", говорили мы, ложась спать. „Что новаго?" спросилъ я опять, проснувшись утромъ, Оаддеева. „Васька жаворонка съѣлъ", сказалъ онъ. „Что ты, гдѣ жъ онъ взялъ?"—„Поймалъ на сѣткахъ".—„Ну, что жъ не отняли?"—„Ушелъ въ ростры, не могли отыскать".—„Жаль! Ну, а еще что?"—„Еще—ничего".—Какъ ничего: а на якорь становиться?"—„Куда-те становиться: ишь какая погода! со шканцевъ на бакъ не видать".

Мы проскитались опять цѣлый день, лавируя по проливу и удерживая позицію. Вѣтеръ дулъ свирѣпо, волна не слишкомъ большая, но острая, производила непріятную качку, неожиданно толкая въ бока. На другой день къ вечеру я вышелъ наверхъ; смотрю: всѣ толпятся на ютѣ. „Что такое?" спрашиваю. „Входимъ", говорятъ. Въ самомъ дѣлѣ мы входили въ широкія ворота гладкаго бассейна, обставленнаго крутыми, точно обрубленными берегами, поросшими непроницаемымъ для взгляда мелкимъ лѣсомъ—сосенъ, березъ, пихты, лиственницы. Насъ охватилъ крѣпкій смоляной запахъ. Мы прошли большой заливъ и увидѣли двѣ другія бухты, направо и налѣво, длинными языками вдающіяся въ берега, а большой заливъ шелъ самъ по себѣ еще мили на двѣ дальше. Вода не шелохнется, воздухъ покоенъ, а въ морѣ, за мысами, свирѣпствуетъ вѣтеръ. Въ маленькой бухтѣ, куда мы шли, стояло уже опередившее насъ наше судно „Кн. Меншиковъ", почти у самаго берега. На берегу успѣли разбить палатки. Около нихъ толпится человѣкъ десять людей, съ судовъ же; бѣгаютъ собаки. Мы стали на якорь.

Что это за край: гдѣ мы? самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь?

Кто тутъ живетъ? что за народъ? Народовъ много, а не живетъ никто.

Здѣшніе народы, съ которыми успѣли поговорить, не

знаю на какомъ языкѣ, наши матросы, умѣющіе объясняться по-своему со всѣми народами міра, называютъ себя *Орочаны*, *Манґу*, *Кекель*. Что это, племена, или фамильныя названія? И этого не знаю. Наши, большую часть изъ нихъ, называютъ общимъ именемъ тунгусовъ. Они не живутъ тутъ, а бродятъ съ мѣста на мѣсто, приходятъ къ морю ловить рыбу. За ними же скоро, говорятъ, придутъ медвѣди, за этимъ же. Мы пока дѣлаемъ то же: рыбы пропасть, камбала, бычки, форели, родъ налимовъ. Скоро пойдетъ періодическая рыба, изъ породы красныхъ, сельди и т. п. У насъ теперь рыба и рыба на столѣ. Вмѣсто лошадей, на берегу бродятъ десятка три тощихъ собакъ: но тутъ же съ береговъ выглядываетъ изъ чащи лѣса полная невозможность ѣздить ни на собакахъ, ни на лошадяхъ, ни даже ходить пѣшкомъ. Я пробовалъ и вязъ въ болотѣ, спотыкался о пни и сучья.

Какой же это берегъ? что за бухта? спросите вы. Да все тянется глухой, маньчжурскій, слѣдовательно принадлежащій китайцамъ берегъ.

Іюнь.—Нѣтъ, берегъ, видно, нездоровъ мнѣ. Пройдусь по лѣсу, чувствую утомленіе, тяжесть: вчера заснулъ въ лѣсу, на разостланномъ брезентѣ, и схватилъ лихорадку. Отвыкъ совсѣмъ отъ берега. На фрегатѣ, въ морѣ лучше. Мнѣ хорошо въ моей маленькой каютѣ: я привыкъ къ своему уголку, гдѣ повернуться трудно; можно только лечь на постели, сѣсть на стулъ, а затѣмъ сдѣлать шагъ къ двери — и все тутъ. Привыкъ видѣть бизань-мачту, кучу снастей, а черезъ бортъ море.

Хожу по лѣсу, да лѣсъ такой безтолковый, не то, что тропическій: тамъ, или вовсе не продерешься сквозь чащу, а если продерешься, то не налюбуешься красотой деревьевъ, ихъ группировкой, разнообразіемъ; а здѣсь можно продраться вездѣ, но деревья стоятъ такъ однообразно,

прямо, какъ свѣчки: пихта, лиственница, ель; ель, лиственница, пихта, изрѣдка береза: куда ни взглянешь, вездѣ этотъ частоколъ: взглядъ теряется въ печальной безконечности лѣса. Здѣсь всѣ деревья мѣшаютъ другъ другу расти и ни одно не выигрываетъ насчетъ другого. Въ тропикахъ, если одно дерево убиваетъ жизнь вокругъ, зато разрастется само такъ широко, великолѣпно!

Мы успѣли войти кое въ какія сношенія съ бродячими Мангунами, Ороча, или, по-сибирски, тунгусами. Къ намъ часто ѣздитъ тунгусъ Аоонька, съ товарищемъ своимъ, Иваномъ —такъ ихъ называли наши. Онъ подряженъ бить лосей или *сохатыхъ*, по-сибирски, и доставлять намъ мясо. Онъ уже убилъ трехъ: всего двадцать пять пудъ мяса. Оно показалось мнѣ вкуснѣе говяжьяго. Онъ бьетъ и медвѣдей. Недавно провожалъ одного изъ нашихъ по лѣсу на охоту. „Чего ты хочешь за труды, Аоонька?“ спросилъ тотъ его: „денегъ?“—„Нѣтъ“, былъ отвѣтъ. „Ну, коленкору, холста?“—„Нѣтъ“.—„Чего же?“—„Бутылочку“.

А чѣмъ онъ сражается со звѣрями? Я замѣтилъ, что всѣ тѣ, которые отправляются на рыбную ловлю, съ блестящими стальными удочками, съ щегольскимъ краснаго дерева поплавкомъ, и тому подобными затѣями, а на охоту съ выписанными изъ Англіи и Франціи ружьями, почти всегда приходятъ домой съ пустыми руками. Аоонька бьетъ лосей и медвѣдей изъ ружья съ кремнемъ, которое сдѣлалъ чуть ли не самъ, или, можетъ-быть, вымѣнялъ въ старину у китобоевъ, и которое безпрестанно распадается, такъ что его чинятъ наши слесаря всякій разъ, какъ онъ возвратится съ охоты. На-дняхъ дали ему хорошее двуствольное ружье, съ пистономъ. Онъ пошелъ въ лѣсъ и скоро воротился. „Что жъ ты?“ спрашиваютъ. „Возьмите, говоритъ, ружье: не умѣю изъ него стрѣлять“. Онъ обѣщалъ мнѣ принести медвѣжьихъ шкуръ—„за бутылочку“.

Про семейства Гиляковъ разсказываютъ, что они живутъ здѣсь зимой при 36° мороза, подъ кустами валежнику, даже матери съ грудными дѣтьми, а захотятъ погрѣться, такъ разводятъ костры, благо лѣсу много. Ѣдятъ рыбу *горбушу* и черемшу (родъ чесноку).

Но ихъ мало, жизни нѣтъ, и пустота вездѣ. Мимо фрегата рѣдко и робко скользятъ въ байдаркахъ полудикіе туземцы. Только Лоонька, доходившій, въ своихъ охотничьихъ подвигахъ, черезъ лѣса и рѣки, и до китайскихъ, и до нашихъ границъ, и говорящій понемногу на всѣхъ языкахъ, больше смѣсью всѣхъ, между прочимъ и нарѣчіями дикихъ, не робѣя, идетъ къ намъ, и всегда норовитъ придти къ тому времени, когда командѣ раздаютъ вино. Кто-нибудь поднесетъ и ему: онъ выпьетъ и не благодаритъ выпивши, не скажетъ ни слова, оборотится и уйдетъ.

Я пробрался какъ-то сквозь чащу и увидѣлъ двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ верхомъ на обоихъ концахъ толстаго бревна, которое понадобилось для какой-то починки на нашихъ судахъ. Одинъ, высокаго роста, красивый, съ покойнымъ, безстрастнымъ лицомъ: это изъ нашихъ. Другой, невысокій, смуглый, съ волосами, похожими, и цвѣтомъ и густотой, на медвѣжью шерсть, почти съ плоскимъ лицомъ и съ выраженіемъ на немъ стоическаго равнодушія: это—изъ туземцевъ. Нашъ пригласилъ его, вѣроятно, вмѣстѣ заняться дѣломъ. Русскій дѣлалъ вырубку на бревнѣ, а туземецъ сидѣлъ на другомъ концѣ, чтобъ оно не шевелилось, и курилъ трубку. Щепки и осколки, какъ дождь, летѣли ему въ лицо и въ голову: онъ мигалъ мѣрно и ровно, не торопясь, всякій разъ, когда горсть щепокъ попадала въ глаза, и не думалъ отворотить головы, также не заботился вынимать осколковъ, которые попадали въ медвѣжью шерсть и тамъ оставались. Русскій рубилъ сильно и глубоко вонзалъ топоръ въ дерево. При всякомъ ударѣ у него отзывалось что-то въ

груди. Онъ кончилъ и передалъ топоръ туземцу, а тотъ передалъ ему трубку. Русскій закурилъ и сѣлъ верхомъ на конецъ, а туземецъ сталъ рубить. Щепки и осколки полетѣли въ глаза казаку; онъ, въ свою очередь, сталъ мигать.

Что за плаваніе въ этихъ печальныхъ мѣстахъ! что за климатъ! Лѣта почти нѣтъ: утромъ ни холодно, ни тепло, а вечеромъ положительно холодно. Туманы скрываютъ отъ глазъ чуть не собственный носъ. Вчера палили изъ пушекъ, били въ барабанъ, чтобъ навести наши шлюпки съ офицерами на мѣсто, гдѣ стоитъ фрегатъ. Вѣтра большею частію свѣжіе, холодные, тишины почти не бываетъ, а половина іюля!

Но путешествіе идетъ къ концу: чувствую потребность отъ дальняго плаванія полечиться — берегомъ. Еще нѣсколько времени, недѣля, другая—и я ступлю на отечественный берегъ. Dahin! dahin! Но съ вами увижусь не скоро: мнѣ лежитъ путь черезъ Сибирь, путь широкій, безопасный, удобный, но долгій, долгій! И притомъ Сибирь гостепріимна, Сибирь замѣчательна: можно ли проѣхать ее на курьерскихъ, зажмуря глаза и уши? Предвижу, что мнѣ придется писать вамъ не одинъ разъ и оттуда.

Странно однакожъ устроенъ человѣкъ: хочется на берегъ, а жаль покидать и фрегатъ! Но если бъ вы знали, что это за изящное, за благородное судно, что за люди на немъ, такъ не удивились бы, что я скрѣпя сердце покидаю „Палладу!“

VII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.

Плаваніе по Охотскому морю. — Китоловъ. Петровское зимовье. — Аянскіе утесы и рейдъ. — Сборы въ путь. — Верховая ѣзда. — Восхожденіе на Джукджуръ. — Горы и болота. — Нельканъ и рѣка Мая. — Якуты и русскіе поселенцы. — Онять верхомъ. — Лѣса и болота. — Юрты. — Телѣги.

Августъ, 1854 года.

Шкуна „Востокъ", съ своимъ, какъ стрѣлы, тонкимъ и стройнымъ рангоутомъ, покачивалась, стоя на якорѣ, между крутыми, но зелеными берегами Амура, а мы гуляли по прибрежному песку, чертили на немъ прутикомъ фигуры, лѣниво посматривали на шкуну и праздно ждали, когда скажутъ намъ трогаться въ путь, сдѣлать послѣдній шагъ огромнаго пройденнаго пути: остается всего какихъ-нибудь пятьсотъ верстъ до Аяна, перваго пристанища на берегахъ Сибири.

Наконецъ, 12 августа, толпа путешественниковъ, и во главѣ ихъ — генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, высыпали на берегъ. Всѣхъ гостей было болѣе десяти человѣкъ, да слугъ около того, да принадлежащихъ къ шкунѣ офицеровъ и матросовъ болѣе тридцати человѣкъ. А багажа сколько!

Если все, что̀ грузится въ судно, выложить на свободное мѣсто, то неосторожный человѣкъ непремѣнно подержитъ пари, что это не войдетъ туда—и проиграетъ.

Такъ когда и мы всѣ перебрались на шкуну, разсовали кое-куда багажъ, когда разошлись по угламъ, особенно улеглись ночью спать, то хоть бы и еще взять народу и вещей. Это та же исторія, что̀ съ чемоданомъ: не вѣрится, чтобъ вошло все приготовленное количество вещей, а потомъ окажется, что можно какъ-нибудь сунуть и то, втиснуть другое, третье.

При этомъ конечно обыкновенный, принятый на просторѣ порядокъ нарушается и водворяется другой, не обыкновенный. Въ капитанской каютѣ, напримѣръ, могло помѣститься свободно — какъ привыкли помѣщаться порядочные люди — всего трое, если же потѣсниться, то пятеро. А насъ за столъ садилось въ этой каютѣ одиннадцать человѣкъ, да въ другой, офицерской, шестеро. Не однѣ вещи эластичны!

Для стола приносилась, откуда-то съ бака, длинная и широкая доска: однимъ концомъ ее клали на диванъ, а другимъ на какую-то подставку—это и былъ столъ. Тамъ, гдѣ на диванѣ могли сѣсть трое, садилось пятеро, плотно прижавшись другъ къ другу. Одна рука употреблялась для угощенія себя, а другая оставалась позади праздною. Остальные шестеро помѣщались съ другой стороны доски, да еще кто-нибудь скромно стоялъ въ дверяхъ. Прислугѣ оставалось только просовывать въ дверь кончикъ носа и руку съ блюдомъ. Спали на столахъ, на стульяхъ, на лавкахъ.

Едва изслѣдованное, и еще не „положенное на карту“, устье Амура усѣяно множествомъ мелей. Если бъ эти мели были постоянны, то ихъ изучили-бы сразу; но онѣ наносныя, образуются теченіемъ рѣки, и потому измѣняются почти каждый годъ. Прибыль и убыль въ этихъ водахъ также

не подвергнута пока контролю мореплавателей, и оттого мы частенько становились на мель въ виду какого-нибудь мыса или скалы. Благо что еще не застало насъ волненіе въ лиманѣ, но и то однажды порядочно поколотило о песокъ, такъ что импровизованный столъ нашъ, и мы сами, сидя за ужиномъ, подскакивали, вопросительно озираясь другъ на друга. Однажды шкуна, стоя на пескѣ, такъ обмелѣла, что принуждены были подпереть ей бока, чтобъ она не расположилась лечь на одинъ изъ нихъ.

Но, слава Богу, однакожъ, мы выбрались изъ лимана и, благополучно проскользнувъ между материкомъ Азіи и островомъ Сахалиномъ, вышли въ Охотское море и бросили якорь у песчаной косы, передъ маленькимъ нашимъ поселеніемъ, *Петровскимъ зимовьемъ*.

Въ 1849 году, въ первый разъ военный транспортъ „Байкалъ“ рѣшилъ нерѣшенную Лаперузомъ задачу. Онъ послалъ шлюпки, которыя изъ Охотскаго моря прошли въ амурскій лиманъ, и такимъ образомъ оказалось, что Сахалинъ не соединенъ съ материкомъ, какъ прежде думали.

До тѣхъ поръ объ этомъ знали только Гиляки, Орочане, Мангу и другія бродячія племена приамурскаго края, но никакой важности этому не приписывали и потому молчали. Да и теперь не мало удивляются они, что отъ нихъ всячески стараются допытаться, гдѣ устье глубже, гдѣ мельче.

Нашъ рейсъ по проливу, на шкунѣ „Востокъ“, между Азіей и Сахалиномъ, былъ всего третій со времени открытія пролива. Эта же шкуна уже ходила изъ Амура въ Аянъ и теперь шла во второй разъ. По этому случаю, лишь только мы миновали проливъ, торжественно, не въ урочный часъ, была положена доска, замѣнявшая столъ, на свое мѣсто: въ каюту, вмѣсто одиннадцати, пришло семнадцать человѣкъ, учредили завтракъ и выпили нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

Мнѣ такъ хотѣлось перестать поскорѣе путешествовать, что я не съѣхалъ съ нашими, въ качествѣ путешественника, на берегъ въ Петровскомъ зимовьѣ и нетерпѣливо ждалъ, когда они воротятся, чтобъ перебѣжать Охотское море, ступить наконецъ на берегъ твердой ногой и быть дома.

Но задулъ жестокій вѣтеръ, сообщенія съ берегомъ не было, и наши пробыли на берегу цѣлыя сутки. Наконецъ тронулись далѣе. Дорогой, для развлеченія, намъ хотѣлось принять участіе въ войнѣ и поймать французское, или англійское судно. Однажды завидѣли довольно-большое судно и велѣли править на него. Между тѣмъ зарядили наши шесть пушечекъ, приготовили абордажное оружіе и, вооруженные отвагой, съ сложенными назадъ руками, стали смотрѣть на чужое судно, стараясь угадать по оснасткѣ, чье оно. Флага не было. Баронъ К. счелъ нужнымъ и самъ вооружиться. Онъ появился на палубѣ, съ двумя заряженными пистолетами, опустивъ ихъ, по разсѣянности, дуломъ въ карманъ. Онъ, по разсѣянности же, не замѣтилъ, какъ я вынулъ ихъ оттуда и отдалъ Аѳанасью, его камердинеру, положить на свое мѣсто. Между тѣмъ судно подняло американскій флагъ; но мы не повѣрили, потому что слышали, какъ англичане въ это время отличались подъ чужими флагами въ разныхъ моряхъ. Мы вызвали шкипера, съ бумагами. Онъ явился, выпилъ рюмку вина и объявилъ, что онъ китоловъ. Этого сорта суда находятъ въ Охотскомъ морѣ огромную поживу и въ иное время заходятъ туда въ числѣ двухсотъ и болѣе.

Разочарованные насчетъ побѣды надъ непріятелемъ *), мы продолжали плыть по курсу въ Аянъ. Погода была

*) Въ это самое время, именно 16 августа, совершилось между тѣмъ, какъ узнали мы въ свое время, геройское, изумительное отраженіе многочисленнаго непріятеля горстью русскихъ по ту сторону моря, въ Камчаткѣ.

сѣренькая, но теплая, волненіе небольшое, какое именно намъ было нужно. Обѣды Н. Н. М. прекрасные, общество избранное и веселое, вино, до котораго, впрочемъ, мнѣ никакого дѣла нѣтъ, отличное, сигары—изъ первыхъ рукъ—манилльскія, и состояніе духа у всѣхъ пріятное.

Любезная шкуна старалась, сколько могла, удовлетворить нашему нетерпѣнію. Она усердно жгла некупленный, добытый, руками ея матросовъ на Сахалинѣ, уголь, да еще обвѣсилась парусами и бѣжала верстъ по четырнадцати въ часъ. И горизонтъ ужъ не казался намъ дальнимъ и безбрежнымъ, какъ, бывало, на различныхъ океанахъ, хотя дугообразная поверхность земли и здѣсь закрывала даль и, кромѣ воды и неба, ничего не было видно. Но намъ мерещились поля и дома родины, мы вдыхали въ себя сырой морской воздухъ, воображая, что дышемъ ея воздухомъ. Наконецъ, на четвертый день, мы замѣтили на горизонтѣ, не поля, не дома, а какую-то сѣрую, неприступную, грозную стѣну. Это была куча громадныхъ утесовъ.

По мѣрѣ нашего приближенія, они все казались страшнѣе, отвѣснѣе и неприступнѣе. Жилья и признаковъ нѣтъ: да и какое тутъ можетъ быть жилье? кажется, на этихъ утесахъ и чайкамъ страшно сидѣть. Пустота, голь и вышина, отъ которой духъ занимается, да свистъ вѣтра—вотъ характеръ этого мѣста. Здѣсь бы въ старину хорошо поставить разбойничій замокъ, если бъ было кого грабить, а теперь развѣ поставить батареи. „Вонъ нора, должно-быть, бобра!“ замѣтилъ кто-то, указывая на круглую, правильную лазейку въ скалѣ, прорытую почти вровень съ водой.

Вглядыванье въ общій видъ новаго берега или всякой новой мѣстности, освоеніе глазъ съ нею, изученіе подробностей — это привиллегія путешественника, награда его трудовъ и такое наслажденіе, передъ которымъ блѣднѣетъ наслажденіе, испытываемое передъ картиной самаго вели-

каго мастера. Посмотрите на толпу путешественниковъ, когда они медленно подбираются къ новому мѣсту: на горизонтѣ видна еще синяя линія берега, а они всѣ наверху: равнодушныхъ, отсталыхъ, лѣнивыхъ, сонныхъ нѣтъ. Они стоятъ, не шевелясь, какъ окаменѣлые, молчатъ, какъ нѣмые, и если кто сдѣлаетъ вопросъ, то робко, шопотомъ, и почти никогда не получитъ отвѣта. На лицахъ, сначала напряженное вниманіе, въ глазахъ вопросы, потомъ цѣлая страница мыслей, живыхъ впечатлѣній, удовлетвореннаго или неудовлетвореннаго любопытства. Я, подъ шумокъ, незамѣтно отъ товарищей своихъ, наслаждался, по праву путешественника, и картиной новаго берега, и повѣрялъ свои впечатлѣнія по лицамъ спутниковъ. „Гдѣ же Аянъ?“ спрашиваютъ наконецъ нетерпѣливые, отвращая взгляды отъ безжизненныхъ утесовъ, которые недолго изучить.

Какъ берегъ ни красивъ, какъ ни любопытенъ, но тогда только глаза путешественника загорятся огнемъ живой радости, когда они завидятъ жизнь на берегу. Шкуна между тѣмъ, убавивъ паровъ, подвигалась прямо на утесы. Вотъ два изъ нихъ вдругъ посторонились, и намъ открылись, сначала два купеческія судна на рейдѣ, потомъ длинное деревянное строеніе на берегу, съ красной кровлей.

Кровля пуще всего говоритъ сердцу путешественника, и притомъ красная: это цѣлая поэма, содержаніе которой— отдыхъ, семья, очагъ—всѣ домашнія блага. Кто не бывалъ Улиссомъ на своемъ вѣку и, возвращаясь издалека, не отыскивалъ глазами Итаки? „Это пакгаузъ“, прозаически замѣтилъ кто-то, указывая на дразнившую насъ кровлю, какъ будто подслушавъ завѣтныя мечты странниковъ.

Ущелье все раздвигалось и наконецъ намъ представилась довольно узкая ложбина между двухъ рядовъ высокихъ горъ, усѣянныхъ березнякомъ и соснами. Безпорядочно разставленные, съ десятокъ, болѣе нежели скромныхъ до-

миковъ, стоящихъ другъ къ другу, какъ извѣстная изба на курьихъ ножкахъ,—поочереди появлялись изъ-за зелени; скромно за ними возникалъ зеленый куполъ церкви съ золотымъ крестомъ. На пескѣ у самаго берега поставлена батарея, направо отъ нея верфь, еще младенецъ, съ остовомъ новаго судна, дальше цѣлый лагерь палатокъ, двѣ три юрты, и между ними кочки болотъ. Вотъ и весь Аянъ.

Это ни городъ, ни село, ни посадъ, а факторія американской компаніи. Она возникла лѣтъ десять назадъ, для замѣны Охотскаго порта, который неудобенъ ни съ морской, ни съ сухопутной стороны. Съ моря онъ гораздо открытѣе Аяна, а съ сухого пути дорога отъ него къ Якутску представляетъ множество неудобствъ, между прочимъ такъ называемые *Семь хребтовъ*, отраслей Станового хребта, черезъ которые очень трудно пробираться. Трудами преосвященнаго Иннокентія, архіепископа камчатскаго и курильскаго, и бывшаго губернатора камчатскаго, г. Завойки, отысканъ нынѣшній путь къ Охотскому морю и положено основаніе Аянскаго порта.

Этотъ портъ открытъ только съ S и вѣтеръ съ этой стороны разводитъ крупное волненіе. Американская компанія имѣетъ здѣсь склады иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ ея судами, и снабжаетъ иностранныя суда разными потребностями: деревомъ, якорями, морскими картами, сухарями, холстомъ и т. п.

Если здѣсь разовьется торговля и приметъ когда-нибудь большіе размѣры, то вѣроятно устроится и брекватеръ или мола, для защиты рейда отъ S вѣтровъ. Теперь же пока это скромный, маленькій уголокъ Россіи, въ десяти тысячахъ пятистахъ верстахъ отъ Петербурга, съ двумя стами жителей, состоящихъ, кромѣ командира порта и нѣкоторыхъ служащихъ при конторѣ лицъ съ семействами, изъ нижнихъ чиновъ, командированныхъ сюда на службу казаковъ, и на-

конецъ, якутовъ. Чиновники компаніи помѣщаются въ домахъ, казаки въ палаткахъ, а якуты въ юртахъ. Казаки исправляютъ здѣсь военную службу, а якуты статскую. Первые содержатъ караулъ и смотрятъ за благочиніемъ: одного изъ нихъ называютъ даже полиціймейстеромъ; а вторые занимаются перевозкой пассажировъ и клади, лѣтомъ на лошадяхъ, а зимой на собакахъ. Якуты всѣ осѣдлые и христіане, всѣ одѣты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины и женщины носятъ фризовые капоты, а зимой—оленій или нерпичій мѣхъ, вывороченный на-изнанку. Отъ русскихъ у нихъ есть всегда работа, слѣдовательно они сыты, и притомъ, я видѣлъ, съ ними обращаются ласково.

„Отдай якорь!“ раздалось для насъ въ послѣдній разъ и сердце замерло, и отъ радости, что ступаешь на твердую землю, чтобъ уже съ нею не разставаться, и отъ сожалѣнія, что прощаешься съ моремъ, чтобъ къ нему не возвращаться болѣе.

Конецъ благополучну бѣгу,
Спускайте, други, паруса!

воскликнулъ бы я, отъ избытка радости ,если бъ, въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ бѣгу. Но десять тысячъ верстъ остается до той красной кровли, гдѣ будешь имѣть право сказать: я дома!... Какая огромная Итака и каково нашимъ Улиссамъ добираться до своихъ Пенелопъ! Десять тысячъ верстъ: чего-чего на нихъ нѣтъ! Тутъ цѣлые океаны снѣговъ, болотъ, сухихъ пучинъ и стремнинъ, свои сорокаградусные тропики, вѣчная зелень сосенъ, дикари всѣхъ родовъ, звѣри, начиная отъ черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей до клоповъ и блохъ включительно, снѣжные ураганы, вмѣсто качки—тряска, вмѣсто морской скуки—сухопутная, всѣ климаты и всѣ времена года, какъ и въ кругосвѣтномъ плаваніи...

Проберешься ли цѣло и невредимо среди всѣхъ этихъ

искушеній? Оттого мы задумчиво и нерѣшительно смотрѣли на берегъ и не торопились покидать гостепріимную шкуну. Богъ знаетъ, долго ли бы мы просидѣли на ней въ виду красивыхъ утесовъ, если бъ намъ не были сказаны слѣдующія слова: „Господа! завтра шкуна отправляется въ Камчатку, и потому сегодня извольте перебраться съ нея“, а куда—не сказано. Разумѣлось, на берегъ.

Но въ Аянѣ, по молодости лѣтъ его, не завелось гостинницы, и потому путешественники, походивъ по берегу, купивъ что̀ надобно, возвращаются обыкновенно спать на корабль. Я посмотрѣлъ въ недоумѣніи на барона К., онъ на Аѳанасья, Аѳанасій на Тимоѳея, потомъ поглядѣли на князя О., тотъ на Т., а этотъ на кучера Ивана Григорьева, котораго князь О. привезъ съ собою на фрегатѣ Діана, кругомъ Америки.

Люди наши, заслышавъ приказъ, вытащили весь багажъ на палубу и стояли въ ожиданіи, что дѣлать. Между вещами я замѣтилъ зонтикъ, купленный мной въ Англіи и валявшійся гдѣ-то въ углу каюты. „Это зачѣмъ ты взялъ?“ спросилъ я Тимоѳея. „Жаль оставить“, сказалъ онъ. „Брось за бортъ“, велѣлъ я: „куда всякую дрянь везти?“ Но онъ уцѣпился и сказалъ, что ни за что̀ не броситъ, что эта вещь хорошая и что онъ охотно повезетъ ее черезъ всю Сибирь. Такъ и сдѣлалъ.

Намъ подали шлюпки, и мы, съ людьми и вещами, свезены были на прибрежный песокъ и тамъ оставлены, какъ совершенные Робинсоны. Что̀ толку, что Сибирь не островъ, что тамъ есть города и цивилизація? да до нихъ двѣ, три или пять тысячъ верстъ! Мы поглядывали то на шкуну, то на строенія, и не знали, куда преклонить голову. Между тѣмъ къ намъ подошелъ какой-то штабъ-офицеръ, спросилъ имена, сказалъ свое, и пригласилъ насъ къ себѣ ужинать, а завтра обѣдать. Это былъ начальникъ порта.

Б. К. ожилъ: облако исчезло съ лица его. „Il y a une providence pour les voyageurs!“ воскликнулъ онъ: „много я на своемъ вѣку получалъ приглашеній на обѣдъ или ужинъ, но всегда порознь: и вотъ здѣсь, на пустомъ берегу, среди дикарей—приглашеніе на обѣдъ и ужинъ разомъ!“

Но обѣдъ и ужинъ не обезпечивали намъ крова на приближавшійся вечеръ и ночь. Мы пошли заглядывать въ строенія: въ одномъ лавка съ товарами, но запертая. Здѣсь еще пока такой порядокъ торговли, что покупатель отыщетъ купца, тотъ отопретъ лавку, отмѣряетъ или отрѣжетъ товаръ и потомъ запретъ лавку опять. Въ другомъ зданіи кто-то помѣщается: есть и постель, и домашнія принадлежности, даже тараканы, но нѣтъ печей. Третій, четвертый дома биткомъ набиты, или обитателями мѣстечка, или опередившими насъ товарищами.

Но, однакожъ, кончилось все-таки тѣмъ, что вотъ я живу, у кого—еще и самъ не знаю; на доскахъ постлана мнѣ постель, вещи мои расположены какъ слѣдуетъ, необходимое платье развѣшено, и я сижу за столомъ и пишу письма въ Москву, къ вамъ, на Волгу.

Décidement il y a une providence pour les voyageurs! скажу вмѣстѣ съ б. К. Мѣста поочистились, нѣкоторые изъ чиновниковъ генералъ-губернатора отправились впередъ, и одинъ изъ нихъ, самый любезный и пріятный изъ чиновниковъ и людей, М. С. В., быстро водворилъ меня, и еще одного товарища, въ свою комнату. Правда, тутъ же рядомъ, черезъ перегородку, стоялъ покойникъ, и я съ вечера слышалъ чтеніе псалмовъ, но это обстоятельство не помѣшало мнѣ самому спать, какъ мертвому.

Черезъ три дня предстояло отправляться далѣе, а мы жили буквально спустя рукава. Насъ всѣхъ, Улиссовъ, раздѣлили на три партіи, чтобъ не встрѣтилось по дорогѣ затрудненія въ лошадяхъ. Одна партія уже уѣхала, другая

выѣзжала черезъ день. Оставались мы трое: князь О., Т. и я, да съ нами четверо людей. У князя кучеръ Иванъ Григорьевъ, разсудительный и словоохотливый человѣкъ, теперь уже съ печатью кругосвѣтнаго путешествія на челѣ, да Ванюшка, молодой малый, безъ всякаго значенія на лицѣ, охотникъ вскакнуть на лошадь и промчаться куда-нибудь безъ цѣли, да за угломъ, особенно на сѣновалѣ, покурить трубку; съ Т. Витуль, матросъ съ фрегата, и со мной Тимоѳей, поваръ.

Только по отъѣздѣ третьей партіи, т.-е. на четвертый день, стали мы поговаривать, какъ намъ ѣхать, что взять съ собой и прочее. А выѣхать надо было на шестой день когда воротятся лошади и отдохнутъ. Зимой ѣдутъ отсюда на собакахъ, въ такъ называемыхъ *нартахъ*, длинныхъ, низенькихъ санкахъ, лежа, по одному человѣку въ каждыхъ. Лѣтомъ надо ѣхать верхомъ верстъ двѣсти, багажъ тоже ѣдетъ верхомъ, вьюками. Далѣе, по рѣкамъ Маѣ и Алдану, спускаются въ лодкахъ верстъ шестьсотъ, потомъ сто-восемьдесятъ верстъ опять верхомъ, по болотамъ, наконецъ остальныя верстъ двѣсти пятьдесятъ, до Якутска, на телѣгахъ.

Еще въ тропикахъ, когда мелькало въ умѣ предположеніе о возможности возвратиться домой черезъ Сибирь, бывшіе въ Сибири спутники говорили, что въ Аянѣ надо бросить всѣ вещи и взять только самое необходимое; а здѣсь теперь говорятъ, что бросать ничего не надобно, что можно увязать на вьючныхъ лошадей все, что ни захочешь, даже книги.

Сказали еще, что если я не хочу ѣхать верхомъ (а я не хочу), то можно ѣхать въ *качкѣ* (сокращенное *качалкѣ*), которую повезутъ двѣ лошади, одна спереди, другая сзади. „Это-де очень удобно: тамъ можно читать, спать“. Чего же

лучше? Я обрадовался и просилъ устроить качку. Мы съ казакомъ, который взялся дѣлать ее, сходили въ пакгаузъ, купили кожи, ситцу, и казакъ принялся за работу.

„Помилуйте!“ начали потомъ пугать меня за обѣдомъ у начальника порта, гдѣ собиралось человѣкъ пятнадцать за столомъ: „въ качкахъ возятъ старухъ или дамъ“. Не знаю, какое различіе полагалъ собесѣдникъ между дамой и старухой. „А старика можно?“ спросилъ я. „Можно“, говорятъ. „Ну, такъ я поѣду въ качкѣ“.

„Сохрани васъ Боже!“ закричалъ одинъ бывалый человѣкъ: „жизнь проклянете! Я десять разъ ѣздилъ по этой дорогѣ и знаю этотъ путь, какъ свои пять пальцевъ. И полверсты не проѣдете, бросите. Вообразите, грязь, бродъ; передняя лошадь ушла по поясъ въ воду, а задняя еще не сошла съ пригорка, или наоборотъ. Не то, такъ передняя вскакиваетъ на мостъ, а задняя задерживаетъ: вы-то въ какомъ положеніи въ это время? Между тѣмъ придется ѣхать по ущельямъ, по лѣсу, по тропинкамъ, гдѣ качка не пройдетъ. „Мученье!“

„Все это неправда“, возразила одна дама (тоже бывалая, потому что тамъ другихъ нѣтъ): „я сама ѣхала въ качкѣ и очень хорошо. Лежишь-себѣ, или сидишь: я даже вязала дорогой. А верхомъ вы измучитесь по болотамъ; якутскія сѣдла мерзкія...“

„Сѣдло купите здѣсь, у американской компаніи, черкесское: оно и мягко, и широко...“—„Эй, поѣзжайте въ качкѣ...“—„Нѣтъ, верхомъ: спасибо скажете...“—„Не слушайте ихъ...“—„Въ качкѣ на Джукджуръ не поднимете...“

„Что это такое Джукджуръ?“ спросилъ я, ошеломленный этими предостереженіями и поглядывая на всѣхъ.

„Вы не знаете, что такое Джукджуръ?“ спросили меня вдругъ всѣ. „Помилуйте, Джукджуръ!...“

„Джукджуръ“, началъ одинъ учено-педантически, „по-тунгузски значитъ „большая выпуклость...“—„Такъ вы думаете, что я на эту выпуклость въ качкѣ...“—„Не поднимете-сь...“—„А верхомъ...“—„Не въѣдете!“ отвѣчали всѣ.—„Какъ же быть-то?“—„Пѣшкомъ взойдете, особенно если проводники якуты, будутъ сзади поддерживать васъ въ спину“.—„А ихъ кто же поддерживаетъ?“—„Они привыкли“.—„Велите подковать себя“, посовѣтовалъ кто-то. Я мрачно взглянулъ на собесѣдника, доискиваясь причины обиды. „У якутовъ есть такія подковки для людей“, прибавилъ мнимый обидчикъ.—„Зачѣмъ подковки? теперь не зима: тамъ щебень, ноги не скользятъ“, прибавилъ другой. „Такъ гора очень крутая?“ спрашивалъ я. „Да такъ крута“, сказалъ одинъ, „что если бъ была круче, такъ, ни въ качкѣ, ни верхомъ, ни пѣшкомъ, нельзя было бы взобраться на нее“.

За тѣмъ ли я не рискнулъ взобраться на Столовую гору и вообще обходилъ ихъ всѣ, отказываясь наслаждаться восхитительнѣйшими видами, чтобъ лѣзть на какой-то тунгузскій Монбланъ—поневолѣ!

„Полноте, это сущая бездѣлица“, утѣшалъ меня одинъ, самый бывалый собесѣдникъ: „я разъ восемь спускался и поднимался на гору—ничего. Вотъ только какъ прошедшій годъ спускался въ гололедицу, такъ... того... Надо знать, что вершина у ней въ самомъ дѣлѣ выпуклая, горбомъ, такъ что прямо идти нельзя, а надо зигзагами. Была оттепель, потомъ вдругъ немного подморозило, но такъ, что затянуло снѣгъ только сверху, и то на самой выпуклости. Якутъ хотѣлъ-было подковать меня, но снѣгъ отъ оттепели сдѣлался рыхлъ, можно было провалиться, и я пошелъ безъ подковъ. Пройти по самому выпуклому и трудному мѣсту надо было саженъ пятьдесятъ, на перекосъ; тамъ начинались уже камни и снѣгу не было. Я пошелъ, а ниже меня

саженъ на десять шелъ товарищъ. Надо было продавливать пяткой слой снѣга, но слегка, чтобъ нога задерживалась только, а не вязла. Я прошелъ, хотя не скоро, но благополучно; оставалось саженъ пять; вдругъ пятка моя встрѣчаетъ сопротивленіе: я не успѣваю продавить снѣгъ, срываюсь и лечу... (—„Ухъ", сдѣлалъ я невольно—) прямо на товарища: мы оба на краю пропасти. Онъ въ ужасѣ. Я дѣлаю усиліе и, что есть мочи, вонзаю кулакомъ въ снѣгъ, рука уходитъ по плечо. Я задержался и повисъ. Якуты выручили меня изъ западни".

Утѣшилъ, можно сказать, разсказомъ!

„Я тоже чуть не погибъ тамъ, года три назадъ", сказалъ хозяинъ: „такъ, по своей глупости. Я ѣхалъ съ человѣкомъ въ двухъ нартахъ, третья была съ провизіей. Насъ застала буря на самой горѣ. Вѣтеръ дулъ съ вершины на насъ такъ свирѣпо, что мы стѣснились на полугорѣ, въ кучу и не знали, какъ подниматься. Лишь только онъ затихъ немного, якутъ схватилъ меня за руки и потащилъ на выпуклость. Доведя до полгоры, онъ бросилъ мнѣ топоръ, а самъ воротился за моимъ человѣкомъ. Я поползъ вверхъ, вдругъ порывъ вѣтра... я крѣпко прижался къ землѣ, но чувствую, что силъ нѣтъ, меня тащитъ съ крутизны, еще минута... Я кое-какъ надавилъ топоръ на снѣгъ, зацѣпился и повисъ: порывъ вѣтра пронесся. Я вздохнулъ свободно и проворно поползъ вверхъ. Еще саженъ—и я на вершинѣ: но другой порывъ, сильнѣе прежняго, дунулъ мнѣ прямо въ лобъ и помчалъ наши нарты, съ якутами и оленями, внизъ. Я закрылъ глаза и, почти безъ памяти, налегая на топоръ, прижимался къ горѣ. Мнѣ казалось, что кругомъ меня забѣгали волки и медвѣди, которыхъ много водится въ этомъ мѣстѣ. Вдругъ сзади кто-то хватаетъ меня. „Медвѣдь!" подумалъ я, опустивъ лицо въ снѣгъ. „Нѣтъ, это якутъ Иванъ хочетъ поднять меня".—„Жаль мнѣ тебя

стало", говоритъ онъ. Я поправился.—„Поди спасай другихъ!" сказалъ я, самъ добрался до вершины и, обезсиленный, не чувствуя холода, легъ у первыхъ кустовъ. Черезъ часъ пришли и нарты. Слава Богу, никто не ушибся".

Гдѣ же тутъ „глупость?" подумалъ я.

Тутъ же разсказали мнѣ, что зимой не сходятъ и не съѣзжаютъ, а спалзываютъ съ горы. Оленей отпрягаютъ и пускаютъ сойти самихъ, а къ нартамъ привязываютъ длинную сосну съ вѣтвями и сталкиваютъ внизъ, съ людьми и съ кладью. Путешественникъ, лежа въ саняхъ и опершись руками и ногами въ стѣнки, раза два обернется головой внизъ—и ничего. Особенно такой спускъ съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, употребителенъ на пути въ Камчатку. Одинъ, ѣздившій туда по службѣ, разсказывалъ, что тунгузъ, подъѣхавъ къ одному крутому утесу, съ котораго даже собаки не могли бѣжать, отпрягъ ихъ и, одну за другой, побросалъ съ утеса. Путешественникъ пришелъ въ ужасъ, когда очередь дошла и до той нарты, гдѣ онъ лежалъ.

„Стой, стой! что ты?" кричалъ онъ въ отчаяніи, изъ окошечка своихъ крытыхъ санокъ. Но тотъ отвѣтилъ ему что-то по-своему и толкнулъ нарту. Прежде нежели проѣзжій успѣлъ опомниться, онъ уже вертѣлся на воздухѣ и упалъ въ рыхлый снѣгъ. Потомъ свалился и самъ тунгузъ и началъ вытаскивать увязшихъ въ снѣгу собакъ, запрягъ ихъ въ нарты и отправился дальше.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарты проѣзжаютъ по ледянымъ окраинамъ, въ родѣ карнизовъ, надъ моремъ, такъ что нартѣ приходится иногда одной стороной полозьевъ скользить по воздуху... Фу, даже гадко слушать!

Между тѣмъ мы гуляли по Аяну, въ ожиданіи лошадей, играли въ карты, даже танцовали. Я ходилъ смотрѣть свою качку. Это небольшая лодка, съ маленькимъ навѣсомъ. Казакъ, въ сараѣ, набравъ гвоздей полонъ ротъ, вынималъ

ихъ оттуда по одному и усердно обивалъ качку ситцемъ и кожей.

„А есть ли у васъ переметныя сумы?“ спрашивали насъ. „Что это такое?“—„Вы не знаете, что такое переметныя сумы?“ Опять напугаютъ! подумалъ я. „Слыхалъ“, отвѣчалъ я: „это что-то не хорошо: *и чашимъ* и *вашимъ*...“—„Совсѣмъ не то: это просто двѣ кожаныя сумки, которыя вѣшаютъ по бокамъ лошади, для провизіи, и вообще для всего, что надо имѣть подъ-рукой. „А ящики есть?“ спросили опять.—„Нѣтъ: а развѣ надо?“—„Какъ же вы повезете вещи? Въ чемоданахъ и мѣшкахъ не довезете: лошадь будетъ драть ихъ и о деревья, и вязнуть въ болотахъ, и... и... и т. д. А въ каждый ящикъ положите по два съ половиной пуда и навьючьте на лошадь. Чемоданъ бросьте“.—„Зачѣмъ бросать? все возьмите!“ замѣтилъ бывалый.—„А зонтикъ можно взять?“ спросилъ Тимоѳей, несмотря на мой свирѣпый взглядъ.—„И зонтикъ возьми“, былъ отвѣтъ.

„Сары, сары не забудьте купить!“—„Это еще что?“—Сары—это якутскіе сапоги изъ конской кожи: въ нихъ сначала надо положить сѣна, а потомъ ногу, чтобъ вода не прошла; иначе по здѣшнимъ грязямъ не пройдете и не проѣдете. Да вотъ зайдите ко мнѣ, я велю вамъ принести“.

И мой любезный хозяинъ М. С. повелъ меня къ себѣ и велѣлъ позвать Александру. Пришла якутка, молодая и, вѣроятно, въ якутскомъ вкусѣ красивая, съ плоскимъ носомъ, съ узенькими, но карими глазами, и яркимъ румянцемъ на широкихъ щекахъ.—„Здравствуй...“ тутъ онъ сказалъ что-то по-якутски.—„Что это значитъ?“ спросилъ я. „Прекрасная женщина“. „Есть сары?“—„Есть“.—„Принеси“.—„Слусаю“, отвѣчала она и черезъ пять минутъ принесла сапоги на слона, съ запахомъ вспотѣвшей лошади и сала, которымъ они и были вымазаны. „Вынеси, вынеси скорѣй! за-

кричалъ я: „ужели ихъ надѣваютъ люди?“ спросилъ я М. С. „И очень порядочные“, отвѣчалъ онъ: „и вы надѣнете“.

Но я подарилъ ихъ Тимоѳею, который сильно занятъ приспособленіемъ къ сѣдлу мѣшка съ чайниками, кастрюлями, вообще необходимыми принадлежностями своего ремесла, и, кромѣ того, зонтика, на который болѣе всего обращена его внимательность. Кучеръ Иванъ Григорьевъ во все пытливо вглядывался. „Оно ничего: можно и верхомъ ѣхать, надо только, чтобъ все заведеніе было въ порядкѣ“, говоритъ онъ съ важностью авторитета. Ванюшка прилаживаетъ себѣ какую-то щегольскую уздечку и всякій день все уже и уже стягивается кожанымъ ремнемъ.

П. А. Т., взявшійся завѣдывать и на сушѣ нашимъ хозяйствомъ, то и дѣло ходитъ въ пакгаузъ и всякій разъ воротится, то съ окорокомъ, то съ сыромъ, поминутно проситъ денегъ и разсказываетъ каждый день раза три, что̀ мы будемъ ѣсть, и даже—чего не будемъ. „Нѣтъ, ужъ курочки и въ глаза не увидите“, говоритъ онъ со вздохомъ: „котлетъ и рису, какъ бывало на фрегатѣ, тоже не будетъ. Ахъ, вотъ забылъ: нѣтъ ли чего сладкаго въ здѣшнихъ пакгаузахъ? Сбѣгаю поскорѣй: черносливу или изюму: компотъ можно ѣсть“. Схватитъ фуражку и побѣжитъ опять.

Наконецъ въ одно, съ самомъ дѣлѣ прекрасное утро, передъ домикомъ, гдѣ мы жили, расположился нашъ караванъ, состоявшій изъ восьми всадниковъ и семнадцати лошадей, считая и вьючныхъ. „А гдѣ же качка?“ спрашиваю я. Одинъ изъ служащихъ улыбается, глядя на меня; а казакъ, который дѣлалъ мнѣ качку, вмѣсто нея, подводитъ осѣдланную лошадь. Гляжу: на ней и черкесское сѣдло, и моя подушка. „Качки нѣтъ“, сказалъ мнѣ Б.: „не поспѣла“. Я понялъ, что меня обманули въ мою пользу, за что̀ въ дорогѣ потомъ благодарилъ не разъ, молча сѣлъ на лошадь и молча поѣхалъ по крутой тропинкѣ въ гору.

Всѣ жители Аяна столпились около насъ: всѣ благословляли въ путь. Ч. и Ф., безъ сюртуковъ, пошли пѣшкомъ проводить насъ съ версту. На одномъ поворотѣ за скалу Ч. сказалъ: „Поглядите на море: вы больше его не увидите". Я быстро оглянулся, съ благодарностью, съ любовью, почти со слезами. Оно было сине, ярко сверкало на солнцѣ серебристой чешуей. Еще минута и—скала загородила его. *„Прощай, свободная стихія! въ послѣдній разъ..."*

Отъ Аяна ѣдешь по ложбинамъ между горъ, по руслу рѣчекъ и горныхъ ручьевъ, которые въ дожди бурлятъ такъ, что лошади едва переходятъ въ бродъ, уходя по уши. Каково сѣдоку? Немного хуже, чѣмъ лошади. Теперь сухо и мы едва мочили подошвы, только переправляясь черезъ Алдаму, должны были поднять ноги къ сѣдлу.

Ничего нѣтъ ужаснаго въ этихъ дикихъ пейзажахъ, но печальнаго много. По дорогѣ идетъ густой лиственный лѣсъ; ѣдешь по узенькой, усѣянной пнями тропинкѣ. Потомъ лѣсъ раздвигается и глазамъ является обширное, забросанное каменьями болото, которое въ дожди должно быть непроходимо. Щебень составляетъ природное дно рѣчекъ, а крупные каменья набросаны, будто въ видѣ украшеній, съ утесовъ, которые стоятъ стѣной, и мѣстами поросли лѣсомъ, мѣстами голы и дики. Нигдѣ ни признака жилья, ни встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. По этой дорогѣ человѣкъ въ первый разъ, можетъ-быть, прошелъ въ 1845 году, и этотъ человѣкъ, если не ошибаюсь, былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій и курильскій. Онъ искалъ другой дороги къ морю, кромѣ той, признанной неудобною, которая ведетъ отъ Якутска къ Охотску, и проложилъ трактъ къ Аяну.

По деревьямъ во множествѣ скакали звѣрьки, которыхъ здѣсь называютъ *бурундучками*, то же, кажется, что векши, и которыми занималась пристально наша собака,

да кучеръ Иванъ. Видѣли взбѣгавшаго по дереву будто-бы соболя, а скорѣе черную бѣлку. „Ахъ, ружье бы, ружье!“ закричали мои товарищи.

Дорогу эту можно назвать прекрасною для верховой ѣзды, но только не въ грязь. Мы легко сдѣлали тридцать-восемь верстъ и слѣзали всего два раза, одинъ разъ у самаго Ляна, завтракали и простились съ Ч. и Ф., провожавшими насъ, въ другой разъ на половинѣ дороги полежали на травѣ у мостика, а потомъ уже ѣхали безостановочно. Но тоска: якутъ-проводникъ, ѣдущій впереди, ни слова не знаетъ по-русски, пустыня тоже молчитъ, подъ-конецъ и мы замолчали, и часовъ въ семь вечера молча доѣхали до юрты, гдѣ и ночевали.

Я думалъ хуже о юртахъ, воображая ихъ чѣмъ-то въ родѣ звѣриныхъ норъ: а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющія стѣну, ставятся вертикально: притомъ она безъ клоповъ и таракановъ, съ двумя каминами; дымъ идетъ въ крышу; лавки чистыя. Мы напились чаю и проспали до утра, какъ убитые.

Еще проѣхали день и ночевали въ юртѣ, у подошвы Джукджура. Я нанялъ двухъ якутовъ сопровождать меня по горѣ и помогать подниматься. Что за дорога была вчера! Пустыни, пустыни и пустыни, дѣвственныя, если хотите, но скучныя и унылыя. Мы ѣхали горными тропинками, мимо овраговъ, къ счастію окаймленныхъ лѣсомъ, проѣхали въ бродъ множество рѣчекъ, горныхъ ручьевъ и нѣсколько разъ Алдаму, потомъ углублялись въ глушь лѣсовъ и подолгу ѣхали узенькими дорожками, пересѣкаемыми, или горизонтально растущими сучьями, или до того грязными ямами, что лошадь и сѣдокъ останавливаются въ недоумѣніи, какъ переѣхать или перескочить то или другое мѣсто. И это еще, говорятъ, бездѣлица въ сравненіи съ предстоящими грязями, гдѣ лошадь уходитъ совсѣмъ. „А что жъ

въ это время дѣлаетъ сѣдокъ?“ спросилъ я.—„Падаетъ въ грязь“, отвѣчали мнѣ.

Видѣли мы по лѣсу опять множество бурундучковъ, опять quasi-соболя, ждали увидѣть медвѣдя, но не видали, видѣли только, какъ якутъ, на станціи, ведя лошадей на кормовище въ лѣсъ, вооружился противъ „могущаго встрѣтиться“ медвѣдя ружьемъ, которое было въ такомъ видѣ, въ какомъ только первый разъ выдумалъ его человѣкъ. Лошадямъ здѣсь овса не положено давать, за неимѣніемъ его, зато травы изъ-подъ ногъ—сколько хочешь. По пріѣздѣ на станцію, ихъ отведутъ въ лѣсъ и тамъ оставятъ до утра. Лѣсъ по дорогѣ былъ лиственничный, потомъ стала появляться ель, сосна, шиповникъ. Много росло по пути брусники и рябины. Матросъ нашъ набралъ цѣлую кружку первой, а рябину съ удовольствіемъ ѣлъ кучеръ Иванъ, жалѣя только, что ее не хватило морозцемъ.

Видѣли мы кочевье оленныхъ тунгузовъ, со стадомъ оленей. Тишина и молчаніе сопровождали насъ. Только разъ засвистала какая-то птичка, да, кажется, сама испугалась и замолчала, или иногда вдругъ изъ болота выскакивалъ куликъ, мѣстами въ вышинѣ неслись гуси, или утки, все это пролетные гости здѣсь. Не слыхать и насѣкомыхъ.

Вчера мы сдѣлали тридцать-пять верстъ и нисколько не устали. Что будетъ сегодня? Ахъ, Джукджуръ, Джукджуръ: съ ума нейдетъ!

Наконецъ совершилось наше восхожденіе на якутскій, или тунгузскій Монбланъ. Мы выѣхали часовъ въ семь со станціи и ѣхали незамѣтно въ гору, буквально, по океану камней. Рѣдко-рѣдко гдѣ на полверсты явится земляная тропинка и исчезнетъ. Якутскія лошади малорослы, но сильны, крѣпки, ступаютъ мѣрно и увѣренно. Мнѣ перемѣнили вчерашнюю лошадь, у которой сбились копыта, и дали дру-

гую, сильнѣе, съ крупнымъ шагомъ, остриженную à la мужикъ.

Джукджуръ отстоитъ въ восьми верстахъ отъ станціи, гдѣ мы ночевали. Вскорѣ по сторонамъ пошли горы, одна другой круче, сѣрѣе и недоступнѣе. Это какъ будто искусственно-насыпанныя пирамидальныя кучи камней. По виду ни на одну нельзя влѣзть. Однѣ сѣроватыя, другія зеленоватыя, всѣ вообще непривѣтливыя, гордо поднимающія плечи въ небо, неудостоивающія взглянуть внизъ, а только сбрасывающія съ себя каменья.

Я все глядѣлъ по сторонамъ, стараясь угадать, которая же изъ горъ грозный Джукджуръ: вонъ эта, что ли? Да нѣтъ, на эту я не хочу: у ней крутъ скатъ, и хоть бы кустикъ по бокамъ: на другой крупны очень каменья. Давно я видѣлъ одну гору, какъ стѣну прямую, съ обледенѣвшей снѣжной глыбой, будто вставленнымъ въ перстнѣ алмазомъ, на самой крутизнѣ. Ну, конечно, не эта, сказалъ я себѣ. „Гдѣ Джукджуръ?“ спросилъ я якута.—„Джукджуръ!“ повторилъ онъ, указывая на эту самую гору, съ ледяной лысиной. „Какъ же на нее взобраться?“ думалъ я.

Между тѣмъ я не замѣтилъ, что мы ужъ давно поднимались, что стало холоднѣе и что намъ осталось только подняться на самую „выпуклость“, которая высѣла надъ нашими головами. Я все еще не вѣрилъ въ возможность въѣхать и войти, а между тѣмъ нашъ караванъ уже тронулся при крикахъ якутовъ. Камни заговорили подъ ногами. Вереницей, зигзагами, потянулся караванъ по тропинкѣ. Двѣ вьючныя лошади перевернулись черезъ голову, одна съ моими чемоданами. Ее бросили на горѣ и пошли дальше.

Я шелъ съ двумя якутами, одинъ велъ меня на кушакѣ, другой поддерживалъ сзади. Я садился разъ семь отдыхать, выбирая для дивана каменья помягчѣе, иногда клалъ

голову на плечо якута. Двое товарищей уже взобрались и съ вершины бросали на ледяную лысину каменья. Какъ я завидовалъ имъ! счастливцы! И собакѣ завидовалъ: она ужъ раза три вбѣжала на вершину и возвращалась къ намъ, а теперь, стоя на самой крутой точкѣ выпуклости, лаяла на насъ, досадуя на нашу медлительность. А мнѣ еще оставалось шаговъ двѣсти. Каменья катились подъ ногами; якуты дали намъ по палкѣ. Наконецъ я вошелъ. Меня подкрѣпила рюмка портвейна. Какъ хорошо показалось мнѣ вино, котораго я въ другое время не пью! У одного якута, который велъ меня, пошла изъ носа кровь.

Остальная дорога до станціи была отличная. Мы у рѣчки, на мшистой почвѣ, въ лѣсу, напились чаю, потомъ ѣхали почти по шоссе, по прекрасной сосновой, березовой и еловой аллеѣ. Встрѣтили красивый каскадъ и груды причудливо-разбросанныхъ какъ будто взрывомъ зеленоватыхъ камней.

На Джукджурѣ всего болѣе отличился мой слуга, Тимоѳей. Только что тронулся на крутизну нашъ караванъ и каменья зажурчали подъ ногами лошадей, вдругъ Тимоѳей рванулся впередъ и понесся въ гору впереди всѣхъ. Онъ обогналъ вьючныхъ лошадей, обогналъ проводниковъ, даже собаку, и все еще, съ распростертыми руками, въ какомъ-то испугѣ, несся неистово въ гору. „Тимоѳей! куда ты? съ ума сошелъ!“ кричалъ я, изнемогая отъ усталости: „вѣдь гора велика, успѣешь устать!“ Но онъ махнулъ рукой и несся все выше, лошади выбивались изъ силъ и падали, собака, и та высунула языкъ, несся одинъ Тимоѳей. Наконецъ онъ и наши верховыя лошади вбѣжали на вершину горы и въ одно время скрылись изъ виду.—„Зачѣмъ это ты?“ спросилъ я потомъ. „Однажды...“ началъ онъ и не могъ продолжать, задохся и уже на станціи разсказалъ. „Зачѣмъ ты бѣжалъ такъ вверхъ?“ спросилъ я. Онъ, помолчавъ не-

много, началъ такъ: „однажды я ѣхалъ изъ Буюкдерэ въ Константинополь и на минуту слѣзъ... а лошадь ушла впередъ съ дороги: такъ я и пришелъ пѣшкомъ, верстъ пятнадцать будетъ...“—„Ну, такъ что жъ?“—„Вотъ я и боялся“, заключилъ Тимоѳей, „что, пожалуй, и эти лошади уйдутъ, вбѣжавши на гору, такъ чтобъ не пришлось тоже идти пѣшкомъ“.—„Эти лошади уйдутъ!“ съ горькимъ смѣхомъ воскликнулъ кучеръ Иванъ. А лошади, взойдя, стали какъ вкопанныя и поникли головами.

27. *Пустая юрта между Челасиномъ и Маиломъ.*

Вы, конечно, не удивляетесь, что я не говорю ни о какихъ встрѣчахъ по дорогѣ? Здѣсь никто не живетъ, начиная отъ Ледовитаго моря до Китайскихъ границъ, кромѣ кочевыхъ тунгузъ, разбросанныхъ кое-гдѣ на этихъ огромныхъ пространствахъ. Даже птицы, и тѣ мимолетомъ здѣсь. Звѣрей, говорятъ, много, но мы, кромѣ бурундучковъ и бѣлокъ, другихъ не видали. И слава Богу: встрѣча съ медвѣдемъ могла бы доставить удовольствіе, а можетъ-быть и нѣкоторую выгоду—только ему одному: насъ она повергла бы въ недоумѣніе, а лошадей въ неистовый испугъ.

Тоска сжимаетъ сердце, когда проѣзжаешь эти нѣмыя пустыни. Спросилъ бы стоящія по сторонамъ горы, когда онѣ, и все окружающее ихъ, увидѣло свѣтъ: спросилъ бы что-нибудь, кого-нибудь, поговорилъ хоть бы съ нашимъ проводникомъ, якутомъ: сдѣлаешь заученный по-якутски вопросъ: „*Кась бироста ямъ?*“ (сколько верстъ до станціи). Онъ и скажетъ, да не поймешь, или *гра-гра* отвѣтитъ (далеко), или *чугесъ* (скоро, тотчасъ) и опять ѣдешь цѣлые часы молча.

Выработанному человѣку въ этихъ невыработанныхъ пустыняхъ пока дѣлать нечего. Надо быть отчаяннымъ поэтомъ, чтобъ на тысячахъ верстъ наслаждаться величіемъ пустыннаго и скукой собственнаго молчанія, или дикаремъ,

чтобъ считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшеніе своего жилища, медвѣдей—за товарищей, а дичь—за провизію.

Вчера мы пробыли одиннадцать часовъ въ сѣдлахъ, а съ остановками двѣнадцать съ половиною. Дорога отъ Челасина шла-было хороша, нельзя лучше, даже безъ камней, но верстахъ въ четырнадцати или пятнадцати вдругъ мы въѣхали въ заросшія лѣсомъ болота. Лѣсъ частъ, какъ волосы на головѣ, болота топки, лошади вязли по брюхо и не знали, что̀ дѣлать, а мы, всадники, еще меньше. Переѣзжая болото, только и ждешь съ безпокойствомъ, которой ногой оступится лошадь.

Вездѣ мохъ и болото; напрасно вы смотрите кругомъ во всѣ стороны: нѣтъ выхода изъ безконечныхъ тундръ, непроходимыхъ безъ проводника. Горе тому, кто бы самъ собой попробовалъ сунуться въ сторону: дороги нѣтъ, указать ее некому. Болота такъ задержали насъ, что мы не могли доѣхать до станціи и остановились въ пустой, брошенной юртѣ, гдѣ развели огонь, пили чай и ночевали. Холодно было; вчера летѣла изморозь, дулъ вѣтеръ, небо мрачное и темное—осень, осень. Наши проводники залѣзли къ намъ погрѣться; мы дали имъ по стакану чаю, хотѣли дать водки, но и у насъ ея нѣтъ: она разбилась на Джукджурѣ, когда перевернулись двѣ лошади, а, можетъ-быть, наша свита какъ-нибудь сама разбила ее... Потомъ якуты повели лошадей на кормовище за рѣчку, тамъ развели огонь и заварили свои два блюда: вареную въ водѣ муку съ масломъ, и муку, вареную въ водѣ, безъ масла.

Кучеръ Иванъ, по своей части, пріобрѣлъ замѣчательное свѣдѣніе, что здѣшнія лошади живутъ будто бы по пятидесяти лѣтъ, и сообщилъ объ этомъ намъ. Не знаю, правда ли.

Уже вьючатъ лошадей, пора ѣхать, мы еще не сдѣлали вчера сорока верстъ. Маилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда.

28. *Опять пустая юрта.*

Что̀ Джукджуръ, что̀ каменистая дорога, что̀ горныя рѣчки—въ сравненіи съ болотами! Подъѣзжаете вы къ грязному пространству: сверху вода; проводникъ останавливается и осматриваетъ, нѣтъ ли объѣзда: если нѣтъ, онъ нехотя пускаетъ свою лошадь, она, еще болѣе нехотя, но все-таки съ резигнаціей, безъ всякаго протеста, осторожно ступаетъ, за ней другія. Вдругъ та оступилась передними, другая задними ногами, а та, и тѣми и другими. Всадникъ въ безпокойствѣ сидитъ—наготовѣ упасть, если упадетъ лошадь, но упасть какъ можно безопаснѣе. Между тѣмъ лошадь чувствуетъ, что она вязнетъ глубоко: вотъ она начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія и порывисто поднимаетъ кверху то крестецъ, то спину, то голову. Хорошо въ это время сѣдоку! Наконецъ, побившись, она ложится на бокъ, ложитесь поскорѣй и вы: оно безопаснѣе. Такъ я и сдѣлалъ однажды.

Мы дотащились до Маила, гдѣ нашли прекрасную новую юрту, о двухъ комнатахъ, опрятную, съ окнами, гдѣ слюда вмѣсто стеколъ, полъ усыпанъ еловыми вѣтками, лавки чистыя, каминъ хоть сейчасъ въ гостиную, только покрасить. Мы ѣхали отъ Маила до здѣшней юрты, всего двадцать верстъ, очень долго: насъ задерживали безпрестанные объѣзды. Это своего рода пытка, вамъ неизвѣстная. Въ лѣсу немного посуше—это правда, но зато ноги уходятъ въ мохъ, вся почва зыблется подъ вами. Вы ѣдете вблизи деревьевъ, третесь о нихъ ногами, вѣтви хлещутъ въ лицо, лошадь ваша то прыгаетъ въ яму и выскакиваетъ стремительно на кочку, то останавливается въ недоумѣніи

передъ лежащимъ по дорогѣ бревномъ, наконецъ, перескочитъ и черезъ него и очутится опять въ топкой ямѣ.

Правду говорили мнѣ въ Аянѣ! Иногда якутъ вдругъ остановится, видя, что не туда завелъ, впереди все одно: непроходимое и безконечное топкое болото, дорожки не видать и мы пробираемся назадъ. Пытка! Кучеръ Иванъ пытается утѣшать, говоритъ, что „никакая дорога безъ лужи не бываетъ, сколько онъ ни ѣзжалъ“. Это правда.

Въ Маилѣ намъ дали другихъ лошадей, все такихъ же дрянныхъ на видъ, но вѣрныхъ на ногу, осторожныхъ и крѣпкихъ. Якуты ласковы и внимательны: они насъ буквально на рукахъ снимаютъ съ сѣделъ и сажаютъ на нихъ; иначе бы не влѣзть на сѣдло, потомъ на подушку, да еще въ дорожномъ платьѣ.

Погода вчера чудесная, нынче хорошее утро. Развлеченій никакихъ, развѣ только наблюдаешь, какая новая лошадь попалась: кусается ли, лягается, или просто лѣнится. Онѣ иногда лукавятъ. Въ этихъ уже нѣтъ той резигнаціи, какъ по ту сторону Станового хребта. Если сѣдло ѣздитъ и надо подтянуть подпругу, лошадь надуетъ брюхо—и подтянуть нельзя. Иному достанется горячая лошадь; вонъ такая досталась Тимоѳею. Лошадь начинаетъ горячиться, а кастрюли, привязанныя у него къ сѣдлу, звенѣть. Прочіе по этому случаю острятъ, особенно кучеръ Иванъ.

Этотъ Иванъ очень своеобыченъ и съ трудомъ отступаетъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, но словоохотливъ и услужливъ. Онъ между прочимъ съ гордостью разсказывалъ, какъ король Сандвичевыхъ острововъ, глядя на его бороду и особенное платье, принялъ его за важное лицо и пожалъ ему руку. Однажды, когда къ вечеру стало холоднѣе, князь О. спросилъ свой тулупъ. „Да далеко закладено въ чемоданы и зашито“, сказалъ Иванъ. „Неправда, онъ долженъ быть въ мѣшкѣ“, сказалъ к. О., „покажи!“—

*

„Никакъ нѣтъ, въ чемоданѣ“, утверждалъ кучеръ, показывая мѣшокъ.—„А это что̀ у тебя въ мѣшкѣ?“ спросилъ тотъ.—„Да это, кто ее знаетъ, шкура какая-то“.—„Посмотрите!“ сказалъ намъ к. О.: „онъ змѣиную шкуру изъ Бразиліи положилъ поближе, а тулупъ запряталъ!“—„Да я думалъ, что шкуру-то можно и выбросить“, сказалъ Иванъ, „а тулупчика-то жаль“.—„Вотъ этакъ же“, замѣтилъ к. О., „онъ везъ у меня пару кокосовыхъ орѣховъ до самаго Охотскаго моря: хорошо, что я увидалъ вò-время, да выбросилъ, а то онъ бы и ихъ въ чемоданы спряталъ“.—„Зачѣмъ это ты, Иванъ Григорьевъ, везъ орѣхи?“ спросилъ я. „Они понравились тебѣ—вкусны?“—„Нѣтъ, какое вкусны!“ отвѣчалъ онъ съ величайшимъ презрѣніемъ, „это все пустое! А я везъ ихъ по той причинѣ, что въ Москвѣ видѣлъ, въ лавкѣ за этакіе орѣхи просили по пяти цѣлковыхъ за штуку, такъ думалъ, сбуду ихъ туда“.

Нельканъ, 29 августа.

Вчера, въ восьмомъ часу вечера, наконецъ дотащились послѣднюю станцію верхомъ. Сорокъ верстъ ѣхали и отдыхали всего полтора часа на половинѣ дороги, въ лѣсу. Скучно, хотя по лѣсу встрѣчалось такъ много дичи, что даже досадно на ея дерзость. Тетерева просто гуляютъ подъ ногами у лошадей, вальдшнепы вылетали изъ каждаго куста, утки полоскались въ каждой лужѣ.—„Какъ жаль, что нѣтъ ружья!“ сказалъ кто-то.—„Какъ нѣтъ, есть два, славнѣйшія ружья“.—„А порохъ есть?“—„И порохъ, и дробь, и пули“.—„Такъ что же не стрѣляемъ? давай!“—„Далеко спрятаны, на днѣ чемодана“, сказалъ Иванъ Григорьевъ.—„А змѣиную шкуру держитъ подъ-рукой!“ упрекнулъ к. О. „Шкуру недолго и бросить“, оправдывался Иванъ. „А кокосы напрасно не взялъ“, замѣтилъ я ему: „въ самомъ

дѣлѣ можно бы выгодно продать...“—„Оно точно, кабы взять штукъ сто, такъ бы денегъ можно было много выручить“, сказалъ Иванъ, принявшій серьезно мое замѣчаніе.

Отъ Маильской станціи до Нельканской идутъ все горы и горы—цѣлые хребты; надо переправиться черезъ нихъ, но изъ нихъ двѣ только круты, остальныя отлоги. Да и съ крутыхъ-то горъ никакими кнутами не заставишь лошадей идти рысью: тутъ онѣ обнаруживаютъ непоколебимое упорство. Горы эти—все вѣтви Станового хребта, къ которому принадлежитъ и Джукджуръ. У подошвы каждой горы стелется болото; и какъ ни суха, какъ ни хороша погода, но болота эти никогда не высыхаютъ: они или мерзнутъ, или грязны. Болота коварны тѣмъ, что поросли мхомъ и травой, и вы не знаете, по колѣно ли, по брюхо, или по морду лошади глубока лужа. „Охъ!“ вырвется у того или другого, среди мучительнаго молчанія, въ продолжительномъ и изворотливомъ пробираньи между кочекъ, лужъ и кустовъ.

Наконецъ вчера пріѣхали въ Нелькань и переправились черезъ Маю, услыхали говоръ русскихъ бабъ, мужиковъ. А съ якутами разговоръ не ладится; только Иванъ Григорьевъ безпрестанно говоритъ съ ними, а какъ и о чемъ—неизвѣстно, но они довольны другъ другомъ.

Въ Нельканѣ нѣсколько юртъ и нѣсколько новенькихъ домиковъ. Къ намъ навстрѣчу вышли станціонный смотритель и казакъ Малышевъ; одинъ звалъ пить чай, другой—ужинать, и оба угостили прекрасно. За ужиномъ были славныя зеленыя щи, языки и жареная утка. Въ домѣ, принадлежащемъ американской компаніи, которая имѣетъ здѣсь свой пакгаузъ съ товарами (больше съ бумажными и другими матеріями и т. п. нужными для края предметами, которыми торговля идетъ порядочная), комната просторная; въ окнахъ слюда вмѣсто стеколъ: свѣтло и, говорятъ, тепло.

У смотрителя станціи тоже чисто, просторно; къ русскимъ печамъ здѣсь прибавили якутскіе камины или чувалы: отъ такого, русско-якутскаго тепла, пожалуй, вопреки пословицѣ, „заломитъ и кости“.

Мы отлично уснули и отдохнули. Можно бы ѣхать и ночью, но не было готоваго хлѣба, надо ждать до утра, иначе намъ, въ числѣ семи человѣкъ, трудно будетъ продовольствоваться по станціямъ на берегахъ Маи. Теперь предстоитъ ѣхать шестьсотъ верстъ рѣкой, а потомъ опять сто-восемьдесятъ верстъ верхомъ по болотамъ. Есть и почтовые тарантасы, но всѣ предпочитаютъ ѣхать верхомъ по этой дорогѣ, а потомъ до Якутска на колесахъ, всего тысячу верстъ. Всего!

Мая извивается игриво, песчаныя мели выглядываютъ такъ гостепріимно, какъ будто говорятъ: „мы васъ задержимъ, задержимъ“; лѣсъ не темный и не мелкій частоколъ, какъ на болотахъ, но замѣтно покрупнѣлъ къ рѣкѣ; сталъ чаще являться осинникъ и соснякъ. Всему этому несказанно обрадовался Иванъ Григорьевъ. „Вонъ осинничекъ, вонъ соснячокъ!“ говорилъ онъ привѣтливо, указывая на знакомыя деревья.—Лодка готова, хлѣбъ выпеченъ, мясо взято—ѣдемъ. Теперь платить будемъ прогоны по числу людей, т.-е. сколько будетъ гребцовъ на лодкахъ.

30 и 31 августа. Нельзя начать плаванія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ начали мы. Погода была великолѣпная, теплая. Рѣка, съ каждымъ извивомъ и оборотомъ, дѣлалась пріятнѣе, берега, или отлогіе, лѣсистые, или утесистые. Лодка мчится съ неимовѣрной быстротой. Мы промчались двадцать восемь верстъ въ два часа и прибыли на станцію *Бѣтанга* или *Вѣтанга*. Дорогой, наконецъ, достали изъ чемодана ружье, послѣ, однакожъ, многихъ возраженій со стороны Ивана Григорьева, и отдали Ванюшкѣ. Онъ застрѣлилъ утку, подстрѣлилъ много еще,

но нельзя было ихъ достать. Издалека завидимъ мы ихъ, онѣ мчатся по теченію, мы перегоняемъ, онѣ улетаютъ, а если остаются, то дорого платятъ за оплошность.

На *Бѣтанги* живетъ очень смышлёный старикъ, Петръ Маньковъ, съ женой, въ хижинѣ. Все это переселенцы. Они стараются прививать хлѣбопашество, но мало средствъ и земля не вездѣ удобна. Отчасти промышляютъ звѣрями. Отъ *Бѣтанги* до *Семи Протоковъ* четырнадцать верстъ. Мы до Семи Протоковъ сдѣлали быстрый переходъ. Но погода стала портиться: подулъ холодокъ, когда мы въ темнотѣ пристали къ станціи и у пылавшаго костра застали якутовъ и русскихъ мужиковъ и бабъ; послѣднія очень красивы, особенно одна дѣвушка, лѣтъ шестнадцати. Мы вошли въ ихъ бѣдную избу, пили чай и слушали разсказы о трудностяхъ и недостаткахъ, съ какими впрочемъ неизбѣжно сопряжено первоначальное водвореніе въ новомъ краю. Въ избѣ и около избы толпились ребятишки, съ голыми ногами, грудью, и даже съ голымъ брюхомъ. Мы дали имъ двѣ рубашки и мальчишки съ гордостью и радостью надѣли ихъ. Благодарностямъ не было конца.

Пока мы сидѣли въ избѣ, задулъ вѣтеръ, повалилъ хлопьями снѣгъ, словомъ, вьюга, или по здѣшнему „пурга“. Мужики стали просить подождать до луны, иначе темно ѣхать, говорили они: трудно, много мелей. Мы согласились, но пошли спать въ лодку, чтобъ тронуться тотчасъ же, лишь взойдетъ луна. Ночью во снѣ я почувствовалъ, что какъ будто ѣду опять верхомъ, скачу опять по рытвинамъ: это потащили насъ по рѣкѣ. Холодъ разбудилъ меня; мы на мели. Якуты, стоя по колѣни въ рѣкѣ, сталкивали лодку съ мели, но ихъ усилія напротивъ столкнули лодку еще больше на мель и вскорѣ мы увидѣли, что стоимъ основательно, безъ надежды сдвинуться нашими силами. Наши люди вооружились: кто шестомъ, кто весломъ, и стали толкаться: все напрасно.

„Никакъ нельзя!“ въ одинъ голосъ сказали всѣ.

До станціи было еще семь верстъ. Мы послали одного изъ русскихъ проводниковъ туда, привести лодку почтовую, а сами велѣли Тимоѳею готовить обѣдъ: щи, вчерашнюю утку. На носу была набросана земля и постоянно горѣлъ огонь. Скоро задымилась кастрюля и черезъ часъмы обѣдали, знаете, какъ обѣдаютъ на станціяхъ, въ рощѣ, на пикникѣ и т. п. Кто ѣлъ изъ кружки, кто изъ чашки, на сундукѣ, на подставкѣ. Когда нужно столъ, обыкновенно говорили Ивану Григорьеву: „чтобъ былъ столъ“.—„Слушаю“, отвѣчалъ Иванъ и отправлялся въ лѣсъ: черезъ четверть часа передъ нами стоялъ столъ. Въ одной юртѣ не было ни оконъ, ни двери. Сказано Ивану Григорьеву, чтобъ была дверь и окно. „Слушаю“, сказалъ онъ и окна заткнулъ потниками отъ лошадей, а дверь такъ приладилъ, что на утро отворить было нельзя, а надобно было выколотить.

Наконецъ уже въ четыре часа явились люди со станціи снимать насъ съ мели, а между прочимъ мы, въ ожиданіи ихъ, снялись сами. Отчего же просидѣли часа четыре на одномъ мѣстѣ — осталось неизвѣстно. Мы живо пріѣхали на станцію. Тамъ встрѣтили насъ бабы, съ ягодами (брусникой), съ капустой и съ жалобами на горемычное житье-бытье: обыкновенный припѣвъ!

Станція называется *Маймаканъ*. Отъ нея двадцать двѣ версты до станціи *Иктенда*. Сейчасъ ѣдемъ. На горахъ не оттаялъ вчерашній снѣгъ; вѣтеръ дуетъ осенній; небо скучное, мрачное; рѣчка потеряла веселый видъ и опечалилась, какъ печалится вдругъ рѣзвое и милое дитя. Пошли опять то горы, то просѣки, острова и долины. До *Иктенды* проѣхали въ темнотѣ, лежа въ каютѣ, со свѣчкой, и ничего не видали. Отъ холода коченѣли ноги.

Отъ Иктенды двадцать восемь верстъ до *Терпилъской* и столько же до *Цыпандинской* станціи, куда мы и прибыли

часу въ восьмомъ утра, проѣхавъ эти 56 верстъ въ совершенной темнотѣ и во снѣ. Погода все одна и та же, холодная, мрачная. *Ципандинская* станція состоитъ изъ бѣдной юрты, безъ оконъ. Здѣсь, кажется, зимой не бываетъ станціи и оттого плоха и юрта, а, можетъ-быть, живутъ тунгузы.

Тунгузы — охотники, оленные промышленники и ямщики. Они возятъ зимой на оленяхъ, но, говорятъ, эта ѣзда вовсе не такъ пріятна, какъ на Невѣ, гдѣ какой-то выходецъ изъ Архангельска каталъ публику: издали все вѣдь кажется или хуже, или лучше, но во всякомъ случаѣ иначе, нежели вблизи. А здѣсь ѣзда на оленяхъ даже опасна, потому что Мая становится неровно, съ полыньями, да кромѣ того олени падаютъ во множествѣ, не выдерживая гоньбы.

Печальный, пустынный и скудный край! Какъ ни пробуютъ, хлѣбъ все плохо родится. Дальше, къ Якутску, говорятъ, лучше: и населеніе гуще и хлѣбъ богаче, порядка и труда больше. Не знаю; посмотримъ. А тутъ, какъ поглядишь, нѣтъ даже сѣнокосовъ; отъ болотъ топко; сѣна мало и скотъ пропадаетъ. Овощи родятся очень хорошо, и на всякой станціи, начиная отъ Нелькана, можно найти капусту, морковь, картофель и проч.

Якуты, народъ съ широкими скулами, съ маленькими глазами, такимъ же носомъ; бороду выщипываютъ; смуглые и съ черными волосами. Они, должно-быть, южнаго происхожденія и родня какимъ-нибудь маньчжурамъ. Всѣ они христіане, у всѣхъ мѣдные кресты; всѣ молятся; но говорятъ про нихъ, что они не соблюдаютъ постановленій церкви, т. е. постовъ. Да и трудно соблюдать, когда нечего ѣсть. Они ѣдятъ что̀ попало, бѣлокъ, конину и всякую дрянь; выпрашиваютъ также у русскихъ хлѣба. Русскіе всѣ старообрядцы, всѣ переселены изъ-за Байкала. Но всюду здѣсь водруженъ крестъ, благодаря стараніямъ Иннокентія и его предшественниковъ.

Чабда, станція 2-го сентября.

Мы все еще плывемъ по Маѣ, но холодно: вѣтеръ изъ осенняго превратился въ зимній; падаетъ снѣгъ; руки коченѣютъ, ноги тоже. Лѣса по берегамъ желтые; по рѣкѣ несутся падшіе листья; все печально. Послѣ завтрака посмотришь, посмотришь, да и ляжешь опять спать, а послѣ обѣда опять. Станціи пошли русскія. Якуты здѣсь только ямщики; они получаютъ жалованье, а русскіе опредѣлены содержателями станцій и получаютъ всѣ прогоны, да еще отъ казны дается имъ по два пуда въ мѣсяцъ хлѣба на мужика и по одному на бабу. Они обязаны содержать въ исправности данныя имъ отъ казны почтовыя лодки. Прогоны платятъ по $1^1/_2$ коп. сер. съ человѣка. Всѣхъ станцій по Маѣ двадцать-одна, по тридцати, тридцати пяти и сорока верстъ каждая. У русскихъ можно найти хлѣбъ; родятся овощи, капуста, морковь, картофель, брюква, кое-гдѣ есть коровы: можно имѣть и молоко, сливки, также рыбу, похожую на сиги. На нѣкоторыхъ станціяхъ, напримѣръ, въ Аймѣ, и вообще тамъ, гдѣ есть конторы американской компаніи, можно доставать говядину.

Рѣка, чѣмъ ниже, тѣмъ глубже, однако мы садились раза два на мель: ночью я слышалъ смутно шумъ, возню: якуты бросаются въ воду и тащатъ лодку. Вчера одинъ изъ гребцовъ кричитъ къ намъ въ дверь каюты: „Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе!“ —„Ну?“ сказалъ я. Товарищи мои спали. „Можно ревѣть?“ —„Если это тебѣ нравится, пожалуй, только ты перебудишь всѣхъ. Зачѣмъ?“ —„Станокъ (станція) близко: не видно, гдѣ пристать: тамъ услышатъ, огонь зажгутъ“. —„Ну, реви!“ По рѣкѣ понеслись фальцетто, медвѣжьи басы—ужасъ! И это повторяется каждую ночь, когда подъѣзжаемъ къ станціи.

Да, это путешествіе не похоже уже на роскошное плаваніе на фрегатѣ: спишь, одѣтый, на чемоданахъ; ремни

врѣзались въ бока, кутаешься въ пальто: стѣнки нашей каюты выстроены, какъ балаганъ: щели въ палецъ: вѣтеръ сквозитъ и свищетъ—все à jour, а слава Богу, ничего: могло бы быть и хуже.

Сегодня Иванъ Григорьевъ просунулъ къ намъ голову: „Не прикажете ли бросить этотъ камень?“ Онъ держалъ какой-то красивый, пестрый камень въ рукѣ. „Какъ можно! это надо показать въ Петербургѣ: это замѣчательный камень, изъ Бразиліи...“—„Бѣлья некуда дѣвать“, говорилъ Иванъ Григорьевъ, „много мѣста занимаетъ. И что за камень? хоть бы для точила годился!“

Отъ Чабдинской станціи тянется сплошной, каменный высокій берегъ, версты на три, представляющій природную, какъ будто нарочно отдѣланную набережную. Рѣка здѣсь широка, будетъ съ нашу Оку: по берегамъ всюду мелкій лѣсъ. Мужики—все переселенцы изъ-за Байкала. Хлѣбъ здѣсь принимается порядочно, но мужики жалуются на прожорливость бурундучковъ, тѣхъ маленькихъ лѣсныхъ звѣрьковъ, въ родѣ мышей, которыми мы любовались въ лѣсахъ. Русскіе не хвалятъ якутовъ, говорятъ, что они плохіе работники. „Дай хоть цѣлковый въ день, ни за что пахать не станетъ“. Между тѣмъ они на греблѣ работаютъ безъ устали, тридцать и сорокъ верстъ, и чуть станемъ на мель, сейчасъ бросаются съ голыми ногами въ воду тащить лодку, несмотря на рѣзкій холодъ. Переселенцевъ живетъ по одной, по двѣ и по три семьи. Женщины красивы, высоки ростомъ, стройны и съ пріятными чертами лица. Всѣ изъ-за Байкала, отчасти и съ Лены.

Усть-Маи, Алданская слобода. 3-го сентября.

Мы пока кончили водяное странствіе. Сегодня сдѣлали послѣднюю станцію. Я опять цѣлый день любовался на трехъ

станціяхъ природной каменной набережной изъ плитняка. Ежели бъ такая была въ Петербургѣ, или въ другой столицѣ, искусству нечего было бы прибавлять, развѣ чугунную рѣшетку. Рѣка, разливаясь, оставляетъ по себѣ слѣдъ, кладя слоями легкія замѣтки. Особенно хороши эти замѣтки на глинистомъ берегу. Глина крѣпка, и слои—какъ ступени: издали весь берегъ похожъ на деревянную лѣстницу.

Лѣтомъ плаваніе по Маѣ—чудесная прогулка: острова, мысы, березнякъ, тальникъ, ельникъ, все это со всѣхъ сторонъ замыкаетъ вашъ горизонтъ; все живописно, игриво, недостаетъ только селъ, городовъ, деревень; но они будутъ—нѣтъ сомнѣнія. Чѣмъ ниже спускались мы по Маѣ, тѣмъ болѣе переселенцы хвалили свое житье-бытье. Вездѣ строятъ на станціяхъ избы, вездѣ огородъ первый бросается въ глаза: снопы конопли стоятъ сжатые. Тунгузы начинаютъ перенимать. Вчера уже на одной станціи, *Урядской* или *Уряхской*, хозяинъ съ большимъ семействомъ, женой, многими дѣтьми, благословлялъ свою участь, хвалилъ, что хлѣбъ родится, что надо только работать, что изъ конопли они дѣлаютъ себѣ одежду, что чего недостаетъ, начальство снабжаетъ всѣмъ: хлѣбомъ, скотомъ: что онъ всѣмъ доволенъ, только недостаетъ одного..." „Чего же?" спросили мы.— „Кошки", сказалъ онъ: „послѣднее отдалъ бы за кошку: такъ мышь одолѣваетъ, что ничего нельзя положить, рыбу ли, дичь ли, ушкана ли (зайца)—все жретъ".

Мы вездѣ, гдѣ намъ предложатъ капусты, моркови, молока, все беремъ съ величайшимъ удовольствіемъ и щедро платимъ за все, лишь бы поддерживалась охота въ переселенцахъ жить въ этихъ новыхъ мѣстахъ, лишь бы не оставляла ихъ надежда на сбытъ своихъ произведеній. Желательно, чтобъ всѣ проѣзжіе по мѣрѣ силъ поддерживали эту надежду. Сегодня мы съ к. О. пошли изъ слободы пройтись, зашли въ лѣсъ и встрѣтили двухъ якутовъ съ корзинкой. Въ

корзинкѣ была дичь: два тетерева, утка и прекрасная большая рыба. „Куда вы идете?“ спросили мы. „Не толкуй“, сказали они, т.-е. не знаемъ по-русски. „А это кому?“ спросили мы, показывая на дичь и рыбу. „Торгуй“, т.-е. покупай, отвѣчали они. Я ихъ послалъ на нашу квартиру, гдѣ у нихъ все купили и заплатили, что они хотѣли, за что я и былъ браненъ распорядителемъ нашихъ расходовъ, П. А. Т.

По случаю этихъ покупокъ, наша лодка походила немного на китайскую джонку. Вверху лежала дичь и овощи (на крышкѣ бесѣдки), на носу говядина, тамъ же тлѣлъ огонь и дымилась кастрюля. Эту фламандскую картину дополняла собака, которая виляла хвостомъ, норовя стащить плохо положенный кусокъ. Въ одной юртѣ она и такъ отличилась: якуты не имѣютъ ни полокъ, ни поставцовъ, какъ русскіе, и ставятъ свои чашки и блюда подъ лавкой. Они поспѣшили встрѣтить насъ и спрятали туда остатки своего ужина. Пока мы усаживались, собака очистила всѣ ихъ чашки. „И дѣльно: не ставь снѣдь подъ лавку!“ Замѣтилъ Иванъ Григорьевъ.

Одно неудобно: у насъ много людей. У троихъ четверо слугъ. Довольно было бы и одного, а то они мѣшаютъ другъ другу и лѣнятся. „У нихъ ужъ завелась лакейская“, говоритъ справедливо к. О., а это хуже всего. Ихъ не добудишься, не дозовешься, лѣнятся, спятъ, надѣясь одинъ на другого; курятъ наши сигары.

Сегодня, возвращаясь съ прогулки, мы встрѣтили молодую крестьянскую дѣвушку, очень недурную собой, но съ болѣзненной блѣдностью на лицѣ. Она шла въ пустую, вновь строющуюся избу. „Здравствуй! ты нездорова?“ спросили мы.—„Была нездорова: голова съ мѣсяцъ болѣла, теперь здорова“, бойко отвѣчала она. „Какая же ты красавица!“ сказалъ кто-то изъ насъ.—„Ишь что выдумали!“

отвѣчала она: „вотъ войдите-ка лучше посмотрѣть, хорошо ли мы строимъ новую избу?“

Мы вошли: печь не была еще готова; она клалась изъ необожженныхъ кирпичей. Потолокъ очень высокъ; три большія окна по фасаду и два на дворъ, словомъ, большая и свѣтлая комната. „Начальство велитъ дѣлать высокія избы и большія окна“, сказала она.—„Кто жъ у васъ дѣлаетъ кирпичи?“—„Кто? я дѣлаю, еще отецъ“.—„А ты умѣешь дѣлать мужскія работы?“—„Какъ же, и бревна рублю, и пашу“.—„Ты хвастаешься!“ мы спросили брата ея, правда ли? „Правда“, сказалъ онъ.—„А мнѣ не повѣрили, думаете, что вру: врать не хорошо!“ замѣтила она. „Я шью и себѣ, и семьѣ платье, и даже обутки (обувь) дѣлаю“.—„Неправда. Покажи башмакъ“. Она показала препорядочно сдѣланный башмакъ. „Здѣсь мѣста привольныя“, сказала она: „только работай, не лѣнись: рожь славная родится, особенно озимая, конопля; и скотинѣ хорошо—все. Вина нѣтъ, мужикъ не пьетъ; мы славно здѣсь поправились, а пришли безъ гроша. Теперь у насъ корова съ теленкомъ, лошадь; понемногу заводимся. Вотъ новую-то избу хотимъ подъ станокъ (станцію) отдать“.

Вина въ самомъ дѣлѣ пока въ этой сторонѣ нѣтъ—непьющіе этому рады: всѣ, поневолѣ, ведутъ себя хорошо, не разоряются. И мы рады, что наше вино вышло (разбилось на горѣ, говорятъ люди): только П. А. жалобно по вечерамъ проситъ рюмку вина, жалуясь, что зябнетъ. Но безъ вина рѣшительно лучше, нежели съ нимъ: и люди наши трезвы, пьютъ себѣ чай и, слава Богу, никто не боленъ, даже чуть ли не здоровѣе.

Мы здѣсь нашли исправника. Онъ послалъ за лошадьми и впередъ далъ знать, чтобъ была подстава. Опять верхомъ, опять болота и топи! Утѣшаютъ, что тутъ дорога лучше—дай Богъ! Можно, говорятъ, ѣхать верхомъ только верстъ

восемьдесятъ, а дальше на колесахъ. Но лучше ли трястись на телѣгахъ, нежели верхомъ—не знаю. А другихъ экипажей здѣсь нѣтъ. Мы сдѣлали восемьсотъ верстъ: двѣсти верхомъ, да шестьсотъ по Маѣ: остается до Якутска четыреста верстъ. А тамъ Леной три тысячи верстъ, да отъ Иркутска шесть тысячъ—страшныя цифры! Надо спѣшить изъ Якутска сѣсть въ лодку на Ленѣ никакъ не позже десятаго сентября, иначе не доберешься до Иркутска до закрытія рѣки.

Въ лѣсу, на тундрѣ. 5-го сентября.

Мочи нѣтъ, опять болота одолѣли! Лошади уходятъ по брюхо. Якутъ говоритъ: „всяко бываетъ, и падаютъ; лучше пѣшкомъ или „*пѣшкьюемъ*“, какъ онъ пренѣжно произноситъ. „Весной здѣсь все вода, все вода“, далѣе говоритъ онъ: „почтальонъ ѣхалъ, нельзя ѣхать, слѣзъ, *пѣшкьюемъ* шелъ по грудь, холодно, озябъ, очень *сердился*“.

Мы вторую станцію ѣдемъ отъ Устьмая или Алданскаго селенія. Вчера сдѣлали тридцать одну версту, тоже по болотамъ, но тѣ болота ничто въ сравненіи съ нынѣшними. Станція положена, по ихъ милости, всего семнадцать верстъ. Мы встали со свѣтомъ, поѣхали еще по утреннему морозу; лошади скользятъ на каждомъ шагу; онѣ не подкованы. К. О. говоритъ, что онѣ тверже копытами, оттого будто, что овса не ѣдятъ.

Товарищи мои и вьюки всѣ уѣхали впередъ; я оставилъ только своего человѣка и, гдѣ чуть сносно—ѣду, гдѣ худо—иду. Большая дорога—корыто грязи. Проводникъ, со всею якутскою учтивостью, отламываетъ отъ дерева сукъ, отрубаетъ ножомъ вѣтви и подаетъ мнѣ посохъ. Сегодня мы ночевали въ юртѣ. Что это за наказаніе! Дрянныя бревна едва сколочены, щели заклеены бумагой, лавки покрыты

сѣномъ, да каминъ, отъ огня котораго некуда дѣваться. За то мы вчера пили чай съ дамами, съ якутскими. Мы ихъ позвали сѣсть съ собой за столъ, а мужчинъ оставили, гдѣ они были, въ углу. Якутки были въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ изъ оленьей шкуры, въ бѣломъ балахонѣ и въ знаменитыхъ *сарахъ*. Но этой причинѣ мы всѣ пятились отъ нихъ. Двѣ изъ нихъ—молодыя. Имъ налили чаю; онѣ сняли шапки, поправили волосы и перекрестились, взявъ стаканы. Одна принесла намъ молока. Здѣсь есть уже коровы. Но до свиданія: пора, пора, опять по кочкамъ!

Пока я писалъ въ лѣсу и осторожно обходилъ болота, товарищи мои, подождавъ меня на станкѣ, уѣхали впередъ, оставивъ мнѣ чаю, сахару, даже мяса, и увезли съ тюками мою постель, бѣлье и деньги. Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, воротился к. О., встрѣтившій на дорогѣ исправника. Послѣдній (г. Атласовъ, потомокъ Атласова, одного изъ самыхъ отважныхъ покорителей Камчатки) былъ такъ добръ, что нарочно ѣздилъ впередъ заготовить намъ лошадей. Съ слѣдующей станціи можно, хотя съ нуждою, ѣхать въ телѣгѣ. Есть всего одна телѣга: ее оставляютъ мнѣ, а прочіе ѣдутъ верхомъ.

Вотъ я одинъ, съ человѣкомъ, въ самобѣднѣйшей юртѣ, со множествомъ щелей, между якутами, въ ихъ семействѣ. Я принятъ очень хорошо. Въ каминъ подложили дровъ, уступили мнѣ передній уголъ, принесли молока. Не разговорчивы только: что ни спросишь, только и отвѣчаютъ „не толкуй“, т.-е. не знаю. Дико, бѣдно и... неопрятно, хотѣлъ было сказать, но оглядываюсь: ни одного таракана и ничего другого... Правду сказать, какъ и ужиться насѣкомому тамъ, гдѣ стѣнки состоятъ изъ одинокихъ бревенъ безъ конопатки, едва кое-гдѣ замазанныя глиной? Каминъ горитъ постоянно, покуда потушатъ; въ юртѣ все равно, что на дворѣ. Ахъ, скорѣе бы выбраться изъ этихъ нежилыхъ, без-

молвныхъ мѣстъ! Тоска: на разстояніи тридцати верстъ ни живой души, ни встрѣчи съ человѣкомъ, ни жилища на дорогѣ, ни даже самой дороги! Лѣсъ и болото. Дорога отсюда, говорятъ, идетъ хуже: ужели хуже этой, что̀ была на сегодняшнихъ семнадцати верстахъ? До Якутска еще около трехсотъ-пятидесяти верстъ. Нѣтъ, видно не попасть мнѣ на Лену до льда: придется ждать зимняго пути въ Якутскѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по этому тракту была бы уже давно колесная дорога, если бъ... были проѣзжіе: но ихъ такъ мало, и то случайно, что издержки и труды, по устройству дороги, не вознаградятся ничѣмъ.

Здѣсь, на станціи, уже замѣтно обиліе. У хозяина есть четыре или пять коровъ и столъ покрытъ красной тряпкой.

6-го сентября. Сегодня проѣхали тридцать одну версту, и все почти на рысяхъ. Мнѣ дали необыкновенно покойную, неспотыкливую лошадь. Хотя дорога несравненно лучше вчерашнихъ семнадцати верстъ, но мѣстами было такъ худо, что изъ рукъ вонъ! Ѣдете по прекрасной тропинкѣ, вдругъ саженъ на сто болото. Когда я вышелъ сегодня изъ юрты садиться на лошадь, все было покрыто выпавшимъ ночью снѣгомъ. Я недоумѣвалъ, какъ же намъ ѣхать? Всѣ рытвины, ямы и кочки прикрыты снѣгомъ — коварно прикрытый обманъ! А вышло лучше: не видишь, такъ и не думаешь. Сомнѣнія и ожиданія дурного тревожатъ болѣе, нежели самое дурное: я думаю, это всѣ испытываютъ на каждомъ шагу.

Въ лѣсу, на семнадцатой верстѣ, лошадь ямщика захотѣла отдохнуть, а я позавтракать. Вся трава была мокрая отъ снѣга и лечь на нее было нельзя. Я нашелъ въ лѣсу оставленную кѣмъ-то нару (сани) и легъ на нее, какъ на диванъ; кругомъ пустыня. Впрочемъ, что такое пустыня: сосновый да еловый лѣсъ, да по временамъ горы и болота! Отъѣзжайте верстъ за тридцать отъ Петербурга или отъ

Москвы куда-нибудь въ лѣсъ—и вы будете точно въ такой же пустынѣ; вообразите только, что кругомъ никого нѣтъ верстъ на тысячу, какъ я воображаю, что здѣсь поблизости живутъ.

Сегодня, задолго до захожденія солнца, при разгулявшейся погодѣ, пріѣхали мы на станцію, не знаю какую—названія чудовищныя. Кругомъ коровы, лошади, и между прочимъ—телѣга; у главной юрты есть службы, хозяйственный видъ порядка и довольства. Телѣга приготовлена для меня. Товарищи мои уѣхали сегодня утромъ впередъ. Здѣсь видны уже признаки колесъ. Юрта здѣсь получше, только вездѣ щелей много, да сверху изъ-подъ крыши все что-то сыплется на голову, должно-быть, мыши возятся. Двѣ якутки хлопочутъ около какой-то кастрюли. По платью ихъ не отличишь отъ мужчинъ, только и можно узнать по серьгамъ. Ямщики ужинаютъ. Огонь трещитъ, искры летятъ во всѣ стороны, такъ что страшно заснуть.

7-го сентября. Кажется, я раскланялся съ верховой ѣздой. Вотъ ужъ другую станцію ѣду въ телѣгѣ, или *скатѣ*, какъ ее называютъ здѣсь и русскіе и якуты, не знаю только на какомъ языкѣ. Телѣга какъ телѣга, только гораздо больше, длиннѣе и глубже обыкновенной. Когда я сѣлъ сегодня въ нее, какимъ диваномъ показалась она мнѣ послѣ верховой ѣзды! Вы думаете, если въ телѣгѣ, такъ ужъ мы ѣхали по дорогѣ, по колеямъ: отнюдь нѣтъ; просто по тропинкамъ, да по мерзлымъ кочкамъ, или цѣликомъ по травѣ. Взглянувъ на такую дорогу, непремѣнно скажешь, что по ней ни пройти, ни проѣхать нельзя, но проскакать можно; и якутъ скакалъ во всю прыть, такъ что духъ замираетъ. Мнѣ сдѣлали изъ ремней такъ называемый *плётъ*: ѣдешь точно въ дормезѣ, не тряхнетъ!

Другую станцію, *Ичугей-Муранскую*, везъ меня Егоръ Петровичъ Бушковъ, мѣщанинъ, имѣющій четыре лошади

и нанимающійся ямщикомъ у подрядчика, якута. Онъ и живетъ съ послѣднимъ въ одной юртѣ; тутъ и жена его, и дѣти. Изъ дверей выглянула его дочь, лѣтъ одиннадцати, хорошенькая дѣвочка, совершенно русская. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ я.—„Матрёной“, сказалъ отецъ. „Она не говоритъ по-русски“, прибавилъ онъ. — „Мать у нея якутка? Не эта ли?“ спросилъ я, указывая на какое-то существо, всего меньше похожее на женщину.— „Нѣтъ, русская; а мы жили все съ якутами, такъ вотъ дѣти по-русски и не говорятъ“. Охъ, еще сильна у насъ страсть къ иностранному: не по-французски, не по-англійски, такъ хоть по-якутски пусть дѣти говорятъ! Отчего Егоръ Петровичъ Бушковъ живетъ на Ичугей-Муранской станціи, отчего нанимается у якута и живетъ съ нимъ въ юртѣ—это его тайны, къ которымъ я ключа не нашелъ.

Я только-было похвалилъ юрты за отсутствіе насѣкомыхъ, какъ на прошлой же станціи столько увидѣлъ таракановъ, сколько никогда не видалъ ни въ какой русской избѣ. Я не рѣшился войти. Здѣсь то же самое, а я ночую! Но, кажется, тутъ не одни тараканы: ужели это отъ нихъ я ворочаюсь съ боку на бокъ?

Итакъ, сегодня я сдѣлалъ пятьдесятъ четыре версты. Лошадей нѣтъ: всѣхъ забрали товарищи. Они, какъ я узналъ отъ ямщиковъ, сдѣлали одну станцію въ телѣгахъ; а дальше поѣхали верхомъ. Здѣсь предпочитаютъ ѣхать верхомъ всѣ сто восемьдесятъ верстъ до *Аминской* слободы, заселенной русскими; хотя можно ѣхать только семьдесятъ семь верстъ, а дальше на телѣгѣ, какъ я и сдѣлалъ. Только не требуйте колеи, а поѣзжайте бо́льшею частью по тропинкѣ, или цѣликомъ по болоту, которое усѣяно поросшими травой кочками, очень похожими на сжатые и связанные снопы ржи. Оно довольно

красиво: телѣга подпрыгиваетъ, якутъ ѣдетъ рысью тамъ, гдѣ нашъ ямщикъ задумался бы проѣхать шагомъ.

Дорога идетъ все оживленнѣе. Кое-гдѣ есть юрты уже не изъ однихъ бревенъ, а обмазанныя глиной. Видны стога сѣна, около пасутся коровы. У Егора Петровича ихъ десять.

Лѣсъ идетъ разнообразнѣе и крупнѣе. Огромныя сосны и ели, часто надломившись живописно, падаютъ на сосѣднія деревья. Травы обильны. „Сѣна-то, сѣна-то! никто не коситъ!“ безпрестанно восклицаетъ съ соболѣзнованіемъ Тимоѳей, хотя ему десять разъ сказано, что тутъ некому косить. „Даромъ пропадаетъ!“ со вздохомъ говоритъ онъ.

Большихъ горъ нѣтъ, но мы ѣдемъ все у подножія холмовъ, усѣянныхъ крупнымъ лѣсомъ. Безпрестанно встрѣчаются якуты; они тихій и вѣжливый народъ: съѣзжаютъ съ холмовъ, съ дороги, чтобъ только раскланяться съ проѣзжимъ. Отъ Амги шесть станцій до Якутска, но тамъ уже колесная ѣзда, даже есть на станціяхъ тарантасы. Нѣтъ сомнѣнія, что будетъ ѣзда и дальше по аянскому тракту. Все годъ отъ году улучшается; разставлены версты; назначено строить станціонные дома. И теперь, посмотрите, какія горы срыты, какія непроходимыя болота сдѣланы проходимыми! Сколько трудовъ, терпѣнія, вниманія—на такихъ пространствахъ, куда никто почти не ѣздитъ, гдѣ никто почти не живетъ! Если бъ видѣли наши столичные чиновные львы, какъ здѣшніе служащіе (и самъ генералъ-губернаторъ) скачутъ по этимъ пространствамъ, они бы покраснѣли за свои, такъ называемые *неусыпные* труды... А, можетъ-быть, и не покраснѣли бы!

Амгинская станція. 8-го сентября.

Не вѣришь, что ѣдешь по Якутской области, куда, бывало, воронъ костей не занашивалъ—такъ оживлены поля

хлѣбами, ячменемъ, и даже мы видѣли вершокъ пшеницы но ржи нѣтъ. Хлѣбъ уже въ снопахъ, сѣно въ стогахъ. День великолѣпный. Заслышавъ нашъ колокольчикъ у рѣчки, вдругъ впередъ отъ насъ бросилось въ испугѣ еще непривычное здѣсь къ этимъ звукамъ стадо лошадей; только очутившаяся между ними корова, съ удивленіемъ, казалось, глядѣла, чего это онѣ такъ испугались. Волъ, съ продѣтымъ кольцомъ въ носу, везшій якутку, вдругъ уперся и поворотилъ морду въ сторону, косясь на нашъ поѣздъ.

Въ девяти верстахъ отъ *Натарской* станціи мы переправились черезъ рѣчку *Амгу*, впадающую въ Маю, на паромѣ первобытной постройки, т.-е. на десяткѣ связанныхъ лыками бревенъ и больше ничего, а между тѣмъ на немъ стояла телѣга и тройка лошадей.

На другой сторонѣ я нашелъ свѣжихъ лошадей и быстро помчался по отличной дорогѣ, т.-е. гладкой луговинѣ, но безъ колей: это еще была послѣдняя верховая станція. Далѣе поля все шли лучше и богаче. По сторонамъ видны были юрты; на поляхъ свозили ячмень въ снопы и сѣно на волахъ, запряженныхъ въ длинныя сани—да, сани, нужды нѣтъ, что безъ снѣгу. Искусство дѣлать колеса видно еще не распространилось здѣсь повсюду, или для кочекъ и болотъ сани оказываются лучше—не знаю: Егоръ Петровичъ не могъ сказать мнѣ этого. „Исправные (богатые) якуты живутъ здѣсь“, сказалъ онъ только въ отвѣтъ на замѣчаніе мое о богатствѣ стороны.—„А ржи не сѣютъ?“ спросилъ я. — „Нѣтъ-съ“. — „Что жъ они ѣдятъ?“—„А ячменную муку: пекутъ изъ нея лепешки съ масломъ и водой, варятъ эту муку“. — „А за Амгинской слободой тоже сѣютъ?“ — „Нѣтъ, тамъ не сѣютъ: зябнетъ очень хлѣбъ, тамъ холодно“.—„Да вѣдь всего разницы верстъ тридцать или сорокъ будетъ“. — „Точно-съ, и сами не надивимся этому“.—„Ловится ли рыба въ рѣчкѣ Амгѣ?“—„Какъ же-съ, разная, только мелкая“.

О дичи я не спрашивалъ, водится ли она, потому что не проходило ста шаговъ, чтобъ изъ-подъ ногъ лошадей не выскочилъ то глухарь, то рябчикъ. Послѣдніе летали стаями по деревьямъ. На озерахъ, въ двадцати саженяхъ, плескались утки. „А есть звѣри здѣсь?“ спросилъ я. „Никакъ нѣтъ-съ, не слыхать: ушкановъ только много, да вотъ бурундучки еще“.—„А медвѣди, волки?...“—„И не видать совсѣмъ“.

Вотъ поди же ты, а Петръ Маньковъ на Маѣ сказывалъ, что ихъ много, что вотъ, слава Богу, красный звѣрь уляжется скоро, и не страшно будетъ жить въ лѣсу. „А что тебѣ красный звѣрь сдѣлаетъ?“ спросилъ я. — „Какъ что? по бревнышку всю юрту разнесетъ“. — „А развѣ разносилъ у кого-нибудь?“ — „Никакъ нѣтъ, не слыхать“.—„Да ты видывалъ краснаго звѣря тутъ близко?“ „Никакъ нѣтъ. Богъ миловалъ“.

Мы быстро доѣхали до Амгинской слободы. Она разбросана на двухъ-трехъ верстахъ; живутъ все якуты, бо́льшею частью въ избахъ, не совсѣмъ русской, но и не совсѣмъ якутской постройки. Красная тряпка на столѣ подъ образами рѣшительно начинаетъ преобладать и намекаетъ на Европу и цивилизацію. Въ Амгѣ она уже—не тряпка, а кусокъ краснаго сукна. Содержатель станціи, изъ казаковъ, очень холодно объявилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ: товарищи мои всѣхъ забрали. „А лошадей-то надо“, сказалъ я.—„Нѣтъ“, холодно повторилъ онъ.—„А если я опоздаю въ городъ“, еще холоднѣе сказалъ я, „да меня спросятъ, отчего я опоздалъ, а я скажу оттого-молъ, что у тебя лошадей не было...“ Хотя казакъ не зналъ, кто меня спроситъ въ городѣ и зачѣмъ, я самъ тоже не зналъ, но однакожъ это подѣйствовало. „Вы не накушаетесь ли чаю здѣсь?“—„Можетъ-быть, а что?“—„Такъ я коней-то излажу“. Я согласился и пошелъ къ священнику. Въ слободѣ есть деревянная

церковь во имя Спаса Преображенія. Священниковъ трое: они объѣзжаютъ огромныя пространства, съ требами. Въ самой слободѣ всего около шестисотъ душъ.

Все сдѣлалось, какъ сказалъ казакъ: черезъ часъ я мчался такъ, что духъ захватывало. На одной тройкѣ, въ „скатѣ", я, на другой мои вьюки. Часа черезъ полтора мы примчались на *Крестовскую* станцію. — „*Однако* лошадей нѣтъ", сказалъ мнѣ русскій якутъ. Надо знать, что здѣсь дѣлаютъ большое употребленіе, или, вѣрнѣе, злоупотребленіе изъ *однако*, какъ я замѣтилъ. „*Однако* подои корову", вдругъ, ни съ того, ни съ сего, говоритъ одинъ другому русскій якутъ: онъ русскій родомъ, а по языку якутъ. Да Егоръ Петровичъ самъ, встрѣтивъ въ слободѣ какого-то человѣка, вдругъ заговорилъ съ нимъ по-якутски. „Это якутъ?" спросилъ я. „Нѣтъ, русскій, родной мой братъ". — „Онъ знаетъ по-русски?" — „Какъ же, знаетъ". — Такъ что-жъ вы не по-русски говорите?" — „Обычай такой..."

Крестовская станція похожа больше на ферму, а вся эта Амгинская слобода, съ окрестностью, на какую-то нѣмецкую колонію. Славный скотъ, женщины ѣздятъ на быкахъ; юрты чистенькія (если не упоминать о блохахъ).

„*Однако* лошадей надо", сказалъ я. — „Нѣту", отвѣчалъ русскій якутъ. — „А если я опоздаю пріѣхать въ городъ", началъ я, „да меня спросятъ, отчего..." и я повторилъ остальное. Опять подѣйствовало. Явились четверо якутовъ, настоящихъ якутскихъ якутовъ, и живо запрягли. Подъ вьюки заложили три лошади и четвертую привязали сзади, а мнѣ только пару. „Отчего это?" спросилъ я. — „Ту на дорогѣ припряжемъ", сказали они. — „Ну, я пойду немного пѣшкомъ", сказалъ я и пошелъ по прекрасному лугу, мимо огромныхъ сосенъ. „Нельзя, баринъ: лошадь-то коренная у насъ съ мѣста прыгаетъ козломъ, на дорогѣ не остановишь". — „Пустое, остановишь!" сказалъ я и пошелъ.

Долго еще слышалъ я, что *Затый* (какъ называлъ себя, и другіе называли его), тоже русскій якутъ, упрашивалъ меня сѣсть. Я прошелъ съ версту и вдругъ, слышу, за мной мчится бѣшеная пара; я раскаялся, что не сѣлъ: остановить было нельзя. *Затый* (вѣроятно *Закхей*) направилъ ихъ на лугъ и на дерево, онѣ стали. Я сѣлъ; лошади вдругъ стали ворочать назадъ; телѣга затрещала, *Затый* терялся; прибѣжали якуты; лошади начали бить; наконецъ ихъ распрягли и привязали одну къ загородкѣ, ограждающей болото; она рванулась: гнилая загородка не выдержала и лошадь помчалась въ лѣсъ, унося съ собой на веревкѣ почти цѣлое бревно отъ забора.

„Теперь не поймаешь ее до утра, а лошадей нѣтъ!“ съ отчаяніемъ сказалъ *Затый*. Мнѣ стало жаль его: виноватъ былъ одинъ я. „Ну, нечего дѣлать, я останусь здѣсь до разсвѣта, лошади отдохнутъ и мы поѣдемъ“, сказалъ я.

Онъ просіялъ радостью, а я огорчился тѣмъ, что надо сидѣть и терять время. „Нечего дѣлать, готовь бифстексъ, ставь самоваръ“, сказалъ я Тимоѳею.—„А изъ чего?“ мрачно отвѣчалъ онъ: „провизія съ вьюками ушла впередъ“. Я еще больше опечалился и продолжалъ сидѣть въ отпряженной телѣгѣ, съ поникшей головой. „Чай готовить?“ спросилъ меня Тимоѳей. „Нѣтъ“, мрачно отвѣчалъ я. Якуты съ любопытствомъ посматривали на меня. Вдругъ ко мнѣ подходитъ хозяйскій сынъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, говорящій по-русски. „Баринъ“, сказалъ онъ робко. „Ну!“ угрюмо отозвался я. „У насъ есть утка, сегодня застрѣлена, не будешь ли ужинать?“—„Утка?“—„Да, и рябчикъ есть“.—Мнѣ не вѣрилось. „Гдѣ? покажи“. Онъ побѣжалъ въ юрту и принесъ и рябчика и утку. „Еще сегодня они оба въ лѣсу гуляли“.—„Рябчикъ и утка, и ты молчалъ! Тимоѳей! смотри: рябчикъ и утка...“ „Знаю, знаю“, говорилъ Тимоѳей: я ужъ и сковороду чищу“. Черезъ часъ я ужиналъ отлично,

Якутъ принесъ мнѣ еще двѣ пары рябчиковъ и тетерева на-завтра.

9 сентября. „*Однако*, есть лошади?“ спросилъ я на *Ыргалахской* станціи... „Коней нѣтъ“, былъ отвѣтъ. „А если я опоздаю, да въ городѣ спросятъ“ и т. д. „Коней нѣтъ“, повторилъ русскій якутъ.

Дорога была прекрасная, т.-е. грязная, слѣдовательно для лошадей очень нехорошая, но сѣдоку мягко. Вездѣ луга и сѣно, а хлѣба нѣтъ; изъ города привозятъ. Видѣлъ якутку, одну наконецъ хорошенькую, и конечно кокетку. Замѣтивъ, что на нее смотрятъ, она то спрячется за копну сѣна, которое собирала, то за морду вола, и такъ лукаво выглядываетъ изъ-за роговъ...

Сосны великолѣпныя, по нимъ и около нихъ по землѣ стелется мохъ, которой ѣдятъ олени и курятъ якуты, въ прибавокъ къ махоркѣ. „Хорошо, славно!“ сказалъ мнѣ одинъ якутъ, подавая свою трубку: „покури“. Я бы охотно уклонился отъ этой любезности, но неучтиво. Я покурилъ: странный, но не непріятный вкусъ, наркотическаго ничего нѣтъ.

Еще я попробовалъ вчера гдѣ-то кирпичнаго чаю: тоже наркотическаго мало, похоже на какую-то лѣкарственную траву. Когда я подскакалъ на двухъ тройкахъ къ *Ыргалахской* станціи, съ противоположной стороны подскакала другая тройка; я еще издали видѣлъ, какъ она неслась. Коренная мчалась нахально, подымая шею, пристяжныя мотали головами, то опуская ихъ къ землѣ, то поднимая, какъ какія-нибудь отчаянныя кутилы. Онѣ сошлись съ моими лошадьми и дружески обнюхались, а мы, т.-е. сѣдоки, обмѣнялись взглядами, потомъ поклонами. Это былъ засѣдатель. „Лошадей вотъ нѣтъ“, сейчасъ же пожаловался я. Онъ оборотился къ старостѣ и сказалъ ему что-то по-якутски. Я такъ и ждалъ, что меня оба они спросятъ: parlez vous yacouth? и кажется, покраснѣлъ бы, отвѣчая, non, messieurs.

Потомъ засѣдатель сказалъ, что лошади только-что пріѣхали и дѣйствительно измучены, что „лучше вамъ подождать до свѣта, а то ночью тутъ гористо“ и т. п.

Нечего дѣлать: засѣдатель — авторитетъ въ подобныхъ случаяхъ и я покорился его рѣшенію. Мы принялись за чай. „У меня есть рябчики, и свѣжіе“, сказалъ я. „А!“ значительно сдѣлалъ засѣдатель: „а у меня огурцы“, прибавилъ онъ. „А!“ еще значительнѣе сдѣлалъ я. „У меня есть говядина“, сказалъ я, больше затѣмъ, чтобъ узнать, что̀ есть еще у него. „У меня—бѣлый хлѣбъ“.—„Это очень хорошо; у меня есть черный...“ — „Прекрасно!“ замѣтилъ собесѣдникъ.—„Да человѣкъ вчера просыпалъ въ него лимонную кислоту: ѣсть нельзя. Но зато у меня есть англійскіе супы, въ презервахъ“, добавилъ я. „Очень хорошо“, сказалъ онъ, „а у меня вино...“ „Вино!“ Тутъ я долженъ былъ сознаться, что противъ него я—пасъ.

Онъ ѣхалъ цѣлымъ домикомъ и началъ вынимать изъ-такъ называемаго и всѣмъ вамъ извѣстнаго „погребца“, чашку за чашкой, блюдечки, ножи, вилки, соль, маленькіе хлѣбцы, огурцы, наконецъ покинувшій насъ другъ—вино. „А у меня, есть“, окончательно прибавилъ я, „поваръ“.

VIII.

ИЗЪ ЯКУТСКА.

Ураса.—Станціонный смотритель.—Ночлегъ на берегу Лены.—Перевозъ.—Якутскъ.—Сборы въ дорогу.—Мѣховое платье.—Русскіе миссіонеры.—Переводъ св. писанія на якутскій языкъ.—Якуты, тунгузы, карагаули, чукчи.—Чиновники, купцы.—Проводы.

Было близко сумерекъ, когда я, съ человѣкомъ и со всѣмъ багажомъ, по песку, между кустовъ тальника, подъ-

ѣхалъ на двухъ тройкахъ, въ телѣгахъ, къ берестяной юртѣ, одиноко-стоящей на правомъ берегу Лены.

У юрты встрѣтилъ меня старикъ лѣтъ шестидесятипяти, въ мундирѣ станціоннаго смотрителя, со шпагой. Я думалъ, что онъ тутъ живетъ, но не понималъ, отчего онъ встрѣчаетъ меня такъ торжественно, въ шпагѣ, руку подъ козырекъ, и глазъ съ меня не сводитъ. „Вы смотритель?“ кланяясь, спросилъ я его. „Точно такъ, изъ дворянъ“, отвѣчалъ онъ. Я еще поклонился. Такъ вотъ отчего онъ при шпагѣ! Оставалось узнать, зачѣмъ онъ встрѣчаетъ меня съ такимъ почетомъ: не принимаетъ ли за кого-нибудь изъ своихъ начальниковъ?

Это обстоятельство осталось, однакожъ, безъ объясненія: можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это по привычкѣ встрѣчать проѣзжихъ, а можетъ-быть и съ цѣлью щегольнуть дворянствомъ и шпагой. Я узналъ только, что онъ тутъ не живетъ, а остановился на ночлегъ и завтра ѣдетъ дальше, къ своей должности, на какую-то станцію.

„А вы куда изволите: *однако* въ городъ?“ спросилъ онъ. „Да, въ Якутскъ. Есть ли перевозчики и лодки?“

„Какъ не быть! *Куда дѣвается?* Вотъ перевозчики!“ сказалъ онъ, указывая на толпу якутовъ, которые стояли поодаль.

„А лодки?“ спросилъ я, обращаясь къ нимъ. „Якуты *не слышатъ* по-русски“, перебилъ смотритель и спросилъ ихъ по-якутски. Тѣ зашевелились, нѣкоторые пошли къ берегу, и я за ними. У пристани стояли четыре лодки. Отъ юрты до Якутска считается девять верстъ: пять водой и четыре берегомъ.

„Мнѣ надо засвѣтло поспѣть на ту сторону“, сказалъ я.

„*Чего* не поспѣть, поспѣете!“ замѣтилъ смотритель и опять спросилъ перевозчиковъ по-якутски, во сколько вре-

мени они перевезутъ меня черезъ рѣку. „Часа въ три, говорятъ, перевезутъ“.

„Что вы: да вѣдь черезъ три часа ночь будетъ!“ возразилъ я.

„Извольте видѣть, доложу вамъ“, началъ онъ: „сей годъ вода-то очень низка: оттого много острововъ и мелей; гдѣ прежде прямикомъ ѣхали, тутъ ѣдутъ между островами“.

„Гдѣ же рѣка?“ спросилъ я, глядя на безконечное, разстилавшееся передъ глазами пространство песковъ, луговъ и кустовъ.

„А вотъ она и есть“, сказалъ смотритель, указывая на луга, пески и на протокъ, саженъ въ пять шириной, на которомъ стояли лодки. „Это-то все острова“, прибавилъ онъ.

„Лена, значитъ, шире къ той сторонѣ, къ нагорной, какъ Волга“, заключилъ я про себя.

Смотритель опять сталъ разговаривать съ якутами и успокоилъ меня, сказавъ, что они перевезутъ меньше, нежели въ два часа, но что тамъ берегомъ четыре версты ѣхать мнѣ будетъ не на чемъ, надо посылать за лошадьми въ городъ.

„А тамъ есть какая-нибудь юрта, на томъ берегу, чтобъ можно было переждать?“ спросилъ я.

„*Однако* нѣтъ“, сказалъ онъ: „кусты есть... Да почто вамъ юрта?“ — „Куда же чемоданы сложить, пока лошадей приведутъ?“ — „А на берегу: что имъ *достается?* А не то, такъ въ лодкѣ останутся: не *азойно* будетъ“ (т.-е. не тяжело).

Я задумался: провести ночь на пустомъ берегу вовсе не занимательно; посылать ночью въ городъ за лошадьми взадъ и впередъ восемь верстъ—когда будешь подъ кровлей? Я повѣрилъ свои сомнѣнія старику.

„Тамъ берегомъ дорога хорошая, ни грязи, ни ямъ нѣтъ“, сказалъ онъ: „славно пѣшкомъ идти“.

„Человѣкъ мой города не знаетъ: онъ не найдетъ ни лошадей, ни гостинницы“, возразилъ я.

„*Однако* гостинницы нѣтъ въ Якутскѣ“, перебилъ смотритель.

„Какъ нѣтъ: гдѣ же я остановлюсь?“ спросилъ я, испуганный новымъ, неожиданнымъ обстоятельствомъ.

„Извольте послать вашу подорожную въ управу: сейчасъ квартиру отведутъ; обязаны“.

„*A tout malheur remède*“, замѣтилъ я почти про себя.

„Чего изволите?“

„Нѣтъ, это я такъ, по-якутски обмолвился. Вотъ что, г. смотритель: я разсудилъ, что если я теперь поѣду на ту сторону, мнѣ все-таки раньше полночи въ городъ не попасть. Надо будить всѣхъ. Не лучше ли мнѣ ночевать здѣсь, въ юртѣ?...“ — „Оно конечно лучше“, отвѣчалъ онъ: „юрта хорошая, теплая; тутъ ничего не воруютъ; только блохъ *дивно*“.

Мнѣ наскучилъ якутскій языкъ, я обрадовался русскому, даже и этому, хотя не все и по-русски понималъ. Рѣшено: я остался. Мы вошли въ юрту или, правильнѣе, *урасу*. Это просто большой шалашъ, конической формы, изъ березовой коры, сшитый довольно плотно, такъ что вѣтеръ мало проходилъ насквозь. Кругомъ лавки, покрытыя сѣномъ, такъ же какъ и полъ. Посреди̇нѣ открытый очагъ, вверху отверстіе для дыма. Кромѣ того, тамъ были два столика, крытые краснымъ сукномъ; на одномъ лежала таблица, съ показаніемъ станцій и числа верстъ, и стояла чернильница съ перомъ. Юрта походила на военную ставку, особенно когда смотритель повѣсилъ свою шпагу на гвоздь.

Я пригласилъ его пить чай. „У насъ чаю и сахару нѣтъ“, вполголоса сказалъ мнѣ мой человѣкъ: „все вышло“. —

„Какъ, совсѣмъ нѣтъ?“—„Всего раза на два“.—„Такъ и довольно“, сказалъ я: „насъ двое“.—„А завтра утромъ что̀ станете кушать?“ Но я зналъ, что онъ любилъ всюду находить препятствія. „Давно ли я видѣлъ у тебя много сахару и чаю?“ замѣтилъ я. „Кабы вы одни кушали, а то по станціямъ и якуты и якутки, чтобъ имъ...“—„Безъ комплиментовъ: давай что̀ есть!“

— „Скажите пожалуйста, каковъ городъ Якутскъ?“ сталъ я спрашивать смотрителя.

О Якутскѣ собственно я зналъ только, да и вы, вѣроятно, не больше знаете, что онъ главный городъ области этого имени, лежитъ подъ 62° с. широты, производитъ торгъ пушными товарами и что, какъ я узналъ теперь, въ немъ нѣтъ... гостинницы. Я даже забылъ, а, можетъ-быть, и не зналъ никогда, что въ немъ всего двѣ тысячи семьсотъ жителей.

Я узналъ отъ смотрителя, однакожъ, немного: онъ добавилъ, что тамъ есть одинъ каменный домъ, а прочіе деревянные; что есть продажа вина; что господа все хорошіе и купечество знатное; что зимой живутъ въ городѣ, а лѣтомъ на *заимкахъ* (дачахъ), подъ камнемъ, „т.-е. камня никакого нѣтъ“, сказалъ онъ, „это только такъ называется“; что проѣзжихъ бываетъ *мало-мало;* что если мнѣ надо ѣхать дальше, то чтобъ я спѣшилъ, а то по Ленѣ осенью ѣхать нельзя, а берегомъ худо и т. п.

Потомъ онъ повѣрилъ мнѣ, что онъ по распоряженію начальства, переведенъ на дальнюю станцію, вмѣсто другого смотрителя, Татаринова, который поступилъ на его мѣсто; что это несогласно съ его семейными обстоятельствами, и потому онъ просилъ убѣдительно Татаринова выйти въ отставку, чтобъ перепроситься на прежнюю станцію, но тотъ не согласился, и что, наконецъ, вотъ онъ проситъ меня ходатайствовать по этому дѣлу у начальства.

Я все обѣщалъ ему. „Плотниковъ—моя фамилія“, добавилъ онъ. „Очень хорошо — Плотниковъ“, записалъ я въ книжечку, и мнѣ живо представилась подобная же сцена изъ „Ревизора“.

Потомъ смотритель разсказывалъ, что по дорогѣ нигдѣ нѣтъ ни волковъ, ни медвѣдей, а есть только якуты; „еще *ушкановъ* (зайцевъ) дивно“, да по Охотскому тракту у него живутъ, въ своей собственной юртѣ, двѣ больныя, пожилыя дочери, обѣ дѣвушки, что „однако“, прибавилъ онъ, „на Крестовскую станцію заходятъ и медвѣди—и такое чудо“, говорилъ смотритель: „ходятъ вмѣстѣ со скотомъ и не давятъ его, а ѣдятъ рыбу, которую достаютъ изъ *морды*...“—„Изъ морды?“ спросилъ я. „Да, что ставятъ на рыбу, по-вашему мерёжи“.

Смотритель говорилъ, не подозрѣвая, что я предательски, тутъ же, при немъ, записалъ его разговоръ.

Подали чай. Человѣкъ мой хитро сложилъ въ пирамиду десятка полтора кусковъ сахару, чтобъ не обнаружить нашей дорожной нищеты. Я придвинулъ сахаръ къ смотрителю. Онъ взялъ самый маленькій кусочекъ, и на мое приглашеніе положить сахару въ стаканъ, отвѣчалъ, что никогда этого не дѣлаетъ—сюрпризъ для моего человѣка, и для меня также: у меня на утро оставался въ запасѣ стаканъ чаю. Смотритель выпилъ три стакана, и крошечный, оставшійся у него кусочекъ сахару, положилъ опять на блюдечко, что человѣкомъ моимъ было принято, какъ тонкій знакъ умѣнья жить.

Между тѣмъ наступила ночь. Я велѣлъ подать что-нибудь къ ужину, къ которому пригласилъ и смотрителя. „Всего одинъ рябчикъ остался“, сердито шепнулъ мнѣ человѣкъ. „Гдѣ же прочіе?“ сказалъ я: „вѣдь у якута куплено ихъ нѣсколько паръ“.—„Вчера съ проѣзжимъ скушали“, еще сердитѣе отвѣчалъ онъ. „Ну, разогрѣвай англійскій

презервный супъ", сказалъ я. „Вчера послѣдній вышелъ", замѣтилъ онъ и поставилъ на очагъ разогрѣвать единственнаго рябчика.

Смотритель вынулъ изъ несессера и положилъ на столъ приборъ: тарелку, ножикъ, вилку и ложку. „Еще и ложку вынулъ!" ворчалъ шопотомъ мой человѣкъ, поворачивая рябчика на сковородкѣ съ одной стороны на другую и слѣдя съ безпокойствомъ за движеніями смотрителя. Смотритель неподвижно сидѣлъ передъ приборомъ, наблюдая за человѣкомъ и ожидая, конечно, обѣщаннаго ужина.

Я съ удовольствіемъ наблюдалъ за ними обоими, прячась въ тѣни своего угла. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ якутъ, съ дымящеюся кастрюлей, которую поставилъ передъ старикомъ. Оказалось, что смотритель ждалъ не нашего ужина. Въ то же мгновеніе Тимоѳей съ торжественной радостью поставилъ передо мной рябчика. Объ угощеніи и помину не было.

Какъ бы, кажется, около половины сентября лечь раздѣтому спать на дворѣ, безъ опасности простудиться на смерть? Вѣдь березовая кора не Богъ знаетъ какія стѣны. Въ Петербургѣ сдѣлаешь это и непремѣнно простудишься, въ Москвѣ рѣже, а еще далѣе, и особенно въ полѣ, въ хижинѣ, кажется, никогда. Мы легли. Человѣкъ сдѣлалъ мнѣ постель, буквально „сдѣлалъ", потому что у меня ея не было: онъ положилъ на лавку побольше сѣна, потомъ непромокаемую шинель, въ видѣ матраца, на это простыню, а вмѣсто одѣяла шинель на ватѣ. Въ головахъ черкасское сѣдло, которое было дано мнѣ на прокать съ тѣмъ, чтобъ я его доставилъ въ Якутскъ. Я быстро раздѣлся и еще быстрѣе спрятался въ постель.

Не то было съ смотрителемъ: онъ методически началъ разоблачаться, медленно снимая одну вещь за другою, съ очковъ до сапогъ включительно. Потомъ принялся съ тою же

медленностью надѣвать ночной костюмъ: сначала уши заткнулъ ватой и подвязалъ платкомъ, а другимъ платкомъ завязалъ всю голову, затѣмъ надѣлъ на шею шарфъ. И такъ, раздѣваясь и одѣваясь, нечувствительно изъ старика превратился въ старуху. Пламя камина освѣщало его изломанныя черты, клочки сѣдыхъ волосъ, выглядывавшихъ изъ-подъ платка, тусклый, апатическій, устремленный на очагъ взглядъ и тихо шевелившіяся губы.

Я смотрѣлъ на него и на огонь: съ одной стороны мнѣ было очень тепло—отъ очага: спина же, обращенная къ стѣнѣ юрты, напротивъ, зябла. Долго сидѣлъ смотритель неподвижно; мнѣ стало дрематься.

— „Осмѣлюсь доложить", вдругъ заговорилъ онъ, привставъ съ постели, что̀ дѣлалъ всякій разъ, какъ начиналъ разговоръ: „я боюсь пожара: здѣсь сѣна много, а огня тушить на очагѣ нельзя, почью студено будетъ, такъ не угодно ли, я велю двухъ якутовъ поставить у камина смотрѣть за огнемъ!..."

„Какъ хотите", сказалъ я, „зачѣмъ же двухъ?"

„Будутъ и другъ за другомъ смотрѣть".

Пришли два якута и усѣлись у очага. Смотритель сидѣлъ еще минутъ пять, понюхалъ табаку, крякнулъ, потомъ сталъ молиться и наконецъ укладываться. Онъ со стонами, какъ на болѣзненный одръ, ложился на постель. „Господи, прости мнѣ грѣшному!" со вздохомъ возопилъ онъ, протягиваясь. „Охъ, Боже правый! ой-о-охъ! ай!" прибавилъ потомъ, перевертываясь на другой бокъ и покрываясь одѣяломъ. Долго еще слышались постепенно ослабѣвавшіе вздохи и восклицанія. Я поглядывалъ на него и наконецъ самъ заснулъ.

Проснувшись ночью, я почувствовалъ, что у меня зябнетъ не одна спина, а весь я озябъ, и было отчего: огонь на очагѣ погасалъ, изрѣдка стрѣляя искрами то на лавку,

то на тулупъ смотрителя, или на полъ, въ сѣно. Сверху свободно струился въ юрту ночной воздухъ, да такой, Богъ съ нимъ, свѣжій... Оба якута, положивъ головы на мой sac de voyage, носомъ къ носу, спали мертвымъ сномъ. Смотритель спалъ болѣзненно: видно, что, по лѣтамъ его, и спать ужъ было трудновато. Онъ храпѣлъ, издавая изрѣдка легкое стенанье, потомъ почавкаетъ губами, перестанетъ храпѣть и начнетъ посвистывать носомъ.

Тутъ же я удостовѣрился, что въ юртѣ въ самомъ дѣлѣ блохъ *дивно*.

На другой день, при ясной и теплой погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т.-е. черезъ узенькіе протоки, раздѣлявшіе безчисленные острова. Когда якуты зашевелили веслами—точно обозъ тронулся съ мѣста: раздался скрипъ, стукъ. Послѣ гребли нашихъ матросовъ, куда неискусны показались мнѣ ленскіе гребцы! Одинъ какой-то якутъ сидѣлъ тутъ праздно, между тѣмъ мальчишка лѣтъ пятнадцати работалъ изо всѣхъ силъ; мнѣ показалось это не совсѣмъ удобно для мальчишки и я пригласилъ заняться греблей празднаго якута. Онъ съ величайшею готовностью спряталъ трубку въ сары и принялся за весло. „Кто это такой?“ спросилъ я. „Староста“, сказали мнѣ „съ *наслега* ѣдетъ въ городъ“. Я раскаялся, что заставилъ работать такого сановника, но ужъ было поздно: онъ такъ и выходилъ изъ лопатокъ, работая весломъ. Мальчишка досталъ между тѣмъ изъ сапога грубый кусокъ дерева съ отверстіемъ (это трубка), положилъ туда щепоть зеленоватаго листового табаку, потомъ отдѣлилъ ножомъ кусочекъ дерева отъ лодки и покрошилъ туда же; изъ кремня добылъ огня, зажегъ клочокъ моха, вмѣсто трута, и закурилъ все это вмѣстѣ. „Зачѣмъ дерево кладешь въ табакъ?“ спросилъ я. „Крѣпше!“ отвѣчалъ онъ.

Вдали сіяли уже главы церквей въ Якутскѣ. „Скоро ли

же будетъ Лена?" спрашивалъ я, все ожидая, что рѣка къ нагорному берегу будетъ глубже, слѣдовательно острововъ не имѣетъ, и откроется во всей красѣ и величіи. Одинъ изъ якутовъ, претендующій на знаніе русскаго языка, старался мнѣ что-то растолковать, но напрасно. У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку бичевою вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились, ужъ не помню черезъ который, узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревянной лѣсенкѣ.

„Тутъ!" сказали они. „Что тутъ?" „*Пышкьюемъ* надо".— „Гдѣ же Лена?" спрашиваю я. Якуты, какъ и смотритель, указали назадъ, на пески и луга. Я посмотрѣлъ на берегъ: тамъ ровно ничего. Кустовъ *дивно*, правда, между ними бродитъ стадо коровъ, да два-три барана, которыхъ я давно не видалъ. За Лену ихъ недавно послано нѣсколько, для разведенія между русскими поселенцами и якутами. Еще на берегу же стоялъ пастушескій шалашъ изъ вѣтвей.

Одинъ изъ якутовъ вызвался сходить въ городъ за лошадьми. Я послалъ съ нимъ человѣка, а самъ усѣлся на берегу, на медвѣжьихъ шкурахъ. Нельзя сказать, чтобъ было весело. Трудно выдумать печальнѣе мѣстности. Съ одной стороны Лена—я ужъ сказалъ какая—пески, кусты и луга, съ другой, къ Якутску—луга, кусты и пески. Вдали, за всѣмъ этимъ, синѣютъ горы, которыя, кажется, и составляли нѣкогда настоящій берегъ рѣки. Якутскъ построенъ на огромной отмели, что̀ видно по пространнымъ пескамъ, кустамъ и озеркамъ. И теперь, во время разлива, Лена, говорятъ, доходитъ до города и заливаетъ отчасти окрестныя поля.

Отъ нечего дѣлать я развлекалъ себя мыслью, что увижу наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ странствій, первый русскій, хотя и провинціальный городъ. Но и то не совсѣмъ русскій, хотя въ немъ и русскіе храмы, русскіе дома, рус-

*

скіе чиновники и купцы, но зато какъ голо все! Гдѣ это видано на Руси, чтобъ не было ни одного садика и палисадника, чтобъ зелень, если не яблонь и грушъ, такъ хоть березъ и акацій, не осѣняла домовъ и заборовъ? А этотъ ускоглазый, плосконосый народъ, развѣ русскій? Когда я ѣхалъ по дорогѣ къ городу, мнѣ попадались навстрѣчу якуты, якутки на волахъ, на лошадяхъ, въ телѣгахъ и верхомъ.

Городскіе якуты одѣты понарядне. У мужчинъ грубаго сукна кафтанъ, у женщинъ тоже, но у послѣднихъ полы и подолъ обшиты широкой красной тесьмой: на головѣ у тѣхъ и у другихъ высокія мѣховыя шапки, несмотря на прекрасную, даже жаркую погоду. Якуты стригутся, какъ мы, оставляя сзади за ушами двѣ тонкія пряди длинныхъ волосъ—вѣроятно, послѣдній, отдаленный намекъ на свои родственныя связи съ той тѣсной толпой народа, которая изъ средней Азіи разбрелась до береговъ восточнаго океана. Я въ этихъ прядяхъ видѣлъ сокращеніе китайской косы, которую китайцамъ навязали маньчжуры. А можетъ-быть, якуты отпускаютъ сзади волосы подлиннѣе просто затѣмъ, чтобъ защитить уши и затылокъ отъ жестокой зимней стужи.

Сколько я могъ узнать, якутовъ, кажется, несправедливо считаютъ кочующимъ народомъ. Другое дѣло тунгузы, чукчи и прочія племена здѣшняго края: тѣ, переходя съ одного мѣста на другое, болѣе удобное, почти никогда на прежнее не возвращаются. Якуты, напротивъ, если и откочевываютъ на-время въ другое отъ своей родной юрты мѣсто, гдѣ лучше кормъ для скота, то не надолго, и послѣ возвращаются домой. У нихъ большею частью по двѣ юрты, лѣтняя и зимняя. Этакъ, пожалуй, и мы съ вами кочующій народъ, потому что лѣтомъ перебираемся въ Парголово, Царское село, Ораніенбаумъ.

Якутскаго племени, и вообще всѣхъ говорящихъ якутскимъ языкомъ, считается до двухсотъ тысячъ обоего пола въ области. Мужчинъ якутовъ сто пять тысячъ. Область раздѣлена на *округи*, округи на *улусы*, улусы на *наслеги* или *нослеги*, или наконецъ... не знаю какъ. Люди, невникающіе въ филологическія тонкости, попросту называютъ это здѣсь *ночлегами*.

Въ улусѣ живетъ до нѣсколька сотъ, даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Селеній и деревень нѣтъ: ихъ замѣняютъ эти „наслеги". Наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ двадцати, или около того, верстахъ другъ отъ друга, юртъ, въ которыхъ живетъ по два и по три, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или *рода*. Улусомъ управляетъ выборный, утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, наслегомъ — *староста* и его помощники, *старшины*. Членовъ одного *рода* называютъ по-русски *родовичами*. Они заботятся о взаимныхъ нуждахъ, по крайней мѣрѣ должны заботиться, и кажется, отвѣчаютъ за благочиніе, порядокъ и исправный взносъ повинностей.

Кстати напомню вамъ, что якутская область, съ перваго января 1852 года, возвышена въ своемъ значеніи тѣмъ, что отдѣлена отъ зависимости иркутскаго губернскаго начальства, и управленіе ея ввѣрено особому гражданскому губернатору. Впрочемъ она, на положеніи другихъ губерній, подчинена главному управленію генералъ-губернатора восточной Сибири.

Нужды нѣтъ, что якуты населяютъ городъ, а все же мнѣ стало отрадно, когда я въѣхалъ въ кучу почернѣвшихъ отъ времени, одноэтажныхъ, деревянныхъ домовъ: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей, какъ въ природѣ, такъ и въ людскихъ нравахъ, обычаяхъ, отчасти, какъ вы видите, въ языкѣ, что и образуетъ ей свою коренную, немного суровую, но величавую физіономію.

Пока я ѣхалъ по городу, на меня изъ оконъ выглядывали ласковыя лица, а изъ-подъ воротъ сердитыя собаки, которыя въ маленькихъ городахъ черезчуръ серьезно понимаютъ свои обязанности. Весело было мнѣ смотрѣть на проѣзжавшія по временамъ разнохарактерныя дрожки, на кучеровъ въ лѣтнихъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, или наоборотъ, въ полушубкахъ и лѣтнихъ картузахъ. Вотъ гостиный дворъ, довольно пространный, вотъ и единственный каменный домъ, занимаемый земскимъ судомъ.

Въ гостиномъ дворѣ, который въ самомъ дѣлѣ есть дворъ, потому что большая часть лавокъ открывается внутрь, я видѣлъ много входящихъ и выходящихъ якутовъ: они, говорятъ, составляютъ большинство потребителей. Прочіе горожане закупаютъ все, что имъ нужно, разъ въ годъ, на здѣшней ярмаркѣ.

Я ѣхалъ мимо старинной, полуразрушенной стѣны и нѣсколька башенъ: это остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ временъ покоренія области. Якутскъ основанъ пришедшими отъ Енисея казаками, лѣтъ за двѣсти передъ этимъ, въ 1630 годахъ. Якуты пробовали нападать на крѣпость, но напрасно. Возникшіе впослѣдствіи между казаками раздоры заставили наше правительство взять этотъ край въ свои руки, и скоро въ Якутскъ прибылъ воевода.

Еще я видѣлъ больницу, острогъ, казенные хлѣбные магазины; потомъ проѣхалъ мимо базара, съ пестрой толпой якутовъ и якутокъ. Много и русскаго и нерусскаго, что̀ современемъ будетъ тоже русское. Скоро я уже сидѣлъ на квартирѣ въ своей комнатѣ, за обѣдомъ.

Послѣ обѣда я пошелъ къ товарищамъ, которые опередили меня. Черезъ день они отправлялись далѣе; я хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за ними, а мнѣ еще надо было запастись мѣховымъ платьемъ и обувью: на Ленѣ могли застать морозы.

„Гдѣ я могу купить шубу?“ спросилъ я одного изъ якут-

скихъ жителей, которыхъ увидѣлъ у товарищей. „Вамъ какую угодно: лисью, тарабаганью, песцовую, или бѣличью?“ спросилъ онъ. „Которая теплѣе“.—„Такъ медвѣжью хорошо“.—„Ну, медвѣжью“.—„Азойно (тяжело) будетъ въ медвѣжьей“, промолвилъ другой. „Такъ песцовую“.—„Теперь здѣсь мѣховъ никакихъ не найдете...“ замѣтили мнѣ. „Въ Якутскѣ не найду мѣховъ!“—„Не найдете; вотъ если бъ лѣтомъ изволили пожаловать, тогда *дивно* бываетъ мѣховъ: тогда бы славный купили, какой угодно, и дешево“.—„А вотъ тогда-то бы и не купилъ, зачѣмъ мнѣ лѣтомъ мѣхъ?“

— „Лучше всего вамъ *кухлянку* купить, особенно двойную...“ сказалъ другой, вслушавшійся въ нашъ разговоръ. „Что это такое кухлянка?“ спросилъ я. „Это такая рубашка, изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ. А если купите двойную, т.-е. и снизу такая же шерсть, такъ никакой шубы не надо“.

— „Нѣтъ, это тяжело надѣвать, перебилъ кто-то: „въ двойной кухлянкѣ не поворотишься. А вы лучше подъ одинакую кухлянку купите *пыжиковое пальто*—„вотъ и все“.—„Что это такое *пыжиковое* пальто?“—„Это пальто изъ шкуръ молодыхъ оленей“.

— „Всего лучше купить вамъ *борловую даху*“, заговорилъ четвертый: „тогда вамъ ровно ничего не надо“.—„Что это такое борловая даха?“ спросилъ я. „Это шкура съ дикаго козла, пушистая, теплая, мягкая: въ ней никакой морозъ не проберетъ“.

— „Помилуйте!“ сказалъ тутъ еще кто-то: „какъ можно даху? шерсть лѣзетъ“.—„Что жъ такое что лѣзетъ?“ —

— „Какъ что: въ ротъ, въ глаза налѣзетъ“.

— „Гдѣ жъ мнѣ купить даху, или кухлянку?“ перебилъ я. „Теперь негдѣ: вотъ если бъ лѣтомъ изволили пожаловать“, дружно повторили всѣ: „тогда пріѣзжаютъ сюда сверху, по Ленѣ, изъ Иркутска, купцы: они закупаютъ весь пушной товаръ“.

— „*Торбасами* не забудьте запастись", замѣтили мнѣ. „и пыжиковыми *чижами*". — „Что это такое торбасы и чижи?" — „Торбасы — это сапоги изъ оленьей шерсти. чижи—чулки изъ шкурокъ молодыхъ оленей".

— „Но главное, помните, мѣховые панталоны", сказалъ мнѣ серьезно одинъ весьма почтенный человѣкъ. „Нѣтъ, ужъ отъ этого позвольте уклониться". — „Ну, помяните меня!" сказалъ онъ пророческимъ голосомъ. „Не забудьте также мѣхового одѣяла", прибавилъ другой.

— „Зачѣмъ же мѣховые панталоны?" съ унынiемъ спросилъ я: такъ напугали меня всѣ эти предостереженія! „А если попадете на *наледи*..." — „Что это такое наледи?" спросилъ я. „Наледи—это незамерзающіе и при жестокомъ морозѣ ключи: они выбѣгаютъ съ горъ въ Лену; вода стоитъ поверхъ льда: случится попасть туда—лошади не вытащатъ сразу, полозья и обмерзнутъ: тогда ямщику остается ѣхать на станцію за людьми и за свѣжими лошадями, а вамъ придется ждать въ морозъ нѣсколько часовъ, иногда полсутки... Вотъ вы и вспомните о мѣховыхъ панталонахъ".

— „Ну, а мѣховое одѣяло зачѣмъ?" спросилъ я. „На Ленѣ почти всегда бываетъ *хіусъ*..." —„Что это такое хіусъ?" — „Это вѣтеръ, который мететъ снѣгъ: а вѣтеръ при морозѣ—бѣда: не спасутъ никакіе панталоны: надо одѣяло..." — „Съ кулькомъ, чтобъ ноги прятать". прибавилъ другой. „Только все лѣтомъ!" повторяютъ всѣ. — „Ахъ, если бъ лѣтомъ пожаловали, тогда-то бы мѣховъ у насъ!..."

Меня даже зло взяло. Я не зналъ, какъ быть. „Надо послать къ одному старику", посовѣтовали мнѣ: онъ, бывало, принашивалъ мѣха въ лавки, да вотъ что-то не видать..." — „Нѣтъ, не извольте посылать". сказалъ другой. „Отчего же, если у него есть? я пошлю".—„Нѣтъ, онъ теперь употребляетъ..." — „Что употребляетъ?" — „Да... вино-съ.

Дрянной старичишка! А нынче и отемнѣлъ совсѣмъ". — „Отемнѣлъ?" повторилъ я. „Ослѣпъ". добавилъ онъ.

Стало-быть нельзя и ѣхать, потому что нельзя ничего достать, купить? Все можно: à tout malheur remède! Видя мое раздумье, одинъ изъ жителей посовѣтовалъ обратиться къ Алексѣю Яковличу, къ Петру Ѳедорычу, или къ Александру Андреянычу, да Ксенофонту Петровичу: у нихъ-де должны быть и дахи и медвѣжьи шкуры. „Кто это Алексѣй Яковличъ и Петръ Ѳедорычъ?" — „А вотъ они: здѣшніе жители, одинъ управляетъ тѣмъ, другой этимъ".—„Но я не имѣю удовольствія ихъ знать..."—А. Я., П. Ѳ. и А. А. сами предупредили меня. Они начали съ того, что позвали къ себѣ обѣдать и меня и товарищей, и хотя извинялись простотой угощенія, но угощеніе было вовсе не простое для скромнаго городка. У нихъ дѣйствительно нашлись дахи, кухлянки и медвѣжьи шкуры, которыя и были уступлены намъ на томъ основаніи, что мы проѣзжіе, что у насъ никого нѣтъ знакомыхъ, слѣдовательно всѣ должны быть знакомы: нельзя купить вещи въ лавкѣ, слѣдовательно надо купить ее у частнаго неторгующаго этимъ лица, которое остается тутъ и имѣетъ возможность замѣнить всегда проданное.

Но вѣдь этакъ, скажутъ мнѣ, не напасешься вещей, если каждый день будутъ являться проѣзжіе, и устанешь угощать: оно безтолково. Если каждый день будутъ проѣзжіе, тогда будетъ и трактиръ: если явятся требованія на мѣха, тогда не все будутъ отсылать вверхъ, а станутъ торговать и здѣсь. Въ томъ-то и дѣло, что проѣзжіе въ Якутскѣ — еще рѣдкіе гости и оттого ихъ балуютъ пока. Но долго ли это будетъ? сомнѣваюсь. Еще нѣсколько лѣтъ — и если вы пріѣдете въ Якутскъ, то, пожалуй, полиція не станетъ заботиться о квартирѣ для васъ, и вы въ лавкѣ найдете, что вамъ нужно, но за то,

можетъ-быть, не узнаете обязательныхъ и гостепріимныхъ К. П., П. Ѳ., А. Я. и другихъ.

Вотъ теперь у меня въ комнатѣ лежитъ даха, волчье пальто, горностаевая шапка, бѣличій тулупъ, заячье одѣяло, торбасы, пыжиковые чулки, песцовыя рукавицы и нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ, для подстилки. Когда станешь надѣвать все это, такъ чувствуешь, какъ постепенно пріобрѣтаешь понемногу чего-то бѣличьяго, заячьяго, оленьяго, козловаго и медвѣжьяго, а человѣческое мало-по-малу пропадаетъ. Кухлянка и даха лишаютъ употребленія воли и предоставляютъ полную возможность только лежать. Въ пыжиковыхъ чулкахъ и торбасахъ ногъ вмѣстѣ сдвинуть нельзя, а когда надѣнешь двойную мѣховую шапку, или, по-здѣшнему, малахай, то мысли начинаютъ вязаться лѣнивѣе въ головѣ и одна за другою гаснутъ. Еще бы что-нибудь прибавить, такъ, кажется, надъ вами того и гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза.

Все это надѣвается въ защиту сорока-градуснаго мороза. „Сорокъ градусовъ!“ повторилъ я: „у насъ когда и двадцать случится, такъ по городу только и разговора, что о погодѣ: забудутъ всякія и политическія и литературныя новости“.—„У васъ двадцать хуже нашихъ сорока“, сказалъ одинъ, бывшій за уральскимъ хребтомъ. „Это отчего?“—„Отъ вѣтра: тамъ при пятнадцати градусахъ да вѣтеръ, такъ и нехорошо; а здѣсь въ сорокъ ничто не шелохнется: ни движенія, ни звука въ воздухѣ; надъ землей лежитъ густая мгла; солнце кровавое, безъ лучей, покажется часа на четыре, не разгонитъ тумана и скроется“.—„Ну, а вы что?“—„А мы—ничего, хорошо; только дышать почти нельзя: рѣжетъ грудь“.—„Вы что дѣлаете въ эти морозы?“ спросилъ я одну барыню. „Визиты, говоритъ, дѣлаемъ“. — „Что вы!...“—„Да какъ же? а въ Рождество, въ Новый годъ: родные есть, тетушка, бабушка, разсердятся, пожалуй, какъ не пріѣдешь“.

Впрочемъ здѣсь, какъ я увидѣлъ послѣ, и барыня, и кучеръ, и лошадь—всѣ визиты дѣлаютъ. Барыню вводятъ въ гостиную, кучера въ людскую, а лошадь въ сарай.

— „Въ чемъ же вы ѣздите, въ дахѣ и въ малахаѣ?“ спросилъ я ее. „Нѣтъ, въ шляпкахъ, въ салопахъ“.—„Конечно не въ такихъ салопахъ, которые носятъ барыни въ Петербургѣ и которые похожи на конфетныя бумажки, такъ что не слыхать, есть ли что на плечахъ, или нѣтъ! Вѣрно здѣсь кроютъ байкой, или сукномъ?“

А оказалось, что въ такихъ же: „матеріей, говоритъ, крыты“.

Несмотря однакожъ на продолжительность зимы, на лютость стужи, какъ все шевелится здѣсь, въ краю! Я теперь живой, заѣзжій свидѣтель того химически-историческаго процесса, въ которомъ пустыни превращаются въ жилыя мѣста, дикари возводятся въ чинъ человѣка, религія и цивилизація борятся съ дикостью и вызываютъ къ жизни спящія силы. Измѣняется видъ и форма самой почвы, смягчается стужа, изъ земли извлекается теплота и растительность—словомъ, творится то же, что̀ творится, по словамъ Гумбольдта, съ материками и островами посредствомъ тайныхъ силъ природы. Кто же, спросятъ, этотъ титанъ, который ворочаетъ и сушей и водой? кто мѣняетъ почву и климатъ? Титановъ много, цѣлый легіонъ: и всѣ тутъ замѣшаны, въ этой лабораторіи: дворяне, духовные, купцы, поселяне—всѣ призваны къ труду и работаютъ неутомимо. И когда совсѣмъ готовый, населенный и просвѣщенный край, нѣкогда темный, неизвѣстный, предстанетъ передъ изумленнымъ человѣчествомъ, требуя себѣ имени и правъ, пусть тогда допрашивается исторія о тѣхъ, кто воздвигъ это зданіе, и также не допытается, какъ не допыталась, кто поставилъ пирамиды въ пустынѣ. Сама же исторія добавитъ только, что это тѣ же люди, которые въ одномъ углу міра

подали голосъ къ уничтоженію торговли черными, а въ другомъ учили алеутовъ и курильцевъ жить и молиться—и вотъ они же создали, выдумали Сибирь, населили и просвѣтили ее, и теперь хотятъ возвратить Творцу плодъ отъ брошеннаго Имъ зерна. А создать Сибирь не такъ легко, какъ создать что-нибудь подъ благословеннымъ небомъ...

Я не уѣхалъ ни на другой, ни на третій день. Дорогой на болотахъ и на рѣкѣ Маѣ, ѣдучи верхомъ и въ лодкѣ, при легкихъ утреннихъ морозахъ, я простудилъ ноги. На третій день по пріѣздѣ въ Якутскъ, онѣ распухли. Докторъ сказалъ, что водой по Ленѣ мнѣ ѣхать нельзя, что надо подождать, пока пройдетъ опухоль.

Черезъ недѣлю мнѣ стало лучше: я собрался ѣхать. „Куда вы? какъ можно!“ сказали мнѣ: „да теперь вы ни въ какомъ *разъ* не поспѣете добраться водой: скоро пойдетъ *шуга*“.—„Что это такое шуга?“—„Мелкій ледъ: тогда вы должны остановиться и ждать зимняго пути гдѣ-нибудь на станціи. Лучше вамъ подождать здѣсь“.—„А берегомъ?“ спросилъ я. „*Горой* ѣхать? помилуйте! почти два раза въ годъ въ распутицу приходитъ горой, да и то мучится, бьется. Вѣдь надо ѣхать верхомъ по утесамъ, черезъ пропасти, по узенькимъ тропинкамъ. А вы еще съ больными ногами! Лучше подождите: всего какихъ-нибудь два мѣсяца...“

— „Два мѣсяца! Это ужасно!“ въ отчаяніи возразилъ я. „Можетъ-быть и полтора“, утѣшилъ кто-то. „Ну, нѣтъ: *сей годъ* Лена не станетъ рано“, говорили другіе: „осень теплая и ранній снѣжокъ выпадалъ—это вѣрный знакъ, что зимній путь не скоро установится...“

Опухоль въ ногахъ прошла, но также прошла и всякая возможность ѣхать до зимы. Я между тѣмъ познакомился со всѣми въ городѣ: тамъ обѣдъ, тамъ завтракъ, кто именинникъ, не самъ, такъ жена, наконецъ тетка. Для васъ,

непослѣднихъ гастрономовъ, замѣчу, что здѣсь есть превосходная рыба—нельма, которая играла бы большую роль на петербургскихъ обѣдахъ. Она хороша и разварная, и въ пирогахъ, и въ жаркомъ, да и вездѣ; ее также маринуютъ. Есть много отличной дичи: рябчики, куропатки и тетерева—ежедневное блюдо къ жаркому. Но коренные жители почти совсѣмъ не ѣдятъ куръ и телятины, какъ въ другихъ мѣстахъ нѣкоторые не ѣдятъ, напримѣръ, зайцевъ. Зелени тоже мало, кромѣ капусты и огурцовъ. Вина дороги: шампанское продается по 6 и 7 руб. сереб. бутылка: за то хороши наливки.

Обычаи здѣсь патріархальные: гости пообѣдаютъ, распростятся съ хозяиномъ и отправятся домой спать, и хозяинъ ляжетъ, а вечеромъ явятся опять и садятся за бостонъ до ужина. Общество одно. Служащіе, купцы, и жены тѣхъ и другихъ, видятся ежедневно и... живутъ всѣ въ большихъ ладахъ.

Я заикнулся на этихъ словахъ не потому, чтобъ они были несправедливы, а потому, что, пробѣгая одну книгу о Якутскѣ (*Поѣздка въ Якутскъ*), я прочелъ тамъ совсѣмъ противное о якутскомъ обществѣ. Авторъ жалуется на господствующую будто-бы здѣсь страсть къ ябедничеству (стр. 126), на недостатокъ веселости въ собраніяхъ, на общее другъ къ другу недовѣріе и т. п. Не знаю, что сказать: я ничего этого не видалъ, напротивъ, кажется. Впрочемъ, не спорю: тогда (въ 1832 г.) могло быть и такъ. Физіономія маленькаго города измѣняется легко: это зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ того, что за люди первенствуютъ въ обществѣ. Что касается меня, я нашелъ много живости и разговоровъ на обѣдахъ: недовѣрія не замѣтилъ: всѣ кушаютъ съ большою довѣрчивостью и говорятъ безъ умолку. Почти ежедневно собираются другъ у друга, потому что кружокъ очень не великъ. Въ приведенной книгѣ даже сказано, что

будто приглашенные вечеромъ гости, просидѣвъ часу до второго, возвращаются домой къ своему ужину. Теперь это не такъ: попробуйте уѣхать безъ ужина, тихонько, такъ хозяева на крыльцѣ за полу поймаютъ. Я, по своей привычкѣ не ужинать, часто затруднялся, какъ увернуться отъ этого, и кончалъ тѣмъ, что ужиналъ.

Сплетни, о которыхъ тоже говоритъ авторъ книги, до меня не доходили, конечно потому, что я проѣзжій и не могъ интересоваться ими. Авторъ правъ, сказавши, что сплетни составляютъ общую принадлежность маленькихъ городовъ. Но полно, маленькихъ ли только? Въ большихъ ихъ меньше слышно оттого, что не напасешься времени слушать и повторять слышанное. Нѣтъ, общество въ томъ видѣ, какъ оно теперь въ Якутскѣ, право порядочное. Да мнѣ кажется, если бъ я очутился въ такомъ уголкѣ, гдѣ не замѣтилъ бы ни малѣйшей вражды, никакихъ сплетней, а видѣлъ бы только любовь да дружбу, невозмутимый миръ, всеобщее другъ къ другу довѣріе и воздержаніе, я бы перепугался, куда это я заѣхалъ: все думалъ бы, что это не даромъ, что тутъ что-нибудь да есть другое... Замѣчу еще, что купцы здѣсь порядочно воспитаны, выписываютъ журналы, читаютъ, нѣкоторые сами пишутъ. Почти всѣ они гдѣ-нибудь учились, въ иркутской гимназіи, напримѣръ; при томъ они не носятъ бородъ и ходятъ въ европейскомъ платьѣ, отъ этого нѣтъ рѣзкаго неравенства въ обществѣ.

Говоря о ябедничествѣ, авторъ, можетъ-быть, относилъ эту слабость къ якутамъ: они дѣйствительно склонны къ ябедничеству: но теперь оно, какъ я слышалъ, стараніями начальства, мало-по-малу искореняется.

Если вы, любезный А. Н., признаете, и весьма справедливо, *русскій пикетъ въ степи зародышемъ Европы* (см. фельетонъ „Спб. Вѣдомостей“ № 176, 11 августа 1854 г.), то чѣмъ вы признаете подвиги, совершаемые въ

здѣшнемъ краю, о которомъ свѣжи еще въ памяти у насъ мрачныя преданія, какъ о странѣ разбоевъ, лихоимства, безнаказанныхъ преступленій? А вотъ вы ѣдете отъ Охотскаго моря, какъ ѣхалъ я, по такимъ мѣстамъ, которыя еще ждутъ именъ въ нашихъ географіяхъ, да и весь край этотъ не всѣ у насъ, въ Европѣ, назовутъ по имени, и не всѣ знаютъ его предѣлы и жителей, рѣки, горы: а вы ѣдете по немъ и видите поверстные столбы, мосты, изъ которыхъ одинъ тянется на тысячу шаговъ. Конечно, онъ сколоченъ изъ бревенъ, но вы ѣдете по немъ черезъ непроходимое болото. Пріѣзжаете на станцію, конечно въ плохую юрту, но подъ кровъ, грѣетесь у очага, находите лѣтомъ лошадей, зимой оленей, и смѣло углубляетесь, вслѣдъ за якутомъ, въ дикую, непроницаемую чащу лѣса, ѣдете по руслу рѣкъ, горныхъ потоковъ, у подошвы горъ, или взбираетесь на утесы, по протоптаннымъ и—увы! гдѣ романтизмъ? безопаснымъ тропинкамъ. Вамъ не дадутъ ни упасть, ни утонуть, развѣ только сами непремѣнно того захотите, какъ захотѣлъ въ прошломъ году какой-то чудакъ-мѣщанинъ, которому опытные якуты говорили, что нельзя пускаться въ путь послѣ проливныхъ дождей: горные ручьи раздуваются въ стремительные потоки и уносятъ быстротой лошадей и всадниковъ. Онъ не послушалъ, разгорячился, нашумѣлъ: якуты робки и послушны; они не противорѣчили болѣе; поѣхалъ и былъ увлеченъ потокомъ. Надпись на крестѣ, поставленномъ на дорогѣ, свидѣтельствуетъ о его гибели и предостерегаетъ неосторожныхъ. Подъѣзжаете ли вы къ глубокому и вязкому болоту, якутъ соскакиваетъ съ лошади, уходитъ выше колѣна въ грязь и ведетъ вашу лошадь—гдѣ суше; ѣдете ли лѣсомъ, онъ—впереди, устраняетъ отъ васъ сучья: при подъемѣ на крутую гору, опоясываетъ васъ кушакомъ и помогаетъ идти; гдѣ очень дурно, глубоко, скользко—онъ останавливается. „Худо тутъ“, говоритъонъ:

„пышкуемъ надо". вынимаетъ ножъ, срѣзываетъ палку и подаетъ вамъ, не зная еще, дадите ли вы ему на водку, или нѣтъ. Это якутъ, недавно еще получеловѣкъ, полузвѣрь!

Гдѣ же страшный, почти неодолимый путь? спрашиваете вы себя, проѣхавши тысячу-двѣсти верстъ: вездѣ станціи. лошади, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ. напримѣръ, на рѣкѣ Маѣ, найдете свѣжее мясо, дичь, а молоко и овощи. т.-е. капусту, морковь и т. п. вездѣ: у агентовъ американской компаніи чай и сахаръ.

Не забудьте, все это въ краю, который слыветъ безыменной пустыней! Онъ пустыня и есть. Не разъ содрогнешься, глядя на дикія громады горъ безъ растительности, съ ледяными вершинами, съ лежащимъ во все лѣто снѣгомъ во впадинахъ, или на эти лѣса, которые растутъ тѣсно, какъ тростникъ, деревья жмутся другъ къ другу, высасываютъ изъ земли скудные соки и падаютъ сами отъ избытка силъ и недостатка почвы. Вы видите, какъ по деревьямъ прыгаютъ мелкіе звѣрьки, изъ-подъ ногъ выскакиваетъ испуганная рѣдкимъ появленіемъ людей дичь. Издалека доносится до ушей шумъ горныхъ каскадовъ, или надъ всѣмъ этимъ тяготѣетъ такое страшное безмолвіе, что не рѣшаешься разговоромъ или пѣснью будить пустыню, пугаясь собственнаго голоса. А пугаться нечего: вы ѣдете безопасно, какъ будто идете съ Морской на Литейную. Я дорогой, отъ скуки, набрасывалъ на станціяхъ въ записную книжку бѣглыя замѣтки о видѣнномъ. При свиданіи прочту вамъ ихъ и вы увидите подробныя доказательства всему, что говорю теперь.

Можетъ-быть, мнѣ возразятъ, что бываютъ неудачи. остановки, особенно зимой: иногда недостаетъ оленей, или. если случится много проѣзжихъ, лошади скоро изнуряются. и тогда... Да, переверните медаль—окажется, что проѣзжій иногда станетъ среди дороги. Надо знать, что овса

здѣсь отъ Охотскаго моря до Якутска не родится и лошадей кормятъ однимъ сѣномъ, оттого онѣ слабы. Если случится много проѣзжихъ, напримѣръ, возвращающихся съ нашихъ транспортовъ офицеровъ, которые пришли моремъ изъ Россіи, лошади не выносятъ частой ѣзды. Недостатокъ оленей случается иногда отъ недостатка корма, особенно когда снѣга глубоки, такъ что олени, питающіеся бѣлымъ мхомъ, не могутъ отрывать его ногами и гибнутъ отъ голода. Олень—нѣжное и слабое животное. Проѣзжій терпитъ отъ всего этого остановку на станціяхъ. Случалось даже иногда путешественнику, отъ изнуренія лошадей, дойти до станціи пѣшкомъ.

Но во всѣхъ этихъ неудобствахъ виновата, какъ видите, природа, противъ которой пока трудно еще взять дѣйствительныя мѣры. Трудно, но не невозможно, конечно. Человѣкъ кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что одолѣваетъ и природу, но при какихъ условіяхъ! Если употребить, хоть здѣсь напримѣръ, большіе капиталы и множество рукъ, держать по многу лошадей на станціяхъ, доставлять для корма ихъ, съ огромными издержками, овесъ, тогда всѣ затрудненія устранятся, нѣтъ сомнѣнія. Но для кого, спрашивается, всѣ эти расходы и хлопоты: окупятся ли они? будетъ ли кому поблагодарить за это? Почта ходитъ разъ въ мѣсяцъ и дорога по полугоду глохнетъ въ совершенномъ запустѣніи. И то сколько разъ изъ глубины души скажетъ спасибо заботливому начальству здѣшняго края всякій, кого судьба броситъ на эту пустынную дорогу, за то, что уже сдѣлано и что дѣлается понемногу, исподоволь,—за безопасность, за возможность, хотя и съ трудомъ, добраться сквозь эти, при малѣйшей небрежности, непроходимыя мѣста! Въ одномъ мѣстѣ, въ палаткѣ, среди болотъ, живетъ инженерный офицеръ; я засталъ толпу якутовъ, которые расчищали землю, равняли дорогу, строили мостъ. Въ алданскомъ

селеніи мы застали исправника, К. П. А.: онъ немного встревожился, увидя, что намъ троимъ, съ четырьмя людьми при насъ и для вьюковъ, нужно до восемнадцати лошадей. „Я не зналъ, что вы будете“, сказалъ онъ: „теперь, можетъ быть, по станціямъ уже распустили лишнихъ лошадей. Надо послать нарочнаго впередъ“. Мы остались тутъ ночевать; утромъ, чѣмъ свѣтъ, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его ужъ не было. „Гдѣ жъ онъ?“ спрашиваемъ. „Да уѣхалъ впередъ похлопотать о лошадяхъ“, говорятъ намъ: „на нарочнаго не понадѣялся“. На третьей станціи мы встрѣтили его на самой дурной части дороги. „Все готово,“ сказалъ онъ: „вездѣ будутъ лошади“—и, не отдохнувъ получаса, едва выслушавъ изъявленія нашей благодарности, онъ вскочилъ на лошадь и ринулся въ лѣсъ, по кочкамъ, по трясинѣ, черезъ пни, такъ что сучья затрещали.

Кромѣ остановокъ, происходящихъ отъ глубокихъ снѣговъ и малосильныхъ лошадей, бываетъ, что разольются горныя рѣчки, болота наводнятся и проѣзжему приходится иногда по поясъ идти въ водѣ. „Что жъ проѣзжіе?“ спросилъ я якута, который мнѣ это разсказывалъ. „Сердятся“, говоритъ. Но это опять все природныя препятствія, противъ которыхъ принимаются, какъ я сказалъ, дѣятельныя мѣры.

Меня неожиданно и пріятно поразило одно обстоятельство. Что̀ намъ извѣстно о хлѣбопашествѣ въ этомъ углу Сибири, который причисленъ, кажется, такъ, изъ снисхожденія, къ жилымъ мѣстамъ, къ якутской области? что оно не удается, невозможно: а между тѣмъ на самыхъ свѣжихъ и новыхъ поселеніяхъ, на рѣкѣ Маѣ, при выходѣ нашемъ изъ лодки на станціи, намъ первые бросались въ глаза огороды и снопы хлѣба, на первый разъ ячменя и конопли. Мѣстами поселенцы не нахвалятся урожаемъ. Кто эти поселенцы? Русскіе. Они вызываются, или переводятся за про-

ступки, изъ-за Байкала, или съ Лены, поселятся по нѣскольку семействъ на новыхъ мѣстахъ. Казна не только даетъ имъ средства на первое обзаведеніе лошадей, рогатаго скота, но и поддерживаетъ ихъ постоянно, отпуская по два пуда въ мѣсяцъ хлѣба на мужчину и по пуду на женщинъ и дѣтей. Я видѣлъ поселенцевъ по рр. Маѣ и Алдану: они нанимаютъ тунгузовъ и якутовъ обработывать землю. Тѣ сначала не хотѣли трудиться, предпочитая ѣсть конину, бѣлокъ, древесную кору, всякую дрянь, а поработавши годъ и поѣвши ячменной похлебки съ масломъ, на другой годъ пришли за работой сами.

Есть мѣста вовсе безплодныя: съ нихъ, по распоряженію начальства, поселенцы переселяются на другіе участки. Подъѣзжая къ р. Амгѣ (это уже ближе къ Якутску), я вдругъ какъ будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестрѣющія хлѣбомъ. „Ужели это пшеница?“ съ изумленіемъ спросилъ я, завидя пушистые, знакомые мнѣ золотистые колосья. „Пшеница и есть“, сказалъ мнѣ человѣкъ: „а вонъ и яровое!“

Я не могъ окинуть глазами обширныхъ луговъ съ безчисленными стогами сѣна, между которыми шевелились якуты, накладывая на воловъ сѣно, убирая хлѣбъ. Я увидѣлъ тамъ женщинъ, ребятишекъ, табуны лошадей и огороженныя пастбища. „Гдѣ же это я? кто тутъ живетъ?“ спросилъ я своего ямщика. „*Исправные* якуты живутъ“ (исправные— богатые), отвѣчалъ онъ. Погода была великолѣпная, глаза разбѣгались, останавливаясь на сжатомъ хлѣбѣ, на прячущейся въ чащѣ лѣса богатой, окруженной сараями и хлѣвами юртѣ, на ѣдущей верхомъ на волѣ, пестро одѣтой якуткѣ.

Хлѣбопашество и разведеніе овощей по рр. Маѣ и Алдану—созданіе свѣжее, недавнее, и принадлежитъ попеченіямъ здѣшняго начальства. Поселенцы благословляютъ эти

попеченія. „Все сдѣлано для насъ“, говорятъ они, „а гдѣ не родилось ничего—значитъ и не родится никогда“. Когда якуты принялись за хлѣбопашество около Якутска, начальство скупило ихъ урожай и роздало майскимъ поселенцамъ. Такъ въ прошломъ, или третьемъ году куплено было до 12 тысячъ пудовъ. Якуты принялись еще усерднѣе за хлѣбопашество и на другой годъ хлѣбъ продавался рублемъ дешевле на пудъ, т.-е. вмѣсто 2 р. 50 к. асс., продавали по 1 р. 50 к. На рѣкѣ Амгѣ хлѣбопашество—новость только въ половину. Оно заведено было тамъ прежде, но, по словамъ тамошнихъ жителей, шло до нынѣшняго времени очень плохо. Теперь съ каждымъ годомъ оно улучшается. Частные люди помогаютъ этому, поощряя хлѣбопашество и скотоводство: одни жертвуютъ хлѣбъ для посѣва, другіе посылаютъ барановъ, которыхъ до сихъ поръ не знали за Леной, третьи подаютъ примѣръ собственными трудами.

На Маѣ есть, между прочимъ, отставной матросъ Сорокинъ: онъ явился туда, нанялъ тунгузовъ и засѣялъ четыре десятины, на которыя истратилъ по 45 руб. на каждую, не зная, выйдетъ ли что-нибудь изъ этого. Трудъ его не пропалъ: онъ воротилъ деньги съ барышомъ, и тунгузы на слѣдующее лѣто явились къ нему опять. Дворъ его полонъ скота, завидно смотрѣть, какого крупнаго. Мы съ уваженіемъ и страхомъ сторонились отъ одного быка, который бы занялъ не послѣднее мѣсто на какой-нибудь англійской хозяйственной выставкѣ. Сорокинъ живетъ полнымъ домомъ; онъ подалъ къ обѣду намъ славной говядины, дичи, сливокъ. Теперь онъ жертвуетъ всю свою землю церкви и переселяется опять въ другое мѣсто, гдѣ, можетъ-быть, сдѣлаетъ то же самое. Это тоже герой въ своемъ родѣ, маленькій титанъ. А сколько ихъ явится вслѣдъ за нимъ! и имя этимъ героямъ—легіонъ: здѣшнему потомству некого будетъ благословить современемъ за эти робкія, но великія начинанія. Останутся

имена вождей этого дѣла въ народной памяти — и то хорошо. Никто о Сорокинѣ не кричитъ, хотя всѣ его знаютъ далеко кругомъ и всѣ находятъ, что онъ дѣлаетъ только, „какъ надо“. На стѣнахъ у него висятъ въ рамкахъ похвальные листы, данные ему отъ начальниковъ здѣшняго края. Висятъ эти листы въ тѣни, такъ что ихъ и не отыщешь скоро. Сорокинъ повѣсилъ ихъ конечно не изъ хвастовства, а больше по обычаю русскаго простого человѣка вѣшать на стѣну всякую официальную бумагу, до паспорта включительно.

Еще одно важное обстоятельство немало способствуетъ этимъ начинаніямъ. Отъ береговъ Охотскаго моря до Якутска нѣтъ ни капли вина. Я писалъ вамъ, что упавшая у насъ на Джукджурѣ, или Зукзурѣ, якутскомъ или тунгузскомъ Монбланѣ, одной изъ горъ Станового хребта, вьючная лошадь перебила нашъ запасъ вина (такъ намъ донесли наши люди), и мы совершили путь этотъ по образу древнихъ, очень патріархально, довольствуясь водой. Люди наши прожили эти пятнадцать или восемнадцать дней, противъ своего ожиданія, трезво. Одинъ изъ нашихъ товарищей (мы ѣхали сначала втроемъ), большой насмѣшникъ, увѣряетъ, что если бъ люди наши знали, что до Якутска въ продажѣ нѣтъ вина, такъ, можетъ-быть, вино на горѣ не разбилось бы.

А вина нѣтъ нигдѣ на разстояніи тысячи двухсотъ верстъ. Тамъ, гдѣ край тѣсно населенъ, гдѣ народъ обуздывается отъ порока отношеніями подчиненности, строгостью общаго мнѣнія и добрыми примѣрами, тамъ свободное употребленіе вина не испортитъ большинства въ народѣ. А здѣсь—въ этомъ молодомъ краѣ, гдѣ всѣ мѣры и дѣйствія правительства клонятся къ тому, чтобъ съ огромнымъ русскимъ семействомъ слить горсть иноплеменныхъ дѣтей, дикихъ младенцевъ человѣчества, для

которыхъ пока правильный, систематическій трудъ—мучительная, лишняя новизна, которые требуютъ осторожнаго и постепеннаго воспитанія—здѣсь вино погубило бы эту горсть, какъ оно погубило дикихъ въ Америкѣ. Винный откупъ, по направленію къ Охотскому морю, нейдетъ далѣе воротъ Якутска. Въ этой мѣрѣ начальства кроется глубокій расчетъ — и уже *зародышъ не Европы въ Азіи*, а русскій, самобытный примѣръ цивилизаціи, которому нехудо бы поучиться нѣкоторымъ европейскимъ судамъ, плавающимъ отъ Ост-Индіи до Китая и обратно.

Но довольно похищать изъ моей памятной дорожной книжки о видѣнномъ на пути съ моря до Якутска: при свиданіи мнѣ нечего будетъ вамъ показать. Воротимся въ самый Якутскъ.

Я познакомился почти со всѣми членами здѣшняго общества, и служащими и торгующими, и неслужащими и неторгующими: всѣ они съ большимъ участіемъ разспрашивали о моихъ странствованіяхъ и выслушивали съ живымъ любопытствомъ мои разсказы. Но кто бы ожидалъ, что въ ихъ скромной и, повидимому, неподвижной жизни, было не меньше движенія и трудовъ, нежели во всякихъ путешествіяхъ? Я узналъ, что жизнь ихъ не неподвижная, не сонная, что она нисколько непохожа на обыкновенную провинціальную жизнь; что въ суммѣ здѣшней дѣятельности таится масса подвиговъ, о которыхъ громко кричали и печатали бы въ другихъ мѣстахъ, а у насъ, изъ скромности, молчатъ. Только въ якутскомъ областномъ архивѣ хранятся матеріалы, драгоцѣнные для будущаго историка Якутской области. Нѣкоторые занимаются здѣсь и въ Иркутскѣ разборомъ старыхъ рукописей и, конечно, издадутъ свои труды въ свѣтъ. Но эти труды касаются прошедшаго: подвиги нынѣшнихъ дѣятелей такъ же скромно, безъ треска и шума, внесутся

въ реестры офиціальнаго хранилища и долго еще до именъ ихъ не дойдетъ очередь въ исторіи.

Упомяну прежде о нашихъ миссіонерахъ. Здѣсь ихъ, въ Якутскѣ, два: священники Хитровъ и Запольскій. Знаете, что они дѣлаютъ? Десять лѣтъ живутъ они въ Якутскѣ и изъ нихъ трехъ лѣтъ не прожили на мѣстѣ, при семействахъ. Они постоянно разъѣзжаютъ по якутамъ, тунгузамъ и другимъ племенамъ: къ однимъ, крещенымъ, ѣздятъ для требъ, къ другимъ для обращенія.

— Гдѣ же вы бывали? спрашивалъ я одного изъ нихъ.

„Въ разныхъ мѣстахъ", сказалъ онъ: „и къ сѣверу, и къ югу, за тысячу верстъ, за полторы, за три".—„Кто жъ живетъ въ тѣхъ мѣстахъ, напримѣръ, къ сѣверу?"—„Не живетъ никто, а кочуютъ якуты, тунгузы, чукчи. Ѣздятъ по этимъ дорогамъ верхомъ, большею частью на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, или на оленяхъ. По колымскому и другимъ пустыннымъ трактамъ есть, пожалуй, и станціи, но какія разстоянія между ними:—верстъ по четыреста, небольшія всего по двѣсти верстъ!"

— „Двѣсти верстъ—небольшая станція! Гдѣ жъ останавливаются? гдѣ ночуютъ?" спрашивалъ я. „Въ иныхъ мѣстахъ ёсть *поварни*", говорятъ мнѣ.

При этомъ словѣ, конечно, представится вамъ и поваръ, пожалуй, въ воображеніи запахнетъ бифстексомъ, котлетами...

„Поварня, говорятъ мнѣ—пустая, необитаемая юрта, съ однимъ искусственнымъ отверстіемъ наверху и со множествомъ природныхъ щелей въ стѣнахъ, съ очагомъ посрединѣ—и только". Слѣдовательно это quasi-поварня.

Если хотите сдѣлать ее настоящей поварней, то привезите съ собой повара, да кстати ужъ и провизіи, а иногда и дровъ, гдѣ лѣсу нѣтъ; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, сосѣдей нѣтъ кругомъ: прямо на

тысячу или больше верстъ пустыня, направо другая, налѣво третья и такъ далѣе.

— „Слава Богу, если еще есть поварня! говорилъ отецъ Никита, а то и не бываетъ...“—„Какъ же тогда?“—„Тогда ночуемъ на снѣгу“.—„Но не въ сорокъ градусовъ, надѣюсь“.—„И въ сорокъ ночуемъ: куда жъ дѣться?“—„Какъ же такъ? вѣдь, говорятъ, при 40° дышать нельзя...“ — „Трудно, грудь рѣжетъ немного, да дышемъ. Мы разводимъ огонь, и притомъ въ снѣгу тепло. Морозъ ничего“, прибавилъ онъ, „мы привыкли, да и хорошо закутаны. А вотъ гораздо хуже, когда застанетъ пурга...“

Пурга стòитъ всякихъ морскихъ бурь: это снѣжный ураганъ, который застилаетъ мракомъ небо и землю и крутитъ тучи снѣгу: нельзя сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ: оставайтесь тамъ, гдѣ застала буря; если поупрямитесь, тронетесь—не найдете дороги впереди, не узнаете вашего и вчерашняго пути: гдѣ были бугры, тамъ образовались ямы и овраги; лучше стойте и не двигайтесь. „Мы однажды добрались въ пургу до юрты“, говорилъ отецъ Никита, „а товарищи отстали: не послушали инстинкта собакъ, своротили ихъ не туда, куда тѣ мчали, и заблудились. Три дня ждали ихъ, и когда прояснилось небо, ихъ нашли у дверей юрты. Послѣднюю ночь они провели тутъ, не подозрѣвая жилья“. Какова должна быть погода!

На-дняхъ священникъ Запольскій получилъ порученіе ѣхать на югъ, по радіусу тысячи въ полторы верстъ, или и больше: тутъ еще никто не измѣрялъ разстояній; это новое мѣсто. Онъ ѣдетъ развѣдать, кто тамъ живетъ, или, лучше сказать, живетъ ли тамъ кто-нибудь: и если живетъ, то исповѣдуетъ ли какую-нибудь религію, какую именно и т. п., словомъ, узнать все, что̀ касается до его обязанностей.

— „Какъ же вы въ новое мѣсто поѣдете?“ спросилъ я: „на чемъ? чѣмъ будете питаться? гдѣ останавливаться? По этой

дорогѣ, вѣроятно, поваренъ нѣтъ..."—„Да, трудно; но вѣдь это только въ первый разъ", возразилъ онъ, „а во второй ужъ легче".

А онъ въ первый разъ и ѣдетъ, значитъ, надѣется ѣхать и во второй, можетъ-быть, и въ третій. „Можно развѣдать", продолжалъ онъ, „есть ли жители по пути, или по сторонамъ, и уговориться съ ними о доставкѣ на будущее время оленей..."—„А далеко ли могутъ доставлять оленей?" спросилъ я. „Да хоть изъ-за шести или семисотъ верстъ, и то доставятъ. Что вы удивляетесь?" прибавилъ онъ, „вѣдь я не первый: тамъ вѣрно кто-нибудь бывалъ: *„въ Сибири нѣтъ мѣста, гдѣ бы не были русскіе"*. Замѣчательныя слова! „Долго ли вы тамъ думаете пробыть?" спросилъ я. „Лѣтомъ, полагаю, я вернусь". Лѣтомъ, а теперь октябрь!

Вы видите, что здѣсь въ религіозномъ отношеніи дѣлается тоже самое, что̀ уже сдѣлано для алеутовъ. Не нужно напоминать вамъ имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги *Записки объ уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ острововъ*. Изд. въ 1840 г. протоіерея (нынѣ камчатскаго, алеутскаго и курильскаго архіепископа Иннокентія) Веніаминова. Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки *матеріалами для будущей исторіи нашихъ американскихъ колоній*; но прочтя эти *матеріалы*, не пожелаешь никакой другой исторіи молодого и малоизвѣстнаго края. Нѣтъ недостатка ни въ полнотѣ, ни въ отчетливости по всѣмъ частямъ знанія: этнографіи, географіи, топографіи, натуральной исторіи; но всего болѣе обращено вниманіе на состояніе церкви между обращенными, успѣхамъ которой онъ такъ много, долго и ревностно содѣйствовалъ. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ. Кромѣ того о. Ве-

ніаминовымъ переложено на алеутскій языкъ евангеліе, имъ же изданы алеутскій и алеутско-кадьякскій букварн, съ присовокупленіемъ на томъ и на другомъ языкахъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы господней, вседневныхъ молитвъ, потомъ счета и цифръ. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сдѣлано и для Колошъ.

Если хотите подробнѣе знать о *состояніи Православной Церкви въ Россійской Америкѣ*, то прочтите изданную, подъ заглавіемъ этимъ въ 1840 году, брошюру протоіерея І. Веніаминова. Теперь онъ, т.-е. преосвященный Иннокентій подвизается здѣсь на болѣе обширномъ поприщѣ, начальствуя паствой двухсотъ тысячъ якутовъ, нѣсколька тысячъ тунгузовъ и другихъ племенъ, раскиданныхъ на пространствѣ тысячъ трехъ верстъ въ длину и въ ширину области. Подъ его руководствомъ перелагается евангельское слово на ихъ скудное, неимѣющее права гражданства между нашими языками, нарѣчіе. Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ евангелія. Всѣ духовныя лица здѣсь знаютъ якутскій языкъ. Переводъ вчернѣ уже оконченъ. Когда я былъ въ комитетѣ, тамъ занимались окончательнымъ пересмотромъ евангелія отъ Матѳея. Сличались греческій, славянскій и русскій тексты съ переводомъ на якутскій языкъ. Каждое слово и выраженіе строго взвѣшивалось и повѣрялось всѣми членами.

Почтенныхъ отцовъ нерѣдко затруднялъ недостатокъ словъ въ якутскомъ языкѣ для выраженія многихъ, не только нравственныхъ, но и вещественныхъ понятій, за неимѣніемъ самыхъ предметовъ. Напримѣръ, у якутовъ нѣтъ слова *плодъ*, потому что не существуетъ понятія. Подъ здѣшнимъ небомъ не родится ни одного плода, даже дикаго яблока: нечего было и назвать этимъ именемъ. Есть рябина, брусника, дикая смородина или, по-здѣшнему, *кислица*,

морошка—но то ягоды. Сами якуты, затрудняясь названіемъ многихъ занесенныхъ русскими предметовъ, называютъ ихъ русскими именами, которыя и вошли навсегда въ составъ якутскаго языка. Такъ, хлѣбъ они и называютъ хлѣбъ, потому что русскіе научили ихъ ѣсть хлѣбъ, и много другихъ, подобныхъ тому. Такъ поступалъ преосвященный Иннокентій при переложеніи евангелія на алеутскій языкъ, такъ поступаютъ перелагатели священнаго писанія и на якутскій языкъ. Впрочемъ, такъ же было поступлено и съ славянскимъ переложеніемъ евангелія съ греческаго языка.

Одинъ изъ миссіонеровъ, именно священникъ Хитровъ, занимается, между прочимъ, составленіемъ грамматики якутскаго языка, для руководства при обученіи якутовъ грамотѣ. Она уже кончена. Вы видите, какое дѣло замышляется здѣсь. Я слышалъ, что всѣ планы и труды здѣшняго духовнаго начальства уже одобрены правительствомъ. Кромѣ якутскаго языка, евангеліе окончено переводомъ на тунгузскій языкъ, который, говорятъ, сходенъ съ маньчжурскимъ, какъ якутскій съ татарскимъ. Составлена, какъ я слышалъ, и грамматика тунгузскаго языка, все духовными лицами. А одинъ изъ здѣшнихъ медиковъ составилъ тунгузско-русскій словарь изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Такъ какъ у тунгузовъ нѣтъ грамоты и слѣдовательно грамотныхъ людей, то духовное начальство здѣшнее, для опыта, намѣрено разослать пока письменныя копіи съ перевода евангелія въ кочевья тунгузовъ, чтобъ наши священники, знающіе тунгузскій языкъ, чтеніемъ перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истины вѣры и приготовляли ихъ такимъ образомъ къ болѣе основательному познанію священнаго писанія, въ ожиданіи, когда распространится между ними знаніе грамоты и когда можно будетъ снабдить ихъ печатнымъ переводомъ.

При этомъ письмѣ я приложу для вашего любопытства

образецъ этихъ трудовъ: молитву господню на якутскомъ, тунгузскомъ и колошенскомъ языкахъ*), которая сообщена мнѣ здѣсь. Что̀ значатъ трудности англійскаго выговора, въ сравненіи съ этими звуками, въ произношеніи которыхъ участвуютъ не только горло, языкъ, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падежъ впереди имени, то притяжательное мѣстоименіе слито съ именемъ и т. п. И все это преодолѣно!

Я забылъ сказать, что для якутской грамоты приняты русскія буквы, съ незначительнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, посредствомъ особыхъ знаковъ, чтобы по-

---

*) Молитва Господня. Мат. VI. 9—13.

1. *На якутскомъ языкѣ:*

Бисиги Агабытъ, энь баргынъ халланнаръ-юрдяляригярь! Сибетяйдяннигъ атыгъ Эеня, келлигъ Энь Сарстваггъ, кёггюлюгъ Эеня боллуггъ сирьгя-да, хайтахъ (баръ кини) халланъ юрдюгярь; бюгюю кюньгя асыръ аспытынъ кулу бисяха, халларъ бисяха бисиги еспитинь, хайтахъ бисиги-безбить даганы естяхтярьбитигярь халларыбытъ, килляримя бисигини альчжархайга, быса бисигини абасытынъ.

2. *На тунгузскомъ языкѣ:*

Амкнты̀ му̀тъ-ни на̀нялъ-дула биши! да бидинъ гэ̀ринъ-ди гырбы̀шъ Хи̇̀нни; да амди̇̀нъ ца̀рство Хи̇̀нни; да би̇̀динъ Хинъ джа̀лысъ, то̀ръ ли, о̀нка на̀ньли.—Клѣбъ мутъ-нивъ элэ̀ и̇̀ныгъ-ла бу̀ли мутъ-туты̀къ. Ама̀ли-да му̀тъ-ту ко̀талъ-бутъ му̀тъ-нивъ, о̀нка мутъ амава̀ттецъ коталка̀салъ-буръ мутъ нилъ буръ; Амика̀нъ-да бу̀ръ му̀ту урериду; аистили-да муту улкъ тукъ.

3. *На колошенскомъ языкѣ:*

Аишъ ааги, кусу Тыкикъ сгатыгіа, укатуваннъ исаги.

Атъенка̀ны Царствіе ја̀ги; екуkкасты̀ тл̆ютах̆ъ т̆у јаги, тлzткъ. васса тыкикъ;

Катувахагіатъ ачитъ-ты лекигикатъ;

Ишантѐнъ атак̆хъ итунаты̀ уанъ л̆юшикѐгіатъ,—васса уанъ ишантѐнъ та атутехк̆ъ ныгате аткуту-сыагик̆а.

Л̆ил̆ъ тучи̇̀х̆ъ аисаакъ люшикегигете; эакасных̆ъ уанъ цивикикувутахъ.

полнить недостатокъ въ нашемъ языкѣ звуковъ, частью гортанныхъ, частью носовыхъ. Но вы вѣроятно знаете это изъ книги г. Бетлинка, изданной въ С.-Петербургѣ: *Ueber die jakûtische Sprache*, а если нѣтъ, то загляните въ нее изъ любопытства. Это большой филологическій трудъ, но трудъ начальный, который долженъ послужить только матеріаломъ для будущихъ основательныхъ изысканій о якутскомъ языкѣ. Въ этой книгѣ формы якутскаго языка изложены сравнительно съ монгольскимъ и другими азіатскими нарѣчіями. Самъ г. Бетлинкъ въ книгѣ своей не беретъ на себя основательнаго знанія этого языка и ссылается на другіе авторитеты. Для письменной грамоты алеутовъ и тунгузовъ приняты тоже русскія буквы, за неимѣніемъ никакой письменности на тѣхъ нарѣчіяхъ.

Теперь отъ миссіонеровъ перейдемъ къ другимъ лицамъ. Вы знаете, что были и есть люди, которые подходили близко къ полюсамъ, обошли берега Ледовитаго моря и Сѣверной Америки, проникали въ безлюдныя мѣста, питаясь иногда бульономъ изъ голенища своихъ сапогъ, дрались съ звѣрями, съ стихіями—все это герои, которыхъ имена мы знаемъ наизусть и будетъ знать потомство, печатаемъ книги о нихъ, рисуемъ съ нихъ портреты и дѣлаемъ бюсты. Одинъ опредѣлилъ склоненіе магнитной стрѣлки, тотъ ходилъ отыскивать ближайшій путь въ другое полушаріе, а иные, не найдя ничего, просто замерзли. Но всѣ они ходили за славой. А кто знаетъ имена многихъ и многихъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ асессоровъ, поручиковъ и майоровъ, которые каждый годъ ѣздятъ въ непроходимыя пустыни, къ берегамъ Ледовитаго моря, спятъ при 40° мороза на снѣгу—и все это *по казенной надобности?* Портретовъ ихъ нѣтъ, книгъ о нихъ не пишется, даже въ формулярѣ ихъ сказано будетъ глухо: „исполняли разныя порученія начальства“.

Зачѣмъ же они ѣздятъ туда? Да вотъ, напримѣръ, понадобилось снабдить одно мѣсто свѣжимъ мясомъ и послали чиновника за тысячу верстъ заготовить столько-то сотъ быковъ и оленей и доставить ихъ за другія тысячи верстъ. Въ другой разъ случится какое-нибудь происшествіе, и посылаютъ служащее лицо, тысячи за полторы, за двѣ верстъ, *произвести слѣдствіе,* или просто осмотрѣть какой-нибудь отдаленный уголокъ: все ли тамъ въ порядкѣ. Не забудьте, что по этимъ краямъ большихъ дорогъ мало, ѣздятъ все верхомъ и зимой и лѣтомъ, или дороги такъ узки, что запрягаютъ лошадей гусемъ. Другой посылается, напримѣръ, въ Нижне-Колымскій уѣздъ,— это ни больше, ни меньше, какъ къ Ледовитому морю, за двѣ тысячи пятьсотъ или три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ—зачѣмъ вы думаете: овладѣть ихъ землей, а ихъ самихъ обложить податью? Чукчи остаются до сихъ поръ еще въ дикомъ состояніи, упорно держатся въ своихъ тундрахъ и нерѣдко гибнутъ отъ голода, по недостатку рыбы, или звѣрей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачѣмъ же посылать къ нимъ? А затѣмъ, чтобъ вывести ихъ изъ дикости и заставить жить по-человѣчески, и все даромъ, безкорыстно: съ нихъ взять нечего.

Чукчи держатъ себя поодаль отъ нашихъ поселенцевъ, полагая, что русскіе придутъ и перерѣжутъ ихъ, а русскіе думаютъ—и гораздо съ бо̀льшимъ основаніемъ—что ихъ перерѣжутъ чукчи. Отъ этого происходитъ то, что тѣ и другіе избѣгаютъ другъ друга, хотя живутъ рядомъ, не оказываютъ взаимной помощи въ нуждѣ во время голода, не торгуютъ и, того гляди, еще подерутся между собой.

Чиновникъ былъ посланъ, сколько я могъ узнать, чтобъ сблизить ихъ. „Какъ же вы сдѣлали?“ спросилъ я его. „Лаской и подарками“, сказалъ онъ: „я съ трудомъ зазвалъ ихъ старшинъ на русскую сторону, къ себѣ въ юрту, угостилъ

чаемъ, увѣрилъ, что имъ опасаться нечего, и послѣ того многія семейства перекочевали на русскую сторону".

И они позвали его къ себѣ. „Мы у тебя были, теперь ты приди къ намъ", сказали они и угощали его обѣдомъ, но въ своемъ вкусѣ, и потому онъ не ѣлъ. Въ грязномъ горшкѣ чукчанка сварила оленины, вынимала ее и дѣлила на части руками—какими—Боже мой! Когда онъ отказался отъ этого блюда, ему предложили другое, самое лакомое: сырые оленьи мозги. „Мы ѣли у тебя, такъ ужъ и ты, какъ хочешь, а ѣшь у насъ", говорили они.

Онъ много разсказывалъ любопытнаго о нихъ. Онъ обласкалъ одного чукчу, посадилъ его съ собой обѣдать, и тотъ потомъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, служилъ ему проводникомъ, просиживалъ надъ нимъ ночью, не смыкая глазъ и охраняя его сонъ, и разстался съ нимъ только на границѣ чукотской земли. Поступите съ нимъ грубо, постращайте его—и во сколько лѣтъ потомъ не изгладите впечатлѣнія!

Любопытно также, какъ чукчи производятъ торговлю, т.-е. мѣну съ другимъ племенемъ, Коргаулями, или Карагаулями, живущими на островахъ у устья рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море. Чукча и каргауль держатъ въ одной рукѣ товаръ, который хотятъ промѣнять, а въ другой по длинному ножу, и не спускаютъ другъ съ друга глазъ, взаимно слѣдя за движеніями, и такимъ образомъ передаютъ товары. Чуть одинъ зазѣвается, другой вонзаетъ въ него ножъ и беретъ товаръ себѣ. Объ убитомъ никто не заботится: „должно-быть, дурной человѣкъ былъ!" говорятъ они и забываютъ о немъ.

О корякахъ, напротивъ, разсказываютъ много хорошаго, о тунгузахъ еще больше. Послѣдніе честны, добры и трудолюбивы. Коряки живутъ тоже скудными рыбными и звѣриными промыслами, и въ юртахъ ихъ нерѣдко бываетъ

такая же стряпня, какъ въ *поварняхъ*, по колымскому и другимъ безлюднымъ трактамъ. Въ голодъ они дѣлятъ поровну между собою, все, что̀ добудутъ: звѣря, рыбу, или другое. Когда хотѣли наградить одного коряка за такой дѣлежъ, онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. „За что?“ спрашиваетъ. „За то, что раздѣлилъ свою добычу съ другими“. „Да вѣдь у нихъ нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ съ изумленіемъ. Бились, бились, такъ и не могли принудить его взять награду. Хвалятъ тоже ихъ за чистоту нравовъ. Дочь одного коряка измѣнила правиламъ нравственности. По обычаю коряковъ, ее слѣдовало убить. Отецъ не могъ исполнить этого долга: она была любимая и единственная дочь. „Не могу“, сказалъ онъ, подавая ей веревку: „удавись сама“. Она удавилась и онъ нѣсколько лѣтъ оплакивалъ ее.

Не то̀ разсказываютъ про якутовъ. Хвалятъ ихъ за способности, за трудолюбіе, за смышлёность, но въ нихъ, какъ въ многочисленномъ, преобладающемъ здѣсь племени, уже развиты нѣкоторые пороки: они, между прочимъ, склонны къ воровству. Убійства между ними рѣдки: они робки и боятся наказаній. Но въ воровствѣ они обнаруживаютъ много тонкости, которая бы не осрамила лондонскихъ мошенниковъ. Одинъ якутъ украдетъ, напримѣръ, корову, и чтобъ зимой по слѣдамъ не добрались до него, надѣваетъ на нее сары, или сапоги изъ конской кожи, какіе самъ носитъ. Но и хозяинъ коровы не промахъ: онъ поутру смотритъ не подъ ноги, не на слѣды, а вверхъ: замѣчаетъ, куда слетаются вороны, и часто нападаетъ на покражу, узнавая по шкурѣ зарѣзанной коровы свою собственность.

Однажды нѣсколько якутовъ перелѣзли на чужой дворъ украсть лошадь. Ворота заперты, вывести нельзя; они вздумали перетащить ее черезъ заборъ: переднія ноги уже были за заборомъ; воры усердно тащили за хвостъ и другую половину лошади. Она, конечно, къ этому новому способу пу-

тешествія равнодушна быть не могла и сильно протестовала съ своей стороны, и копытами, и головой. Хозяинъ вышелъ на шумъ, а воры мгновенно спрятались, кромѣ того, который былъ на улицѣ. „Хозяинъ, хозяинъ“, кричалъ онъ, „смотри, что я засталъ: у тебя лошадь воруютъ“.—„И такъ воруютъ“.—„Бери же ее назадъ“. Стали тащить назадъ—не подается: воръ съ улицы крѣпко придерживалъ ее за узду. „Туда нейдетъ“, говорилъ онъ: „ты лучше подтолкни ее сюда; а потомъ отвори ворота, я ее приведу“. Такъ и сдѣлано. Само собою разумѣется, что воръ ускакалъ на лошади, не дождавшись хозяина.

Якуты здѣсь все: кучера, слуги и ремесленники; они—хорошіе скорняки, кузнецы, но особенно способны къ плотничной и столярной работѣ. Имъ недостаетъ вкуса, потому что нѣтъ образцовъ. Здѣшніе древніе диваны и стулья переходятъ изъ дома въ домъ, не мѣняя формы; по нимъ дѣлаютъ и новую мебель. Дайте имъ образецъ—они сдѣлаютъ совершенно такую же вещь. Знаете ли, что мнѣ обѣщалъ принести на-дняхъ якутъ? бюстъ Рашели изъ мамонтовой кости, или изъ моржоваго зуба. Сюда присланъ бюстикъ изъ гипса и якутъ дѣлаетъ по немъ. Якутъ и Рашель—каково сближеніе!

Кстати объ издѣліяхъ изъ мамонтовой кости. Вы знаете, что кость эту находятъ не только въ кускахъ, но въ цѣлыхъ остовахъ. Мнѣ сказывали здѣсь, что про найденный недавно остовъ мамонта кто-то выдумалъ объявить чукчамъ, что имъ приведется везти его въ Якутскъ, и они растаскали и истребили его такъ, что теперь и слѣдовъ нѣтъ.

Нѣтъ проѣзжаго, къ которому бы не явились якуты, и особенно якутки, съ этими издѣліями. Я купилъ рѣзную подставку для часовъ, только она не стоитъ на мѣстѣ. Но что это за издѣлія! Работа такая же допотопная, какъ и сама кость, съ допотопными надписями на гребнѣ: *въ знакъ*

любве или *кого люблю, того дарю*. На ящикахъ зачѣмъ-то вырѣзанъ русскій гербъ. Жаль, что отдаленность и глушь края мѣшаютъ обратить на это вниманіе: кости здѣсь очень много, якутовъ еще больше, такъ что наши столики были бы заставлены бездѣлками изъ этого краснваго матеріала. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, к. О. хотѣлъ купить кусокъ необдѣланной кости и взять съ собой. „Если немного, такъ пожалуй, можно достать", отвѣчали ему. „Мнѣ небольшой кусокъ", сказалъ онъ. „Пудовъ восемнадцать, что-ли?" спросили его. Но онъ отступился.

Еще слово о якутахъ. Г. Геденштромъ (въ книгѣ своей *Отрывки о Сибири*, С.-Петербургъ 1830), между прочимъ говоритъ, что „якутская область—одна изъ тѣхъ немногихъ странъ, гдѣ присвѣщеніе или *расширеніе понятій человѣческихъ* (sic) (стр. 94) болѣе вредно, чѣмъ полезно. Житель сей пустыни (продолжаетъ авторъ), сравнивая себя съ другими мірожителями, понялъ бы свое бѣдственное состояніе, и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію..." Вотъ какъ думали еще нѣкоторые, двадцать-пять лѣтъ назадъ!

Авторъ беретъ пороки образованнаго общества, какъ будто неотъемлемую принадлежность просвѣщенія, какъ будто и самое просвѣщеніе имѣетъ недостатки: тщеславіе, корысть, тонкій обманъ и т. п. Кажется, смѣшно и увѣрять, что эти пороки только обличаютъ въ человѣческомъ обществѣ еще недостатокъ просвѣщенія. Если дикари увлекаются скорѣе всего заманчивостью блеска, или чувственныхъ удовольствій—что совершенно справедливо—то за ними, какъ за дѣтьми, надо смотрѣть, что̀ здѣсь и дѣлается. Я выше сказалъ, что отъ Якутска до Охотскаго моря нѣтъ вина; противъ тайнаго провоза его приняты очень строгія мѣры. Если зло затѣмъ и прокрадется, такъ въ такой незначительной степени, что оно уже не составитъ

общей гибели. Факты свидѣтельствуютъ, что ябедничество тоже уменьшилось по судамъ. „Тщеславіе, честолюбіе и корысть“, конечно, важные пороки, если опять-таки не посмотрѣть за дѣтьми и дать усилиться злу: между тѣмъ эти же *пороки*, какъ ихъ называетъ авторъ, могутъ, при разумномъ воспитаніи, повести къ земледѣльческой, мануфактурной и промышленной дѣятельности, которую даже безъ нихъ, если правду сказать, и не привьешь къ краю. Что̀ дѣлается безъ честолюбія и корысти, въ извѣстной степени, разумѣется? „Житель пустыни (говоритъ авторъ) понялъ бы свое бѣдственное положеніе и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію“. Напротивъ, тогда-то и нашелъ бы, когда бы понялъ, или ему нашли бы, и находятъ.

Просвѣщеніе якута пока состоитъ въ томъ, чтобъ пріучить его къ земледѣлію, къ скотоводству, къ торговлѣ; все это и дѣлается. Нужды нѣтъ, что онъ живетъ въ пустынѣ, просвѣщеніе находитъ средство справиться и съ пустыней. Думали же прежде, что здѣсь не родится хлѣбъ: а принялись съ умѣньемъ и любовью къ дѣлу—и вышло, что родится. Вотъ теперь разводятъ овецъ. Конечно, долго еще ждать, когда мы будемъ носить сукна якутскихъ фабрикъ; но этого и не нужно пока. Слава Богу, да, слава Богу, не во гнѣвъ автору, что якуты теперь ѣдятъ хлѣбъ, а не кору, носятъ русское сукно, а не сырую звѣриную кожу! Дикія добродѣтели, простота нравовъ—какія сокровища: есть о чемъ вздыхать! Говорятъ, дикари не пьютъ, не воруютъ—да̀ пока нечего пить и воровать: не лгутъ—потому что нѣтъ надобности. Хорошо, но вѣдь оставаться въ дикомъ состояніи нельзя. Просвѣщеніе, какъ пожаръ, охватываетъ весь земной шаръ. „Но да пощадитъ оно, восклицаетъ авторъ (т. е. просвѣщеніе) (стр. 96), якутовъ и подобныхъ имъ, къ которымъ природа ихъ земли была мачихою!“ Другими словами: просвѣщенные люди! не ходите къ якутамъ: вы ихъ

развратите! Какой чудакъ этотъ авторъ! А гдѣ же взять шубу? вѣдь это все у якутовъ, не у нихъ, такъ у тунгузовъ, наконецъ у алеутовъ, у колошъ и т. д., все у тѣхъ же дикарей! Природа не совсѣмъ была къ нимъ мачиха, наградивъ ихъ край соболями, бѣлками, горностаемъ и медвѣдями.

Книга г. Геденштрома издана въ 1830 году; можетъ-быть, авторъ съ тѣхъ поръ и самъ отказался отъ своего парадокса.

Впрочемъ, обѣ приведенныя книги, *Поѣздка въ Якутскъ* и *Отрывки о Сибири* даютъ, по возможности, удовлетворительное понятіе о здѣшнихъ мѣстахъ, и вполнѣ заслуживаютъ того одобренія, которымъ наградила ихъ публика. Первая изъ нихъ дала два, а можетъ-быть, и болѣе изданій. Рекомендую вамъ обѣ, если бъ вы захотѣли узнать что-нибудь больше и вѣрнѣе объ этомъ отдаленномъ уголкѣ, о которомъ я, какъ проѣзжій, встрѣтившій нечаянно остановку на пути и имѣвшій недѣлю, другую досуга, могъ написать только этотъ блѣдный очеркъ.

Не указываю вамъ другихъ авторитетовъ, важнѣе, напримѣръ, книги барона Врангеля: вы давнымъ-давно знаете ее; прибавлю только, что имя этого писателя и путешественника живо сохраняется въ памяти сибиряковъ, а книгу его непремѣнно найдете въ Сибири у всѣхъ образованныхъ людей.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ якутскихъ купцовъ, которые также достигаютъ до здѣшнихъ Геркулесовыхъ столповъ, т.-е. до Ледовитаго моря, или въ противную сторону, до невѣдомыхъ пустынь. Одинъ изъ нихъ ѣздитъ, напримѣръ, за пятьсотъ верстъ еще далѣе Нижнеколымска, до котораго считается три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ, другой къ югу, на рѣку Уду, третій къ западу, въ Вилюйскій округъ.

„Свѣтъ малъ, а Россія велика“, говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пришедшій также кругомъ свѣта въ Сибирь. Правда. Между тѣмъ пріѣзжайте изъ Россіи въ Берлинъ, васъ сейчасъ произведутъ въ путешественники; а здѣсь изъѣздите пространство втрое больше Европы и вы все-таки будете только *проѣзжій*. Въ Россіи нѣтъ путешественниковъ, все проѣзжіе, несмотря на то, что теперь именно это стало наоборотъ. Развѣ по желѣзнымъ дорогамъ путешествуютъ? Онѣ выдуманы затѣмъ, чтобъ „проѣзжать“ пространства, не замѣчая ихъ. Теперь я вижу, что у насъ, въ этихъ отдаленныхъ уголкахъ, только еще и можно путешествовать, въ старинномъ, занимательномъ смыслѣ слова, съ лишеніями, трудностями, съ запасомъ чуть не на годъ провизіи, съ перинами и самоварами. Да и то, благодаря здѣшнему начальству, исчезаетъ понемногу. И здѣсь заводятся удобства: того и гляди, скоро не дадутъ выспаться на снѣгу, и въ поварни приставятъ поваровъ—бѣда: совсѣмъ истребится порода путешественниковъ! Обратимся къ купцамъ.

Они берутъ извѣстное число лошадей, смотря по количеству товара, иногда до сорока, ѣдутъ, каждый по своему радіусу, въ нѣкоторые сборные пункты, которые называются великолѣпнымъ именемъ *ярмарокъ*. Туда къ извѣстному дню стекаются якуты, чукчи, тунгузы и прочіе, и производится мѣна. Чукчи покупаютъ простой листовой табакъ, называемый здѣсь *черкасскимъ*, и желѣзныя издѣлія, топоры, гвозди и проч., якуты—бумажныя и шерстяныя матеріи, дабу, грубые ситцы, холстину, толстое сукно, также чай, сахаръ; послѣдній большею частію въ леденцѣ, вывозимомъ изъ Китая.

Купцы вымѣниваютъ отъ нихъ пушной товаръ, добытый въ теченіе лѣта и осени; товаръ этотъ покупаютъ у нихъ, какъ выше сказано, пріѣзжающіе сюда на ярмарку

въ іюлѣ иркутяне перепродаютъ на нижегородскую и ирбитскую ярмарки, или въ Кяхту, оттуда въ Китай и т. д.

Вотъ вамъ происхожденіе горностаевыхъ муфтъ и боа, бѣличьихъ тулуповъ и лисьихъ салоповъ, собольихъ шубъ и воротниковъ, медвѣжьихъ полостей — всего, чѣмъ мы щеголяемъ за уральскимъ хребтомъ! Купцы отправляются въ ноябрѣ и возвращаются въ апрѣлѣ. Имъ сопутствуютъ иногда жены—и все переносятъ: ѣздятъ верхомъ, спятъ, если не въ поварняхъ, такъ подъ открытымъ небомъ, и живутъ по многимъ мѣсяцамъ въ пустынныхъ, глухихъ уголкахъ, и не разсказываютъ объ этомъ, не тщеславятся. А американецъ, или англичанинъ какой-нибудь, съѣздитъ, съ толпой слугъ, дикарей, съ ружьями, съ палаткой, куда-нибудь въ горы, убьетъ медвѣдя — и весь свѣтъ знаетъ и кричитъ о немъ!

Купцы однако жаловались мнѣ, что торгъ пушными товарами идетъ гораздо тише прежняго, такъ что едва стоитъ ѣздить въ отдаленные края. Они искали разныхъ причинъ этому, приписывая упадокъ торговли, частью истребленію звѣрей, отчего звѣроловы возвышаютъ цѣны на мѣха, частью безпокойствамъ, возникшимъ въ Китаѣ, отчего будто бы мѣха сбываются съ трудомъ и дешево.

Но кажется, причина тутъ другая: на нѣкоторыхъ пунктахъ по Ленѣ открылись золотые пріиски: золотопромышленники основали тамъ свое пребываніе, образовавъ около себя новые центры дѣятельности. Туда потянулось народонаселеніе, понадобились руки, тамъ и товаръ находитъ сбытъ. Вскорѣ, можетъ-быть, загремятъ имена мѣстечекъ и городковъ, теперь едва извѣстныхъ по имени: Олекминска, Витима и другихъ. Здѣсь имена эти начинаютъ повторяться чаще и чаще. Люди тамъ жмутся тѣснѣе въ кучу: пустынная Лена стала живымъ,

неумолкающимъ, ни лѣтомъ ни зимою, путемъ. Это много отвлекло рукъ и капиталовъ отъ Якутска.

Я такъ думалъ вслухъ, при купцахъ, и они согласились со мною. Съ общей точки зрѣнія оно очень хорошо; а для этихъ пяти, шести, десяти человѣкъ—пѣтъ. Торговля въ этой малонаселенной части имперіи обращается, какъ кровь въ жилахъ, помогая распространенію народонаселенія. Одно мѣсто глохнетъ, другое возникаетъ рядомъ, потомъ третье, и такъ далѣе, а между тѣмъ люди разбредутся въ разныя стороны, оснуются въ глуши и, вмѣсто золота, начнутъ добывать изъ земли что-нибудь другое.

Но довольно. Какъ ни хорошо отдохнуть въ Якутскѣ отъ труднаго пути, какъ ни любезны его жители, но пробыть два мѣсяца здѣсь—утомительно. Боже сохрани отъ лютости скуки и сорока-градусныхъ морозовъ! Пора, пора, морозы уже трещатъ: 32, 35 и 37 : скоро *дышать будетъ тяжело*. Въ прошедшемъ году морозъ здѣсь достигалъ, говорятъ, до 48°.

А я все хожу въ петербургскомъ байковомъ пальто и въ резиновыхъ калошахъ. Надо мной смѣются и пророчатъ простуду, но ничего: только брови, рѣсницы, усы, а у кого есть и борода, *куржевѣютъ*, т.-е. покрываются льдомъ, такъ что брови срастаются съ рѣсницами, усы съ бородой и образуютъ на лицѣ ледяное забрало: отъ мороза даже зрачкамъ больно.

Вотъ и повозка на дворѣ, щи, въ замороженныхъ кускахъ, уже готовы, мороженые пельмени и струганина тоже; бутылки съ виномъ обшиты войлокомъ, ржаной хлѣбъ и бѣлыя булки—все обращено въ камень.

Я простился со всѣми: кто хочетъ проводить меня пирогомъ, кто прислалъ рыбу на дорогу, и всѣ просятъ непремѣнно выкушать наливочки, холодненькаго... Бѣда съ непривычки! Добрые пріятели провожаютъ съ открытой

головой на крыльцо и ждутъ, пока сядешь въ сани, съѣдешь со двора—имъ это ничего. Пора, однако, *шибко* пора.

Якутскъ, ноябрь, 1854.

IX.

ДО ИРКУТСКА.

Городъ Олекма. — Лена. — Станціи по ней. — Сорокъ градусовъ мороза.—Вино и щи въ кускахъ.—Юрты съ чувалами.—Пѣса.—Тунгузы.—Витима.—Киренскъ.—Лошади и ямщики.

Я выѣхалъ изъ Якутска 25 ноября, при 36° мороза; воздухъ чистъ, сухъ, остръ, рѣжетъ легкія, и горе страждущимъ грудью! но зато не пріобрѣтешь простуды, флюса, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только распахнуть для этого шубу. Замерзнуть можно, а простудиться трудно.

И какое здѣсь прекрасное небо, даромъ что якутское: чистое, съ радужными оттѣнками! Даха, т.-е. козлиная мягкая шкура (дикаго горнаго козла), рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза и не надо никакого тулупа подъ нее: только тяжести прибавитъ. Она легка, пушиста и грѣетъ въ 40°! Не защититъ лишь отъ вѣтра, отъ котораго ничто не защититъ. Какъ же тогда? Опустите заметъ у повозки, или спрячьтесь, или, наконецъ, какъ знаете. Лошади отъ вѣтра воротятъ морды назадъ, ямщики тоже, и сѣдоки прячутъ лицо въ подушки—напрасно: такъ и рѣжетъ шею, спину, грудь и непремѣнно доберется до носа. У меня даже пятка

озябла—эта самая безчувственная часть у всякаго, кто не съ родни Ахиллесу.

Ну, такъ вотъ я въ дорогѣ. Какъ же, спросите вы, послѣ тропиковъ показались мнѣ морозы? А ничего. Сижу въ своей открытой повозкѣ, какъ въ комнатѣ; а прежде боялся, думалъ, что въ 30° не проѣдешь тридцати верстъ; теперь узналъ, что проѣдешь лучше при 30° и скорѣе, потому что ямщики мчатъ что̀ есть мо̀чи; у нихъ зябнутъ руки и ноги, зябъ бы и носъ, но они надѣваютъ на шею боа.

Ѣду я все еще по пустынѣ и долго буду ѣхать: дни, недѣли, почти мѣсяцы. Это не поѣздка, не путешествіе, это особая жизнь: такъ длиненъ этотъ путь, такъ однообразно тянутся дни за днями, мелькаютъ станціи за станціями, стелются безконечныя снѣжныя поля, идутъ по сторонамъ Лены высокія горы, съ краснвымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Еще однообразнѣе всего этого лежитъ глубокая ночь двѣ трети сутокъ надъ этими пустынями. Солнце поднимается невысоко, выглянетъ изъ-за горъ, протечетъ часа три, не отрываясь отъ ихъ вершинъ, и спрячется, оставивъ послѣ себя продолжительную огнистую зарю. Звѣзды въ этомъ прозрачномъ небѣ блещутъ такъ же ярко, лучисто, какъ подъ другими, не столь суровыми небесами.

По Ленѣ живутъ все русскіе поселенцы и кромѣ того много якутовъ: оттого всѣ русскіе и здѣсь говорятъ по-якутски, даже между собою. Всѣ ихъ сношенія ограничиваются якутами, да рѣдкими проѣзжими. Лѣтомъ они занимаются хлѣбопашествомъ, сѣютъ рожь и ячмень, больше для своего употребленія, потому что сбывать некуда. Тѣ, которые живутъ выше по Ленѣ, могутъ сплавлять свои избытки по рѣкѣ на золотые пріиски, находящіеся между городами Киренскомъ и Олекмой.

Зимой крестьяне держатъ лошадей на станціяхъ. Лошади не сильны, хотя и рѣзвы; кормъ ихъ одно сѣно, и потому,

если разгонъ великъ, лошади теряютъ силу и едва выдерживаютъ гоньбу по длиннымъ разстояніямъ между станціями. Всѣ станціи расположены на пригоркахъ, оттого при подъемѣ и спускѣ всегда берутся предосторожности. Экипажи спускаютъ на Лену на одной лошади, или *конь*, какъ здѣсь всѣ говорятъ, и уже внизу подпрягаютъ другихъ, и тутъ еще держатъ ихъ человѣкъ пять ямщиковъ, пока садится очередной ямщикъ; и когда онъ заберетъ вожжи, всѣ разступятся и тройка или пятерка помчитъ что̀ есть мо̀чи, но скоро утомится: снѣгъ глубокъ, бѣжать вязко, или, по-здѣшнему, *убродно*.

Мнѣ странно показалось, что ленскіе мужички обращаютъ вниманіе на такую мелочь, спускаютъ съ горъ на одномъ конѣ: это не въ нашемъ характерѣ. Ну, какъ бы не махнуть на тройкѣ! Вѣрно начальство притѣсняетъ, велитъ остерегаться! Впрочемъ, я радъ за шею ближняго, и въ томъ числѣ за свою.

Многимъ нравится дорога, не какъ путешествіе, т.-е. наблюденіе нравовъ, перемѣна мѣстъ и проч., а просто какъ дорога. Есть же охотники переѣзжать съ квартиры на квартиру; гулять по осенней слякоти и т. п. Славно, говорятъ любители дороги, когда намерзнешься, зайндивѣешь весь и потомъ ввалишься въ теплую избу, наполнивъ холодомъ и избу, и чуланчикъ, и палати, и даже подъ лавку дунетъ холодъ, такъ что сидящіе по лавкамъ ребятишки подожмутъ голыя ноги, а котъ уйдетъ изъ-подъ лавки на печку... „Хозяйка, самоваръ!“ И пойдетъ суматоха: на сцену является извѣстный погребецъ, загремятъ чашки, повалитъ дымъ, съ *душистой струей*, отъ маленькаго графинчика, въ печкѣ затрещитъ огонь, на сковородѣ, отъ поливаемаго масла, раздается пенстовое шипѣнье; а на столѣ поставлена ужъ водка, икра, тарелки etc., etc. Если спутникъ не одинъ, идетъ шумный разговоръ, а одинъ, такъ онъ выберетъ какого-

нибудь старика и давай экзаменовать его: „сколько хлѣба, да какой, куда сбываете? А ты что спряталась, красавица?“ тутъ же скажетъ дѣвкѣ мимоходомъ: „поди сюда?“ Или дастъ разинувшему ротъ, не совсѣмъ умытому мальчишкѣ, кусокъ сахару: все это называется „удовольствіемъ“. Пожалуй, почему и не такъ? Но когда это удовольствіе тянется такъ долго, какъ мое, тогда даешь ему и другое названіе.

Здѣсь идетъ правильный почтовый трактъ, и весьма исправный, но дорога не торная, по причинѣ малой ѣзды. Проѣдетъ почта, или кто-нибудь изъ служащихъ, и опять замолкнетъ надолго путь, а дорогу замететъ первымъ вѣтромъ. Приходится проѣзжему вновь пролагать ее по снѣжнымъ буграмъ: отъ этого здѣсь дорога постоянно тяжела для лошадей. Ѣдутъ и рѣкой, гдѣ можно, лугами, островами и берегомъ. На одной станціи случается ѣхать по берегу, потомъ спуститься на протокъ Лены, потомъ переѣхать островъ, выѣхать на самую Лену, а отъ нея опять на берегъ, въ лѣсъ. Иногда же, напротивъ, ѣдешь по Ленѣ отъ станціи до станціи, любуешься, то горами, то тѐросомъ, т.-е. буграми льда, гдѣ Лена встала неровно: иногда видишь въ одномъ мѣстѣ стоитъ паръ надъ рѣкой. „Что такое?“ спросишь. „На̀леди“, говорятъ, т.-е. проступающая сквозь ледъ вода, или вытекающіе на ленскій ледъ горные ключи, вѣроятно, минеральные, которые иногда вовсе не замерзаютъ, можетъ-быть, отъ присутствія въ нихъ газовъ. Къ веснѣ, въ февралѣ и мартѣ, дорога по Ленѣ, говорятъ, очень хороша, укатана.

Какія развлеченія на такомъ длинномъ переѣздѣ? Пріѣдешь на станцію: „скорѣй, скорѣй дай *кусочекъ* вина и *кружокъ* щей“. Все это заморожено и везется въ твердомъ видѣ; пельмени тоже, рябчики, которыхъ здѣсь множество, и другая дичь. Надо имѣть замороженный черный и бѣлый хлѣбъ. На станціяхъ есть молоко, кое-гдѣ яйца, мѣстами

овощи, но на это нельзя разсчитывать. Жители, по малому числу проѣзжихъ, держатъ все это только для себя, или отправляютъ, если близко, на пріиски, которые много поддерживаютъ здѣшнія мѣста, доставляя работу. Туда стекается народъ: предметовъ потребленія надобится все больше и больше, обозы идутъ чаще изъ Иркутска на пріиски и обратно—и формируется центръ сильнаго народонаселенія и дѣятельности. Таже исторія, что̀ въ Калифорніи, въ Австраліи. Это напоминаетъ басню о кладѣ, завѣщанномъ старикомъ своимъ дѣтямъ. Дѣло—не въ золотѣ.

Первые дни морозъ былъ ужъ очень силенъ. Высунешь на минуту руку поправить что-нибудь—и пальцы озябнутъ до костей; дотронешься даже до дерева, и то̀ жжется какъ желѣзо. На одной станціи я спросилъ, сколько считаютъ они градусовъ такого мороза. „Градусовъ пятьдесятъ, батюшка“, сказала мнѣ старуха. Человѣкъ мой усмѣхнулся. „Градусовъ пятьдесятъ не бываетъ“, сказалъ онъ. „И! родимый! у насъ и семьдесятъ бываетъ“, отвѣчала она. „Когда же кончаются эти морозы?“—„А въ апрѣлѣ, кормилецъ: въ маѣ все таетъ, а ужъ въ іюнѣ, въ половинѣ, и высохнетъ все“. — „Какъ вы это живете тутъ?“ спросилъ я. „Да мы ужъ *обнатуренные*“, сказала она.— „А лѣто у васъ хорошо?“ спросилъ я. — „*Годявое*, да только коротко: сѣмъ ярицу, да озябаетъ, не каждый годъ родится, а когда родится, такъ хорошо“.

Въ другомъ мѣстѣ станціонный смотритель позабавилъ меня уже другимъ языкомъ. Онъ предложилъ обѣдать у него. „А что у васъ есть?“—„Налимы имѣются“.—„А мясо есть?“—„Имѣется баранина“.—„Да скоро ли все это поспѣетъ?“—„Быстро соорудимъ“.

Откуда этотъ языкъ, да и *обнатуренные* — кто завезъ сюда?

Хороши камельки или чувалы на станціяхъ и вообще въ

юртахъ. Какъ войдешь съ морозу, охватитъ васъ и въ минуту согрѣетъ тепло, которое такъ и пышетъ отъ цѣлаго костра стоймя горящихъ полѣньевъ лиственницы. Она лучше даже березы на дрова: славно горитъ и долго держитъ жаръ. Толпа крестьянъ, женщинъ, мальчишекъ, въ минуту похватаютъ у васъ, кто шарфъ, кто шапку, рукавицы, и тотчасъ высушатъ, держа у камина. Тотъ вамъ подвигаетъ скамью, другой—стулъ. На станціяхъ бо́льшею частью опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати — все выстругано изъ чистаго бѣлаго дерева. Ветхія избы предположено весной перестроить по новому, лучшему образцу. Тѣсниться въ духотѣ уже не позволено. Со мной въ одно время ѣхалъ посланный изъ Якутска офицеръ, для осмотра старыхъ строеній.

Пустыня имѣетъ ту выгоду, что здѣсь нѣтъ воровства. Кибитка стоитъ на улицѣ, около нея толпа ямщиковъ и ничего не пропадаетъ. По дорогѣ тоже все тихо. Нѣтъ даже волковъ, или рѣдко водятся гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ. Медвѣди зимой всѣ почиваютъ.

Мнѣ, по случаю трудной дороги, подпрягаютъ пять и шесть лошадей, хотя повозка у меня довольно легка, но у нея есть подрѣзи, а здѣсь ѣздятъ безъ нихъ: онѣ много прибавляютъ тяжести по рыхлому снѣгу. Еще верстъ двѣсти, триста, и потомъ уже будутъ запрягать лошадей гусемъ, по семи, восьми, и даже десяти лошадей, смотря по экипажу. Тамъ глубоки снѣга и дорога узенькая, такъ что тройка не умѣстится въ рядъ.

Каменская станція. 7-го декабря.

Морозъ не смягчается ни на минуту: вездѣ по станціямъ говорятъ, что онъ свыше 40°. Я думалъ гораздо больше объ этомъ морозѣ; я его легко переношу. Сегодня попались плохія лошади и мы ѣхали тридцать верстъ $4^1/_2$ часа—мнѣ и

горя мало! Еще подъ Якутскомъ одинъ ямщикъ предложилъ мнѣ „проѣхать заразъ, вмѣсто двадцати, сорокъ пять верстъ“.—„Что ты, любезный, съ ума сошелъ: нельзя ли, вмѣсто сорока пяти, проѣхать только двадцать?“—„Сдѣлайте божескую милость“, началъ онъ умолять: „на станціи гора крута, мои кони не встащатъ, такъ нельзя ли вамъ остановиться внизу, а ямщики сведутъ коней внизъ и тамъ заложатъ, и вы поѣдете еще двадцать пять верстъ?“—„*Однако* не хочу“, сказалъ я: если озябну, какъ же быть?“ „Да какъ-нибудь ужъ...“ Я сдѣлалъ ему милость — и ничего. Только съ носа кожа лупится.

Сегодня я проѣхалъ мимо полыньи: несмотря на лютый морозъ, вода не мерзнетъ и облако чернаго пара, какъ дымъ, клубится надъ ней. Лошади храпятъ и пятятся. Ямщикъ франтъ попался, въ дахѣ, въ шапкѣ съ кистью, и везетъ плохо. Лицо у него нерусское. Вообще здѣсь смѣсь въ народѣ. Жители по Ленѣ состоятъ и изъ крестьянъ, и изъ сосланныхъ на поселеніе изъ разныхъ націй и сословій: между ними есть и жиды, и поляки, есть и изъ якутовъ. Жидовъ здѣсь любятъ: они торгуютъ, даютъ движеніе краю.

Сегодня я ночевалъ на *Нюктуйской* станціи: это центръ жительства золотопріискателей. Тутъ и дорога получше, и все живѣе, потому что много проѣзжихъ. Лена дѣлается уже; въ иномъ мѣстѣ и версты нѣтъ, только здѣсь выдался плёсъ, версты въ двѣ. Берега, крутые оба, сплошь покрыты лѣсомъ.

Скоро ѣхать нѣтъ возможности, какъ ѣздятъ, напримѣръ, въ европейской Россіи. Тамъ можно, не выходя изъ экипажа, перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Можно даже закусить въ экипажѣ, и выйти на пять минутъ, съѣсть кусочекъ сыру, ветчины, холодной телятины: а здѣсь все замерзаетъ до того, что надо щи рубить топоромъ, или ждать часъ, пока у камина отогрѣются. Вотъ

и остановка. Вы съ морозу, вамъ хочется выпить рюмку вина, бутылка и вино составляютъ одну ледяную глыбу: поставьте къ огню -она лопнетъ, а въ обыкновенной комнатной температурѣ не растаетъ и въ часъ; захочется напиться чаю—это короче всего, хотя хлѣбъ тоже обращается въ камень, но онъ отходитъ скорѣе всего; но вынимать одно что-нибудь, т.-е. чай—сахаръ—нельзя: на морозѣ нѣтъ средства разбирать что̀ взять, надо тащить все: и вотъ опять возни на цѣлый часъ—собирать все!

Бѣда еще, когда столкнется много проѣзжихъ—лошадей мало. Вотъ насъ ѣдетъ четыре экипажа, мы и сидимъ теперь: я здѣсь, на Каменской станціи, чиновникъ съ женой и инженеръ— на Жербинской, другой чиновникъ— гдѣ-то впереди, а ѣдущій сзади купецъ сидитъ, говорятъ, не на станціи, а на дорогѣ. Лошади устали или *пристали*, какъ здѣсь говорятъ. Всему этому причина почта, которая настигла насъ. Я забылъ сказать, что мы сутки пробыли въ Олекмѣ. Это маленькій, бѣдный городокъ. Тамъ живетъ исправникъ, почтмейстеръ, окружной лѣкарь, да нѣсколько купцовъ. Намъ указали квартиру у одного изъ послѣднихъ. Останавливаться бы не зачѣмъ, да надо возобновить запасъ хлѣба. Добрый купецъ и старушка, мать его, угощали насъ какъ родныхъ, отдали весь домъ въ распоряженіе, потомъ ни за что̀ не хотѣли брать денегъ. „Мы ради добрымъ людямъ", говорили они: „ни за что не возьмемъ: вы насъ обидите". Мы не мало смѣялись надъ m-me К., которая, въ увѣренности, что возьмутъ деньги, командовала въ домѣ, требуя того, другого.

На Каменской станціи оканчивается Якутская область, начинающаяся у Охотскаго моря—это двѣ тысячи верстъ: до Иркутска столько же остается — что за разстоянія! Какой дѣтской игрушкой покажутся намъ послѣ этого поѣздки по европейской Россіи!

Къ удивленію моему, здѣшніе крестьяне недовольны пріисками: все стало дороже: пудъ сѣна теперь стоитъ двадцать пять, а иногда и пятьдесятъ, хлѣбъ девяносто коп.—и такъ все. Якутамъ лучше: они здѣсь природные хозяева, нанимаются въ рабочіе и выгодно сбываютъ на пріиски хлѣбъ; притомъ у нихъ есть много луговъ и полей, а у русскихъ нѣтъ.

Полединская станція. 13 декабря.

Все еще пустыня, все Лена! Я сейчасъ изъ лѣса: какъ онъ хорошъ, осыпанный, обремененный снѣгомъ! Столѣтнія сосны, или лиственницы, толпятся группами, или разбросаны врозь. Взошелъ молодой мѣсяцъ и освѣтилъ лѣсъ, чего тутъ нѣтъ? Какой разгулъ для фантазіи: то будто женщина стоитъ на колѣняхъ, окруженная малютками, и о чемъ-то умоляетъ: все это деревья и кусты съ нависшимъ снѣгомъ; то будто танцующія фигуры; то медвѣдь на заднихъ лапахъ: а мертвецовъ какая пропасть! Особенно когда заснешь—бѣда: у шапки образуются сосульки и идутъ къ бровямъ, отъ бровей другія къ рѣсницамъ, а отъ рѣсницъ къ усамъ и къ шарфу. Сквозь эту ледяную рѣшетку лѣсъ кажется совсѣмъ фантастическимъ. Это природная декорація Нормы.

Пока я носился мыслью такъ далеко, повозка моя вдругъ засѣла въ ямѣ, въ вымерзнувшей рѣчкѣ: эта яма изъ ямъ. Я вышелъ вонъ и сталъ на холмѣ. Пней множество, настоящій храмъ друидовъ: я только хотѣлъ запѣть Casta diva, какъ меня пригласили въ совѣтъ, какъ поступить. Лошади не могутъ вытащить. Тимоѳей совѣтовалъ бить передовыхъ лошадей (мы ѣхали гусемъ), я посовѣтовалъ запрячь тройку рядомъ и ушелъ опять на холмъ пѣть, наконецъ ямщикъ нарубилъ кольевъ и мы стали поднимать повозку сзади, а онъ кричалъ на лошадей.—„Эй, ну, дружки, чтобъ васъ зада-

вило, проклятые!" Но дружки ни съ мѣста. Къ счастью, морозу было всего какихъ-нибудь 31, много 32°, а не 44, какъ на Николинъ день.

Но прочь романтизмъ, и лѣсъ тоже! Замѣчу только на случай, если вы поѣдете по этой дорогѣ, что лѣсъ этотъ находится между *Крестовской и Поледуевской* станціями. Но черезъ лѣсъ не настоящая дорога: по ней ѣздятъ, когда нѣтъ дороги по льдѣ т.-е. когда выпадаютъ глубокіе снѣга, аршина на полтора, и когда проступаетъ снизу, отъ тяжести снѣга, вода изъ-подъ льда, которую здѣсь называютъ *черной водой*.

Отъ Жербинской станціи начинается Иркутская губернія и *Киренскій* округъ. Здѣсь выпадаютъ ужасные снѣга и оттого везутъ гусемъ верстъ на шестьсотъ, т.-е. почти отъ *Олекмы* до *Киренска*, и даже далѣе. На Жербинской станціи я засталъ безпорядокъ. Староста умеръ и всѣ ямщики отказывались ѣхать, подъ предлогомъ, что не ихъ очередь. „А если я опоздаю въ городъ, да меня спросятъ, отчего..." началъ я-было свою угрозу, которая такъ помогала за Якутскомъ: но здѣсь не помогла. Ямщики разбѣжались по избамъ и спрятались. Я самъ пошелъ отыскивать ихъ. Вошелъ въ одну избу—ямщики всѣ сидѣли по печкамъ съ завязанными ногами и охали. „Батюшки!" стонали они: „смерть пришла, ноженьки, ой, ноженьки, мочи нѣтъ!"— „Что у васъ?" спросилъ я. „Горячка", говорятъ.

Наконецъ одного здороваго я засталъ врасплохъ и потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ. Онъ отговаривался тѣмъ, что недавно воротился и что надо лошадей кормить и самому поѣсть. „Сколько тебѣ нужно времени?" спросилъ я.— „Три часа". „Корми четыре, а потомъ запрягай", сказалъ я и принялся, не помню въ который разъ, пить чай.

Ямщикъ пообѣдалъ, задалъ корму лошадямъ, потомъ легъ спать, а проснувшись объявилъ, что ему ѣхать не слѣ-

дуетъ, что есть мужикъ Шеинъ, который живетъ особнякомъ на юру, что очередь за его сыновьями, но онъ богатъ и все отдѣлывается. Я послалъ за Шеинымъ, но онъ рапортовался больнымъ. Что дѣлать? вооружиться терпѣніемъ, резигнаціей? такъ я и сдѣлалъ. Я прожилъ полторы сутки, наконецъ созвалъ ямщиковъ, и Шеина тоже, и сталъ записывать имена ихъ въ книжку. Они такъ перепугались, а чего—и сами не знали, что сейчасъ же привели лошадей.

Я проѣхалъ мимо пріисковъ, т.-е. резиденціи золотоискателей, или „разведенціи“, какъ назвалъ ямщикъ, указывая цѣлую колонію домиковъ на другомъ берегу Лены.

„Какова дорога впереди?“ спрашиваю. „Торосовато, или убродно“, отвѣчалъ ямщикъ. По Ленѣ свирѣпствуетъ теперь, и часто, повальная горячка, единственная мѣстная болѣзнь. Она много похитила жертвъ, и я на каждой станціи встрѣчаю блѣдныя, больныя лица. Еще чаще встрѣчаю людей съ знаками на лбу, щекахъ, и особенно на носу... Mais honny soit qui mal y pense! Это слѣды озноба. Съ любопытствомъ всматриваюсь и вслушиваюсь во все. На Жербинской станціи мнѣ понравилась одна женщина, наполовину русская, наполовину якутская по родителямъ, больше всего тѣмъ, что любитъ мужа. Когда я записалъ и его имя въ книжку за нерадѣніе, она ужасно начала хлопотать, чтобъ мнѣ *изладить* коней: сама взнуздывала, завязывала упряжь, помогала запрягать, чтобъ только меня успокоить, чтобъ я не жаловался на мужа, и дѣлала это съ своего рода граціей. Она не дурна собой.

Встрѣтилъ еще несчастливца. „Я не старъ“, говорилъ ямщикъ Дормидонъ, который попробовалъ-было бѣжать рядомъ съ повозкой во всю конскую прыть, какъ дѣлаютъ прочіе, да не могъ: „но горе меня одолѣло“. Ну, начинается обыкновенная пѣсня, думалъ я: всѣ они несчастливы, если слушать ихъ. „Что же съ тобой случилось?“ спро-

силъ я небрежно. „Что? да сначала, лѣтъ двадцать-пять назадъ, отца убили...“ Я вздрогнулъ. „Тогда не то, что̀ теперь: не открыли убійцы...“ Я боязливо молчалъ, не зная, что̀ сказать на это. „Потомъ моя хозяйка умерла: ну, Богъ съ ней! Божья власть, а все горько!“—Да, въ самомъ дѣлѣ онъ несчастливъ, подумалъ я: что же еще послѣ этого назвать несчастьемъ? „Потомъ сгорѣла изба“, продолжалъ онъ, а въ ней восьмилѣтняя дочь... Женился я вдругорядь, прижилъ два сына; жена тоже умерла. Съ сгорѣвшей избой у меня пропало все имущество, да еще украли у меня однажды тысячу рублей, въ другой разъ тысячу-шестьсотъ. А какъ наживалъ-то! какъ копилъ! Вотъ какъ трудно было!“ Мнѣ стало жутко отъ этого мрачнаго разсказа. „Это страданія Іова!“ думалъ я, глядя на него съ почтеніемъ. Дормидонъ претерпѣлъ всѣ людскія скорби—и не унываетъ, еще возитъ проѣзжихъ, сбываетъ сѣно на пріиски—и ничего. А мы-то: палецъ обрѣжемъ, ступимъ неосторожно... „Вонъ, слышите *колоколецъ*?“ спросилъ онъ меня. „Это мой Васютка засѣдателя везетъ. — Эй, малый, вези по старой дорогѣ“, крикнулъ онъ весело (слышите—весело!): что намъ новую-то проминать своими боками!“

Сегодня наткнулись мы на кочевье тунгузовъ. Пара оленей отдѣлилась и бросилась отъ нашихъ лошадей впередъ и все мчалась по дорогѣ и забѣжала верстъ за семь отъ кочевья, а наши лошади пятились отъ нихъ. Здѣсь сѣютъ рожь, ярицу и ячмень: но первая вызябаетъ, вторая, по краткости лѣта, тоже не всегда удается, но зато ячмень очень хорошъ. Берега Лены утесисты и красивы. Острововъ тутъ почти нѣтъ; рѣка становится все уже. По-якутски почти никто не говоритъ и станціи пошли русскія; есть старинныя названія, данныя, конечно, казаками при занятіи Сибири.

*

Чуйская станція, 13 декабря. Витима.

Лена, Лена и Лена! Но все еще пустая Лена; кое-гдѣ на лугахъ видны большія кучи снѣгу—это стога сѣна: кое-гдѣ три, четыре двора, есть хижины, буквально заваленныя снѣгомъ, съ отверстіями, т.-е. окошками, въ которыхъ вставлены льдины вмѣсто стеколъ: ничего, тепло, только на улицу ничего не видать. Въ другихъ избахъ, и это большею частію, окна затянуты бычачьими пузырями. На каждой станціи кучи ямщиковъ толпятся у экипажа. Деревеньки содержатъ гоньбу всѣмъ міромъ, т.-е. съ каждаго мужика требуется пара лошадей. Всѣ ямщики „ладятъ коней" и толпой идутъ спускать съ горы. Двое везутъ.

Витима—слобода, съ церковью Преображенія, съ сотней жителей, съ приходскимъ училищемъ, и ямщики почти всѣ грамотные. Кромѣ извоза, они промышляютъ ловлей зайцевъ, и тулупы у всѣхъ заячьи, какъ у насъ бараньи. Они сѣютъ хлѣбъ. Отъ Витимы еще около четырехсотъ верстъ до Киренска, уѣзднаго города, да оттуда девятьсотъ-шестьдесятъ верстъ до Иркутска. Теперь постъ, и въ Витимѣ толпа постниковъ, окружавшая мою повозку, утащила у меня три рыбы, два омуля и стерлядь, а до рябчиковъ и другого скоромнаго не дотронулись: грѣхъ!

Кажется, я миновалъ дурную дорогу и не „хлѣбныхъ" лошадей. „Тутъ ужъ пойдутъ *натуральные* кони и дорога торная, особенно отъ Киренска къ Иркутску", говорятъ мнѣ. „Натуральные"—значитъ—привыкшіе, пріученые, а не сборные. „Гдѣ староста?" спросишь, пріѣхавъ на станцію... Коней ладитъ, баринъ. „Эй, ребята! *заревите* или *гаркните* (т.-е. позовите) старосту", говорятъ потомъ.

Смотрители здѣсь не вездѣ: они завѣдываютъ пятью станціями. Изъ нихъ одинъ на *Мухтуйской* станціи — франтъ. Онъ двумя пальцами граціозно взялъ подорожную,

согнувъ мизинецъ въ кольцо. Форменный сюртукъ у него въ рюмочку: самъ расчесанъ. *Мухтуй*—называютъ здѣсь Парижемъ, потому что крестьяне (изъ ссыльныхъ) ходятъ въ пальто и танцуютъ кадрили. Но я пробылъ на ней четверть часа и ничего этого не видалъ. Одинъ проѣзжій мнѣ сказывалъ, что, выѣхавъ рано утромъ, послѣ проведенной здѣсь ночи, и вглядываясь въ лицо своего ямщика, онъ увидѣлъ знакомое лицо, но не могъ вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. „Я гдѣ-то видѣлъ тебя?" спросилъ онъ наконецъ ямщика. „А вчера я былъ вашимъ визави въ кадрили, на вечеринкѣ", отвѣчалъ тотъ. Это ужъ не „натуральный" ямщикъ, говоря по-здѣшнему.

Вчера ночью я проѣхалъ такъ называемыя *щеки*, одну изъ достопримѣчательностей Лены. Это—огромные, величественные утесы, какихъ я мало видалъ и на морскихъ берегахъ. Ѣдешь у подошвы и повозка съ лошадьми похожи на ползающихъ насѣкомыхъ. Онѣ ужасно изрыты, дики, страшны, такъ что хочется скорѣй миновать ихъ. Щеки эти находятся между *Пьянобыковской* и *Частинской* станціями, верстахъ въ тысячѣ-двухстахъ отъ Иркутска. Какія названія станцій! Всему есть мѣстныя причины, до которыхъ археологу не трудно добраться, по молодости края. Напримѣръ, *Пьянымъ быкомъ* прозвали утесъ, о который когда-то разбилась барка съ виномъ. Спѣшу сообщить вамъ это археологическое свѣдѣніе, опасаясь, что оно погибнетъ отъ времени. Деревень еще мало: скоро пойдутъ, говорятъ, чаще, чѣмъ ближе къ Иркутску. Встрѣчаются часто пріискатели, приказчики ихъ, возы. Дорога уже лучше, торнѣе, морозы возобновились, да еще съ вѣтромъ: несносно, спрятаться некуда.

Киренскъ. Рѣшительно нельзя ѣхать: скоро очень везутъ. Только пріѣдешь куда-нибудь, только скинешь съ себя все и расположишься у теплой печки, какъ ужъ гово-

рятъ, что лошади готовы. А все отъ того, что кони *натуральные*, и ямщики тоже. Не могу нахвалиться расторопностью и радушіемъ здѣшнихъ ямщиковъ: они не знаютъ, какъ принять проѣзжаго, гдѣ посадить и угощаютъ, чѣмъ богаты—сальной свѣчкой, лучиной, скамьей. Потомъ (это ужъ такой обычай) идутъ всѣ спускать лошадей на Лену: „на рукахъ спустимъ", говорятъ они и каждую лошадь берутъ человѣка четыре, начинаютъ вести съ горы и ведутъ, пока лошади и сами смирно идутъ, а когда начинается самое крутое мѣсто, они всѣ разсыпаются и лошади мчатся до тѣхъ поръ, пока захотятъ остановиться.

Слава Богу! все стало походить на Россію: являются частыя селенія, деревеньки. Лена течетъ излучинами, и ямщики, чтобъ не огибать ихъ, ѣдутъ черезъ мыски и *заимки*, какъ называютъ небольшія слободки. Въ деревняхъ по улицѣ бродятъ лошади: онѣ или заигрываютъ съ нашими лошадьми, или, испуганныя звукомъ колокольчиковъ, мчатся, что̀ есть мо̀чи, вмѣстѣ съ рыжимъ поросенкомъ, въ сторону. Летаютъ воробьи и грачи, поютъ пѣтухи, мальчишки свищутъ, машутъ на проѣзжающую тройку, и дымъ столбомъ идетъ вертикально изъ множества трубъ—дымъ отечества! Всѣмъ знакомыя картины Руси! Недостаетъ только помѣщичьяго дома, лакея, открывающаго ставни, да соннаго барина въ окнѣ... Этого никогда не было въ Сибири: и это, т.-е. отсутствіе слѣдовъ крѣпостного права составляетъ самую замѣтную черту ея физіономіи.

Киренскъ городъ небольшой. „Гдѣ остановиться?" спросилъ меня ямщикъ: „есть у васъ знакомые?"—„Нѣтъ".—„Такъ управа отведетъ".—„А кто живетъ по дорогѣ?"—„Живетъ Синицынъ, Марковъ, Лаврушинъ".—„Поѣзжай къ Синицыну".

Повозка остановилась у хорошенькаго домика. Я послалъ спросить, можно ли остановиться часа на два погрѣться?

Можно. И меня приняли, сейчасъ угостили чаемъ и завтракомъ—и опять ничего не хотѣли брать.

Въ Киренскѣ я запасся только хлѣбомъ къ чаю и уѣхалъ. Тутъ ужъ я помчался быстро. Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ ямщики и кони *натуральнѣе*. Только подъѣзжаешь къ станціи, ямщики ведутъ уже лошадей, здоровыхъ, сильныхъ и дюжихъ на видъ. Ямщики позажиточнѣе здѣсь ходятъ въ дахахъ изъ собачьей шерсти, въ щегольскихъ шапкахъ. Тутъ ѣхалъ пріискатель съ семействомъ, въ двухъ экипажахъ, да я—и всѣмъ доставало лошадей. На станціяхъ уже не съ боязнью, а съ интересомъ спрашивали: *бѣгутъ ли за нами еще подводы?*

Стали встрѣчаться села, съ большими запасами хлѣба, сѣна, лошади, рогатый скотъ, домашняя птица. Дорога все—Лена, чудесная, проторенная частой ѣздой между Иркутскомъ, селами и пріисками. „А что, смирны ли у васъ лошади?“ спросишь на станціи. „Чего не смирны? словно овцы: видите, запряжены, никто ихъ не держитъ, а стоятъ“.—„Какъ же такъ? а мнѣ надо бы лошадей побойчѣе?“ говорилъ я, сбивая ихъ. „Лошадей тебѣ побойчѣе?“—„Ну, да“.—„Да эти-то вѣдь настоящіе черти: ихъ и не удержишь ничѣмъ“. И оно дѣйствительно такъ.

Верстахъ въ четырехстахъ отъ Иркутска, начиная отъ Жегаловской станціи, лошади на взглядъ сухи, длинношеи, длинноплечи и не обѣщаютъ силы. Онѣ уныло стоятъ въ упряжи, привязанныя къ пустымъ санямъ, или бочкѣ, преграждающей имъ самовольную отлучку со двора: но едва проѣзжіе начнутъ садиться, онѣ навострятъ уши, ямщики обступятъ ихъ кругомъ, по-двое держатъ каждую лошадь, пока ямщикъ садится на козлы. „Ты, парень, говорятъ ему: пошевеливайся, *коренникъ*-то больно торопится“. Въ самомъ дѣлѣ, коренная поворачиваетъ морду то направо, то налѣво, стараясь освободиться, пристяжныя переминаются и

встряхиваютъ головой. Вотъ ямщикъ усѣлся, забралъ вожжи, закрутилъ ихъ около рукъ... „Ну!“ говоритъ онъ. Всѣ мгновенно раздаются въ сторону и тройка разомъ выпорхнетъ изъ воротъ, какъ птица, и мчитъ версты двѣ, три вскачь, очертя голову, мотая головами, потомъ саженъ сто рѣзвой рысью, а тамъ опять вскачь—и такъ до станціи. Сѣдокъ не имѣетъ надобности побуждать ямщика, а ямщикъ—лошадей. Чуть лошади немного задумаются—ямщикъ подниметъ надъ ними только руку, или гикнетъ—и опять пошли. И не увидишь, какъ мелькнутъ двадцать-пять верстъ.

Къ Иркутску все живѣе: много попадается возовъ: села большія, многолюдныя; станціонные дома чище. Крестьянскія избы очень хорошія, во многихъ мѣстахъ съ иголочки.

На послѣднихъ пятистахъ верстахъ у меня начало пухнуть лицо отъ мороза. И было отчего: у носа постоянно торчалъ обледенѣлый шарфъ: кто-то будто держалъ за носъ ледяными клещами. Боль невыносимая! Я спѣшилъ добраться до города, боясь разнемочься, и гналъ болѣе двухсотъ-пятидесяти верстъ въ сутки, нигдѣ не отдыхалъ, не обѣдалъ.

Отъ слободы Качуги пошла дорога степью; съ Леной я распрощался. Снѣгу было такъ мало, что онъ не покрылъ траву; лошади паслись и щипали ее, какъ весной. На послѣдней станціи все горы; но я ѣхалъ ночью и не видалъ Иркутска съ „Веселой горы“. Хотѣлъ-было доѣхать бодро, но въ дорогѣ сонъ неодолимъ. Какое неловкое положеніе ни примете, какъ ни сядьте, задайте себѣ урокъ не заснуть, пугайте себя всякими опасностями—и все-таки заснете и проснетесь, когда экипажъ остановится у слѣдующей станціи.

Я проснулся однако не на станціи. „Что это?“ спросилъ я, замѣтивъ строенія: „деревня, что ли?“—„Нѣтъ, это Иркутскъ“.— „А Веселая гора?“—„Э, ужъ давно проѣхали!“

Въ самую заутреню Рождества Христова я въѣхалъ въ городъ. Опухоль въ лицѣ была нестерпимая. Вотъ ужъ третій день я здѣсь, а Иркутска не видалъ. Теперь уже— до свиданія.

ЧЕРЕЗЪ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ.*)

I.

11-го декабря 1873 г. и 6-го января 1874 года, небольшое общество морскихъ офицеровъ собралось отпраздновать дружескимъ обѣдомъ двадцатилѣтнюю годовщину избавленія ихъ отъ гибели въ означенныя числа на морѣ, при крушеніи въ 1854 году въ Японіи, фрегата „Діана".

На второмъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовалъ и я, ласково приглашенный главнымъ лицомъ этой группы, въ которой было нѣсколько офицеровъ, перешедшихъ на фрегатъ „Діана" съ фрегата „Паллада".

Многое возобновилось въ памяти плавателей за этимъ обѣдомъ, много приведено было забытыхъ подробностей путешествія, особенно при крушеніи „Діаны". Японская экспедиція была тутъ почти вся въ сборѣ, въ лицѣ главныхъ ея представителей, кромѣ бывшаго командира „Паллады" (теперь вице-адмирала и сенатора И. С. У.), и я въ этомъ, знакомомъ мнѣ кругу, сталъ какъ будто опять плавателемъ и секретаремъ адмирала. Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лѣтъ назадъ и доскажу, между прочимъ, о томъ, что сталось съ „Палладой" и какъ заключилось дальнѣйшее

*) Эти главы были помѣщены въ литературномъ сборникѣ: «Складчина», изданномъ въ пользу голодающихъ самарцевъ.

плаваніе моихъ спутниковъ, послѣ того, какъ я разстался съ ними.

А заключилось оно грандіозной катастрофой, именно землетрясеніемъ въ Японіи и гибелью фрегата „Діаны", о чемъ въ свое время газеты извѣщали публику. О томъ же подробно доносилъ великому князю, генералъ-адмиралу, начальникъ экспедиціи въ Японію, генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Е. В. Путятинъ.

Бываютъ нерѣдко страшныя и опасныя минуты въ морскихъ плаваніяхъ вообще: было нѣсколько такихъ минутъ и въ нашемъ плаваніи до береговъ Японіи. Но такіе ужасы, какіе испытали наши плаватели съ фрегатомъ „Діана", почти безпримѣрны въ лѣтописяхъ морскихъ бѣдствій.

Обязанность—изложить событіе въ донесеніи—лежала бы на мнѣ, по моей должности секретаря при адмиралѣ, если бъ я продолжалъ плаваніе до конца. Но я не жалѣю, что не мнѣ пришлось писать рапортъ: у меня не вышло бы такого капитальнаго произведенія, какъ рапортъ адмирала (Морской Сборникъ, іюль. 1855).

Я могу только жалѣть, что не присутствовалъ при эффектномъ заключеніи плаванія и что мнѣ не суждено было сдѣлать иллюстрацію этого событія, подъ вліяніемъ собственнаго впечатлѣнія, на ряду со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось самому видѣть и описать.

Въ то самое время, какъ мои бывшіе спутники близки были къ гибели, я, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проѣзжалъ десять тысячъ верстъ по Сибири, отъ Ляна на Охотскомъ морѣ до Петербурга, и, въ свою очередь переживалъ, если не страшныя, то трудныя, иногда и опасныя въ своемъ родѣ минуты.

Я совершенно случайно избѣжалъ участи, постигшей моихъ товарищей. Открылась крымская кампанія. Это измѣняло первоначальное назначеніе фрегата и цѣль его пре-

бываніе на водахъ восточнаго океана. Дѣло, начатое съ Японіей о заключеніи торговаго трактата и объ опредѣленіи нашихъ съ нею границъ на островѣ Сахалинѣ, должно было, по необходимости, прекратиться. Адмиралъ, въ послѣднее наше пребываніе въ Нагасаки, рѣшилъ идти, сначала къ русскимъ берегамъ восточной Сибири, куда, на смѣну „Палладѣ", долженъ былъ прибыть посланный изъ Кронштадта фрегатъ „Діана": потомъ зайти опять въ Японію, условиться о возобновленіи, послѣ войны, начатыхъ переговоровъ. Далѣе нельзя было предвидѣть, какое положеніе пришлось бы принять по военнымъ обстоятельствамъ: оставаться ли у своихъ береговъ, для защиты ихъ отъ непріятеля, или искать встрѣчи съ нимъ на открытомъ морѣ. Можетъ-быть пришлось бы, по неимѣнію извѣстій о непріятелѣ, оставаться праздно въ какомъ-нибудь нейтральномъ портѣ, напримѣръ въ Санъ-Франциско, и тамъ ждать исхода войны.

Я испугался этой перспективы неизвѣстности и „ожиданія" на неопредѣленный срокъ, гдѣ бы то ни было, у нашихъ ли пустынныхъ азіатскихъ береговъ, или хотя бы и въ такомъ новомъ для меня и занимательномъ мѣстѣ, какъ Санъ-Франциско. Что тамъ дѣлать мѣсяцы, можетъ-быть, годъ или годы—ибо какъ было предвидѣть конецъ войны? Тогда Pacific Rail Road еще не было, чтобы пробраться черезъ американскій материкъ домой—и мнѣ пришлось бы отдать себя на волю случайныхъ обстоятельствъ, т.-е. оставаться тамъ безъ цѣли, праздникъ и лишнимъ лицомъ.

Притомъ два года плаванія, не то что утомили меня, а утолили вполнѣ мою жажду путешествія. Мнѣ хотѣлось домой, въ свой обычный кругъ лицъ, занятій и образа жизни.

Я намекнулъ адмиралу о своемъ желаніи воротиться. Но онъ, озабоченный начатыми успѣшно и не оконченными

переговорами и открытіемъ войны, которая должна была поставить его въ неожиданное положеніе участника въ ней, думалъ, что я считалъ конченымъ самое дѣло, приведшее насъ въ Японію. Онъ замѣтилъ мнѣ, что не совсѣмъ потерялъ надежду продолжать съ Японіей переговоры, несмотря на войну, и что слѣдовательно и мои обязанности секретаря нельзя считать конченными.

А того, что кончилось мое желаніе путешествовать, онъ не замѣтилъ, несмотря на мой глубокій вздохъ, которымъ я встрѣтилъ его отвѣтъ.

Да я и не путешествовалъ, а плавалъ по „казенной надобности". Я былъ „командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ, во время экспедиціи къ нашимъ американскимъ владѣніямъ": такъ записано было у меня въ формулярномъ спискѣ. Слѣдовательно у меня и не было никакого права на „хочу" или „не хочу" оставаться, или воротиться. Но потомъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ адмираломъ объ этомъ, онъ самъ сжалился. Я видимо сталъ скучать, да, можетъ-быть, онъ и самъ сомнѣвался, удастся ли ему идти въ Японію, такъ какъ на первомъ планѣ теперь была у него обязанность не дипломата, а воина.— И вотъ онъ, неожиданно для меня, съ свойственной ему добротой, однажды рѣшилъ: „Богъ съ вами, поѣзжайте: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь".

Я не заставилъ повторять себѣ этого приглашенія, и ни одну бумагу, въ качествѣ секретаря, не писалъ такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ имени адмирала, „слѣдовать до С.-Петербурга, и чтобы мнѣ вездѣ чинили свободный пропускъ и оказываемо было въ пути, со стороны начальствующихъ лицъ, всякое содѣйствіе" и т. д.

Все это происходило въ устьяхъ Амура. Фрегатъ „Діана" уже пришелъ на смѣну „Палладѣ", которая отслужила свой срокъ, состарѣлась, и притомъ избита была вытерпѣн-

ными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганомъ въ Китайскомъ морѣ. Сначала ее хотѣли ввести въ устье Амура, но по мелководью это оказалось невозможно. Ее оставили въ Татарскомъ проливѣ, въ „Императорской бухтѣ". Ее разоружили, т.-е. сняли съ нея пушки, порохъ, такелажъ, все, что можно было снять, а ветхій остовъ ея былъ оставленъ подъ надзоромъ моряковъ и казаковъ, составлявшихъ нашъ постъ въ этой бухтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ прихода туда французовъ и англичанъ, его затопили, не давая непріятелю случая похвастаться захватомъ русскаго судна.

Такъ „Паллада" и кончила свое существованіе въ этой бухтѣ: отъ нея оставалось одно днище, которое вѣроятно пригодилось на что-нибудь нашимъ людямъ, содержавшимъ тамъ постъ.

Во время этихъ хлопотъ разоруженія, перехода съ „Паллады" на „Діану", смѣны одной команды другою, отправленія сверхкомплектныхъ офицеровъ и матросовъ сухимъ путемъ въ Россію, и я выпросился домой. Это было въ началѣ августа 1854 года.

Тогда же пріѣхалъ къ намъ съ Амура бывшій генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, и пробывъ у насъ дня два на фрегатѣ, уѣхалъ въ Николаевскъ, куда должна была идти и шкуна „Востокъ", для доставленія его со свитою въ Аянъ, на Охотскомъ морѣ. На этой шкунѣ я и отправился съ фрегата, и съ радостью, что возвращаюсь домой, и не безъ грусти, что долженъ разстаться съ этимъ кругомъ отличныхъ людей и товарищей.

Помню еще теперь минуту комическаго страха, которую я испыталъ, впрочемъ напрасно, когда, отойдя на шкунѣ съ версту отъ фрегата, мы стали на мель въ устьѣ Амурскаго лимана. Онъ весь усѣянъ мелями, такъ что даже и легкая шкуна наша, и до Николаевска, и послѣ него до

Охотскаго моря, безпрестанно становилась на мель. Но это ей, и всякому маленькому судну, нипочемъ. Она также легко снималась съ мелей, какъ и становилась на нихъ. Я былъ внизу въ каютѣ и располагался тамъ съ своими вещами, какъ вдругъ бывшій наверху командиръ ея, покойный В. А. Римскій-Корсаковъ, крикнулъ мнѣ сверху: „адмиралъ ѣдетъ къ намъ: не за вами ли?“ Я на минуту остолбенѣлъ, потомъ побѣжалъ наверхъ, думая, что Корсаковъ шутитъ, пугаетъ нарочно. Нѣтъ, не шутитъ: вонъ синяя гичка и въ ней адмиралъ! „Да, вѣрно передумалъ!“ съ ужасомъ думалъ я, глядя на гичку.

Но адмиралъ пріѣхалъ за какимъ-то другимъ дѣломъ, а болѣе, кажется, взглянуть, какъ мы стоимъ на мели, или просто захотѣлъ прокатиться и еще разъ пожелать намъ счастливаго пути—теперь я уже забылъ. Тутъ мы окончательно разстались до Петербурга.

II.

Обращаюсь къ вышесказаннымъ мною словамъ о страшныхъ и опасныхъ минутахъ, испытанныхъ нами въ плаваніи.

„Страшныя“ и „опасныя“ минуты—это не синонимы, какъ не синонимы и самыя слова „страхъ“ и „опасность“ вообще, на морѣ особенно. Страшныхъ минутъ для иныхъ вовсе не существуетъ, для другихъ—ихъ множество. Это зависитъ отъ привычки или непривычки къ морю, т.-е. отъ знакомства или незнакомства съ его характеромъ, съ устройствомъ и управленіемъ корабля, и наконецъ отъ нервозности характера, или отъ воспитанія плавателя. Новичку все кажется страшно или сомнительно на кораблѣ. „Пошелъ всѣ наверхъ!“ скомандуетъ боцманъ, и четыреста человѣкъ бросятся, какъ угорѣлые, точно спасать кого-нибудь или

сами спасаться отъ гибели, затопаютъ по палубѣ, полѣзутъ на ванты: незнающій дѣла или нервозный человѣкъ вздрогнетъ, подумаетъ, что случилась какая-нибудь бѣда. Ничего не бывало: надо прибавить или убавить парусовъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ. А тамъ загремитъ бѣгущій по роульсамъ (колесцамъ) канатъ. Не то такъ отъ качки, какъ будто съ отчаянія, распахнетъ свои дверцы какой-нибудь шкапъ въ каютѣ, и вся его внутренность, т.-е. посуда—съ трескомъ и звономъ полетитъ во всѣ стороны и разобьется въ дребезги. Чего не представится испуганному воображенію новаго плавателя при этомъ трескѣ! Минута — „страшная", но только развѣ для буфетчика, который не заперъ крѣпко дверцы и которому за это достанется.

Такъ и мнѣ, не ходившему дотолѣ никуда въ море, далѣе Кронштадта и Петергофа, приходилось часто впадать въ сомнѣніе при этихъ, по непривычкѣ, „страшныхъ", но вовсе не „опасныхъ" шумахъ, трескахъ, бѣготнѣ, пока я не ознакомился съ правилами и обычаями морского быта.

Другое дѣло „опасныя" минуты: онѣ не часты, и даже иногда вовсе не замѣтны, пока опасность не превратится въ прямую бѣду. И мнѣ случалось забывать, или, по невѣдѣнію, прозѣвать испугаться тамъ, гдѣ бы къ этому было больше повода, нежели при паденіи посуды изъ шкапа, иногда самаго шкапа, или дивана.

О многихъ „страшныхъ" минутахъ я подробно писалъ въ своемъ путевомъ журналѣ, но почти не упомянулъ объ „опасныхъ": онѣ не сдѣлали на меня впечатлѣнія, не потревожили нервъ—и я забылъ ихъ, или, какъ сказалъ сейчасъ, прозѣвалъ испугаться, оттого вѣроятно прозѣвалъ и описать. Упомяну теперь два-три такихъ случая.

Идучи на фрегатѣ „Паллада" изъ Кронштадта въ Англію, мы проходили Зундъ.

Я писалъ тогда, какъ неблагопріятно было наше пла-

ваніе по Балтійскому морю, въ октябрьскую холодную погоду, при противныхъ вѣтрахъ и туманахъ. Кромѣ того, какъ я тоже писалъ, у насъ умерло три человѣка отъ холеры. И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня, отъ осенняго холода, возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невральгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ, отъ внѣшняго воздуха, съ дождемъ, отчасти съ морозомъ, защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ.

Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ, при этихъ боляхъ, я выдержу двухъ или трехъ-годичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка и холодъ!

Съ приближеніемъ къ Даніи, воздухъ сталъ гораздо мягче, теплѣе, но туманы продолжались. При входѣ въ Зундъ, мы, какъ всегда дѣлается въ узкихъ проходахъ, вызывали лоцмана, чтобы провести насъ проливомъ. Вызываютъ обыкновенно лоцманскимъ флагомъ, а если флагъ не виденъ, палятъ изъ пушки. Но вѣроятно флага, за туманомъ, съ берегу не было видно (я теперь забылъ эти подробности), а пушка могла палить и по другой причинѣ: что бы тамъ ни было, но лоцманъ не явился. Мы шли, такъ сказать, ощупью, подвигаясь тихо, осторожно, но все же подвигались: нельзя стать въ открытомъ морѣ на одномъ мѣстѣ. Когда туманъ прояснился, мы были уже въ проливѣ.

Было тепло, мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго.

Обаяніе, производимое величественною картинностью моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ

сомнѣніямъ: привыкну ли къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ, пока не привыкнешь къ нему. Такое состояніе духа, очень наивно, но вѣрно, выразила мнѣ одна француженка, во Франціи, на морскомъ берегу, во время сильнѣйшей грозы, въ своемъ отвѣтѣ на мой вопросъ: „любитъ ли она грозу?“ „Oh, monsieur, c'est ma passion“, восторженно сказала она: „mais... pendant l'orage je suis toujours mal à mon aise!“

Капитанъ, и такъ называемый „дѣдъ“, хорошо знакомый читателямъ „Паллады“. старшій штурманскій офицеръ (нынѣ генералъ)—оба были наверху и о чемъ-то горячо и заботливо толковали. „Дѣдъ“ безпрестанно бѣгалъ въ каюту, къ картѣ, и возвращался. Затѣмъ оба зорко смотрѣли на оба берега, на море, въ напрасномъ ожиданіи лоцмана. Я все любовался на картину, особенно на цѣлую стаю купеческихъ судовъ, которыя, какъ утки, плыли кучей и все жались къ шведскому берегу, а мы шли почти посрединѣ, нѣсколько ближе къ датскому.

Тревожился помнутно капитанъ, тревожился и дѣдъ, и не разъ конечно назвалъ лоцмана за неявку „каторжнымъ“. Онъ побѣжалъ въ двадцатый разъ внизъ. Вдругъ капитанъ послалъ поспѣшно за нимъ.

Они, казалось, оба были чѣмъ-то поражены.

— Мы на мели! дошли до моего слуха тихія слова.

Я пощупалъ ногой палубу: она перестала двигаться, ноги стояли будто на землѣ.

Я смотрѣлъ на все это разсѣянно и слушалъ съ большимъ равнодушіемъ, что говорили кругомъ. Меня убаюкивалъ тихій плескъ моря, теплая погода и поглощала картина новыхъ береговъ, а еще болѣе радовала затихшая головная и зубная боль.

— Какая благодать! говорилъ я себѣ, ощутивъ подъ ногами неподвижныя доски палубы.

Но что за суматоха поднялась на фрегатѣ — „изъ-за такихъ пустяковъ!“ думалъ я.

Засвистали всѣхъ наверхъ, поднялась возня, шумъ: „спускать шлюпку! завозить верпы!“ только и слышалось. Офицеры, кто спалъ, кто читалъ или писалъ, всѣ принялись за дѣло.

„Верпы“ — маленькіе якоря, которые, завезя на нѣсколько десятковъ саженъ отъ фрегата, бросаютъ на дно, а канатъ отъ нихъ наматываютъ на шпиль, и вертятъ послѣдній, чтобы такимъ образомъ сдвинуть судно съ мѣста. Это—своего рода домашній способъ тушить огонь, до прибытія пожарной команды.

Но тяжелый нашъ фрегатъ, съ грузомъ, не на одну сотню тысячъ пудъ, точно обрадовался случаю и легъ прочно на песокъ, какъ иногда добрый пьяница, тоже „нагрузившись“ и долго шлепая невѣрными стопами по грязи, вдругъ возьметъ да и ляжетъ средь дороги. Напрасно трезвый товарищъ толкаетъ его въ бока, приподнимаетъ то руку, то ногу, иногда голову. Рука, нога и голова падаютъ снова, какъ мертвыя. Гуляка лежитъ, тяжело, неподвижно и безнадежно, пока не придутъ двое „городовыхъ“ на помощь.

И фрегатъ, потрогиваемый слабыми верпами, какъ будто подастся, поползетъ, крякнетъ, раздадутся радостныя восклицанія,—а онъ ни съ мѣста. Нѣтъ, надо послать за „городовымъ“. И послали.

Смотрѣлъ я на всю эту суматоху и дивился: „вотъ привычные люди, у которыхъ никакихъ „страшныхъ“ минутъ не бываетъ, а теперь какъ будто боятся! На мели: великая важность! Постоимъ да и сойдемъ, какъ задуетъ вѣтеръ посвѣжѣе, заколеблется море!“ думалъ я, твердо шагая по твердой палубѣ. Неопытный слѣпецъ!

*

— Подступиться развѣ къ нимъ и спросить, что̀ ихъ такъ тревожитъ?—Приступу нѣтъ: и не глядятъ!

Я помню только, что одинъ изъ офицеровъ, баронъ Ш. одѣлся въ полную форму и поспѣшно посланъ былъ въ Копенгагенъ за пароходомъ, помочь намъ сняться съ мели.

Пока моряки переживали свою „страшную“ минуту, не за себя, а за фрегатъ конечно—я и другіе, неприкосновенные къ дѣлу, пили чай, ужинали, и какъ у себя дома, легли спать. Это въ первый разъ послѣ тревогъ, холода, качки!

— „Какая благодать!“ твердилъ я, ложась, какъ на берегу, дома, на неподвижную постель. „Завозите себѣ тамъ верпы, а я усну, какъ давно не спалъ!“

Чуть ли не грезилось мнѣ тогда во снѣ, что мы дальше не пошли, а такъ на мели и остались, что морское начальство въ Петербургѣ соскучилось ждать, когда мы сдвинемся, и отложило экспедицію, и что мы всѣ воротились домой безмятежно спать на незыблемыхъ ложахъ.

Но подъ утро, сквозь сонъ, я услышалъ звукъ боцманскихъ свистковъ, почувствовалъ, какъ моя койка закачалась подо мной, и какъ насъ потащилъ могучій „городовой“, пароходъ изъ Копенгагена. Тогда, кажется, явился и лоцманъ.

На другой день, когда вышли изъ Зунда, я спросилъ, отчего всѣ были въ такой тревогѣ, тѣмъ болѣе, что средство, т.-е. Копенгагенъ и пароходъ, были подъ рукой? Тогда только объяснили мнѣ техническую сторону дѣла: что значитъ, когда судно „приткнется“ къ мели. Прежде всего, даже легкое приткновеніе что-нибудь попортитъ въ килѣ, или въ обшивкѣ (у нашего фрегата дѣйствительно, какъ оказалось при осмотрѣ въ Портсмутскомъ докѣ, оторвалось нѣсколько листовъ мѣдной обшивки, а безъ обшивки плавать нельзя, ибо-де къ дереву пристаютъ во множествѣ морскія инфузоріи и точатъ его), а главное: если бы задулъ

свѣжій вѣтеръ и развелъ волненіе, тогда фрегатъ не сошелъ бы съ мели, какъ я, по младенчеству своему въ морскомъ дѣлѣ, полагалъ, а разбился бы въ щепы!

— „И опять-таки мы всѣ воротились бы домой!—думалъ я, дополняя свою грезу: берегъ близко, рукой подать: не утонули бы мы, а я еще немного и плавать умѣю.“— Опять неопытность! Умѣть плавать въ тихой водѣ, въ рѣчкахъ, да еще въ купальчяхъ, и плавать по морскимъ, расходившимся волнамъ—это неизмѣримая, какъ я убѣдился послѣ, разница. Въ послѣднемъ случаѣ рѣдкій матросъ, привычный ловецъ, выплываетъ.

Такимъ образомъ „опасная“ минута, продолжавшаяся ночь, была мною вовсе не замѣчена.

Но не на морѣ только, а вообще въ жизни, на всякомъ шагу, грозятъ намъ опасности, часто, къ спокойствію нашему, не замѣчаемыя. Зато, какъ будто для уравновѣшенія хорошаго съ дурнымъ, всюду разсѣяно много „страшныхъ“ минутъ, гдѣ воображеніе подозрѣваетъ опасность, которой нѣтъ. На морѣ въ этомъ отношеніи много клеплютъ напрасно, благодаря „страшнымъ“, въ глазахъ непривычныхъ людей, минутамъ. И я бывалъ въ числѣ послѣднихъ, пока не былъ на морѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и сами моряки были вовсе нечувствительны ко всѣмъ случайностямъ, постигающимъ плавателей. Не изъ камня же они: люди—вездѣ люди, и искренній морякъ,—а моряки почти всѣ таковы,—всегда откровенно сознается, что онъ не бываетъ вполнѣ равнодушенъ къ труднымъ или опаснымъ случаямъ, переживаемымъ на морѣ. Бываетъ у моряка—и тяжело и страшно на душѣ, и онъ нерѣдко, подъ вліяніемъ такихъ минутъ, рѣшается про себя—не ходить больше въ море, лишь только доберется до берега. А поживши недѣлю, другую, мѣсяцъ

на берегу — его неудержимо тянетъ опять на любимую стихію, къ извѣстнымъ ему испытаніямъ.

По морякъ, конечно, не потревожится никогда пустыми страхами воображенія и не поддастся мелочнымъ и малодушнымъ опасеніямъ на каждомъ шагу, по привычкѣ къ морю съ ранней молодости.

III.

По приходѣ въ Англію, забылись и страшныя и опасныя минуты, головная и зубная боли прошли, благодаря неожиданно хорошей для тамошняго климата погодѣ, и мы, проживъ тамъ два мѣсяца, пустились далѣе. Я забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ о моей болѣзни, соглашался-было отпустить меня. Впередъ, дальше, манило новое. Тамъ, въ заманчивой дали, было тепло и ревматизмы невѣдомы.

Упомяну кстати о пережитой мною въ Англіи морально-страшной для меня минутѣ, которая, не относясь къ числу морскихъ треволненій, касается, однакоже, все того же путешествія, и она задала мнѣ тревоги больше всякой качки.

Адмирала съ нами не было: онъ прежде фрегата уѣхалъ одинъ въ Англію дѣлать разныя приготовленія къ продолжительному плаванію, и между прочимъ пріобрѣлъ тамъ шкуну „Востокъ“, для плаванія вмѣстѣ съ „Палладой“, и занимался снаряженіемъ ея, и разными другими дѣлами. Въ Петербургѣ я видѣлъ его мелькомъ, и уже на Портсмутскомъ рейдѣ явился къ нему въ качествѣ секретаря и послѣдовалъ за нимъ въ Лондонъ. Онъ сейчасъ же поручилъ мнѣ написать нѣсколько бумагъ въ Петербургъ, между прочимъ изложить кратко исторію нашего плаванія до Англіи, и вмѣстѣ о томъ, какъ мы „приткнулись“ къ мели, и о необходимости ввести фрегатъ въ Портсмутскій докъ, отчасти

для осмотра поврежденія, а еще болѣе для приспособленія къ фрегату, тогда еще новаго, водо-опрѣснительнаго парового аппарата.

Онъ мнѣ показалъ бумаги, какія самъ писалъ до моего пріѣзда въ Лондонъ. Я прочиталъ и увидѣлъ, что... ни за что не напишу такъ, какъ онѣ написаны, т.-е. такимъ строгимъ, точнымъ и сжатымъ стилемъ: просто не умѣю!

„Зачѣмъ ему секретарь?"— въ страхѣ думалъ я: „онъ пишетъ лучше всякихъ секретарей: зачѣмъ я здѣсь? Я— лишній!" Мнѣ стало жутко. Но это было только начало страха. Это опасеніе я кое-какъ одолѣлъ мыслью, что если адмиралу не недостаетъ умѣнья, то недостанетъ времени самому писать бумаги, вести всю корреспонденцію и излагать на бумагу переговоры съ японцами.

Самое худшее было впереди, когда я вернулся изъ Лондона въ Портсмутъ, и когда надо было излагать въ рапортѣ исторію плаванія до Англіи и причины ввода фрегата въ докъ. Я думалъ, что это ровно ничего не значитъ. Я помнилъ каждый шагъ и каждую минуту—и вотъ взять только перо да и строчить привычной рукой: было, молъ, холодно, вѣтеръ дулъ, качало, или было тепло, вотъ *пріѣхали* въ Данію... (Боже васъ сохрани сказать когда-нибудь при морякѣ, что вы на кораблѣ „пріѣхали": покраснѣютъ!" „Пришли", а не пріѣхали!) Нѣтъ — вижу, не клеится. Ничего не выходитъ. „А вы возьмите, — говорятъ мнѣ, шканечный журналъ, гдѣ шагъ за шагомъ описывается все плаваніе". Кромѣ того, я взялъ еще книги и бумаги подобнаго содержанія. Погляжу въ одну, въ другую бумагу, или книгу, потомъ въ шканечный журналъ и читаю.

„Положили марсель на стенгу". — „взяли гротъ на гитовы",—„ворочали оверштагъ",—„привели фрегатъ къ вѣтру", — „легли на правый галсъ", — „шли на фордевиндъ", „обрасопили рен..." вѣтеръ дулъ NNO или SW.,

А тамъ слѣдуютъ „утлегарь“, „ахтеръ-штевень“—„шкоты“, „брассы“, „фалы“ и т. д. и т. д.

Этими фразами и словами, какъ бисеромъ, унизанъ былъ весь журналъ. „Боже мой, да я ничего не понимаю!“—думалъ я въ ужасѣ, царапая сухимъ перомъ по бумагѣ: зачѣмъ я поѣхалъ!“

Мнѣ припомнилась школьная скамья, гдѣ, сидя, бывало, мучаешься до пота надъ „мудренымъ“ переводомъ съ латинскаго или нѣмецкаго языковъ, а учитель, какъ теперь адмиралъ, торопитъ, спрашиваетъ: „скоро ли? готово ли? Покажите, говоритъ, мнѣ, прежде нежели дадите переписывать...“

— „Что я покажу?“ ворчалъ я въ отчаяніи, глядя на бѣлую бумагу. Среди этихъ терминовъ, изъ живого слова только и остаются нѣсколько глаголовъ, и между ними еще вспомогательный: много помощи отъ него!

Въ трехнедѣльный переѣздъ до Англіи, я, конечно, слышалъ часть этихъ выраженій, но пропускалъ мимо ушей, не предвидя, что они, въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, будутъ моей, почти единственной литературой.

„Зачѣмъ я здѣсь? А если ужъ понесло меня сюда, то зачѣмъ я не воспользовался минутнымъ расположеніемъ адмирала отпустить меня и не уѣхалъ? Ахъ, хоть бы опять заболѣли зубы и голова!“—мысленно вопилъ я про себя, отвращая взглядъ отъ шканечнаго журнала.

Кромѣ этихъ терминовъ, цѣликомъ перешедшихъ къ намъ при Петрѣ Великомъ изъ голландскаго языка и усвоенныхъ нашимъ флотомъ, выработалось въ морской практикѣ еще свое особое, русское нарѣчіе. Напримѣръ, моряки говорятъ и пишутъ: „приглубый берегъ“, т.-е. имѣющій достаточную глубину для кораблей. Это очень хорошо выходитъ по-русски, такъ же, какъ, напримѣръ, выраженіе: „остойчивый“ „остойчивость“, т.-е. прочное, надлежащее

сидѣнье корабля въ водѣ: — „навѣтренная“ и „подвѣтренная“ сторона, или еще „отстояться на якорѣ“, т.-е. воспротивиться напору вѣтра и т. д. И такихъ очень много. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, и подобныя имъ, напримѣръ, „вытравливать (вмѣсто выпускать) канатъ или веревку“, — и т. п. просятся въ русскую рѣчь и не въ морскомъ быту.

Но зато мелькаютъ между ними — очень рѣдко конечно, и другія—съ натяжкой, съ насиліемъ языка. Напримѣръ, моряки пишутъ. „такой-то фрегатъ гдѣ-нибудь въ бухтѣ стоялъ „мористо“: это уже не хорошо, но еще хуже—выходитъ „мористѣе“, въ сравнительной степени. Не морскому читателю, конечно, въ голову не придетъ, что „мористо“ значитъ близко, а „мористѣе“ ближе къ открытому морю, нежели къ берегу.

Это „мористо“ напоминаетъ двустишіе какого-то проѣзжаго (не помню, отъ кого я слышалъ), написанное имъ на стѣнѣ, послѣ ночлега въ такъ называемой „чистой горницѣ“ постоялаго двора: „дѣйствительно, здѣсь чисто“, написалъ онъ,—„но тараканисто, блохисто, и клописто!“

Жаль Греча нѣтъ, усерднаго борца за правильность русскаго языка!

Не помню, какъ я раздѣлался съ первымъ рапортомъ: вѣроятно я написалъ его береговымъ, а адмиралъ украсилъ морскимъ слогомъ—и бумага пошла. Потомъ и я ознакомился съ этимъ языкомъ и многое не забылъ и до сихъ поръ.

IV.

Теперь перенесемся въ восточный океанъ, въ двадцатые градусы сѣверной широты, къ другой „опасной“ минутѣ, пережитой у Лукейскихъ острововъ, о которой я ничего не сказалъ въ свое время. Я не упоминаю объ ураганѣ, встрѣченномъ нами въ Китайскомъ морѣ, у группы

острововъ Баши, когда у насъ зашаталась гротъ-мачта, грозя рухнуть и положить на бокъ фрегатъ. Объ этомъ я подробно писалъ.

Въ путешествіи своемъ, въ главѣ „Ликейскіе острова", я вскользь упомянулъ, что два дня, передъ приходомъ нашимъ на Ликейскій рейдъ, дулъ крѣпкій вѣтеръ, мѣшавшій намъ войти—и больше ничего. Вотъ этотъ вѣтеръ чуть не надѣлалъ намъ большой бѣды.

Мы подходили къ островамъ около вечера. На глазомѣръ оставалось версты три и намъ слѣдовало зайти за коралловый рифъ, кривой линіей опоясывавшій все видимое пространство главнаго, большого острова. Издали чуть-чуть видно было, какъ буруны перекатывались, играя пѣной, черезъ каменную гряду. Въ этой грядѣ было два входа на рейдъ, одинъ узкій съ сѣвера, другой еще уже—съ юга. Фрегату входить надо было очень вѣрно, какъ каретѣ въѣзжать въ тѣсныя ворота, чтобы не наткнуться на рифъ. Адмиралъ не рѣшился въ сумерки рисковать и предпочелъ подождать разсвѣта. Отдали якорь при тихомъ, ласковомъ вѣтрѣ, въ теплой, южной ночи—и заранѣе тѣшились надеждой завтра погулять по новымъ прелестнымъ мѣстамъ. Наши суда: „Князь Меншиковъ" и шкуна „Востокъ", кажется, оба—(забылъ теперь) уже пришли прежде насъ и проскользнули въ узкости легко. Небольшимъ судамъ, неглубоко сидящимъ въ водѣ—это нипочемъ. Офицеры оттуда пріѣзжали къ намъ повидаться и уѣхали.

Вдругъ около полуночи задулъ вѣтеръ, не съ берега, а съ океана къ берегу—а мы въ этомъ океанѣ стояли на якорѣ! Отдали другой якорь—и готовились бороться съ неожиданнымъ и внезапнымъ врагомъ. Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежнѣе всѣхъ—я. По своему береговому, не совсѣмъ еще въ морскомъ дѣлѣ окрѣпшему понятію, я все думалъ, что стоять на мѣстѣ все таки лучше,

нежели ходить по морю. Оно, пожалуй, и такъ, если стоять во время шторма въ закрытомъ портѣ, но мы стояли въ океанѣ! Такъ провели ночь, безпокойно, т.-е. они, моряки, слѣдя за успѣхами вѣтра. На другой день, около полудня, вѣтеръ сталъ стихать: начали сниматься съ якоря—и только что второй якорь „всталъ“ (со дна) и поставлены были марселя (паруса), какъ раздался крикъ вахтеннаго: „Дрѣйфуетъ!“ (тащитъ). „Отдать якорь!“ вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздалась команда.

Все это, т.-е. команда и отдача якорей, уборка парусовъ, продолжалась нѣсколько минутъ, но фрегатъ успѣло „подрѣйфовать“, силой вѣтра и теченія, версты на полторы ближе къ рифамъ. А вѣтеръ опять задулъ крѣпче. Отданъ былъ другой якорь (ихъ всѣхъ четыре на большихъ военныхъ судахъ)—и мы стали въ виду каменной гряды. До насъ достигалъ шумъ перекатывающихся буруновъ.

Я—ничего себѣ: всматривался въ открывшіяся теперь совсѣмъ подробности новаго берега, глядѣлъ не безъ удовольствія, какъ скачутъ черезъ камни, точно бѣшеныя бѣлыя лошади, буруны, кипя пѣной; наблюдалъ, какъ начальство безпокоится, какъ появляется иногда и задумчиво поглядываетъ на рифы адмиралъ, какъ всѣ примолкли и почти не говорятъ другъ съ другомъ. Да и нечего говорить, развѣ только спрашивать: „выдержатъ ли якорныя цѣпи и канаты напоръ вѣтра, или нѣтъ?“ Вопросъ, похожій на гоголевскій вопросъ: „доѣдетъ, или не доѣдетъ колесо до Казани?“—Но для насъ онъ былъ и гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть?—Чуть вѣтеръ тише—ну, надежда: выдержитъ; а заревѣлъ и натянулъ канаты—сомнѣніе и злоба. А фрегатъ такъ и возитъ взадъ и впередъ, насколько позволяютъ канаты обоихъ якорей—и вотъ-вотъ, немножко еще—трахъ... и...

— „И что?“ допытывался я уже на другой день на

рейдѣ, ибо тамъ, за рифами, опять ни къ кому приступу не было: такъ всѣ озабочены. Да почему-то и неловко было спрашивать, какъ бываетъ неловко заговаривать, гдѣ есть трудный больной въ домѣ, о томъ: выздоровѣетъ онъ, или умретъ?

— „Какъ „что!“ Лопни канаты — и черезъ нѣсколько минутъ фрегатъ наваливаетъ на рифы: ну—и въ щепы!“

— „Сейчасъ и въ щепы! хорошо, положимъ—и въ щепы. Конечно, это огромная бѣда, но все же люди спаслись бы...“

— „Тутъ, у этихъ рифовъ, при этомъ волненіи? Подите!“

Я не унывалъ нисколько, отчасти потому, что мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы цѣпи—канаты двухъ, наконецъ трехъ, и даже четырехъ якорей, не выдержали, а главное—берегъ близко. Онъ, а не рифы, былъ для меня „каменной стѣной“, на которую я безконечно и возлагалъ все упованіе. Это совершенно усыпляло всякій страхъ, и даже подозрѣніе опасности, когда она была очевидна. И я смотрѣлъ на всю эту „опасную двухъ-дневную минуту, какъ на дѣло, до меня нисколько не касающееся.

И только на другой день на берегу, вполнѣ вникнулъ я въ опасность положенія, когда въ разговорахъ объ этомъ объяснилось, что между берегомъ и фрегатомъ, при этихъ огромныхъ, какъ горы, волнахъ, сообщенія на шлюпкахъ быть не могло; что если бъ фрегатъ разбился о рифы, то ни наши шлюпки, а ихъ шесть-семь, и большой баркасъ,— ни шлюпки съ другихъ нашихъ судовъ, не могли бы спасти и пятой части всей нашей команды. При волненіи, онѣ, т.-е. шлюпки, имѣли бы полный комплектъ гребцовъ, и мѣста для другихъ почти не было бы совсѣмъ, развѣ для какихъ-нибудь десяти человѣкъ на шлюпку, а насъ всѣхъ было болѣе четырехсотъ. И тѣ десять человѣкъ стѣсняли

бы свободныя дѣйствія гребцовъ—и не при этомъ океанскомъ волненіи. „И просто не выгрести бы на такихъ волнахъ!“ говорили мнѣ.

Бывшіе на берегу офицеры съ американскаго судна сказывали, что они ожидали уже услышать ночью съ нашего фрегата пушечные выстрѣлы, извѣщающіе о критическомъ положеніи судна, а англійскій миссіонеръ говорилъ, что онъ молился о нашемъ спасеніи.

Однако лейтенантъ Савичъ, чуть ли не на двойкѣ (двухъ-весельной шлюпкѣ) съ двумя гребцами, изволилъ оттуда прокатиться до насъ по этимъ волнамъ—„посмотрѣть, что вы тутъ дѣлаете“, сказалъ онъ. И посидѣвши съ нами, также отправился назадъ. И теперь помню, какъ скорлупка-двойка вдругъ пропадала изъ глазъ, будто проваливалась въ глубину между двухъ водяныхъ горъ, и долго не видно было ея, и потомъ вползала опять бокомъ на гребень волны. Я не спускалъ глазъ съ Савича, пока онъ не скрылся за рифъ—и, конечно не у него, а у меня сжималось сердце страхомъ: „вотъ, вотъ кувырнется и не появится больше!“

Провели мы еще, что называется, mauvais quart d'heure въ Татарскомъ проливѣ, гдѣ мы медленно подвигались къ устьямъ Амура. Офицеры на шлюпкахъ посылались впередъ для измѣренія глубины—и по ихъ слѣдамъ шелъ тихо и фрегатъ, безпрестанно останавливаясь, иногда въ ожиданіи прилива. И вотъ въ одинъ вечеръ стали на якорь на хорошей глубинѣ. По сторонамъ видны были оба берега, Маньчжурскій и острова Сахалина,—и очень близко. Мы расположились покойно. Утромъ стали сниматься съ якоря, поставили гротъ-марсель, и въ это время фрегатъ потащило нѣсколько десятковъ саженъ впередъ. Якорь опять отдали. Глубины подъ килемъ все-таки оказалось достаточно, но далѣе подвигаться не рѣ-

шились, ожидая, что съ приливомъ воды прибудетъ. Но оказалось, что мы стоимъ уже на большой водѣ, на приливѣ, и вскорѣ вода начала убывать, и когда убыла, подъ килемъ оказалось всего фута три, четыре воды.

Вотъ тутъ и началась опасность. Вѣтеръ немного засвѣжѣлъ и, помню я, какъ фрегатъ сталъ бить объ дно. Сначала было два-три довольно легкихъ удара. Затѣмъ такъ треснуло, что затрещали шлюпки на боканцахъ и марсы (балконы на мачтахъ). Всѣ, бывшіе въ каютахъ, выскочили въ тревогѣ, а тутъ еще ударъ, еще и еще. Потонуть было трудно: оба берега въ какой-нибудь верстѣ; мѣстами, не отмеляхъ, вода была по поясъ человѣку.

Но если бы удары продолжались чаще и сильнѣе, то корпусъ тяжело нагруженнаго и вооруженнаго фрегата, конечно, могъ бы раздаться, и рангоутъ, т.-е. верхнія части мачтъ и реи, полетѣть внизъ. А такъ какъ эти деревья, кажущіяся снизу лучинками, вѣсятъ, которое двадцать, которое десять пудъ, —то всѣмъ намъ приходилось тоскливо стоять внизу и ожидать, на кого они упадутъ.

Послѣ смѣшно было вспоминать, какъ, при каждомъ ударѣ и трескѣ, всѣ мы проворно переходили одни на мѣсто другихъ на палубѣ. „Страшновато“ было! какъ говорилъ, бывало, я въ подобныхъ случаяхъ спутникамъ. Впрочемъ, все это продолжалось, можетъ-быть, часа два, пока не начался опять приливъ, подбавившій воды, и мы снялись и пошли дальше.

V.

Мы подвергались опасностямъ и другого рода, хотя не морскимъ, но весьма вѣроятнымъ тогда, и обязательнымъ, такъ сказать, для военнаго судна, которыхъ не только нельзя было избѣгать, но должно было на нихъ напрашиваться. Это встрѣча и схватка съ непріятельскими судами.

Сколько помню, адмиралъ и капитанъ неоднократно рѣшались на отважный набѣгъ къ берегамъ Австраліи, для захвата англійскихъ судовъ, и кажется, если не ошибаюсь, только неувѣренность, что наша старая, добрая Паллада выдержитъ еще продолжительное плаваніе отъ Японіи до Австраліи, удерживала ихъ, а еще, конечно, и неувѣренность, по неимѣнію никакихъ извѣстій, застать тамъ чужія суда. Въ послѣднее наше пребываніе въ Шанхаѣ, въ декабрѣ 1853 г., и въ Нагасаки, въ январѣ 1854 г., до насъ еще не дошло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Турціей и Англіей; мы знали только, изъ запоздавшихъ газетъ и писемъ, что близко къ тому—и больше пока ничего. Я помню, что въ Шанхаѣ ко мнѣ все приставалъ лейтенантъ англійскаго флота, кажется Скоттъ, чтобъ я подержалъ съ нимъ пари о томъ, будетъ ли война или нѣтъ? Онъ утверждалъ, что не будетъ, я былъ противнаго мнѣнія. Пари не состоялось, и мы ушли, сначала въ Нагасаки, потомъ въ Манилу — все еще въ невѣдѣніи о томъ, въ войнѣ мы уже, или нѣтъ— и съ каждымъ днемъ ждали извѣстія и въ каждомъ встрѣчномъ суднѣ предполагали непріятеля.

Въ этой неизвѣстности о войнѣ пришли мы и въ Манилу и застали тамъ на рейдѣ военный французскій пароходъ. Ни мы, ни французы, не знали, какъ намъ держать себя другъ съ другомъ, и визитами мы не мѣнялись, какъ это всегда дѣлается въ обыкновенное время. Пробывъ тамъ недѣли три, мы ушли, но передъ уходомъ узнали, что тамъ ожидали англійскую эскадру.

Такъ какъ мы могли встрѣтить ее, или французскія суда въ морѣ, и можетъ-быть уже съ извѣстіями объ открытіи военныхъ дѣйствій, — то у насъ готовились къ этой встрѣчѣ и приводили фрегатъ въ боевое положеніе. Капитанъ поговаривалъ о томъ, что, въ случаѣ одолѣнія пре-

восходными непріятельскими силами, необходимо-де поджечь пороховую камеру и взорваться.

Всѣ были болѣе или менѣе въ ожиданіи, много говорили, готовились къ бою, смотрѣли въ зрительныя трубки во всѣ стороны.

Одинъ только о. Аввакумъ, нашъ добрый и почтенный архимандритъ, относился ко всѣмъ этимъ ожиданіямъ, какъ почти и ко всему, невозмутимо-покойно; и даже скептически. Какъ онъ самъ лично не имѣлъ враговъ, всѣми любимый, и самъ всѣхъ любившій, то и не предполагалъ ихъ нигдѣ и ни въ комъ: ни на морѣ, ни на сушѣ, ни въ людяхъ, ни въ корабляхъ. У него была вражда только къ одной большой пушкѣ, какъ совершенно ненужному въ его глазахъ предмету, которая стояла въ его каютѣ и отнимала у него много простора и свѣту.

Онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ идей, знаній, добрыхъ чувствъ—и въ сношеніяхъ со всѣми нами былъ одинаково дружелюбенъ, привѣтливъ. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи. Это давалось ему легко: ему не нужно было умѣнья—онъ инымъ быть не могъ. Онъ не вмѣшивался никогда не въ свои дѣла, никому ни въ чемъ не навязывался, былъ скроменъ, не старался выставить себя и не претендовалъ на право даже собственныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ, а оказывалъ ихъ молча и много—и своими познаніями, и нравственнымъ вліяніемъ на весь кружокъ плавателей, не поученіями и проповѣдями, на которыя не былъ щедръ, а просто примѣромъ ровнаго, покойнаго характера и кроткой, почти младенческой души.

Въ бесѣдахъ умъ его приправлялся часто солью легкаго, и всегда добродушнаго юмора.

Кажется, я смѣло могу поручиться за всѣхъ моихъ товарищей плаванія, что ни у кого изъ нихъ не было съ этою прекрасною личностью ни одной непріятной, даже досадной минуты... А если бывали, то вотъ какого комическаго свойства. Напримѣръ, помню, однажды, гуляя со мной на шканцахъ, онъ вдругъ... плюнулъ на палубу. Ужасъ!

Шканцы—это нѣчто въ родѣ корабельной святыни, самое парадное, почти священное мѣсто. Палуба—скоблится, трется кирпичомъ, моется почти каждый день и блеститъ, какъ стекло.

А о. Аввакумъ — расчихался, разсморкался и—плюнулъ, я помню взглядъ изумленія вахтеннаго офицера, брошенный на него, потомъ на меня. Онъ сдѣлалъ такое же усиліе надъ собой, чтобъ воздержаться отъ какого-нибудь замѣчанія, какъ я—отъ смѣха. „Какъ жаль, что онъ — не матросъ!“ шепнулъ онъ мнѣ потомъ, когда о. Аввакумъ отвернулся. Долго помнилъ эту минуту офицеръ, а я долго веселился ею.

Въ другой разъ, гдѣ-то въ поясахъ сплошного лѣта, при безвѣтріи, мы прохаживались съ о. Аввакумомъ все по тѣмъ же шканцамъ. Вдругъ ему вздумалось взобраться по трехъ-ступенной лѣсенкѣ на площадку, съ которой обыкновенно, стоя, командуетъ вахтенный офицеръ. Отецъ Аввакумъ обозрѣлъ море и потомъ, обернувшись спиной къ нему, вдругъ... сѣлъ на эту самую площадку „отдохнуть“, какъ онъ говаривалъ.

Опять скандалъ! Капитана наверху не было — и вахтенный офицеръ смотрѣлъ на архимандрита—какъ будто хотѣлъ его съѣсть, но не рѣшался замѣтить, что на шканцахъ сидѣть нельзя. Это, конечно, зналъ и самъ о. Аввакумъ, но по разсѣянности забылъ, не приписывая этому никакой существенной важности. Другіе, кто тутъ былъ,

улыбались—и тоже ничего не говорили. А самъ онъ не догадывался и, „отдохнувъ", сталъ опять ходить.

При кротости этого характера и невозмутимо-покойномъ созерцательномъ умѣ, онъ не легко поддавался тревогамъ. Преслѣдованіе на морѣ враговъ нами, или погоня враговъ за нами, казались ему больше фантазіею адмирала, капитана и офицеровъ. Онъ равнодушно глядѣлъ на всѣ военныя приготовленія и продолжалъ, лежа или сидя на постели у себя въ каютѣ, читать книгу. Ходилъ онъ въ обычное время гулять для моціона и воздуха наверхъ, не высматривая непріятеля, въ котораго не вѣрилъ.

Вдругъ однажды раздался крикъ: „пароходъ идетъ! Дымъ виденъ!"

Поднялась суматоха. „Пошелъ по орудіямъ!" скомандовалъ офицеръ. Всѣ высыпали наверхъ. Кто-то позвалъ и отца Аввакума. Онъ, неторопливо, какъ всегда, вышелъ и равнодушно смотрѣлъ, куда всѣ направили зрительныя трубы и въ напряженномъ молчаніи ждали, что окажется.

Скоро всѣ успокоились: это оказался не пароходъ, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее изъ него жиръ. Отъ этого и дымъ. Непріятель все не показывался. „Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же ему гонящу!" слышу я голосъ сзади себя.

Это о. Аввакумъ выразилъ такъ свой скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами. Я засмѣялся, и онъ тоже. „Да право такъ!" замѣтилъ онъ, спускаясь неторопливо опять въ каюту.

VI.

Но какъ все страшное и опасное, испытываемое многими плавателями, а также испытанное и нами въ плаваніи до Японіи, кажется блѣдно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что привелось испытать моимъ спутникамъ въ Японіи!

Все, что произошло тамъ, представляетъ рядъ страшныхъ, и опасныхъ, и гибельныхъ вмѣстѣ,—не минуть, не часовъ, а дней и ночей.

Много ужасныхъ драмъ происходило въ разныя времена съ кораблями и на корабляхъ. Кто ищетъ въ книгахъ сильныхъ ощущеній, за неимѣніемъ послѣднихъ въ самой жизни, тотъ найдетъ большую пищу для воображенія въ „Исторіи кораблекрушеній", гдѣ въ нѣсколькихъ томахъ собраны и описаны многіе случаи замѣчательныхъ крушеній у разныхъ народовъ. Погибали на морѣ отъ бурь, отъ жажды, отъ голода и холода, отъ болѣзней, отъ возмущеній экипажа.

Но никогда гибель корабля не имѣла такой грандіозной обстановки, какъ гибель „Діаны", гдѣ великолѣпный спектакль былъ устроенъ самой природой. Не разъ на судахъ бывали ощущаемы колебанія моря отъ землетрясенія,—но сколько помнится, большихъ судовъ отъ этого не погибало.

Пересѣвъ на „Діану" и выбравъ изъ команды „Паллады" надежныхъ и опытныхъ людей, адмиралъ все-таки рѣшилъ попытаться зайти въ Японію, и если не окончить, то закончить на время переговоры съ тамошнимъ правительствомъ и условиться о возобновленіи ихъ по окончаніи войны, которая уже началась, о чемъ получены были наконецъ извѣстія.

Передъ отплытіемъ изъ Татарскаго пролива, время, съ августа до конца ноября, прошло въ приготовленіяхъ къ этому рискованному плаванію, для котораго готовились припасы на непредвидѣнный срокъ, въ виду ожиданія встрѣчи съ непріятелемъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, адмиралъ, въ концѣ ноября, вдругъ рѣшился на отважный шагъ: идти въ центръ Японіи, коснуться самаго чувствительнаго ея нерва.

*

именно въ городъ Оосаки, близъ Міако, гдѣ жилъ микадо, глава всей Японіи, сынъ неба, или, какъ неправильно прежде называли его въ Европѣ, „духовный императоръ“. Тамъ, думалъ не безъ основанія адмиралъ, японцы струсятъ неожиданнаго появленія иноземцевъ въ этомъ закрытомъ и священномъ мѣстѣ и скорѣе согласятся на предложенныя имъ условія.

Такъ и сдѣлалъ. „Діана“ явилась туда — и японцы дѣйствительно струсили, но, къ сожалѣнію, это средство не повело къ желаемымъ результатамъ. Они стали просить удалиться, и всѣ берега свои заставили рядами лодокъ, такъ что сквозь нихъ надо бы пробиваться силою, а къ этому средству адмиралъ не имѣлъ полномочія прибѣгать.

Японцы тутъ ни о какихъ переговорахъ не хотѣли и слышать, а приглашали немедленно отправиться въ городъ Симодо, въ бухтѣ того же имени, лежащей въ углу огромнаго залива Іеддо, при выходѣ въ море. Туда, по словамъ ихъ, отправились и уполномоченные для переговоровъ японскіе чиновники. Туда-же чрезъ нѣсколько дней направилась и „Діана“. Въ этой бухтѣ предстояло ей испытать страшную катастрофу.

Здѣсь я кладу перо, какъ путешественникъ и авторъ. Далѣе меня не было съ плавателями, и я являюсь только редакторомъ нѣкоторыхъ ихъ воспоминаній, разсказовъ и донесеній о крушеніи „Діаны“ и о возвращеніи въ Россію.

Постараюсь сдѣлать это въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, какъ можно короче, чтобы не лишать большого интереса тѣхъ изъ читателей, которые пожелаютъ ознакомиться съ событіемъ изъ самаго рапорта адмирала, гдѣ все изложено—полно, подробно и весьма просто и удобопонятно, несмотря на обиліе морскихъ терминовъ.

Все это событіе и послѣдствія его принадлежатъ исторіи нашего мореплаванія, а теперь пока они теряются на

страницахъ мало доступнаго большинству публики спеціальнаго морского журнала.

„Однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ, рѣдкихъ явленій въ природѣ, случающихся однако чаще въ Японіи, нежели въ другихъ странахъ, совершилась гибель фрегата „Діана". Такъ начинается рапортъ адмирала къ великому князю генералъ-адмиралу,—и затѣмъ, шагъ за шагомъ, минута за минутой, повѣствуетъ о грандіозномъ событіи и его разрушительномъ дѣйствіи на берегахъ и на фрегатѣ.

Прочитавъ это повѣствованіе и выслушавъ изустные разсказы многихъ свидѣтелей,—можно наглядно получить вульгарное изображеніе событія, въ миніатюрѣ, такимъ образомъ: возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое, круговращательное движеніе—а на воду пустите яичную скорлупу, или представьте себѣ на ней миніатюрное суденышко, съ полнымъ грузомъ и людьми. Вотъ положеніе судна и людей. Но въ чашкѣ нѣтъ ни скалъ, стоящихъ въ видѣ острововъ посерединѣ, ни угловатыхъ береговъ,—а это все было въ бухтѣ Симодо.

Надо замѣтить, что бухта Симодо не закрыта съ моря, и слѣдовательно не можетъ служить безопаснымъ мѣстомъ для стоянки судовъ.

11 декабря, въ 10 часовъ утра (разсказывалъ адмиралъ), онъ и другіе, бывшіе въ каютахъ, замѣтили, что столы, стулья и прочіе предметы нѣсколько колеблются, посуда и другія вещи прискакиваютъ, и поспѣшили выйти наверхъ. Все повидимому было еще покойно. Волненія въ бухтѣ не замѣчалось, но вода какъ будто бурлила или клокотала.

Около городка Симодо течетъ довольно быстрая горная рѣчка: на ней было нѣсколько джонокъ (мелкихъ японскихъ судовъ). Джонки вдругъ быстро понеслись, не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ. Тоже необыкновенное явленіе:

тотчасъ послали съ фрегата шлюпку съ офицеромъ, узнать, что тамъ дѣлается. Но едва шлюпка подошла къ берегу, какъ ее водою подняло вверхъ и выбросило. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюпку дальше отъ воды. Съ этого момента начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище.

Вотъ рисунокъ этой картины въ двухъ-трехъ главныхъ штрихахъ.

Вслѣдствіе колебанія морского дна у береговъ Японіи, въ бухту Симодо влился громадный валъ, который коснулся берега и отхлынулъ, но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ навстрѣчу ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, громаднѣе. Они столкнулись, и не вмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, хлынувъ на берега, вплоть до тѣхъ высотъ, куда спасались люди изъ Симодо. Второй валъ покрылъ весь Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще. Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой и ломало, смывало, топило и уносило съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Изъ тысячи домовъ осталось шестнадцать и погибло около ста человѣкъ. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей и безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ: жилищъ, утвари и проч.

Все это прибило къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало, по словамъ рапорта адмирала, „какъ бы продолженіе берега“.

А что дѣлалось съ фрегатомъ въ это время?

По изустнымъ разсказамъ свидѣтелей, поразительнѣе всего казалось перемѣнное возвышеніе и пониженіе берега: онъ то приходилъ вровень съ фрегатомъ, то вдругъ возвышался саженей на шесть вверхъ. Нельзя было рѣшить, стоя на палубѣ, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря? Вращеніемъ воды кидало фрегатъ изъ

стороны въ сторону, прижимая на какую-нибудь сажень къ скалистой стѣнѣ острова, около котораго онъ стоялъ, и грозя раздробить какъ орѣхъ, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потомъ стало ворочать его то въ одну, то въ другую сторону съ такой быстротой, что въ тридцать минутъ, по словамъ рапорта, было сдѣлано имъ сорокъ два оборота! Наконецъ начало бить фрегатъ, по причинѣ перемѣнной прибыли и убыли воды, объ дно, о свои якоря, и класть то на одинъ, то на другой бокъ. И когда во второй разъ положило—онъ оставался въ этомъ положеніи съ минуту...

И страхъ, и опасность, и гибель—все уложилось въ одну эту минуту!

Всѣ уцѣпились, кто за что могъ. Все оцѣпенѣло въ молчаніи. Потомъ раздались слова молитвы: всѣ молились, кто словами, и всѣ, конечно, внутренно, такъ усердно, какъ, по пословицѣ, только молятся на морѣ!

Богъ услышалъ молитвы моряковъ и „провидѣнію“, говоритъ рапортъ адмирала, „угодно было спасти насъ отъ гибели“. Вода пошла на прибыль и фрегатъ всталъ, но въ какомъ положеніи!

Не всѣ, однако, избавились и отъ гибели: одинъ матросъ поплатился жизнью, а двое искалѣчены. Двѣ неприкрѣпленныя пушки, при наклоненіи фрегата, упали и убили одного матроса, а двумъ другимъ, и между прочимъ боцману Терентьеву, раздробили ноги.

Помню я этого Терентьева, худощаваго, рябого, лихого боцмана, всегда съ свисткомъ на груди и съ линькомъ или лопаремъ въ рукахъ. Это тотъ самый, о которомъ я упоминалъ въ началѣ путешествія и который угощалъ моего Ѳаддеева то линькомъ, то лопаремъ по спинѣ, когда этотъ послѣдній, радѣя мнѣ (безъ моей просьбы, а всегда сюрпризомъ), таскалъ украдкой прѣсную воду

на умываніе, сверхъ положеннаго количества, изъ цистернъ, во время плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ.

Нѣсколько часовъ продолжалось это возмущеніе воды при безвѣтріи и наконецъ стихло. По осмотрѣ фрегата, онъ оказался весь избитъ. Трюмъ былъ наполненъ водой, подмочившей провизію, аммуницію и все частное добро офицеровъ и матросовъ. А главное, не было болѣе руля, который, оторвавшись, вмѣстѣ съ частью фальшъ-киля, проплылъ, въ числѣ прочихъ обломковъ, мимо фрегата— „продолжать берегъ", по выраженію адмирала.

Фрегатъ разоружили: свезли всѣ шестьдесятъ орудій на берегъ и отдали на сохраненіе японцамъ, объяснивъ имъ, какъ важно для насъ, чтобы орудія не достались непріятелю. И японцы укрыли и сохранили ихъ тщательно, построивъ для того особые сараи.

Вообще они, несмотря на то, что потерпѣли сами отъ землетрясенія, оказали нашимъ всевозможную помощь и послуги. Японскія власти присылали провизію и снабжали всѣмъ нужнымъ.

Нашъ Государь оцѣнилъ ихъ услуги и, въ благодарность за участіе къ русскимъ плавателямъ, подарилъ всѣ 60 орудій японскому правительству.

Но и наши не оставались въ долгу. Въ то самое время, когда фрегатъ крутило и било объ дно, на него нанесло напоромъ воды двѣ джонки. Съ одной изъ нихъ сняли съ большимъ трудомъ и приняли на фрегатъ двухъ японцевъ, которые не охотно дали себя спасти, подъ вліяніемъ строгаго еще тогда запрещенія отъ правительства сноситься съ иноземцами. Третій товарищъ ихъ рѣшительно побоялся, по этой причинѣ, послѣдовать примѣру первыхъ двухъ и тотчасъ же погибъ, вмѣстѣ съ джонкой. Сняли также съ плывшей мимо крыши дома старуху.

Когда утихло, адмиралъ послалъ на развалины Симодо К. Н. Посьета и доктора, подать помощь раненымъ. Но, ради все того же страха, раненыхъ спрятали и объявили, что ихъ нѣтъ. Но наши успѣли мелькомъ замѣтить ихъ.

Такъ кончился первый актъ этой морской драмы,—первый потому, что „страшныя“, „опасныя“ и „гибельныя“ минуты далеко не исчерпались землетрясеніемъ. Второй актъ продолжался съ 11-го декабря 1854 по 6-е января 1855 г., когда плаватели покинули фрегатъ, или, вѣрнѣе, когда онъ покинулъ ихъ совсѣмъ, и они буквально „выбросились“ на чужой, отдаленный отъ отечества берегъ.

Фрегатъ повели, придѣлавъ фальшивый руль, осторожно, какъ носятъ раненаго въ госпиталь, въ отысканную въ другомъ заливѣ, верстахъ въ 60 отъ Симодо, закрытую бухту „Хеда“, чтобы тамъ повалить на отмель, чинить—и опять плавать. Но всѣ надежды оказались тщетными. Дня два плаватели носимы были бурнымъ вѣтромъ по заливу, и наконецъ, должны были, съ неимовѣрными усиліями, перебраться всѣ, (при морозѣ въ 4°) сквозь буруны, на шлюпкахъ, по канату, на берегъ, у подошвы японскаго Монблана, горы Фудзи, въ противоположной сторонѣ отъ бухты „Хеда“.

Съ наступленіемъ тихой погоды хотѣли, наконецъ, посредствомъ японскихъ лодокъ, дотащить кое-какъ пустой остовъ до бухты—и все-таки чинить. Если фрегатъ держался еще на водѣ въ тогдашнемъ своемъ положеніи, такъ это, сказывалъ адмиралъ, происходило между прочимъ отъ того, что цистерны въ трюмѣ, обыкновенно наполненныя прѣсной водой, были тогда пусты, и эта пустота и мѣшала ему погрузиться совсѣмъ.

Сто японскихъ лодокъ тянули его; оставалось верстъ пять, шесть до мѣста, какъ вдругъ налетѣлъ шквалъ, развелъ волненіе: всѣ лодки бросили внезапно буксиръ и

едва успѣли, и наши офицеры, провожавшіе фрегатъ, тоже, укрыться по маленькимъ бухтамъ. Пустой, покинутый фрегатъ качало волнами съ боку на бокъ...

Ночью нельзя было слѣдить за нимъ, а на утро его уже не было видно...

Когда читаешь донесенія и слушаешь разсказы о томъ, какъ погибала „Діана“, хочется плакать, какъ при разсказѣ о медленной агоніи человѣка.

Вотъ эти два числа—11 декабря, день землетрясенія, и 6 января, высадки на берегъ, какъ знаменательные дни въ жизни плавателей, и были поводомъ къ собранію нашему за двумя вышеупомянутыми обѣдами.

Наконецъ третье дѣйствіе—это возвращеніе путешественниковъ, тоже подъ страхомъ и опасностями своего рода, разными путями, въ Россію...

Такъ кончилось крушеніе „Діаны“, которое займетъ самое видное мѣсто въ лѣтописи морскихъ бѣдствій.

VII.

Къ этому остается прибавить немногое, что еще разсказывали мнѣ мои бывшіе спутники о дальнѣйшихъ своихъ похожденіяхъ и о заключеніи этой замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ экспедиціи.

Отъ подошвы Фудзи наши герои, „по образу пѣшаго хожденія“, черезъ горы, направились въ ту же бухту „Хеда“, куда намѣревались-было ввести фрегатъ, и расположились тамъ на бивуакахъ (при 4° мороза, не забудьте!), пока готовились бараки для ихъ помѣщенія, временнаго и, по возможности, не долгаго, потому что въ положеніи Робинсоновъ Крузе пятистамъ человѣкамъ долго оставаться нельзя. Надо было изыскать средство уйти оттуда какимъ бы то ни было образомъ. Дожидаться отвѣта на рапортъ, пока онъ

придетъ въ Россію, пока оттуда вышлютъ другое судно, чего въ военное время и нельзя было сдѣлать,—значитъ нести всѣ тягости какого-то плѣна. Не затѣмъ прошли сквозь всѣ гибели, чтобы киснуть на полудикомъ прибрежьѣ, сложивъ руки, когда „наши тамъ... дерутся!“ думали плаватели.

Рѣшились искать помощи въ самихъ себѣ—и для этого, ни больше, ни меньше, положилъ адмиралъ, построить судно собственными руками, съ помощью, конечно, японскихъ услугъ, особенно по снабженію всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: деревомъ, желѣзомъ и проч. Плотники, столяры, кузнецы были свои: въ команду всегда выбираются люди, знающіе всѣ необходимыя въ корабельномъ дѣлѣ мастерства. Такъ и сдѣлали. Черезъ четыре мѣсяца уже готова была шкуна, названная въ память бухты, пріютившей разбившихся плавателей, „Хеда“.

Изъ донесеній извѣстно, что наши плаватели раздѣлились на три отряда: одинъ отправился, на нанятомъ американскомъ суднѣ, къ устьямъ Амура, другой на бременскомъ суднѣ былъ встрѣченъ англійскимъ военнымъ судномъ. Но англичане приняли нашихъ не за военно-плѣнныхъ, а за претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и, раздѣливъ по своимъ судамъ, доставили ихъ, кругомъ мыса Доброй Надежды въ Европу.

Наконецъ самъ адмиралъ, на самодѣльной шкунѣ „Хеда“, съ остальною партіею около сорока человѣкъ, прибылъ тоже, едва избѣжавъ погони англійскаго военнаго судна, въ устья Амура и по этой рѣкѣ поднялся вверхъ до русскаго поста Усть-Стрѣлку, на сліяніи Шилки и Аргуни, и достигъ Петербурга.

Чего стоило одно странствованіе по этой пустынной, тогда еще не изслѣдованной нашей Миссисипи!

Самъ адмиралъ, капитанъ (теперь адмиралъ) Посьетъ, капитанъ Лосевъ, лейтенантъ Пещуровъ и другіе, да чело-

вѣкъ восемнадцать матросовъ, составляли эту экспедицію, рѣшившуюся въ первый разъ, со времени присоединенія Амура къ нашимъ владѣніямъ, подняться вверхъ по этой рѣкѣ на маленькомъ пароходѣ, на которомъ въ первый же разъ спустился по ней генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ.

Послѣдній воротился тогда въ Иркутскъ сухимъ путемъ (и я примкнулъ къ его свитѣ), а пароходъ, и при немъ баржу, открытую большую лодку, гдѣ находились неумѣщавшіеся на пароходѣ люди и провизія, предоставилъ адмиралу. Предполагалось употребить на это путешествіе до Шилки и Аргуни, къ мѣсту сліянія ихъ, въ мѣстечко Усть-Стрѣлку, мѣсяца полтора, и провизіи взято было на два мѣсяца, а плаваніе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ.

И чего не случалось съ нашими странниками! То вдругъ воды въ рѣкѣ нѣтъ и плыть нельзя, то сильно несетъ теченіемъ. То дровъ въ изобиліи, то одинъ мелкій хворостъ по берегамъ, негодный и на лучину, нечѣмъ пищу варить и топить пароходъ! Въ иныхъ мѣстахъ у туземцевъ: мангу, орочанъ, гольдовъ, гиляковъ и другихъ, о которыхъ европейскіе этнографы, можетъ-быть, еще и не подозрѣваютъ, можно было вымѣнивать сушеное оленье мясо, просо, на бисеръ, гвозди и т. п. А въ другихъ мѣстахъ было или совсѣмъ пусто по берегамъ, или жители, завидѣвъ, особенно ночью, извергаемый пароходомъ дымъ и миріады искръ, въ страхѣ бѣжали дальше и прятались, такъ что приходилось голоднымъ плавателямъ самимъ входить въ ихъ жилища и хозяйничать, брать провизію и оставлять бусы, зеркальца и т. п. предметы взамѣнъ. Сами ловили рыбу и иногда роскошничали за стерляжьей ухой, особенно въ первой половинѣ плаванія.

Когда не было лѣса по берегамъ, плаватели углублялись въ стороны, для добыванія дровъ. Матросы рубили

дрова, офицеры таскали ихъ на пароходъ. Адмиралъ порывался раздѣлять ихъ заботы, но этому всѣ энергически воспротивились, предоставивъ ему болѣе легкую и почетную работу, какъ-то: накрывать на столъ, мыть тарелки и чашки.

Въ послѣднія недѣли плаванія всѣ средства истощились: по три раза въ день пили чай и ѣли по горсти пшена—и только. Достали-было однажды кусокъ сушенаго оленьяго мяса, но не свѣжаго, съ червями. Сначала поусумнились ѣсть, но потомъ подумали хорошенько, вычистили его, вымыли и... „стали кушать". „для примѣра, между прочимъ, матросамъ".—прибавилъ К. П. П., разсказывавшій мнѣ объ этомъ странствіи. „Полно, такъ ли", думалъ я, слушая: „для примѣра ли: не по пословицѣ ли: „голодъ не тетка?"

За два дня до прибытія на Усть-Стрѣлку, гдѣ былъ нашъ постъ, начальникъ послѣдняго, узнавъ отъ посланнаго впередъ орочанина, о крайней нуждѣ плавателей, выслалъ имъ навстрѣчу все необходимое въ изобиліи, и между прочимъ теленка. Вотъ только гдѣ, пройдя тысячи три верстъ, эти не блудные, а блуждающіе сыны, добрались наконецъ до упитаннаго тельца!

Такъ кончилась эта экспедиція, въ которую укладываются вся Одиссея и Энеида—и ни Эней, съ отцомъ на плечахъ, ни Одиссей, не претерпѣли и десятой доли тѣхъ злоключеній, какія претерпѣли наши Аргонавты, изъ которыхъ *„иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!"*

Однихъ унесла могила: между прочимъ архимандрита Аввакума. Этотъ скромный ученый, почтенный человѣкъ ѣздилъ потомъ съ графомъ Путятинымъ въ Китай, для заключенія Тсянзинскаго трактата, и по возвращеніи продолжалъ оказывать пользу по сношеніямъ съ китайцами, по знакомству съ ними и съ ихъ языкомъ, такъ какъ онъ прежде прожилъ въ Пекинѣ лѣтъ пятнадцать при

нашей миссіи. Онъ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ и скончался тамъ лѣтъ восемь или десять тому назадъ.

Нѣтъ болѣе въ живыхъ также капитана (потомъ генерала) Лосева, В. А. Римскаго-Корсакова, бывшаго долго директоромъ морского корпуса, обоихъ медиковъ, Арефьева и Вейриха, лихого моряка Савича, штурманскаго офицера Попова *).

Изъ остающихся въ живыхъ—старшіе занимаютъ высокіе посты въ морской и въ другихъ службахъ, осыпаны отличіями,—младшіе на пути къ отличіямъ.

Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда какъ будто не разставался никогда.

Мнѣ поздно желать и надѣяться плыть опять въ дальнія страны: я не надѣюсь и не желаю болѣе. Лѣта охлаждаютъ всякія желанія и надежды. Но я хотѣлъ бы перенести эти желанія и надежды въ сердца моихъ читателей — и — если представится имъ случай идти (помните „идти“, а не „ѣхать“) на кораблѣ въ отдаленныя страны— предложить совѣтъ: ловить этотъ случай, не слушая никакихъ преждевременныхъ страховъ и сомнѣній. Читатель, можетъ-быть, возразитъ на этотъ совѣтъ, что довольно и того, что написано въ этой главѣ, чтобы навсегда отбить охоту къ морскимъ путешествіямъ. Напротивъ, именно этотъ разсказъ и подтверждаетъ мой совѣтъ. Какъ-же: въ то время, когда отъ землетрясенія падали города и селенія, валились скалы, гибли дома и люди на берегу,

---

*) Къ этому скорбному списку надо прибавить скончавшихся въ послѣдніе годы П. П. Бѣлавенеца, служившаго въ магнитной обсерваторіи въ Кронштадтѣ, и А. А. Халезова, извѣстнаго подъ названіемъ „дѣда“ въ этихъ очеркахъ плаванія.

фрегатъ все держался, и изъ пятисотъ человѣкъ погибъ одинъ! И послѣ, потерявъ корабль, плаватели отдѣлались благополучно и всѣ добрались домой, и большая часть живутъ и здравствуютъ донынѣ.

Русскій священникъ въ Лондонѣ посѣтилъ насъ передъ отходомъ изъ Портсмута и послѣ обѣдни сказалъ рѣчь, въ которой остерегалъ отъ этихъ страховъ. Онъ исчислилъ опасности, какія можемъ мы встрѣтить на морѣ—и напугавъ сначала порядкомъ, заключилъ тѣмъ, что „и жизнь на берегу кишитъ страхами, опасностями, огорченіями и бѣдами.—слѣдовательно, мы мѣняемъ только однѣ бѣды и страхи на другія“.

И это правда. Обыкновенно ссылаются на то, какъ много погибаетъ судовъ. А если счесть, сколько поѣздовъ сталкивается на желѣзныхъ дорогахъ, сваливается съ высотъ, сколько гибнетъ людей въ огнѣ пожаровъ и т. д., то на которой сторонѣ окажется перевѣсъ? И сколько вообще расходуется бѣднаго человѣчества по мелочамъ, въ одиночку, не всегда въ глуши какихъ-нибудь пустынь, лѣсовъ, а въ многолюдныхъ городахъ!

„А все же „страшновато“ какъ-то на морѣ: сомнѣнія, неувѣренность, одни ожиданія опасностей чего стоютъ!...“ скажутъ на это.

Да, тутъ есть правда: по человѣку врожденна и мужественность: надо будить ее въ себѣ и вызывать на помощь, чтобы побѣждать робкія движенія души и закалять нервы привычкою. Самые робкіе характеры кончаютъ тѣмъ, что свыкаются. Даже женщины служатъ хорошимъ примѣромъ тому: сколько англичанокъ и американокъ пускаются въ дальнія плаванія и выносятъ, даже любятъ большіе морскіе переѣзды!

Зато какія награды! Дальнее плаваніе населитъ память, воображеніе, прекрасными картинами, занимательными

эпизодами, обогатитъ умъ наглядным знаніемъ всего того, что знаешь по слуху,—и кромѣ того введетъ плавателя въ тѣсное, почти семейное сближеніе, съ цѣлымъ кругомъ моряковъ, отличныхъ, своеобразныхъ людей и товарищей.

И этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо—какъ рѣдкихъ и дорогихъ гостей.

PG
3337
G6
1912
t.7

Goncharov, Ivan Aleksandrovich
Polnoe sobranie sochinenii.
Izd. 4.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY